

ГОЛОСЪ МИНУВШАГО

№ 10. Октябрь. 1916.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Памяти В. И. Семевского.

	Стр.
1. С. П. МЕЛЬГУНОВЪ. Историкъ-гражданинъ I. Великое сердце. II. «Ученыя мытарства».	VII
2. А. Н. ВЕСЕЛОВСКІЙ. Изъ раннихъ воспоминаній.	XXXV
3. И. А. ЛИННИЧЕНКО. Изъ воспоминаній.	XXXVIII
4. С. Г. СВАТИКОВЪ. Учитель молодежи.	LIV
5. Е. И. ТАРАСОВЪ. Мое знакомство съ В. И. Семевскимъ.	LIX
6. А. А. КОРНИЛОВЪ. Страничка воспоминаній.	LXIII
7. А. В. ФЛОРОВСКІЙ. Научные труды В. И. Семевского.	LXVI
8. Н. И. КАРЪЕВЪ. Одна черта научной дѣятельности В. И. Семевского.	LXXIII
9. Н. Н. ФИРСОВЪ. Труды В. И. Семевского по крестьянскому вопросу.	LXXXVI
10. Н. К. ПИКСАНОВЪ. Заслуги В. И. Семевского въ наученіи русской литературы.	LXXVIII
11. А. З. ПОПЕЛЬНИЦКІЙ. Моя страничка о Василии Ивановичѣ Семевскомъ.	XCI
12. Л. С. КОЗЛОВСКІЙ. В. И. Семевскій и польскій вопросъ.	XCIV
13. И. И. ПОПОВЪ. В. И. Семевскій и Сибирь.	XCXI
14. Г. А. ЛОПАТИНЪ, Н. А. МОРОЗОВЪ, В. Н. ФИГНЕРЪ и др. Памяти усопшаго друга бывшихъ шлиссельбургскихъ узниковъ.	CXII
15. Печать о В. И. Семевскомъ.	CXIII
16. Похороны В. И. Семевского. 1. Отпѣваніе. 2. Вѣнки. 3. На могилѣ. 4. Письма и телеграммы.	CXXXIX
17. Труды В. И. Семевского.	CXLIX
18. Иллюстраціи: 1) портретъ В. И. Семевского. 2) В. И. Семевскій въ гробу. 3) Могила В. И. Семевского.	

II. Содержаніе № 10.

1. Н. И. ПРОФЕРАНСОВЪ. Изъ исторіи германскаго націонализма. Ф. Л. Янъ.	1
2. МАССОНЪ. Мемуары Россіи. V. Вступленіе Павла на престолъ. Пер. П. Степановой.	23
3. Н. И. ШАТИЛОВЪ. Изъ недавняго прошлаго.	45
4. М. Я. КОРОЛЬКОВЪ. Шпіонъ Робеспьера въ Черноморскомъ флотѣ.	72

ГОЛОСЪ МИНУВШАГО

ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ и ИСТОРІИ ЛИТЕРАТУРЫ.

(Годъ изданія IV)

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

С. П. МЕЛЬГУНОВА и В. И. СЕМЕВСКАГО (†)

№ 10. Октябрь. 1916.

МОСКВА.
Типографія Т-ва Рябушинскихъ, Отраст. бульв., Путинковскій пер., соб. домъ.
1916.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Памяти В. И. Семевского.

	<i>Стр.</i>
1. С. П. МЕЛЬГУНОВЪ. Историкъ-гражданинъ I. Великое сердце. II. «Ученія мытарства»	VII
2. А. Н. ВЕСЕЛОВСКІЙ. Изъ раннихъ воспоминаній.	XXXV
3. И. А. ЛИННИЧЕНКО. Изъ воспоминаній.	XXXVIII
4. С. Г. СВАТИКОВЪ. Учитель молодежи.	LIV
5. Е. И. ТАРАСОВЪ. Мое знакомство съ В. И. Семевскимъ.	LIX
6. А. А. КОРНИЛОВЪ. Страничка воспоминаній.	LXIII
7. А. В. ФЛОРОВСКІЙ. Научные труды В. И. Семевского.	LXVI
8. Н. И. КАРЪЕВЪ. Одна черта научной дѣятельности В. И. Семевского.	LXXIII
9. Н. Н. ФИРСОВЪ. Труды В. И. Семевского по крестьянскому вопросу.	LXXXVI
10. Н. К. ПИКСАНОВЪ. Заслуги В. И. Семевского въ изученіи русской литературы.	LXXVIII
11. А. З. ПОПЕЛЬНИЦКІЙ. Моя страничка о Василии Ивановичѣ Семевскомъ.	XCI
12. Л. С. КОЗЛОВСКІЙ. В. И. Семевскій и польскій вопросъ.	XCIV
13. И. И. ПОПОВЪ. В. И. Семевскій и Сибирь.	XCXI
14. Г. А. ЛОПАТИНЪ, Н. А. МОРОЗОВЪ, В. Н. ФИГНЕРЪ и др. Памяти усопшаго друга бывшихъ шлиссельбургскихъ узниковъ.	CXII
15. Печать о В. И. Семевскомъ.	CXIII
16. Похороны В. И. Семевского. 1. Отпѣваніе. 2. Вѣнки. 3. На могилѣ. 4. Письма и телеграммы.	CXXXIX
17. Труды В. И. Семевского.	CXLIX
18. Иллюстраціи: 1) портретъ В. И. Семевского. 2) В. И. Семевскій въ гробу. 3) Могила В. И. Семевского.	

II. Содержаніе № 10.

1. Н. И. ПРОФЕРАНСОВЪ. Изъ исторіи германскаго націонализма. Ф. Л. Янъ.	1
2. МАССОНЪ. Мемуары Россіи. V. Вступленіе Павла на престолъ. Пер. П. Степановой.	23
3. Н. И. ШАТИЛОВЪ. Изъ недавняго прошлаго.	45
4. М. Я. КОРОЛЬКОВЪ. Шпіонъ Робеспьера въ Черноморскомъ флотѣ.	72

	<i>Стр.</i>
5. В. ЕВГЕНЬЕВЪ. Н. А. Некрасовъ и люди 40 гг. IV. Письма В. П. Боткина.	81
6. И. Н. ИГНАТОВЪ. Театръ и зритель. IV. Наступленіе реализма.	109
7. Е. Е. ЯКУШКИНЪ. Записки декабриста 1823 г. «О повиновеніи высшей власти и каковой власти должно повиноваться». Съ предисловіемъ В. И. Семеваго.	133
8. ЯК. АРЕНБЕРГЪ. Изъ новѣшей исторіи Финляндіи. IV И. М. Оболенскій. Пер. подъ ред. К. Ф. Тандера.	155
9. М. Ѳ. ФРОЛЕНКО. А. С. Посниковъ и Петровская академія.	184
10. Г. И. ШРЕЙДЕРЪ. Англія, Франція и Италія (изъ итальянской печати).	188
11. Критика и библіографія. В. И. Семеваго. А. Н. Пыпинъ. Русское масонство XVIII в. С. П. Мельгуновъ. А. Н. Пыпинъ. Религіозныя движенія при Александрѣ I. В. А. Розенбергъ. Публицистъ-гражданинъ. Сборникъ памяти Г. К. Градовскаго. П. И. Зайцевъ. Сербскій эпосъ. В. И. Пичета. А. Л. Погодинъ. Краткій курсъ исторіи славянъ. Его же. «Славянскій Міръ» новая книга. Письма въ редакціи Е. Н. Семеваго. С. П. Мельгунова, Н. Ашукіна, Б. Е. Сыроѣчкова, Отъ конторы.	197
12. Объявленія. Отъ издательствъ «Запруга», «Міръ», «Огни», Фадѣева, «Жизнь и Знаніе», Гранатъ, Бухгейма, Некрасова, «Свободное искусство», «Наша Старина», Сабашниковыхъ и «Психологія и дѣти».	

СВѢТЛОЙ ПАМЯТИ
ВАСИЛІА ИВАНОВИЧА
СЕМЕВСКАГО.

Историкъ-гражданинъ.

I. Великое сердце.

Когда надъ свѣжей могилой приходится говорить послѣднее прости близкому человѣку—все стушевывается передъ личнымъ ощущеніемъ непосредственнаго горя. Какими словами можно передать то чувство глубокаго одиночества, которое испытываешь при постепенномъ осознаніи понесенной утраты, притомъ столь неожиданной—до послѣдняго момента ничто не говорило о возможности рокового конца для Василя Ивановича. Онъ умеръ дѣйствительно на посту, придя въ библіотеку Академіи Наукъ для очередной справки. Хотѣлось бы сказать, что В. И. ушелъ отъ насъ исключительно красивой смертью, если бы только возможно было примѣнять какую-либо эстетическую мѣрку къ трагедіи человѣчества, когда мыслитель, полный энергіи, силъ и замысловъ, уходитъ въ небытіе. И счастливъ тотъ, кто взамѣнъ себя оставляетъ память столь чистую и столь благородную, что она на многіе годы будетъ служить свѣточемъ, указывающимъ пути, по которымъ надо итти.

На обязанности всѣхъ, связанныхъ непосредственными отношеніями съ Василемъ Ивановичемъ, разсказать другимъ, знавшимъ его только по имени и по его работамъ, что представляла собой эта незаурядная личность. Пусть посильную лепту внесутъ и эти строки, озаглавленные «великое сердце»—и не

потому только, что за нѣсколько суровой пуританской наружностью скрывалась исключительная доброта, мягкая и нѣжная душа, отзывчивая на каждую скорбь окружавшихъ, но и потому, что это по истинѣ «великое сердце» создало совершенно особую фигуру ученаго-гражданина, выковало въ немъ какое-то стальное сознаніе долга, которое руководило всей его жизнью, всѣми его поступками, всѣми, наконецъ, научными и литературными его работами.

Онъ смѣялся, когда однажды назвали его твердокаменнымъ. Это дѣйствительно была гранитная скала, неспособная на какіе-либо компромиссы съ совѣстью, но только скала изъ плоти и духа, воспринимавшая всей полнотой нервовъ и чувствъ окружающія раны жизни; скала изъ камня, согрѣтаго горячей любовью къ ближнему. Кристалльная чистота, строгая принципиальность во всемъ, проникновенное осознаніе долга дѣлали то, что каждый встрѣчавшійся съ В. И. видѣлъ въ немъ какъ бы отраженіе и своей личной и общественной совѣсти. И понятно, что даже тогда, когда докторъ русской исторіи Василій Ивановичъ Семевскій попадалъ въ столь непривычную для ученаго міра обстановку, какъ канцеляріи департамента полиціи или аналогичныхъ учреждений, и тогда, быть можетъ, люди съ самымъ черствымъ сердцемъ испытывали передъ нимъ какое-то особое чувство стыда, выслушивали его честный голосъ и удовлетворяли подчасъ его многочисленныя ходатайства за другихъ. И даже тогда, когда эти исполнители воли его политическихъ враговъ приходили на квартиру ученаго съ обыскомъ, что много разъ повторялась въ жизни одного изъ самыхъ выдающихся русскихъ историковъ, симпатіи котораго открыто направлялись въ ту сторону, гдѣ билась жизнь, гдѣ въ мукахъ творилась молодая Россія—и тогда для убѣленнаго уже сѣдинами изслѣдователя иногда дѣлались нѣкоторыя льготы: его ночью не тревожили. Можетъ быть и здѣсь просто стыдно было. Передъ нимъ открывались запрещенные архивы—быть можетъ и здѣсь стыдно было положить препону для работъ заслуженнаго ученаго, искавшаго и въ жизни и въ наукѣ только правды, хотя иногда и правды суровой.

Не всегда, конечно, такъ было. Сорокъ лѣтъ неустаннаго научнаго труда, ознаменовавшагося появленіемъ ряда самыхъ капитальныхъ работъ по русской исторіи, которыя освѣщали затрагиваемые въ изслѣдованіяхъ вопросы съ исчерпывающей полнотой—принесли и общее признаніе и заслуженную извѣстность. А было время, когда молодой ученый извергнуть былъ изъ официальной научной среды и лишенъ былъ административ-

нымъ предписаніемъ университетской каѳедры; когда казалось ему отрѣзанъ былъ путь для той научной дѣятельности, къ которой онъ чувствовалъ совершенно исключительное призваніе, къ которой стремился съ гимназической скамьи и которую по общему голосу началъ такъ блестяще. Нужна была исключительная выдержка и твердая воля, чтобы не пасть духомъ, продолжать начатую работу и выполнить при всѣхъ препятствіяхъ поставленную цѣль.

Будучи ученымъ по призванію, ученымъ отъ природы, въ достиженіи именно этой цѣли В. И. видѣлъ выполнение своего общественнаго долга. Онъ считалъ себя идейнымъ ученикомъ великаго русскаго общественника, основоположника русскаго народничества—Н. Г. Чернышевскаго. И невольно вспоминается судьба Чернышевскаго, предназначавшаго первоначально себя для служенія наукѣ, также ученаго по призванію, также блестяще начавшаго осуществлять свою научную карьеру и также видѣвшаго въ наукѣ прежде всего общественное служеніе. Русская жизнь, какъ мы знаемъ, исковеркала эти какъ бы начертанія судьбы—можетъ быть на пользу русской общественности: Чернышевскій-профессоръ, пожалуй, сыгралъ бы меньшую роль въ исторіи Россіи, чѣмъ Чернышевскій-писатель. Онъ вышелъ на болѣе широкую арену, сталъ творцомъ новой идеологіи и загубилъ въ сущности свою жизнь въ сибирскихъ тундрахъ. Но нимбъ героизма—самый сильный созидательный факторъ... Могъ ли тотъ, кто считалъ себя какъ бы ученикомъ Чернышевскаго, тотъ, чья молодость пала на годы развитія активнаго народничества, міросозерцаніе котораго звучало въ униссонъ съ этимъ главенствующимъ тогда общественнымъ теченіемъ въ Россіи—могъ ли онъ быть ко двору въ офиціальномъ научномъ мірѣ? Конечно, нѣтъ. То, что произошло съ В. И. Семевскимъ въ 80 г.г., было неизбѣжно: онъ былъ удаленъ въ концѣ-концовъ изъ университета за политическую неблагонадежность, за темы и за направленіе своихъ курсовъ.

Сердце молодого народника-историка билось горячей любовью къ той многомилліонной массѣ, которая, по выраженію поэта-гражданина Рылѣева, была лишь «рухлядью господъ...» Эта вѣками угнетавшаяся масса была однако жизненнымъ нервомъ русской исторіи: ея прошлое опредѣляло тотъ соціальный и политическій укладъ, въ борьбу съ которымъ выступали новые кадры народнической интеллигенціи. Сюда и направлены были исканія молодого ученаго въ періодъ, когда такъ опредѣленно выяснилась передъ общественнымъ сознаніемъ половинчатость «великой реформы». Естественно, что изысканія начались съ

эпохи, когда завершилась какъ бы постройка крѣпостного зданія имперіи—съ расцвѣта крѣпостничества съ одной стороны и порожденія новой интеллигенціи, столь яркимъ представителемъ которой на рубежѣ новаго столѣтія явился «рабства врагъ» Радищевъ.

На многіе годы крестьянскій вопросъ во всей своей полнотѣ—крестьяне и борьба за освобожденіе—сдѣлался предметомъ изученія Семевского. Съ 1876 г. стали появляться отдѣльныя статьи его, объединенныя позднѣе въ двухтомной работѣ «Крестьяне въ царствованіе Екатерины II». «Подробное изученіе прошлаго народнаго быта—писалъ авторъ въ на шумѣвшей въ свое время статьѣ «Не пора ли написать исторію крестьянства въ Россіи»¹⁾. («Рус. Мысль» 1881 г.)—несомнѣнно прольетъ совершенно новый свѣтъ на многія событія нашей исторіи, низведетъ съ пьедестала нѣкоторыя личности, не по заслугамъ возвеличенныя, но зато воздастъ должное еще недостаточно оцѣненнымъ и, наконецъ, быть можетъ, даже вызоветъ *совершенно новое построеніе русской исторіи*» (Курс. нашъ).

Въ другомъ мѣстѣ будетъ охарактеризовано значеніе трудовъ В. И. Семевского. Здѣсь намъ хотѣлось бы говорить лишь о его личности, чрезвычайно ярко проявившейся и въ научныхъ трудахъ. Для него этотъ научный трудъ былъ какъ бы выполненіемъ лежащаго на немъ общественнаго долга. И, быть можетъ, немногіе ученые относились и относятся такъ къ своимъ работамъ—онъ считалъ своей нравственной обязанностью дать по возможности исчерпывающій матеріалъ. Онъ былъ въ этомъ отношеніи щепетилень до чрезвычайности, но именно эта щепетильность и сдѣлала изъ работъ В. И. совершенно исключительное явленіе. Онѣ, можно сказать, никогда не устарѣютъ, и изслѣдователи будутъ излагать вопросы, затронутые въ его трудахъ, почти всегда «по Семевскому».

Отъ изученія крестьянскаго вопроса В. И. логично перешелъ къ изученію идей родоначальниковъ русскаго освободительнаго движенія—декабристовъ: освобожденіе политическое неразрывно связывалось съ социальнымъ раскрѣпощеніемъ—декабристы, какъ политическіе дѣятели, первые пытались конкретно разрѣшить крестьянскій вопросъ. Въ результатъ появился другой огромный трудъ «Политическія и общественныя идеи декабристовъ»—трудъ, въ дѣйствительности, охватывающій не только декабристовъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, но и всѣ преобразовательные планы и теченія въ первой четверти XIX в. (до

¹⁾ Это именно статья и послужила началомъ преслѣдованія В. И.

характеристики массоновъ включительно). Работа основывалась на многолѣтнемъ изученіи вопроса, но любопытно, что В. И. ее выпустилъ только тогда, когда передъ нимъ открылась послѣ 1905 г. возможность изучить самое слѣдственное дѣло декабристовъ, т.-е. когда представилась возможность болѣе или менѣе исчерпывающе на основаніи подлинника обследовать основныя идеи декабристовъ. Вотъ почему работа В. И. Семевского о декабристахъ никогда не устарѣетъ. Ее будутъ дополнять еще фактами, но основное всегда будетъ излагаться именно «по Семевскому», вслѣдствіе того особаго метода, которымъ отличались его работы — кропотливая скрупулезность, тщательность анализа каждой мелочи, привлеченіе колоссальнаго архивнаго матеріала.

Передъ нами черновикъ одного изъ раннихъ писемъ В. И., чрезвычайно ярко характеризующій этотъ методъ работы. Въ 1879 г. по инициативѣ профессоровъ И. И. Дитятинъ, А. И. Кирпичникова и А. С. Лебедева Семевскому было предложено баллотироваться для занятія каведры въ харьковскомъ университетѣ. Къ профессурѣ съ раннихъ юношескихъ лѣтъ лежала «вся душа» историка. Но диссертация не была еще готова, не была готова потому, что послѣ ея напечатанія въ рядѣ статей изслѣдователемъ былъ открытъ новый матеріалъ. Диссертация подверглась переработкѣ. Друзья-ученые уговариваютъ представить пока какую-либо изъ статей—вѣдь и этого достаточно для защиты на офиціальную ученую степень. В. И. рѣшительно отвергаетъ это предложеніе. «Я по возможности тороплюсь—пишетъ онъ—но приступить къ изданію, прежде чѣмъ я сдѣлаю все для обработки труда, что считаю своимъ долгомъ,—я не въ состояніи»... «Даже и теперь только представляющійся случай смѣны исключительно кабинетной дѣятельности на живое слово заставляетъ меня сдѣлать надъ собой насиліе и появиться въ научномъ мірѣ съ далеко неоконченнымъ трудомъ ¹⁾. Такія задачи, какъ исторія крестьянъ, хотя бы и въ одинъ какой-либо періодъ, неудержимо влечетъ къ изученію предшествовавшихъ и послѣдующихъ эпохъ и по настоящему тутъ слѣдовало бы поставить себѣ въ образецъ Маурера, который лишь послѣ двухъ-трехъ десятковъ лѣтъ монографической работы приступилъ къ изданію своего многотомнаго классическаго труда».

Можно лишь преклоняться передъ этой изумительной научной честностью, передъ этимъ проникновеннымъ сознаниемъ отвѣт-

¹⁾ Рѣчь идетъ о «Крестьянахъ при Екатеринѣ II»: первый томъ появился въ 1881 году; второй черезъ 20 лѣтъ, третій сохранился все еще въ необработанномъ видѣ въ бумагахъ В. И.

ственности при выполненіи принятыхъ на себя обязанностей. И я думаю, что такая черта Василія Ивановича должна быть въ значительной степени объясняема именно тѣмъ, что онъ въ своей научной работѣ видѣлъ выполненіе общественнаго долга. Ученый по призванію, ученый по всѣмъ своимъ наклонностямъ, онъ отказывался отъ активной политической борьбы, уходилъ въ книгу и въ архивныя изысканія, но эта работа должна была служить фундаментомъ для той же политической борьбы. И съ полнымъ правомъ Василія Ивановича Семевского можно было бы назвать политическимъ борцомъ. Наука для науки ему была непонятна. Человѣкъ, побывавшій для своихъ работъ чуть ли не во всѣхъ русскихъ архивахъ, привлекавшій, какъ никто, пожалуй, другой, неимовѣрное количество первоисточниковъ къ изслѣдованіямъ, былъ совершенно чуждъ ученому гелертерству, въ какой бы формѣ оно ни проявлялось. Щепетильный къ своимъ трудамъ, гдѣ все до послѣдней строки тщательно провѣрялось и обдумывалось, онъ все же болѣе всего цѣнилъ живую мысль: «лучше спорить, хотя бы и съ извѣстнымъ недостаткомъ въ трудѣ—говорилъ Семевскій въ 1884 г. на диспутѣ проф. Замысловскаго, этого типичнаго представителя школы «источниковѣдѣнія—чѣмъ только раскладывать источники и любоваться». Диссертации, на подобіе докторской диссертации Замысловскаго «Герберштейнъ и его историко-географическія извѣстія о Россіи» В. И. находилъ «болѣе комментаріями, чѣмъ диссертациями». И до конца жизни онъ осуждалъ эту мертвечину въ наукѣ и такъ часто въ письмахъ скорбѣлъ, что молодые ученые и въ наше время идутъ нерѣдко по пути, проторенному Замысловскимъ.

В. И. Семевскому и отъ науки хотѣлось жизни. «Историки—писалъ какъ-то онъ—не могутъ, если только они не утратили сознанія своей главной обязанности, отказываться отъ необходимости отвѣчать на запросы современной жизни посредствомъ правдиваго изображенія прошлаго». И вспоминая эти слова В. И., адресъ общественныхъ дѣятелей въ день двадцатипятилѣтія научной дѣятельности Семевского (въ 1899 г.) говорилъ: «Въ наукѣ Вы видѣли не только теоретическое знаніе, но и свѣточъ, озаряющій путь современной жизни и средство выполнить тѣ обязательства, какія лежатъ на всякомъ мыслящемъ человѣкѣ по отношенію къ обществу и прежде всего къ трудящимся классамъ».

Да, Семевскому по праву принадлежитъ наименованіе историка-гражданина.

Историкъ русскаго крестьянина въ послѣдовательномъ своемъ развитіи дѣлался историкомъ русской общественности. За декабристами слѣдовали петрашевцы—этимъ первымъ русскимъ социа-

листамъ посвящена третья основная группа изслѣдованій В. И. Семеvскаго (мы не говоримъ уже о множествѣ отдѣльныхъ статей, посвященныхъ разнообразнымъ вопросамъ — приблизительный пока списокъ трудовъ В. И. помѣщается ниже,— изъ которыхъ каждая всегда представляла собой какъ бы небольшое изслѣдованіе, основанное на массѣ неизданнаго матеріала, напр., о Кирилло-Меѳодіевскомъ братствѣ и др.). Какъ всегда и это изслѣдованіе первоначально стало появляться на страницахъ журналовъ. Василій Ивановичъ не дожилъ до появленія въ печати послѣднихъ статей изъ указаннаго цикла. Но самимъ изслѣдователемъ трудъ этотъ завершенъ и въ будущемъ году онъ появится въ отдѣльномъ изданіи.

Нововременскіе публицисты въ лицѣ Меньшикова подхватили фразу въ некрологѣ, написанномъ П. Н. Милюковымъ въ «Рѣчи» — Семеvскаго нельзя было читать, а надо было изучать. Быть можетъ, для тѣхъ, кто въ моральномъ загрязненіи готовъ гнусность написать и надъ свѣжей могилой, слѣдовало бы сказать по другому — Семеvскаго надо было не только читать, но и изучать. Мало диссертаций и научныхъ трудовъ, которые могутъ печататься въ общихъ журналахъ — это монополія немногихъ. Журналъ имѣть въ виду интересы читающаго интеллигента. Но темы, поднимавшіяся В. И. Семеvскимъ, матеріалы, излагаемые имъ, имѣли такой всегда животрепещущій интересъ современности, что любая статья его дѣлалась украшеніемъ журнальной книги, хотя авторъ былъ очень далекъ отъ погони за красочнымъ изложеніемъ. Семеvскаго именно читали. Но каждая его строка была обоснована такой эрудиціей, матеріалъ привлекался столь значительный, что любая статья дѣйствительно должна была изучаться специалистами. Глубоко правъ былъ П. Н. Милюковъ. Даже популярныя статьи В. И., простая словарная замѣтка въ энциклопедіи *всегда* заключали въ себѣ что-либо новое. Это тоже исключительная черта, присущая едва ли не одному В. И. — онъ не могъ пересказывать даже своего, не внося новаго, почерпнутаго почти всегда изъ архива.

Одни научныя труды В. И. являются уже вѣчнымъ и неразрушающимся памятникомъ ему. При жизни В. И. не хотѣлъ этого признавать. Онъ исполнялъ лишь свой общественный долгъ, исполнялъ его по мѣрѣ силъ своихъ такъ, какъ подсказывала это его горячая любовь къ русскому народу. Люди, исполняющіе свой долгъ, не требуютъ ни лавровъ, ни пышныхъ заявленій и признаній. Трогательная скромность отличала въ этомъ отношеніи едва ли не самаго извѣстнаго русскаго историка. Два года назадъ происходило въ небольшомъ кругѣ чествованіе В. И. Семеvскаго

по поводу его сорокалѣтней научной дѣятельности. Юбилляръ отказался отъ официального чествованія, тѣмъ не менѣе и многочисленные друзья, и многочисленныя депутаціи собрались на квартирѣ Семевскихъ. Получено было до 200 телеграммъ изъ разныхъ концовъ Россіи. И Василій Ивановичъ больше всего боялся, что вдругъ я, безъ его согласія, напечатаю въ журналѣ объ юбилеѣ. Онъ много разъ повторяетъ въ своихъ письмахъ, что считаетъ это крайне неудобнымъ. «Въ «Русскомъ Богатствѣ»—писалъ В. И.—это дѣлается относительно умершихъ». И могли ли мы думать, что наступитъ такъ скоро время, когда эти привѣтствія смогутъ найти мѣсто въ журналѣ, редактированію котораго В. И. посвятилъ свои послѣдніе годы. 31 марта онъ писалъ мнѣ: «На-дняхъ приходили меня фотографировать по поводу моего юбилея въ обстановкѣ моего кабинета (портретъ этотъ мы воспроизводимъ)... Я подчинился этой операціи. Кстати по этому поводу я очень прошу Васъ, дорогой С. П.,—не вздумайте напечатать мой портретъ въ нашемъ журналѣ. Я считаю это совершенно неприличнымъ».

В. И. остался «чрезвычайно доволенъ» своимъ юбилеемъ—его прельстила болѣе всего та задушевная обстановка, та сердечность, которая сопровождала скромное чествованіе и такъ гармонически сливалась съ образомъ всѣми любимаго юбиляра. Этотъ юбилей вообще чрезвычайно характеренъ для моральнаго облика В. И. Среди друзей была мысль для объединенія всѣхъ желающихъ привѣтствовать В. И. устроить подписной ужинъ. Долго мы убѣждали нашего непреклоннаго стараго друга. Одно время онъ колебался подъ дружественнымъ натискомъ и согласился при условіи, что ужинъ и пр. будутъ стоить минимальную сумму. Какъ ни трудно было устроить такое демократическое чествованіе, оно могло бы наладиться, если бы въ концѣ-концовъ В. И. не отказался, не желая вводить кого-либо въ хлопоты и въ денежные расходы. Это лишь небольшая черточка, но чрезвычайно характерная для пуританскихъ воззрѣній В. И.—чрезвычайная щепетильность отличала его во всей жизни...

Повторяю, юбилеемъ своимъ В. И. остался «чрезвычайно доволенъ». «Мнѣ кажется, — писалъ онъ—въ какомъ-нибудь ресторанѣ онъ не такъ удался бы, не былъ бы такимъ сердечнымъ». И особенно его тронулъ адресъ «Всероссійскаго Литературнаго Общества», то—писалъ В. И.—что «я названъ въ адресѣ горячимъ поборникомъ идей социализма». Не опредѣлилъ ли этимъ словомъ самъ В. И. то, что онъ болѣе всего цѣнилъ въ своей научной работѣ, то, къ чему должны были вести всѣ его изслѣдованія? Народно-соціалистъ возводилъ свое фундаментальное научное

зданіе, какъ базу для обоснованія общественнаго развитія. Это именно и подчеркивалъ указанный выше адресъ: «Убѣжденный сторонникъ политическаго равновѣсія всѣхъ гражданъ и проведенія свободы въ формахъ управленія, горячій поборникъ идей социализма. Вы умѣли сочувственно отнестись къ прошлымъ движеніямъ въ этомъ направленіи въ русскомъ обществѣ и оживить передъ нами эти типы прошлаго, которые служатъ предтечами лучшаго будущаго».

Лишенный университетской аудиторіи, объ этомъ лучшемъ будущемъ В. И. говорилъ молодежи въ своихъ литературныхъ трудахъ, но говорилъ ей и непосредственно въ томъ вольномъ университетѣ, который образовался у него на квартирѣ. Здѣсь онъ читалъ цѣлыя лекціи, здѣсь онъ руководилъ научными занятіями многихъ и многихъ не только юношей и молодыхъ ученыхъ. «Приватный университетъ»—только въ Россіи могло быть такое своеобразное учрежденіе. Но такъ было въ дѣйствительности. Вотъ адресъ «ученицъ», преподнесенный В. И. въ 1899 г.: «Вы были,—говорили его приватныя слушательницы,—за все это время не только неоцѣненнымъ учителемъ, но и лучшимъ нашимъ другомъ. Къ Вамъ на судъ смѣло несли мы наше горе и радость». А вотъ и другой адресъ отъ учащейся университетской молодежи, подписанный болѣе, чѣмъ 800 ея представителей. Быть можетъ немногіе активные университетскіе преподаватели получаютъ такія привѣтствія: «Вы широко открыли молодежи свои двери и такимъ образомъ нашли возможность учить ее и быть ей полезной и помимо университета».

«Къ вамъ на судъ смѣло несли мы наше горе и радость»—какъ вѣрно охарактеризованъ здѣсь человѣкъ, дѣлавшійся для многихъ «вмѣсто отца». Какъ вѣрно передано здѣсь настроеніе, господствовавшее не только въ ученомъ кабинетѣ историка, но и среди всей окружавшей его обстановки. Вѣрной помощницей въ жизни В. И. была Елизавета Николаевна, такъ много потрудившаяся и такъ много сдѣлавшая для воспитанія молодого поколѣнія въ духѣ тѣхъ идеаловъ, которые они оба раздѣляли. Эта гармонія душъ, эта обстановка чистоты и честности дѣлали семью Семевскихъ дѣйствительно своего рода свѣтильникомъ жизни для всѣхъ, кто только сталкивался съ ней и въ общественной и въ частной жизни. Свѣтильникъ не угасъ и теперь—и это большое счастье.

Обозрѣвая жизнь В. И., въ недоумѣніи останавливаешься передъ богатствомъ ея внутренняго содержанія. Казалось бы при всепоглощающихъ научныхъ занятіяхъ, притомъ въ значительной степени еще архивныхъ, не могло найтись мѣста для другихъ

занятій. Когда В. И. находилъ просто время съ такой отзывчивостью относиться ко всѣмъ нуждамъ, которыя скапливались вокругъ него? Очевидно «великое сердце» удесетеряло и такъ уже изумительную трудоспособность. Въ его дѣятельности «наука и жизнь» дѣйствительно неотдѣлимы другъ отъ друга. Живая совѣсть заставляла всегда остро реагировать на то, что становилось для него первѣйшей обязанностью. В. И. никогда не запирался въ своемъ кабинетѣ, всегда участвовалъ въ общественной жизни. Въ 1901 г. происходитъ избиеніе на Казанской площади молодежи, составляется общественный протестъ—его пишетъ В. И. Семевскій. Въ 1905 г. В. И. вмѣстѣ съ другими является передъ правительствомъ представителемъ интеллигенціи, пытавшейся предотвратить кровавое 9 января, и вмѣстѣ съ другими знаменитый русскій историкъ надѣваетъ арестантскій халатъ; въ 1906 г. онъ одинъ изъ основателей партіи народныхъ социалистовъ... Его общественныя симпатіи со всѣми тѣми, которые въ силу специфическихъ русскихъ политическихъ условий дѣлаются невольными поселенцами Сибири, той далекой окраины, которой посвящено одно изъ его изслѣдованій, касающееся положенія рабочихъ на золотыхъ промыслахъ и увѣнчанное Самариновской преміей. Тяжело положеніе этихъ загнанныхъ на далекую чужбину безъ матеріальныхъ средствъ, безъ моральной поддержки. Историкъ знаетъ на примѣрахъ прошлаго, какъ пагубно можетъ отозваться на болѣе слабыхъ это насильное отчужденіе отъ культурнаго міра. И онъ ласковымъ словомъ, дружественной строкой старается поддерживать бодрость духа. Демократъ, живущій на свой литературный заработокъ, всемѣрно думаетъ о матеріальной помощи заброшеннымъ въ тундры и сибирскіе снѣга. Забывается наука, забываются любимыя книги и архивы, и престарѣлая уже фигура появляется въ столь мало имѣющихъ общее съ наукой полицейскихъ канцеляріяхъ въ хлопотахъ за пострадавшихъ—и такъ часто невинно.

Пусть расскажутъ объ этомъ другіе. Но развѣ не исключеніе такой обликъ ученаго? Только человѣкъ съ великимъ сердцемъ могъ такъ гармонически соединить въ себѣ казалось бы столь различные элементы—науку и жизнь. Его всегда влекло на защиту угнетенныхъ. Имъ посвящались всѣ его научные труды. Естественно, что именно Семевскій въ дни свободъ долженъ былъ встать во главѣ шлиссельбургскаго комитета, взявшаго на себя заботы о тѣхъ выдающихся русскихъ общественныхъ дѣятеляхъ, живыхъ покойникахъ, которые долгіе годы заключены были въ крѣпостныхъ казематахъ. Русская весна разбила эти око-

вы, и старый ученый, въ комъ сердце билось такъ энергично до послѣднихъ дней, конечно, ихъ будетъ привѣтствовать однимъ изъ первыхъ. Естественно, что и въ наши дни, когда передъ русскимъ обществомъ остро, какъ никогда, еще всталъ наболѣвшій еврейскій вопросъ, когда на многострадальный народъ обрушились новыя неимовѣрныя бѣдствія, В. И., перегруженный научной и редакціонной работой, приметъ самое близкое участіе въ новомъ «Русскомъ Обществѣ изученія еврейской жизни».

Его влекло болѣе всего къ наукѣ, гдѣ онъ былъ полнымъ хозяиномъ. Но сердце заставляло бросать науку и вступать въ самую гущу жизни. И если у В. И. не создавалось коллизіи между умомъ и чувствомъ, если онъ умѣлъ, не отрѣшаясь отъ жизни, такъ много дѣлать въ наукѣ, сочетать науку съ лучшей гражданственностью—то это объясняется исключительной способностью работать. Не законно ли однако спросить, что было бы, если бы В. И. Семеваго работалъ въ иныхъ политическихъ и культурныхъ условіяхъ, если бы ему не приходилось такъ часто отвлекаться въ сторону, чуждую, казалось бы, непосредственнымъ задачамъ науки?

Исключительная работоспособность В. И. въ той же мѣрѣ проявлялась и въ работѣ по журналу, однимъ изъ основателей котораго онъ былъ. «Голосу Минувшему» было посвящено почти все время послѣднихъ четырехъ лѣтъ его жизни. На моей прямой обязанности рассказать и объ этой работѣ, такъ какъ и редакторомъ В. И. былъ совершенно исключительнымъ. Достаточно сказать, что за четыре года у меня скопилось болѣе 1000 писемъ отъ него, въ которыхъ детальнѣйшимъ образомъ обсуждаются различные вопросы, связанные съ журналомъ, въ которыхъ поднимается много принципиальныхъ вопросовъ. Но да позволено мнѣ будетъ объ этомъ говорить когда-нибудь въ другое время. Слишкомъ близка была наша связь по журналу, слишкомъ живы еще наши недавнія непосредственныя отношенія, слишкомъ горько еще перелистывать эти письма, каждой строкой своей больно напоминающія о понесенной утратѣ. Ни сознаніе, ни чувство еще съ нею не примирились.

Василій Ивановичъ къ каждой своей работѣ относился съ чрезвычайной щепетильностью. Онъ долго колебался, прежде чѣмъ принять на себя обязанность редактора историческаго журнала, зная, какъ много времени и труда должна отнять организація журнала, построеннаго притомъ и съ матеріальной стороны на принципѣ товарищескаго содружества. Но разъ эта обязанность принята—долгъ заставляетъ со всей строгостью

выполнять принятыя обязательства: В. И. по своей натурѣ неспособенъ былъ находиться на положеніи фиктивного редактора, какъ это часто бываетъ съ крупными именами. Этой нравственной отвѣтственностью за дѣло, въ которомъ онъ участвуетъ, опредѣлялся и характеръ работъ. Онъ былъ центральной фигурой—и такъ было неизбѣжно при его колоссальной эрудиціи. Въ области знаній В. И. представлялъ собой довольно исключительное явленіе среди русскихъ историковъ. Цѣлый рядъ вопросовъ, касающихся исторіи западной Европы, былъ имъ изученъ, что называется, досконально, изученъ въ силу необходимости. Онъ не могъ говорить о русскихъ фурьеристахъ, не изучивши по первоисточникамъ ученія Фурье. Для пониманія Фурье надо было вдуматься и обследовать всѣ философско-соціальныя системы и предшествовавшія и послѣдующія. Онъ, конечно, преодолѣлъ это необъятное море матеріаловъ, писателей и системъ. Такъ ставилось В. И. изученіе идей кружка петрашевцевъ и другихъ соціальныхъ теченій въ Россіи, имъ близкихъ. Такъ ставилось изученіе и декабристовъ.

Понятна отсюда та исключительная роль, которую долженъ былъ играть В. И. въ нашемъ журналѣ — ему онъ отдавался «всецѣло». Иногда какъ-то стыдно было, что крупнѣйшій русскій историкъ, полный еще творческихъ замысловъ въ связи съ собраннымъ и необработаннымъ еще имъ матеріаломъ, отвлекался отъ своихъ работъ для кропотливаго и мелочнаго подчасъ труда, справокъ, чтенія корректуръ—но по другому В. И. работать не умѣлъ.

Журналъ для В. И. былъ «общественнымъ дѣломъ», а «въ общественномъ дѣлѣ—писалъ онъ однажды—я никогда не руководствуюсь личными отношеніями, ни дружественными, ни враждебными». Этими словами опредѣлялась редакторская позиція Василя Ивановича. Многое и многое можно рассказать въ этой области характерное для его нравственнаго облика и мы, конечно, должны будемъ это сдѣлать.

Теперь передъ могильнымъ холмомъ еще трудно подводить исчерпывающіе итоги его дѣятельности. Можно набросать лишь нѣсколько штриховъ для обрисовки незабываемаго облика русскаго историка-гражданина. Онъ ушелъ отъ насъ, оставивъ неизгладимые слѣды въ русской общественности, какъ и его старшіе учителя.

И именно въ наши дни эта потеря должна чувствоваться съ особой болью и остротой. Въ эпоху общественной разрухи, въ эпоху какъ бы паденія моральныхъ цѣнностей, въ эпоху всеобщаго разлада, какъ-то жутко становится передъ зіяющей про-

пастью. Уходятъ могикане русской общественности; уходятъ тѣ, которые сумѣли прожить жизнь, сохранивъ всю чистоту своего моральнаго облика и строгой, пусть скажутъ пуританской, принципиальности. Кто придетъ имъ на смѣну? Кто возьметъ въ свои руки зажженный ими свѣтильникъ? Кто обратится къ молодежи съ бодрымъ призывомъ, одушевлявшимъ поколѣнія—все для народа, все для торжества правды? Кто скажетъ магическое слово—долгъ прежде всего?

Пусть, по крайней мѣрѣ, свѣтлая память о Василии Ивановичѣ Семеvскомъ олицетворить собой эту необходимую намъ общественную совѣсть.

II. «Ученыя мытарства».

Такъ назвалъ какъ-то въ одномъ изъ своихъ писемъ въ дни молодости ученую карьеру В. И. Семеvскаго его болѣе молодой товарищъ проф. И. А. Линниченко. И дѣйствительно это были какія-то сплошныя ученыя мытарства, совершенно исключительныя даже и для русской жизни, которая пріучила насъ къ самымъ невѣроятнымъ возможностямъ.

Въ годы, когда лишены были каведры В. И., изъ университетовъ должны были уйти В. А. Гольцевъ, С. А. Муромцевъ и М. М. Ковалевскій; на волоскѣ висѣла профессура Н. И. Стожаренко и А. Н. Веселовскаго. Въ годы «расчистки университетовъ», въ годы осуществленія «давно предполагавшагося проекта объ упраздненіи наукъ въ Россіи», какъ выражался въ письмѣ одинъ изъ товарищей В. Ив., — болѣе, чѣмъ естественно, что среди «16», намѣченныхъ къ удаленію, былъ и Семеvскій, который пріобрѣлъ съ первыхъ же лѣтъ своей научной и недолгой академической дѣятельности и авторитетное имя и большую популярность среди студенчества. Да, это было естественно, во всякомъ случаѣ было неизбежно. Человѣкъ возрѣвній Семеvскаго, его высокой честности и убѣжденности не могъ удержаться въ офиціальному мірѣ, хотя бы только академическомъ. Недаромъ много лѣтъ спустя, когда вновь (въ 1906 г.) была выдвинута кандидатура В. И. въ Одесскомъ университетѣ ¹⁾, онъ писалъ между прочимъ въ своемъ отказѣ: «мы переживаемъ такія времена, что если и допустить возможность выбора меня совѣтомъ, я могу быть неутвержденъ, или затѣмъ изгнанъ, или самъ сочту своимъ долгомъ выйти изъ состава профессоровъ». Это было пророческое предвидѣніе — В. И. очень

¹⁾ См. ниже статью И. А. Линниченко.

скоро долженъ былъ бы, конечно, уйти изъ обновленнаго ново-россійскаго университета.

А времена въ 80 гг., пожалуй, были еще хуже,—дѣло доходило до полнаго «безстыдства», какъ выражается въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Семевскому Н. И. Стороженко. Припомните, какъ министерство народнаго просвѣщенія вкупѣ съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ дѣлаетъ представленіе синоду о диссертациі Ф. А. Терновскаго «Греко-восточная церковь въ періодъ вселенскихъ соборовъ»: не слѣдуетъ де «прикрывать научнымъ покровомъ лицемѣрія»; припомните, какъ одинъ изъ «лучшихъ» профессоровъ харьковскаго университета) деканъ юридическаго факультета А. И. Стояновъ не разрѣшилъ печатать магистерской диссертациі М. М. Ковалевскаго «Исторія полицейской администраціи въ англійскихъ графствахъ», ибо *нельзя* говорить о полиціи, хотя и XIII вѣка ¹⁾ — и не станетъ ли ясно, какія затрудненія долженъ былъ испытывать В. И. Семевскій, избравшій темой своего изслѣдованія недозволенный еще къ изученію въ то время крестьянскій вопросъ. Изученіе дѣйствительно не было дозволено и позже или вѣрнѣе признавалось «преждевременнымъ»: въ «Голосѣ Минувшаго» (1915 г. № 2) былъ уже опубликованъ характерный отказъ гр. Д. А. Толстого на просьбу Б. В. Струве, занимавшаго въ свое время видныя административныя посты, разрѣшить доступъ къ дѣламъ министерства внутреннихъ дѣлъ для составленія историческаго очерка приведенія въ исполненіе положенія 19 февраля 1861 г. въ области уральскихъ горныхъ заводовъ. Молодой ученый, не занимавшій никакихъ административныхъ постовъ, естественно былъ въ худшемъ положеніи—изученіе такого вопроса само по себѣ уже включало извѣстные признаки такъ называемой политической неблагонадежности.

Однако профессорская карьера В. И. Семевскаго протекала при такихъ своеобразныхъ *бытовыхъ* условіяхъ, что даже для своего времени явилась исключительнымъ фактомъ. Эта позорная страница изъ жизни русскихъ университетовъ была уже кратко рассказана по записямъ со словъ самого В. Ив. С. Я. Штрайхомъ въ «Днѣ» на другой день послѣ кончины Семевскаго. Мы имѣемъ возможность пополнить рассказъ С. Я. Штрайха не менѣе характерными деталями.

Учителемъ В. И. былъ извѣстный русскій историкъ, «строгій, серьезный ученый, неуклонно вѣрный принципу исторической объективности», какъ говорится въ энциклопедіи Брокгауза и Эфрона. По отношенію къ Семевскому неуклонный Бестужевъ—

¹⁾ Этотъ счастливый для Москвы случай заставилъ М. М. Ковалевскаго бросить Харьковъ.

Рюминъ измѣнилъ однако своему «принципу исторической объективности», проявивъ, правда, большое упорство въ преслѣдованіи «революціонера»-ученаго. В. И. Семевскій, напечатавъ въ журналахъ рядъ статей о крѣпостныхъ крестьянахъ, приготовилъ свою магистерскую диссертацию—«замѣчательный трудъ», признанный теперь всѣми специалистами. Диссертация печаталась въ «Запискахъ» петербургскаго историко-филологическаго факультета; печатаніе шло «безпрепятственно» до весны 1881 года... Событія 1 марта неожиданно все перемѣнили, и Бестужевымъ-Рюминымъ овладѣлъ «паническій ужасъ, очевидно навѣянный тревогами дня»—говоритъ современникъ, описавшій черезъ годъ въ «Вѣстникѣ Европы» (1882 г., № 5) эпизодъ съ магистерской диссертацией В. И. Семевского. Читатель надѣюсь не будетъ претендовать, если я приведу большую выдержку изъ этого описанія, такъ какъ Z, дававшій отчетъ о диспутѣ въ Москвѣ, былъ, какъ оказывается, не кто иной, какъ Алексѣй Николаевичъ Веселовскій. (См. его статью, помѣщенную ниже).

«Введеніе показалося профессору-специалисту особенно чудовищнымъ»—какъ можно допускать въ дни траура въ официалномъ университетскомъ изданіи критику «величайшаго акта только что закончившагося царствованія» ¹⁾.

«Сначала пошла рѣчь объ его измѣненіи—писалъ А. Н. Веселовскій, — затѣмъ было отказано и въ этомъ соглашеніи, и вся книга подвергнута была неумолимому осужденію. Напрасны были ссылки на то, что введеніе тоже было въ свое время напечатано въ одномъ журналѣ и не вызвало никакихъ репрессій; сличеніе положенія крестьянъ въ настоящее время съ ихъ обстановкой при Екатеринѣ и въ особенности сопоставленіе возрастающаго безземелья крестьянъ съ большими надѣлами (до 29 десятинъ на душу) въ прошломъ столѣтіи, казалось уже верхомъ вольнодумства; горячо написанныя страницы введенія, гдѣ авторъ, почти поэтизируя важность работъ по исторіи народа, взываетъ къ молодымъ силамъ, стараясь заохотить ихъ къ этому, съ виду благодарному труду, приняли отгѣнокъ политически опасный. Отдѣльныя выраженія, даже слова показались страшными, — и запретъ былъ крѣпко наложенъ.

Сочлены встревоженнаго специалиста (за немногими исключеніями) не отважились разубѣдить его; частныя попытки не привели ни къ чему; книга, признанная хорошей, солидною работою, страдала изъ-за своего *направленія*; свобода научнаго изслѣдованія не признавалась вовсе; а сочувствіе народу, должно быть,

¹⁾ Небезынтересно припомнить, что послѣ 1 марта Бестужевъ требовалъ запрещенія «Порядка» Стасюлевича.

показалось факультету, имѣющему въ своей средѣ нѣсколькихъ славянофиловъ, чѣмъ-то непозволительнымъ. Со стороны автора сдѣлана была уступка, и мало-мальски неудобныя мѣста, указанныя ему факультетомъ, были исключены. Но и это не помогло. То, что свободно говорилось въ ту пору въ «Отечественныхъ Запискахъ», обсуждалось въ засѣданіяхъ Вольнаго Экономическаго общества, на что указывала даже газета «Русь», казалось непозволительнымъ въ пространномъ фактическомъ изслѣдованіи. Тѣмъ не менѣе книга была уже вся напечатана въ факультетскихъ запискахъ, отвратить ея появленіе въ отдѣльномъ изданіи невозможно было, и непринятіе ея въ качествѣ диссертациі становилось тѣмъ страннѣе.

Итакъ надъ В. И. Семевскимъ въ Петербургѣ творилось насиліе. Надо сказать, что большую роль сыграла личная неприязнь учителя къ ученику или вѣрнѣе недовольство его поведеніемъ. Еще въ студенческіе годы В. И. участвовалъ въ делегаціи отъ студентовъ-филологовъ съ протестомъ противъ Замысловскаго, протеже Бестужева-Рюмина, типичнаго русскаго геллертера. Этотъ фактъ, приводимый С. Я. Штрайхомъ, можетъ быть пополненъ еще другимъ: В. Ив. рассказывалъ мнѣ, что у него было какъ-то рѣзкое столкновеніе съ Б.-Р. изъ-за какой-то статьи Драгоманова—въ то время уже эмигранта,—которую С. позволилъ себѣ одобрить. Это тѣ студенческіе «грѣхи» и припомнились, когда такъ остро всталъ вопросъ о диссертациі. Деканъ Бауеръ, говоря, что С. «совершенно правъ», сталъ уговаривать его «уйти защищать диссертацию въ другой университетъ, чтобы не ставить факультетъ въ затруднительное положеніе въ виду отношенія къ Вамъ (т.-е. къ Вас. Ив.) Бестужева (цитата изъ письма Семевского 22 октября 1881 г. къ Н. И. Стороженко). Уговаривалъ С. перенести защиту въ Москву и Замысловскій ¹⁾. Но В. И. былъ упрямъ, когда чувствовалъ свою правоту, и вовсе не склоненъ былъ идти такъ легко на компромиссъ. Онъ рѣшилъ «довести дѣло до конца», т.-е. до официальнаго отказа. Побѣдителемъ, конечно, оказался Бестужевъ-Рюминъ и его приспѣшники. Факультетъ послѣ официальнаго обсужденія вопроса по отзыву Бестужева-Рюмина и Замысловскаго *не допустилъ* Семевского къ диспуту. Итакъ «замѣчательный» историческій трудъ былъ признанъ недостойнымъ искомой степени. На факультетѣ въ защиту Семев-

¹⁾ И. М. Красноперовъ, одинъ изъ старыхъ друзей В. И., прислалъ намъ отрывокъ изъ своихъ воспоминаній, записанныхъ въ 1881 г., который относится къ исторіи съ диссертацией и даетъ лишній штрихъ. Красноперовъ хотѣлъ работать при петербургскомъ университетѣ, В. И. Семевскій, совѣтуя Красноперову не говорить Бестужеву, что онъ знакомъ съ нимъ, предложилъ К. свести его съ Замысловскимъ.

«Замысловскій—записалъ тогда Красноперовъ—произвелъ на меня

скаго выступилъ только славянофилъ О. Ѳ. Миллеръ, самъ вскорѣ уволенный за лекцію о Катковѣ. «Молчалъ» на факультетѣ даже Александръ Н. Веселовскій. Профессора другихъ факультетовъ, особенно юристы, были возмущены поведеніемъ филологовъ и высказывали В. И. Семевагому «одобреніе», что онъ «боролся до конца». Но такъ или иначе по отношенію къ петербургскому университету дѣло дѣйствительно было доведено «до конца». И какъ это само по себѣ характерно для личности В. Ив., не побоявшагося доводить дѣло «до конца», хотя ему это было въ то по крайней мѣрѣ время крайне невыгодно и для научной репутаціи—усиленно распространялись мнѣнія, что диссертация не получила одобренія вслѣдствіе своихъ научныхъ дефектовъ.

Полагая, что «правда не совсѣмъ еще сгнбла со свѣта» и что «московскіе специалисты сумѣютъ отнестись къ диссертации, какъ истинные ученые, не примѣшивая никакихъ личныхъ чувствъ и предвзятыхъ мнѣній», В. И. Семеваскій подалъ прошеніе о допущеніи его защищать диссертацию въ Москвѣ: «единственно, гдѣ можно свободно вздохнуть».

«То, что я слышалъ лѣтомъ въ Москвѣ отъ Ключевскаго и Тихонравова—пишетъ С. къ одному изъ своихъ московскихъ друзей—заставляетъ меня надѣяться, что я не встрѣчу непріятно-

не особенно хорошее впечатлѣніе. Мнѣ даже и не пришлось говорить съ нимъ о дѣлѣ. Онъ ни съ того, ни съ сего поднялъ споръ съ В. И. по поводу предстоящей защиты послѣднимъ диссертации.

— Когда вы думаете защищать диссертацию?—обратился онъ къ В. И.

— Хотѣлось бы нынче осенью въ здѣшнемъ университетѣ. Я уже подалъ прошеніе въ этомъ смыслѣ.

— Не знаю, можно ли будетъ вамъ выступить съ защитой въ нынѣшнемъ году. Мнѣ Константинъ Николаевичъ говорилъ, что для того, чтобы возраженія оппонентовъ могли быть основательны, необходимо знакомство съ тѣми сырыми матеріалами, на которые вы ссылаетесь въ своемъ трудѣ, на что потребуется по крайней мѣрѣ годъ. К. Н. иначе не можетъ и возражать вамъ. Напрасно вы торопитесь.

... ..
— Мнѣ кажется—продолжалъ Замысловскій—вы совершенно фальшиво смотрите на крестьянскій вопросъ. Вы видите въ народной массѣ движущую силу, а между тѣмъ, вѣдь, масса безъ руководителей ничто; она слѣпо идетъ за тѣми, кто ее ведетъ. Это односторонне...

— Это ваше личное мнѣніе, а мое—другое.

— Да это и не я одинъ такъ думаю и К. Н. тоже. Не лучше ли бы вамъ защищать диссертацию въ другомъ университетѣ, ну хоть въ Харьковскомъ или Московскомъ, ужъ если хотите такъ скоро.

— Мнѣ удобнѣе защищать здѣсь, да это мое дѣло, гдѣ защищать. Странно было бы нарочно ставить мнѣ тенета...

— Нѣтъ, вѣдь я нисколько не противъ васъ. К. Н. тоже.

— Ну, до свиданія... Извините мнѣ некогда, рѣзко прервалъ В. И., и мы ушли.

— Чортъ знаетъ что такое!—говорилъ В. И., горячася дорогой. Сговорились, видно, съ Бестужевымъ. Что-жъ затмить что ли я хочу ихъ своей славой? Хлѣбъ у нихъ отбивать? Да вѣдь не за тѣмъ и приходили мы къ нему»...

Если этотъ разговоръ и не переданъ можетъ быть точно, то во всякомъ случаѣ имѣетъ цѣнность, какъ современная запись.

стей въ вашемъ факультетѣ. Или эта надежда неосновательна? Послѣ всего, вынесеннаго мною въ Петербургѣ, можно считать все на свѣтѣ возможнымъ»...

«Въ Москвѣ—писалъ въ своемъ отчетѣ А. Н. Веселовскій—отнеслись къ книгѣ, какъ къ серьезной научной работѣ, основанной на фактахъ, не захотѣли докапываться тайниковъ *направленія* и безъ труда допустили автора къ публичной защитѣ. Быть можетъ, къ этимъ словамъ справедливость требуетъ сдѣлать нѣкоторую поправку. Дѣло прошло не такъ уже гладко. И здѣсь пришлось «подготовлять» почву: В. О. Ключевскій, отзывавшійся въ частномъ письмѣ къ одному изъ московскихъ профессоровъ о диссертациі Семевскаго «съ восторгомъ», въ факультетѣ далъ значительно болѣе сухой отзывъ. Въ сношеніяхъ Семевскому было указано, что съ научной стороны его книга не вызываетъ «возраженія», но «есть другія обстоятельства». И Семевскому пришлось еще разъ рѣшительно заявить, что *«другихъ обстоятельствъ нѣтъ и не можетъ быть»*.

Такъ или иначе 17 февраля 1882 г., несмотря на уговоры со стороны Бестужева-Рюмина и Н. А. Попова отвергнуть диссертацию, Семевскій выступилъ на диспутѣ въ московскомъ университетѣ. Хотя официальный отзывъ былъ «сдержанъ и скупъ на похвалы», защита была однако «блестяща», какъ писала петербургская газета «Заря». Да и не могло быть по другому. «Слишкомъ девять лѣтъ употребить на предварительныя работы къ *одному* только труду, ставшему подъ конецъ неразлучнымъ спутникомъ писателя—говорилъ референтъ «Вѣстника Европы»—явленіе въ высшей степени рѣдкое въ наше время» ¹⁾. Диспутъ и по внѣшности носилъ нѣсколько особый характеръ: «Предшествующая судьба книги и странность представленія *петербургской* диссертациі въ Москвѣ усиливала въ публикѣ живой интересъ» возбужденный затронутыми авторомъ вопросами о «недавнемъ прошломъ русскаго крестьянства»;—вотъ почему на этотъ разъ диспутъ имѣлъ необычайное значеніе и привлекъ массу публики, наполнившую большую актовую залу, въ послѣднее время очень рѣдко отводимую для диспутовъ. Всѣмъ хотѣлось ближе познакомиться съ содержаніемъ книги и провѣрить по собственнымъ показаніямъ автора справедливость вздорныхъ слуховъ, усердно пущенныхъ въ обращеніе (*Вѣстн. Европы*).

Итакъ Василій Ивановичъ—магистръ русской исторіи. Первая

¹⁾ Подробный отчетъ о диспутѣ (официальными оппонентами выступали Н. А. Поповъ и В. О. Ключевскій, неофициальнымъ—А. И. Чупровъ) былъ помѣщенъ въ «Рус. Вѣд.» № 65; отчетъ о диспутѣ перепечатанъ въ «Русской Старинѣ» № 5. Тамъ же и рѣчь передъ диспутомъ.

стадія мытарствъ окончилась. Но далѣе пошло еще нѣчто болѣе характерное. В. И. Семеvскій былъ выставленъ кандидатомъ на соисканіе каѣдры въ харьковскомъ и одесскомъ университетѣ. И то и другое прошло мимо него. О «гнусномъ фактѣ», наложившемъ «неизгладимое пятно» на одесскій университетъ, какъ пишетъ одинъ изъ современниковъ, разсказывается подробно о помѣщаемыхъ ниже воспоминаніяхъ И. А. Линниченко. Но нѣчто болѣе изумительное происходило, пожалуй, въ петербургскомъ университетѣ, куда Семеvскій подалъ прошеніе о зачисленіи въ приватъ-доценты, не дожидаясь разрѣшенія вопроса о приглашеніи его на каѣдру въ тотъ или иной университетъ (звали его и въ нѣжинскій лицей), изумительное потому, что историко-филологическій факультетъ подъ вліяніемъ Бестужева не считалъ даже нужнымъ соблюдать извѣстную законную форму.

Узнавъ отъ Н. А. Попова, что Семеvскій «en attendant» желаетъ быть приватъ-доцентомъ петербургскаго университета, Бестужевъ заявилъ, что либо «онъ (Семеvскій) войдетъ въ нашъ университетъ, либо мнѣ придется выйти». Друзья убѣждали В. И. бросить мысль о петербургскомъ университетѣ и во всякомъ случаѣ брать доцентуру на юридическомъ факультетѣ. «Пробиваться на словесный—писалъ, напр., Н. И. Стороженко—было бы неблагоразумно въ виду намѣренія Бестужева подать доносъ; этому намѣренію, конечно, не можетъ помѣшать его болѣзнь; онъ боленъ, чтобы читать лекціи, но соберетъ послѣднія силы для исполненія патріотическаго долга; едва ли у него хватитъ безстыдства доносить на васъ, когда вы будете читать на другомъ факультетѣ». Но В. И. былъ твердъ и рѣшилъ идти «до конца» и здѣсь.

16 октября 1882 г. имъ было подано прошеніе въ историко-филологическій факультетъ о допущеніи его къ чтеніямъ лекцій по русской исторіи въ качествѣ приватъ-доцента. Черезъ двѣ недѣли деканомъ было объявлено Семеvскому, что факультетъ ничего не имѣетъ противъ программы, но «не желаетъ ходатайствовать о допущеніи его къ чтенію лекцій» (!!). Въ отвѣтъ на такое необычное заявленіе В. И. Семеvскимъ было подано прошеніе ректору. «На основаніи § 73 Университетскаго Устава»—писалъ между прочимъ Семеvскій—приватъ-доценты къ чтенію лекцій «допускаются Совѣтомъ Университета съ утвержденія попечителя» и слѣдовательно мое прошеніе подлежитъ разсмотрѣнію Совѣта Университета, а потому честь имѣю просить ваше превосходительство при обсужденіи моего дѣла довести до свѣдѣнія Совѣта нижеслѣдующее. Такъ какъ мнѣ неизвѣстенъ подлинный текстъ постановленія историко-филологическаго фа-

культета, то я не знаю тѣхъ мотивовъ, которые побудили его несочувственно отнестись къ моему прошенію. На основаніи университетскаго устава (§ 23) единственнымъ законнымъ основаніемъ въ данномъ случаѣ можетъ быть содержаніе моей программы, но именно этотъ мотивъ и устраненъ, какъ извѣстно мнѣ изъ заявленія г. декана. Но я все-таки считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ о моей программѣ. Содержаніе предполагаемыхъ мною лекцій составляетъ исторія вопроса объ измѣненіи быта крѣпостныхъ крестьянъ въ теченіе послѣдняго столѣтія существованія крѣпостного права въ связи съ исторіей крестьянъ другихъ наименованій и вообще исторією внутренняго быта Россіи. Исторія, какъ этого вопроса, такъ и крестьянъ вообще, точно такъ же, какъ и исторія городовъ и дворянства, которой я касаюсь въ своей программѣ, непременно входятъ въ составъ университетскаго курса русской исторіи, а также и исторіи русскаго права (см., напр., «Программу исторіи русскаго права» проф. Сергѣевича, Спб. 1882 г., стр. 11—12), конечно, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ въ болѣе сжатомъ видѣ, чѣмъ это возможно въ специальномъ курсѣ. Слѣдовательно по существу своему представленная мною программа трактуетъ о предметахъ, не только не чуждыхъ обычнымъ университетскимъ курсамъ русской исторіи и исторіи русскаго права, но прямо входящимъ въ ихъ составъ. Что касается подробностей программы, то, если бы разсмотрѣніе какихъ-либо изъ указанныхъ въ ней вопросовъ было признано неудобнымъ, факультетъ имѣетъ право исключить ихъ; но въ цѣломъ не можетъ быть и рѣчи о несвоевременности предполагаемаго курса, оканчивающагося временемъ вступленія на престолъ имп. Александра II. Другой вопросъ, который могъ быть затронутъ въ данномъ случаѣ, это характеръ изложенія предмета. Но тутъ я могу сослаться на свой трудъ «Крестьяне при Екатеринѣ II», напечатанный по постановленію историко-филологическаго факультета въ его запискахъ, какъ на доказательство, что мои работы отличаются спокойнымъ научнымъ изложеніемъ. Правда, этотъ трудъ не былъ признанъ историко-филологическимъ факультетомъ, какъ диссертация на степень магистра русской исторіи, но, какъ извѣстно, я апеллировалъ на этотъ приговоръ въ другую ученую коллегію—московскій университетъ, который, очевидно, нашелъ его несправедливымъ, такъ какъ даровалъ мнѣ степень магистра русской исторіи. Кромѣ диссертации я могу сослаться и на рядъ своихъ статей по исторіи внутренняго быта Россіи въ XVIII вѣкѣ, часть которыхъ можетъ быть извѣстна нѣкоторымъ изъ членовъ совѣта особенно специалистамъ по государственному и церковному праву и исторіи русскаго права».... Болѣзнь помогла Вас. Ивановичу.

«Въ совѣтъ—разсказываетъ г. Штрайхъ—справедливые интересы В. И. Семевского нашли защиту въ лицѣ профессоръ юристовъ, въ томъ числѣ И. Е. Андріевского и В. И. Сергѣевича».

Семевскій былъ принятъ въ приватъ-доценты, и попечитель, недостаточно еще освѣдомленный объ исторіи съ диссертацией, курсъ утвердилъ.

Такимъ образомъ началась профессорская дѣятельность Василія Ивановича Семевского. Лекторъ онъ былъ недюжинный: еще «Русскія Вѣдомости» въ своемъ отчетѣ о диспутѣ отмѣтили его «прекрасно» произнесенную рѣчь передъ защитой диссертации. Вступительная лекція явилась для Петербурга своего рода событіемъ—все ждали этого выступленія. Мы уже имѣемъ нѣсколько воспоминаній о началѣ университетской дѣятельности В. И., написанныхъ тѣми, кто былъ тогда среди его слушателей. Среди слушателей былъ, между прочимъ, Вл. Льв. Бурцевъ, такъ передающій теперь свои воспоминанія ¹⁾:

«Его аудиторія, —несмотря на необязательность курса,—всегда была полна. Его кафедрѣ окружала молодежь съ любовью и надеждами. В. И. Семевскій оправдалъ и любовь своей молодой аудиторіи и ея надежды и не только оправдалъ, но превзошелъ въ томъ, что отъ него ждали.

Я какъ сейчасъ вижу цѣлый рядъ молодыхъ слушателей на его лекціяхъ, кого съ В. И. Семевскимъ потомъ связывала самая глубокая любовь, признаніе значенія его дѣятельности.

Едва ли кто изъ слушателей могъ быть тогда увѣренъ, что у этого талантливаго, заставлявшаго тогда такъ биться сердца молодой аудиторіи, сравнительно молодого ученаго впереди еще цѣлыхъ 35 лѣтъ глубоко плодотворной, упорной работы...

«Крестыанскій вопросъ», «Радищевъ», «Декабристы» и ихъ отношеніе все къ тому же крестыанскому вопросу, вотъ о чемъ говорилъ тогда В. И. Семевскій, и что глубоко на всю жизнь западало въ молодыя души. Скоро, однако, его лекціи «даже эти необязательныя» лекціи—были прекращены...

Видно было, что эти «необязательныя» лекціи стали обязательными для молодежи, и для филологовъ и для юристовъ, и для математиковъ... Аудиторія, гдѣ читалъ В. И. Семевскій, всегда была переполнена. Вотъ почему онѣ и были прекращены».

Записалъ свои воспоминанія также И. И. Поповъ и подѣлился ими съ редакціей «Голоса Минувшаго». И. И. Поповъ былъ юристомъ, но это не помѣшало ему находиться среди слушателей В. И. Семевского.

¹⁾ Биржевыя Вѣдомости» 22 сентября 1916 г.

«Въ концѣ 1882 г. стало извѣстно, что В. И. Семевскій будетъ читать въ Петербургскомъ университетѣ курсъ русской исторіи. Имя молодого ученаго уже было извѣстно среди учащейся молодежи, особенно примыкающей къ группамъ активнаго народничества, по его работамъ. Объектъ изслѣдованія, самый методъ изслѣдованія и характеръ изданныхъ и намѣченныхъ научныхъ работъ показывалъ духовную близость автора къ господствующему тогда въ радикальныхъ кружкахъ политическому настроенію. Отсюда понятно то желаніе, съ какимъ молодежь, даже, не принадлежащая къ университету, стремилась попасть на вступительную лекцію новаго профессора, предполагая, что послѣ этой лекціи его курсъ русской исторіи можетъ быть прекращенъ по независящимъ отъ лектора обстоятельствамъ.

Большая, одиннадцатая аудиторія Петербургскаго университета оказалась переполненной студентами и не студентами. Многіе остались въ коридорахъ... Быстрыми шагами, видимо, волнуясь, прошелъ къ кафедрѣ лекторъ; заняли мѣста деканъ и профессора, пришедшіе послушать историка, который темой своего изслѣдованія избралъ не исторію походовъ и дипломатическихъ сношеній, а соціально-экономическія условія жизни русскаго народа, да еще въ такую эпоху, о которой лучше молчать, чѣмъ читать о ней, потому что это съ одной стороны скучно, а съ другой опасно...

Въ началѣ тихо, какъ будто бы неувѣренно, началъ свои обобщенія лекторъ, но чѣмъ дальше, тѣмъ увѣреннѣе звучалъ его голосъ. Профессоръ, комбинируя и группируя факты, казалось, сгѣшилъ въ короткое время сообщить возможно больше. Красной нитью черезъ всю лекцію прошелъ призывъ къ молодежи изучать судьбу русскаго народа, соціально-экономическія условія его жизни; это обязанность интеллигенціи, ея неоплатный долгъ передъ русскимъ народомъ.

Лучшіе представители русской интеллигенціи сыздавна стремились къ тому, чтобы освѣтить народную жизнь; они, а не командующій классъ, выработали основы освобожденія крестьянъ; цѣлую программу, которую потомъ вынуждено было принять и правительство. Вступательная двухчасовая лекція иллюстрировалась массой фактовъ и примѣровъ изъ изящной литературы, изъ государственной, общественной и быденной жизни.

Это была не лекція, а цѣлое учительство о томъ, какъ мы должны жить, цѣлая система жизни, бѣглый набросокъ того историческаго матеріала, который долженъ былъ въ слушателяхъ выработать опредѣленное общественное и политическое міросозерцаніе.

Впечатлѣніе получилось огромное; успѣхъ курса русской исторіи молодого приватъ-доцента былъ обезпеченъ... У всѣхъ была одна мысль—только бы не прервали этого курса»...

Московскіе друзья поздравляли съ «блестящимъ дебютомъ» преподавательской дѣятельности, и общественные дѣятели, среди которыхъ много было слушателей В. И., въ своемъ адресѣ черезъ 25 лѣтъ съ полнымъ правомъ, безъ юбилейнаго преувеличенія, могли сказать: «не одна свѣтлая мысль, не одинъ благородный порывъ былъ пробужденъ этими лекціями, богатыми научнымъ содержаніемъ и проникнутыми горячей любовью къ народу».

Легко себѣ представить негодованіе Бестужевской компаніи и всѣ тѣ мѣры, которыя она предпринимала для прекращенія лекцій сдѣлавшагося сразу столь популярнымъ среди студенчества молодого ученаго. Характеръ этихъ мѣръ опредѣляетъ въ достаточной мѣрѣ тотъ фактъ, что попечитель трижды самъ пріѣзжалъ на его лекціи и, какъ рассказывалъ мнѣ Вас. Ив., однажды сдѣлалъ ему замѣчаніе за то, что онъ читаетъ въ «темныхъ тонахъ».

Въ дѣйствительности В. И., зная, что надъ нимъ виситъ постоянная угроза, былъ очень и очень остороженъ для того, чтобы избѣжать придирокъ. Передо мною литографированный курсъ его лекцій, изъ которыхъ и приведу заключительныя слова, самыя страшныя, ибо онѣ касались реформъ 19 февраля. Подходя къ этому моменту въ исторіи крестьянства, В. И. говорилъ: «но партизаны стараго порядка не сдались безъ боя и сумѣли оставить по себѣ память кое-въ-чемъ существенномъ въ самомъ положеніи 19 февраля» —казалось бы большей осторожности и нельзя было требовать!

И тѣмъ не менѣе уже черезъ годъ Семевскій натолкнулся на неопределимыя препятствія. Къ счастью, я имѣю возможность рассказать исторію 1884 г., когда С. долженъ былъ прекратить лекціи (пока еще временно) словами самого Василия Ивановича, на основаніи черновика его письма къ Н. И. Стороженко (23 сент. 1884 г.).

«Очень печальныя вѣсти о себѣ приходится мнѣ вамъ сообщать. 20 августа у насъ было факультетское засѣданіе, къ которому я подалъ программу своихъ лекцій, обнимающую время отъ смерти Петра В. до смерти Николая. Бестужевъ (какъ я узналъ гораздо позднѣе) напрямикъ заявилъ въ этомъ засѣданіи, что мнѣ «ни по какой программѣ читать нельзя», а затѣмъ отправился къ Делянову и на словахъ сдѣлалъ прямой доносъ на меня. Вслѣдствіе этого Деляновъ въ первыхъ числахъ сентября началъ разговоръ обо мнѣ съ ректоромъ Андреевскимъ, читавшимъ отдѣльныя пункты моей программы (хотя въ ней разумѣется были вещи самыя

обыкновенныя) съ разными выходками, въ родѣ того, что я пожалуй стану говорить о смерти Павла и т. п. Вслѣдствіе этого деканъ Ламанскій началъ настаивать, чтобы я измѣнилъ программу совершенно, т.-е. взялъ бы какую-нибудь другую эпоху. Тогда я надумалъ слѣдующее: представленная мною въ прошломъ году и одобренная факультетомъ программа доходила до самаго конца XVIII в., а я дочиталъ только до смерти Петра В. Поэтому я и представилъ вторую часть моей прошлогодней программы, т.-е. отъ смерти Петра В. до конца; тогда факультету ничего не оставалось, какъ пропустить эту программу, что онъ и сдѣлалъ въ засѣданіи 15 сентября. Я было успокоился, какъ вдругъ 17 сентября попечитель въ разговорѣ съ ректоромъ и деканами въ университетѣ прямо заявилъ, что онъ находитъ невозможнымъ, чтобы я былъ приватъ-доцентомъ, и представить въ этомъ смыслѣ свое мнѣніе въ министерство. Такимъ образомъ я очутился въ слѣдующемъ положеніи: я имѣлъ разрѣшеніе факультетомъ моей программы, а съ другой стороны перспективу близкаго удаленія. Я посоветовался съ ректоромъ. Онъ убѣждалъ меня не только не начинать лекцій, прямо сказавъ, что не увѣренъ въ «моей личной безопасности» (Ламанскій также упоминалъ о возможности высылки), совѣтовалъ не только не начинать лекцій, но немедленно подать заявленіе, что въ этомъ году я читать не буду, «чтобы не дать возможности написать обо мнѣ официально какую-нибудь гадость въ министерство». Онъ полагалъ, что лучше переждать годъ, другой и быть можетъ при иныхъ (Дмитріевъ говорятъ скоро уходитъ, Бестужевъ тоже) личностяхъ въ администраціи министерства народн. просвѣщ. можно будетъ вновь проникнуть въ университетъ. Я такъ и сдѣлалъ, т.-е. заявилъ, что въ нынѣшнемъ году читать лекцій не буду. Вотъ, какая бѣда стряслась надо мною. Минутами мнѣ приходитъ сомнѣніе, не слѣдовало ли мнѣ лучше дожидаться формальнаго отчисленія отъ университета высшей администраціей, не слѣдовало ли начать чтеніе лекцій, но съ другой стороны къ чему бы это повело? Попечитель высказался категорически въ присутствіи всего правленія, министръ уже настроенъ Бестужевымъ, и ректоръ говорить противъ меня»...

«Думаю—заканчиваетъ В. И.—энергически приняться за окончаніе докторской диссертациі, что при свободѣ отъ лекцій можно будетъ сдѣлать въ годъ, затѣмъ защитить ее, а тамъ можно будетъ вновь пытаться счастья. Но только какъ скверно теперь на душѣ, какая хандра одолеваетъ меня минутами! Если дѣйствительно черезъ 2—3 года мнѣ удастся проникнуть вновь въ университетъ, то временное удаленіе поможетъ мнѣ только лучше:

обработать диссертацию, которая могла бы очень затянуться при чтеніи лекцій, а если двери университета останутся для меня закрытыми навсегда? Каково отказаться отъ того, о чемъ мечталъ всю жизнь».

Н. И. Стороженко, а равно и другіе московскіе друзья, одобрили рѣшеніе Семеvскаго. Въ своемъ отвѣтѣ Стороженко заодно рассказываетъ о томъ новомъ духѣ, который понемногу воцаряется и въ Московскомъ университетѣ. Этотъ рассказъ ярко дополняетъ ту бытовую атмосферу, которая и была, пожалуй, неудачей В. И. Семеvскаго.

«По моему—писалъ Стороженко—вы поступили хорошо, подавши сами заявленіе, что читать не будете, но предупредили ли вы этимъ исторію? Сомнительно. Вѣдь молодежь все-таки тѣмъ или другимъ способомъ узнаетъ въ чемъ дѣло—и тогда Бестужеву придется плохо. Главное, дружище, не унывайте и работайте надъ диссертацией; авось защититъ ее у насъ Бестужевъ не помѣшаетъ, впрочемъ и за это ручаться теперь нельзя. Хотя у насъ уставъ еще не вполне введенъ (студенты слушали лекціи по старому, по курсамъ), но уже дѣйствіе его начинаетъ оказываться усиленіемъ показной благонамѣренности и лакейства. Въ послѣднемъ засѣданіи Совѣта, когда Ковалевскій, отъ имени юридическаго факультета, выразилъ сожалѣніе, что съ удаленіемъ Муромцева факультетъ лишился одного изъ самыхъ опытныхъ, талантливыхъ и ученыхъ преподавателей, а Чупровъ выразилъ надежду, что это сожалѣніе раздѣлитъ съ факультетомъ и совѣтъ, то изъ членовъ Совѣта, находившихся въ залѣ, встала только третья часть. Не знаю, кто постарался сообщить объ этой скромной манифестаціи въ Петербургъ, но только черезъ нѣсколько дней была получена отъ министра телеграмма, вслѣдствіе которой попечитель вызвалъ Ковалевскаго, Чупрова и не бывшаго въ засѣданіи Усова и читалъ имъ нотацію. Всего курьезнѣе, что на нихъ было возведено, кромѣ того, обвиненіе, будто бы они подбивали молодежь подать сочувственный адресъ Муромцеву; дѣло же было совсѣмъ наоборотъ: студенты обращались за совѣтомъ къ Чупрову и Ковалевскому относительно адреса Муромцеву, но тѣ, въ интересахъ самого Муромцева, убѣдили ихъ этого не дѣлать. Особенно былъ возмущенъ Усовъ, который и въ совѣтѣ не былъ и къ которому никто изъ студентовъ не обращался за совѣтомъ; онъ впрочемъ отвѣтилъ попечителю съ свойственной ему откровенностью: «Усовъ можетъ самъ сочинять адреса, можетъ ихъ подписывать, но онъ не станетъ подбивать студентовъ дѣлать то, за что имъ можетъ быть нахлобучка».

Къ счастью для Семеvскаго до истеченія обусловленнаго

полугодія Бестужевъ-Рюминъ оставилъ университетъ; и такимъ образомъ лекціи оказались возможнымъ возобновить. Правда для этого понадобились особые переговоры съ учебной администраціей, напр., Н. С. Таганцевъ долженъ былъ ѣздить къ попечителю округа съ своеобразной просьбой не вѣрить поступающимъ заявленіямъ и «самому внимательно прочесть» книгу В. И. Семевскаго, чтобы убѣдиться, что «она ничего не разрушаетъ». Но репутація Семевскаго въ глазахъ администраціи была такъ уже испорчена, что было совершенно ясно, что онъ одинъ изъ кандидатовъ на удаленіе, которое и совершилось въ январѣ 1886 года—и уже окончательно.

«Дорогой другъ Василій Ивановичъ,—писалъ 21 января Н. И. Стороженко въ отвѣтъ на извѣстіе объ удаленіи Семевскаго—скорбью отозвалась въ нашихъ сердцахъ печальная вѣсть, сообщаемая вами въ послѣднемъ письмѣ. Что нынѣшнее министерство, благодаря Бестужеву и К°, было къ вамъ не особенно расположено, что было крайне недовольно успѣхомъ вашихъ лекцій—это вполне понятно и давно было извѣстно даже въ Москвѣ, но чтобы оно, запрещая вамъ лекціи и обрекая васъ до нѣкоторой степени на нравственную смерть, не запаслось даже сколько-нибудь приличными предлогами—этого признаюсь трудно было ожидать даже послѣ изгнанія Муромцева и Гольцева—тамъ все-таки были какіе-нибудь предлоги—истинные или вымышленные, но въ вашемъ дѣлѣ и того не было, какъ нѣтъ ихъ и въ дѣлѣ Ор. Миллера, котораго по слухамъ не утверждаютъ на пятилѣтіе. Очевидно, что тутъ есть извѣстная система—вытѣснить изъ университета всѣхъ сколько-нибудь независимыхъ, честныхъ и либеральныхъ людей. Недаромъ говорятъ, что Георгіевскій недавно выразился одному лицу, что пока не переколѣбютъ всѣ профессора, прошедшіе въ университетъ на основаніи устава 1863, до тѣхъ поръ новый уставъ не будетъ примѣненъ во всѣхъ подробностяхъ. Значить, мы всѣ намѣчены, все дѣло только въ очереди. Вчера пріѣхалъ изъ Петербурга одинъ юноша, который сообщилъ слухъ, будто лекціи ваши прекращены, потому что въ вашей лекціи о Костомаровѣ вы сказали, что Костомаровъ отводилъ душу въ бесѣдѣ съ Чернышевскимъ и Сѣраковскимъ ¹⁾. Да если бы и такъ было, такъ вѣдь вы сообщили только фактъ, всѣмъ извѣстный въ Петербургѣ, и который нельзя выбросить изъ біографіи Костомарова. Когда хватаются за такой предлогъ,

¹⁾ Повидимому главнѣйшей причиной запрещенія лекцій все же былъ Павелъ. Толстой боялся, что Семевскій будетъ говорить о Павлѣ, о его смерти и при этомъ, какъ рассказываютъ, дѣлалъ образный жестъ душенія.

В. И. Семевскій въ кабинетъ (1914 г.).

то очевидно, что ничего болѣе серьезнаго нѣтъ. Вы можете утѣшать себя мыслью, что все честное и независимое на вашей сторонѣ и что царство тьмы долго не продержится. Я глубоко убѣжденъ, что и новый уставъ и министерство Делянова недолговѣчны, что лѣтъ черезъ пять-шесть обнаружатся всѣ его недостатки и поднимется такой ревъ противъ классицизма, что правительство принуждено будетъ уступить. Но пока солнышко взойдетъ, роса можетъ выѣсть глаза—говорить пословица. Это, конечно, справедливо, но только отчасти, потому что можно погрузиться въ науку и позабыть наше печальное время, очень напоминающее то время, о которомъ когда-то выразился Тацитъ, что, живя въ немъ, нужно постоянно укрѣплять свой духъ примѣромъ твердости и постоянства».

В. И. не принадлежалъ къ числу ученыхъ, которые за занятіемъ способны были забыть «печальное время». До конца своей жизни онъ показывалъ примѣръ гражданской твердости.

Повѣсть объ «ученыхъ мытарствахъ» почти окончена. За Семеvскимъ на слѣдующій годъ послѣдовалъ Ковалевскій, политическая неблагонадежность котораго была установлена «брызгаловскими агентами изъ студентовъ, писавшихъ противъ Ковалевскаго въ дрянной московской газетѣ «Русское Дѣло», состоящей на отмѣткѣ у московскихъ купцовъ», какъ образно выражался одинъ изъ московскихъ корреспондентовъ В. И. Семеvскаго. Одинъ уѣхалъ за границу, другой остался въ любимой имъ Россіи и сдѣлался приватнымъ ученымъ.

Кто же все-таки истинный виновникъ происшедшей университетской драмы? Режимъ—послѣдуетъ, пожалуй, обычный отвѣтъ. Конечно, режимъ, но и люди, которые его поддерживаютъ; люди, которыхъ порождаетъ и развращаетъ этотъ режимъ. Политическое безправіе имѣетъ всегда обратную моральную сторону. И теперь, когда, быть можетъ, впервые нѣсколько подробнѣе вскрыта внутренняя подоплека удаленія В. И. Семеvскаго изъ университета, когда выяснена активная роль нѣкоторыхъ представителей самого университета, придется сказать, что не будъ этого «университетскаго» натиска, пожалуй, администрація и не такъ уже беззастѣнчиво расправилась бы съ молодымъ ученымъ, причисленнымъ ею къ числу революціонеровъ.

Теперь, когда мы знаемъ исторію удаленія Семеvскаго, не станетъ ли понятнымъ убѣжденіе, господствовавшее въ Москвѣ, что истинной причиной или вѣрнѣе реальнымъ поводомъ для удаленія Муромцева было то обстоятельство, что Муромцевъ отказался подать руку проф. Любимову, извѣстному реакціонеру и соратнику Каткова, небрезгавшему подчасъ доносами. Офи-

ціальныя обвиненія въ политической неблагонадежности Муромцева ¹⁾—было лишь формой.

Не знаю, что лучше—режимъ или люди.

Вас. Ив. съ университетомъ пришлось столкнуться еще разъ официально черезъ три года (въ 1889 г.) при защитѣ докторской диссертации «Крестыянскій вопросъ въ XVIII и первой половины XIX вѣка». Надо ли напоминать, что это изслѣдованіе, увѣнчанное уваровскою преміей Академіей Наукъ и золотой медалью Вольно-экономическимъ Обществомъ, отличались всѣми достоинствами работъ В. И.—беру выписку изъ того же энциклопедическаго словаря: «обнаруживъ въ этомъ трудѣ громадную эрудицію и даръ тщательнаго критическаго анализа источниковъ, большею частью рукописныхъ, С. далъ блестящую характеристику отношеній законодательства, литературы, общества и народа къ вопросу объ уничтоженіи крѣпостного права». Но тѣмъ не менѣе и докторская диссертация вызвала нѣкоторыя тренія—и здѣсь пришлось готовить въ благопріятномъ смыслѣ почву «для рѣшенія». Мотивомъ было то, чему «Фейербахъ приписываетъ возникновеніе религіи т.-е. страхъ». «Факультетъ—сообщаетъ Стороженко своему другу—можетъ не на шутку испугаться, что диспутъ о такомъ вопросѣ, обсужденіе котораго у васъ доводится чуть не до нашихъ дней, можетъ вызвать демонстраціи со стороны студентовъ. Я съ своей стороны убѣжденъ, что ничего этого не будетъ, но у страха глаза велики»...

Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ. Все же отъ московскаго университета получалъ В. И. и докторскую степень ²⁾. Докторъ русской исторіи остался тѣмъ же «революціонеромъ» по убѣжденіямъ до конца своей жизни. Естественно, что официальная наука не сопричислила его въ свои ряды и тогда, когда это стало возможнымъ по обстоятельствамъ времени. Но гдѣ царила въ дѣйствительности истинная наука—въ официальныхъ ли храмахъ науки или въ кабинетной тиши изгнаннаго профессора? Не напрашивается ли самъ по себѣ отвѣтъ?

Пути судьбы неисповѣдимы. Смерть застала все же Василю Івановича въ Академіи Наукъ.

С. Мельгуновъ.

¹⁾ Обвиненія эти были: 1) напечатаніе за-границей адреса тульскаго земскаго собранія, редактированнаго въ конституціонномъ духѣ Муромцевымъ; 2) изданіе «Юридическаго Вѣстника», помѣщающаго рѣзкіе отзывы о правительственныхъ мѣропріятіяхъ; 3) участіе въ составленіи адреса Лорисъ-Меликову въ бытность его премьеромъ.

²⁾ Къ чести Замысловскаго надо сказать, что, освободившись отъ опеки и страха передъ Бестужевымъ, онъ предлагалъ С. защищать диссертацию въ Петербургскомъ университетѣ.

Изъ раннихъ воспоминаній.

Съ середины семидесятыхъ годовъ въ научно-литературныхъ кругахъ Москвы стала необыкновенно замѣтно выдвигаться, періодически появляясь изъ Петербурга для напряженныхъ неистощимыхъ архивныхъ работъ и развѣдокъ, своеобразная личность молодого ученаго, видимо отдававшего лучшія свои силы выполнению научнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ общественно-полезнаго замысла, посвящая ему годъ за годомъ своей жизни, и съ самоотверженіемъ подвижника, трудолюбіемъ и выносливостью бенедиктинца, но и съ неизмѣнно горячей преданностью идеѣ сооружавшаго свое зданіе. Подходившіе сколько-нибудь близко къ пришельцу, еще новичку исторической науки, но уже обречшему себя на трудное и настойчивое изученіе дѣла, затрогивавшаго основы народнаго блага, знали, что руководящая имъ идея (что такъ понятно въ ту эпоху, свидѣтельница крестьянскаго освобожденія) была, такъ сказать, крестьянская, народная,—и что за исторіей крестьянъ при Екатеринѣ, непосредственнымъ предметомъ изслѣдованія, поднималась мысль о всеобщей исторіи русскаго крестьянства, со всею правдой о бывшихъ страданіяхъ и рабствѣ, со всѣми уроками прошлаго для опредѣленія народной судьбы, для развитія деревенскаго уклада, съ лѣтописью освободительныхъ движеній и борьбы за волю.

Но они видѣли передъ собой не узко-партійнаго народника-охранителя, враждебнаго культурѣ, свободной мысли, широкой общественной работѣ, способнаго молиться только народнымъ богамъ, жить традиціями народной мысли, не переступая завѣтнаго и единоспасающаго ея круга; чужда была ему и православно-народническая романтика славянофильства. Глубокая любовь къ народу и преданность ему, возбуждившая великое и трудное дѣло изысканій по его исторіи, ясно и сильно соединялась съ живымъ сочувствіемъ освободительнымъ соціально-политическимъ ученіемъ современности, вѣковой борьбѣ за свободу и самоопредѣленіе всего русскаго общества, вѣрностью завѣтамъ ея бывшихъ дѣятелей; могучіе интересы и запросы историка-бытовика сочетались съ опредѣленными убѣжденіями политики, предпрѣшавшими ему, казалось, будущность общественнаго дѣятеля, публициста, и съ большою независимостью мысли, сверкавшею и въ его рѣчахъ, сужденіяхъ, бесѣдахъ.

Такимъ узналъ я тогда Василія Ивановича Семевского. Такимъ остался онъ навсегда, до конца жизни, при всемъ огромномъ прогрессѣ знаній, изумлявшей шири и разносторонности изслѣдованій, далеко превзошедшей научный запасъ и специально-

народническій трудъ молодого историка, только зачинавшаго свое великое дѣло.

Стойко преданный своимъ убѣжденіямъ, воспитавъ себя въ идеяхъ гражданственности, служенія народу и соціальному благу, не допуская ни малѣйшей уступки старому началу, гордо вынося его натискъ и гоненія, кромѣ непродолжительной, грубо прерванной дѣятельности въ официальныхъ научныхъ рамкахъ высшей школы, сумѣвшій пробиваться въ жизни мысли и знанія вольнымъ казакомъ, смѣлымъ партизаномъ, онъ неуклонно шелъ *своимъ* путемъ. Такъ прошло на моихъ глазахъ чуть не сорокъ лѣтъ его жизни, этой прекрасной жизни, всецѣло отданной наукѣ, народу, свободѣ.

Тернистъ былъ путь его. Дѣйствительность, нетерпимая и мстительная, рано стала во враждебное къ нему отношеніе. Изъ дальнихъ лѣтъ вспоминается мнѣ первый такой конфликтъ, возмущившій его, потрясшій, возбудивъ въ немъ горячность отпора,—многострадальная участь того колоссальнаго труда, который поднять былъ имъ уже къ началу нашего московскаго сближенія и охватилъ лучшіе, сильные молодые годы. Девять лѣтъ длился онъ. Принятая петербургскимъ факультетомъ, какъ диссертация, первая большая научная работа В. И. стала уже частями печататься въ факультетскихъ запискахъ, какъ вдругъ судьба ея рѣзко перемѣнилась. Раскрывшееся содержаніе книги, опасныя тенденціи, выказанныя авторомъ, сличеніе положенія крестьянъ при Екатеринѣ съ современнымъ пореформеннымъ, превратная мысль, «будто истинное пониманіе основъ вопроса возможно только при яркомъ свѣтѣ исторіи, что хорошее будущее создается лишь, какъ результатъ внимательной критики и прошлаго, и настоящаго», вызовы къ дружной работѣ надъ прошлымъ обращаемые въ особенности къ молодымъ дѣятелямъ, ищущимъ, въ чемъ примѣнить свое сочувствіе положенію народа», показавшіеся чѣмъ-то въ родѣ проповѣди новаго хожденія въ народъ, мучительно ликвидированнаго незадолго передъ тѣмъ,—исторія, будто бы превращаемая въ политическое орудіе,—все сложилось въ представленіе объ опасномъ дѣяніи, врядъ ли допустимомъ при тревожныхъ условіяхъ переживавшейся поры. То былъ мрачный эпилогъ 1-го марта и «паническій ужасъ», овладѣвшій мѣстными блюстителями науки, былъ въ связи съ общимъ угнетеннымъ настроеніемъ, среди котораго отважилась появиться свѣжая, сильная и независимая работа!

Вокругъ нея началась трусливая перепуганная агитация, цѣлью которой, конечно, было разстроить и печатаніе книги и защиту ея на диспутѣ, могущую открыть автору-вольнодумцу

легальный доступъ въ научное царство. У него сначала требуютъ уступокъ, устраненія наиболѣе опасныхъ мѣстъ въ книгѣ, потомъ приостанавливаютъ, задерживаютъ ея наборъ. Судьба дорогого изслѣдователю завѣтнаго труда совсѣмъ подкупана, разстроена была этимъ охранительнымъ натискомъ, темной страницей въ давно миновавшей университетской исторіи,—и исторіи келейной, интимной (я вскрылъ ее тогда, весною 1882 г., въ «Вѣстникѣ Европы», въ формѣ письма изъ Москвы, когда опасность уже миновала,—но не помню, было ли еще въ ту пору какое-нибудь отраженіе затѣянной интриги). Того, кто душою сросся съ выполненіемъ всепоглощавшей его задачи, кто могъ въ послѣдствіи, въ горячей вступительной рѣчи ко второму своему диспуту, когда исторія судебъ крестьянства раскинулась уже на обширнѣйшій періодъ народной жизни, могъ оглядываться на прожитое и выстраданное, сказать, что если бѣ отнята была у него возможность служить этому дѣлу, «не стоило бы и жить»,—пытались обречь на безмолвіе. Но даже въ ту тяжелую пору, полную неперимости, нашелся выходъ, стало возможно избавленіе. Его дала, на исходѣ своемъ, университетская автономія; научная Москва отважилась пойти вразрѣзъ съ петербургскимъ остракизмомъ; диссертация была принята, состоялся диспутъ, обставленный сочувственными рѣчами оппонентовъ (особенно А. И. Чупрова), энтузіазмъ слушателей, несмѣтной массы молодежи, словно откликавшейся на обращенные къ ней призывы посвящать свои силы народу, превратившійся и въ достойный *научный* эпилогъ и въ своего рода демонстрацію. И какимъ свѣтомъ озарились тогда дорогія проникновенныя черты молодого борца!

Такъ встрѣтила его жизнь, таковы были и его крещеніе, его закалъ для борьбы. Невдалекѣ были новыя испытанія, прежде всего насильственный перерывъ академической дѣятельности, все же начатой имъ въ смиловившемся Петербургѣ, широко и интенсивно развившейся при великомъ сочувствіи и мастерски организованной самодѣятельности студенчества. Но могло ли что-нибудь сломить, парализовать удивительную энергію, огромную научную силу и гражданственное призваніе? Неуклонно шелъ онъ впередъ своимъ, свободнымъ путемъ, и глубоко, неизгладимъ слѣдъ, проложенный этимъ большимъ человѣкомъ.

Алексѣй Веселовскій.

Изъ воспоминаній.

Я познакомился съ Василиемъ Ивановичемъ, кажется еще въ Москвѣ, въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, куда онъ пріѣзжалъ для научныхъ работъ въ московскихъ архивахъ. Познакомился я съ нимъ, помнится, у моего ближайшаго московскаго друга проф. Н. И. Стороженко, квартира котораго была десятки лѣтъ центромъ не только для московской, но и всякой, заѣзжавшей въ Москву, русской интеллигенціи. В. И. былъ значительно старше меня, имѣя уже извѣстность, но, не получивъ еще каедр¹⁾, лишь, такъ же какъ и я, считался начинающимъ ученымъ. Работая въ одной и той же области занятій—русской исторіей—хотя и надъ разными вопросами, мы очень быстро сошлись, и наши близкія дружескія отношенія продолжались нѣсколько десятковъ лѣтъ, поддерживаясь постоянно, одно время очень оживленной, перепиской (въ которой, какъ и вообще въ личныхъ отношеніяхъ, В. И. отличался щепетильной аккуратностью, отвѣчая немедленно на каждое имъ полученное письмо) такъ и частыми встрѣчами при моихъ поѣздкахъ въ Петербургъ.

Очень живой и подвижный В. И., какъ многіе ушедшіе въ себя люди, былъ очень застѣнчивъ, хотя и отличался рѣдкой общительностью, любилъ общество, былъ разговорчивъ и необыкновенно обязателенъ. Всегда занятый—не имѣя личныхъ средствъ, онъ жилъ исключительно литературнымъ трудомъ,—В. И. считалъ своимъ непремѣннымъ долгомъ отвѣтить на каждый сдѣланный ему визитъ, съ пунктуальностью исполнить всякое данное ему порученіе, чѣмъ, какъ водится, злоупотребляли его безчисленные знакомые и корреспонденты.

Его просили дать ученую справку, заказать переписку рукописи, пристроить статью въ журналъ или газетъ, переговорить съ издателемъ, ссудить книгой, похлопотать о мѣстѣ, пріемѣ въ учебное заведеніе, и В. И., по горло занятый научными и литературными трудами, находилъ время и написать рекомендательное письмо, лично переговорить съ вліятельными въ литературѣ, и внѣ ея, лицами, зайти въ библіотеки за справками, и съ поразительной аккуратностью отвѣтить безчисленнымъ корреспондентамъ. Десятки лѣтъ онъ такимъ образомъ состоялъ частнымъ ходатаемъ по всевозможнымъ дѣламъ, челобитчикомъ за своихъ друзей, знакомыхъ и просто корреспондентовъ.

Студенты, курсистки, молодые начинающіе литераторы и поэты въ дни и часы, отведенные имъ для пріема посѣтителей,

¹⁾ Степень магистра онъ получилъ въ 1882 г.

наполняли его квартиру, хотя профессорская его дѣятельность прервалась очень рано, издателемъ онъ никогда не былъ, и только въ самые послѣдніе годы соредактировалъ журналу, издаваемому въ Москвѣ, откуда ему присылали статьи на просмотръ, административныхъ должностей онъ никогда нигдѣ изъ принципа не занималъ.

На его журъ-фиксахъ по вторникамъ собирались старые и молодые литераторы, крупныя извѣстности и только начинавшіе пѣть литературные молодые соловьи, мѣстные и пріѣзжіе профессора и ученые, преподаватели и преподавательницы, не терявшіе связи съ наукой и литературой.—Михайловскій, Южановъ, Скабичевскій, да вообще почти всѣ представители либеральной прессы и науки. Основнымъ качествомъ В. И. я считаю его сознаніе *долга*, долга передъ жизнью за жизнь, передъ человѣчествомъ за свою человѣчность. Это чувство долга и направило его симпатіи на изученіе крестьянства. Онъ рано пришелъ къ сознанію, что крестьянству, народной массѣ мы обязаны всѣмъ, всей нашей культурой, созданной на основѣ крестьянскаго народнаго труда, на его средства, и поэтому интеллигенцію, въ томъ числѣ и себя онъ считалъ въ неоплатномъ долгу передъ народной массой—свою часть этого долга—а для него она была долгомъ наслѣдственнымъ (Семевскіе старые дворяне)—онъ и рѣшилъ посильно уплатить народу.

Этотъ долгъ каждый уплачиваетъ, чѣмъ можетъ (если только сознаетъ его обязанность, и хочетъ его платить).

По складу своего характера, отчасти и по винѣ особеннымъ образомъ для него сложившихся обстоятельствъ, В. И. могъ избрать только одинъ способъ уплаты этого долга. Онъ излагаетъ его, какъ свое *Profession de foi* въ рѣчи передъ защитой магистерской диссертациі въ Московскомъ университетѣ.

Очертивъ въ краткихъ словахъ многострадальное прошлое нашего крестьянства, молодой ученый такими словами оканчиваетъ свою рѣчь: «итакъ, тяжѣлое положеніе крестьянъ требуетъ серьезныхъ мѣръ для улучшенія его быта. Что же должны дѣлать мы, не призванные вязать и рѣшать? Мы прежде всего должны изучать народный бытъ, указывать мѣры, нужныя для подъема народнаго благосостоянія. Необходимость изученія современнаго народнаго быта признана въ значительной степени, и въ этомъ направленіи предпринимаются весьма почтенные труды. На мнѣ, какъ на историкѣ, лежитъ обязанность указать, что не менѣе необходимо изученіе и прошлой народной жизни. Какъ мало сдѣлано въ этомъ отношеніи, видно уже изъ того, что мнѣ пришлось употреблять десять лѣтъ самаго усидчиваго труда

на изученіе одной эпохи въ исторіи крестьянъ. У нашего народа есть прекрасный обычай созывать *помочи* въ тяжелую страдную пору; позвольте же и мнѣ кликнуть кличъ о помощи въ моей тяжелой работѣ. Стоить только сознать, что изученіе прошлаго не менѣе необходимо, чѣмъ знакомство съ настоящимъ; что настоящее правильно понимается только при яркомъ свѣтѣ исторіи, что лишь при строгомъ критическомъ отношеніи къ прошлому и настоящему создается хорошее будущее—стоитъ это понять, и, мы увѣрены, найдутся самоотверженные работники, готовые положить свою жизнь на изученіе прошлаго народного быта—безъ этой вѣры, для меня лично, не стоило бы работать, не стоило бы даже жить; для успѣха же этихъ работъ пожелаемъ одного—полной свободы научнаго изслѣдованія ¹⁾).

Этому девизу В. И. остался вѣренъ всю жизнь, отдавъ весь свой трудъ научному изученію крестьянскаго вопроса. Исторія всего прошлаго русскаго крестьянства не занимала его столько, сколько изученіе исторіи его недавняго прошлаго; онъ настаивалъ постоянно на необходимости связи науки съ жизнью—наука должна помогать гуманитарнымъ стремленіямъ настоящаго. Въ исторіи крестьянства его поэтому привлекали преимущественно вторая половина XVIII в. и начало XIX—въ исторіи этой эпохи по его мнѣнію, а не въ отдаленномъ прошломъ, яснѣе видны корни современнаго положенія крестьянства. Этими же взглядами В. И. объясняется и его особенный интересъ къ первымъ сознательнымъ—теоретическимъ и практическимъ попыткамъ къ улучшенію положенія крестьянъ у насъ; изъ его работъ въ этой области составилаь его двухтомная докторская диссертация: «Крестьянскій вопросъ въ XVIII в. и первой половинѣ XIX в.» ²⁾).

¹⁾ «Русская Старина» 1882 г., V, p. 577—78.

²⁾ Въ разговорахъ со мною В. И. не разъ выражалъ сожалѣніе, что сосредоточивая свой трудъ на 18 и 19 в. онъ мало могъ удѣлить вниманія болѣе ранней исторіи крестьянства (я въ то время изучалъ исторію юго-западнаго крестьянства преимущественно въ XIV—XV в.). Этотъ пробѣлъ былъ для В. И. нѣкоторымъ минусомъ на его публичной защитѣ докторской диссертации въ Москвѣ. В. И. объ свои диссертации защищалъ въ Москвѣ; главной причиной такого выбора Университета для защиты была конечно наличность въ числѣ Московскихъ историковъ такого спеціалиста, какъ проф. В. О. Ключевскій, съ которымъ хотя В. И. и не былъ близокъ, такъ какъ въ общихъ взглядахъ съ нимъ расходился—В. И. считалъ Ключевского славянофиломъ той партіи, которую такъ недолго билъ его учитель и другъ В. И. Водовозовъ.

Въ эпоху защиты В. И. его докторской диссертации я проживалъ въ Москвѣ, гдѣ читалъ лекціи въ Университетѣ. Хорошо зная діалектическіе приемы В. О. Ключевского (мнѣ нерѣдко приходилось съ нимъ спорить и даже, въ качествѣ офіціальнаго оппонента, выступать съ нимъ на диспутахъ въ Университетѣ), я предупреждалъ В. И., что В. О. во-первыхъ несомнѣнно на диспутѣ коснется исторіи крестьянства XVI—XVII в., лучше всего ему извѣстной, а во-вторыхъ, какъ всегда, прибѣгнетъ къ своему излюблен-

Нравственный обликъ В. И. сложился главнымъ образомъ подъ воздѣйствіемъ извѣстнаго педагога-писателя Василя Ивановича Водовозова, у котораго онъ не только учился, но и въ семьѣ котораго онъ воспитывался, кажется, еще съ гимназической скамьи.

В. И. написана очень интересная біографія В. И. Водовозова¹⁾. Она любопытна вдвойнѣ—и какъ живая характеристика лица, къ которому онъ былъ особенно близокъ въ теченіе четверти.

норму диалектическому приему—задавать диспутанту вопросы. При этомъ у В. О., какъ необыкновенно ловкаго диалектика, были всегда въ запасѣ возраженія на отвѣты противоположнаго рода.

Я во-первыхъ посоветовалъ В. И. освѣжить въ своей памяти нѣкоторыя работы (конечно и извѣстныя статьи самого В. О. Ключевскаго) по исторіи крестьянъ XVI—XVII в. и въ диспутѣ съ В. О. вести борьбу его же орудіемъ, т. е. на вопросы отвѣчать вопросами. Но отъ перваго В. И. отказался изъ отсутствія времени—до диспута оставалось 2—3 дня, а ему нужно было повидать массу народа. Второе было не по натурѣ В. И. Онъ, правда, хорошо владѣлъ словомъ, говорилъ ярко, горячо и убѣдительно, но въ диалектической ловкости, усвоенной В. О. въ семинаріи, съ знаменитымъ историкомъ соперничать не могъ.

На диспутѣ вышло такъ, какъ я предвидѣлъ, и поэтому вѣроятно, В. И. и нѣсколько нервничалъ въ своихъ отвѣтахъ В. О. Правда, В. О., обладая особеннымъ талантомъ изводить диспутанта, на диспутѣ П. Н. Милюкова онъ напр. часть съ четвертью говорилъ о живущей четверти. На диспутѣ М. К. Любавскаго (на которомъ мы оба, по назначенію факультета, оппонировали диспутанту) В. О., въ область занятія котораго не входили вопросы, затронутые М. К. въ его работѣ (В. О. занимался главнымъ образомъ исторіей Московской Руси, а диссертация М. К. Любавскаго была посвящена внутренней исторіи княжества Литовскаго), не писалъ содержанія труда, полтора часа развивалъ теоретическіе вопросы изслѣдованія вообще—какъ начинаютъ съ гипотезъ и подбираютъ къ нимъ факты, и въ обратномъ, сначала собираютъ факты, а затѣмъ дѣлаютъ изъ нихъ выводы.

Послѣ диспута В. И. пригласилъ своихъ ближайшихъ въ Москвѣ друзей и знакомыхъ—меня, проф. Н. И. Стороженко съ женою О. И., проф. И. И. Янжула съ женою Е. Н., проф. А. И. Чупрова, д-ра Погсжева съ женою, В. Е. Якушкина, своего второго оппонента на диспутѣ, и другихъ на обѣдъ въ Лоскутную гостиницу. Техническую часть пиршества—переговоры съ рестораторомъ, заказы и закупки, по полной невинности В. И. въ такихъ дѣлахъ, по его просьбѣ взялъ на себя я. В. О. Ключевскаго на обѣдѣ не было. Не помню ужъ, отказался ли онъ отъ приглашенія или В. И., не совсѣмъ довольный его выраженіями, не пригласилъ его. Обѣдъ этотъ по многимъ причинамъ остался мнѣ очень памятенъ.

На магистерскомъ диспутѣ В. И. я не присутствовалъ, такъ какъ тогда еще не жилъ въ Москвѣ. Возражали В. И. проф. В. О. Ключевскій и проф. Н. А. Поповъ (подробное описаніе диспута въ Русск. Старинѣ 1882. V). Проф. Н. А. Поповъ приходился зятемъ С. М. Соловьева, на дочери котораго былъ женатъ. Къ С. М. Н. А. питалъ не только піететъ, но прямо обожаніе, и всѣ свои лекціи обыкновенно начиналъ своими: нашъ знаменитый историкъ С. Соловьевъ.

Кончаешь свои возраженія В. О. Ключевскій и собирается начать рѣчь свою Н. А. Поповъ. Не помѣстившаяся на стульяхъ залы кучка студентовъ историковъ, слушателей Н. А., стоитъ недалеко отъ кафедръ. Одинъ изъ студентовъ обращается къ товарищамъ «и вотъ сейчасъ будетъ: нашъ знаменитый историкъ С. М. Соловьевъ. Не успѣлъ студентъ произнести своей фразы, какъ Н. А. буквально тѣми же словами началъ свои возраженія при громкомъ хохотѣ, слышавшихъ предъувѣдомленіе студента-историка товарищей.

¹⁾ Вѣстн. Европы 1887, 11—12.

вѣка, и потому, что даетъ намъ понятіе о томъ кружкѣ, въ которомъ прошли его молодые годы, и о тѣхъ вліяніяхъ, подъ которыми сложились его общественные идеалы. Внимательное чтеніе этой біографіи даетъ намъ притомъ ясное представленіе объ усвоенныхъ В. И. умственныхъ и нравственныхъ началахъ. По большому или меньшему сочувствію тѣмъ или инымъ сторонамъ характера и взглядовъ Водовозова мы легко въ изложеніи біографа отдѣлимъ и основныя черты его нравственного характера, и основныя его общественныя воззрѣнія. И эта біографія поэтому особенно цѣнный матеріалъ для внутренней біографіи самаго В. И. такъ какъ при всей своей общительности онъ никогда особенно экспансивнымъ не былъ. Подробно описывая первые очень трудные шаги по жизненному полю своего героя, біографъ приводитъ выдержку изъ письма В. И. Водовозова кому-то изъ своихъ преподавателей, или воспитателей: «*Польза общественная* будетъ всегда моимъ девизомъ, и я надѣюсь принести хоть каплю пользы при стараніяхъ, которыя, если только они сообразны съ разсудкомъ, никогда не могутъ быть тщетными, а у меня кромѣ стараній есть *еще любовь къ наукѣ*»¹⁾. Первый курсивъ принадлежитъ В. И.; второй намъ.

Изъ публицистическихъ и педагогическихъ статей В. И. Водовозова В. И. приводитъ въ его біографіи рядъ выписокъ съ цѣлью дать понятіе объ общихъ взглядахъ извѣстнаго и заслуженнаго педагога. Но В. И. Водовозовъ былъ писателемъ очень плодовитымъ, и біографъ разумѣется не имѣлъ возможности въ небольшой по объему біографіи изложить сущность его многочисленныхъ статей. Приводимыя имъ выдержки поэтому касаются только такихъ положеній В. И. Водовозова, *особенную цѣнность* которыхъ признаетъ біографъ. Такимъ положеніямъ авторъ нерѣдко, вольно, или невольно, выражаетъ свое сочувствіе.

Въ статьѣ «Древніе языки въ гимназіи» И. В. Водовозовъ высказываетъ между прочимъ такую мысль. «Можно ли смотрѣть на науку, какъ на нѣчто отдѣльное отъ жизни, когда вся современная наука и обязана своими успѣхами сближенію съ природой?»

Одно изъ стихотвореній В. И. В-а, приводимое его біографомъ, словами:

Пускай за трудъ твой не сулятъ
Высокой доли честь,
На общей нивѣ все же, братъ,
Твоя полоска есть.

¹⁾ Въ другомъ письмѣ В. И. Водовозовъ пишетъ «Сколько бы мы ни думали, ни гадали! всегда придемъ къ одному результату, что надо трудиться, что надо жить не для себя, а для пользы общей».

Въ одной статьѣ В. И. В-въ замѣчаетъ: «человѣку, не вооруженному знаніями,—пригодными къ жизни, остается одинъ путь—сдѣлаться чиновникомъ. Итакъ, самый непроизводительный классъ народа все будетъ увеличиваться, распространяя вокругъ себя нищету со всѣми пороками, хорошо извѣстными въ нашей литературѣ.

Изъ трехъ главнѣйшихъ литературныхъ направленій: славянофильства, западничества и народничества, В. И. «по своимъ взглядамъ ближе всего былъ къ западничеству, хотя никогда не грѣшилъ излишнею узостью въ этомъ отношеніи и, какъ въ области школьнаго дѣла, такъ и въ другихъ явленіяхъ, очень хорошо видѣлъ многія темныя стороны западно-европейской жизни. Къ народничеству онъ относился скептически и, сослуживъ всею своею жизнью вѣрную службу народу, добродушно подтрунивалъ надъ тою его идеализаціею, которая замѣтна у нѣкоторыхъ писателей-народниковъ. Но если что ненавидѣлъ Водовозовъ всѣми силами своей доброй души, такъ это славянофильство, или точнѣе сказать, нео-славянофильство, представителями котораго являлись И. С. Аксаковъ, В. И. Ламанскій, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ и др.».

Кто изъ знавшихъ хорошо В. И. Семеvскаго не найдетъ, въ вышеприведенныхъ общихъ воззрѣніяхъ его учителя и друга В. И. Водовозова не только общее, но во многомъ почти тождественное міросозерцаніе, усвоенное его ученикомъ и воспитанникомъ?

И В. И. Семеvскій, какъ и его тезка, старый учитель, идеалистъ, одинъ изъ гуманнѣйшихъ представителей людей 40-хъ годовъ, цѣлью своей жизни поставилъ общую пользу, и онъ, какъ его воспитатель, настаивалъ всегда на связи науки и жизни и онъ, какъ его наставникъ, всѣ свои силы употребилъ на служеніе наиболѣе обездоленному классу народа, и онъ, прекрасно образованный въ такой школѣ, какъ школа Водовозова, большого знатока классической и западно-европейской литературы, не могъ быть шовинистомъ въ духѣ нео-славянскаго филіа, и сталъ умѣреннымъ западникомъ, желавшимъ водворенія у насъ созрѣвшихъ на Западѣ правовыхъ порядковъ, вѣчно болѣя душой надъ родными невзгодами, произволомъ, препятствіями для самыхъ невинныхъ начинаній въ пользу общественныхъ классовъ.

Онъ, правда, началъ было отдавать дань и той эпохѣ, къ которой относятся его юные годы—эпохѣ шестидесятыхъ годовъ. И онъ было увлекся съ одной стороны типичнымъ для этого времени стремленіемъ къ реальнымъ знаніямъ и къ политической экономіи, въ которой эта эпоха выработки не только теорети-

ческаго міровоззрѣнія, но и политическихъ и общественныхъ идеаловъ надѣялась найти ключъ къ рѣшенію такихъ крупныхъ и наболѣвшихъ вопросовъ, какъ вопросъ аграрный и рабочій.

Въ результатъ перваго увлеченія былъ тотъ рядъ занятій, которымъ В. И. хотѣлъ себя посвятить—науки естественныя. Онъ, по окончаніи гимназіи, поступилъ было въ студенты Медико-Хирургич. Академіи. Хотя и самъ В. И. Водовозовъ отдалъ дань тогдашнему увлеченію природовѣдѣніемъ, училъ на своихъ педагогическихъ курсахъ первоначальнымъ физическимъ опытамъ, мастерилъ астролябію, глобусъ, дешевые физическіе приборы, сочинялъ для своихъ народныхъ книгъ статьи по естествознанію, но эти его попытки, благодаря отсутствію основательной подготовки, не всегда были удачны; настоящей сферой его была—педагогика, литература, поэзія, какъ и большинство его сверстниковъ и друзей, Ушинскаго, Модзалевскаго и др. Естественно, что въ кружкѣ Водовозова В. И. не нашелъ пищи для своихъ занятій *Realia*, и скоро перемѣнилъ родъ занятій, поступивъ на историко-филологическій факультетъ Петербургскаго университета.

Но Политическую Экономію онъ изучилъ основательно, и это изученіе принесло ему большую пользу при его работахъ надъ экономическимъ положеніемъ крестьянства.

Намѣреваясь приступить къ магистерскому экзамену въ Петербургскомъ университетѣ, я отправился однажды къ профессору Вредену, читавшему тогда въ университетѣ полит. экономію, условиться насчетъ программы по этому предмету, входившему въ составъ экзамена на магистра русской исторіи. Проф. Вреденъ началъ съ замѣчанія, что историки вообще политической экономіи не знаютъ. Единственно изъ экзаменовавшихся у него историковъ, дѣйствительно знавшій экономію, былъ В. И. Семевскій, и В. И., замѣтилъ я, занимается специально исторіей крестьянъ, и ему знанія политической экономіи необходимы». «Ну, какая такая политическая экономія у крестьянъ, отвѣтилъ мнѣ Вреденъ ¹⁾ (о немъ слушатели говорили, что онъ не столько вреденъ, сколько бесполезенъ; его печатный курсъ политической экономіи, надъ которымъ мнѣ пришлось не мало потѣть, отличается туманностью и необыкновенно тяжелымъ слогомъ—усвоить его я могъ только при помощи печатнаго, очень толково составленнаго студентами конспекта «по Вредену и другимъ». Образецъ слога показываетъ оставшійся въ моей памяти заголовокъ

¹⁾ Изъ теоріи Политич. Экономіи В. И. болѣе всего склонялся видимо къ марксизму, хотя никакихъ теорій на практикѣ, будучи исключительно дѣятелемъ научнымъ и литературнымъ, никогда не примѣнялъ.

одной главы: «Экономическое обособленіе предпріятій въ связи съ предпріимчивостью и отношеніе той и другой къ оборотливости». Этотъ заголовокъ напоминалъ мнѣ Гоголевское «Начало общности и совокупности» въ библіотекѣ Хлибуева).

В. И. отдалъ дань шестидесятымъ годамъ своимъ постояннымъ желаніемъ развивать молодое поколѣніе. Разумѣется, это развиваніе было безконечно далеко отъ той системы, которую обличитель либеральнаго движенія, съ легкой руки проф. Цитовича (въ его брошюрѣ «Что дѣлали въ романѣ «Что дѣлать») приписывали развивателямъ. Отношеніе В. И. къ женщинѣ было всегда идеальнымъ, прямо рыцарскимъ.

Но онъ старый шестидесятникъ, и съ женщинами велъ серьезные разговоры, совѣтовалъ тѣ или другія книги для прочтенія, призывалъ и женщину къ общественной дѣятельности. Обязанный развитіемъ многихъ лучшихъ сторонъ своего нравственнаго и умственнаго я Водовозову, В. И. свято хранилъ его память; онъ даже сохранилъ и его вторники, на которыхъ у Водовозова такъ уютно проводила время молодежь, соединяя пріятное съ полезнымъ, гдѣ и бесѣдовали на общественныя и литературныя темы, и пѣли и даже танцовали ¹⁾).

В. И. Водовозовъ передалъ В. И. Семеvскому свою любовь къ родному народу, свою жажду работать для него. Но этой общей цѣли оба старались достигать разными, болѣе соотвѣтствующими ихъ природнымъ свойствамъ, способами. Водовозовъ по своему происхожденію былъ ближе къ крестьянству (онъ происходилъ изъ купцовъ, когда-то богатыхъ, но въ его самые ранніе годы окончательно разорившихся); онъ испыталъ и голодъ, и холодъ, и всѣ невзгоды бѣдности въ свои молодые годы. Хотя онъ и прожилъ всю жизнь въ крупныхъ городахъ, Варшавѣ, Петербургѣ, но онъ, какъ педагогъ и преподаватель не только средней, но и низшей школы, постоянно имѣлъ дѣло съ дѣтьми низшихъ классовъ, ихъ родителями, народными учителями, которымъ онъ нерѣдко читалъ всевозможные курсы не только по градамъ, но и по весямъ. И поэтому онъ, хотя бы только въ одной области—просвѣщенія, своими педагогическими трудами и своими азбуками, книгами для чтенія, хрестоматіями, служилъ народному дѣлу болѣе прямымъ, непосредственнымъ путемъ, чѣмъ В. И. Семеvскій.

Путь В. И. былъ болѣе окольный, путь кропотливыхъ научныхъ изслѣдованій и литературно-научныхъ очерковъ. Его

¹⁾ Отъ В. И. Водовозова, страстнаго танцора, и В. И. Семеvскій перенялъ свою любовь къ танцамъ, которыми и его вторники нерѣдко заканчивались.

главная заслуга въ томъ, что онъ своими трудами постоянно поддерживалъ интересы къ крестьянскому вопросу.

По складу своего ума и характера В. И. къ практической дѣятельности не былъ способенъ. Съ раннихъ лѣтъ онъ вращался въ кружкѣ интеллигенціи, литераторовъ и ученыхъ и готовился къ ученой карьерѣ. Однако въ своихъ стремленіяхъ получить каѳедру онъ не разъ терпѣлъ неудачу. Главной причиной такой неудачи нужно считать сложившееся о немъ мнѣніе, какъ о публицистѣ, не ученомъ. Отдѣльныя части своихъ ученыхъ диссертаций (онъ нуждался въ средствахъ къ жизни) помѣщалъ отдѣльными статьями въ журналахъ либеральнаго направленія, и этого было довольно для того, чтобы признавали его только литераторомъ, притомъ характера радикальнаго. Эти обстоятельства и были причиной его первой неудачи въ поискахъ профессуръ.

Первая такая неудача постигла его въ одномъ изъ самыхъ молодыхъ изъ нашихъ университетовъ въ Одессѣ. И характернымъ для того (и не только для того) времени былъ фактъ, что недружелюбное отношеніе къ В. И. въ нашемъ университетѣ вышло со стороны лицъ, съ его научными трудами почти незнакомыхъ. Но этимъ лицамъ удалось убѣдить другихъ, съ этими работами еще болѣе незнакомыхъ, въ его научной некомпетентности. Репутація В. И. якобы типичнаго публициста-обличителя, а не ученаго, дошла какимъ-то образомъ и до Одессы. Антагонисты В. И. не хотѣли знать и указать, хотя конечно это знали, что *quasi* публицистическіе труды В. И. по крестьянству стоили ему десятилѣтнихъ кропотливыхъ занятій въ архивахъ—о чемъ свидѣтельствовали безчисленныя цитаты его на архивныя дѣла.

Однако причиной его перваго неуспѣха были и чисто мѣстные партійныя отношенія. О нихъ догадываться легко для людей, близкихъ къ тому времени и знающихъ взаимныя отношенія членовъ факультета и Совѣта.

Въ засѣданіе историко-филологическаго факультета 31 августа 1882 г. проф. Трачевскій внесъ письменное предложеніе объ избраніи магистра (въ протоколѣ факультетскаго засѣданія описка—русской словесности, вмѣсто русской исторіи) Семевского на штатную должность доцента Русской исторіи (уставъ 63 г. требовалъ для полученія профессуръ непременно высшей научной степени доктора; магистры могли быть доцентами. Доцентъ былъ членомъ факультета, но не участвовалъ въ Совѣтѣ университета; уставъ 84 должность доцента упразднилъ и хотя для полученія профессуръ требовалъ также степени доктора, но Министерство стало магистровъ назначать исправляющими

должность не только экстраординарныхъ, но и ординарныхъ профессоровъ). Проф. И. С. Некрасовъ заявилъ, что отсутствующій доцентъ (по кафедрѣ Русской исторіи) Г. И. Перетятковичъ ничего не имѣетъ противъ представленія магистра Семевского на означенную должность. Проф. Θ. И. Успенскій и доцентъ В. И. Пироговъ (оба по кафедрѣ всеобщей исторіи—Θ. И. Успенскій впослѣдствіи перешелъ въ Константинополь директоромъ Археологическаго Института, а теперь состоитъ въ званіи Академика; В. И. Пироговъ, не такъ давно скончавшійся, сынъ знаменитаго хирурга Пирогова ¹⁾) присоединились къ сдѣланному проф. Трачевскимъ предложенію. Въ результатѣ произведенной за симъ баллотировки магистръ Семевскій оказался избраннымъ единогласно семью голосами присутствовавшихъ въ засѣданіи членовъ факультета (проф. Некрасовъ, Успенскій, Трачевскій, Юргевичъ, Войтковскій, Воеводскій и доцентъ Пироговъ). Не присутствовалъ на засѣданіи проф. Кочубинскій, Н. П. Кондаковъ и доцентъ Перетятковичъ—всѣ три находились въ командировкѣ).

Засѣданіе происходило 31 августа 1882, и дѣло было тотчасъ же внесено въ Совѣтъ.

Въ своемъ представленіи магистра Семевского проф. Трачевскій указываетъ прежде всего на необходимость усилить преподаваніе Русской исторіи въ Новоросс. университетѣ, такъ какъ въ другихъ университетахъ по два преподавателя на этой кафедрѣ. Магистръ Семевскій соотвѣтствуетъ специальнымъ нуждамъ факультета, такъ какъ онъ служилъ бы счастливымъ дополненіемъ существующаго здѣсь преподаванія Русской исторіи. Доцентъ Перетятковичъ работаетъ преимущественно надъ древнимъ періодомъ русской исторіи и было бы прискорбно, если бы онъ разбрасывалъ свои силы, взявшись за изслѣдованіе судебъ нашего отечества съ Петра I, тѣмъ болѣе, что новая Русская исторія отличается отъ древней не только своимъ характеромъ, но и методомъ своего изслѣдованія: она составляетъ неразрывную часть всеобщей исторіи... Магистръ Семевскій специально занимается Русской исторіей съ конца прошлаго вѣка и именно ея внутренними отношеніями. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ поистинѣ неутомимаго труда онъ успѣлъ доказать, какъ велика и почти не начата избранная имъ задача, и какого достойнаго исполнителя нашла она въ немъ.

Этотъ молодой ученый уже успѣлъ снискать себѣ почетное имя въ наукѣ цѣлымъ рядомъ трудовъ, отличіемъ которыхъ

¹⁾ Читаль, впрочемъ недолго древнюю исторію въ Новор. университетѣ.

служать: основательность въ обработкѣ матеріаловъ изъ первыхъ рукъ, умѣнье вводить мелкими архивными свѣдѣніями, и осторожность въ выводахъ при широтѣ взгляда и живости изложенія. Словомъ, здѣсь два рода достоинствъ, которыя рѣдко совмѣщаются въ одномъ лицѣ, что даетъ возможность ожидать отъ автора крупныхъ научныхъ выводовъ, тѣмъ болѣе, что всѣ его работы составляютъ связанное, но еще незаполненное, цѣлое: это какъ бы преддверіе къ научному зданію съ отдаленной и широкой перспективой.

Перечисливъ печатные труды Семевского, проф. Трачевскій оканчиваетъ такъ: касательно преподавательскихъ способностей магистра Семевского должно считать, что, написавши столько серьезныхъ трудовъ въ сравнительно короткое время, онъ могъ заниматься преподаваніемъ только случайно, что онъ и исполнялъ съ успѣхомъ. Но важнѣе всего, что произведенія г. Семевского щеголяютъ умѣньемъ оживить часто крайне сухой архивный матеріалъ: слогъ — принадлежность человѣка и онъ можетъ выиграть только на кафедрѣ, внѣ строгихъ рамокъ печатнаго слова. Сверхъ того г. Семевскій три года состоялъ при Петерб. университетѣ стипендіатомъ для приготовленія къ профессорскому званію, чего не могло бы быть, если бы профессора не видѣли въ немъ положительныхъ задатковъ преподавательскаго таланта. Наконецъ блестящій диспутъ въ Московскомъ университетѣ прямо доказалъ присутствіе этого таланта: по всеобщимъ отзывамъ, какъ пренія, такъ и вступительная рѣчь произвела сильное впечатлѣніе именно живостью и ясностью изложенія.

Въ виду сказаннаго слѣдуетъ думать, что историко-филолог. факультетъ Новор. университета не откажетъ признать магистра Семевского вполне необходимымъ и достойнымъ пріобрѣтеніемъ для своего историческаго отдѣленія, избравъ его въ штатные доценты по кафедрѣ Русской исторіи.

Въ Совѣтѣ возникъ вопросъ, баллотировать ли магистра Семевского въ данное засѣданіе (2-го сентября), или отложить баллотировку до слѣдующаго засѣданія. Большинствомъ голосовъ рѣшено было баллотировать въ данномъ засѣданіи. По этому вопросу съ отдѣльными мнѣніями выступили проф. богословія Кудрявцевъ и проф. славяновѣдѣнія А. А. Кочубинскій.

Первый удивляется той поспѣшности, съ которой дѣло изъ факультета было внесено въ Совѣтъ (баллотировка въ факультетѣ 31 августа, а засѣданіе Совѣта 2-го сентября). Членъ Совѣта не имѣлъ времени поэтому ознакомиться съ учеными трудами кандидата. Мнѣніе факультета не единогласно, такъ какъ въ его

засѣданіи не участвовали проф. Кочубинскій, проф. Кондатовъ и доцентъ по Русской исторіи Перетятковичъ. Представленіе проф. Трачевскаго состоитъ изъ однихъ общихъ мѣстъ.

Нужна полная критическая оцѣнка, если не всѣхъ, то главныхъ, трудовъ кандидата, нужно выясненіе того направленія, какого онъ держится въ нихъ.

Проф. Кочубинскій возражаетъ противъ баллотировки В. И. Семевского въ данномъ засѣданіи съ формальной точки зрѣнія ¹⁾ «въ интересъ защиты права на вниманіе отсутствующаго члена факультета въ интересъ утвержденныхъ факультетныхъ обычаевъ».

По старому совѣтскому постановленію выборы не производятся съ 15 мая по 1 сентября. Такого порядка держался и факультетъ. Въ представленіи факультета нѣтъ мнѣнія специалиста-доцента Перетятковича.

Члены факультета и Совѣта не имѣли времени ознакомиться съ трудами Семевского. «А въ данномъ случаѣ обычай этотъ тѣмъ болѣе былъ у мѣста, что не одинъ Семевскій писалъ по русской исторіи XVIII в. вслѣдствіе чего для меня возможна ошибка, смѣшеніе трудовъ однофамильныхъ авторовъ. Семевскій не Забѣлинъ, не Иловайскій, одно имя которыхъ достаточно для рекомендаціи».

Не было причинъ для такой поспѣшности, такъ какъ кафедра Русской исторіи занята доцентомъ, пріобрѣтшимъ въ маѣ степень доктора, и при ней состоитъ еще приватъ-доцентъ-магистръ (А. И. Маркевичъ). Право предлагать кандидата на кафедру принадлежитъ каждому члену факультета, а прежде всего специалисту. Онъ Кочубинскій имѣлъ и своего кандидата—М. Н. Бережкова, автора изслѣдованія о сношеніяхъ Новгорода съ Ганзой.

Однако, несмотря на эти отдѣльныя мнѣнія, Совѣтъ большинствомъ голосовъ постановилъ произвести баллотировку въ засѣданіи 2-го сентября; при закрытой баллотировкѣ В. И. Семевскій получилъ 12 бѣлыхъ и 12 черныхъ голосовъ, а равенство голосовъ при закрытой баллотировкѣ означаетъ неизбраніе.

Подкладка всего этого дѣла была конечно иная. Проф. Кудрявцевъ и Кочубинскій выступили съ чисто формальными ~~вы~~раженіями, въ которыхъ были вполне правы—дѣло было ведено слишкомъ поспѣшно, вопреки правилу, требующему извѣстнаго промежутка времени для ознакомленія съ дѣломъ. Но и эта поспѣшность съ одной стороны, и возраженія съ другой, имѣли особую подкладку.

¹⁾ См. записки Императорскаго Новороссійскаго Университета т. 35, часть официальная.

Русскую исторію читали тогда въ Новороссійскомъ университетѣ—Г. И. Перетятковичъ въ качествѣ штатнаго доцента (съ 1877 г.) и А. И. Маркевичъ въ качествѣ приватъ-доцента (впоследствии ставшій профессоромъ того же университета).

Часть факультета была недовольна лекторскими приёмами доцента Перетятковича. Въ маѣ 1882 г. Перетятковичъ защитилъ въ Московскомъ Университетѣ докторскую диссертацию, и факультетъ представилъ его къ выбору въ экстраординарные профессора. Неблагопріятно относившаяся къ Перетятковичу партія факультета и рѣшила выставить противъ него Семевского, м. б. рассчитывая этимъ и на успѣхъ выборовъ Перетятковича въ Совѣтъ. Спѣшность внесеннаго дѣла въ Совѣтъ, очевидно, объясняется соображеніями о группировкѣ голосовъ въ Совѣтѣ. Нѣкоторые изъ лицъ, стоявшихъ за Перетятковича, были въ отсутствіи (гдѣ П. не былъ еще членомъ Совѣта). Находившіеся въ командировкахъ не могли передавать своихъ голосовъ для баллотировки. (Совѣтъ состоялъ тогда, кажется изъ 29 членовъ). Очевидно, партія, проводившая В. И. Семевского, рассчитывала въ началѣ учебнаго года, когда не всѣ профессора были еще въ сборѣ, получить въ Совѣтѣ большинство для своего кандидата. Можетъ быть спѣшили особенно въ виду отсутствія проф. А. А. Кочубинскаго (находившагося тогда въ командировкѣ), особенно дружескія отношенія котораго къ Г. И. Перетятковичу были хорошо извѣстны, а проф. Кочубинскій имѣлъ командировку по 4-е сентября. Однако проф. Кочубинскій вернулся раньше срока—принялъ участіе въ засѣданіи Совѣта, и его голосъ рѣшилъ дѣло не въ пользу В. И. Семевского.

Для умѣющихъ читать между строкъ въ представленіи проф. Трачевскаго можно усмотрѣть его истинное мнѣніе о доцентѣ Перетятковичѣ (изъ фразы Семевскій будетъ *счастливымъ* дополненіемъ къ чтеніямъ Перетятковича); явное предубѣжденіе противъ В. И. ложилось въ отдѣльныхъ мнѣніяхъ проф. Кудрявцева и Кочубинскаго (первый хочетъ знать *направленіе* работъ В. И., второй якобы боится смѣшать его работы съ работами его брата, М. И. Семевского и тѣмъ конечно хочетъ сказать, что работы ученыя В. И. очень рядовыя).

Потерпѣвъ неудачу въ Новороссійскомъ университетѣ, В. И. вскорѣ послѣ того приватдоцентировался въ Петербургскомъ университетѣ ¹⁾, а черезъ нѣкоторое время послѣ того получилъ:

¹⁾ Между прочимъ, хотя и въ качествѣ неофіціального оппонента онъ оппонировалъ мнѣ на моемъ диспутѣ въ Петербургскомъ Университетѣ въ 1884 г. Характерно для В. И. то, что онъ особенно привѣтствовалъ одинъ изъ моихъ тезисовъ—о необходимости связи науки съ жизнью.

наконецъ и мѣсто профессора, хотя не въ университетѣ, а въ Императорскомъ Александровскомъ Лицеѣ. Чтенія въ Лицеѣ представляли для В. И. особыя удобства, такъ какъ тамъ въ высшихъ классахъ читается только новый періодъ Русской исторіи, бывшій всегда главнымъ предметомъ занятій В. И.

Съ уставомъ 84 г. началась однако чистка университетовъ отъ элементовъ, по мнѣнію И. Д. Делянова, вредныхъ. Уволены были между прочимъ—проф. С. А. Муромцевъ и М. М. Ковалевскій изъ Московскаго университета и другіе. Въ число вредныхъ попалъ и В. И., уволенный и изъ университета и изъ лица.

Принужденный уйти изъ лица В. И. предложилъ тогда мнѣ занять его мѣсто, предлагая для этого свое содѣйствіе. Вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ я медлилъ дать согласіе на эти хлопоты. Только чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ я запросилъ одного изъ профессоровъ лица, съ которымъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ, въ какомъ положеніи дѣло о преемникѣ В. И.

Узнавъ, что очень незадолго до моего запроса лицей, не найдя лица съ ученой степенью, избралъ на это мѣсто молодого ученаго, еще не имѣвшаго степени магистра.

Много лѣтъ позже, послѣ выслуги проф. Перетятковича 30 лѣтъ въ нашемъ университетѣ я предлагалъ В. И. занять въ Новороссійскомъ университетѣ его кафедру (въ выборѣ его тогда можно было быть убѣжденнымъ), но В. И., окончательно свыкшійся съ Петербургомъ, отказался отъ моего предложенія, сославшись на свой возрастъ, въ которомъ трудно начинать новое дѣло; притомъ спеціальныя занятія отвлекли его отъ другихъ вопросовъ предмета, общій курсъ котораго ему пришлось бы читать.

Не имѣя возможности (а позже уже и охоты) продолжать своей ученой педагогической дѣятельности, В. И. всецѣло отдался научной и литературной дѣятельности, которая одна и давала ему средства къ существованію.

Преслѣдованія, какимъ подвергался В. И.,—послужили поводомъ къ разыгранной мною маленькой комедіи по его адресу.

Это было въ 1884 г. В. И. поѣхалъ тогда лѣтомъ въ Малоросію погостить въ имѣніе проф. Н. И. Стороженка.

Защитивъ въ маѣ 84 г. магистерскую диссертацию въ Петерб. университетѣ, и выдержавъ передъ тѣмъ тамъ же магистерскій экзамень, я чувствовалъ себя значительно утомленнымъ и о моемъ плохомъ настроеніи писалъ В. И. В. И. сообщилъ мое письмо Н. И. Стороженку, который и пригласилъ меня къ себѣ на лѣтнюю поправку. Не имѣя опредѣленныхъ плановъ на лѣто, я съ удовольствіемъ ухватился за это предложеніе и отправился

къ Н. И., не предупредивъ его телеграммой о днѣ моего прїѣзда. Доѣхалъ я до города Лохвицъ по жел. дорогѣ, а тамъ нанялъ пролетку и поѣхалъ въ Мармизовку, отстоявшую отъ Лохвицъ на разстояніи 35 верстъ.

Не доѣзжая верстъ пяти до Мармизовки, вижу ѣдущую мнѣ навстрѣчу коляску, запряженную тройкой. Шелъ дождь, верхъ коляски, какъ и моей пролетки, былъ поднятъ. Деревенскіе путники любопытны—тамъ вѣдь чужой человѣкъ гага avis: мы одновременно высунули головы изъ экипажей, узнавъ другъ друга и выскочили, чтобы поговорить. В. И. ѣхалъ на нѣсколько дней въ Бѣлогорѣлку, имѣніе сестры Н. И. Поговорили и разъѣхались въ разныя стороны—я въ Мармизовку, В. И. въ Бѣлогорѣлку.

Возница мой не спѣшилъ и довезъ меня до Мармизовки уже, когда стемнѣло. Въѣзжаю въ обширный дворъ усадьбы; прїѣздъ гостя въ глухой деревнѣ всегда радостное событіе. Н. И. повидимому никого не ждалъ въ это время къ себѣ. Пока я расплачивался съ возницей, онъ, вмѣстѣ съ женой, О. И. вышелъ на террасу дома. Было, какъ я уже сказалъ, темновато, вечерній сумракъ усиливало покрытое тучами небо. Вотъ это-то обстоятельство и зародило у меня, тогда еще очень молодого человѣка мысль о маленькой комедіи. Запутавшись въ мою альмавиву, нахлобучивъ на голову мой мягкій фетръ, я подошелъ къ терассѣ и отрекомендовался: судебный слѣдователь по важнѣйшимъ дѣламъ. «Милости просимъ», вѣжливо приглашаетъ Н. И. (Благодаря темнотѣ; мы неясно видѣли лицо другъ друга). «У васъ проживаетъ В. И. Семеvскій?»—«Да, онъ у насъ гоститъ».—«Но его теперь здѣсь нѣтъ?»—«Да, онъ уѣхалъ на нѣсколько дней, но мы вамъ можемъ сказать куда».—«По имѣющимъ у насъ свѣдѣніямъ, Семеvскій намѣревается здѣсь устроить коммуу». «Что за вздоръ!» не выдержала О. И. «вотъ бѣдный В. И., нигдѣ нѣтъ ему покоя».—«По полученнымъ нами свѣдѣніямъ, вы ждете къ себѣ и другого революціонера (назвалъ себя)».—«Какой же И. А. революціонеръ!» выкрикнулъ Н. И. «онъ домовладѣлецъ. Знаете напишемъ съ вами комическое донесеніе».—«Прошу такъ не относиться къ распоряженіямъ высшаго начальства; мнѣ необходимо сдѣлать обыскъ въ бумагахъ В. И.».—«Сдѣлайте одолженіе, съ холодной вѣжливостью отвѣтилъ Н. И. Я сейчасъ распоряжусь, чтобы васъ отвели въ комнату В. И.»—«Петро! свѣчку». Явился Петро со свѣчкою, я снялъ шляпу и вмѣсто судебного слѣдователя предъ хозяевами предсталъ приглашенный ими гость.

Изъ университета В. И. долженъ былъ уйти въ 1886 г., послѣ

четырёхлѣтнихъ успѣшныхъ чтеній необязательныхъ лекцій. Поводомъ къ его увольненію, послужила, кажется, направленная противъ него статья въ «Гражданинѣ» Мещерскаго, конкуррировавшаго тогда съ «Моск. Вѣд.» въ розыскахъ крамолы. Въ лицѣ В. И. читаль менѣе года; послѣ увольненія изъ университета лицейское начальство предложило В. И. подать въ отставку, не надѣясь его отстоять въ качествѣ преподавателя ¹⁾—такую привиллегію имѣло только военное вѣдомство при гр. Милютинѣ, принимавшимъ лучшихъ преподавателей, по разнымъ соображеніямъ забракованныхъ министерствомъ гр. Д. А. Толстого. Къ официальной педагогической дѣятельности В. И. больше не возвращался, но отъ времени до времени читаль у себя на дому частные курсы для студентовъ и курсистокъ.

Василій Ивановичъ Семевскій не былъ ни теоретикомъ-реформаторомъ, ни администраторомъ-практикомъ въ дѣлѣ крестьянскаго вопроса. Въ деталяхъ лучшаго устройства крестьянскаго быта онъ едва ли имѣлъ какую-нибудь готовую систему. Онъ и не пытался, какъ старые славянофилы, найти ихъ философскій камень—народный духъ. Онъ былъ напроосто убѣжденъ, что крестьяне такіе же люди, какъ и всѣ, и что имъ, какъ всѣмъ, нуженъ хлѣбъ для физической жизни и просвѣщеніе для жизни духовной, и онъ своими трудами старался напомнить—что всѣ наши лучшіе и просвѣщеннѣйшіе дѣятели XVIII и XIX в.в.; люди дореформеннаго періода, и дѣятели эпохи реформъ, думали объ улучшеніи быта крестьянства и придумывали мѣры къ поднятію его матеріальнаго, моральнаго и умственнаго благосостоянія, и что конечная цѣль этихъ думъ и мѣръ—поставить крестьянъ въ тѣ же условія, которыя теперь доступны только классамъ привилегированнымъ.

Крестьянство, для котораго онъ работалъ всю жизнь—его имени не знаетъ; его имя пока цѣнятъ только историки, для которыхъ ученые труды Семевского надолго еще будутъ исходной точкой научныхъ изысканій.

Когда просвѣщеніе у насъ изъ привилегіи станетъ общимъ достояніемъ, какъ воздухъ, нашъ народъ, наше крестьянство включать и Василія Ивановича въ число своихъ гуманистѣйшихъ и незабвенныхъ ходатаевъ и челобитчиковъ за насущнѣйшія нужды «малыхъ сихъ».

И. А. Линниченко.

¹⁾ Эти данныя любезно сообщены мнѣ проф. Н. И. Карѣевымъ.

Учитель молодежи.

Когда я вхожу въ кабинетъ Академической библіотеки, въ которомъ мѣняють книги, и вижу, въ приоткрытую дверь за нимъ длинную комнату съ большимъ столомъ, заваленнымъ книгами, полутемную и мрачную, я невольно вспоминаю, что, именно, здѣсь, въ этомъ кабинетѣ, перестало биться сердце незабвеннаго Василія Ивановича, и на томъ столѣ нѣсколько часовъ лежало его тѣло. Подъ головою лежали книги, вокругъ стояли книжные шкафы до потолка, и все говорило о тихой ученой работѣ, огражденной отъ шума улицы толстыми стѣнами стариннаго петровскаго дома. Василій Ивановичъ умеръ на посту, на ученомъ посту, на которомъ онъ стоялъ со студенческой скамьи. Смерть почетная и завидная!.. Но внезапность ея, но тяжесть понесенной утраты заставляютъ забыть о тихой красотѣ этой смерти, о ея своеобразномъ очарованіи...

Василій Ивановичъ лежалъ въ своемъ гробу строгій и суровый. И, только приныкая къ изголовью, вглядываясь въ дорогія черты его лица, я видѣлъ ясно тѣ черточки безконечной доброты, эти мягкія морщины около рта, которыя говорили о его сердцѣ, твердомъ и суровомъ, но вмѣстѣ добромъ и нѣжнымъ...

Да, Василій Ивановичъ умѣлъ совмѣщать въ своемъ сердцѣ удивительную строгость и суровость съ безконечной нѣжностью и лаской. Онъ не признавалъ компромиссовъ; для него было «да—да, нѣтъ—нѣтъ, что сверхъ сего, то отъ лукаваго». Люди различныхъ убѣжденій всегда ощущали въ его присутствіи нѣкоторую моральную робость. Эта чистота принциповъ, совершенно кристалльная, эта твердость ихъ, абсолютно непоколебимая, эти качества Василія Ивановича вліяли на людей даже на разстояніи. Его присутствіе «выпрямляло»—морально, какъ «выпрямила» дьякона у Гл. Успенскаго безсмертная красота Венеры Милосской. Идя къ нему, невольно оглядывались назадъ, нѣтъ ли въ жизни чего-либо такого, что осудить Василій Ивановичъ. Но и вдали отъ него вспоминали всегда о томъ, что Василій Ивановичъ не проститъ ложнаго шага, что его взглядъ изъ-подъ нахмуренныхъ бровей проникнетъ насквозь, до глубины души, и слова оправданія, чуть-ли не восхваленія ошибочнаго поступка, замрутъ сами собой при одномъ взглядѣ этого глубоко честнаго и принципиально твердаго человѣка. Когда одинъ представитель университетской науки, желая очистить себя отъ «увлеченій молодости» и снискать ординатуру, написалъ статью, въ которой пытался очернить великаго ученаго и оправдать его палачей, Василій Ивановичъ въ крайнемъ волненіи показалъ мнѣ эту статью и въ

рѣзкихъ выраженійхъ заклеилъ ея автора. У него не было двухъ мнѣній о ренегатахъ, чѣмъ бы они ни оправдывали свое ренегатство. Имѣя опредѣленные убѣжденія, человѣкъ не долженъ поступаться ими, и даже случайное уклоненіе въ мелочахъ вызывало осужденіе В. И.

Съ строгостью убѣжденій В. И. соединялъ безконечную любовь къ тѣмъ, кто нуждался въ его помощи. Любовь его не была тою сентиментальной, пассивной любовью, которая свойственна большинству людей. Она была горячей и активной, дѣйственной любовью.

В. И. воздерживался отъ изъявленій сочувствія, но онъ немедленно же старался практически выразить и доказать свое сочувствіе. Къ нему приходили студенты и курсистки, совершенно ему незнакомые. Для каждаго изъ нихъ В. И. находилъ не только ласковое слово, но и способъ фактически помочь. Онъ писалъ письма къ профессорамъ, къ лицамъ, стоящимъ во главѣ вѣдомствъ. Когда было нужно, онъ надѣвалъ сюртукъ и ѣхалъ, тратя дорогіе часы на ходатайства предъ властью имущими. Онъ всегда былъ къ услугамъ тѣхъ, кто въ немъ нуждался, особенно же тѣхъ, кто терпѣлъ гоненія за политическія убѣжденія. Въ этомъ смыслѣ большую услугу оказывало В. И. его пребываніе въ Сибири, гдѣ имъ завязаны были обширныя личныя связи. И десятки людей, ѣхавшихъ въ Сибирь, благодаря письмамъ и хлопотамъ В. И., могли и тамъ, на далекой и чужой сторонѣ, найти средства къ существованію и дружескую поддержку. В. И. мало говорилъ, но много дѣлалъ. Даже очень близкіе люди не всегда знали, сколько добра дѣлалъ В. И. для учащейся молодежи и для политическихъ изгнанниковъ.

Если кто былъ прирожденнымъ профессоромъ, талантливымъ и интереснымъ университетскимъ лекторомъ, умѣющимъ ввести слушателей въ свою ученую лабораторію и научить ихъ, шагъ за шагомъ, разбираться въ массѣ фактовъ, освѣщать ихъ и т. д., то именно такимъ человѣкомъ былъ В. И. Въ началѣ 80-хъ годовъ онъ былъ однимъ изъ самыхъ популярныхъ профессоровъ петербургскаго университета. Его аудиторія была переполнена. Да это и понятно, потому что Василій Ивановичъ говорилъ своимъ слушателямъ о народѣ, его интересахъ, нуждахъ и страданіяхъ. Его лекціи вовсе не были популярнымъ изложеніемъ яркихъ фактовъ, бьющимъ на эффектъ. Строгій и серьезный ученый, далекій отъ исканія популярности, Василій Ивановичъ былъ интересенъ глубиной, и серьезностью, и значительностью содержанія своихъ лекцій. Но, именно, содержаніе лекцій, говорившихъ о судьбахъ крестьянства въ ту эпоху, когда усиленно пытались

возродить дореформенный строй, содержаніе лекцій, а не ихъ форма, раздражало вѣдомство народнаго просвѣщенія.

Въ русскую заграничную печать того времени («Свободная Россія», № 1) проникли слѣдующія свѣдѣнія о вынужденномъ уходѣ Василя Ивановича изъ университета: «въ декабрѣ 1885 г. правительство лишило проф. В. И. Семевского права читать лекціи (даже «необязательныя»), сначала въ университетѣ, а потомъ и въ Пажескомъ Корпусѣ. Студенты при прощаніи выказали ему крайнее свое сочувствіе, и депутація поднесла ему адресъ съ 600 подписями студентовъ. Студентъ Ашетковъ, собиравшій подписи, исключенъ былъ изъ университета и потомъ арестованъ». Адресъ студентовъ я лично видѣлъ у Василя Ивановича и надѣюсь, что онъ будетъ напечатанъ на страницахъ «Голоса Минувшаго». По сообщенію «Своб. Россіи», «исключенію Семевского изъ университета предшествовали доносы на его «преступное вліяніе на молодежь» въ «Гражданинѣ» Мещерскаго. Я спрашивалъ Василя Ивановича, но онъ не помнилъ этого, и біографу Василя Ивановича предстоитъ провѣрить это обстоятельство, тѣмъ болѣе, что,—по сообщенію той же «Своб. Россіи»,— «вскорѣ (въ 1886 г.) давалась драма Мещерскаго «Золотая молодежь», и студенты раскупили билеты и освистали пьесу, а автору ея устроили кошачій концертъ, ругали «подлецомъ», «доносчикомъ», «шпіономъ» и т. д. По поводу демонстраціи были аресты»...

Исторія съ уходомъ Василя Ивановича изъ университета получить, въ біографіи его, всестороннее освѣщеніе. Отсутствіе возможности читать съ кафедръ было большимъ лишеніемъ для Василя Ивановича. Правда, онъ высказывалъ радость, что судьба избавила его отъ одесскаго университета, въ виду того духа, который воцарился тамъ послѣ ухода Мечникова. Конечно, Василій Ивановичъ не прилагалъ усилій, чтобы вернуться въ петербургскій университетъ. Но чувствовалось всегда, что онъ тоскуетъ по широкой большой аудиторіи. И аудиторія Тенишевскаго зала, въ которой онъ читалъ (на унив. отдѣленіи Об-ва народ. унив.); не могла замѣнить ему регулярной работы съ постоянными университетскими слушателями. Суррогатомъ постоянной учебной дѣятельности являлся много лѣтъ тотъ кружокъ, который работалъ подъ руководствомъ Василя Ивановича. Изъ числа ученицъ Василя Ивановича, вышедшихъ изъ этого кружка, я назову И. И. Игнатовичъ, автора ряда работъ о крестьянствѣ въ эпоху освобожденія. Я самъ, не принадлежа къ кружку, работавшему подъ руководствомъ Василя Ивановича, могу считать себя его ученикомъ, благодаря постоянному научному и дружескому общенію съ нимъ. Еще до знакомства съ Василіемъ Ивановичемъ,

на его трудахъ, я знакомился съ методомъ обстоятельной и исчерпывающей предметъ научной работы.

Удивительнымъ и рѣдкимъ среди ученыхъ было то радушіе, съ которымъ Василій Ивановичъ встрѣчалъ всѣхъ ученыхъ, приходившихъ къ нему за справкою и за совѣтомъ. Составляя библиографію своихъ работъ по крестьянству и общественному движенію, Василій Ивановичъ попутно дѣлалъ рядъ замѣтокъ по массѣ соприкасающихся вопросовъ, и, такимъ образомъ, у него получалась богатѣйшая библиографія, выходившая за предѣлы вопросовъ его собственныхъ работъ.

И своими богатствами, не исключая выписокъ изъ архивныхъ дѣлъ, Василій Ивановичъ дѣлился со всѣми, кто только хотѣлъ работать. Въ случайной бесѣдѣ онъ указывалъ иногда на такой архивъ или такіе источники, о которыхъ ранѣе не было и мысли у собесѣдниковъ.

Въ области политической Василій Ивановичъ почти никогда не принималъ, внѣшне, широкаго участія. Это не значитъ, что жизнь не проникла за стѣны его ученаго кабинета. Напротивъ, Василій Ивановичъ всегда живо интересовался политической жизнью, и въ исторіи 80—900 гг. историкъ русской интеллигенціи отведеть почетное мѣсто литературно-политическому салону Семевскихъ, въ которомъ собирались по воскресеньямъ не только ихъ личные друзья, но и представители литературы, политической и общественной жизни. Василій Ивановичъ принималъ дѣятельное участіе въ политическихъ заявленіяхъ петербургской интеллигенціи. Мы находимъ его подписи и подъ извѣстнымъ «ходатайствомъ русскихъ литераторовъ» 1895 года (В. И. сожалѣлъ всегда лишь о формѣ, которая придана была этому заявленію о необходимости свободы печати), и подъ протестами Союза Писателей по поводу 4 марта 1901 г., и по поводу отлученія Толстого, и по поводу кроваваго навіта на евреевъ и т. д., и т. д. Какъ секретарь извѣстнаго собранія 20 ноября 1904 г. въ залѣ Павловой, я живо помню, съ какимъ вниманіемъ и волненіемъ была принята собравшимися рѣчь Василія Ивановича, напоминавшая намъ о многолѣтней борьбѣ поколѣній интеллигенціи за политическую свободу. Въ этой рѣчи Василій Ивановичъ сумѣлъ сжато и ярко изобразить исторію борьбы за конституцію и найти живыя слова призыва къ активной работѣ по созданію народнаго представительства.

Мнѣ не довелось быть въ Петербургѣ въ бурные январскіе дни 1905 г., когда Василій Ивановичъ, въ числѣ другихъ избранниковъ русской интеллигенціи, пытался предотвратить то, что совершилось 9 января. Онъ и его товарищи были, конечно, представителями общественной совѣсти, взволнованной грядущимъ ужа-

сомъ. Но его и его друзей приняли за членовъ временнаго правительства, якобы готовившагося къ активнымъ шагамъ, и Василій Ивановичъ, вмѣстѣ съ 8 товарищами по депутаціи, вошелъ подъ своды Петропавловской крѣпости, въ качествѣ важнѣйшаго государственнаго преступника. Въ эти незабвенные дни онъ навсегда связалъ свое имя съ великимъ по своему историческому значенію моментомъ русской исторіи и съ исторіей петербургскаго пролетаріата.

Василій Ивановичъ былъ твердъ и неизмѣненъ въ своихъ принципахъ. Членъ «кружка конституціоналистовъ» въ свои студенческіе годы онъ никогда не поколебался ни въ одномъ членѣ символа вѣры 60-хъ гг; до смерти остался раціоналистомъ въ области религіи, твердымъ сторонникомъ политической свободы наиболѣе полной, вѣрнымъ другомъ угнетенныхъ національностей, народнымъ социалистомъ (въ духѣ «народничества» 70-хъ г.). Въ эпоху анархическихъ увлеченій онъ былъ сторонникомъ политической свободы, но въ послѣдней онъ видѣлъ лишь ступень къ достиженію социалистическихъ идеаловъ. Никто не осмѣлился бы въ его присутствіи, даже въ шутку, коснуться того, что было «святое святыхъ» его политической вѣры. Ни одно слово даже добродушнаго глумленія надъ національностью не могло было быть произнесено въ его присутствіи. Его отношеніе къ Польшѣ, Украинѣ, евреямъ, латышамъ и т. д. было всегда полно глубокаго и искренняго благородства, безконечнаго сочувствія національному освобожденію. Предлагая мнѣ написать работу о евреяхъ въ русскомъ освободительномъ движеніи, Василій Ивановичъ съ глубокимъ волненіемъ перечислилъ мнѣ наиболѣе выдающихся евреевъ, участниковъ движенія, а затѣмъ перешелъ къ исчисленію жертвъ, принесенныхъ русскимъ еврействомъ на алтарь русской свободы.

— Подумайте только, С. Г.,—сказалъ Василій Ивановичъ съ волненіемъ,—подумайте о потокахъ крови, о безчисленныхъ страданіяхъ евреевъ, и не только тѣхъ, которые участвовали въ движеніи, но и тѣхъ, которые должны были расплачиваться невольно за революціонеровъ и за революцію... Чѣмъ мы отплатили имъ до сихъ поръ»?!...

Эти слова характеризуютъ отношеніе Василія Ивановича и къ еврейскому вопросу, и къ долгу русскихъ предъ угнетенными національностями вообще. Я ограничусь этими немногими строчками. И русское крестьянство, и русскій рабочій классъ, и угнетенныя національности, и народная свобода — потеряли въ лицѣ В. И. друга и поборника. Да будетъ-же незабвенно его дорогое имя!

Сергій Сватиковъ.

Мое знакомство съ В. И. Семевскимъ.

Въ 1908 году, когда я началъ интересоваться архивомъ декабриста Тургенева, я узналъ, что единственнымъ человѣкомъ въ Петербургѣ, знавшимъ этотъ архивъ основательно, былъ В. И. Семевскій. Рѣшивъ съ нимъ познакомиться, я запасаю визитной карточкой одного академика и отправился къ Василию Ивановичу. На карточкѣ было написано, что я много занимался исторіей русскаго общества. Взглянувъ мелькомъ на карточку, Василий Ивановичъ ласково осмотрѣлъ меня и съ большимъ любопытствомъ спросилъ:

— Вы много занимались русской общиной?

Я поспѣшилъ вывести его изъ заблужденія, сказавъ, что я занимался изученіемъ русскаго общества, а не общины. Послѣ этого Василий Ивановичъ сказалъ, мнѣ, что хотѣлъ бы непременно поговорить со мной обстоятельно о матеріалахъ архива, но къ сожалѣнію долженъ выйти изъ дома по дѣлу на часъ. Я всталъ и хотѣлъ откланяться, но Василий Ивановичъ остановилъ меня, предложилъ лучше подождать его, а пока—познакомиться съ его библіотекой и прочитатъ газету (при чемъ онъ подалъ мнѣ двѣ свѣжія газеты). Я согласился, и онъ вышелъ. Помню, я прочиталъ всю газету, успѣлъ проглядѣть десятка два книгъ, когда наконецъ Василий Ивановичъ явился. Мы долго говорили съ нимъ объ архивѣ Н. И. Тургенева, и онъ одобрилъ мое намѣреніе взяться за редактированіе дневника декабриста-Тургенева. Еще мало зная меня, онъ предложилъ поговорить обо мнѣ директору библіотеки Академіи Наукъ, а мнѣ самому съѣздить къ академику В. И. Истрину, предсѣдателю издательской комиссіи по тургеневскому архиву. Такъ совершилось мое знакомство съ Василиемъ Ивановичемъ, и при его содѣйствіи я началъ редактировать изданіе дневниковъ Н. Тургенева. Черезъ недѣлю, въ ближайшій праздникъ, Василий Ивановичъ отвѣтилъ на мое посѣщеніе визитомъ, и между нами завязались тѣсныя сношенія, длившіяся всѣ эти восемь лѣтъ, вплоть до его смерти. Я много ему обязанъ въ своей научной дѣятельности, и мнѣ хотѣлось бы съ благодарностью засвидѣтельствовать это печатно.

Къ сожалѣнію, я впервые узналъ Василія Ивановича уже не въ молодыхъ годахъ: ему было шестьдесятъ лѣтъ. Поэтому я не могу имѣть понятія о немъ въ періодъ, когда человѣкъ кипитъ молодою жизнью, полонъ огня и несокрушимой энергіи. Нюбороть, съ перваго раза Василий Ивановичъ показался мнѣ

слабенькимъ, немного «согбеннымъ» и уже сѣдымъ, съ рѣденькою бородкою. Но когда бесѣда касалась его любимыхъ темъ, онъ воодушевлялся, молодѣлъ, начиналъ ходить по комнатѣ и говорить такъ, какъ-будто онъ читаетъ лекцію. Я очень любилъ слушать его въ такія минуты, всякій разъ уходилъ отъ него, пораженный его необычайной эрудиціей. Рѣдко встрѣчалъ я людей, которые прочитали бы такъ много книгъ, какъ Василій Ивановичъ. Читая его сочиненія, испытываешь то же самое удивленіе передъ начитанностью автора.

И, сказать правду, это не мудрено: вѣдь всю жизнь онъ занимался чтеніемъ и изученіемъ книгъ. Уроковъ онъ не давалъ, обязательной службы не имѣлъ, а педагогическая его дѣятельность оборвалась слишкомъ скоро—не по его винѣ. Самъ Василій Ивановичъ съ глубокою признательностью вспоминалъ, что его братъ Михаилъ Ивановичъ Семевскій, извѣстный основатель и редакторъ «Русской Старины»,—много содѣйствовалъ ему на первыхъ шагахъ его ученой дѣятельности—и тѣмъ, что помѣщалъ его статьи въ своемъ журналѣ, и тѣмъ, что добывалъ ему рѣдкіе архивные матеріалы. Разсказывая объ этомъ, Василій Ивановичъ съ гордостью называлъ мнѣ имѣющіяся у него копіи съ такихъ документовъ, которые могутъ считаться очень цѣнными.

Поразительно начитанный, съ громадной эрудиціей, Василій Ивановичъ любилъ вращаться въ сферѣ фактовъ и опредѣленныхъ явленій; но онъ былъ врагъ отвлеченныхъ философскихъ построеній. Какъ ученый, Василій Ивановичъ скорѣе описываетъ явленія, характеризуетъ ихъ, указываетъ ихъ причины; но онъ далекъ отъ желанія сдѣлать какое-либо философское построеніе на основаніи изученныхъ фактовъ. Ему кажется это лишнимъ и не идущимъ къ дѣлу, не къ лицу серьезному испытателю фактовъ. Оттого работы Василя Ивановича носятъ чисто фактическій характеръ; онѣ весьма цѣнны для будущихъ изслѣдователей; но онѣ какъ будто не доведены до конца, какъ будто изслѣдователь не захотѣлъ сдѣлать философскіе выводы изъ добрыхъ и имъ же провѣренныхъ фактовъ. Мнѣ кажется, Василій Ивановичъ дѣлалъ это сознательно, потому что, какъ человѣкъ 70—80 годовъ, онъ былъ позитивистъ, слѣдовательно вѣрилъ только фактамъ, только имъ придавалъ значеніе. Я однако не хотѣлъ бы этою замѣткою умалять значеніе ученыхъ заслугъ незабвеннаго Василя Ивановича. Мнѣ слишкомъ видно, что, напримѣръ, его капитальная книга «Политическія и общественныя идеи декабристовъ» является какъ бы энциклопедіей декабристовъ и декабристскаго движенія, что это превосходное сочи-

неніе написано на основаніи глубокаго изученія безчисленныхъ рукописныхъ матеріаловъ, недоступныхъ иногда самимъ ученымъ. Результатъ многолѣтнихъ занятій, изумительной эрудиціи, накопленной десятками лѣтъ, такое сочиненіе имѣетъ непреходящее значеніе и составляетъ эпоху въ исторіографіи вопроса о декабристахъ. Я хотѣлъ только указать на особенность трудовъ Василія Ивановича, отмѣтить, что онъ какъ бы мало интересовался философскими обобщеніями.

Также и внѣ науки Василій Ивановичъ былъ позитивистъ съ ногъ до головы. Онъ не любилъ мистики и относился скептически къ религіознымъ исканіямъ; они казались ему наивнымъ и непозволительнымъ отклоненіемъ съ пути научнаго познанія природы и ея явленій. Когда однажды я рассказывалъ ему о религіозныхъ эмоціяхъ, испытанныхъ мною (вмѣстѣ съ другими интеллигентными паломниками) въ Іерусалимѣ, въ церкви Вифаніи, ночью въ страстной четвергъ, при чтеніи 12-ти евангелій,—то Василій Ивановичъ отнесся къ моему разсказу какъ-то равнодушно и какъ-то не понималъ возможности такого религіознаго подъема у людей, душа которыхъ опустошена научнымъ скепсисомъ. Въ другой разъ, бесѣдуя съ нимъ о религіозныхъ исканіяхъ масоновъ, я могъ замѣтить, что ему были совершенно чужды и религіозные запросы.

Такимъ образомъ Василій Ивановичъ былъ человекъ исключительно науки, строгій позитивистъ; и внѣ этой сферы интересовала только политика. Повидимому оттого и вопросы, изучавшіеся имъ, имѣютъ политическій характеръ. Декабристы и петрашевцы—все это политики; но и крестьянскій вопросъ, которому Василій Ивановичъ посвятилъ лучшіе годы своей научной дѣятельности,—имѣетъ несомнѣнно политическій характеръ. Несмотря на свое научное безпристрастіе, покойный не могъ однако сохранять холоднаго спокойствія, когда писалъ, напримѣръ, о злоупотребленіяхъ помѣщицѣй власти, о страданіяхъ крестьянъ, о полицейскомъ произволѣ и такъ далѣе. Въ немъ билось сердце народника, и онъ не могъ проходить равнодушно мимо какого-угодно насилія и самовластия. Всякій, читавшій его книгу «Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ концѣ XVIII вѣковой половины XIX столѣтія» согласится со мною. Напримѣръ, во второмъ томѣ, говоря о побояхъ, причиненныхъ «злымъ помѣщикамъ», со стороны крестьянъ, Василій Ивановичъ упоминаетъ и такихъ, которыхъ крестьяне высѣкли за ихъ хорошія дѣла. При этомъ вотъ какое выраженіе вырывается у него относительно одного изъ такихъ высѣченныхъ: «Эта непріятность случилась съ однимъ камергеромъ, извѣстнымъ богачемъ и не-

годяемъ» ¹⁾ Такія фразы въ сочиненіяхъ Василия Ивановича не могли нравиться потомкамъ правящей касты. Вотъ почему—на лекціи Василия Ивановича, когда онъ ихъ началъ въ петербургскомъ университетѣ, начальство обратило особое вниманіе. Въ концѣ концовъ Василию Ивановичу пришлось покинуть университетъ.

Но внѣ политическихъ вопросовъ Василій Ивановичъ относился къ людямъ спокойно и безпристрастно. Онъ былъ очень деликатенъ, когда произносилъ приговоръ о чьемъ либо сочиненіи. Онъ старался указать какую-нибудь хорошую сторону, а плохую извинить:

Книжникъ и литературный работникъ, проводившій свою жизнь посреди книгъ и у письменнаго стола, Василій Ивановичъ сохранилъ доброе, отзывчивое сердце. И доброту эту испытали на себѣ очень многіе. Особенно охотно дѣлился онъ книгами обширной библіотеки. Помню, когда я готовился къ своему первому курсу объ имп. Николаѣ I, Василій Ивановичъ одолжилъ мнѣ на цѣлое лѣто до двадцати книгъ. И потомъ постоянно, до конца его жизни, я пользовался его прекрасной библіотекой. Помню, одинъ разъ пришли къ нему нѣсколько студентовъ съ просьбою дать имъ для занятій его статьи. Василій Ивановичъ отыскалъ и далъ имъ не только отдѣльныя свои книги и оттиски, но тутъ же вырвалъ изъ случившихся у него журналовъ двѣ свои статьи, не сохранившіяся въ оттискахъ, и передалъ все это студентамъ.

Меня поражала необыкновенная трудоспособность Василия Ивановича. Когда бы вы ни пришли къ нему, вы заставляли его за работой въ его кабинетѣ, посреди книгъ. Даже уѣзжая на дачу, онъ бралъ съ собою огромное количество книгъ—цѣлые короба. И такъ какъ пригородныя дачи небогаты книжными шкапами и полками, то Василій Ивановичъ придумалъ слѣдующій оригинальный способъ помѣщенія книгъ: онъ вытребовалъ отъ хозяина дачи двѣ пустыя кровати, поставилъ ихъ у себя въ кабинетѣ и на нихъ ставилъ книги корешками вверхъ. Когда я навѣщалъ его на дачѣ, то и тамъ заставлялъ его въ кабинетѣ неизмѣнно за книгами и за работой. Для него не существовало ни праздниковъ, ни каникулъ. Мнѣ кажется, онъ не могъ жить иначе, какъ посреди книгъ и за письменнымъ столомъ. Это была его стихія: онъ и умеръ въ библіотекѣ за книжнымъ столомъ, посреди книгъ, съ книгами подъ головою. Миръ праху его, этого великаго книжника съ глубоко отзывчивомъ сердцемъ!

¹⁾ Крестьянскій вопросъ и т. д., II, 582.

На похоронахъ его ярко обнаружилась та любовь, которую питали къ нему его друзья и почитатели: одинъ изъ нихъ закончилъ свою рѣчь рыданіями, другой прослезился, а третій отъ волненія прерывалъ свою рѣчь три раза и такъ и не кончилъ ея отъ душившихъ его слезъ. Только очень хорошіе люди способны зажигать такую любовь, такую привязанность въ душѣ своихъ друзей.

Е. Тарасовъ.

Страничка воспоминаній.

Въ буквальномъ смыслѣ слова я не былъ ученикомъ покойнаго В. И. Семевского и не привелось мнѣ быть съ нимъ въ настоящей интимной близости. Но съ памятью его у меня связывается на ряду съ чувствомъ глубокаго почтенія къ его историческимъ трудамъ и заслугамъ и еще горячее чувство живой личной признательности. Поэтому мнѣ хотѣлось бы въ томъ журналѣ, который Василій Ивановичъ редактировалъ въ послѣдніе годы своей жизни, помѣстить страничку личныхъ моихъ воспоминаній о немъ.

Я познакомился съ В. И., помнится, въ началѣ девяностыхъ годовъ—около 92 или 93 года. Издали мнѣ приводилось видѣть его и раньше: разъ удалось мнѣ быть на одной изъ послѣднихъ его лекцій въ университетѣ, еще раньше я видѣлъ его на одномъ празднованіи годовщины петербургскаго университета на студенческомъ обѣдѣ, кажется 8 февраля 1884 года, въ числѣ немногихъ молодыхъ профессоровъ, предпочитавшихъ участіе въ скромной студенческой пирушкѣ въ «Эрмитажѣ» болѣе солидному профессорскому обѣду у «Дюссо». И тогда уже я былъ большимъ почитателемъ его историческихъ работъ и особенно его книги о крестьянахъ при Екатеринѣ, но познакомиться съ нимъ лично какъ-то не встрѣчалось удобнаго повода, хотя много общихъ знакомыхъ съ нимъ у меня и тогда было.

Въ 1894 г. я напечаталъ свою работу о судьбѣ польской крестьянской реформы въ видѣ трехъ статей въ «Русской Мысли» и послалъ ему оттиски. Василій Ивановичъ отнесся къ этой моей работѣ, какъ онъ обыкновенно относился къ работамъ начинающихъ историковъ, болѣе внимательно и радушно, чѣмъ она заслуживала, и съ этихъ поръ у меня установились постоянныя съ нимъ сношенія. Въ томъ же году я уѣхалъ на службу по крестьянской и переселенческой части въ Сибирь и прослужилъ тамъ около 7 лѣтъ; но каждый разъ, какъ я пріѣзжалъ изъ Ир-

кутска въ Петербургъ,—а это случалось нерѣдко—я навѣдывался къ В. И. Семевскому и неизмѣнно встрѣчалъ радушный и любезный пріемъ и въ кабинетѣ Василія Ивановича, и на журфиксахъ у него и у Елизаветы Николаевны. Василій Ивановичъ интересовался и ходомъ крестьянскаго и переселенческаго дѣла, и самой Сибирью, гдѣ у меня съ нимъ было много общихъ знакомыхъ. Въ это же время я встрѣчался съ нимъ и въ союзѣ писателей, образовавшемся въ 1897 году, и на журфиксахъ «Русскаго Богатства», и на болѣе интимныхъ собраніяхъ литераторовъ и общественныхъ дѣятелей у незабвеннаго Николая Федоровича Анненскаго.

Въ 1898 г. Василій Ивановичъ сказалъ мнѣ, что къ нему обратилась семья В. А. Арцимовича съ предложеніемъ разобрать ту часть архива покойнаго Виктора Антоновича, которая относилась къ годамъ его губернаторствованія въ Калугѣ (1858—1862), гдѣ ему пришлось принять дѣятельное участіе въ разработкѣ и проведеніи крестьянской реформы и вынести, въ качествѣ стойкаго и неизмѣннаго ея приверженца, упорную и трудную борьбу съ мѣстными высокопоставленными крѣпостниками и съ тогдашнимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуевымъ, бывшимъ на ихъ сторонѣ. Василій Ивановичъ, въ то время, когда ему было сдѣлано это предложеніе, былъ занятъ другими работами и поэтому предложилъ съ согласія семьи Арцимовича эту работу взять мнѣ. Я тогда уже собирался покончить со службой по крестьянскимъ дѣламъ, и предложеніе Василія Ивановича очень пришлось мнѣ по сердцу. Вскорѣ я побывалъ у Арцимовичей и сговорился съ ними относительно плана и срока разработки той части ихъ семейнаго архива, которая относилась къ исторіи крестьянской реформы въ Калугѣ. Архивъ В. А. Арцимовича оказался очень интереснымъ и содержательнымъ—въ немъ были всѣ документы калужскаго губернскаго комитета по крестьянскому дѣлу, а также и журналы мѣстнаго губернскаго присутствія первыхъ годовъ осуществленія крестьянской реформы (1861—63). Надъ этимъ архивомъ несомнѣнно стоило поработать. Такъ съ легкой руки В. И. Семева приступилъ я, до тѣхъ поръ разработывавшій лишь исторію польской крестьянской реформы, къ работамъ по исторіи крестьянскаго дѣла въ Россіи. Изъ разработки этого архива у меня вышелъ довольно большой этюдъ, помѣщенный въ сборникъ, изданномъ въ память В. А. Арцимовича его семьей въ 1904 г.

Къ этому времени я не только успѣлъ выйти въ отставку (въ ноябрѣ 1900 г.), но и попасть очень скоро послѣ того въ изгнаніе изъ Петербурга, вслѣдствіе участія моего въ протестахъ

Союза писателей по поводу избіенія молодежи у Казанскаго собора во время извѣстной демонстраціи 4 марта 1901 г. Избравъ своимъ мѣстомъ жительства Саратовъ, я сталъ тамъ было редактировать одну изъ мѣстныхъ газетъ—«Саратовскій Дневникъ», который тогда издавалъ извѣстный земскій дѣятель (нынѣ членъ государственной Думы) Н. Н. Львовъ. Но газета была черезъ годъ остановлена, а я подвергся новымъ репрессіямъ и попалъ подъ особый надзоръ полиціи съ запрещеніемъ отлучаться изъ Саратова. Тутъ я рѣшилъ окончательно сосредоточиться на изслѣдованіяхъ изъ исторіи крестьянскаго дѣла и общественнаго движенія въ Россіи. Первые двѣ работы, которыя я тогда замыслилъ, касались исторіи губернскихъ комитетовъ по крестьянскому дѣлу въ Россіи въ 1858—59 гг. и біографіи Ник. Ив. Тургенева въ связи съ вопросомъ о его роли въ Союзѣ благоденствія и др. тайныхъ обществахъ двадцатыхъ годовъ. Къ этимъ двумъ работамъ скоро присоединилась третья, болѣе крупная по исторіи общественнаго движенія при Александрѣ II.

Нелегко было вести эти работы въ Саратовѣ, гдѣ нельзя было достать многихъ нужныхъ мнѣ матеріаловъ, и конечно работы мои не скоро увидѣли бы свѣтъ, если бы и тутъ не пришелъ мнѣ на помощь В. И. Семевскій. Узнавъ о предпринятыхъ мною работахъ, онъ тотчасъ же съ величайшей готовностью взялъ на себя заботы о снабженіи меня всѣмъ нужнымъ мнѣ матеріаломъ для нихъ, не останавливаясь даже передъ рискомъ (который былъ довольно значителенъ, въ виду поднадзорнаго моего положенія) утратить посылаемые мнѣ цѣнные и рѣдкія изданія изъ собственной его бібліотеки. Скоро я получилъ отъ него цѣлый большой ящикъ дорогоцѣннѣйшихъ матеріаловъ—частью официальныхъ изданій, никогда не поступавшихъ въ продажу, въ родѣ «Матеріаловъ редакціонныхъ комиссій», частью заграничныхъ, весьма рѣдкихъ и малодоступныхъ изданій стараго времени, которыя и въ Петроградѣ нелегко получать. Такъ благодаря его доброй дружеской поддержкѣ удалось мнѣ, несмотря на невозможность выѣзда изъ Саратова, выполнить всѣ три задуманныя работы, которыя вскорѣ и увидѣли свѣтъ—одна въ «Русскомъ Богатствѣ», другая въ «Мірѣ Божьемъ», а третья, за невозможностью при тогдашнихъ цензурныхъ условіяхъ появиться въ Россіи, за границей. Эти работы опредѣлили мою дальнѣйшую судьбу и мое окончательное вступленіе на то новое для меня научно-литературное поприще, на которомъ я съ тѣхъ поръ и остался. Такимъ образомъ В. И. Семевскому я обязанъ началомъ моей научной и писательской карьеры. Та помощь, которую онъ мнѣ оказалъ въ этомъ случаѣ,

для него весьма характерна: я знаю, что не я одинъ обязанъ ему подобнымъ образомъ....

Въ концѣ 1904 г. я получилъ возможность вернуться въ Петербургъ, и здѣсь встрѣчи мои съ В. И. участились. 8 января 1905 г. я присутствовалъ въ томъ собраніи передовой петербургской интеллигенціи въ редакціи «Сына Отечества», которое пыталось посылкой особой депутаціи къ властямъ предержащимъ предотвратить ужасное избіеніе, происшедшее на слѣдующій день. Въ составѣ этой депутаціи, попавшей затѣмъ, какъ извѣстно, почти въ полномъ составѣ въ Петропавловскую крѣпость, вошелъ и В. И. Семевскій. Ему въ это время шель уже 57-ой годъ. Онъ бодро перенесъ двухнедѣльное заключеніе въ казематѣ, и когда я встрѣтилъ его послѣ освобожденія его оттуда, онъ жаловался только на то, что ему пришлось сильно тамъ забнуть, благодаря крѣпостному костюму, состоявшему изъ одного довольно легкаго халата, одѣваемого прямо на бѣлье.

Въ слѣдующіе затѣмъ годы политическая жизнь раздѣлила активную часть русской интеллигенціи на различныя политическія партіи, при чемъ В. И. Семевскій вступилъ въ партію социалистовъ-народниковъ, а я явился однимъ изъ учредителей и членомъ центральнаго комитета конституціонно-демократической партіи. Такимъ образомъ мы оказались въ разныхъ, хотя и смежныхъ политическихъ группахъ. Это обстоятельство не помѣшало однако, несмотря на прямолинейность и извѣстную политическую непримиримость взглядовъ Василія Ивановича, сохраненію между нами хорошихъ отношеній до конца его жизни. Я же, конечно, навсегда сохранилъ въ душѣ сверхъ глубокаго почтенія къ Василю Ивановичу, какъ къ выдающемуся ученому и общественному дѣятелю высокой нравственной чистоты и силы, еще и искреннее горячее чувство личной признательности за ту поддержку и помощь, которую мнѣ лично привелось получить отъ него при первыхъ шагахъ моей собственной научно-литературной дѣятельности.

Надо ли прибавлять, что память Василя Ивановича останется для меня навсегда священной.

А. Корниловъ.

Научные труды В. И. Семевского.

«Стоитъ только понять, что знакомство съ прошлымъ не менѣе необходимо, чѣмъ изученіе настоящаго, что послѣднее правильно понимается только при основательномъ знакомствѣ съ первымъ,

что, наконецъ, хорошее будущее создается лишь какъ результатъ внимательной критики прошлаго и настоящаго, стоитъ только это понять,—найдутся самоотверженные работники, готовые всю жизнь положить на изученіе дурныхъ и хорошихъ сторонъ прежняго народнаго быта».

Эти слова покойнаго В. И. Семеvскаго, сказанныя имъ еще при первомъ его выступленіи съ большимъ историческимъ изслѣдованіемъ, могутъ быть смѣло примѣнены къ трудамъ и научнымъ интересамъ самого В. И. Въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій съ громадной энергіей и усиленнымъ вниманіемъ изслѣдуя исторію нѣкоторыхъ основныхъ и существеннѣйшихъ для пониманія настоящаго явленій русской народной и общественной жизни, В. И. Семеvскій самъ явился живымъ примѣромъ отмѣченной имъ самоотверженной работы, направленной къ объясненію и освѣщенію настоящаго при помощи глубокаго и обстоятельнаго ознакомленія съ прошлымъ.

Приведенныя нами слова В. И. могутъ объяснить отчасти и притягивавшія его вниманіе области русскаго прошлаго: всѣ изслѣдованія В. И. Семеvскаго имѣютъ своимъ предметомъ вопросы не отдаленной старины, связи которой съ современностью не могутъ быть непосредственно и явственно ощутимыми, но сравнительно недалекаго прошлаго, когда въ жизни народной и общественной уже отчетливо опредѣлились тѣ основныя явленія и движенія, которыя не потеряли извѣстнаго значенія современности и въ періодъ сложенія общихъ научныхъ и общественныхъ воззрѣній и интересовъ В. И.

Съ именемъ В. И. Семеvскаго и въ узкихъ кругахъ спеціалистовъ историковъ, и въ широкихъ кругахъ общественныхъ всегда связывается исторія крѣпостнаго права. Этотъ вопросъ, дѣйствительно, явился центромъ вниманія В. И. на многіе годы. Сознавая, что «исторія русскихъ крестьянъ есть долгъ нашей науки народу», В. И. еще въ молодыхъ лѣтахъ началъ изученіе положенія крестьянъ главнымъ образомъ крѣпостныхъ, при чемъ избралъ для спеціальной обработки эпоху Екатерины II, когда наиболѣе законченно и разносторонне выступили особенности быта и состоянія крѣпостныхъ крестьянъ, и когда въ исторіи свободнаго сельскаго населенія происходили коренныя измѣненія. Сначала въ рядѣ статей въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ В. И. опубликовалъ по частямъ результаты своихъ занятій, а затѣмъ свелъ ихъ въ своей книгѣ «Крестьяне въ царствованіе Екатерины II», первый томъ которой вышелъ въ 1881 г. и включалъ въ себѣ обзоръ свѣдѣній о крестьянахъ крѣпостныхъ и посессионныхъ, т.-е. прикрѣпленныхъ не къ лицу помѣщика,

а къ фабрикамъ и заводамъ. Эта первая крупная работа В. И. Семевского была его магистерской диссертацией и нашла сочувственный приемъ со стороны специалистовъ-историковъ. Располагая весьма значительнымъ рукописнымъ матеріаломъ, В. И. имѣлъ возможность съ большою обстоятельностью выяснить характеръ отношеній между помѣщиками и крестьянами и опредѣлить основныя особенности уклада жизни крестьянъ внутри помѣщичьяго имѣнія. Задача, поставленная себѣ В. И. Семевскимъ, не разрѣшалась только разсмотрѣніемъ данныхъ о двухъ названныхъ разрядахъ крестьянства; В. И. намѣтилъ изученіе всѣхъ группъ сельскаго населенія въ данный историческій періодъ. Но выполнить свое намѣреніе онъ могъ только черезъ двадцатилѣтія послѣ выхода въ свѣтъ начала всей работы. Второй томъ его труда былъ изданъ въ 1901 г. и касается состоянія крестьянъ дворцовыхъ, государственныхъ, приписныхъ къ заводамъ, принадлежащихъ церковнымъ учрежденіямъ, ямщиковъ, старыхъ службъ служилыхъ людей, пахотныхъ солдатъ. На основаніи обильнаго печатнаго и рукописнаго матеріала, В. И. разсматриваетъ вопросы объ образованіи каждаго изъ этихъ разрядовъ, объ ихъ основныхъ занятіяхъ, порядкѣ землевладѣнія, степени благосостоянія и внутренней дѣятельности. Въ связи съ обработкой второго тома, В. И. занялся пересмотромъ содержанія перваго, что привело къ его переизданію съ рядомъ измѣненій и дополненій. Первоначально В. И. Семевскій имѣлъ въ виду захватить своимъ изслѣдованіемъ всю территорію Россіи, включая кромѣ—коренныхъ ея губерній—и Сибирь, и Малороссію. Позднѣе послѣдняя устранена была изъ общаго плана работы. Въ первомъ изданіи труда о крестьянахъ изслѣдователь давалъ свѣдѣнія объ участіи крѣпостныхъ крестьянъ въ движеніи Пугачева, во второмъ этотъ отрывокъ отсутствуетъ, причемъ В. И. предполагалъ тотъ же вопросъ подвергнуть обстоятельному изложенію въ III-мъ томѣ сочиненія, предназначеннаго для характеристики внутренней жизни крестьянъ, ихъ обычаевъ, нравовъ, внутреннимъ отношеніямъ, занятіямъ и интересамъ. Частно для этого отдѣла былъ уже подобранъ матеріаль; на примѣръ, въ журналѣ «Устои» 1882. В. И., на основаніи указаній путешественниковъ по Россіи XVIII в. и «экономическихъ примѣчаній», собранныхъ при генеральномъ межеваніи, даетъ описаніе быта крестьянъ, а въ «Р. Ст.» 1877, 8 — характеристику жизни сельскаго священника по дневнику свящ. Матусевича, Ярославской губерніи, какъ источнику для выясненія отношеній сельскаго населенія къ своему приходскому храму и священнику. Этого III тома въ полномъ объемѣ В. И., повидимому, не обработалъ, хотя и

исключилъ изъ текста перваго тома во второмъ изданіи все то, что должно было входить въ составъ III тома. Не опубликовалъ В. И. и другой обѣщанной имъ работы («Крестьяне» II, 850) о пожалованіяхъ населенныхъ имѣній въ XVIII в.; отдѣльныя статьи по этому вопросу были напечатаны въ «Русской Мысли» (1882, XII) — о пожалованіяхъ при Павлѣ I и въ «Отеч. Зап.» (1877, VIII) и «Журналѣ для всѣхъ» (1906, IV) — о пожалованіяхъ въ царствованіе Екатерины II.

Изученіе матеріаловъ по исторіи крестьянъ въ царствованіе названной императрицы естественнымъ образомъ влекло изслѣдователя къ изученію и тѣхъ проектовъ и предположеній объ измѣненіи быта крѣпостныхъ крестьянъ, которые въ такомъ изобиліи составлялись и намѣчались въ вѣкъ Екатерины II. Небольшая работа по этому вопросу, данная В. И. Семеvскимъ на страницахъ «Отеч. Зап.» въ 1879 г. (кн. X—XII), послужила только началомъ или исходной точкой для обширнаго изслѣдованія, обработку котораго В. И. закончилъ къ 1888 г., когда были выпущены одновременно два тома давшей ему званіе доктора русской исторіи книги — «Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка».

Какъ видно по самому заглавію, В. И. ставилъ теперь широкія рамки своему изслѣдованію. Вѣкъ Екатерины долженъ былъ составить лишь часть всего круга явленій, подлежащихъ изученію, при чемъ В. И. ограничилъ свою работу концомъ царствованія Николая I, т.-е. останавливалъ вниманіе на тѣхъ проектахъ и планахъ улучшенія положенія крестьянъ, какіе предшествовали окончательной рѣшимости правительства произвести реформу, при этомъ вниманіе изслѣдователя останавливается не только на правительственныхъ воззрѣніяхъ и сужденіяхъ по вопросу о крѣпостномъ правѣ и его уничтоженіи, но и на обзорѣннѣ взглядовъ на это явленіе представителей литературы, печати и широкихъ общественныхъ массъ.

Первый томъ этого изслѣдованія первой своей половиной цѣликомъ примыкаетъ къ первому труду В. И.,—касаясь отношенія императрицы Екатерины и ея современниковъ къ дѣлу улучшенія положенія крѣпостныхъ крестьянъ. Вторая часть перваго тома обстоятельно знакомитъ читателей съ положеніемъ крестьянскаго вопроса въ царствованіе Александра I. Весь второй томъ въ шестьсотъ съ лишнимъ страницъ посвященъ разсмотрѣнію исторіи крестьянскаго вопроса въ послѣднія десятилѣтія передъ уничтоженіемъ крѣпостнаго права, именно времени императора Николая I, при чемъ здѣсь впервые приводятся свѣдѣнія о дѣятельности секретныхъ комитетовъ по вопросу о крѣ-

постныхъ крестьянахъ. Отдѣльныя главы работы В. И. Семевского, несомнѣнно, въ настоящее время утратили нѣкоторую долю своего значенія, благодаря обнародованнымъ новымъ матеріаламъ, но въ качествѣ общаго обзора громадной литературы по крестьянскому вопросу на протяженіи цѣлаго столѣтія трудъ В. И. остается единственной широко задуманной и обстоятельно разработанной монографіей на тему большой научной важности. Самъ В. И. и послѣ выхода въ свѣтъ его книги не остановился въ своей работѣ по изученію исторіи вопроса, и по частямъ перерабатывалъ свою книгу на основаніи новыхъ матеріаловъ какъ печатныхъ, такъ и рукописныхъ, впервые ставшихъ доступными В. И. Такъ были пересмотрѣны матеріалы для характеристики взглядовъ декабристовъ на крѣпостное право, Н. И. Тургенева и др. (сборникъ—«Крестьянскій Строй», «Вѣстникъ Европы», 1909, 1—2). В. И. Семевскій предполагалъ вновь обработать и всю свою книгу для второго ея изданія.

Окончаніе книги о крестьянскомъ вопросѣ дало возможность В. И. Семевскому обратиться къ темѣ, которая намѣчена была имъ ранѣе для обстоятельнаго и широкаго обслѣдованія — именно къ исторіи положенія рабочихъ на сибирскихъ золотыхъ приискахъ. Эта тема еще въ 1885 году была предложена В. И. И. М. Сибиряковымъ. Какъ рассказываетъ самъ В. И. въ предисловіи къ этому третьему большому своему изслѣдованію, онъ, послѣ изученія печатной литературы по вопросу, въ 1891 году совершилъ полугодичную поѣздку по Сибири, посѣтивъ цѣлый рядъ приисковъ и познакомившись какъ съ современной организаціей работъ на нихъ, такъ и съ матеріалами частныхъ и казенныхъ архивовъ въ количествѣ свыше 30-ти. Все это обиліе матеріаловъ дало В. И. возможность чрезвычайно обстоятельно рассмотреть какъ законодательство по вопросу о рабочихъ, начиная съ первыхъ годовъ XIX вѣка и кончая серединой девяностыхъ годовъ этого столѣтія, такъ и дѣйствительное положеніе дѣла и его соотвѣтствіе нормамъ закона. Эта обширная работа въ полторы тысячи страницъ, выпущенная въ свѣтъ въ 1898 году, является въ сущности исторической запиской для объясненія настоящаго положенія рабочихъ и такимъ образомъ оказывается, хотя и въ предѣлахъ узкой темы, прямымъ осуществленіемъ того объясненія значенія историческаго изученія, какое было выставлено В. И. уже на первыхъ шагахъ его ученой дѣятельности: «настоящее правильно понимается только при основательномъ знакомствѣ съ прошлымъ».

Съ перемѣной общихъ условій русской общественной жизни въ первые годы двадцатаго вѣка В. И. Семевскій обращается къ

изученію важнѣйшихъ моментовъ исторіи русскихъ прогрессивныхъ общественныхъ воззрѣній и движеній. Уже при разработкѣ исторіи крестьянскаго вопроса В. И. подходилъ вплотную къ этой темѣ, поскольку отношеніе къ судьбамъ крѣпостного крестьянства являлось однимъ изъ необходимыхъ элементовъ общаго политическаго и общественнаго міросозерцанія въ первую половину XIX в. В. И. Семевскій подвергъ спеціальному изслѣдованію три момента въ исторіи общественныхъ движеній—прежде всего тайныя общества эпохи Александра I, затѣмъ кружокъ Петрашевскаго-Бутаевича и Кирилло-Мееодіевское общество.

Обширная мемуарная литература, а затѣмъ — съ открытіемъ доступа къ дѣламъ о декабристахъ—и обильный архивный матеріалъ, дали В. И. возможность весьма обстоятельно разсмотрѣть взгляды декабристовъ на всѣ стороны жизни, привлекавшія критическое вниманіе современниковъ, и общія сужденія и планы о желательномъ устроеніи русской жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ В. И. выяснилъ общія условія роста общественныхъ и политическихъ идей декабристовъ и далъ нѣкоторые новые матеріалы и о судьбѣ прогрессивныхъ идей на Руси до времени сложенія основнаго міросозерцанія участниковъ тайныхъ обществъ александровской эпохи. Разсѣянные въ видѣ отдѣльныхъ статей результаты изслѣдованія были частью сведены В. И. въ четвертой большой его книгѣ вышедшей въ 1909 году—«Общественныя и политическія идеи декабристовъ» (С.-Пб.). Здѣсь подвергнуты систематическому разсмотрѣнію сужденія декабристовъ о желательныхъ измѣненіяхъ русскаго государственнаго строя, при чемъ В. И. выясняетъ возможные литературныя вліянія на общіе взгляды отдѣльныхъ участниковъ движенія и ищетъ источники положительныхъ плановъ и проектовъ декабристовъ. Помимо этой большой работы, В. И. посвятилъ декабристамъ цѣлый рядъ менѣе значительныхъ изслѣдованій—біографическаго характера, напр. о Якушкинѣ, Фонвизинѣ, Штейнгелѣ, Н. И. Тургеневѣ, и общаго содержанія, напр. о декабристахъ-масонахъ (Журналъ «Минувшіе Годы»), что частью использовано и въ книгѣ.

Другой моментъ въ исторіи русскаго прогрессивнаго движенія—дѣятельность Кирилло-Мееодіевскаго общества—послужилъ предметомъ большой статьи В. И. Семевского въ «Русскомъ Богатствѣ» за 1912 годъ. Касаясь частично этого эпизода въ нѣкоторыхъ болѣе раннихъ журнальныхъ статьяхъ своихъ, В. И. здѣсь особенно подробно обслѣдуетъ политическія воззрѣнія Шевченки, подвергая обстоятельному пересмотру его произведенія, а также Н. И. Костомарова, приводя свѣдѣнія

о составленной имъ «Книгѣ бытія украинскаго народа». — О кружкѣ Петрашевскаго В. И. успѣлъ при жизни опубликовать лишь отдѣльныя части своего большого изслѣдованія, нѣкоторыя главы котораго увидѣли свѣтъ уже послѣ кончины В. И. Семевского. Петрашевцы уже издавна привлекали вниманіе В. И., частично разрабатывавшаго матеріалы о ихъ судьбѣ—см. статью въ сборникѣ «На славномъ посту», предисловіе къ воспоминаніямъ Д. Ахшурумова. Богатый рукописный матеріалъ, ставшій доступнымъ В. И., далъ возможность въ послѣдніе годы придать изслѣдованію значительную полноту. В. И. въ своей работѣ подвергаетъ изученію какъ внѣшнюю судьбу всѣхъ «петрашевцевъ», такъ и сущность ихъ воззрѣній и дѣятельности, обставляя свои разысканія богатымъ запасомъ свѣдѣній, впервые раскрывающихъ многія стороны даннаго вопроса.

Избравъ на первыхъ же порахъ предметомъ своего спеціальнаго изученія вопросъ о крестьянствѣ и особенно о крестьянствѣ несвободномъ, В. И. сразу подошелъ къ ряду вопросовъ изъ исторіи русской политической и общественной мысли, — и сталъ по преимуществу ея историкомъ. Названными изслѣдованіями не ограничивается кругъ работъ В. И., — В. И. Семевскій попутно подбираетъ, хотя и не разрабатываетъ въ широкомъ смыслѣ, матеріалы по исторіи русской цензуры, обслѣдуетъ воззрѣнія нѣкоторыхъ дѣятелей по жгучимъ вопросамъ современности, напр., Кавелина по польскому вопросу, живо отзывается на важнѣйшія новинки исторической литературы, затрагивающія близкіе его интересамъ темы и вопросы. Было бы достойнымъ знакомъ вниманія къ дѣятельности В. И. Семевского—собраніе всѣхъ многочисленныхъ его журнальныхъ статей, неиспользованныхъ въ большихъ его книгахъ.

Всѣ работы В. И. — и на частныя, и на широкія темы—опираются на свѣжій матеріалъ, даютъ живую и глубокую его обработку и носятъ яркіе слѣды разносторонней освѣдомленности ихъ автора. Эти особенности произведеній В. И. Семевского дали основанія для оцѣнки ихъ, какъ энциклопедій по извѣстнымъ темамъ, и характеризуютъ ихъ автора, какъ сосредоточеннаго кабинетнаго ученаго. Но В. И. умѣлъ соединять тщательность и детальность изученія и обработки извѣстнаго вопроса съ широкими воззрѣніями общественнаго дѣятеля; если самое содержаніе его работъ и не всегда имѣетъ общую историческую основу, широкіе и ярко сформулированные заключенія и выводы, то самыя темы работъ придаютъ его трудамъ большое общественное значеніе. Девизъ—«изученіе прошлаго для пониманія настоящаго», постоянно сквозящій въ произведеніяхъ В. И. Семев-

скаго, дѣлаетъ ихъ необходимымъ пособіемъ для всякаго, кто не чуждъ общихъ интересовъ русской современной политической и общественной жизни, необходимымъ введеніемъ для пониманія многихъ сторонъ настоящаго.

А. В. Флоровскій.

Одна черта научной дѣятельности В. И. Семеvскаго.

Въ этой небольшой замѣткѣ, посвященной памяти Василя Ивановича Семеvскаго, мнѣ хочется отмѣтить одну его черту, какъ историка, о которой никто пока, сколько мнѣ извѣстно, не вспомнилъ и, быть можетъ, не скажетъ. В. И. былъ большой специалистъ въ новѣйшей русской исторіи, но вмѣстѣ съ этимъ обладалъ очень значительными знаніями по новѣйшей исторіи Западной Европы за тотъ же періодъ,—сочетаніе, далеко не всегда встрѣчающееся среди «русскихъ историковъ», противопологая ихъ «всеобщимъ», и вотъ эта—черта и должна быть отмѣчена для болѣе всесторонней характеристики личности покойнаго, какъ историка. В. И. не просто только интересовался западно-европейскимъ прошлымъ, но и многое въ немъ изучалъ для лучшаго освѣщенія прошлаго нашего отчасти путемъ сопоставленія и сравненія сходныхъ или, наоборотъ, несходныхъ фактовъ, отчасти (и это главное) для лучшаго уразумѣнія въ нашемъ прошломъ того, что складывалось подъ вліяніемъ Запада. Этого послѣдняго мотива и не могло не быть у историка, котораго болѣе всего интересовали процессы просвѣтительнаго и освободительнаго характера: просвѣтительнаго въ области политическихъ и соціальныхъ идей, освободительнаго въ области политическихъ и соціальныхъ стремленій. Для возникновенія такихъ общественныхъ движеній, конечно, были свои причины въ условіяхъ нашей собственной исторической жизни, но въ то же время на насъ вліялъ Западъ, который во многомъ являлся нашимъ учителемъ, подавалъ намъ примѣръ. В. И. былъ изслѣдователемъ русскаго прошлаго во всей его конкретности, но вмѣстѣ съ тѣмъ искалъ точныхъ указаній на то, какія вліянія шли къ намъ извнѣ, не довольствуясь простымъ ихъ констатированіемъ, но желая познакомиться съ вліявшими на насъ идеями и примѣрами на мѣстѣ, т.-е. тамъ, гдѣ эти идеи и примѣры возникали. Съ этимъ мотивомъ, сдѣлавшимся преобладающимъ, когда В. И. сосредоточилъ свое вниманіе на движеніяхъ, которыя возникали въ куль-

турныхъ слояхъ нашего общества, у него соединялся, особенно въ началѣ дѣятельности, когда на первомъ планѣ стояла работа надъ исторіей крестьянства, и другой мотивъ—желаніе лучше уяснить себѣ свое по сравненію съ чужимъ.

Въ теченіе болѣе, нежели тридцатилѣтняго знакомства съ В. И. Семевскимъ я неоднократно изъ однихъ разговоровъ съ нимъ, изъ вопросовъ, съ которыми онъ ко мнѣ обращался, изъ сообщений, которыми со мною дѣлился, изъ книгъ, которыя онъ читалъ или которыя можно было найти въ его библіотекѣ и т. п., я все болѣе и болѣе могъ только убѣждаться въ солидныхъ знаніяхъ В. И. въ новѣйшей исторіи Запада, въ живомъ интересѣ къ происходившимъ на Западѣ событіямъ и движеніямъ. Но и сами книги, имъ написанныя, свидѣтельствуютъ о томъ же.

Въ февр. книгъ «Русской Мысли» за 1881 г. появилась статья В. И. подъ заглавіемъ: «Не пора ли написать исторію крестьянъ въ Россіи?», которая была, съ нѣкоторыми сокращеніями, перепечатана въ его магистерской диссертациі о крестьянахъ въ Россіи при Екатеринѣ II. Здѣсь, между прочимъ, онъ обнаружилъ хорошее знакомство съ исторіографіей крестьянства на Западѣ. Печатаемая въ 1903 г. второе изданіе этого труда, исправленное и дополненное, онъ исключилъ изъ него перепечатку названной статьи, которая успѣла, конечно, устарѣть за два десятка съ лишнимъ лѣтъ, протекшихъ между обоими изданіями, но, какъ мы увидимъ, интересъ къ разработкѣ исторіи западно-европейскихъ крестьянъ не оставлялъ его еще и въ это время. Занявшись прошлымъ русскаго крестьянина, онъ счелъ себя обязаннымъ познакомиться съ тѣмъ, какъ въ странахъ съ болѣе солидной наукой трактовались темы изъ той же области изученія исторіи сельскихъ народныхъ массъ. «Историку русскаго крестьянства, писалъ В. И. Семевскій, въ своей магистерской диссертациі, необходимо познакомиться и съ трудами иностранныхъ ученыхъ по исторіи земельческаго сословія въ Западной Европѣ. Не слѣдуетъ, впрочемъ, думать, прибавляетъ онъ, что такой историкъ, если онъ пожелаетъ найти для себя образецъ въ трудахъ иностранныхъ изслѣдователей, будетъ удовлетворенъ въ своихъ стремленіяхъ»¹⁾. Хотя, конечно, на Западѣ наука во многомъ опередила нашу, но и тамъ далеко не сдѣлано всего того, что должно было бы сдѣлать. «Мы, говоритъ дальше В. И.,—мы можемъ сказать положительно, что въ Германіи, Франціи и Англіи до сихъ поръ не появилось еще полной исторіи крестьянъ каждой изъ этихъ странъ, удовлетворяющей современнымъ требованіямъ науки». Все зна-

¹⁾ Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II. Спб. 1881. т. I, стр. XXVIII.

ченіе существовавшихъ къ началу восьмидесятыхъ годовъ изслѣдованій по исторіи западнаго крестьянства нашъ историкъ сводилъ къ тому, что изъ нихъ можно было, во-первыхъ, «заимствовать факты для указанія сходства и различія съ явленіями русской жизни, а во-вторыхъ, научиться приѣмамъ при обработкѣ подобнаго же матеріала» ¹⁾).

На слѣдующихъ страницахъ книги названы труды Маурера, Ганауера, Штадельмана, Бидермана, Лангеталя, Инама-Штернегга, Роджерса, Охэнковскаго, Бабо, Моро-де-Жоннеса, Лампрехта, Делиля, Зугенгейма, Гансена, Отто Гирке, Ландау, Мясковскаго, Нассе, Геррига, Бутора, Мэна, Лавеле, не считая немногихъ русскихъ, писавшихъ о западныхъ крестьянахъ (Самарина, Ковалевскаго, Лучицкаго, Виноградова и пишущаго эти строки). В. И. не претендовалъ на полноту своего перечня, но высказывалъ все-таки увѣренность, что «начинающіе изслѣдователи исторіи русскихъ крестьянъ скажутъ спасибо за эти указанія. Знакомство съ трудами по исторіи на Западѣ, пояснялъ онъ, поможетъ имъ выработать планъ собственнаго труда, снабдить запасомъ фактовъ для сравненія, иной разъ научить методу въ пользованіи матеріалами и, наконецъ, предостережетъ отъ той ошибки, въ которую часто впадаютъ ученые, мало знакомые съ исторіей другихъ странъ: признанія національными особенностями того, что было болѣе или менѣе общимъ достояніемъ народовъ въ извѣстную эпоху развитія» ²⁾. При всей краткости обзора В. И. дѣлаетъ мѣстами мѣткія характеристики называемыхъ трудовъ. Между прочимъ, аттестуя изложеніе Маурера, какъ весьма утомительное, онъ говоритъ, что этотъ ученый «можетъ послужить примѣромъ того, какъ неутомимо, въ теченіе всей жизни, слѣдуетъ подготавливать труды, касающіеся такихъ важныхъ вопросовъ», — замѣчаніе, которое для самого В. И. не осталось простымъ словомъ, но оказалось правиломъ его собственной работы. Трудъ Роджерса по исторіи земледѣлія и цѣнъ въ Англіи онъ рекомендуетъ, какъ «образецъ при разработкѣ подобныхъ фактовъ въ другихъ странахъ и въ другія эпохи».

Выше было упомянуто, что во второе изданіе «Крестьянъ въ царствованіе Екатерины II» обзоръ историческихъ трудовъ по западно-европейскому крестьянству включенъ не былъ. Соответственная литература «такъ разрослась за послѣднія двадцать лѣтъ, писалъ В. И. по этому поводу, что мы указали въ нашемъ спискѣ лишь немногіе труды, большинствомъ которыхъ я поль-

¹⁾ Ibid, XXIX.

²⁾ Ibid., XXXIII.

зуюсь или предполагаю пользоваться въ своемъ изслѣдованіи для сравненія съ бытомъ крестьянъ въ Россіи» ¹⁾. Дѣло въ томъ, что прежнее введеніе В. И. замѣнилъ большимъ библиографическимъ указаніемъ, въ которомъ назвалъ цѣлый рядъ новыхъ иностранныхъ и русскихъ сочиненій о западно-европейскомъ крестьянствѣ, мѣстами цитируемыхъ и въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ. Нѣкоторыми этими книгами мнѣ пришлось даже лично пользоваться изъ библіотеки, В. И. когда я писалъ обзоры крестьянскихъ реформъ на Западѣ въ XIX в. для IV и V томовъ своей «исторіи Западной Европы».

Какъ историкъ политическихъ и соціальныхъ идей въ Россіи въ XVIII и XIX в.в.,—идей, въ которыхъ нельзя было не узнавать отголосковъ умственного движенія, происходившаго на Западѣ,—В. И. Семеvскій постоянно долженъ былъ обращаться къ соотвѣтственнымъ источникамъ и пособіямъ. Особенно это относится къ его трудамъ о декабристахъ и о петрашевцахъ. Занятія первыми привели В. И. къ необходимости болѣе обстоятельнаго знакомства съ западно-европейскимъ либерализмомъ до исхода первой четверти XIX в., работа надъ исторіей вторыхъ сдѣлала то же самое по отношенію къ социализму тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ въ той его формѣ, которою увлекались петрашевцы. Здѣсь исторія Запада была ему нужна не со стороны аналогичныхъ фактовъ для сравненія и тѣмъ менѣе еще въ смыслѣ образцовъ научной разработки, а вслѣдствіе того, что оттуда шли идейныя вліянія, которыя сказались въ стремленіяхъ какъ декабристовъ, такъ и петрашевцевъ.

Тутъ изъ трудовъ В. И. заслуживаетъ особаго вниманія книга «Политическія и общественныя идеи декабристовъ», вышедшая въ свѣтъ въ 1909 г. Событія и вся общественная обстановка въ царствованіе Александра I постоянно заставляли автора обращаться къ исторіи Западной Европы въ первой четверти XIX в. и, слѣдовательно, къ литературѣ объ этой эпохѣ, съ которою у него было очень солидное знакомство, еще же болѣе къ самимъ политическимъ писателямъ, которыхъ читали декабристы и подъ вліяніемъ которыхъ они находились. При этомъ В. И. приходилось знакомиться съ сочиненіями такихъ авторовъ, которые сравнительно рѣдко разсматриваются въ общихъ обзорахъ политической литературы эпохи, если авторы эти оказывали вліяніе на кого-либо изъ декабристовъ. Говоря это, я имѣю въ виду, наприм., Дестюта де Траси ²⁾, автора «Комментарія на *Духъ За-*

¹⁾ Изд. 2, т. I, стр. XXXIV

²⁾ В. И. давалъ иную транскрипцію его имени (Дэтю де Траси). Въ самой Франціи книга этого писателя не имѣла большого успѣха. См. В. А. Бутенко. Либеральная партія во Франціи въ эпоху реста-

коновъ Монтескье», вышедшаго первоначально на англійскомъ языкѣ (1811) и только позднѣе (1817) переведеннаго на французскій. В. И. довольно подробно останавливается на этомъ писателѣ по поводу его вліянія на Пестеля. Вообще въ данной области знанія В. И. были весьма обширны и разнообразны, потому что, напр., онъ имѣлъ въ виду и тѣ вліянія, которыя шли на декабристовъ еще со стороны тогдашнихъ западныхъ конституцій, тоже бывшихъ предметомъ непосредственнаго знакомства нашего историка. Столь же внимательно отнесся онъ къ западнымъ революціямъ этой эпохи, къ западному масонству, къ карбонаризму, къ германскому Tugendbund'у, не оставивъ внѣ круга своихъ научныхъ интересовъ ничего изъ исторіи западныхъ націй, что только могло отразиться на міросозерцаніи и дѣятельности декабристовъ. Къ числу странъ, по культурѣ своей принадлежащихъ къ Западу, нужно отнести и тогдашнюю Польшу, внутренняя исторія которой въ данную эпоху тоже пристально изучалась В. И. Мѣстами въ этой своей книгѣ онъ выходилъ и за предѣлы эпохи, наприм., касался конца XVIII в. и цитировалъ новѣйшія сочиненія по исторіи французской революціи ¹⁾.

Въ «Политическихъ и общественныхъ идеяхъ декабристовъ» В. И. Семеvскій нерѣдко говорилъ по отношенію къ Западу и о сравнительно болѣе спеціальныхъ предметахъ, какъ о судѣ, о присяжныхъ и объ адвокатурѣ, о военномъ строѣ, о положеніи печати и цензурѣ, какъ это все тамъ было или какъ объ этомъ тамъ разсуждали. Разумѣется, изъ предметовъ, особенно привлекавшихъ къ себѣ на Западѣ вниманіе В. И., онъ не могъ исключить и происходившихъ тамъ крестьянскихъ реформъ.

Выходу въ свѣтъ «Идей декабристовъ» предшествовалъ рядъ статей В. И. Семеvскаго, относящихся къ этому движенію. За послѣдніе годы онъ столь же обстоятельно изслѣдовалъ одинъ эпизодъ изъ исторіи русской общественности середины XIX в., связанный съ именемъ Бутаевича-Петрашевскаго, и тоже написалъ объ этомъ рядъ статей, готовя особую книгу. Историкъ первоначально, главнымъ образомъ, крестьянскаго вопроса въ Россіи, потомъ конституціоннаго движенія въ ней, въ концѣ своей жизни онъ занялся третьею аналогичною темою—началомъ социализма въ Россіи. Петрашевцы, какъ ихъ называютъ, были русскими фурьеристами, и это приводило В. И. къ занятіямъ и въ области

вращеніи (1913), стр. 403—404. Очевидно, поэтому авторъ названной книги и отводитъ ему очень мало мѣста въ своемъ обзорѣ теоретиковъ-либерализма.

¹⁾ Объ интересахъ его къ этой эпохѣ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, то, что всего за нѣсколько дней до кончины онъ взялъ у меня книгу Маделена о Дантонѣ.

исторіи самого фурьеризма, процвѣтавшаго во Франціи тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. И здѣсь у В. И. являлся спеціальнѣйшій поводъ войти въ болѣе обстоятельное ознакомленіе съ социальнымъ движеніемъ на Западѣ, которымъ, впрочемъ, онъ живо интересовался и съ которымъ вообще знакомился не въ силу одного только интереса къ упомянутому историческому эпизоду. И здѣсь онъ шелъ тѣмъ же путемъ широкаго и вдумчиваго ознакомленія съ самимъ по себѣ западнымъ явленіемъ, которое нашло отголосокъ и въ нашемъ прошломъ.

В. И., изображая въ своихъ трудахъ съ присущею ему тщательностью процессы родного прошлаго во всей ихъ конкретности, подъ этимъ конкретнымъ умѣлъ усматривать и тѣ общія черты исторической эволюціи, которыя не позволяли ему игнорировать аналогіи съ прошлымъ другихъ странъ, а въ случаяхъ ихъ на насъ вліянія видѣть въ послѣднемъ лишь что-то наносное, не имѣющее корней въ самой жизни. Въ своихъ «Идеяхъ декабристовъ» онъ какъ бы особенно изучалъ единый и общій съ остальною Европою историческій процессъ, но только примѣнительно къ Россіи, во всякомъ случаѣ не отрывая этотъ мѣстный процессъ отъ того, что дѣлалось въ остальной Европѣ. Если бы даже и не было въ нашей жизни европейскихъ вліяній, одно только сходство во всѣхъ странахъ движеній, рвущихся къ свободѣ и къ правдѣ, при томъ взглядѣ, который былъ у В. И., заставило бы его понимать свое по сравненію съ чужимъ и потому обращаться къ изученію этого чужого.

И какъ-то невольно хочется еще разъ выразить сожалѣніе по поводу того, что родина не могла использовать знанія, способности и силы такого ученаго въ качествѣ преподавателя высшей школы!

Н. Карѣевъ.

В. И. Семевскій — историкъ русскаго крестьянства.

Едва ли надо напоминать, что Россія—по преимуществу крестьянская страна, чтобы подчеркнуть то значеніе, какое имѣетъ исторія русскаго крестьянства въ ряду другихъ многихъ исторій, изъ которыхъ состоитъ общая исторія Россіи. Исторія крестьянства, т.-е. того общественнаго класса, который своимъ трудомъ добываетъ хлѣбъ и другіе продукты земледѣлія, важна въ исторіи всякой страны,—въ исторіи, какъ социологическаго

явленія и какъ особой научной дисциплины. Но въ русской исторіи, разумѣется, исторія крестьянства имѣетъ особенное значеніе и не только потому, что крестьянство—несоизмѣримо многочисленнѣйшій классъ, производящій предметы первой необходимости, что это собственно и есть тотъ народъ, который является основой государства, но и потому, что этотъ классъ уже давно и съ необыкновенною рѣдкостью обособился въ культурномъ отношеніи отъ высшихъ, руководящихъ классовъ и представляетъ особый, своеобразный міръ понятій, чувствъ и поступковъ, міръ, который, при неодинаковости отношенія къ нему со стороны выше его стоящихъ, одинаково долго оставался неизвѣстнымъ европеизированной части русскаго общества. Эта неосвѣдомленность общественныхъ верховъ о русскомъ крестьянствѣ, какъ и всегда это бываетъ при отсутствіи точнаго знанія, влекли за собой созданіе разнаго рода, болѣе или менѣе фантастическихъ, представленій объ «устояхъ» крестьянской жизни, объ ея соціологическихъ и психологическихъ элементахъ. Долго не знали, а потомъ какъ-то и не хотѣли знать, что все оригинальное въ русскомъ крестьянствѣ, все, предъ чѣмъ просвѣщенные наблюдатели народной жизни останавливались съ удивленіемъ, а иногда и съ восхищеніемъ, было забытой въ этой жизни стариной, далеко оставшейся позади въ жизни высшихъ классовъ, но уцѣлѣвшей въ крестьянствѣ. Если недостаточность знанія о русскомъ крестьянствѣ въ значительной мѣрѣ подкупила въ его пользу, то извѣстное объ немъ, объ его прошломъ, о томъ, что оно дало государству и что государство дало ему, уже окончательно отдавало русскому крестьянству всѣ самыя наилучшія симпатіи истинныхъ друзей человѣчества.

Въ самомъ дѣлѣ, одно крѣпостное право, тяготѣвшее такъ долго надъ нашимъ крестьянствомъ, способно было направить мысль лучшихъ людей общества въ сторону глубокаго сочувствія крестьянству и отвѣтственности предъ нимъ правящаго, наиболѣе просвѣщеннаго сословія за всѣ вѣковыя бѣдствія, выстраданныя народомъ въ крѣпостную эпоху. А крестьянству трудно жилось не отъ одного крѣпостного права: до 19-го февраля 1861 года не было проведено ни одной крупной реформы, которая существенно облегчила бы положеніе крестьянъ. Нѣтъ нужды говорить объ этомъ положеніи: оно слишкомъ извѣстно; извѣстно и то, что на лишенной свободы и скудной радостями жизни соціально-экономической почвѣ зародилась и постепенно расцвѣла особая крестьянская психологія, психологія недоувѣрія и отчужденія. Лучшие люди высшаго класса издавна скорбѣли о ненормальностяхъ въ положеніи русскаго крестьянства и о вытекающихъ

отсюда печальныхъ послѣдствіяхъ. Первыми горькими слезами этой скорби была смочена благородная дѣятельность на пользу народа Новикова, кровью сердца написанное знаменитое сочиненіе Радищева. Въ декабрьскомъ движеніи, при несомнѣнномъ политическомъ характерѣ его, свѣтитъ народолюбческой слезой все та же скорбь. Эти первыя дворянскія слезы скорби о положеніи крестьянства были и первыми слезами покаянія предъ нимъ или предъ народомъ въ специальномъ смыслѣ этого слова. Немногіе представители малочисленной интеллигенціи екатерининской эпохи и декабристы, это—первый шагъ народолюбчества на Руси, сердечный порывъ, зарожденіе жалости и любви къ народу.

Затѣмъ наступило время теоретической мысли, время философскаго обоснованія симпатій къ народу. Это время славянофильства и западничества 40-хъ годовъ прошлаго вѣка. Представители того и другого умственного теченія въ своемъ отношеніи къ русскому крестьянству выходили изъ отвлеченныхъ построеній западной философіи и соціальной публицистики. Различаясь между собой въ общей историко-культурной оцѣнкѣ Россіи и Европы, тѣ и другіе одинаково далеки были отъ фактическаго знанія исторіи русскаго крестьянства и одинаково взирали на него съ гуманной, но все же господской, дворянской точки зрѣнія. Лишь съ момента появленія въ средѣ русской интеллигенціи разночинца, вмѣсто философствованія надъ русскимъ мужикомъ, начинается его изученіе въ настоящемъ и прошломъ, изученіе, которое вдохновляется чувствами, еще болѣе острыми и глубокими, чѣмъ раньше; ибо эти чувства были вынесены на культурную поверхность русской жизни изъ народныхъ нѣдръ людьми, болѣе близкими къ народу по своему происхожденію и экономическому положенію и потому неотвлеченно, а сердечно понимавшими его дѣйствительное историческое значеніе. «Прочитайте», говорилъ Щатовъ, «лѣтописи, акты и писцовыя книги, вы увидите, что строителями Россіи были крестьяне всюду и вездѣ, и они вынесли на своихъ плечахъ свѣтлое будущее нашего отечества». Щаповъ, сибирякъ, сынъ сельскаго дьячка и бурятки, былъ однимъ изъ первыхъ историковъ народа; но, любя простой, черный людъ, любя русское крестьянство, Щаповъ не имѣлъ еще точнаго знанія о немъ. Если первые славянофилы въ своихъ историческихъ сочиненіяхъ руководились скорѣе философскою теоріей, чѣмъ детальнымъ фактическимъ изслѣдованіемъ, то Щаповъ руководился чувствами жалости и любви къ народу, принесенными имъ въ науку изъ сибирскаго села, изъ темной жизни въ дѣтствѣ бокъ о бокъ съ крестьянами; почему не тщательнымъ анализомъ многочисленныхъ источниковъ и фактовъ, не при по-

мощи строгаго научнаго метода, а поэтическимъ вдохновеніемъ интуитивнымъ чутьемъ добирался онъ до вѣрныхъ и глубокихъ замѣчаній объ исторіи русскаго крестьянства; не даромъ этотъ самобытный, но не отшлифованный талантъ не могъ говорить безъ слезъ о социальныхъ страданіяхъ нашего крестьянства. Но слезами, разумѣется, нельзя было помочь не только народному горю, но и горю недостаточнаго знанія о немъ... И вотъ слѣдующее за Щаповымъ поколѣніе нашей интеллигенціи уже не удовлетворяется тѣмъ, что давали прежніе народолюбцы, выдвинувшіе на первый планъ въ изученіи Россіи исторію областей и народныхъ массъ. Новое поколѣніе стремится поближе стать къ любимому народу, поближе узнать его и помочь ему не однимъ словомъ, но и дѣломъ. Одновременно съ хожденіемъ въ народъ начинается и детальное научное его изученіе—экономическое, этнографическое и историческое.

Это были 70-е годы прошлаго вѣка, годы расцвѣта того теченія въ исторіи русской общественности, которое по постановленнымъ задачамъ дѣятельности принято называть народничествомъ. Страстное увлеченіе народомъ, крестьянствомъ, охвативъ русскую интеллигенцію, невольно вело и къ воспоминаніямъ о тѣхъ, которые въ прошломъ пострадали за стремленіе освободить народъ отъ политическаго и социального гнета, и выразителемъ этихъ воспоминаній явился тотъ же самый поэтъ, «муза мести и печали» котораго давно уже воспѣвала русское крестьянство, давно уже привлекала къ нему горячее сочувствіе молодыхъ поколѣній и въ значительной мѣрѣ даже формировала ихъ жизненное настроеніе, все болѣе и болѣе переходившее въ фанатическую готовность пострадать за народъ, за крестьянство. «Русскія женщины» Некрасова (1871—1872 гг.) явились заключительнымъ эффектнымъ штрихомъ народолюбчества, которымъ была проникнута вся его поэтическая дѣятельность. Этотъ штрихъ придавалъ особую выразительность его пѣснямъ о народномъ горѣ, его поэтической пропагандѣ жалости и любви къ русскому крестьянству...

В. И. Семеvскій выступилъ на научное поприще, какъ разъ, въ это время разгара народническаго увлеченія, и тема, которую онъ выбралъ для перваго своего изслѣдованія, исторія крестьянъ въ царствованіе Екатерины II, несомнѣнно была навѣяна этимъ, стовѣтвеннымъ моменту, безавѣтнымъ тяготѣніемъ русской интеллигенціи къ русскому крестьянству, непреодолимымъ желаніемъ ея сослужить ему посильную службу и тѣмъ самымъ, какъ бы, заплатить народу долгъ, сдѣланный ему предшествующей исторіей русскаго государства и его правящаго слоя. Можно,

мнѣ думается, сказать даже больше: очевидно, преобладающая черта историческаго момента, и среда людей, въ которой жилъ В. И. Семевскій въ молодости, оказали на него настолько глубокое вліяніе, что разъ навсегда опредѣлили его общественныя и научныя симпатіи. Со свойственной ему чуткостью молодой ученый понялъ, что настало время детальнаго изслѣдованія исторіи крестьянства—не только по печатнымъ источникамъ, но и по обширному архивному матерьялу, и съ выдающейся энергіей, полный нетронутыхъ силъ и искренней любви къ самому предмету изученія, онъ принялся за дѣло.

Немного было предшественниковъ у В. И. Семевского по изслѣдованію исторіи русскаго крестьянства вообще, и совсѣмъ не было цѣльныхъ работъ по исторіи крестьянъ въ XVIII столѣтіи. Это было совершенно непочатое поле: предстояло не только изучить источники, уже имѣвшіеся налицо, но въ значительной мѣрѣ еще отыскать ихъ и извлечь изъ многихъ древлехранилищъ, а затѣмъ предстояла мелочная, длинная и томительная ихъ обработка, В. И. Семевскій не боялся самаго упornaго труда. Онъ рѣшилъ произвести работу, какой еще никто въ этой области не производилъ до него, работу, которая дала бы полное познаніе исторіи русскаго крестьянства въ экономическомъ, правовомъ и бытовомъ отношеніяхъ, правда,—за одно царствованіе, но такое, когда крѣпостная неволя достигла крайняго своего развитія и въ правѣ и въ жизни.

Царствованіе императрицы Екатерины II, на которомъ В. И. Семевскій сосредоточилъ свои изученія, эпоха, дѣйствительно, въ высшей степени знаменательная и важная въ исторіи русскаго крестьянства. И касательно детальнаго и фактическаго изученія крестьянской жизни В. И. Семевскій до конца своихъ дней остался въ намѣченныхъ имъ съ самаго начала своей научной дѣятельности хронологическихъ предѣлахъ, лишь связывая время Екатерины II съ предшествующими временами въ исторіи крестьянъ соответствующими общими справками. Въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія началъ В. И. Семевскій печатать свое изслѣдованіе о крестьянахъ въ царствованіе Екатерины II отдѣльными статьями въ періодическихъ журналахъ («Русская Старина», «Отечественныя записки»), пока, наконецъ, не вышло это изслѣдованіе книгой въ 1881 году, въ моментъ, совершенно неподходящій для сочиненій такого рода. Неблагопріятныя условія переживавшагося тогда Россіей момента сказались на отношеніи къ сочиненію В. И. Семевского въ томъ, что ему пришлось защищать свою работу на ученую степень магистра не въ Петербургскомъ университетѣ, куда книга была первоначально пред-

ставлена, а въ Московскомъ университетѣ, у В. О. Ключевского, куда она была представлена послѣ петербургскаго фіаско.

Но не для полученія только ученой степени была написана эта книга: она была произведеніемъ духа, горѣвшаго сосредоточенно-спокойною любовью къ русскому народу.

Эта любовь не погасла съ полученіемъ признанія авторитетной коллегіей заслуги В. И. Семевского передъ наукой русской исторіи, напротивъ, эта любовь въ полномъ смыслѣ оказалась любовью до гроба, вдохновляя его на новыя, столь же обстоятельныя и детальныя работы по исторіи крестьянства въ Россіи, и, заставляя возвращаться къ темъ перваго изслѣдованія—о крестьянахъ при Екатеринѣ II. Это изслѣдованіе, въ концѣ-концовъ, выросло въ 2 объемистыхъ тома (всего 1502 стран.), которые и даютъ намъ всестороннее описаніе состоянія крестьянъ Великороссіи всѣхъ разрядовъ: помѣщичьихъ, дворцоваго вѣдомства, государственныхъ, ямщиковъ и обѣльныхъ. Отмѣчаемое сейчасъ сочиненіе В. И. Семевского, главнѣйшій трудъ его жизни, не открываетъ какихъ-либо новыхъ историческихъ горизонтовъ, не стремится къ какимъ-либо своеобразнымъ схемамъ и построеніямъ, но въ немъ мы находимъ обширный резервуаръ фактическаго, детальнаго знанія о крестьянствѣ, намъ недостававшего знанія; при чемъ большинство свѣдѣній извлечено изъ неизданныхъ матеріаловъ и систематически обработано съ изумительной тщательностью и почти исчерпывающей полнотой.

Такого же характера и всѣ остальные работы В. И. Семевского, большія и маленькія. А поработалъ онъ очень много на своемъ вѣку. По приобрѣтеніи магистерской степени, В. И. принялся за докторскую диссертацию. Первая диссертация изображала крѣпостное крестьянство въ такомъ положеніи, дальше котораго правящимъ уже некуда было итти, а самимъ крестьянамъ нашелся только одинъ выходъ, тотъ самый, который былъ подсказанъ бѣглымъ казакомъ. Невольно, послѣ такого изображенія, возникалъ вопросъ, какое же было отношеніе къ такому положенію крѣпостныхъ крестьянъ въ правящихъ сферахъ и въ обществѣ, когда оказалось невозможнымъ замалчивать объ этомъ положеніи, и вотъ, вполне естественно, темой второй диссертации В. И. Семевского явился «Крестьянскій вопросъ въ XVIII и перв. полов. XIX стол.»; на эту тему съ тою же прямо-таки идеальной обстоятельностью были написаны 2 большихъ тома, преимущественно по архивнымъ матеріаламъ, а также и по произведеніямъ литературнымъ за означенный періодъ времени.

Ограничивъ свое первое изслѣдованіе исторіей крестьянъ, жившихъ въ великороссійскихъ губерніяхъ, В. И. Семевскій,

однако, глубоко понималъ всю важность изученія областной исторіи для уясненія общей исторіи Россіи, а, слѣдовательно, понималъ важность исторіи крестьянства въ той или другой области. Самое міровоззрѣніе Василя Ивановича, его политическія и общественныя идеи, наконецъ, научно-литературныя связи дѣлали его близкимъ къ интересамъ областническаго изученія въ Россіи, и поэтому нѣтъ ничего неожиданнаго въ томъ, что онъ принялъ предложеніе извѣстнаго культурнаго дѣятеля Сибири Сибирякова и занялся такой же обстоятельной разработкой положенія рабочихъ на горныхъ сибирскихъ заводахъ и пріискахъ, какой отличаются его предшествующія изслѣдованія.—Результатомъ этого предпріятія, требовавшаго поисковъ и занятій въ сибирскихъ архивахъ, было то, что В. И. Семевскій подарилъ наукѣ 2 тома новаго капитальнаго сочиненія по вопросу, столь тѣсно соприкасающемуся съ главнѣйшимъ предметомъ его изученій, съ исторіей русскаго крестьянства.

Не менѣе тѣсно связаны съ главнѣйшимъ изслѣдованіемъ Василя Ивановича и его работы по исторіи освободительныхъ идей, которыми духовно жили нѣкоторые элементы русской интеллигенціи. Уже популярнѣйшій поэтъ того времени, когда молодая душа В. И. Семевского живо восприняла все то цѣнное что осталось въ ней на всю жизнь его, освятилъ эту связь,—связь симпатій къ крестьянству, къ «народу», съ симпатіями къ тѣмъ, которые пострадали за мечты его освобожденія. И отсюда, вполнѣ понятно, почему В. И. Семевскій, сроднившись, такъ сказать, съ этимъ порядкомъ умственныхъ ассоціацій, послѣ изученія исторіи крестьянской жизни, обратился къ изученію исторіи декабристовъ и затѣмъ петрашевцевъ. Съ обычною своею тщательностью онъ въ обоихъ своихъ послѣднихъ капитальныхъ трудахъ выясняетъ и въ поразительной, по точности, картинѣ изображаетъ содержаніе политическихъ и общественныхъ идей наиболѣе радикально настроенныхъ круговъ русской интеллигенціи. Иначе говоря, историкъ изображаетъ здѣсь отношеніе декабристовъ вообще къ внутреннему положенію Россіи въ ихъ время и въ особенности, конечно, къ коренному вопросу этого положенія, къ крѣпостному, къ крестьянскому. Этому вопросу, какъ онъ развивался въ канцеляріяхъ и въ литературѣ, мы знаемъ, была посвящена 2-хъ томная докторская диссертация В. И. Семевского; такимъ образомъ два послѣднихъ труда («Политическія и общественныя идеи декабристовъ» и статьи о Петрашевскомъ и петрашевцахъ) явились логическимъ продолженіемъ той задачи, которая такъ интересовала В. И. Семевского въ связи опять-таки все съ

той же исторіей русскаго крестьянства. Такъ на всю жизнь В. И. Семевскимъ, въ сущности, овладѣла одна тема—исторія русскаго крестьянства, исторія его жизни, страданій, стремлений и попытокъ къ его освобожденію: онъ до конца остался вѣренъ любви къ народу, чувствамъ, воспринятымъ имъ на зарѣ своей жизни. Онъ тогда тоже, какъ бы, пошелъ въ «народъ», углубившись въ дремучій, темный лѣсъ его прошлаго, гдѣ почти не было даже тропинокъ, и проложилъ тамъ торную дорогу къ дальнѣйшему слѣдованію къ невѣдомымъ его пространствамъ. И В. И. такъ полюбилъ проторенный имъ путь: «вотъ покончу съ декабристами», лѣтъ 12 тому назадъ говорилъ онъ однажды пишущему эти строки, «и опять вернусь къ крестьянамъ». И онъ, дѣйствительно, вернулся.... Точнѣе, онъ никогда и не оставлялъ этой темы, она сопровождала его и въ тѣхъ его работахъ, которыя непосредственно не относились къ исторіи крестьянства. Сдѣлавъ немало для популяризаціи своихъ основныхъ изслѣдованій составленіемъ особыхъ статей и брошюръ, В. И. Семевскій оставилъ русской наукѣ очень крупное ученое и моральное наслѣдство: къ его книгамъ постоянно будутъ обращаться изслѣдователи, какъ къ богатѣйшему источнику познанія исторіи русскаго крестьянства и самоотверженныхъ «печальниковъ» о немъ, по этимъ книгамъ долго будутъ учиться настойчивой и планомѣрной работѣ въ области родной исторіи. Работая неустанно въ тиши своего кабинета надъ своими излюбленными темами, В. И. Семевскій искренне былъ убѣжденъ, что этимъ самымъ онъ служить народу, отдаетъ ему свою часть того громаднаго долга, который идейные люди того поколѣнія считали необходимымъ уплачивать народу, считали это первою гражданскою своею обязанностью... И оглядываясь назадъ на всю свою плодотворную, трудовую жизнь, В. И. Семевскій могъ быть вполне спокоенъ: своими историческими трудами онъ достойно послужилъ родинѣ, съ тою же стойкостью и терпѣніемъ, которыя такъ свойственны нашему, столь имъ любимому, крестьянству. А за такой колоссальный научный трудъ, какой В. И. взялъ на себя, за такую безкорыстную службу народу—ни русская наука, ни русская общественность не забудутъ имени В. И. Семевскаго никогда. Онъ самъ себя воздвигъ прочный памятникъ: то памятникъ хрустально-чистаго, историко-научнаго, строгаго фактическаго изслѣдованія исторіи соціальной почвы Россіи, какъ государственнаго соединенія,—многомилліоннаго крестьянства и сочувствующей ему части образованнаго русскаго общества.

Н. Фирсовъ.

Заслуги В. И. Семевского въ изученіи русской литературы.

Историкъ русскаго крестьянства и русской общественности, покойный Василій Ивановичъ Семевскій не претендовалъ на званіе историка русской литературы. Эволюція литературы, какъ художественнаго творчества, никогда не была предметомъ его научныхъ изслѣдованій и ближайшихъ интересовъ. И все-таки, подводя теперь первые итоги огромному ученому наслѣдію славнаго историка, необходимо съ горячей признательностью помянуть и его труды и заслуги въ области историко-литературной.

Въ сущности, если бы покойный Василій Ивановичъ не написалъ ни одной строчки собственно о литературѣ и русскихъ писателяхъ, то и тогда историки литературы обязаны были бы ему большой благодарностью. Онъ всесторонне изучалъ исторію русскаго крестьянства, а русская литература, какъ извѣстно, «пропахла мужикомъ», и все, что разъясняло судьбы крестьянства, конечно, способствовало расширенію и углубленію историческаго пониманія нашего литературнаго народолюбія. Другимъ любимымъ предметомъ изученія для В. И. Семевского была исторія общественныхъ и политическихъ движеній, а эти явленія суть ближайшіе спутники идейной эволюціи художественной литературы. Изученіе ихъ, столь широко поставленное въ трудахъ Семевского, не могло пройти безслѣдно для литературной исторіи.

Но именно въ силу этой близости исторіи литературы къ исторіи политической и соціальной, Василій Ивановичъ неизбѣжно увлекался въ литературныя изученія. И здѣсь онъ подчинялся столь характерному для него стремленію изучить, исчерпать все, что относится къ предмету, все лежащее не только у центра, но и на периферіи изслѣдуемой области. Когда Василій Ивановичъ пишетъ о литературѣ или литературахъ, поразительна его освѣдомленность. Онъ всегда прекрасно знаетъ всю печатную литературу, посвященную данному вопросу; если въ ней встрѣчаются разнорѣчія и споры, хотя бы и второстепеннаго значенія, онъ настойчиво разбирается въ нихъ и добивается самостоятельнаго рѣшенія. Еще болѣе поразительны его познанія въ архивныхъ документахъ. Тамъ, гдѣ историки литературы подчасъ готовы были довольствоваться печатными матеріалами, скудными и неточными, уклоняясь отъ трудныхъ архивныхъ разысканій, неутомимый Василій Ивановичъ поднималъ оставленное ими бремя и выносилъ въ научный оборотъ изъ архивныхъ дебрей цѣнные документы. Оттого-то часто его работы получали значеніе первоисточника—за недоступностью для многихъ самихъ архивовъ.

Наибольшее богатство матеріаловъ и наблюдений, относящихся къ литературѣ, В. И. Семевскій развернулъ въ трехъ своихъ «великихъ сводахъ»: «Крестьянскомъ вопросѣ», «Идеяхъ декабристовъ» и «Петрашевцахъ». Но и раньше, и въ промежуткахъ между этими монументальными трудами и одновременно покойный историкъ успѣлъ затронуть своимъ пытливымъ изслѣдованіемъ множество литературныхъ явленій. Первой статьёй, коснувшейся литературы и ея дѣятелей, была небольшая статья о княгинѣ Е. Р. Дашковой—въ «Русской Старинѣ» 1874 года (№ 3); это вообще одна изъ самыхъ раннихъ статей Семевского. Потомъ въ «Русской Мысли», «Отечественныхъ Запискахъ», «Русской Старинѣ» потянулись замѣчательныя по богатству и свѣжести матеріаловъ статьи, стянутыя въ 1888 году въ два огромныхъ тома «Крестьянскаго вопроса въ Россіи». Въ широкой постановкѣ темы давался просторъ экскурсамъ въ область художественной литературы и журналистики, и въ монографіи Семевского мы находимъ длинный рядъ главъ историко-литературнаго значенія. Тщательнымъ изученіемъ литературныхъ произведеній Семевскій устанавливаетъ отношеніе къ крѣпостному праву, теоретическое и нравственное, многихъ писателей, напр., импер. Екатерины II, Фонвизина, Державина, Княжнина, Радищева—въ XVIII вѣкѣ, Пушкина, Вяземскаго, Грибоѣдова, Тургенева, Григоровича—въ александровское и николаевское царствованіе. Кромѣ произведеній отдѣльныхъ писателей, Семевскій въ «Крестьянскомъ вопросѣ» слѣдитъ и за журналами трехъ царствованій, пересматривая сатирическія изданія екатерининскаго времени, «Почту Духовъ» и «Зритель» Крылова, періодическую печать первой половины XIX в. Приходится ему касаться и «внѣшнихъ» условій, въ какихъ литература вынуждена была обсуждать вопросъ о крѣпостномъ правѣ, и въ «Крестьянскомъ вопросѣ» мы встрѣчаемъ любопытныя данныя по исторіи русской цензуры. Къ двухтомной монографіи о крестьянскомъ вопросѣ тѣсно примыкаетъ и по сюжету, и по манерѣ изученія еще одна работа: «Крѣпостное право и крестьянская реформа въ произведеніяхъ М. Е. Салтыкова-Щедрина»; очеркъ былъ первоначально напечатанъ въ «Сборникѣ правовѣдѣнія и общественныхъ знаній» (С.-Пб., 1893, т. I), потомъ, въ дополненномъ видѣ, вышелъ отдѣльнымъ изданіемъ (Ростовъ на Дѣну, 1906, 102 стр.). Въ этой книжкѣ Семевскій переступаетъ границу николаевскаго времени и изучаетъ по произведеніямъ Салтыкова литературныя изображенія крестьянской доли въ шестидесятыхъ, семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ. Систематическаго изложенія отраженій крестьянскаго вопроса въ художественной литературѣ 60—80-хъ годовъ Семев-

скій, однако, не удосужился дать, какъ вообще не написалъ онъ *третьяго* тома «Крестьянскаго вопроса». Объ этомъ думаешь не безъ горькаго сожалѣнія: вѣдь, ему предстояло бы изложить и оцѣнить произведенія Г. И. Успенскаго, Златовратскаго, Левитова и многихъ другихъ бытописателей и печальниковъ народной жизни. Но и того, что дано Семевскимъ въ кругѣ «Крестьянскаго вопроса», слишкомъ довольно, чтобы обязать историковъ литературы горячей признательностью ¹⁾. Дѣло не только въ томъ, что у Семевского читатель легко, безъ затраты труда на спеціальные поиски, находитъ исчерпывающую сводку всѣхъ біографическихъ и литературныхъ данныхъ по вопросу о томъ, какъ реагировалъ тотъ или другой писатель на проблему крестьянской доли; такое изложеніе еще не выходитъ изъ предѣловъ компетенціи историка литературы. Труднѣе опредѣлить, насколько поэтическое изображеніе крестьянъ отвѣчало современной дѣйствительности; здѣсь необходимы спеціальныя познанія—не литературныя, а историческія, нужна особая экспертиза, и она-то и производилась въ трудахъ Семевского. Особенно показательна въ этомъ отношеніи книжка о Салтыковѣ-Щедринѣ, въ которой авторъ, съ историческими документами въ рукахъ, удостовѣряетъ правдивость многихъ художественныхъ картинъ, изображенныхъ еатирикомъ, тѣмъ самымъ придавая имъ значеніе подлинныхъ «человѣческихъ документовъ».

По тѣсной исторической связи явленій соціальныхъ, политическихъ, этическихъ и эстетическихъ, Семевскому пришлось говорить о тѣхъ же русскихъ писателяхъ, когда онъ вступилъ въ новый циклъ изученій, въ изслѣдованіе общественно-политическихъ идей и движеній въ Россіи. Не останавливаясь на многихъ подготовительныхъ работахъ, перейдемъ прямо ко второму «великому своду»: «Политическимъ и общественнымъ идеямъ декабристовъ» (С.-Пб. 1909). Двадцать лѣтъ отдѣлили эту книгу отъ «Крестьянскаго вопроса». Къ прежнимъ, весьма обширнымъ, познаніямъ о русскихъ писателяхъ Семевскій теперь могъ присоединить всѣ новѣйшія пріобрѣтенія литературной исторіографіи; а главное—передъ нимъ раскрылись двери прежде ревниво оберегавшихся архивовъ, особенно такого важнаго, какъ Государственнаго. Все это обогатило книгу о декабристахъ массой подробностей о литературныхъ явленіяхъ и дѣятеляхъ александровскаго времени. Объ отношеніяхъ къ декабризму Пушкина

¹⁾ Слѣдуетъ помнить, что въ сокращенномъ, но и переработанномъ по новымъ матеріаламъ видѣ, литературная исторія крестьянскаго вопроса предлагалась Семевскимъ въ посвященныхъ великой реформѣ 19 февраля 1861 г. юбилейныхъ изданіяхъ Сытина и т-ва «Образованіе»—въ 1911 году.

и Грибоѣдова Семевскій говоритъ съ совершеннымъ знаніемъ наличной біографической литературы; что же касается писателей-декабристовъ: Рылѣева, А. А. Бестужева, Кюхельбекера, кн. А. И. Одоевскаго, то ихъ участіе въ движеніи авторомъ изучено по слѣдственному дѣлу въ Государственномъ Архивѣ. По изданнымъ и печатнымъ матеріаламъ Семевскій говоритъ много интереснаго о литературныхъ кружкахъ, такъ или иначе соприкасавшихся съ декабристами; новое освѣщеніе получаетъ пресловутый «Арзамасъ», куда вошли декабристы: Н. И. Тургеневъ, Н. Муравьевъ, М. Ѳ. Орловъ: они предъявили къ безработному литературному кружку такія серьезныя общественныя требованія, которыя оказались ему не по силамъ и обнаружили его безпринципность. Неутомимый изслѣдователь, кромѣ того, пересмотрѣлъ огромное количество тогдашнихъ русскихъ журналовъ и сумѣлъ извлечь много цѣннаго и характернаго изъ тогдашнихъ публицистическихъ статей. Этимъ онъ вновь напомнилъ намъ, что журналистика александровской поры все еще ждетъ систематическаго описанія (по типу, данному Неустроевымъ для XVIII вѣка) и монографическаго изученія. Наконецъ, въ книгѣ находимъ впервые опубликованные и цѣнные документы по исторіи тогдашней цензуры.

Если счесть, что исторія масонства входитъ въ область исторіи литературы, то надо сказать, что въ книгѣ о декабристахъ дана особая глава объ ихъ связяхъ съ русскимъ масонствомъ. Но слѣдуетъ помнить, что сюда вошла съ очень большими сокращеніями обширная работа В. И. Семевского: «Декабристы-масоны», полностью напечатанная раньше въ журналѣ «Минувшіе Годы» (1908, №№ 2, 3 и 5). Замѣчательна полнота, съ какою Семевскій изучилъ литературу о масонствѣ—и не только русскую, но и западную; ему, при этомъ, отлично знакомы и архивные документы, часто имъ же впервые изученные. Въ результатѣ явилось изслѣдованіе, которое послѣ трудовъ Пыпина, Пекарскаго Ешевскаго, Лонгинова, изданныхъ въ 60—70-хъ годахъ прошлаго вѣка, составило новый и значительный этапъ въ развитіи исторіографіи русскаго масонства. На фонѣ широкой картины, изображенной Семевскимъ, теперь отчетливѣе выступаетъ участіе въ масонствѣ многихъ русскихъ писателей, какъ то: Пушкина, Чаадаева, Грибоѣдова и др.

Переходимъ къ третьему своду—«Петрашевцамъ». Какъ обычно въ процессѣ историческихъ изысканій у Семевского и этотъ сводъ слагался постепенно, долгіе годы, изслѣдованіе ширилось концентрически, и авторъ время отъ времени дѣлился съ читателями результатами текущей работы въ сборникахъ, журналахъ, слова-

рыхъ. Сначала въ сборникъ «На славномъ посту» въ 1900 году, потомъ отдѣльно въ 1905 г. В. И. Семевскій опубликовалъ свою работу: «Изъ исторіи общественныхъ идей въ концѣ 1840-хъ годовъ». Это былъ первый очеркъ исторіи петрашевцевъ. Уже въ этомъ сжатомъ изложеніи историки литературы получили много цѣнныхъ и точныхъ данныхъ о русскихъ писателяхъ, прикосновенныхъ къ кружку петрашевцевъ. Въ послѣдующіе годы авторъ ревностно собиралъ печатные и особенно архивные матеріалы о Петрашевскомъ и его единомышленникахъ, и какъ только возникъ «Голосъ Минувшаго», онъ съ перваго же номера 1913 года началъ развертывать передъ читателями полную глубокаго интереса историческую трилогію: «М. И. Буташевичъ-Петрашевскій» (до ссылки), «Буташевичъ-Петрашевскій въ Сибири» и «Петрашевцы». Для исторіи русской литературы петрашевцы имѣютъ значеніе аналогичное декабристамъ. Какъ тамъ, такъ и здѣсь, въ движеніе были вовлечены многіе—и выдающіеся—русскіе писатели. И на страницахъ новой монографіи оказались опубликованными драгоцѣнные данныя о Достоевскомъ, Плещеевѣ, А. И. Пальмѣ, С. И. Дуровѣ, А. П. Милюковѣ, В. Н. Майковѣ и другихъ литераторахъ. Теперь біографы каждаго изъ этихъ писателей неизбѣжно должны обращаться къ работѣ Семевского, часто какъ къ первоисточнику. Новымъ свѣтомъ освѣщаются здѣсь и многія литературныя произведенія, въ которыхъ отразилось вліяніе петрашевцевъ (Салтыкова-Щедрина, Пальма-Альминскаго и др.), а также и общія настроенія и идеи эпохи ранняго русскаго социализма, безъ знакомства съ коими историку литературы не понять многоаго въ тогдашней и позднѣйшей изящной словесности.

Хронологически, а отчасти и по настроеніямъ и идейности, къ петрашевцамъ близокъ былъ другой кружокъ, также ставшій предметомъ спеціальнаго изученія Семевского. Въ «Русскомъ Богатствѣ» за 1911 годъ (№№ 5—6) имъ было обнародовано изслѣдованіе о «Кирилло-Меѳодіевскомъ Обществѣ 1846—1847 гг.» (вторая часть этой работы была изъята изъ журнала цензурой). Здѣсь собраны обильныя свѣдѣнія о поэтѣ Т. Г. Шевченко. Къ эпохѣ сороковыхъ годовъ тяготеетъ и еще одна, небольшая, но цѣнная работа Семевского: «А. И. Герценъ», напечатанная въ 1907 г. въ газетѣ «Общественное Дѣло» (№ 6, отъ 7-го апрѣля); здѣсь, кромѣ Герцена, характеризуются Огаревъ и Бѣлинскій—въ связяхъ съ раннимъ русскимъ социализмомъ.

Намъ остается перечислить еще нѣсколько работъ историко-литературнаго значенія, не примыкающихъ къ тому или другому изъ «великихъ сводовъ». Въ 1888 году Семевскій издалъ обширную

біографію извѣстнаго педагога-словесника Вас. Ив. Водовозова (С.-Пб., 1888, 177 стр.), а двумя годами позже въ «Русской Мысли» (1890, №№ 10—12) напечаталъ очеркъ, посвященный писателю-ниці Н. Д. Хвощинской-Заіончковской (В. Крестовскій—псевдонимъ). Въ томъ же журналѣ, въ 1904 году (№ 12) онъ посвятилъ прочувствованную статью памяти славнаго историка русской литературы А. Н. Пыпина; здѣсь имъ были опубликованы неизданные документы, относящіеся къ эпизоду съ избраніемъ Пыпина въ Академію Наукъ въ 1871 году. Объ историко-литературныхъ работахъ другого историка, В. Е. Якушкина, Семеvскому пришлось говорить въ некрологѣ, помѣщенномъ въ «Голосѣ Минувшаго» за 1913 г. (№ 1).

Нашъ краткій обзоръ не претендуетъ на совершенную полноту. Но и того, что выше сказано, достаточно, чтобы видѣть, какъ много сдѣлано Василиемъ Ивановичемъ Семеvскимъ для историческаго изученія русской литературы. Онъ не былъ присяжнымъ словесникомъ и даже сторонился отъ эстетическаго изученія литературы. Но онъ не случайно былъ съ 1880 года членомъ Общества Любителей Россійской Словесности. Русскую литературу онъ горячо любилъ за исканіе нравственной и соціальной правды, за ея народолюбіе. Самъ воспитанный въ такой традиціи, онъ и въ прошлыхъ судьбахъ нашей словесности любовно изучалъ все ту же стихію.

Н. Пиксановъ.

Моя страничка о Василіи Ивановичѣ Семеvскомъ.

«Какой свѣтильникъ разума угасъ!
«Какое сердце биться перестало!»

Преждевременная кончина Василія Ивановича повелительно призываетъ и меня, имѣвшаго счастье находиться съ нимъ въ общеніи, сказать нѣсколько словъ въ память покойнаго.

Кромѣ воскресныхъ вечеровъ, когда Елисавета Николаевна и Василій Ивановичъ принимали знакомыхъ, В. И. для дѣловыхъ сношеній назначалъ особые часы; пользуясь разрѣшеніемъ посѣщать его между 5—6 ч. вечера и не злоупотребляя имъ, я лишь въ крайнихъ случаяхъ заявлялся къ нему, при чемъ обыкновенно завязывалась бесѣда о ходѣ архивныхъ изысканій по собиранію матеріаловъ для исторіи крестьянскаго вопроса при Александрѣ II, чѣмъ, какъ ему извѣстно было, я былъ занятъ. При этомъ, съ свойственною ему скромностью, В. И. высказывалъ, что онъ

не считаетъ себя «хозяиномъ» въ исторіи крестьянской реформы въ царствованіе Александра II; но выраженныя имъ указанія о методѣ, слѣдующему только и можно дать строго научную исторію крестьянъ за указанный періодъ, должны служить завѣтомъ для работающихъ въ этой области. Этому методу работы всякій можетъ научиться, изучивъ труды В. И. по исторіи крестьянства при Екатеринѣ II и крестьянскаго вопроса въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка.

Василій Ивановичъ дѣятельно участвовалъ въ выработкѣ программы для конкурсныхъ сочиненій по исторіи крестьянской реформы при Александрѣ II, объявленной Имп. Вольно-Экономическимъ Обществомъ, и когда юбилейная литература въ 1911 г. не обнаружила ничего въ смыслѣ его чаяній, да и на конкурсъ не было представлено ни одной работы, охватывающей хотя бы частные вопросы на предложенную тему,—В. И. замѣтилъ: «Да, безъ архивовъ не написать ничего путнаго по исторіи». Слыша отъ меня, что существующіе труды по исторіи крестьянской реформы засорены невѣрными фактическими данными и легендами, разсѣянію которыхъ помогутъ только документальныя источники, хранящіеся, между прочимъ, въ архивѣ Государственнаго Совѣта,—В. И. выражалъ желаніе, чтобы работающіе въ архивахъ по исторіи крестьянской реформы сообщали въ печать о результатахъ своихъ изысканій, хотя бы въ видѣ эпизодическихъ этюдовъ.

Поставивъ еще въ 1881 г. въ печати вопросъ: «не пора ли написать исторію крестьянъ», и исполнивъ часть этой задачи, Василій Ивановичъ озабоченъ былъ умноженіемъ числа лицъ, изучающихъ первоисточники по исторіи крестьянскаго дѣла за время Николая I и, въ особенности, Александра II, чтобы явилась возможность осуществить вполне давно стоящую на очереди задачу. По поводу моего замѣчанія, что къ разработкѣ хранящихся въ архивахъ матеріаловъ по новой исторіи крестьянства, могли бы быть привлечены студенты университетовъ, если бы профессора давали имъ соотвѣтственныя темы для работъ по русской исторіи и праву, съ указаніемъ—гдѣ, чѣмъ и какъ воспользоваться для ихъ исполненія,—Василій Ивановичъ сказалъ: «Да, съ помощью этихъ силъ можно бы собирать хотя кирпичи для созданія нужной научной исторіи крестьянъ; но гдѣ же руководители, проникнутые сознаніемъ важности этого дѣла? Вѣдь нынѣ въ университетахъ большею частію успѣли люди совсѣмъ изъ другой, такъ сказать, оперы».

Какъ извѣстно, въ вопросѣ о причинахъ паденія крѣпостного права въ Россіи, Василій Ивановичъ, на ряду съ социальнымъ эконо-

мическими факторами, отводилъ мѣсто вліянію гуманнхъ идей и наравшхъ въ теченіе царствованія Николая I крестьянскихъ движеній, заставившихъ власть взять на себя починъ въ дѣлѣ раскрѣпощенія крестьянъ. Полемика его съ утверждавшими, что крѣпостное хозяйство не изжило еще себя экономически ко времени его упраздненія сверху, осталась незаконченною, главнымъ образомъ, по отсутствію въ распоряженіи спорившихъ полнаго и достовѣрнаго матеріала о состояніи крѣпостнаго хозяйства наканунѣ его паденія. Когда онъ услышалъ, что обильныя данныя о томъ, собранныя по однообразной программѣ губернскими комитетами по крестьянскому дѣлу въ 1857—1859 гг., отправлены были Министерствомъ Внутр. Дѣлъ въ губерніи передъ выходомъ Положеній 19 февраля 1861 г., и что описи этихъ матеріаловъ находятся въ архивѣ Государств. Совѣта—Василій Ивановичъ замѣтилъ: «Вотъ разработка этихъ матеріаловъ могла бы способствовать уясненію спорнаго вопроса; но уцѣлѣли ли они? Слѣдовало бы обратить на это вниманіе губернскихъ архивныхъ комиссій; и хотя часть этихъ матеріаловъ о помѣщичьихъ имѣніяхъ свыше 100 душъ напечатана для Редакціонныхъ Комиссій, но данныя о мелкопомѣстныхъ имѣніяхъ, почти вдвое превышавшихъ число имѣній упомянутой категоріи, не менѣе были бы важны для указанной цѣли».

Василій Ивановичъ, проработавшій всю свою жизнь въ архивахъ и придававшій первенствующее значеніе документальнымъ источникамъ, былъ болѣе чѣмъ огорченъ, узнавъ, что въ 1909 г. изъ архивовъ Министерства Внутр. Дѣлъ было продано около 1000 пуд. старыхъ дѣлъ на бумажную фабрику, между которыми оказались дѣла о свободныхъ хлѣбопашцахъ, обязанныхъ крестьянахъ и о крестьянскихъ волненіяхъ при Николаѣ I; часть ихъ, случайно перекупленная букинистами, была спасена отъ гибели и распродавалась по ихъ каталогамъ. Возмущало В. И., что такое дѣяніе совершилось на глазахъ такихъ учреждений, какъ Археографическая Комиссія и Археологическій Институтъ, которые, повидимому, даже не были привлечены къ отбору изъ обреченнаго на уничтоженіе того, что могло быть пригодно для науки.

Зная состояніе столичныхъ архивовъ, Василій Ивановичъ обращалъ вниманіе, кого слѣдуетъ, въ случаяхъ, когда упорядоченіемъ хранящихся дѣлъ облегчалось пользованіе ими для работающихъ; такъ, онъ обратился съ письмомъ къ начальнику одного архива, даже болѣе другихъ благоустроеннаго, съ указаніемъ на затрудненія, встречающіяся при ссылкахъ на дѣла, находящіяся въ связкахъ, безъ описей, нумераціи и т. п.

Среди многосложныхъ трудовъ по редактированію журнала, В. И. готовялъ 3-й томъ исторіи крестьянъ при Екатеринѣ, предназначенный общей характеристикѣ экономического и домашняго быта крестьянъ, исторіи ихъ самоуправленія и духовной жизни, и описанію участія крестьянъ въ пугачевскомъ бунтѣ, а также—переизданіе своей докторской диссертациі съ пополненіемъ ея появившимся послѣ 1889 г. изученными имъ матеріалами; но неумолимая смерть помѣшала ему свершить эти нужные наукѣ и важные для общества труды.

Да будетъ же земля перомъ незабвенному труженику мысли, правды поборнику, показавшему намъ свѣтъ.

Алексѣй Пепельницкій.

В. И. Семевскій и исторія Польши.

Василій Ивановичъ Семевскій польской исторіей спеціально не занимался, но ему въ его изслѣдованіяхъ пришлось коснуться нѣкоторыхъ моментовъ прошлаго Польши. Быть можетъ другой на его мѣстѣ и ограничился бы тѣмъ, что, лишь коснувшись этихъ вопросовъ, отослалъ бы читателя къ спеціальнымъ трудамъ по польской исторіи, но Василій Ивановичъ со свойственнымъ ему стремленіемъ всесторонне изслѣдовать всякій затронутый вопросъ, не оставлялъ ничего не провѣреннымъ, не изученнымъ до малѣйшихъ деталей, этимъ ограничиться не могъ. Онъ изучилъ польскій языкъ, занялся чтеніемъ польской литературы и польскихъ матеріаловъ по интересующимъ его вопросамъ.

Такъ получились экскурсіи В. И. Семевского въ область польской исторіи въ его изслѣдованіяхъ прошлаго русскаго крестьянства. Онъ изучаетъ положеніе польскихъ крестьянъ въ XVIII в. для того, чтобы во-первыхъ сравнить его съ положеніемъ крестьянъ въ Россіи, во-вторыхъ освѣтить всесторонне вопросъ о побѣгахъ русскихъ крѣпостныхъ въ Польшу («Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II» главы III и XII).

Еще больше такихъ экскурсій въ изслѣдованіяхъ Семевского русскаго освободительнаго движенія. Онъ изучаетъ конституцію Царства Польскаго 1815 г., русскую политику въ Польшѣ, польское масонство, польскія патріотическія и демократическія общества, связи польскихъ дѣятелей съ декабристами, крестьянскій вопросъ въ Польшѣ.

(Политическія и общественныя идеи декабристовъ. Стр. 71—76, 262—285, 356—360, 351—354, 603—606, 641—644).

Непосредственно къ этимъ изслѣдованіямъ русско-польскихъ отношеній въ области общественныхъ движеній примыкаетъ и статья В. И. Семевскаго «Кирилло-Меѳодіевское Общество въ 1846—47 г., гдѣ онъ останавливается на вліяніи идей Мицкевича на Костомарова. («Русское Богатство» 1911 г.).

Особую группу образуютъ небольшія статьи В. И., относящіяся къ польскому возстанію 1863 г.; о Сигизмундѣ Сѣраковскомъ («Голосъ Минувш.», 1913 г. Кн. XI), о Муравьевѣ-Виленскомъ («Гол. Минувш.», 1913 г. Кн. IX), о Кавелинѣ въ отношеніи къ польскому вопросу (Гол. Минувш., 1914 г. Кн. VII). Эти послѣднія статьи случайнаго происхожденія, вызванныя необходимостью дать комментарий къ печатаемому въ «Голосѣ Минувшаго» матеріалу, тѣмъ не менѣе имѣютъ, какъ и все, что выходило изъ подъ пера В. И. самостоятельную цѣнность. Небольшая замѣтка о Кавелинѣ, написанная по поводу сомнѣнія, *могъ ли* Кавелинъ подписать адресъ Муравьеву-Виленскому, превращается у В. И. въ точный и строгій анализъ отношенія представителей русскаго общества къ польскому вопросу въ эпоху возстанія 1863 г. Эта статья, какъ и ранѣе написанная статья о Муравьевѣ, касающаяся самаго остраго момента русско-польскихъ отношеній, являютъ собою образецъ самаго рѣдкаго безпристрастія въ освѣщеніи національныхъ конфликтовъ, неподкупной честности мысли, все подчиняющей требованіямъ правды. «Искренно желалъ бы я, чтобы свидѣтельство Бартенева о подписаніи адреса Муравьеву Кавелинымъ оказалось невѣрнымъ и чтобы это пятно было снято съ его памяти»,—говоритъ Василій Ивановичъ («Гол. Минувш.», 1914 г., № 7, стр. 106). Но пятна съ памяти русскаго ученаго и общественнаго дѣятеля онъ не снимаетъ, потому что анализъ идей и настроеній Кавелина и круга лицъ, въ которомъ послѣдній вращался, въ эпоху 63—64 г., приводитъ историка къ выводу, что Кавелинъ *могъ* подписать адресъ Муравьеву.

Подписать адресъ Муравьеву значило въ глазахъ В. И. запятнать свою память,—уже изъ одного этого видно, какъ отрицательно относился онъ къ дѣятельности кроваваго усмирителя польскаго возстанія въ Литвѣ. Въ статьѣ о гр. Муравьевѣ, написанной по поводу писемъ Муравьева къ А. А. Зеленому («Голосъ Минувшаго» 1913 г., кн. IX) В. И. даетъ самую суровую оцѣнку личности усмирителя. Но въ дѣятельности послѣдняго кромѣ политическихъ мѣръ, глубоко возмущавшихъ Семевскаго, убѣжденнаго противника всякаго насилія власти, послѣдовательнаго приверженца началъ свободы и равенства, была и другая сторона,—соціальная, которой Семевскій, какъ народникъ, не могъ не сочувствовать: это—мѣропріятія, результатомъ которыхъ было

поднятіе благосостоянія крестьянъ. И Семевскій при всемъ своемъ осужденіи Муравьева со свойственнымъ ему безпристрастіемъ спѣшитъ отмѣтить заслугу его въ этой области.

«Пониженіе выкупныхъ платежей въ сѣверо-западномъ краѣ составляетъ несомнѣнную заслугу Муравьева, и хотя не объляетъ его отъ всѣхъ звѣрствъ, имъ совершенныхъ, но все же показываетъ, какъ хорошо понималъ онъ, что прочнаго успокоенія края, удержанія крестьянъ отъ принятія участія въ возстаніи можно было достигнуть не бѣлымъ терроромъ, а рядомъ положительныхъ мѣръ для поднятія благосостоянія крестьянъ». («Голосъ Минувш.» 1913 г., кн. 9, стр. 251).

В. И. Семевскій не скрываетъ того, что въ Россіи Муравьевъ былъ крѣпостникомъ, противникомъ крестьянской реформы, что дѣятельность его въ западномъ краѣ вытекала изъ политическихъ мотивовъ, но разъ эта дѣятельность объективно дала положительные результаты, Семевскій считаетъ нужнымъ ихъ отмѣтить. «Въ дѣятельности Муравьева въ сѣверо-западной Россіи очень много сторонъ, глубоко возмущающихъ нравственное чувство,—говоритъ Семевскій,—но въ крестьянскомъ дѣлѣ его рѣшительность и замѣчательная энергія принесли чрезвычайно много пользы сельскому населенію сѣверо-западнаго края». (Тамъ же, стр. 246).

Всякій разъ, когда Семевскій касался прошлаго русско-польскихъ отношеній, онъ оставался вѣренъ тѣмъ идеаламъ, которымъ служилъ и въ своихъ изслѣдованіяхъ русской общественности: это политическая свобода съ одной стороны, благо трудового народа—съ другой. Память польскихъ борцовъ за свободу онъ чтить, какъ и русскихъ, и въ своемъ трудѣ, посвященномъ декабристамъ—въ этой удивительной книгѣ, со страницъ которой неизмѣнно вѣетъ любовью къ свободѣ, хотя въ ней нѣтъ никакихъ фразъ на эту тему, а только факты и документы, онъ не забылъ и юныхъ польскихъ мучениковъ за дѣло свободы, той молодежи, трагедіи которой изобразилъ Мицкевичъ въ «Дядахъ» («Преслѣдованіе молодежи въ сѣверо-западной Россіи».—Политическія и общественныя идеи декабристовъ, стр. 186—189). Онъ вспомнилъ и вѣчнаго узника, Валеріана Лукасинскаго. Свой рассказъ про декабриста Батенькова Семевскій заканчиваетъ слѣдующими словами:

«По продолжительности тюремнаго заключенія, вынесеннаго нашими борцами за освободительное движеніе, Батенькова превзошли только мученики-шлиссельбуржцы 1884—1905 г. и еще болѣе полякъ Валеріанъ Лукасинскій, проведеншій въ тюремномъ заключеніи 46 лѣтъ, большею частью, а именно 37 лѣтъ, въ Шлис-

сельбургѣ». («Политическія и общественныя идеи декабристовъ», стр. 677).

Въ небольшой біографической замѣткѣ В. И., посвященной казенному дѣятелю польскаго возстанія Сигизмунду Сѣраковскому («Голосъ Минувшаго» 1913 г., кн. 11), чувствуется любовь и уваженіе къ памяти погибшаго, хотя авторъ замѣтки по своему обыкновенію ограничивается лишь изложеніемъ фактовъ.

Съ точки зрѣнія тѣхъ истинно-демократическихъ идей, которыя исповѣдовалъ В. И. Семевскій, онъ не могъ не сочувствовать дѣлу польской свободы. Говоря объ отношеніи русскаго общества къ польской конституціи 1815 г., когда въ части общества высказывалось неудовольствіе, что полякамъ были дарованы права, въ которыхъ было отказано русскимъ, Семевскій замѣчаетъ: «напротивъ, люди истинно либеральные радовались тому, что поляки пользуются конституціей и негодовали на то, по свидѣтельству бар. Розена, что Александръ I сталъ умалять льготы, данныя Польшѣ». («Полит. и общ. идеи декабр.», стр. 194).

Какъ «истинно-либеральный» человѣкъ, чуждый идеямъ національ-либерализма и имперіалистскимъ тенденціямъ, Семевскій не могъ оправдывать и раздѣла Польши. Въ своей книгѣ о крестьянахъ въ царствованіе императрицы Екатерины II Семевскій, коснувшись раздѣла Польши, отмѣчаетъ лишь, что онъ выгоденъ былъ русскому дворянству. Разсказавъ о томъ, какъ побѣги русскихъ крѣпостныхъ въ Польшу приняли массовый характеръ, какъ трудно было ихъ оттуда возвращать и какъ страдало отъ этого крѣпостное помѣщичье хозяйство въ Россіи, Семевскій говоритъ:

«Послѣ всего этого понятно, какъ выгодны были для нашего дворянства раздѣлы Польши и какъ оно радовалось, что граница, за которую уходили ихъ крѣпостные, далеко отодвинута на Западъ». (Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II. Т. I, стр. 403).

Семевскій, разумѣется, не идеализируетъ положенія крестьянъ въ Польшѣ XVIII в. и въ своей книгѣ онъ обрисовалъ тяжелое положеніе ихъ, и по поводу побѣговъ русскихъ крѣпостныхъ въ Польшу онъ между прочимъ замѣчаетъ: «Это не доказываетъ еще, чтобы въ Литвѣ и Бѣлоруссіи положеніе крѣпостныхъ крестьянъ, или по крайней мѣрѣ ихъ повинности въ пользу помѣщика были легче, чѣмъ въ Россіи, такъ какъ въ свою очередь и изъ Польши къ намъ бѣжало не мало крѣпостныхъ крестьянъ». (Тамъ же, стр. 395).

Семевскій вовсе не думаетъ оправдывать польскаго дворянства въ его классовой политикѣ по отношенію къ крестьянству, но

онъ знаетъ, что и дворянство подѣлившихъ Польшу державъ не менѣе эгонистично было въ отстаиваніи своихъ классовыхъ интересовъ, чѣмъ польское, и что раздѣлъ Польши отнюдь не въ интересахъ соціальной справедливости былъ произведенъ.

Идеализаціи Польши мы не найдемъ у Семевского, но мы встрѣчаемъ у него полное безпристрастіе въ отношеніи къ ней и рѣдкое среди русскихъ знакомство съ ней. Историкъ русскаго освободительнаго движенія, русскій историкъ-народникъ, онъ былъ знакомъ и съ польскимъ общественнымъ движеніемъ и съ польскими демократическими идеями. Онъ знаетъ о тѣхъ теченіяхъ въ польскомъ обществѣ, которыя стремились къ демократизаціи польской жизни, и которыя встрѣчали преграду не только въ консервативныхъ силахъ своего народа, но и въ чуждой власти. Онъ знаетъ, что еще въ началѣ XIX в. «лучшіе люди Польши вполне понимали необходимость совершенно иного рѣшенія крестьянскаго вопроса» (т.-е. освобожденія крестьянъ съ землей) («Идеи декабр.», стр. 604). Онъ знаетъ, что «проявить энергію въ крестьянскомъ дѣлѣ въ западномъ краѣ, русское правительство было вынуждено не только началомъ польскаго возстанія, но и тѣмъ, что декретомъ польскаго революціоннаго правительства отъ 10/22 января 1863 г. вся земля, находившаяся въ пользованіи крестьянъ, и за которую они отбывали барщину или платили оброкъ, была объявлена собственностью крестьянъ безъ какихъ бы то ни было платежей въ пользу прежнихъ землевладѣльцевъ; помѣщикамъ же обѣщано вознагражденіе изъ національныхъ фондовъ». («Гол. Минувш.», сентябрь 1913 г., стр. 248).

То міровоззрѣніе, которому до конца дней своихъ оставался вѣренъ В. И. Семевскій, помогало ему въ вопросахъ польско-русскихъ отношеній соблюдать полное безпристрастіе, ибо оно поднимало его мысль надъ сталкивающимися и часто непримиримыми узко-національными интересами въ область высшей правды. И вѣрный этой своей правдѣ общественной онъ былъ до конца правдивъ и во всѣхъ своихъ научно-историческихъ изысканіяхъ. Онъ никогда не боялся, что открытая имъ, «правда истина» можетъ повредить его «правдѣ-справедливости». Для него, какъ и для его идейнаго учителя Н. К. Михайловскаго, обѣ эти правды сливались въ одно гармоническое цѣлое.

Н. К. Михайловскій писалъ, что такого слова какъ «правда» «кажется нѣтъ ни на одномъ европейскомъ языкѣ, только по-русски истина и справедливость называются одними и тѣми же словами, и какъ бы сливаются въ одно великое цѣлое». Да будетъ мнѣ позволено замѣтить здѣсь, что въ этомъ

Н. К. Михайловскій ошибается. Польское слово «prawda» звучитъ такъ же, какъ и русское—«правда» и имѣетъ точно такой же внутренній смыслъ и справедливости и истины. Да слово «правда» одинаково звучитъ и для польскаго и для русскаго сердца. Но только отношенія между обоими народами къ несчастью сложились такъ, что правда одного часто казалась ложью другому.

В. И. Семевскій былъ однимъ изъ тѣхъ немногихъ, которые въ области польско-русскихъ отношеній умѣли находить правду, одинаково пріемлемую и обязательную для обѣихъ сторонъ. Вотъ почему онъ особенно незамѣнимъ теперь, когда русско-польскія отношенія завязываются въ такой сложный узелъ. И когда я думаю о Василии Ивановичѣ, то къ общей скорби объ утратѣ великаго ученаго и прекраснаго человѣка примѣшивается еще и глубокое сожалѣніе, что онъ умеръ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда (по просьбѣ С. П. Мельгунова и пишущаго эти строки) согласился принять участіе въ историческомъ сборникѣ, поставившемъ себѣ задачу сказать всю правду о польско-русскихъ отношеніяхъ въ прошломъ. Для этого сборника В. И. обѣщалъ написать статью объ отношеніяхъ декабристовъ къ Польшѣ. Въ изслѣдованіи прошлаго русско-польскихъ отношеній онъ остается такъ же незамѣнимъ, какъ незамѣнимъ онъ въ изученіи русскаго общественнаго движенія.

Л. Козловскій.

В. И. Семевскій и Сибирь.

(Памяти друга Сибири).

В. И. Семевскій былъ народникъ, семидесятникъ; объектомъ его изученія былъ народъ, русскій крестьянинъ и та интеллигенція, которая никогда не забывала о своемъ долгѣ народу, и работала для развитія его самосознанія. В. И. собралъ матеріалы и подготавливалъ третій томъ своихъ трудовъ по крестьянскому вопросу, въ которомъ предполагалъ дать «Общую характеристику экономическаго и домашняго быта крестьянъ, ихъ самоуправленія и духовной жизни, насколько это возможно, и описаніе ихъ участія въ пугачевщинѣ». Остановливаясь на условіяхъ освобожденія крестьянъ, давая исторію паденія крѣпостнаго права, выясняя роль интеллигенціи въ борьбѣ за освобожденіе крестьянъ, занимаясь изученіемъ документовъ по дѣлу декабристовъ, петрашевцевъ и др., интересуясь современнымъ политическимъ движеніемъ и судьбами его участниковъ, В. И. неизбѣжно долженъ

былъ столкнуться съ Сибирью. Тамъ находились многіе матеріалы и источники для его работъ, тамъ жили люди, которые были близки В. И. по ихъ политическому и соціальному міросозерцанію. Но и сама Сибирь съ ея демократическимъ укладомъ жизни, вольнолюбіемъ сибиряка, ширью и просторомъ ея необъятныхъ пространствъ привлекала къ себѣ вниманіе покойнаго историка. Онъ слѣдилъ за современной литературой о Сибири, изучалъ архивы о ней, и далъ рядъ научныхъ трудовъ по Сибири.

В. И. Семевскій крѣпко связалъ себя съ Сибирью и полюбилъ этотъ забытый край. Имя Семевского навсегда закрѣплено на скрижаляхъ сибирской исторіи и занимаетъ тамъ то почетное мѣсто, которое сибиряки отводятъ только *своимъ* Ядринцеву и Потанину. Значеніе Семевского въ области историческихъ изслѣдованій Сибири несравнимо больше, чѣмъ значеніе историковъ-сибиряковъ, каковыми были П. А. Словцовъ и А. П. Щаповъ. Но В. И. оставилъ глубокій слѣдъ и въ современной жизни Сибири, освѣтивъ тяжелое положеніе рабочихъ на золотыхъ приискахъ, оказавъ неоцѣнимыя услуги сибирской печати, помогая сибирской молодежи и тѣмъ невольнымъ сибирякамъ, которые были разбросаны по всему лицу необъятной сибирской территоріи. В. И. былъ связанъ узами тѣсной дружбы съ такими сибирскими патріотами, какъ Ядринцевъ и Потанинъ, глубоко уважавшіе и цѣнившіе Семевского не только, какъ изслѣдователя и ученаго, но и какъ искренняго друга Сибири. Сибирь вошла въ жизнь и въ ученые труды покойнаго историка въ такомъ объемѣ, какъ никакая другая часть государства.

Интересъ къ Сибири проявился у В. И. съ первыхъ шаговъ его ученой и общественной дѣятельности, на рубежѣ 80-хъ годовъ. Ко дню трехсотлѣтія Сибири (1882 года) вышла въ свѣтъ книга Н. М. Ядринцева «Сибирь, какъ колонія». В. И. придавалъ огромное значеніе этой книгѣ и рекомендовалъ ее всѣмъ, кто желалъ познакомиться съ Сибирью. «Начинающій историкъ Сибири, писалъ В. И., имѣетъ для знакомства съ ея современной жизнью, такое превосходное сочиненіе, какъ талантливый трудъ Н. М. Ядринцева «Сибирь, какъ колонія»... «Чтеніе этого прекраснаго сочиненія лучше всего укажетъ начинающему изслѣдователю, чего нужно искать въ грудѣ сырыхъ матеріаловъ по исторіи Сибири»... («Сиб. Сборн.»). Эти выдержки показываютъ, что на зарѣ своихъ отношеній къ Сибири В. И. былъ хорошо знакомъ и съ историческими матеріалами, относящимися къ Сибири, и съ ея современной жизнью. Крайне осторожный въ оцѣнкѣ трудовъ, скупой на безапелляціонные отзывы, Семевскій не могъ бы отзываться о книгѣ Ядринцева такъ, какъ онъ отозвался о ней,

если бы онъ не былъ знакомъ съ Сибирью и съ ея исторіей. Обширная эрудиція В. И. по сибирскимъ вопросамъ, всестороннее его знакомство съ историческими матеріалами и документами, находящимися какъ въ архивахъ Европ. Россіи и Сибири, такъ и въ современной литературѣ, ярко выявились въ его статьѣ «Историческое обозрѣніе Сибири П. А. Словцова», напечатанной въ 1889 г. въ «Сибирскомъ Сборникѣ». Эта статья не столько рецензія на книгу Словцова, сколько обзоръ всѣхъ данныхъ, относящихся къ исторіи Сибири, указаніе на тѣ методы, которые нужно примѣнять при изученіи исторіи Сибири. Разбирая трудъ г. Андріевича: «Историческій очеркъ Сибири» В. И. пишетъ: «къ сожалѣнію, авторъ недостаточно знакомъ съ источниками по исторіи Сибири; замѣтимъ, напримѣръ, что, какъ ни велика трудность добывать необходимые матеріалы при составленіи историческаго труда по Восточной Сибири (книга г. Андріевича вышла въ Иркутскѣ), упущеніе изъ виду даже такихъ легко доступныхъ источниковъ, какъ «Памятники сибирской исторіи XVIII вѣка», изданные археографической комиссіею, не можетъ быть ничѣмъ оправдано». «Трудно разумѣется осуждать тѣхъ, которые поставлены въ условія, слишкомъ неблагопріятныя для такой работы, которые, по выраженію Щеглова ¹⁾, «осуждены испытывать Танталовы муки», зная, что въ томъ или другомъ изданіи есть важные матеріалы, и не имѣя возможности достать этого изданія въ какомъ-нибудь захолустномъ городкѣ Сибири. Но тѣмъ не менѣе желательно, чтобы приступающіе къ трудамъ по исторіи этой страны знали, гдѣ искать необходимыхъ для нихъ источниковъ, не ограничиваясь, все еще недостаточными, печатными матеріалами». Далѣе В. И. перечисляетъ древнехранилища, относящіяся къ Сибири, нерѣдко указывая количество книгъ, столбцовъ и вязокъ, которые въ нихъ имѣются.

Въ статьѣ по поводу Словцова В. И. говоритъ о важности изученія Сибири, указывая, что «жатва велика». «Отчего же дѣятелей мало?» Но это не удивительно. «Много ли работниковъ и на поприщѣ общей русской исторіи, хорошо ли изслѣдованы самые существенные ея вопросы? Что же касается областей, то, если не считать прибалтійской окраины Россіи, лучше всего разработана исторія Малороссіи благодаря тому, что въ Кіевѣ имѣется университетъ». В. И. выражаетъ надежду, что открываемый въ Томскѣ сибирскій университетъ дастъ толчокъ къ развитію сибировѣдѣнія вообще и сибирской исторіографіи въ частности. В. И. указываетъ на важность «изученія того своеобразнаго

¹⁾ Авторъ книги Хронологическій перечень важнѣйшихъ данныхъ изъ исторіи Сибири.

міра, который носить названіе Сибири и безъ хорошаго знакомства съ которымъ невозможно исполнѣть плодотворное правительственное воздѣйствіе на страну». Въ статьѣ о Словцовѣ В. И., приглашая молодыхъ ученыхъ силы заняться разработкой исторіи Сибири, вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ на необходимость продолжать работать по библіографіи Сибири, издать сибирскую библіографію Межова и вообще содѣйствовать пополненію печатныхъ источниковъ по исторіи Сибири, имѣющей важное значеніе для пониманія многихъ вопросовъ и исторіи Россіи вообще.

Въ статьяхъ о Сибири, напечатанныхъ въ 80-е гг. В. И. показалъ всестороннее огромное знакомство съ литературой и матеріалами по исторіи Сибири. Но тогда онъ еще не приступалъ къ научнымъ работамъ по Сибири. Въ концѣ 80 гг. прошлаго столѣтія при матеріальномъ содѣйствіи бывшаго слушателя В. И. И. М. Сибирякова, В. И. занялся изученіемъ исторіи и современнаго положенія рабочихъ на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ. Вначалѣ онъ собиралъ матеріалы и изучалъ вопросъ въ столицѣ, и въ 1891 г. онъ съ той же цѣлью поѣхалъ въ Сибирь и Якутскую область. Болѣе полгода онъ работалъ въ конторахъ Олекминскихъ и Витимскихъ пріисковъ, въ архивахъ Иркутскаго горнаго управленія, канцеляріи иркутскаго генераль-губернаторства, канцеляріяхъ горныхъ исправниковъ, въ Восточно-Сибирскомъ отдѣлѣ Географическаго Общества и др. Попутно онъ снималъ копіи и съ другихъ документовъ, имѣющихъ отношеніе къ исторіи и современному положенію Сибири. В. И. заѣзжалъ въ Красноярскъ и Томскъ и въ то же время велъ обширную переписку съ частными лицами, редакціями и обществами о доставленіи ему матеріаловъ и свѣдѣній о золотопромышленности. Въ письмахъ, посланныхъ мнѣ въ Кяхту, гдѣ жили нѣкоторые изъ самыхъ крупныхъ золотопромышленниковъ, отъ которыхъ я долженъ былъ достать нужныя В. И. матеріалы, Семевскій между прочимъ писалъ, что задуманный имъ трудъ явится существеннымъ дополненіемъ къ его трудамъ по исторіи крестьянъ и крестьянскому вопросу. В. И. было желательно возможно полнѣе освѣтить исторію и современное положеніе рабочихъ въ золотопромышленности, являющейся однимъ изъ главныхъ видовъ сибирской промышленности. Въ теченіе семи лѣтъ историкъ съ присущей ему добросовѣстностью и вдумчивостью занимался разработкой собранныхъ имъ матеріаловъ, находясь въ самомъ живомъ общеніи съ людьми, находящимися въ Сибири, прося ихъ навести справки, разъяснить, достать матеріалы, которыхъ онъ самъ почему-нибудь не могъ достать. Въ этихъ письмахъ В. И. высказывалъ удовлетвореніе подвигающейся работой и выражалъ на-

дежду, что книга будетъ не безынтересна для Сибири, хотя вѣроятно, не встрѣтитъ одобренія у крупныхъ золотопромышленниковъ.

Два тома капитальнаго труда «Рабочіе на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ», вышедшіе въ свѣтъ въ 1898 г., показали, что въ литературѣ о Сибири ничего подобнаго не было ни до Семевскаго, ни послѣ выхода его книги, удостоенной Самаринской преміи. Въ предисловіи къ своему труду В. И. говоритъ о немъ, какъ «объ одномъ изъ пособій для созданія вполне научной исторіи промышленнаго труда». Но это не пособие, а монументальный, имѣющій исчерпывающій характеръ трудъ, что сознаетъ и самъ авторъ. Въ томъ же предисловіи В. И., какъ бы объясняя свое уклоненіе отъ прямой задачи своей жизни—изученія крестьянскаго вопроса, добавляетъ, что нѣтъ «у насъ до сихъ поръ еще болѣе необходимой для насъ исторіи крестьянъ». Этимъ сопоставленіемъ Семевскій невольно для себя подчеркнулъ важность и значительность своего труда о пріисковыхъ рабочихъ.

Повторяемъ «Рабочіе на сибирскихъ золотыхъ пріискахъ» одна изъ наиболѣе важныхъ книгъ о Сибири и должна быть отнесена къ тому же разряду, какъ и Ядринцевская «Сибирь, какъ колонія» или примѣчанія къ Азій Риттера. Въ замѣчательной книгѣ Семевскаго мы находимъ и исторію вопроса, начиная съ возникновенія золотопромышленности и кончая послѣднимъ десятилѣтіемъ XIX в., и его современное положеніе, иллюстрируемое массой экономическихъ, статистическихъ, бытовыхъ и др. данныхъ. Строго научная обработка матеріаловъ дѣлаетъ этотъ трудъ особенно цѣннымъ и незамѣнимымъ въ будущемъ.

Многія работы Семевскаго по пріисковому вопросу были напечатаны въ столичныхъ газетахъ и журналахъ («Притязанія золотопромышленниковъ», «Крупное пожертвованіе въ пользу рабочихъ» и др.) и особенно въ «Восточн. Обозр.» и «Сибирскомъ Сборникѣ». Въ послѣднемъ мы находимъ рядъ монографій покойнаго историка: «Изъ исторіи законодательства о пріисковыхъ рабочихъ въ Сибири», «Очерки быта рабочихъ на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ», «Рабочіе на золотыхъ промыслахъ Амурской и Приморской областей» и др. Въ этихъ статьяхъ, избѣгая того, чтобы внѣшними приѣмами усилить привлекательность изложенія, В. И. рисуеъ картины рабочаго быта, цѣлымъ рядомъ фактовъ доказываетъ односторонность договоровъ, законодательства и приходитъ къ выводу, что «новыя правила (1870 г.) не регулировали продолжительности рабочаго дня, не опредѣляли количества праздниковъ, не ограничивали труда женщинъ и малолѣтнихъ рабочихъ, не опредѣляли пищевого довольствія

рабочихъ, весьма въ недостаточномъ размѣрѣ устанавливали вознагражденія за увѣчья, не указывали причинъ прекращенія договора и проч.». «Многія изъ этихъ сторонъ жизни рабочаго не регулированы или неудовлетворительно регулированы и закономъ 1895 г.». Сохранилось на пріискахъ и тѣлесное наказаніе для полноправныхъ рабочихъ (по приговору артельной расправы). Этотъ анахронизмъ В. И. объяснялъ «тѣмъ, что тѣлесныя наказанія и во всей Россіи допущены въ томъ же размѣрѣ по приговорамъ волостныхъ судовъ».

Лично ознакомившись съ тяжелымъ положеніемъ и полной небезопасностью на случай инвалидности рабочихъ на Олекминскихъ и Витимскихъ пріискахъ, В. И. Семевскій задался мыслью по возможности притти на помощь имъ. Его желаніе вполне совпало и съ желаніемъ И. М. Сибирякова, который сдѣлалъ на этотъ предметъ миллионное пожертвованіе, а В. И. принялъ участіе въ выработкѣ положенія о сибиряковскомъ фондѣ. Изъ этого фонда теперь выдаются рабочимъ пособія. Такимъ образомъ поѣздка В. И. въ Сибирь дала не только цѣнное научное изслѣдованіе и освѣтила положеніе рабочихъ и вообще условія пріисковаго дѣла, но дала и практическій результатъ—организацію благотворительнаго фонда для рабочихъ.

У В. И. Семевского въ его научныхъ работахъ была еще одна область, которая связывала его съ Сибирью. Желая выяснить роль интеллигенціи въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости въ Россіи, В. И. долженъ былъ останавливаться на тѣхъ моментахъ исторіи, въ которые сознаніе долга интеллигенціи передъ народомъ проявлялось особенно ярко. Онъ всю жизнь изучалъ документы, относящіеся къ декабристамъ, а потомъ къ петрашевцамъ и позднѣйшимъ дѣятелямъ русскаго освободительнаго движенія. Являясь по своимъ убѣжденіямъ народникомъ, сочувствуя активному народничеству, В. И. интересовался и эпохой 70-хъ г.г. и современными ему активными дѣятелями. Многіе документы и матеріалы, относящіеся къ этому прошлому интеллигенціи и къ ея настоящему, можно было найти только въ Сибири. В. И. входилъ въ дѣятельную переписку по этимъ вопросамъ со многими вольными и невольными сибиряками, просить ихъ посылать фотографіи, письма, воспоминанія и т. п. Въ отдѣлахъ географическаго общества, въ сибирскихъ музеяхъ, въ редакціяхъ сибирскихъ газетъ, вѣроятно, сохранилось не мало писемъ В. И. по этому поводу. Передъ мною живо встаютъ вечера, когда я пріѣзжалъ изъ Сибири, посѣщалъ В. И. и рассказывалъ ему воспоминанія, которыя я слышалъ отъ старыхъ сибиряковъ о декабристахъ, петрашевцахъ, Михайловѣ, Чернышевскомъ

и другихъ болѣе позднѣйшихъ дѣятеляхъ. Все, что В. И. считалъ интереснымъ и важнымъ, онъ заносилъ въ записную книжку, а потомъ нерѣдко посылалъ запросы по поводу записанныхъ фактовъ. Въ бытность свою въ Сибири онъ посѣщалъ мѣста, осматривалъ дома, гдѣ жили декабристы и др. изгнанники, ходилъ на ихъ могилы. Въ Иркутскѣ В. И. любилъ проводить время съ П. Г. Заичневскимъ, представителемъ «Молодой Россіи», съ политическими ссыльными, иркутянами, у которыхъ были свѣжи воспоминанія объ изгнанникахъ. Въ архивѣ Восточно-Сибирскаго Отдѣла Географическаго Общества онъ старался отыскать указанія на участіе Петрашевскаго въ дѣлахъ этого общества, ѣздилъ въ Грановщину къ М. В. Загоскину и долго бесѣдовалъ съ В. И. Вагинымъ, являвшимися живою лѣтописью Сибири. В. И. мечталъ проѣхать въ Петровскій заводъ и въ мѣста Забайкалья, гдѣ жили декабристы, но отсутствіе тогда желѣзной дороги, невозможное состояніе путей помѣшали исполненію этого желанія.

Остановливаясь на вопросахъ, касающихся исторіи или современной жизни Сибири В. И. Семевскій, какъ историкъ, всегда стремился дать историческое обоснованіе тому или иному явленію, выяснить историческое происхожденіе этого явленія. Такъ, напр., въ статьѣ, посвященной памяти Н. М. Ядринцева, напечатанной въ «Русск. Мысли» въ 1895 г., желая объяснить происхожденіе сибирскаго сепаратизма, В. И. даетъ сжатый очеркъ развитія областнической идеи, указывая, что «на развитіе стремленій къ мѣстной областной автономіи (у сибиряковъ) могли имѣть вліяніе и прежнія попытки распространенія федеральныхъ взглядовъ» «Общества соединенныхъ славянъ» и «Кирилло-Меѳодіевскаго братства», а также выводы сибиряка Щапова, утверждавшаго, что «Русь стремилась къ федераціи» и «федерація есть единственная плодотворная форма народной жизни».

В. И. любилъ сибирскую старину, любилъ за то, что въ ней было много борьбы, стремленія къ вольности, духа протеста. Во время одной изъ нашихъ бесѣдъ о художникѣ сибирякѣ В. И. Суриковѣ, В. И. замѣтилъ, что такой художникъ исторической правды могъ выйти скорѣе всего изъ Сибири, гдѣ нѣтъ героевъ, гдѣ герои—самъ народъ, вѣчно волнующаяся и ищущая правды толпа. Всѣ картины Сурикова, по мнѣнію В. И., проникнуты однимъ мотивомъ—духомъ борьбы: борьба за вольность, за идею, если хотите, за власть. Какъ много общаго, говорилъ Семевскій, въ мотивахъ трудовъ двухъ важныхъ знаменитыхъ сибиряковъ Щапова и Сурикова. Можно сказать, что Суриковъ

иллюстрируетъ Щапова и воплощаетъ на полотнѣ его знаменитое «брести въ рознь».

Несмотря на нѣкоторую сухость изложенія его трудовъ, переполненныхъ цифрами, таблицами, выписками изъ архивовъ, требующихъ кропотливой работы, В. И. не былъ кабинетнымъ ученымъ, а постоянно находился въ общеніи съ жизнью. Въ статьѣ «Историческое Обзорѣніе Сибири» («Сибирск. Сборникъ» 1886 г.) В. И., указывая на желательность отдѣльныхъ монографій, посвященныхъ исторіи той или другой стороны прошлаго Сибири, останавливается на темахъ, которыя «могутъ представить отдѣлы, сами по себѣ крайне обширные: такъ, напримѣръ, изъ исторіи церкви вообще можетъ быть выдѣлена исторія раскола въ Сибири, историческое изслѣдованіе котораго весьма желательно. Можно указать немало и другихъ чрезвычайно важныхъ вопросовъ: исторія колонизаціи Сибири, не ограничивающаяся одною хронологіею населенныхъ мѣстъ, которой требовалъ Щегловъ, а изслѣдующая и этнографическую, и экономическую сторону этого явленія, исторія крестьянъ въ Сибири (см. интересную статью К. П. Михайлова «Крѣпостничество въ Сибири» въ «Сибирскомъ Сборникѣ»), исторія городской жизни (матеріалы, касающіеся нѣсколькихъ сибирскихъ городовъ, уже изданы въ Москвѣ), исторія сибирскаго казачества, исторія торговли, цѣнъ, домашней жизни и проч. Напомнимъ, что начиная такія изученія, историкъ обязанъ считаться не только съ печатными и архивными матеріалами, но и съ явленіями современной жизни», потому что изслѣдованіе современной жизни даетъ матеріаль для сравненія, позволяетъ въ настоящемъ открывать остатки давней старины и «заставляетъ искать въ прошломъ явленія, которыя безъ подобнаго предварительнаго изученія могли бы остаться незамѣченными»

В. И., изслѣдуя прошлое, никогда не забывалъ настоящаго, особенно, изучая вопросъ о крестьянахъ и занимаясь изслѣдованіемъ положенія пріисковыхъ рабочихъ. Онъ былъ живой человѣкъ съ чуткой душой и отзывчивымъ сердцемъ. Эта сторона характера историка проявлялась и довольно ярко въ отношеніяхъ его къ Сибири. Онъ всегда считался съ явленіями современной жизни, находился въ дѣятельной перепискѣ со многими вольными и невольными сибиряками, интересовался сибирской печатью и жизнью различныхъ обществъ, просилъ посылать ему отчеты, доклады и вообще внимательно слѣдилъ за тѣмъ, что происходитъ въ Сибири.

На рубежѣ 80-хъ г.г. произошло знакомство В. И. съ Н. М. и А. О. Ядринцевыми и Г. Н. Потанинымъ и другими сибиряками,

принадлежащими къ сибирскому кружку. Знакомство съ Ядринцевыми скоро перешло въ дружбу, которая не прекращалась до самой кончины Ядринцевыхъ. Объ этой дружбѣ говорятъ некрологи—статьи, напечатанныя В. И. по поводу кончины А. Ѳ. Ядринцевой («Русск. Стар.» 1889 г.) и Н. М. Ядринцева («Русск. Мысль» I кн. 1895 г.). Объ этой же дружбѣ свидѣлствуютъ заботы о дѣтяхъ Ядринцева. Еще недавно, года три тому назадъ, В. И. пріѣзжалъ въ Москву, въ судъ, чтобы смягчить своими показаніями приговоръ суда надъ дочерью Н. М. Ядринцева Л. Н. Ядринцевой-Злобиной, обвинявшейся по политическому дѣлу за участіе въ с.-д. организаціи. Теплыя и сердечныя отношенія до конца дней своихъ питалъ В. И. и къ другому знаменитому сибиряку Г. Н. Потанину. Невольно вспоминается его письмо ко мнѣ, написанное В. И. въ 1903 г. по поводу кончины А. В. Потаниной, умершей въ Китаѣ во время экспедиціи. Сколько безпокойства, какъ много теплоты было въ этомъ письмѣ, какъ много словъ утѣшенія нашелъ В. И. и просилъ ихъ передать Г. Н. Потанину, который «такъ нуженъ наукѣ и Сибири»! В. И. былъ близокъ и съ Д. А. Клеменцемъ и многими другими вольными и невольными сибиряками. Дружескія отношенія съ многими сибирскими дѣятелями, широкій кругъ знакомыхъ среди сибиряковъ, изученіе сибирскихъ вопросовъ, наряду съ правиломъ, что нельзя изучать прошлое, не знакомясь и не изучая настоящаго, заботы о политическихъ изгнанникахъ, переписка съ ними, разбросанными по разнымъ «гыблымъ» мѣстамъ Сибири, участіе въ сибирской печати, вызвали у В. И. огромный интересъ ко всѣмъ проявленіямъ современной сибирской жизни. Онъ не разъ говорилъ шутя: «я такъ ушелъ въ сибирскіе интересы, что подчасъ мнѣ кажется, что я самый что ни на есть подлинный сибирякъ». Онъ посѣщалъ сибирскіе вечера, получалъ сибирскія газеты и самъ не только писалъ въ «Восточн. Обозрѣніи», но и безпокоился за судьбы этой газеты. Помню одинъ вечеръ, у него въ кабинетѣ. Зашла рѣчь о русскомъ и сибирскомъ крестьянинѣ, кто-то припомнилъ «Таежныя прогалины» Астырева и В. И. сталъ горячо доказывать, что типъ сибиряка, совершенно не таковъ, какъ охарактеризовалъ его Астыревъ. Подъ оболочкою холодности, суровости скрывается развитое самосознаніе, сознаніе человѣческаго достоинства и недовѣріе къ «навознымъ» людямъ, особенно, чиновникамъ. Это недовѣріе вполне понятно; оно сложилось исторически; «навозные» мало дали Сибири положительнаго, а вносили разлагающее вліяніе, пріучая сибиряка къ взяткѣ, безъ которой въ Сибири еще недавно нельзя было жить.

В. И. съ большимъ интересомъ относился къ вопросу объ

инородцахъ и къ «каторжной» Сибири. Въ написанной имъ біографіи Ядринцева есть не мало мѣстъ, характеризующихъ взгляды В. И. на эти вопросы, которые были единичны съ взглядами Ядринцева, высказанными въ монографіяхъ—«Община въ тюрьмѣ и ссылкѣ» и «Сибирскіе инородцы». Обѣ эти работы В. И. цѣнили и рекомендоваль тѣмъ, кто предполагалъ заняться изученіемъ Сибири.

В. И. внимательно слѣдилъ за литературой по переселенческому вопросу, собиралъ всевозможные матеріалы о переселенцахъ и далъ въ «Восточн. Обзор.» нѣсколько замѣтокъ и рецензій на вышедшіе труды по этому вопросу. Извѣстный изслѣдователь и знатокъ переселенческаго дѣла и исторіи переселенческаго вопроса А. А. Кауфманъ признаетъ (см. «Русск. Зап.» X кн.), что еще въ то время, когда г. Кауфманъ только что приступилъ къ своимъ изслѣдованіямъ крестьянскаго вопроса и общины въ Сибири, В. И. далъ ему важныя и цѣнныя указанія, которыя потомъ много помогли при изслѣдованіи переселенческаго вопроса. Въ бытность свою въ Сибири В. И. непосредственно знакомился съ переселенческимъ движеніемъ, посѣщалъ переселенческіе пункты, бесѣдовалъ съ переселенцами и переселенческими чиновниками и т. д. Убѣдившись лично въ тяжеломъ положеніи переселенцевъ, особенно «самовольныхъ», идущихъ безъ разрѣшительныхъ свидѣтельствъ, В. И. задался цѣлью помочь имъ. Онъ явился однимъ изъ инициаторовъ и организаторовъ обществъ вспоможенія переселенцамъ, которое оказало въ Сибири неоцѣнимыя услуги переселенцамъ. Общество имѣло отдѣлы въ разныхъ городахъ и существовало до конца 90-хъ гг., пока все переселенческое дѣло не сосредоточилось въ рукахъ Главнаго переселенческаго Управленія; а общественная инициатива была сведена почти на нѣтъ.

Совершенно исключительнымъ вниманіемъ В. И. Семеваго пользовалась сибирская печать, особенно «Восточное Обзорѣніе» и «Сибирскій Сборникъ», въ которыхъ онъ работалъ до самаго ихъ закрытія въ 1906 г. администраціей. За 12 лѣтъ моего редакторства и издательства я не знаю, если исключить ближайшихъ сотрудниковъ, кто бы другой проявлялъ такое вниманіе и интересъ къ газетѣ, какъ это дѣлалъ В. И., связавшій себя съ «Восточнымъ Обзорѣніемъ» еще тогда, когда оно издавалось еще въ Петербургѣ. Въ своей статьѣ, напечатанной въ «Русск. Мысли» по поводу кончины Н. М. Ядринцева, В. И. писалъ: «Въ годъ (1882) выхода этой замѣчательной книги («Сибирь, какъ колонія») Ядринцевъ положилъ основаніе въ высшей степени важному предпріятію на Сибири: онъ сталъ издавать газету подъ названіемъ «Восточ-

ное Обозрѣніе», къ участию въ которой сумѣлъ привлечь не мало хорошихъ научныхъ и литературныхъ силъ». Съ первыхъ же лѣтъ изданія «В. Об.» В. И. близко сталъ къ газетѣ, а потомъ, когда въ 1886 г. началъ при газетѣ издаваться «Сибирскій Сборникъ», то и къ этому изданію. «Восточн. Обозр.» было отдано подъ предварительную цензуру, а въ 1887 г., въ виду тяжелыхъ условій, газету рѣшено было перенести въ Иркутскъ. Друзья Ядринцева, въ числѣ ихъ и В. И. были противъ этого переноса изданія, доказывая, что условія изданія и цензуры въ провинціи тяжелѣе, чѣмъ въ столицѣ. Предсказанія эти оправдались, но газета продолжала сохранять свое направленіе и была вѣрна демократическимъ принципамъ. И только въ 1891 г., во время отсутствія изъ Иркутска Ядринцева, по неопытности временнаго редактора, въ газетѣ была напечатана лекція о золотопромышленности безъ оговорокъ отъ редакціи. Считая золотопромышленность «краеугольнымъ камнемъ экономическаго развитія Сибири», лекторъ настаивалъ на необходимости для этой промышленности покровительства и льготъ. Предложенія лектора вызвали справедливыя возраженія со стороны тобольской газеты «Сибирскій Листокъ», которая допустила упрекъ и по адресу Ядринцева за то, что онъ занимается археологіей, когда есть болѣе важныя задачи. В. И. съ скорбью констатировалъ промахъ «Восточн. Обозр.» и въ то же время старался воздѣйствовать на газеты, чтобы онѣ прекратили, по его выраженію «братоубійственную» полемику между органами одного направленія. Въ своей статьѣ объ Ядринцевѣ В. И. выступилъ на защиту Ядринцева отъ несправедливаго упрека «Сиб. Листка», доказывая важность археологическихъ работъ Ядринцева для исторіи культуры инородческихъ племенъ и указывая на то, «что бывають обстоятельства, при которыхъ для общественнаго дѣятеля извѣстнаго направленія чуть не «всѣ пути заказаны», и когда приходится браться за трудъ и не вполне соотвѣтствующій личнымъ вкусамъ и наклонностямъ».

Этотъ эпизодъ показываетъ, какъ внимательно и чутко относился В. И. къ сибирской печати и особенно къ «Восточному Обозрѣнію». Это отношеніе не мѣнялось и въ послѣдующіе годы. Въ 1894 г. «Восточн. Обозр.» переживало тяжелый матеріальный кризисъ. Н. М. Ядринцевъ вошелъ въ переговоры о редакторствѣ и соиздательствѣ съ И. И. Поповымъ. В. И. Семеvскій не остался въ сторонѣ отъ этихъ переговоровъ. Онъ, въ письмѣ къ г. Попову, убѣждалъ его взять веденіе «Восточн. Обозр», давая въ высшей степени лестную характеристику газеты, ея направленію и содержанию.

Въ 1894 г. Н. М. Ядринцевъ неожиданно умираетъ, и В. И.

является однимъ изъ посредниковъ въ переговорахъ между наслѣдниками Ядринцева и г. Поповымъ, фактически уже руководившимъ газетой. В. И. старается обезпечить интересы дѣтей его покойнаго друга и въ тоже время сохранить газету. В. И. приложилъ не мало хлопотъ къ тому, чтобы новый фактический редакторъ былъ скорѣе утвержденъ, и газета была поставлена въ такія условія, чтобы на изданіе ея можно было затрачивать средства. Въ день двадцатилѣтія газеты, когда иркутское общество чествовало редакцію «Восточн. Обзоръ», В. И. Семевскій писалъ: «признаніе обществомъ важныхъ и цѣнныхъ заслугъ «Восточн. Обзоръ» есть справедливый даръ памяти ея основателя и въ то же время свидѣтельствуешь, что новая редакция съ честью несетъ то знамя, которое она приняла изъ рукъ Н. М. Ядринцева».

Въ 1903 г. редакция газеты «Восточн. Обзоръ» пожелала издать къ 10-ти лѣтію кончины Н. М. Ядринцева отдѣльной книгой біографію съ описаніемъ жизни и дѣятельности основателя газеты. Редакция обратилась къ В. И. съ просьбой подыскать литератора, который согласился бы взять на себя трудъ по составленію этого очерка. Въ перепискѣ по этому поводу между В. И. Семевскимъ и редакціей газеты ярко обрисовалась одна изъ чертъ характера В. И.—это его деликатность въ отношеніяхъ къ людямъ. В. И. вошелъ въ переговоры по составленію книги съ М. К. Лемке. Редакция согласилась на этотъ выборъ и просила В. И. взять на себя окончательную редакцію очерка. По этому поводу В. И. Семевскій написалъ письмо редактору газеты слѣдующаго содержанія: «Я ничего не имѣю противъ того, чтобы въ печатномъ заявленіи было упомянуто, *если на это согласенъ* Мих. Конст. Лемке, что составленная имъ біографія Н. М. Ядринцева будетъ просмотрѣна мною и Д. А. Клеменцемъ, но никогда не могу согласиться, чтобы было заявлено, что она *исправлена* мною. Хозяиномъ работы долженъ остаться ея авторъ; я и Клеменць можемъ предложить свои замѣчанія, но М. К. Лемке имѣетъ право согласиться или нѣтъ съ нашими замѣчаніями».

М. К. Лемке согласился на просмотръ, а В. И. нашелъ его работу (болѣе 14 печ. лист.) прекрасной. В. И. интересовался изданіемъ сочиненій А. П. Щапова, когда право на изданіе наслѣдниками Щапова было передано г. Пирожкову, и сдѣлалъ много цѣнныхъ редакціонныхъ указаній. Семевскій относился ко всему, что касается Сибири, съ особеннымъ вниманіемъ. Принимая участіе въ составленіи энциклопедическаго словаря «Бр. Гранатъ и К^о», онъ заботился о томъ, чтобы имена сибирскихъ дѣятелей не были имъ пропущены и сдѣлалъ указанія о необходимости дать біографическія свѣдѣнія о М. В. Загоскинѣ, И. М. Сибиряковѣ и др.

Была у В. И. Семевского еще одна область, въ которой проявлялись его доброта и сердечность—это его отношеніе къ политическимъ ссыльнымъ. В. И. находился со многими изъ нихъ въ перепискѣ, заботился и хлопоталъ о нихъ, писалъ о ссыльныхъ знакомымъ сибирякамъ, обращался къ губернаторамъ и генералъ-губернаторамъ и всемѣрно старался облегчить ихъ существованіе. Въ концѣ 90-хъ годовъ Вост. Сибир. Отдѣломъ Географическаго Общества, на средства И. М. Сибирякова, было предпринято изслѣдованіе Якутской Области; въ этомъ изслѣдованіи участвовали преимущественно политическіе ссыльные. Изслѣдованіе состоялось отчасти подъ вліяніемъ В. И. Семевского, который былъ близокъ съ И. М. Сибиряковымъ и самъ посѣтилъ въ 1891 г. Якутскую Область. В. И. интересовался работами этого изслѣдованія и въ совѣщаніяхъ съ Д. А. Клеменцемъ, который былъ непосредственнымъ руководителемъ и организаторомъ экспедиціи далъ не мало цѣнныхъ указаній. Близко стоя къ редакціи журнала «Былое», В. И. стремился отразить на страницахъ журнала прошлое и настоящее политической ссылки, собиралъ матеріалы, относящіеся къ характеристикѣ какъ современныхъ ему политическихъ движеній, такъ и жизни въ Сибири участниковъ этихъ движеній. Въ 1905 г., послѣ октябрьской амністіи, В. И. явился однимъ изъ организаторовъ особаго комитета, который собиралъ средства для возвращенія амнистированныхъ на родину. Первые суммы, полученныя «Вост. Обзор.» для этой цѣли, были отъ него и Д. А. Клеменца.

Изъ нашего бѣглаго очерка объ отношеніяхъ В. И. Семевского къ Сибири, далеко неполнаго, потому что многое нами вѣроятно опущено, многого мы не знаемъ, а кое о чемъ говорить еще преждевременно, видно, въ какомъ большомъ объемѣ Сибирь вошла въ жизнь и ученые труды историка. Борозда, проложенная имъ въ Сибири—велика и глубока. Среди дѣятелей Сибири, какъ природныхъ сибиряковъ, такъ и уроженцевъ Европ. Россіи, В. И. принадлежитъ одно изъ видныхъ мѣстъ, а въ вопросѣ освѣщенія положенія трудящихся массъ на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ онъ является единственнымъ. В. И. не только изучалъ Сибирь, интересовался ею, но онъ полюбилъ этотъ холодный и суровый край, полюбилъ, быть можетъ, и потому, что Сибирь и нынѣ является забытой, во многихъ отношеніяхъ все еще обездоленной, «штрафной» страной. В. И. жаждалъ возрожденія этой страны и приобщенія ея къ европейской культурѣ. Онъ, не сибирякъ и не жившій въ Сибири, такъ проникся интересами далекой окраины, что находилъ возможнымъ намѣчать программу тѣхъ путей, которые выведутъ Сибирь изъ ея безправнаго положенія и сдѣлаютъ

ее «страной довольства, богатства и счастья». «Необходимыми условіями процвѣтанія Сибири» онъ, какъ и Ядринцевъ, находилъ рядъ экономическихъ мѣропріятій, введеніе земства, суда присяжныхъ, свободу печати и слова, свободу личности и имущественную неприкосновенность, свободу переселеній и прекращеніе ссылки въ Сибирь.

В. И. Семевскій, приглашая сибиряковъ работать «на родинѣ въ духѣ принциповъ, которые проповѣдывалъ Ядринцевъ», указывалъ, что «сибиряки не должны забывать, что если первымъ настоятельнымъ дѣломъ сибирскаго общества является пріобрѣтеніе для ихъ родины тѣхъ реформъ, которыя уже достигнуты Европ. Россіей, то дальнѣйшее движеніе въ духѣ реформъ и осуществленіе *всѣхъ* условій благосостоянія этого края, указанныхъ, какъ мы видѣли, Ядринцевымъ въ 1882 г., является уже обще-русскою задачей, и потому, трудясь совмѣстно съ прогрессивными силами Россіи для достиженія этихъ условій, сибиряки будутъ работать, въ то же время и на пользу своей ближайшей родины». («Русск. М.» 1895). Намѣчая подробную программу для сибирскихъ дѣятелей, В. И. неоднократно подчеркивалъ, чтобы сибиряки работали въ «духѣ принциповъ, которые проповѣдывалъ Ядринцевъ», являвшійся не централистомъ, а областникомъ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова; въ то же время В. И., какъ и Ядринцевъ, училъ сибирское общество, особенно сибирскую молодежь, «знать и любить свою родину, гуманно относиться ко всему ея разнообразному населенію безъ различія происхожденія и вѣроисповѣданія, служить интересамъ народа».

Этимъ завѣщаніемъ В. И. Семевского, чье имя всегда будетъ вспоминаться съ благодарностью и уваженіемъ сибиряками, потому что заслуги его передъ Сибирью велики, мы и закончимъ нашу замѣтку о другѣ Сибири.

И. Поповъ.

Памяти усопшаго друга бывшихъ шлассельбургскихъ узниковъ.

Предоставляя другимъ, болѣе компетентнымъ, лицамъ оцѣнить то достоинству ученые труды покойнаго В. И. Семевского и понесенную въ его лицѣ русской наукой потерю; уступая также другимъ людямъ, ведшимъ болѣе или менѣе нормальное существованіе и жившимъ долгіе годы бокъ о бокъ съ нимъ, трудясь совмѣстно на поприщѣ общественной дѣятельности, завидное

В. И. Семевский в гробу.

право рассказать о его заслугахъ на этомъ поприщѣ, мы, бывшіе шлиссельбургскіе сидѣльцы, хотѣли бы только вспомнить добрымъ словомъ на страницахъ дорогого ему журнала о той горячей симпатіи, которой онъ встрѣтилъ насъ послѣ нашего «воскресенья изъ мертвыхъ», и о томъ неизмѣнномъ участіи и заботливости, съ которыми онъ относился къ намъ до самой своей смерти, въ качествѣ предсѣдателя Шлиссельбургскаго Комитета. Говорить объ этомъ подробно еще не настало время. А пока намъ хочется только сказать надъ свѣтлой могилой нашего усопшаго друга: «да будетъ тебѣ легка земля, и знай, что воспоминаніе о тебѣ не умретъ въ нашей благодарной памяти». М. Ю. Ашенбреннеръ, В. Г. Ивановъ, С. А. Ивановъ, Г. А. Лопатинъ, І. Д. Лукашевичъ, Н. А. Морозовъ, М. В. Новорусскій, В. С. Панкратовъ, М. Н. Тригони, В. Н. Фигнеръ, М. Ѳ. Фроленко, М. Ѳ. Шебалинъ.

Печать о В. И. Семевскомъ.

В. А. Мякотинъ. (*Русскія Записки* № 9).

Эта смерть—за работой, среди книгъ въ библіотекѣ Академіи Наукъ—удивительно гармонируетъ со всѣмъ обликомъ В. И. Семевского, со всей его жизнью. Смерть застигла его за тѣмъ дѣломъ, которому онъ отдалъ всю свою жизнь, въ той обстановкѣ, въ какой онъ проводилъ почти все свое время.... Онъ былъ не только упорнымъ и неутомимымъ работникомъ науки,—онъ былъ строгимъ и суровымъ подвижникомъ ея, не знавшимъ ни отдыховъ, ни перерывовъ въ своемъ научномъ трудѣ, неразрывно связавшимъ этотъ трудъ со всею своею жизнью.

Такъ полно отдаваясь наукѣ, В. И. Семевскій, впрочемъ, никогда и не отгораживалъ ее отъ жизни. Сынъ эпохи, когда Россія впервые мощно сдвинулась съ вѣковыхъ устоевъ стараго быта, когда упали тяжелыя оковы крѣпостного рабства, передъ страной развернулись перспективы новаго, свободнаго существованія, и передовая русская интеллигенція вдохновлялась идеей уплаты своего долга народу,—онъ въ самой наукѣ видѣлъ одно изъ орудій служенія жизни, одно изъ средствъ уплаты все того же священнаго долга. Широко поставленная научная проблема сливалась для него въ одно цѣлое съ высокой жизненной задачей. Изученіе прошлаго имѣло для него смыслъ только какъ изученіе исторіи народа, но въ этомъ случаѣ оно получало въ его глазахъ не одно лишь чисто научное значеніе. Историческая наука въ его представленіи была не только свѣточемъ, освѣщающимъ прошлое. Онъ вѣрилъ, что этотъ свѣточъ озаряетъ и настоящее, помогая разобратъ въ немъ и найти путь отъ него къ свѣтлому будущему. Съ присущимъ ему сознаніемъ долга В. И. Семевскій не сомнѣвался, что поставленная такимъ образомъ задача неизбежно

должна найти для себя работниковъ. «Стоить только понять,— писалъ онъ въ 1881 г., во введеніи къ своей магистерской диссертации,—что знакомство съ прошлымъ не менѣе необходимо, чѣмъ изученіе настоящаго, что послѣднее правильно понимается только при основательномъ знакомствѣ съ первымъ, что, наконецъ, хорошее будущее создается лишь какъ результатъ внимательной критики прошлаго и настоящаго, стоитъ только это понять,—и найдутся самоотверженные работники, готовые всю жизнь положить на изученіе дурныхъ и хорошихъ сторонъ прежняго народнаго быта». Въ частности «исторія русскихъ крестьянъ—утверждалъ В. И.—есть долгъ нашей науки народу».

Свою долю этого долга В. И. Семевскій во всякомъ случаѣ уплатилъ полностью. Правда, онъ хотѣлъ и могъ сдѣлать для русской исторической науки больше того, что сдѣлалъ. Превосходный лекторъ, въ совершенствѣ владѣвшій тайной живого слова, при всей своей кажущейся простотѣ непреодолимо приковывавшаго къ себѣ вниманіе слушателей, рано сложившійся специалистъ, обладавшій массою знаній, любившій и умѣвшій дѣлиться ими, онъ, казалось, самой судьбою былъ предназначенъ къ тому, чтобы стать профессоромъ, признаннымъ учителемъ ряда университетскихъ поколѣній. Эта дѣятельность и влекла къ себѣ В. И. Семевского и въ ней, конечно, могло наиболѣе полно развернуться его дарованіе историка. Но тѣ взгляды, съ которыми онъ подходилъ къ русской исторической наукѣ и которымъ онъ не хотѣлъ и не могъ измѣнить, помѣшали ему занять мѣсто въ рядахъ ея официальныхъ служителей...

Тяжела утрата, нанесенная этой смертью русской наукѣ. И не менѣе тяжела утрата, понесенная русской общественностью. Ударъ, полученный В. И. Семевскимъ въ самомъ началѣ его общественной дѣятельности, не сломалъ и не согнулъ его. Онъ остался самъ собою, остался вѣренъ своимъ общественнымъ взглядамъ, симпатіямъ и идеаламъ. Вѣрность имъ онъ пронесъ черезъ всю свою жизнь и всегда готовъ былъ открыто отстаивать эти взгляды, всегда готовъ былъ и принять участіе въ связанномъ съ ними дѣлѣ. Вѣчно погруженный въ научныя занятія, вѣчно заваленный работой, онъ тѣмъ не менѣе неизмѣнно откликался каждый разъ, когда его властно звалъ голосъ общественности. Въ жизни петербургской интеллигенціи послѣднихъ десятилѣтій ХІХ вѣка не было, кажется, ни одного крупнаго событія, ни одной видной организаціи, въ которыхъ бы не принималъ участія В. И. Семевскій. И всюду онъ вносилъ съ собою свою бодрую энергію, свою всегдашнюю готовность къ работѣ, свою строгую и стойкую принципиальность...

Но у этого суроваго подвижника науки, у этого строгаго, часто непреклоннаго общественнаго дѣятеля былъ вмѣстѣ съ тѣмъ неисчерпаемый запасъ сердечной доброты. У вѣчно занятаго, почти не отрывавшагося отъ книгъ и рукописей В. И. Семевского всегда находилось время для всякаго, кто почему-либо нуждался въ немъ. И прежде всего у него всегда находилось время для учащейся молодежи. Не одна и не двѣ сотни молодыхъ юношей и дѣвушекъ прошли черезъ рабочій кабинетъ В. И. Семевского,

получая отъ него совѣты, указанія, книги. Въ теченіе ряда лѣтъ послѣ оставленія В. И. Семевскимъ университетской каѣдры, вокругъ него группировались цѣлые кружки молодежи, ведшіе подъ его руководствомъ систематическія занятія по русской исторіи и складывавшіеся въ своего рода неофіціальную школу...

Труды В. И. Семевского будутъ долго жить въ русской наукѣ. Но, пока останутся въ живыхъ близко знавшіе его люди, будетъ жить въ ихъ памяти и образъ его самого, незабываемый образъ историка-гражданина, сумѣвшего сочетать беззаветную преданность наукѣ съ активнымъ интересомъ къ общественности, соединявшего строгую твердость мыслителя и гражданина съ глубокою человѣчностью и на своемъ примѣрѣ учившаго, какъ надо жить и работать, связывать мысль съ жизнью и служить родному народу.

П. Н. Милуковъ. (*Речь 22 сен.*)

То, чему онъ училъ, не было только наукой въ тѣсномъ смыслѣ слова. Это была система жизни, если угодно, религія. И кругомъ учителя долгіе годы, десятки лѣтъ собирались ученики и ученицы, знакомившіеся при его содѣйствіи со всѣмъ тѣмъ важнѣйшимъ матеріаломъ русской исторіи, который могъ помочь выработкѣ общественнаго и политическаго міросозерцанія.

В. И. Семевскій былъ народникъ и предметомъ культа его и его учениковъ былъ народъ, русскій народъ. Идея народничества послѣ своего революціоннаго фазиса семидесятыхъ годовъ, послѣ цѣлаго ряда первоначальныхъ изученій народной жизни, вѣры, быта, экономическихъ основъ, послѣ яркаго расцвѣта народнической беллетристики, открывшей народъ слишкомъ рано для послѣдующихъ поколѣній, а потому наказанной несправедливымъ забвеніемъ,—эта идея нѣсколько потускнѣла и спряталась послѣ встрѣчи съ самой новѣйшей европейской новинкой, идеей безземельнаго рабочаго «пролетаріата». Но по самому существу русской жизни, по характеру нашей социальнo-экономической структуры, она не могла умереть. Она эволюціонировала въ тѣсномъ кружкѣ, на который, по контрасту съ психологіей и моралью слѣдующаго, болѣе молодого поколѣнія, легъ налетъ чего-то аскетическаго и сектантскаго. Семевскій принадлежалъ къ этому кружку. Вмѣстѣ съ нимъ онъ замкнулся, вмѣстѣ съ нимъ боролся противъ пестроты послѣдующихъ вѣяній, строго примѣряя свой испытанный критерій всякой новизнѣ и становясь все болѣе и болѣе разборчивымъ и исключительнымъ. Молодежь ушла къ другимъ вождямъ, но ушла не вся. Около бережно поддерживаемаго стараго огонька собирались немногіе. Но эти немногіе были отборные люди, и они сообщили обновленный смыслъ старой религіи, снова вывели ее изъ кабинета и аудиторіи на улицу, снова собрали вѣрныхъ. В. И. Семевскій долженъ былъ съ особымъ чувствомъ слѣдить за этимъ возрожденіемъ любимой мысли. Говорю: «долженъ былъ», потому что за послѣдніе годы я не могъ слѣдить внимательно за настроеніями Семевского. Только встрѣчая его по временамъ, посѣдившаго и постарѣвшаго, угрюмаго и замкнутаго въ себѣ, но упорно несущаго въ себѣ свою идею, я не могу не чувствовать, что здѣсь теплится искра, которая когда-нибудь снова загорится яркимъ пламенемъ.

Какъ бы то ни было, жизненная идея покойнаго въ его неусыпномъ трудѣ получила уже при жизни его монументальное завершеніе. Семевскій выполнилъ свой долгъ сполна передъ русскимъ народомъ, передъ русскимъ крестьяниномъ.

Была, однако, еще одна область, работа въ которой не тревожила совѣсти В. И. Семевского и, очевидно, представлялась ему тѣсно связанной съ его главнымъ предметомъ. Семевскій никогда не противопологалъ народу его интеллигенціи и не говорилъ объ ея измѣнѣ народу, потому что вѣрилъ въ ея сознаніе долга передъ народомъ. Естественно, что моменты, когда это сознаніе проявлялось особенно ярко въ быломъ, привлекали особое вниманіе Семевского. Онъ всю жизнь носился съ мыслью изучить подлинныя документы дѣла декабристовъ и наклонѣ лѣтъ онъ, наконецъ, дожилъ до благопріятнаго времени осуществленія своей задачи. Семевскому же принадлежать самыя тщательныя работы надъ другой группой духовныхъ отцовъ предшественниковъ: надъ, такъ называемыми, петрашевцами.

Есть цѣльность въ этой работѣ жизни. И есть сила, какая есть во всемъ цѣльномъ. Въ наше время, когда забота дня дробить на мелкія части вниманіе къ цѣлому, когда частичныя отдѣльныя усилія подтачиваютъ столько существованій, но никакъ не могутъ слиться въ одинъ цѣльный итогъ,—жизнь и работа—это было для него одно и то же,—такого человѣка какъ Семевскій не могутъ не возбуждать зависти у менѣе счастливыхъ, чувство благороднаго соревнованія у тѣхъ, кто способенъ и можетъ такъ работать, и чувство глубочайшаго уваженія и благодарности у всѣхъ,—въ томъ числѣ и у народа, передъ которымъ Семевскій честно исполнилъ свой долгъ.

В. Л. Бурцевъ. (*Биржевыя Вѣдомости* 22 сен.).

Сегодня у русскаго народа прибавилась новая великая могила. Къ ней не зарастетъ народная тропа...

Зато современное русское общество сегодня понесло громадную утрату. Однимъ дѣятельнѣйшимъ, талантливѣйшимъ работникомъ въ общественной жизни стало меньше...

Умеръ Василій Ивановичъ Семевскій.

Въ немъ мы всѣ потеряли и прекраснѣйшаго, гуманнѣйшаго человѣка, и замѣчательнаго общественнаго и политическаго дѣятеля, и одного изъ самыхъ крупныхъ, даровитѣйшихъ работниковъ, какіе только были въ области русской исторической науки.

Василій Ивановичъ Семевскій былъ однимъ изъ общественныхъ дѣятелей, которые являются гордостью своего поколѣнія, проработавшаго болѣе сорока лѣтъ. В. И. Семевскій былъ гордость не одного только какого-нибудь поколѣнія. Онъ все время былъ активнѣйшимъ дѣтелемъ и остался гордостью всѣхъ тѣхъ, слѣдовавшихъ одно за другимъ поколѣній, среди которыхъ онъ жилъ и дѣйствовалъ.

В. И. Семевскій всегда горѣлъ самыми живыми общественными вопросами. Конечно, именно потому онъ и въ исторіи XVII и XVIII вѣковъ выбиралъ для изученія наиболѣе жгучіе вопросы.

того времени и относился къ нимъ съ обычной для него отзывчивостью къ народному горю и къ народной радости.

Пусть близкія къ В. И. Семевскому лица подробно намъ расскажутъ о томъ, во что онъ никогда не хотѣлъ посвятить широкую публику и надъ чѣмъ работалъ такъ же упорно, какъ и надъ изученіемъ дѣятельности Радищева и декабристовъ. По этимъ вопросамъ пусть будетъ разрѣшено и мнѣ сказать нѣсколько словъ.

Въ самые тяжелые годы моей заграничной жизни, когда я, при очень тяжелыхъ условіяхъ выпускалъ тамъ еще до 1905 г. первые выпуски своего «Былого» я встрѣтилъ со стороны В. И. Семевскаго самый теплый привѣтъ и сочувствіе. Въ статьяхъ виденъ былъ не только большой ученый специалистъ по русской исторіи, но и живой современный общественный дѣятель, котораго волновали всѣ больные вопросы нашей русской жизни.

Когда въ 1906 году въ Петроградѣ сталъ выходить нашъ журналъ «Былое», мы встрѣтили со стороны В. И. Семевскаго самое горячее къ намъ отношеніе, и въ первомъ же номерѣ «Былого» было напечатано его замѣчательное изслѣдованіе на тему... все о томъ же крестьянскомъ вопросѣ и въ отношеніи къ нему Радищева въ его одѣ «Вольность», т.-е. о чемъ съ такой душой говорилъ В. И. Семевскій, намъ молодымъ студентамъ въ 1882—1883 г., когда мы только вступали въ жизнь.

Въ 1905 году моя первая встрѣча съ В. И. Семевскимъ послѣ долгихъ лѣтъ была въ Петроградѣ на митингѣ въ Тенишевскомъ залѣ. Онъ принималъ горячее участіе въ этомъ собраніи, посвященномъ вопросамъ ссылки и тюрьмы.

Въ слѣдующій разъ я увидѣлъ В. И. Семевскаго на новомъ собраніи шлиссельбургскаго комитета, бывшемъ на его квартирѣ. Комитетъ ставилъ себѣ опредѣленные общественныя цѣли и много сдѣлалъ въ свое время для правильной оцѣнки всего, что было до тѣхъ поръ связано съ знаменитой шлиссельбургской крѣпостью. Душой этихъ собраній былъ В. И. Семевскій, и онъ сумѣлъ собрать вокругъ этого комитета много выдающихся общественныхъ дѣятелей. Большое спасибо скажутъ всѣ, кто познакомился ближе съ дѣятельностью этого шлиссельбургскаго комитета. И прежде всего всѣ спасибо скажутъ В. И. Семевскому.

Года полтора тому назадъ мнѣ пришлось невольно покинуть Петроградъ. Съ безграничной любовью и заботой отнесся тогда ко мнѣ В. И. Семевскій.

Среди поглощающихъ столько энергіи и силъ научныхъ и разнаго рода его общественныхъ работъ, начались его хлопоты по тюремнымъ комитетамъ о свиданіяхъ, о полушубкахъ и валенкахъ и т. д.

Онъ былъ на свиданіи въ пересыльной тюрьмѣ. Я видѣлъ, сколько онъ во всѣ эти мелочи вкладывалъ своихъ силъ и своего сердца.

Въ тюремной обстановкѣ, во время нашего мимолетнаго свиданія онъ мнѣ и тогда говорилъ о Радищевѣ и крестьянскомъ вопросѣ, о томъ, принадлежитъ ли статья о крестьянскомъ вопросѣ въ «Живописцѣ» (1772 г.) Радищеву или не принадлежитъ.

Я замѣтилъ тогда В. И. Семевскому, что онъ въ мартѣ 1916 года

въ пересыльной тюрьмѣ какъ будто продолжаетъ свою лекцію, которую я слушалъ у него въ Петроградѣ 35 лѣтъ тому назадъ...

Первое письмо изъ Европейской Россіи въ далекомъ Туруханскѣ я опять-таки получилъ отъ того же В. И. Семевского и все о томъ же, о Радищевѣ.

Много будутъ теперь говорить о В. И. Семевскомъ, какъ о замѣчательномъ общественномъ дѣятелѣ и крупнѣйшемъ ученомъ, но мы, знавшіе его лично, будемъ говорить о немъ и какъ о человѣкѣ.

Это былъ одинъ изъ самыхъ рѣдкихъ, самыхъ чудныхъ людей.

Какъ была блестяща жизнь В. И. Семевского и какъ много онъ сдѣлалъ для того, что любилъ и во что вѣрилъ.

Н. С. Русановъ (*Русскія Записки* № 9).

...Въ теченіе моей изрядно долгой жизни за границей наши сношенія съ Василиемъ Ивановичемъ не прерывались. Онъ мнѣ аккуратно посылалъ съ надписью свои книги, но не по почтѣ и не сопровождая ихъ письмами, а почти всегда при помощи «живой оказіи», т.-е., какого-нибудь надежнаго россіянина, который, привозя подарокъ отъ Семевского, передавалъ отъ него привѣтъ и пожеланія лучшихъ временъ. Я въ свою очередь прибѣгалъ къ этому, столь примитивному, но столь типичному для эпохи Александра III, способу общенія между легальными и нелегальными людьми. Однажды, передавъ черезъ такого дипломатическаго курьера Семевскому желаніе Лаврова пользоваться его трудами для своихъ работъ, я былъ очень обрадованъ, когда слѣдующій разъ получилъ уже два экземпляра вышедшей книги: одинъ для меня, другой—для Петра Лавровича.

Во второй половинѣ 90-хъ годовъ «оказія» привезла мнѣ даже отъ Семевского забавный документъ, касавшійся меня и показывавшій, до какой степени серьезныя научныя занятія нисколько не мѣшали Василию Ивановичу удѣлять время и другимъ практическимъ, порою мелкимъ, дѣламъ, но представлявшимся ему почему-либо нужными. На сей разъ Семевскій посылалъ мнѣ переписанный, повидимому, его неразборчивымъ почеркомъ экземпляръ секретнаго предписанія министерства внутреннихъ дѣлъ арестовать на границѣ, буде онъ тамъ появится, «государственнаго преступника» имя рекъ — меня со всѣми моими примѣтами, столь, впрочемъ фантастически изображенными въ этомъ произведеніи сыскаго пера, что мои пріятели и самъ я долго смѣялись надъ «раздувающимися ноздрями и крайне отталкивающей физиономіей» искомаго Квазимодо. Дѣло въ томъ, что Василій Ивановичъ, занимаясь въ Сибири по приглашенію И. М. Сибирякова изученіемъ исторіи быта рабочихъ на золотыхъ приискахъ, случайно увидалъ въ дѣлахъ иркутскаго полицейскаго управленія въ числѣ разныхъ архивныхъ бумагъ и этотъ документъ самоновѣйшаго происхожденія, заинтересовался имъ, переписалъ его и направилъ мнѣ за границу, чтобы предупредить меня о томъ, что ждетъ меня на порогѣ родины. Въ этотъ моментъ я, признаться, и не думалъ о дымѣ отечества. Но меня глубоко тронуло вниманіе неутомимаго изслѣдователя, который открылся

отъ научной работы, чтобы оказать услугу затерявшемуся на Западѣ знакомому. Что за хорошій, что за добрый человѣкъ,— снова и снова повторялъ я себѣ.

Эта черта вдумчиваго отношенія къ людямъ, отзывчивость, на ихъ нужды, желаніе оказать имъ помощь, словомъ—эта всегда живая всегда дѣятельная доброта меня все больше и больше поражала въ характерѣ Василя Ивановича, когда я снова увидѣлъ его уже въ Россіи въ концѣ 1905 г.

Просто приходилось поражаться, какъ только находилъ время этотъ чрезвычайно занятой человѣкъ, этотъ рѣдкостный научный работникъ на безпрестанныя, самыя разнообразныя хлопоты о людяхъ, зачастую лично ему незнакомыхъ. Голодаешь бѣдняга-студентъ: Василій Ивановичъ подыскиваетъ ему работу; находитъ уроки, переводы, собираетъ деньги. Капризъ администраціи гонитъ только-что возвратившагося изъ ссылки «политическаго» снова на далекій востокъ: нашъ докторъ русской исторіи бросаетъ свои книги, свою архивную работу и ѣдетъ къ директору полиціи, объясняетъ, аргументируетъ, настаиваетъ, убѣждаетъ и не разъ и не два дѣлаетъ эти не особенно пріятныя визиты, ищетъ другихъ вліятельныхъ лицъ, возвращается снова и снова къ прежней двери и стучится въ нее до тѣхъ поръ, пока ему не удастся заставить пересмотрѣть рѣшеніе или хоть въ нѣкоторой степени облегчить положеніе пострадавшаго...

Рядомъ съ этой активной добротой, сердечностью, отзывчивостью на людскія страданія, мягкостью въ отношеніяхъ къ тѣмъ, кто нуждался въ его помощи, въ душѣ Василя Ивановича жило другое, казалось бы, противорѣчивое начало: необыкновенныя твердость убѣжденія и принципиальная негибкость...

Василій Ивановичъ былъ героемъ убѣжденія. Его міровоззрѣніе, сложившееся у него въ 60-е и 70-ые годы, было цѣльнымъ, выѣченнымъ изъ одного куска монолитомъ. Онъ былъ рационалистомъ, которому претила всякая мистика и была чужда всякая потусторонность: «вѣдь не даромъ же я провелъ два года въ медицинской академіи, чтобы познакомиться съ духомъ положительной науки»,—полушутя, полусерьезно говаривалъ Василій Ивановичъ. Онъ былъ социалистомъ, т.-е., былъ убѣжденъ въ томъ, что внѣ царства труда нѣтъ счастья для человѣчества. Онъ былъ народникомъ, т.-е. всѣмъ существомъ своимъ вѣрилъ въ то, что никакими ворохами циркуляровъ, никакою опекою сверху нельзя основать нормальнаго общественнаго строя, что только тогда трудящіеся массы заживутъ истинно человѣческимъ жизнію, когда, выражаясь терминами 70-хъ годовъ, мнѣнія народа совпадутъ съ его интересами, когда народъ пойметъ, въ чемъ его истинные интересы, и сообразно съ этимъ устроитъ свою жизнь. Въ проясненіи сознанія народа и состоитъ главная задача интеллигенціи. Рационализмъ, социализмъ, народничество, спаянные воедино вѣрою въ лучшее будущее человѣчества и глубокимъ уваженіемъ къ достоинству человѣческой личности, были основнымъ убѣжденіемъ Семевского. И этимъ масштабомъ онъ оцѣнивалъ свои собственные поступки и поступки другихъ....

Эта высокая нравственная непоколебимость Семевского опре-

дѣляла еще одну его черту.. У него не было нерѣшительности въ нравственныхъ оцѣнкахъ. У него отсутствовала боязнь громкаго высказыванія мнѣнія. У него не существовало и лицепріятія къ друзьямъ. Онъ и любилъ-то ихъ прежде всего потому, что они были близки ему душой и служили общему дѣлу. Его волновалъ каждый ложный шагъ товарищей и онъ со свойственной ему прямою давалъ свою оцѣнку поступку, который могъ вызвать недоразумѣніе, злорадство враговъ, смущеніе близкихъ. Просто и сердечно онъ обращалъ вниманіе на послѣдствія того или другаго акта и, какъ самъ требовалъ отъ своихъ друзей откровеннаго мнѣнія о своей дѣятельности, такъ считалъ и себя обязаннымъ оцѣнивать поведеніе своихъ единомышленниковъ и товарищей. Порою это и для него бывало тяжело. Но онъ не зналъ той неловкости, тѣхъ колебаній, которыя мы обыкновенно испытываемъ, когда въ отношеніяхъ къ своимъ людямъ у насъ начинаютъ боротся чувство идейнаго долга и личныя симпатіи, и нужное слово остается несказаннымъ. И, однако Василій Ивановичъ не былъ педантомъ нравственности, хладнокровно прикидывавшимъ аршинъ прописной морали къ дѣйствіямъ живыхъ людей. Согрѣваемый свѣтомъ своихъ общественныхъ идеаловъ, глубоко любящій человѣка и человѣческое достоинство, онъ въ своихъ оцѣнкахъ былъ не бездушнымъ ригористомъ, а милымъ, сердечнымъ, откровеннымъ до рѣзкости товарищемъ, который переживаетъ радости и горести своихъ друзей, гордится ихъ успѣхами, ихъ идейной работой и скорбитъ о промахахъ и ошибкахъ...

А. А. Кауфманъ (*Русск. Зап. № 9*).

«Предъ еще не закрышеюся могилой хочется сказать послѣднее прости тому, кто не былъ въ числѣ моихъ официальныхъ учителей, но кого я тридцать лѣтъ считалъ своимъ учителемъ; того, кто былъ и болѣе того—моей живою совѣстью на жизненномъ пути.

Тридцать лѣтъ тому назадъ судьбѣ угодно было сдѣлать меня, почти мальчика, никогда не выдавашаго деревни, ничего не знавшаго и ничего не смыслившаго въ крестьянскомъ бытѣ и крестьянскомъ хозяйствѣ, изслѣдователемъ крестьянскаго хозяйства и крестьянской общины; да еще гдѣ?—въ такой далекой, въ тѣ времена и въ такой невѣдомой Сибири. Нужно было искать указаній и совѣта. Какъ и почему это случилось—не могу сказать; но случилось такъ, что за указаніями и за совѣтомъ я пошелъ не къ своимъ официальнымъ учителямъ, а къ Василию Ивановичу Семевскому. И я нашелъ у него, чего искалъ.

Съ тѣхъ поръ его загроможденный книгами кабинетъ; его слегка сгорбленная фигура, когда онъ не по лѣтамъ быстрою походкой шелъ въ академическую библіотеку или въ какой-нибудь архивъ съ туго набитымъ портфелемъ подъ мышкой; его ящики и коробки съ безчисленными, строго систематизированными выписками и замѣтками, откуда онъ въ любой моментъ могъ добыть цѣлый ворохъ справокъ по любому, интересовавшему его собесѣдника, вопросу; весь Василій Ивановичъ, такой единый и цѣльный, всегда погруженный въ свою научную работу

и, въ то же время, всегда горѣвшій неугасимымъ пламенемъ вынесеннаго изъ шестидесятихъ годовъ общественнаго идеализма, остался для меня идеаломъ неутомимаго и упорнаго научнаго работника, образцомъ строго добросовѣстнаго отношенія къ самому себѣ и въ своей научной работѣ; образцомъ, въ то же время, строгого единства научной мысли и общественно-научнаго направленія.

И не знаю тоже какъ,—но почти съ того же времени Василій Ивановичъ сталъ для меня живою общественно-научною совѣстью; той совѣстью, какою онъ былъ и для многихъ другихъ, даже лично ему совѣмъ не близкихъ...

Е. Л. (Современный Миръ № 10).

Семевскій обладалъ всѣми качествами выдающагося ученаго: громадной эрудиціей, глубиной и тонкостью анализа, осторожностью въ выводахъ, дѣлавшихся на основаніи богатѣйшаго, часто имъ впервые разработаннаго матеріала. И въ то же время, какъ ученый, онъ былъ очень далекъ отъ того распространеннаго у насъ, къ сожалѣнію, типа эрудита-начетчика, для котораго книга часто служитъ завѣсой отъ реальнаго міра. Нѣтъ, книга никогда не заслоняла Семевского отъ запросовъ дѣйствительной жизни. Даже болѣе: въ его глазахъ особенную цѣну имѣли тѣ книги, которыя непосредственно служили жизни, углубляли ея пониманіе, бросали отблескъ творческой мысли впередъ, въ будущее, чтобы пролить хотя бы лучъ свѣта на его тернистые и загадочные пути.

Кропотливый историческій синтезъ въ изслѣдованіяхъ Семевского шелъ рука-о-руку съ настроеніемъ убѣжденнѣйшаго рационалиста, ставившаго девизомъ человѣческаго развитія торжество разума надъ темными стихіями жизни. Изъ элементовъ, слагавшихъ историческое пониманіе русскаго общественнаго быта, Семевскій отмежевалъ для своихъ изысканій наиболѣе темную стихію—судьбу поработенной вѣковымъ безправіемъ крестьянской личности.

Изслѣдованіе крестьянскаго вопроса было у Василя Ивановича не только предметомъ научной работы, но и актомъ гражданскаго долга. Въ ранней юности онъ былъ свидѣтелемъ великаго перелома государственной жизни. Онъ видѣлъ, какъ неохотно уходило крѣпостное право даже изъ официальныхъ нормъ нашего государственнаго быта. И въ то время, какъ силою вещей внѣшне освобожденный народъ былъ лишенъ возможности осуществить свои бытовые идеалы,—въ жизни, въ навыкахъ власти, въ обычаяхъ привилегированныхъ классовъ господствовало самое откровенное крѣпостничество, борьба съ которымъ была затруднительна внѣ свѣта научной мысли. Семевскій, съ одной стороны, освѣщалъ пройденные этапы этой борьбы, а съ другой—*воспитывалъ* читателя, прививалъ ему основные этическіе принципы—общественной справедливости и политической свободы.

Въ своихъ изслѣдованіяхъ крестьянскаго вопроса Семевскій подвелъ итогъ громадной идеологической работѣ, выполненной усиліями просвѣщеннѣйшихъ людей нашей новѣйшей исторіи—

съ момента, когда стали возникать на русской почвѣ первые преобразовательные планы, и до послѣдняго времени. Особое вниманіе удѣлилъ Василій Ивановичъ движенію, созданному дѣятелями декабрьскаго событія и, позже, кружкомъ петрашевцевъ. Политическое и общественное міросозерцаніе декабристовъ являлось подъ перомъ Семевского жестокой критикой исторической дѣйствительности, не отвѣчавшей запросамъ права и гражданской свободы. Борьба во имя этихъ запросовъ сопровождала исторію преобразовательныхъ плановъ, руководившихъ дѣйствіями передовыхъ людей изучаемой эпохи. Изображеніе этой борьбы, которая требовала отъ своихъ участниковъ, вождей и вдохновителей подвиговъ самопожертвованія и героизма, неизмѣнно согрѣвалось у Семевского его горячимъ сочувствіемъ всему, на чемъ лежала печать героическаго одушевленія и любви къ свободѣ. Въ этомъ сказалось благородное участіе сердца,— участіе, безъ котораго ученые труды Васиція Ивановича многое утратили бы, на нашъ взглядъ, въ своемъ непосредственномъ вліяніи на живую общественную мысль...

Н. К. Арсеньевъ. (*Вѣстникъ Европы* № 10).

Кончина В. И. Семевского—тяжелый ударъ для русской науки, для русской журналистики, для русской общественной жизни. Его труды пролили массу свѣта на важнѣйшія стороны и важнѣйшіе моменты нашего прошлаго. Не случайно онъ сталъ историкомъ крестьянскаго вопроса и изслѣдователемъ первыхъ всходовъ русской политической мысли. Ему, какъ народнику въ лучшемъ смыслѣ слова, было особенно близко все то, что вело къ освобожденію и духовному подъему народной массы. Тяжелымъ испытаніемъ для В. И. было закрытіе для него педагогическаго поприща, на которое онъ вступилъ съ большимъ успѣхомъ и къ которому былъ призванъ всѣми врожденными и приобрѣтенными качествами своей натуры...

Не таковы были обстоятельства того времени, чтобы мыслимы были возраженія противъ мѣропріятій «благодушнаго» министра (И. Д. Делянова); но мнѣ не помнится и ихъ открытой защиты въ тогдашней печати. Теперь такая защита оказывается возможной.

Н. И. Карѣевъ (*Русскія Вѣдомости* 23 сент.).

Лично мнѣ приходилось по временамъ много работать вмѣстѣ съ нимъ въ разныхъ общественныхъ организаціяхъ. В. И. не былъ охотникомъ ходить въ гости, былъ, можно сказать, большимъ домосѣдомъ, но не только не отказывался отъ работы, требующей участія въ разныхъ засѣданіяхъ, но охотно брался за нее и проявлялъ въ такой работѣ самое серьезное отношеніе къ дѣлу и большую энергію. Я видѣлъ его въ это время въ комитетѣ Литературнаго Фонда, членами котораго мы бывали одновременно не одинъ разъ, и въ немъ онъ дѣятельно работалъ, а не приходилъ только засѣдать. То же самое можно сказать о правленіи союза русскихъ писателей. Работали мы вмѣстѣ долгое время и въ комитетѣ историческаго Общества при университетѣ, публичныя собранія котораго давали В. И. возможность выступать съ изло-

женіемъ своихъ историческихъ и общественныхъ взглядовъ передъ большой аудиторіей. Видѣлъ я его и за работой въ комиссіи по выработкѣ программъ чтенія для самообразованія, выдержавшихъ столько изданій, и можно сказать, что онъ былъ однимъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ членовъ этой организаціи вмѣстѣ съ тѣмъ однимъ изъ наиболѣе содѣйствовавшихъ тому, чтобы программы имѣли и жизненный характеръ. А кромѣ того въ сколько-нибудь организацияхъ, въ которыхъ мнѣ не доводилось участвовать, онъ также много работалъ,—въ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ, шлиссельбургскомъ комитетѣ и т. п.; не говорю также о случайныхъ встрѣчахъ въ общественномъ дѣлѣ, въ родѣ, напри-мѣръ, участія въ третейскихъ судахъ и т. п.

И вездѣ и во всемъ В. И. выступалъ человѣкомъ принципиальнымъ, человѣкомъ нравственнаго и общественнаго долга, строгимъ къ себѣ и къ другимъ, часто какъ живая совѣсть, какъ характеръ, всегда необычайно цѣльный. Въ теченіе болѣе нежели 30 лѣтъ наблюдая В. И. и въ его жизненной работѣ, я всегда видѣлъ передъ собою одного и того же Семевскаго, какимъ онъ былъ въ сравнительно молодые годы, неизмѣнно вѣрнымъ основамъ своего научнаго и общественнаго міросозерцанія, сложившагося въ немъ окончательно въ 70-хъ годахъ. Прилетали новыя птицы и пѣли новыя пѣсни, отъ которыхъ впрочемъ скоро и отрекались, а Семевскій по-прежнему оставался вѣрнымъ своему общественному идеалу, служенію которому онъ отдалъ всю свою трудовую жизнь, всѣ свои недюжинныя силы.

П. Е. Щеголевъ (*День 22 сен.*).

Въ лицѣ В. И. Семевскаго русское общество потеряло выдающагося общественнаго дѣятеля съ цѣльнымъ міросозерцаніемъ, чуткой совѣстью, твердымъ сознаніемъ долга передъ народомъ, съ крѣпкой вѣрностью великимъ завѣтамъ. Русская наука потеряла выдающагося ученаго, автора крупнѣйшихъ трудовъ по исторіи крестьянскаго вопроса и русскихъ общественныхъ движеній, ученаго, которому подвластенъ былъ огромнѣйшій историческій матеріалъ. Въ своихъ ученыхъ трудахъ Семевскій былъ учителемъ многихъ и многихъ поколѣній русскихъ интеллигентовъ. Ореоломъ великаго уваженія и признательности окружено его имя...

Духомъ времени была продиктована основная тема научныхъ интересовъ и занятій Вас. Ив. Къ народу была прикована мысль русской интеллигенціи, служеніемъ народу должна была быть оправдана всякая дѣятельность. Какъ помочь крестьянскому горю, какъ улучшить крестьянскій бытъ и облегчить экономическое положеніе народа—вотъ вопросы, волновавшіе интеллигенцію того времени. Начинаящій историкъ слилъ общественный интересъ съ научнымъ и посвятилъ свои силы изученію исторіи русскаго крестьянства. Въ рѣчи передъ защитой магистерской диссертациі Вас. Ив. Семевскій излагалъ слѣдующимъ образомъ свое ученіе и общественное средо: «Тяжелое положеніе крестьянъ требуетъ серьезныхъ мѣръ для улучшенія ихъ быта. Что же должны дѣлать мы, не призванные вязать и рѣшить? Мы, прежде

всего, должны изучать народный бытъ, указывать мѣры, нужныя для подъема народнаго благосостоянія. Необходимость изученія современнаго народнаго быта признана въ значительной степени, и въ этомъ направленіи предпринимаются весьма почтенные труды. На мнѣ, какъ на историкѣ, лежитъ обязанность указать, что не менѣе необходимо изученіе и прошлой народной жизни. Стоить только сознать, что изученіе прошлаго не менѣе необходимо, чѣмъ знакомство съ настоящимъ; что настоящее правильно понимается только при яркомъ свѣтѣ исторіи, что лишь при строгомъ критическомъ отношеніи къ прошлому и настоящему создается хорошее будущее; стоитъ это понять и, мы увѣрены, найдутся самоотверженные работники, готовые положить свою жизнь на изученіе прошлаго народнаго быта,—безъ этой вѣры, для меня лично не стоило бы работать, не стоило бы даже жить».

Эта вѣра одушевляла Вас. Ив. въ продолженіе всего жизненнаго поприща. Великимъ подспорьемъ жизни было сознаніе непосредственной, текущей, необходимости ученаго труда въ интересахъ общественнаго блага. Но эта здравая тенденціозность никогда не была въ ущербъ научной цѣнности его трудовъ. В. И. Семевскому нерѣдко ставили въ упрекъ его «тенденціозность», подчеркивали полемическій тонъ его работъ. Одинъ ученый рецензентъ его работъ выговаривалъ Василию Ивановичу даже за его горячій полемическій протестъ противъ крѣпостнаго права, къ которому-де «историкъ долженъ отнестись безъ гнѣва и злобы дня». Но всѣ эти упреки безпочвенны, ибо сила фактическихъ доводовъ въ трудахъ Вас. Ив., научная ихъ цѣнность не была поколеблена ни въ коей мѣрѣ его оппонентами. И по сей день его труды по исторіи крестьянскаго вопроса остаются краеугольными и сохраняютъ все свое научное значеніе. Во всѣхъ работахъ Семевского два крупнѣйшихъ достоинства, обезпечивающихъ имъ долгое значеніе: Вас. Ив. привлекалъ къ своимъ работамъ колоссальный матеріалъ, преимущественно архивный и рукописный, это первое, и второе—собранный матеріалъ онъ подвергалъ тщательнѣйшему и добросовѣстнѣйшему изученію. Всѣмъ его возражателямъ можно бы всегда поставить въ примѣръ эту ученую добросовѣстность.

Б. И. Сыромятниковъ (*Русское Слово* 22 сен.).

Имя Семевского пользовалось не только вполне заслуженной почетной извѣстностью среди академическаго міра и специалистовъ русской исторической науки въ особенности, но и широкой популярностью въ русскомъ образованномъ обществѣ вообще.

Выдающійся и неутомимый изслѣдователь, Семевскій, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ человекомъ опредѣленнаго общественнаго міросозерцанія и темперамента, благодаря чему онъ всегда оставался особенно близокъ передовой русской интеллигенціи и ея идейнымъ стремленіямъ какъ и въ ея прошломъ, такъ и въ настоящемъ.

Вступивъ на путь сознательной жизни въ знаменательный историческій моментъ, когда кругомъ него окружающая атмосфера, такъ-сказать, была насыщена переживаниями и событіями великой эпохи 60-хъ годовъ, а верхи русской общественной

жизни еще золотили послѣдніе отблески «благодатнаго времени» освободительныхъ реформъ, В. И. Семевскій сразу опредѣлилъ свое призваніе и всецѣло отдался историческимъ разысканіямъ въ области «крестьянскаго дѣла» и русской общественности, которая въ своихъ идеальныхъ стремленіяхъ такъ тѣсно связала свои собственныя судьбы съ той же великой проблемой крестьянской эмансипаціи и гражданскаго раскрѣпощенія народа.

Въ послѣднее время научные интересы Семевского нѣсколько перемѣстились отъ изученія судебъ русскаго трудового народа къ судьбамъ русской интеллигенціи и русской общественности, которыя для нашего историка были, какъ мы указали выше, тѣсно спаяны съ «крестьянскимъ вопросомъ». Чѣмъ ближе къ нашему времени, тѣмъ все сильнѣе захватывала Семевского исторія «общественныхъ теченій» и «политическихъ движеній» въ Россіи, и онъ становится, въ концѣ-концевъ, можно сказать, историкомъ русской интеллигенціи и ея социально-политической идеологіи конца XVIII и первой половины XIX столѣтій.

Работая не покладая рукъ, маститый ученый до послѣднихъ дней сохранилъ свою поистинѣ неутомимую научную энергію, бодрость духа и свѣжесть мысли. Казалось, онъ обѣщалъ намъ еще не одинъ новый вкладъ въ сокровищницу русскаго историческаго знанія.

Съ появленіемъ каждаго новаго изслѣдованія Семевского какъ-то невольно вставалъ вопросъ: чѣмъ подарить насъ въ слѣдующій разъ этотъ «рудознатецъ», какія новыя богатства откроетъ онъ намъ въ своихъ новыхъ поискахъ среди архивныхъ и библиотечныхъ залежей?

И въ рѣдкой гармоніи съ жизнью этого сильнаго ученаго свершилась и роковая катастрофа его смерти.

А. А. Кизеветтеръ. (*Русскія Вѣдомости* 22 сент.).

Извѣстіе о кончинѣ Василія Ивановича Семевского будетъ принято всѣми, кому дороги интересы русской исторической науки, какъ вѣсть о крупной утратѣ. Авторъ ряда капитальныхъ изслѣдованій, Семевскій всю жизнь, не переставая, продолжалъ работать надъ изученіемъ тѣхъ областей нашего историческаго прошлаго, которыя привлекли къ себѣ его преимущественное вниманіе съ самаго начала его научной дѣятельности. Эта неустанная научная производительность являлась отличительной чертой его, столь не часто встрѣчающейся у русскихъ ученыхъ.

Историческія произведенія Семевского неизмѣнно отличались широкимъ захватомъ относящагося къ темѣ документальнаго матеріала. Каждая его книга производила впечатлѣніе своего рода энциклопедіи даннаго вопроса: съ такой полнотой и тщательностью всегда были собраны у него и печатныя, и архивныя данныя, могущія служить къ освѣщенію изучаемаго предмета. Можно было не соглашаться съ нѣкоторыми его положеніями, можно было желать большей выпуклости въ формулировкѣ его заключеній, большей разносторонности въ самой постановкѣ выдвигаемыхъ имъ вопросовъ, но нельзя было не признать, что онъ всегда и во всемъ выступаетъ во всеоружіи фактическаго.

матеріала, собраннаго имъ едва ли не съ исчерпывающей полнотой. И это обстоятельство дѣлало изъ cadaго его крупнаго произведенія настольную книгу для ряда послѣдующихъ поколѣній изслѣдователей тѣхъ же вопросовъ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь и теперь, спустя тридцать пять лѣтъ послѣ выхода его диссертациі «Крестьяне при Екатеринѣ II», эта книга остается непревзойденнымъ по полнотѣ и разнообразію вложеннаго въ нее матеріала опытомъ изученія экономическаго, юридическаго и бытового положенія крестьянъ той эпохи. Съ тѣхъ поръ поставлены новые вопросы, которыхъ совсѣмъ не коснулся въ свое время Семевскій, но то, чего онъ коснулся, и до сихъ поръ излагается не иначе какъ «по Семевскому». Можно сказать, что своимъ изслѣдованіемъ Семевскій открылъ наукѣ внутренний міръ крѣпостной вотчины середины XVIII столѣтія. Въ своей докторской диссертациі Семевскій снова проявилъ обширнѣйшую эрудицію и далъ детальный анализъ отношеній законодательства, литературы, общества и народа къ вопросу о крѣпостномъ правѣ. Безъ справокъ съ этой книгой нельзя шага ступить въ области изученія соотвѣствующихъ вопросовъ. Тѣми же достоинствами тщательнаго, добросовѣстнаго и необыкновенно полнаго подбора данныхъ отличается и его монографія о декабристахъ, заключающая въ себѣ картину всѣхъ идейныхъ движеній эпохи Александра I.

С. Л. Аваляни. (*Одесскій Листокъ* 10 октября).

Василій Ивановичъ Семевскій—не только большой ученый, но и замѣчательный общественный дѣятель, обаятельный человѣкъ. Въ его лицѣ гармонически сочетались притязанія пытливаго ума, глубочайшая преданность лучшимъ общественнымъ идеаламъ и любовь скромная, дѣйственная къ людямъ. Эта гармонія умственныхъ и сердечныхъ свойствъ давала В. И. необычайную живость, свѣжесть, постоянную склонность къ активности, потому-то, приближаясь къ почтенной старости, В. И. оставался молодымъ, постоянно въ работѣ, въ поискахъ новаго, и почти 70-лѣтній старецъ съ юношеской энергіей продолжалъ свои работы, чтобы замкнуть научный кругъ, плодъ почти полувѣковой научной работы; потому-то до послѣдняго вздоха живо присматривался къ жизни, не сторонясь ея, а входя въ ея запросы.

И умеръ В. И. на славномъ посту—въ Академіи наукъ, за книгами, за новыми изысканіями. Эта красивая тихая смерть увѣнчала многотрудную, многосложную жизнь ученаго.

На зарѣ своей учено-преподавательской жизни В. И. позналъ непосредственно чары русской дѣйствительности... Молодой привать В. И. долженъ былъ уйти изъ университета.

Отъ кратковременной преподавательской дѣятельности у В. И. остались благодарныя воспоминанія...

Когда, года два тому назадъ, на страницахъ «Одесскаго Листка» по поводу исполнившагося сорокалѣтія служенія русской исторической наукѣ я коснулся преподавательской дѣятельности В. И., онъ написалъ мнѣ, узнавъ о замѣткѣ, обширное письмо; В. И. писалъ, что самая счастливая пора его жизни—это пребываніе на кафедрѣ университетской; что воспоминаніе объ этой

порѣ—одно изъ лучшихъ и яркихъ; большой ученый пришелъ въ дѣтскій восторгъ, когда ему вспомнили о давно минувшемъ эпизодѣ его жизни; сквозь строки письма проскальзываетъ сожалѣніе и скорбь, что пребываніе на учительскомъ посту было такъ кратковременно. Правда, официально В. И. долженъ былъ прекратить свою преподавательскую дѣятельность, но неофициально онъ до послѣдней минуты своей жизни оставался учителемъ въ самомъ лучшемъ значеніи этого слова, другомъ всѣхъ тѣхъ, кто нуждался въ совѣтѣ, указаніи.

Работавшіе въ избранной В. И. спеціальности, въ смежныхъ областяхъ, начинающіе молодые неопытные ученые и почетные ученые, прошедшіе сложный стажъ, всѣ тянулись къ В. И.; забрасывали письмами, просьбами; пріѣзжая въ Петроградъ, каждый изъ нихъ направлялся къ В. И. Всегда, всякій разъ просьба удовлетворялась. Каждый получалъ цѣнные указанія. Особенно охотно шли къ В. И. молодые ученые, робкіе, неопытные. За послѣднія двадцать лѣтъ не появлялась ни одна работа по крестьянскому вопросу безъ благословенія маститаго знатока этого вопроса. Сейчасъ предо мной лежатъ письма покойнаго, въ которыхъ самымъ обстоятельнымъ образомъ, просто, съ любовью онъ бесѣдуетъ о предпринятыхъ мною изысканіяхъ по крестьянскому вопросу въ Закавказскомъ краѣ; скромно проситъ принять его указанія. Для всѣхъ В. И. находилъ подходящий отвѣтъ, простой, сочувственный; и судья онъ былъ строгій, но справедливый.... Лишенный аудиторіи, лишенный возможности непосредственно вліять на умы живымъ словомъ, В. И. тѣмъ не менѣе, собралъ аудиторію чуткую, которая толпилась въ его тихомъ, уютномъ кабинетѣ, и прислушивалась къ его словамъ, словамъ патріарха, разбросанная по провинціи. В. И., какъ общественный дѣятель, представлялъ цѣльную, непосредственную личность. Въ немъ была не только преданная стойкость убѣжденій идеалиста-народника, но неизсякаемая вѣра, живая вѣра; не было, такъ свойственнаго русскому интеллигенту, скепсиса. Эта вѣра сообщалась другимъ, одухотворяла ихъ; она же порождала вѣчную заботу о тѣхъ, на которыхъ русская политическая дѣятельность ложилась тяжелымъ бременемъ. Старецъ, занятый научными работами, находилъ много досуга для того, чтобы своимъ вмѣшательствомъ, авторитетомъ помочь, облегчить судьбу попавшихъ въ бѣду....

В. И. свою ученую дѣятельность посвятилъ разъ намѣченной темѣ. Въ этомъ отношеніи В. И. счастливое исключеніе въ ряду ученыхъ изслѣдователей; онъ не разбрасывался, а шелъ по намѣченному плану, но этотъ планъ развивался и разрабатывался на ходу, въ процессѣ научнаго творчества...

Изслѣдованія В. И. по крестьянскому вопросу представляютъ собой полную энциклопедію; эти работы—настолярныя пособія для каждаго, работающаго въ этой области. В. И. въ своихъ ученыхъ работахъ поражаетъ необычайной эрудиціей... Изслѣдуя исторію крестьянскаго вопроса, В. И. въ центрѣ изысканія ставилъ крестьянъ, массу, народъ, и показывалъ съ исчерпывающей полнотой эволюцію въ правовомъ плюральномъ положеніи кре-

стьянъ, съ одной стороны, съ другой—показываетъ эволюцію общественнаго сознанія въ вопросѣ о пониманіи и отношеніи къ крестьянству; такимъ образомъ, изслѣдователь параллельно ведетъ работу о крестьянахъ, о томъ, какъ этотъ классъ сложился, какъ опредѣленный институтъ и объ обществѣ, представителяхъ общественной мысли, какъ они эволюціонировали; апофеозомъ этого процесса явилось паденіе крѣпостнаго строя, но этотъ знаменательный моментъ свершился благодаря глубокой, внутренней работѣ, которая происходила въ нѣдрахъ самого крестьянства и общества. Слѣдовательно, въ *процессъ эволюціи крестьянскаго вопроса*, въ процессъ огромнаго общественнаго и политическаго значенія, раскрѣпощенія народа, дѣйствующей стороной было и общество въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей. Отдѣльныя реформаторскія попытки передовыхъ людей завершаются катастрофическими выступленіями ихъ въ массѣ, въ блокѣ; тогда поднимаются вопросы о раскрѣпощеніи вообще, объ организаціи новаго общественнаго и политическаго строя; то были декабристы—они-то и выдвинули болѣе или менѣе цѣльную общественную политическую программу; броженіе общественной мысли и совѣсти непрерывно и очень ярко проявлявшееся въ отдѣльныхъ протестахъ, проектахъ улучшенія быта народнаго, завершаются нѣкоторой программой, единой, цѣльной, стремящейся обнять. Это выступленіе декабристовъ не заглухло, общественная мысль эволюціонировала, съ перемѣной политической и общественной атмосферы мѣнялся и темпъ и глубина общественнаго самосознанія, яркимъ выраженіемъ этого напряженія явились петрашевцы. Здѣсь настигла В. И. смерть.

Огромны заслуги В. И., онъ не только учить своими работами, онъ воспитываетъ: его любовь къ народу—заражаетъ читателя; его любовь къ представителямъ народнымъ—увлекаетъ, вдохновляетъ.

К. В. Сивковъ (*Вѣстникъ Воспитанія*).

«Въ лицѣ Василія Ивановича Семевскаго сошелъ въ могилу одинъ изъ самыхъ типичныхъ и яркихъ представителей 60-хъ годовъ прошлаго вѣка. Весь проникнутый лучшими традиціями этой эпохи, В. И. Семевскій до конца дней своихъ оставался вѣренъ завѣтамъ своей молодости. Поэтому вся его болѣе чѣмъ 40-лѣтняя научно-литературная и общественная дѣятельность проникнута была однимъ цѣльнымъ стремленіемъ: работать на благо народа. Тотъ подъемъ общественныхъ силъ, который переживало русское общество въ 60-хъ годахъ прошлаго вѣка, создалъ большое число идейныхъ работниковъ на разныхъ поприщахъ жизни, и В. И. Семевскій былъ въ ихъ первыхъ рядахъ, отдавъ свои недюжинныя научныя силы по преимуществу разработкѣ вопросовъ, связанныхъ съ прошлыми судьбами только что освобожденнаго крестьянства...

... Въ исторіи русской исторической науки и въ исторіи русскаго общества имя Василія Ивановича Семевскаго всегда будетъ занимать почетное мѣсто, какъ навсегда сохранится о немъ добрая память у всѣхъ, знавшихъ его лично и цѣнившихъ, какъ

человѣка съ отзывчивой, глубокоделикатной и мягкой душой. Русская историческая наука потеряла въ немъ крупный талантъ, еще не сказавшій своего послѣдняго слова, а русская интеллигенція—одного изъ лучшихъ своихъ представителей, носителя ея завѣтныхъ идеаловъ».

А. Бѣломорцевъ (Архангельскъ. 11 окт.).

«Ихъ, этихъ сѣдыхъ юношей становится все меньше и меньше.

День за днемъ рѣдѣютъ ихъ ряды, жестокая гостья—смерть не щадитъ свѣточей жизни. А кругомъ и безъ того темно.

И когда всматриваешься въ ихъ лица, склоненныя надъ могилой товарища, чувствуешь, какою скорбью исполнены ихъ сердца и какъ мужественно они переносятъ дорогую утрату. Въ нихъ нѣтъ смятенія. Они подобны могучимъ дубамъ, которыхъ буря можетъ сломить, но не согнуть...

Василій Ивановичъ Семевскій принадлежитъ къ нашему времени. Тѣ, кто составлялъ кругъ его слушателей и близкихъ друзей, или ушли изъ жизни, или съ болью и негодованіемъ смотрятъ на царящую вокругъ нихъ сумятицу взглядовъ и убѣжденій, на вакханалію политической мысли. Но Семевскій не замкнулся въ себя, не отъединился отъ всѣхъ запросовъ русской общественности: на могилѣ люди, близко его знавшіе, говорили о немъ не какъ объ ученомъ, не какъ о прекрасномъ профессорѣ, а какъ о человѣкѣ, который живо откликался на всякое трепетаніе жизни, котораго часто можно было видѣть и въ департаментѣ полиціи и въ министерствахъ, постоянно хлопочущимъ, постоянно озабоченнымъ чѣмъ-либо горемъ, чѣй-либо бѣдой. Даже за день до смерти онъ думалъ, что страдаетъ за судьбу человѣка, котораго жестокой рокъ гналъ все дальше и дальше—на сѣверъ Сибири.

Всегда казалось, что В. И. былъ выкованъ изъ одного куска того благороднаго металла, который никогда не тускнѣетъ, всегда свѣтитъ ровнымъ, не мерцающимъ свѣтомъ. Его мнѣніе, его авторитетная оцѣнка, по словамъ его друзей, были достаточными, чтобы то или иное заявленіе общественной жизни было признано дурнымъ или хорошимъ, смотря по тому, какъ къ нему относится самъ Семевскій.

Народолюбіе, главный импульсъ всей его жизни и дѣятельности, двинулъ его на капитальный трудъ по исторіи крестьянства, народолюбіе толкнуло его идти вмѣстѣ съ другими представителями петербургской интеллигенціи и заявить кому слѣдуетъ что надвигается кошмаръ 9 января, народолюбіе же привело его къ недолгому, правда, сидѣнію въ Петропавловской крѣпости и вызвало его прекрасныя изслѣдованія о декабристахъ и петрашевцахъ.

Но, занимаясь тѣмъ же крестьянскимъ вопросомъ, В. И. Семевскій не былъ жрецомъ чистой науки, которая въ рукахъ нынѣшнихъ ея защитниковъ превращается въ средство для успѣшнаго достиженія самолюбивыхъ карьерныхъ замысловъ.

Недаромъ въ своей вступительной рѣчи къ магистерской диссертациі онъ говорилъ:

«Тяжелое положеніе крестьянъ требуетъ серьезныхъ мѣръ

для улучшенія ихъ быта. Что же должны дѣлать мы, не признанные вязать и рѣшать. Мы, прежде всего должны изучать народный бытъ, указывать мѣры, нужныя для подъема народнаго благосостоянія. Необходимость изученія совершеннаго народнаго быта признана въ значительной степени, и въ этомъ направленіи предпринимаются весьма почтенные труды. На мнѣ, какъ на историкѣ, лежитъ обязанность указать, что не менѣе необходимо изученіе и прошлой народной жизни. Стоитъ только сознать, что изученіе прошлаго не менѣе необходимо, чѣмъ знакомство съ настоящимъ, что настоящее правильно понимается только при яркомъ свѣтѣ исторіи, что лишь при строгомъ критическомъ отношеніи къ прошлому и настоящему создается хорошее будущее—стоитъ только понять и, мы увѣрены, найдутся самоотверженные работники, готовые положить свою жизнь на изученіе прошлаго народнаго быта,—безъ этой вѣры для меня лично не стоило бы работать, не стоило бы даже жить».

И В. И. Семевскій всю жизнь былъ полонъ этой вѣры и всю жизнь онъ былъ окруженъ людьми, преданными народному дѣлу, народнымъ интересамъ.

Проф. М. Приселковъ. (*Биржевыя Вѣдомости* 22 сент.)

Своими трудами, гдѣ превосходно считается высокая научность съ полнѣйшею доступностью и ясностью изложенія, Вас. Ив. сумѣлъ завоевать себѣ аудиторію внѣ университетскихъ стѣнъ, обширнѣйшую и внимательную, отъ «преизлиха» насытившихся книжною премудростью до самыхъ юныхъ и неподготовленныхъ, умѣя заинтересовать и увлечь на чтеніе, умѣя заставить себя выслушать и надолго съ собою считаться.

Превосходный ученый по складу характера и даже по запоминающейся «профессорской» внѣшности, скромнѣйшій въ личной оцѣнкѣ и въ личной жизни, Вас. Ив., несмотря на годы заката жизни, умѣлъ сохранять упорство и любовь къ труду вмѣстѣ съ ясностью мысли и чувства. Какъ своей научной работѣ, такъ и своимъ политическимъ идеаламъ В. Ив. придавалъ чистоту и вѣрность на всю жизнь, ни въ чемъ не погрѣшивъ, никогда не отступивъ. И та и другая сторона его жизни сливались въ прочное и цѣнное, что такъ плѣняетъ, какъ подвигъ, что такъ волнуетъ, какъ высокое нравственное переживаніе. И вокругъ этого лица при жизни, какъ и теперь при его могилѣ, всѣ безъ различія взглядовъ преклоняются, какъ передъ большимъ и чистымъ достиженіемъ.

Н. П. Василенко (*Кіевская Мысль* 22 сент.).

Странно и страшно какъ-то воспринимаешь мысль объ его смерти. Въ эту грозную эпоху, которую переживаемъ мы, когда ломаются всѣ старые устои и основы жизни подъ напоромъ чисто стихійныхъ событій, не время, казалось, уходить отъ насъ навѣки людямъ, всегда чутко относившимся къ русской общественности, къ ея прошлому, настоящему и будущему. Судьба, однако, распорядается иначе.

Со смертью В. И. Семевского сошла со сцены очень крупная

научная сила, въ общественномъ отношеніи, человѣкъ широкаго и смѣлаго кругозора. Несмотря на кабинетную работу, В. И. Семевскій пользовался широкой извѣстностью въ прогрессивныхъ кругахъ. Его историческіе научные труды служили основой не только для научной работы, но и для выработки и обоснованія общественнаго міросозерцанія русскаго прогрессивнаго общества.

Человѣкъ, посвятившій всю свою жизнь наукѣ, В. И. Семевскій не могъ, однако, совмѣстить ее съ университетскою каѳедрой.

В. И. Семевскій пережилъ, такимъ образомъ, судьбу многихъ выдающихся нашихъ профессоровъ. Будучи оторваннымъ отъ университета, онъ не оторвался все же отъ науки и своими трудами создалъ для себя большой памятникъ въ наукѣ.

Проф. В. Барвинскій (*Южный Край* 24 сент. Харьковъ).

Почти сорокъ лѣтъ съ перомъ въ рукахъ неустанно работали В. И. Семевскій и неизгладимыми чертами вписалъ свое имя въ исторію русской культуры.

Въ 1886 году академическая дѣятельность Вас. Ив. должна была прекратиться по независящимъ обстоятельствамъ, столь хорошо извѣстнымъ въ исторіи русской культуры и науки. Невольный уходъ изъ университета не отразился на научной дѣятельности Вас. Ив. Онъ былъ уже сложившимся ученымъ, съ опредѣленными стремленіями, съ готовыми планами предполагаемыхъ работъ и изслѣдованій. Для осуществленія этихъ плановъ нужны были колоссальная энергія, безкорыстная любовь къ знанію и талантъ специалиста-изслѣдователя. Вас. Ив. не надо было искать этихъ необходимыхъ данныхъ,—предпосылокъ для продуктивной научной работы: у него ихъ было вдоволь. Вплотъ до самой смерти въ теченіе сорока лѣтъ Вас. Ив. стоялъ на славномъ посту русскаго ученаго. Изъ-подъ его пера за это время вышелъ рядъ капитальныхъ трудовъ и много статей, создавшихъ ему имя крупнаго ученаго.

Проф. І. Малиновскій (*Приазовскій Край*).

Василій Ивановичъ Семевскій—одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ ученыхъ. Ученый по призванію. Ученый Божьей милостью.

И, удивительное дѣло, въ странѣ, гдѣ такъ мало ученыхъ, гдѣ такъ много вакантныхъ каѳедръ въ университетахъ, покойный оказался не у дѣль, какъ университетскій преподаватель...

Оставилъ университетъ, но не оставилъ научныхъ занятій. Ибо научныя занятія были не службой, а жизненнымъ призваніемъ.

П. И. Зайцевъ (*День* 23 сент.).

На смерть В. И. выраженіемъ искренней скорби откликнулись и откликнутся еще многія украинскія національныя организациі. Для украинской демократіи имя почившаго историка особенно дорого. Въ своихъ трудахъ по крестьянскому вопросу онъ ярко освѣтилъ и его исторію на Украинѣ, посвятивъ особое изслѣдованіе закрѣпощенію украинскихъ крестьянъ при Екатеринѣ.

Удѣливъ много вниманія борьбѣ украинской политической

и общественной мысли противъ крѣпостного права, В. И., въ связи со столѣтнимъ юбилеемъ духовнаго вождя украинской демократіи и ея геніальнаго поэта—Шевченко, далъ блестящій историческій очеркъ Кирилло-Меѳодіевскаго общества («Рус. Бог.», 1911 г.), впервые выяснивъ, по новымъ архивнымъ даннымъ, съ недоступной предшествовавшимъ изслѣдователямъ полнотой, идейное содержаніе украинскаго общественно-политическаго движенія конца 40-хъ г.г., съ которымъ неразрывно связана идеологія современной украинской демократіи. Идеалистъ-народникъ, онъ съ особой любовью нарисовалъ въ своей галлерей шлиссельбургскихъ узниковъ портретъ Н. И. Гулака, лучшаго изъ представителей украинскаго народническаго идеализма, подъемъ котораго создалъ привлекавшую В. И. картину расцвѣта соціальныхъ и просвѣтительныхъ идеаловъ въ умахъ энтузіастовъ украино-славянистовъ.

Въ бесѣдахъ съ украинцами В. И. всегда поддерживалъ свою духовную связь съ Н. И. Костомаровымъ, котораго считалъ своимъ подлиннымъ учителемъ, и предстоящій юбилей котораго (въ маѣ 1917 г.) собирался почтить обширнымъ трудомъ. Однимъ изъ послѣднихъ вопросовъ, занимавшихъ покойнаго—былъ вопросъ о существованіи въ 40-хъ гг. въ Харьковѣ филии общества украино-славянистовъ. Мыслями о немъ онъ дѣлился съ пишущимъ эти строки всего за двое сутокъ до смерти.

Неизбалованная сочувствіемъ и признаніемъ своихъ стремленій, украинская интеллигенція навсегда сохранитъ воспоминаніе о прекрасномъ человѣкѣ-ученомъ, освѣтившемъ лучшія страницы ея исторіи.

С. Познеръ. (Еврейская Недѣля № 41).

«Сошелъ съ жизненной сцены крупный ученый, выдающійся общественный дѣятель, вѣрный другъ молодежи. Мы, евреи, ко всему этому можемъ добавить:—и одинъ изъ наиболѣе стойкихъ борниковъ за наши права...

Семидесятникъ, сынъ эпохи «хожденія въ народъ», посвятившій всю свою жизнь проповѣди тѣхъ же идей съ университетской кафедры и въ научныхъ трудахъ, В. И. Семевскій подходилъ къ еврейскому вопросу прежде всего, какъ убѣжденный демократъ. Историкъ закабаленнаго русскаго крестьянства и мечтаній лучшихъ русскихъ людей о его раскрѣпощеніи, онъ считалъ разрѣшеніе еврейскаго вопроса дѣломъ исторической и этической необходимости, обязательности. Гнетъ и насиліе, кто бы ни былъ ихъ объектомъ, враждебны стихіи демократіи, осуществленію народными массами ихъ призванія.

Къ этимъ общимъ, принципиальнымъ соображеніямъ, которыя для людей такого склада, какъ покойный В. И., разъ навсегда предопредѣляютъ ихъ отношеніе къ проблемѣ, присоединялось еще нѣчто другое. «Это было то самое чувство стыда и моральной отвѣтственности за «позоръ нашихъ дней»—еврейское безправіе, которое съ такой спонтанейностью сказалось въ послѣдніе два года въ русской интеллигенціи. Хотя В. И. не разъ высказывалъ ту мысль, что такъ называемый еврейскій вопросъ—дѣло «ихъ»

рукъ, и русская интеллигенція тутъ не при чемъ, въ томъ рвеніи, которое онъ проявлялъ въ борьбѣ съ антисемитизмомъ, чувствовалось стремленіе исполнить категорическое повелѣніе совѣсти сдѣлать то, что давно надлежало осуществить».

В. Евгеньевъ. (*Биржевыя Вѣдомости*. 30 сент).

Въ многочисленныхъ статьяхъ о покойномъ В. И. Семевскомъ подведены итоги его научной дѣятельности, освѣщены исторія и значеніе его профессорства, выяснена его политическая фізіономія и, наконецъ, дана оцѣнка его нравственной личности. Нѣтъ только среди нихъ статьи, характеризующей его, какъ редактора. А между тѣмъ эта сторона общественнаго служенія Василя Ивановича, бесспорно, заслуживаетъ того, чтобы быть отмѣченной особо. Вотъ почему я, какъ лицо, имѣвшее за послѣдніе годы постоянное общеніе съ В. И. Семевскимъ на редакціонной почвѣ, позволю себѣ предложить вниманію читателей настоящую замѣтку...

Для Василя Ивановича редакторская дѣятельность была, прежде всего, идейнымъ дѣломъ. Въ этомъ отношеніи онъ доходилъ до нѣкотораго ригоризма и представлялъ по нынѣшнимъ временамъ явленіе прямо-таки исключительное. Вопросъ о томъ, чтобы понравиться, угодить публикѣ, приспособившись къ ея вкусамъ и настроеніямъ, былъ для него однимъ изъ второстепенныхъ вопросовъ. На первомъ планѣ для В. И. стояло стремленіе развернуть передъ читателями правдивую и объективную картину прошлаго нашего общества, при чемъ онъ былъ глубоко увѣренъ, что разъ эта картина будетъ правдивой и объективной, она подчеркнетъ справедливость идеаловъ народолюбія и свободолюбія, борьбѣ за которые онъ посвятилъ всю свою жизнь. Ставя во главу угла правдивое и объективное освѣщеніе прошлаго, главнымъ образомъ боевой эпохи 60-хъ и 70-хъ годовъ, В. И., однако, ревниво заботился о томъ, чтобы мелочи, рожденные личными пристрастіями, личными самолюбіями, не заслонили главнаго, основнаго.

Если идейность являлась, такимъ образомъ, главною чертою Вас. Ив., какъ редактора, то, вмѣстѣ съ нею, ему не были чужды и другія, свойственныя далеко не всѣмъ нынѣшнимъ редакторамъ, качества. Онъ былъ трогательно внимателенъ къ своимъ сотрудникамъ. Отправляясь къ Семевскому-редактору, каждый изъ нихъ, даже самый маленькій, могъ быть совершенно увѣреннымъ, и въ томъ, что услышитъ полезный совѣтъ, касающійся самаго существа дѣла, и въ томъ, что его желанія будутъ, если къ тому представится хоть малѣйшая возможность, удовлетворены полностью, и въ томъ, что къ нему отнесутся не съ высоты своего редакторскаго величія, а съ чисто товарищеской простотой и непринужденностью. Не могу не отмѣтить здѣсь съ чувствомъ душевнаго умиленія чисто европейскаго джентльменства и, — приходится съ грустью въ этомъ сознаться, — вышедшіе теперь изъ моды любезности Семевского. Какъ только видѣлъ онъ въ томъ или другомъ литераторѣ не случайнаго, а болѣе или менѣе постояннаго сотрудника, то, не смущаясь дальностью разстояній,

крутизной петроградскихъ лѣстницъ, онъ посѣщалъ его, и такія посѣщенія въ сердца молодыхъ, начинающихъ писателей оставляли надолго благодарное воспоминаніе, какъ цѣнный знакъ вниманія со стороны знаменитаго ученаго, со стороны человѣка, сохранившаго въ теченіе своей долгой жизни кристалльную чистоту души. Лично я считаю себя очень обязаннымъ Вас. И—чу еще и тѣмъ, что онъ, по своему собственному почину, предложилъ мнѣ использовать нѣкоторые матеріалы его богатѣйшаго архива, которые, какъ онъ видѣлъ, имѣютъ отношеніе къ моимъ работамъ. Опять-таки рѣдкостная черта. У насъ, вѣдь повелось почему-то въ отношеніи своихъ архивовъ изображать, извиняюсь за грубое сравненіе, собакъ на снѣгъ. Вас. Ив., подобно Анатолію Фед. Кони и нѣкоторымъ другимъ,—увы, не многимъ,—людямъ старшаго поколѣнія, представлялъ изъ этого правила блестящее исключеніе: что было не нужно ему для его собственныхъ работъ, тѣмъ онъ радъ былъ подѣлиться съ другими изслѣдователями.

С. А. Савинкова. (Рѣчь. 24 сент.).

Опять смерть... И какая? Скончался Василій Ивановичъ Семевскій...

Многіе написали и многіе еще напишутъ о его научныхъ заслугахъ, о трудахъ... о его общественномъ значеніи... объ его литературныхъ работахъ... Не мнѣ касаться этихъ сторонъ его жизни... Но такъ хотѣлось бы сказать о немъ, просто какъ о человѣкѣ... Смогу ли? О такихъ людяхъ можно говорить только съ глубочайшимъ почтеніемъ и глубочайшей любовью... И простые, обыденныя слова, врядъ ли дадутъ Василію Ивановичу надлежащую оцѣнку.

Съ памятью о немъ неразрывно связана память и о домѣ его. Къ этому дому, издавна знакомому широкому кругу людей, влекло не только исключительное, рѣдкое теперь гостепріимство хозяевъ, но влекло и то свѣтлое, бодрое, полное служенія идеаламъ настроеніе, что въ немъ царило. Ихъ воскресенья были неизмѣнны длинный рядъ годовъ... Время шло, люди мѣнялись, ряды борцовъ рѣдѣли... Но тѣ, кто шли въ домъ Семевскихъ, знали, что въ лицѣ хозяевъ встрѣтятъ все то же неизмѣнное стремленіе ко всему истинно благородному, истинно культурному..

И въ этомъ домѣ, гдѣ хозяевами были старики, было молодо и свѣтло. Здѣсь жили... Жили въ лучшемъ значеніи этого слова. Любили родину не той любовью, что восхищается всѣмъ своимъ, и что если свое родное—то оно прекрасно, а той любовью, которая видитъ всѣ несовершенства и страстно желаетъ ихъ устраненія.

Вотъ почему здѣсь радостно встрѣчалось всякое прогрессивное улучшение и горестно—проявленіе реакціи. Въ этомъ отношеніи, никакой юноша не могъ быть моложе старыхъ хозяевъ этого рѣдкостнаго дома.

Кто могъ сравниться съ нимъ въ удивительномъ благожелательствѣ къ людямъ. въ желаніи помочь и словомъ и дѣломъ? Пунктуальный въ распредѣленіи своего дня, неустанный труженикъ, онъ однако сумѣлъ выкроить изъ страшно дорогого ему времени часъ, въ который каждый могъ къ нему обратиться.

И сколько людей посѣтили кабинетъ Василю Ивановича отъ шести до семи вечера! Онъ такъ сосредоточенно выслушивалъ каждаго, такъ готовъ былъ всегда помочь, что обращающемуся казалось, что именно его дѣло и есть главное, чѣмъ занять Василю Ивановичъ.

И какъ ухитрялся онъ среди безчисленныхъ занятій, неизмѣнно отвѣчать въ тотъ же день на каждое письмо, какъ ухитрялся ѣздить и хлопотать по чужимъ дѣламъ—непостижимо! Но такъ было... И то Василю Ивановичъ былъ въ департаментѣ полиціи, то ѣздилъ на свиданіе въ тюрьму, то посѣщалъ заболѣвшихъ или попавшихъ въ невзгуду—всегда ровный, свѣтлый, идущій на помощь...

Была еще сторона его жизни, которую могутъ оцѣнить только знавшіе ее,—это неизмѣнная симпатія и содѣйствіе политически пострадавшимъ. Тутъ ужъ не было предѣла добротѣ и благородству Василю Ивановича. Его не смущали его годы, съ рискомъ подвергнуться обычнымъ непріятностямъ, онъ своихъ симпатій къ угнетеннымъ не скрывалъ и открыто шелъ по этому пути.

Когда выпустили шлиссельбуржцевъ, Василю Ивановичъ тотчасъ сталъ во главѣ образовавшагося имъ на помощь комитета и стоялъ на этомъ посту до кончины, и такого предсѣдателя, какимъ былъ онъ, шлиссельбуржцы врядъ ли встрѣтятъ. Онъ съ любовью входилъ въ жизнь и обстоятельства каждаго изъ нихъ, и надо было видѣть его огорченное лицо и слышать его огорченный голосъ, когда онъ сообщалъ тревожныя о нихъ вѣсти. Тутъ была не формальность... Тутъ была душа и сердце предсѣдателя!

Да, Василю Ивановичъ былъ необыкновенный человѣкъ! Это былъ джентльменъ и рыцарь!

Какъ больно, какъ тяжело съ нимъ разставаться.

Да, онъ не былъ молодъ годами, но съ нимъ вмѣстѣ ушло то молодое, вѣчное, что дается только избраннымъ!..

Но сколько свѣтлаго онъ за собой оставляетъ... Не забыть его, нѣтъ! Такіе люди не часты, и для еще оставшихся на землѣ онъ останется яркимъ свѣточемъ истины и добра!..

Южныя Вѣдомости. (Симферополь).

Со словомъ «Семевскій» ассоціируется представленіе чего-то цѣльнаго, нераздѣльнаго, а потому опредѣлимаго однимъ словомъ.

Народникъ—вотъ кто былъ покойный, *народничество*—вотъ его культъ, его идейная святыня, служеніе которой заставило его рыться въ архивахъ и писать громадныя историческія книги именно по двумъ вопросамъ, а не по одному. Только народникъ, отдавшій все свои помыслы интересамъ трудового народа, могъ совершить эту огромную работу составленія классическихъ трудовъ по исторіи социальнаго положенія крестьянства и исторіи русской общественности. Вся работа объединена одной идеей служенія народу, обиженному исторіей и въ матеріальномъ и въ правовомъ отношеніяхъ...

Да, онъ весь сынъ той красивой эпохи, когда у всей русской интеллигенціи была одна любовь, одна отрасль, одинъ культъ—

народъ. Общей чертой эпохи являлось не только служеніе народу, который рисовался прежде всего въ образѣ сермяжной Россіи матеріально и духовно обездоленной. Объединяющей чертой былъ *фанатизмъ*, равно свойственный всѣмъ народникамъ семидесятиникамъ.

Фанатики юноши и дѣвушки переряжались въ крестьянъ и крестьянокъ, въ рабочихъ и работницъ и шли въ «народъ»—въ поле и на фабрику, чтобы быть около предмета своего культа, около идеализируемаго народа и уплатить ему свой долгъ.

Другіе фанатики изъ молодежи совершали поступки, за которые они, какъ покойный депутат Карауловъ, съ бритой головой и кандалами на ногахъ мѣряли «Владимирку» и шли искупать свой грѣхъ въ Сибирь.

А фанатикъ-ученый В. И. Семевскій вложилъ весь энтузіазмъ своей души въ разборку архивной пыли.

Надо было узнать и рассказать другимъ все о томъ, какъ жилъ народъ подъ крѣпостнымъ ярмомъ и какія дѣлались усилія для его освобожденія.

И съ юныхъ студенческихъ лѣтъ все вниманіе, весь пылъ души направленъ въ эту сторону. И съ неослабной энергіей, которую поддерживаетъ только фанатическая страсть, творилась работа исканія и систематизаціи добытаго матеріала. И росли фоліантъ за фоліантомъ, освѣщая прошлое крѣпостничества и борьбу за освобожденіе.

Исторія крестьянства и исторія общественныхъ движеній—это двѣ стороны одной медали. Это изученіе врага—крѣпостничества—и всего, что дѣлалось для одолѣнія его, для *раскрѣпощенія* народа.

Раскрѣпощеніе народа отъ всѣхъ цѣпей матеріальныхъ и правовыхъ—такова идея, руководившая составителемъ громадныхъ историческихъ фоліантовъ народникомъ-семидесятникомъ В. И. Семевскимъ.

И онъ оставилъ послѣ себя не только капитальные классические труды по исторіи крестьянства и общественнаго движенія, но и воплощеніе собственнаго образа фанатика-ученаго, находящагося во власти одной идеи—любви къ народу. Этотъ образъ—въ самыхъ трудахъ, на которые могла подвинуть только великая любовь.

А. Иновинъ. (Одесскія Новости 23 сент.)

Долгая, трудовая, плодотворная жизнь и прекрасная символическая смерть—съ перомъ въ рукѣ, на позиціяхъ, столько разъ спасаемыхъ этимъ перомъ отъ недруга въ лютыхъ бояхъ!

Трудъ жизни Семевского—ислѣдованіе прошлыхъ судебъ крестьянства (и отчасти рабочихъ), ислѣдованіе идей, вдохновлявшихъ русскую интеллигенцію въ двадцатыхъ годахъ прошлаго вѣка, возведенныхъ ею на высоту своеобразной религіи, которая освящала и стремленія, и поступки, и смерть въ далекой, ледяной пустынѣ...

Тысячи страницъ, написанныхъ Семевскимъ, наполнены безконечными колоннами «сухихъ» цифръ, разборомъ пожелтѣвшихъ

отъ времени безстрастныхъ историческихъ актовъ, но, въ сущности, каждая строка въ громадныхъ монографіяхъ согрѣта великой любовью, озарена трогательной вѣрностью: любовью къ народу, вѣрностью памяти тѣхъ, кто душу свою отдалъ безъ раздумья, безъ колебаній дѣлу воплощенія въ жизнь плѣнившей его лучезарной мечты.

Есть древнее преданіе о человѣкѣ увидѣвшемъ дикое поле, покрытое «человѣческой костью». «И пыль покрывала ихъ и трава сѣрая, колючая»... И воскресилъ жалостью своей и любовью человѣкъ эти кости, поднялись онѣ, кожей покрылись, зарозовѣли на солнцѣ останки живой, струящейся въ жилахъ крови, и каждый воскресшій повѣдалъ жалостливому человѣку свою исторію...

И Семевскій безгласнымъ костямъ давно погибшихъ крестьянскихъ поколѣній далъ теплоту жизни и голосъ имъ далъ для повѣсти о своихъ давнихъ скорбяхъ.

Эти косточки наполняли собой пыльные, всѣми забытые шкафы сумрачныхъ архивовъ въ столицахъ и губернскихъ городахъ, сырые подвалы тюремъ. И вышли ожившіе въ трудахъ Семевского погрѣться на солнышкѣ...

Когда Василій Ивановичъ собиралъ матеріалъ для исторіи рабочихъ на нашихъ сибирскихъ промыслахъ, онъ долгіе мѣсяцы странствовалъ по глухой тайгѣ, по ржавымъ топямъ, по снѣжнымъ пустырямъ, посѣщая забытые Богомъ и людьми заводы... И одна у него была цѣль: воскресить для насъ повѣсть о погибшихъ въ нуждѣ и въ скорби людяхъ малыхъ, лишенныхъ языка.

Могъ ли думать мужичокъ, котораго безъ всякой съ его, стороны вины или проступка, засѣкли въ 20-хъ годахъ прошлаго вѣка господа старшіе механики на далекомъ Петровскомъ заводѣ въ Забайкальской области, могъ ли онъ надѣяться, что, спустя сто лѣтъ, его обида выплыветъ въ трудъ добраго ученаго и станетъ извѣстна міру?

Многія изъ предположеній Семевского стали теперь прочнымъ достояніемъ науки, и труды его являются стойкимъ фундаментомъ для всѣхъ новыхъ построеній въ области исторіи русскаго крестьянства.

Но Василій Ивановичъ перебросилъ въ своихъ трудахъ и крѣпкій, надежный мостъ съ одного берега народной жизни къ другому,—отъ простого темнаго народа къ нашей чуткой интеллигенціи.

Онъ доказалъ всѣмъ, желающимъ знать истину, что освобожденіе крестьянъ и постепенное улучшеніе ихъ положенія было воплощеніемъ надеждъ лучшихъ русскихъ общественниковъ-идеалистовъ и что явилось оно результатомъ трудовъ, подвиговъ и жертвъ, принесенныхъ, по сентиментальному выраженію Радищева «пылкими и чувствительными сердцами на алтарь народолюбія»...

Не пропали, значитъ, бесплодно ни слеза автора «Путешествія изъ Москвы», ни вздохъ Извикава, ни горькое слово Фонвизина...

Семевскій оправдалъ прошлое русской интеллигенціи; тѣмъ, кто ушелъ на историческій погостъ заплаканной тѣнью, онъ сказалъ хорошее, радостное слово: — Ваши жертвы были не безплодны—сѣмя думъ, словъ и страданій дало добрые всходы...

Василій Ивановичъ разсказалъ намъ правдивую исторію 10-хъ и 20-хъ годовъ—мы знаемъ теперь жизнь и идеи тѣхъ, кого когда-то хотѣли оклеветать «чужіе», и отъ кого въ припадкѣ малодушія отказались «свои».

Справедливый приговоръ иногда приходитъ поздно, но онъ никогда не приходитъ слишкомъ поздно, никогда не бываетъ лишнимъ, ненужнымъ, обличенная ложь уходитъ изъ міра...

Грозный обвинитель торжествовавшихъ, стойкій адвокатъ тѣхъ, въ защиту которыхъ не подымали у насъ голоса, Василій Ивановичъ Семевскій палъ, сраженный смертью на трудномъ, отвѣтственномъ посту, палъ съ перомъ въ рукѣ—орудіемъ мирной и славной борьбы!

М. Горькій. (*Лѣтопись*, № 10).

Наставникъ нѣсколькихъ поколѣній русской интеллигенціи, В. И. Семевскій былъ неутомимый, рыцарски-честный работникъ на трудномъ, такъ легко и густо заростающемъ разной сорной травой полѣ общественной дѣятельности. Человѣкъ талантливый, сердечно-чуткій, искренній и правдивый другъ народа, это одинъ изъ тѣхъ нашихъ радикаль-демократовъ, которые умѣли любить свой народъ любовью мудрой, спокойной и непоколебимой. Людей его типа у насъ осталось мало, единицы...

Старый рыцарь В. И. Семевскій былъ достойнымъ представителемъ той русской интеллигенціи, которая въ отчаянныхъ условіяхъ нашей дѣйствительности героически и мужественно совершала колоссальный трудъ духовнаго возрожденія страны... Старая русская интеллигенція была сильна своимъ социальнымъ романтизмомъ, своею вѣрой въ прогрессъ,—эта вѣра дала ей силу вписать въ суровую лѣтопись русской жизни нѣсколько яркихъ и прекрасныхъ страницъ.

В. И. Семевскій, одинъ изъ видныхъ рыцарей ордена «чужихъ людей въ родной странѣ», представитель старой нашей интеллигенціи, былъ, какъ вся она, «западникъ»,—это позволяло ему глубоко чувствовать внѣнаціональное, планетарное значеніе общечеловѣческой культуры. Это чувство особенно дорого, особенно важно въ безумные дни, когда понятіе «единство человѣчества» къ великому несчастію нашему исчезаетъ, замѣняясь трагическимъ и горькимъ ощущеніемъ «одиочества человѣка». Такъ грустно и больно, что хоробрый, честный человѣкъ ушелъ отъ насъ именно въ эти тяжелые дни одичанія, разрушенія чести и совѣсти.

Жизнь и Судь. (*Петроградъ*).

Покойный былъ лучшимъ выразителемъ взглядовъ и идеаловъ современной русской интеллигенціи и не удивительно, что этой послѣдней онъ отводилъ огромную, руководящую роль. И онъ вѣрилъ въ творческія силы русской интеллигенціи и самъ работалъ въ ея первыхъ рядахъ.

Похороны В. И. Семевского.

І. Выносъ и отпѣваніе.

23 сентября на Литературныхъ мосткахъ Волкова кладбища были преданы землѣ останки В. И. Семевского. На выносъ и на отпѣваніе собрались отдать послѣдній долгъ покойному многіе изъ общественныхъ и политическихъ дѣятелей, представители науки и литературы, друзья и многочисленные почитатели. По газетнымъ свѣдѣніямъ между прочимъ, присутствовали: М. А. Антоновичъ, К. В. Аркадакскій, Я. Л. Барсковъ, проф. Ф. Д. Батюшковъ, проф. В. И. Бауманъ, В. В. Беренштамъ, В. Д. Бончъ-Бруевичъ, Л. М. Брамсонъ, А. И. Браудо, И. К. Брусиловскій, В. Л. Бурцевъ, И. А. Бычковъ, проф. А. В. Васильевъ, М. В. Ватсонъ, проф. С. А. Венгеровъ, акад. П. Г. Виноградовъ, Е. Н. Водовозова-Семевская, В. В. Водовозовъ, М. И. Ганфманъ, А. А. Гизетти, А. М. Горькій, А. Г. Горнфельдъ, проф. И. М. Гревсъ, акад. М. А. Дьяконовъ, П. И. Зайцевъ, А. С. Изгоевъ, проф. А. А. Кадыанъ, А. М. Калмыкова, Е. П. Карповъ, В. В. Каррикъ, проф. Н. И. Карѣевъ, проф. А. А. Кауфманъ, С. С. Кондурушкинъ, А. А. Корниловъ, акад. Н. А. Котляревскій, Ф. Д. Крюковъ, акад. А. С. Лаппо-Данилевскій, Г. А. Лопатинъ, Лотоцкій, І. Д. Лукашевичъ, проф. А. С. Лыкошинъ, Е. А. Ляцкій, В. Е. Максимовъ, С. П. Мельгуновъ, П. Н. Милуковъ, В. В. Міаковскій, Б. Л. Модзалевскій, В. А. Мякотинъ, В. Д. Набоковъ, М. В. Новорусскій, акад. С. Ф. Ольденбургъ, В. Н. Ольнемъ, В. В. Португаловъ, проф. А. С. Посниковъ, проф. М. Д. Приселковъ, А. С. Пругавинъ, А. В. Пѣшихоновъ, Н. С. Русановъ, С. А. Савинкова, проф. П. Н. Сакулинъ, С. Г. Сватиковъ, Л. З. Слонимскій, проф. Н. С. Таганцевъ, пр.-д. Е. И. Тарасовъ, проф. В. Д. Хлопинъ, проф. Л. В. Ходскій, Н. В. Чайковскій, В. И. Чернолусскій, М. Н. Чернышевскій, Н. Н. Шнитниковъ, С. Я. Штрайхъ, П. Е. Щеголевъ и др.

ІІ. Вѣнки.

На гробъ Василія Ивановича были возложены вѣнки.

1. Тому, кто училъ насъ работать и бороться за крестьянское дѣло—Василію Ивановичу Семевскому Трудовая группа.
2. Свѣтлой памяти Василія Ивановича Семевского—Комитетъ Литературнаго Фонда.
3. Незабвенному предсѣдателю—отъ Шлиссельбургскаго Комитета.
4. Исторiku русскаго крестьянства—Вольно-экономическое Общество.
5. Правдивому русскому историку—Еврейское Историко-этнографическое О-во.
6. Исторiku Общественному дѣятелю Народнику—отъ Русскаго Общества Изученія Еврейской жизни.
7. Дорогому товарищу и учителю—отъ редакціи «Голоса Минувшаго».

8. Сотруднику и другу Василию Ивановичу Семевскому—«Русское Богатство».
9. Василию Ивановичу Семевскому—«Лѣтопись».
10. Василию Ивановичу Семевскому—«Русскія Вѣдомости».
11. Исторiku-народнику—Редакція «Рѣчи».
12. Свѣтлой памяти Василия Ивановича Семевского—редакція газеты «День».
13. Печальнику народнаго горя Василию Ивановичу Семевскому—редакція издатели энциклопедическаго словаря товарищества Гранатъ.
14. Василию Ивановичу Семевскому—М. Горькій.
15. Дорогому учителю и другу Василию Ивановичу Семевскому отъ В. Мякотина.
16. Незабвенному другу—отъ Русановыхъ.
17. Глубокоуважаемому профессору Василию Ивановичу Семевскому—(Анны Михайловны Сибиряковой).
18. Дорогому товарищу, дорогому другу Василию Ивановичу Семевскому—А. А. и А. Ю. Кадынь.
19. Чистому сердцемъ—отъ искренне любящихъ Мельгуновыхъ.
20. Учителю и другу отъ В. В. Водовозова.
21. Дорогому мужу.

III. У могилы.

У свѣжей могилы были произнесены рѣчи: С. Г. Сватиковымъ, Н. С. Русановымъ и В. А. Мякотинимъ.

Первую рѣчь произнесъ С. Г. Сватиковъ ¹⁾.

Въ лицѣ В. И. Семевского,—сказалъ онъ,—мы потеряли не только ученаго и общественнаго дѣятеля, но и человѣка прекрасныхъ душевныхъ качествъ. В. И. Семевскій вышелъ на общественную работу въ концѣ 60-хъ годовъ, когда всѣ думали о благѣ народа. За всѣми дѣлами В. И. однако не забывалъ живыхъ людей. Онъ всегда оставался человѣкомъ въ лучшемъ смыслѣ слова. Вокругъ В. И. группировалась учащая молодежь, хотя официально онъ недолго оставался въ университетѣ. Въ сердечномъ общеніи съ В. И., въ его гостепріимномъ домѣ, молодежь укрѣпляла свою любовь къ народу. В. И. относился ко всѣмъ съ лаской и любовью. Ему посылали письма изъ Сибири, къ нему обращались за помощью люди изъ тюремъ. Его любовь къ людямъ выражалась всегда въ активной формѣ. До послѣдней минуты своей жизни В. И. думалъ о шлессельбуржцахъ, о судьбѣ вдовы Н. Г. Чернышевскаго. «Дорогой учитель,—закончилъ С. Г. Сватиковъ,—какъ могу я тебя забыть, когда въ твоемъ лицѣ я нашелъ второго отца». Рыданія прервали рѣчь оратора...

Вторую рѣчь произнесъ Н. С. Русановъ, который указалъ, что близко знавшихъ Василия Ивановича поражали двѣ черты его характера, на первый взглядъ казавшіяся противоположными. Это съ одной стороны его мягкость, сердечность, отзывчивость на чужія нужды и желаніе помочь нуждающимся матеріально и

¹⁾ Воспроизводимъ ихъ въ изложеніи «Дня», «Рѣчи» и «Русскихъ Вѣдомостей».

идейно. Онъ отрывается отъ своей любимой работы, чтобы подыскать занятія нуждающемуся студенту, выхлопотать входъ молодому ученому въ трудно доступный архивъ, говорить съ директоромъ департамента полиціи о сосланныхъ и эмигрантахъ, но эта живая доброта нисколько не исключала у Семевского удивительной принципиальной негибкости. Человѣкъ цѣльныхъ убѣжденій, рационалистъ, социалистъ и народникъ, В. И. всегда оставался вѣрнымъ этимъ идеямъ и съ этой точки зрѣнія оцѣнивалъ всѣ общественныя выступленія, какъ самого себя, такъ и другихъ. Передъ внутреннимъ судомъ этого героя убѣжденій не было пощады людямъ, примирившимся съ пошлостью. Изъ общенія съ Семевскимъ его близкіе знакомые выносили крѣпкую вѣру въ торжество социалистическихъ идеаловъ и желаніе борьбы за нихъ. Съ его воскресеній (у В. И. собирались по воскресеньямъ) люди уходили укрѣпленные и освѣженные. Въ трудные годы реакціи мы набирались у него бодрости. Въ квартирѣ сѣдовласаго, но юнаго душой В. И. мы чувствовали, что есть правда на землѣ. Тутъ ораторъ указалъ на участницу вечеровъ, жену покойнаго Елизавету Николаевну, какъ на свѣтлый образъ, облагораживающій душу. Обратившись къ рабочимъ, которые стояли съ лопатами, ораторъ закончилъ: «Помните, чью могилу вы зарыли. Вы зарыли могилу человѣка, который 40 лѣтъ тому назадъ говорилъ, какъ трудно живется русскому крестьянину, который написалъ правдивое повѣствованіе объ усиліяхъ русской интеллигенціи, декабристовъ и петрашевцевъ цѣною жизни дать счастье народу.

Послѣ рѣчи Н. С. Русанова произошла трогательная сцена:

Присутствовавшая на кладбищѣ С. А. Савинкова, приблизившись къ свѣже насыпанной могилѣ, припала къ землѣ и воскликнула: «Я ничѣмъ инымъ не могу выразить тебѣ свое уваженіе и любовь, какъ земно поклонившись твоей могилѣ».

Особенное впечатлѣніе произвелъ разсказъ г-жи Т. объ эпизодѣ, который произошелъ съ нею, когда ей пришлось хлопотать о близкомъ родственникѣ, которому грозила смертная казнь по подозрѣнію въ террористическомъ покушеніи. Надо было видѣть, съ какимъ участіемъ Василій Ивановичъ отнесся къ судьбѣ этого молодого человѣка, ради котораго онъ предпринялъ множество хлопотъ, и жизнь осужденнаго была спасена.

Послѣднимъ говорилъ В. А. Мякотинъ.

Имя В. И. Семевского неразрывно связано съ русской наукой и русскимъ обществомъ. Съ ранней молодости В. И. служилъ наукѣ и обществу. Его научная работа была свѣточемъ, который освѣщалъ настоящее и бросалъ отблескъ на будущее. Онъ закладывалъ фундаментъ того зданія, въ которомъ долженъ жить свободный русскій народъ.—Василій Ивановичъ,—былъ истиннымъ аскетомъ научнаго изысканія. Вся его жизнь воплощалась въ цѣломъ рядѣ удивительно обстоятельныхъ работъ, связанныхъ единствомъ міросозерцанія и выясненіемъ народныхъ интересовъ въ историческомъ освѣщеніи. Но этотъ аскетъ науки, этотъ докторъ исторіи, безъ всякаго сожалѣнія отрывался отъ книги, отъ неизданнаго документа, чтобы взяться за то или другое общественное дѣло, въ которомъ онъ видѣлъ свой долгъ. В. А. Мяко-

тинъ упомянулъ объ участіи Семевского въ депутаціи, которая наканунѣ 9-го января 1905 г. просила князя Святополкъ-Мирскаго принять мѣры, которыя могли бы предупредить кровопролитіе. Осуществить ничего не удалось, и докторъ русской исторіи, который поднималъ свой голосъ въ защиту русскаго народа, очутился въ казематѣ Петропавловской крѣпости. В. И. никогда и ни передъ кѣмъ не отступалъ отъ своихъ идеаловъ. В. И., рожденный быть профессоромъ, долженъ былъ, по независящимъ обстоятельствамъ, отказаться отъ этой дѣятельности. Онъ однако оставался ученымъ до конца своей жизни. Онъ служить примѣромъ, какъ надо встрѣчать жизненные невзгоды, не сгибаясь передъ ними. Этотъ суровый ученый и строгій общественный дѣятель проявлялъ ко всѣмъ безграничную терпимость и мягкость. Велики заслуги покойнаго передъ русской исторической наукой, но изъ-за нихъ мы не должны забывать вѣчно горѣвшій въ немъ огонь общественности. Съ этимъ гармоничнымъ образомъ ученаго и гражданина мы и уйдемъ съ кладбища....

Похороны В. И. Семевского были приняты на себя редакціями «Голоса Минувшаго», «Русскихъ записокъ», т-ва Гранатъ.

Телеграммы и письма.

На имя Е. Н. Семевской, В. В. Водовозова, редакцій «Русскихъ Записокъ» и «Голоса Минувшаго» получены слѣдующія телеграммы и письма:

— *Трудовая группа Государственной Думы* глубоко скорбитъ объ утратѣ незабвеннаго изслѣдователя жизни русскаго крестьянина, свѣтомъ прошлаго озарявшаго новые пути для работниковъ за крестьянское дѣло, голосомъ минувшаго бодро призывавшаго ихъ къ борьбѣ за грядущее. Свѣтлая память ему!

— Историко-филологическій факультетъ юрьевского университета выражаетъ глубокое соболѣзнованіе по поводу смерти выдающагося изслѣдователя исторіи русскихъ крестьянъ.—*Деканъ профессоръ Пятуховъ.*

— Историко-филологическій факультетъ харьковскаго университета выражаетъ Вамъ глубокое соболѣзнованіе по поводу кончины незабвеннаго наукъ Вашего супруга.—*Деканъ Сумцовъ.*

— Экономическое отдѣленіе петроградскаго политехническаго института выражаетъ вамъ глубокое соболѣзнованіе по поводу постигшей васъ тяжелой потери. Кончина Василія Ивановича, стойко боровшагося за научную истину и за общественную правду является незамѣнимою утратою для русскаго общества.—*Деканъ экономического отдѣленія Гусаковъ.*

— Совѣтъ петроградскаго общества народныхъ университетовъ проситъ васъ принять выраженіе его глубокой скорби по поводу кончины незабвеннаго Василія Ивановича. Въ его лицѣ наука утратила талантливаго дѣятеля, русское же общество, хранителя своихъ лучшихъ завѣтовъ и стремленій къ свободѣ и свѣту. Товарищъ председателя совѣта докторъ *Никольскій.*

— Совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ отъ имени петроградской адвокатуры выражаетъ вамъ чувства искреннѣйшаго соболѣзнованія по поводу кончины глубокочтимаго Василия Ивановича. Предсѣдатель совѣта Николай *Карабчевскій*.

— Историко-литературный кружокъ имени Пушкина при петроградскомъ университетѣ скорбитъ о преждевременной и невознаградимой уtratѣ славнаго ученаго.

— Петроградское украинское общественное собраніе «Громада» проситъ принять чувства глубокаго соболѣзнованія. Въ лицѣ Василия Ивановича, многолѣтняго стража лучшихъ заветовъ русской интеллигенціи, украинцы потеряли изслѣдователя одной изъ наиболѣе свѣтлыхъ страницъ украинской исторіи—Исторіи Кирилло-Меѳодіевскаго братства.—Предсѣдатель *Корчинскій*.

— Украинское благотворительное общество изданія общепользныхъ и дешевыхъ книгъ глубоко опечалено скорбной вѣстью о смерти Василия Ивановича, своими трудами освѣтившаго прошлое трудового народа и до конца дней своихъ борющагося за его свѣтлое будущее. Примите искреннее соболѣзнованіе. Предсѣдатель *Голоскевичъ*.

— «Скорбимъ о постигшей русскую науку и литературу утратѣ въ лицѣ незабвеннаго В. И. Семевского». *Правленіе минской городской общественной библіотеки имени Пушкина*.

— Общество русскихъ студентовъ при Императорскомъ Юрьевскомъ университетѣ выражаетъ редакціи «Голоса Минувшаго» свое глубокое сочувствіе, по поводу смерти почетнаго члена О-ва Р. С., выдающагося историка русскаго общественнаго движенія Василия Ивановича Семевского, смерть котораго является тяжелой утратой для русской передовой общественности. Секретарь О-ва В. *Суровкинъ*.

— Отъ лица Правленія Историческаго Кружка при университетѣ имени Шанявскаго прошу редакцію принять и передать супругѣ почившаго Василия Ивановича Семевского выраженіе нашей живѣйшей скорби объ утратѣ, понесенной русской наукой и русской общественностью съ кончиною глубокочтимаго историка русскаго крестьянства и русской политической мысли.

Предсѣдатель правленія А. *Кизеветтеръ*.

— Харьковское Общество Грамотности раздѣляетъ скорбь всей прогрессивной Россіи объ утратѣ Василия Ивановича Семевского, выдающагося ученаго и правдиваго историка страданій нашего крестьянства и героической русской интеллигенціи, будившаго и укрѣплявшаго своими строго-научными изслѣдованіями любовь къ народу и увѣренность въ томъ, что многострадальный русскій народъ завоюетъ, наконецъ, свободу и равенство для всѣхъ своихъ гражданъ и что «на костяхъ погибшихъ поколѣній любви и счастья прекрасный цвѣтъ взойдетъ».

Предсѣдатель Правленія В. И. *Сливицкій*.

— Сотоварищи по изданію «Голоса Минувшаго», потрясенные внезапною кончиною дорогаго Василия Ивановича, скорбятъ вмѣстѣ съ вами и всею душою переживаютъ тяжесть незаб-

нимой утраты. *Мельгунова, Петерсенъ, Эрисманъ, Васютинскій, Перцевъ, Сивковъ, Титовъ, Гебель, Сидоровъ, Полнеръ, Поповъ, Козловскій, Цяеловскій, Лапицкій, Кудрявцевъ, Луковниковъ.*

— Редакція и издатели энциклопедическаго словаря «*Гранатъ*» глубоко потрясенные неожиданной кончиной В. И.—редактора отдѣла русской исторіи въ словарѣ, неутѣшно скорбятъ вмѣстѣ со всей Россіей о потерѣ замѣчательнаго изслѣдователя русской старины, талантливаго лѣтописца горя народныхъ массъ, героическаго свободомыслія и борьбы за лучшее политическое будущее въ прошломъ нашего общества.

— Редакція «*Русскихъ Вѣдомостей*» проситъ васъ принять ея глубокое соболѣзнованіе вашему горю. Въ лицѣ Василя Ивановича, историка крестьянскаго закрѣпощенія и освобожденія, русская наука понесла невознаградимую утрату, русская интеллигенція потеряла искренняго и стойкаго поборника широкихъ демократическихъ идей, русскій народъ—вѣрнаго и неизмѣннаго друга.

— Искренне раздѣляемъ скорбь редакціи уважаемаго журнала, понесшаго тяжкую и невознаградимую утрату въ лицѣ покойнаго Василя Ивановича. Редакція «*Украинской жизни*»

— Просимъ принять и передать семьѣ почившаго Василя Ивановича Семевского, умершаго на славномъ посту ученаго-общественника, наше глубокое соболѣзнованіе. Редакція «*Дѣло*».

— Книгоиздательство «*Міръ*» выражаетъ соболѣзнованіе вашему горю и скорбитъ о внезапной кончинѣ глубокаго изслѣдователя судебъ русскаго народа, благороднаго поборника демократическихъ идей.

— Правленіе т-ва «*Задруга*» глубоко сочувствуя постигнутому васъ горю, проситъ принять свое искреннее соболѣзнованіе. *Кудрявцевъ, Луковниковъ, Озерецковскій, Сандстремъ, Сивковъ.*

— Передайте близкимъ выраженіе сердечнаго сочувствія ихъ горю. Семья *Короленко.*

— Позвольте и мнѣ присоединиться къ друзьямъ вашимъ, окружающимъ васъ въ эти дни великаго вашего горя и горя всѣхъ насъ, воспитанныхъ книгами и личнымъ примѣромъ Василя Ивановича. Мнѣ, одному изъ самыхъ молодыхъ, такъ больно сознавать, что ушелъ изъ жизни подлинный дѣятель, сочувствіемъ своимъ поддерживавшій насъ на пути къ цѣлямъ, общимъ его славному поколѣнію и намъ. Нѣтъ словъ, которыя могли бы утѣшить васъ—пусть хоть сознаніе великой любви, окружающей память Василя Ивановича успокоитъ васъ. *А. Керенскій.*

— Сейчасъ узналъ изъ полученныхъ газетъ о неожиданной смерти дорогаго Василя Ивановича. Тяжело на душѣ, всѣмъ сердцемъ раздѣляемъ ваше горе. Велика эта утрата и для науки и для общества и особенно остро отзовется она въ сердцахъ всѣхъ бывшихъ шлиссельбуржцевъ, жизнь которыхъ онъ такъ близко принималъ къ сердцу до самой послѣдней своей минуты. *Николай Морозовъ, Кс. Морозова.*

— Почта привозится въ деревню не каждый день, и вотъ, сегодня, развернувъ Русск. Вѣд., я съ горестью увидѣла

Могила В. И. Семевского.

о кончинѣ многоуважаемаго, дорогаго Василия Ивановича. Примите и мое участіе въ вашемъ горѣ—болжно узнать, что Василия Ивановича уже нѣтъ. Крѣпко цѣлую и обнимаю васъ *Вѣра Фигнеръ*.

— Примите и отъ насъ глубокое, глубокое душевное сожалѣніе о потерѣ дорогаго Василия Ивановича. Такъ неожиданно и такъ преждевременно его не стало! Поэтому смерть его дѣлается особенно чувствительной. *Анна Фроленко, Михаилъ Фроленко*. (Геленджикъ).

— Глубоко болѣзненно сочувствую вашему горю. Рвалась поѣхать проститься съ нашимъ дорогимъ высокочтимымъ предсѣдателемъ, но отсутствіе способовъ передвиженія, главное старость и нездоровье, лишили меня этого. *Вѣра Лебедева*.

— Глубоко чувствую утрату дорогаго учителя-друга Василия Ивановича. *Панкратовъ*.

— Давній свидѣтель прекрасной жизни незабвеннаго Василия Ивановича, всецѣло посвященной наукѣ, гражданственности и народному благу, глубоко скорблю о его безвременной кончинѣ. *Алексѣй Веселовскій* (Москва).

— Узналъ о невознаградимой утратѣ великаго ученаго, благороднаго сердца. Примите выраженіе глубокаго горя.

Аскеназы (Швейцарія).

— Глубоко скорблю о тяжелой утратѣ. *Грушевскій*.

— Искренно соболѣзную вашему горю, которое раздѣлитъ вся мыслящая Россія. Миръ праху дорогаго Василия Ивановича и вѣчная добрая память его честному имени. *Владимиръ Кранихфельдъ*.

— Глубоко опечаленъ кончиной дорогаго Василия Ивановича. *Линниченко* (Одесса).

— Глубоко скорблю по случаю кончины Василия Ивановича, выдающагося ученаго и чуждаго челоѣка. *И. П. Бѣлоконскій*.

— Огромную потерю понесла историческая наука и журналъ со смертью Василия Ивановича. Раздѣляю, какъ сотрудникъ, глубокое горе редакціи, которое, несомнѣнно, является горемъ всей мыслящей прогрессивной Россіи. *Н. П. Василенко* (Кіевъ).

— Скорбимъ о новой потерѣ. Еще много могъ бы дать исторіи и обществу покойный Василій Ивановичъ. А кромѣ того такъ тяжело терять людей съ яснымъ, опредѣленнымъ общественнымъ міросозерцаніемъ. Среди новыхъ людей какъ-то не складывается никакихъ однородныхъ кадровъ, преслѣдующихъ наши старыя общественныя цѣли. А эти два-три года положительно годы смертей общественниковъ; точно буря ломаетъ старыя сучья когда-то цѣльнаго и сильнаго дерева... *Е. Кускова*.

— Горько оплакиваемъ кончину горячо любимаго Василия Ивановича. Всѣмъ сердцемъ раздѣляемъ Ваше горе. *Флора—Григорій Шрейдеръ* (Римъ).

— Вмѣстѣ съ вами скорблю о кончинѣ Василия Ивановича Семевского, учителя любви и знанія народа и борца за его свободу.—*Деларовъ*.

— По случаю горестной утраты, понесенной вами и всей демократической Россіей съ кончиной Василия Ивановича Семевского, примите выраженіе горячаго сочувствія.—*Рожковъ*.

— Очень опечаленъ безвременной кончиной дорогого выдающагося ученаго и гражданина Василия Ивановича. *Аванасевъ.*

— Скорблю о кончинѣ замѣчательнаго ученаго и чловѣка. *Тарле.*

— Узнавъ о кончинѣ дорогого Василия Ивановича, спѣшу выразить вамъ горячее сочувствіе постигшему васъ горю. Это горе раздѣляетъ съ вами все русское общество, всѣ мы больно чувствуемъ понесенное родиной лишеніе. Горько сожалѣю, что нездоровье лишаетъ меня возможности проводить прахъ почившаго до могилы *Н. Пиксановъ.*

— Глубоко потрясенъ смертью дорогого Василия Ивановича, въ его лицѣ слились въ одинъ свѣтлый прекрасный образъ черты ученаго гражданина и чловѣка. *Козловскій.*

— Кончина достоуважаемаго Василия Ивановича большая утрата для русской науки. Примите выраженіе искренняго сочувствія отъ редакціи «Русской Мысли» и меня лично. Жалѣю, лишень возможности быть при погребеніи *Петръ Струве.*

— Многоуважаемый Василій Васильевичъ, меня очень огорчила вѣсть о кончинѣ Василия Ивановича, котораго я очень цѣнилъ и уважалъ. Только слабость здоровья помѣшала мнѣ быть на панихидѣ по немъ или на его похоронахъ. Очень прошу васъ передать вашей матушкѣ о душевномъ сочувствіи моемъ ея горю. Искренно васъ уважающій *П. Арсеньевъ* (Царское Село).

— Мнѣ нѣтъ необходимости повторять то, что отъ чистаго сердца говорить и чувствуетъ теперь всякій, мало-мальски знавшій ушедшаго отъ насъ. И я вмѣстѣ съ ними преклоняюсь передъ его рѣдкими свойствами чловѣка и дѣятеля, преклоняюсь передъ удивительною гармоніею его жизни и его смерти.

Я только хочу присоединить къ чествующимъ его память и скорбящимъ по разлукѣ съ нимъ многимъ и многимъ хорошимъ русскимъ людямъ еще одинъ индивидуальный голосъ уваженія и любви къ нему. Когда протекала моя юность, Василій Ивановичъ былъ моимъ учителемъ, которому я многимъ обязанъ въ самыхъ первыхъ шагахъ моего университетскаго ученія; его совѣты много помогли мнѣ найти хорошій путь. Потомъ, когда я шелъ уже своею дорогою, и когда жизнь мѣшала часто видѣться, образъ его незыблемой твердости въ слѣдованіи правдѣ, подсказываемый убѣжденіемъ, его неутомимой работы для избраннаго дѣла, которому онъ служилъ всею силою до послѣдняго вздоха,—служилъ часто и мнѣ примѣромъ и ободреніемъ. Читая его память—долгія людей, стремящихся къ благу. *Ив. Гревсъ.*

— Со скорбью душевной прочиталъ въ газетахъ извѣстіе о смерти Василия Ивановича Семевского и спѣшу выразить редакціи «Голоса Минувшаго» мое искреннее сочувствіе по поводу такой тяжелой утраты, понесенной ею и русскою наукою.

Еще съ молодыхъ лѣтъ, чуть ли не со студенческой скамьи, я привыкъ высоко цѣнить научный трудъ Василия Ивановича, его неустанную энергію, его преданность научнымъ изысканіямъ, его горячее увлеченіе въ высокой степени интересными, жизненными темами изъ русской исторіи. Еще недавно, этимъ лѣтомъ, мнѣ приходилось переписываться съ Василіемъ Ивановичемъ.

по поводу одной моей статьи для «Голоса Минувшаго» и я дивился его работоспособности, его вниманію, тщательному вниманію, съ какимъ онъ относился къ посылаемымъ въ редакцію статьямъ. тѣмъ неожиданнѣе была вѣсть о его кончинѣ и тѣмъ больнѣе отзывается она...

В. Бузескулъ

— Позвольте выразить вамъ свое сочувствіе по поводу невознаградимой утраты понесенной вашимъ журналомъ и вами лично въ лицѣ Василія Ивановича. *Б. Л. Модзалевскій.*

— Мое горячее сочувствіе «Голосу Минувшаго». Впрочемъ, странно даже говорить о «сочувствіи, когда потеря—наша общая. В. И. историческимъ ходомъ вещей сдѣлался нашимъ общимъ деканомъ—всѣхъ историковъ, не принадлежащихъ ни къ какому факультету.

М. Н. Покровскій.

— Я еще на студенческой скамьѣ познакомился съ нѣкоторыми изъ работъ Василія Ивановича и съ того времени привыкъ относиться къ нему съ глубокимъ уваженіемъ, какъ къ выдающемуся ученому и общественному дѣятелю. Съ тѣхъ поръ я и лично познакомился съ Василіемъ Ивановичемъ и нѣсколько разъ пользовался его цѣнными совѣтами—я очень жалѣлъ, что, живя за городомъ, я за послѣдніе годы лишь рѣдко встрѣчался съ нимъ.

Влад. Денъ.

— Но хотя онъ и отнятъ отъ насъ неумолимымъ рокомъ, зато его высокая душа останется всегда съ нами и грядущія поколѣнія сумѣютъ въ должной степени оцѣнить и понять заслуги Василія Ивановича, такъ неуклонно и честно боровшагося всю жизнь за справедливость и раскрѣпощеніе поработеннаго физически и умственно русскаго народа... худ. *Н. Шатиловъ.*

Всею душою переживая утрату дорогого Василія Ивановича, прошу принять выраженіе моего искренняго сочувствія. *А. Титовъ.*

— Сердечно сочувствую великомъ горѣ. Вспоминаю почившаго. *Булгаковъ.*

Изъ Маріинской больницы—гдѣ я лежу, страдая эмфиземой,—выражаю я вамъ свое искреннее соболѣзнованіе по случаю кончины незабвеннаго Василія Ивановича. Сердечно скорблю, что болѣзнь лишаетъ меня возможности быть около его гроба во время панихиды и похоронъ. *Ф. Фидлеръ.*

— Группа почитателей дорогого Василія Ивановича проситъ васъ принять выраженіе искренняго соболѣзнованія по случаю тяжелой утраты, постигшей васъ. *Гедеоновскіе, Гориневичъ, Дрей, Любовецъ, Тихтинъ, Прибылева, Ростковскій.* (Москва).

— Примите выраженіе глубокой скорби кончины Василія Ивановича. *Колосовъ.* (Красноярскъ)

— Потрясенные смертью дорогого учителя, славнаго историка русскаго крестьянства и русской общественности, гражданина, человѣка удивительной душевной красоты. Оплакиваемъ вмѣстѣ съ редакціей эту страшную потерю. *Инна Игнатовичъ. Наумъ Быховскій* (на имя Редакціи «Голосъ Минувшаго»)

Нѣтъ словъ для выраженія тоски и боли, переполняющихъ души. Чувствуемъ себя сиротѣвшими, одинокими. Не стало отца учителя, любимаго безконечно, добраго, отзывчиваго

къ чужому горю Василия Ивановича; для насъ онъ былъ не только свѣтильникомъ разума, гордостью русской науки, однимъ изъ лучшихъ представителей русской общественности, но и самымъ близкимъ человѣкомъ на свѣтѣ. Сердцами присоединяемся вашему горю. Да поможетъ судьба вамъ перенести этотъ тяжелый ударъ.

Инна Игнатовичъ. Наумъ Быховскій.

— Просимъ принять наше глубокое сожалѣніе по поводу тяжелой утраты, понесенной демократіей со смертью товарища Василия Ивановича Семевского, незабвеннаго историка русского крестьянства и освободительнаго движенія. *Минусинскіе политическіе ссыльные.*

— Узнавъ о внезапной кончинѣ Василия Ивановича Семевского мы, молодые читатели «Голоса Минувшаго», вмѣстѣ съ вами скорбимъ о тяжелой утратѣ, понесенной редакціей журнала, наукой, обществомъ и демократіей. *Яневскій, Федоровъ.*

— Вмѣстѣ со всѣми подписчиками и почитателями «Голоса Минувшаго» раздѣляю вашу скорбь—утрату такого незамѣнимаго сотрудника. *М. М. Бардакова (Черниг. губ.).*

— Сегодня я прочиталъ въ газетахъ печальную вѣсть о кончинѣ Василия Ивановича Семевского. Эта смерть, являясь тяжелой потерей для русского общества, вдвойнѣ тягостна для «Голоса Минувшаго». Для васъ и сотрудниковъ вашего журнала въ лицѣ покойнаго ушелъ не только выдающійся историкъ, дорожившій истиной прежде всего, но и одинъ изъ руководителей журнала, участіе котораго было такъ цѣнно, такъ нужно.

Позвольте, выразить вамъ, Редакціонному Комитету «Голоса Минувшаго» и его сотрудникамъ мое самое искреннее соболѣзнованіе. Пусть свѣтлая тѣнь покойнаго никогда не покидаетъ органа печати, еще молодого, но уже заслужившаго уваженіе своимъ честнымъ отношеніемъ къ поставленнымъ цѣлямъ и задачамъ. *Н. Некрасовъ.*

— Только что узналъ о тяжелой и незамѣнимой утратѣ, понесенной русской общественностью. Вмѣстѣ съ вами скорблю надъ могилой историка-гражданина, вмѣстѣ съ вами оплакиваю потерю душевно чистаго и обаятельнаго человѣка, являющагося лучшимъ представителемъ русской интеллигенціи. Склоняюсь передъ памятью дорогаго учителя, давшаго цѣлому ряду молодыхъ поколѣній яркій примѣръ твердости убѣжденій, сумѣвшаго провести ихъ черезъ всю свою научно-литературную дѣятельность отъ юношескихъ лѣтъ до глубокихъ сѣдинъ. Шлю послѣднее прости тому, кто дѣлалъ перомъ и словомъ, всю свою жизнь побуждалъ насъ неустанно работать надъ осуществленіемъ лучшихъ завѣтовъ русской общественности. *Петръ Витязевъ.*

— Пользуюсь настоящимъ случаемъ, чтобы высказать вамъ искреннѣйшее мое соболѣзнованіе по поводу незамѣнимой утраты, понесенной вами лично и вашимъ почтеннымъ журналомъ, въ лицѣ незабвеннаго Василия Ивановича, котораго я глубоко чтить. *А. Е. Кауфманъ.*

— Разрѣшите выразить вамъ и вашему журналу мое глубокое сочувствіе въ понесенной вами утратѣ. Василия Ивановича я зналъ съ молодыхъ лѣтъ, но познакомился съ нимъ, благодаря моему вступленію въ число пайщиковъ вашего журнала и, какъ

всѣ, встрѣтилъ у него ласку и доброе къ себѣ отношеніе... *Е. Евдокимовъ.*

— Позвольте выразить искреннее сочувствіе редакціи «Голоса Минувшаго» по поводу смерти В. И. Семевского. Случилось такъ, что извѣстіе о смерти застало меня въ деревнѣ, какъ разъ за чтеніемъ книги покойнаго о декабристахъ,—и мнѣ какъ-то вдвойнѣ почувствовалась тяжесть этой утраты... *Сергій Ефремовъ.*

— Глубоко огорченъ утратой уважаемаго, дорогого Василя Ивановича, мощнаго защитника трудового народа. *Владиміръ Вознесенскій.*

— Нѣтъ словъ выразить глубокую печаль; теряемъ въ лицѣ глубокоуважаемаго, дорогого Василя Ивановича отзывчиваго, свѣтлаго человѣка, большую надежду, силу, вѣрнаго друга народничества. Для меня личная утрата. *Ядринцева*

— Прошу... принять мое глубокое соболѣзнованіе понесенной тяжелой утратѣ. *Кобылинскій.*

— Вмѣстѣ со всей прогрессивной Россіей скорбимъ о потерѣ одного изъ лучшихъ сыновъ ея, неутомимаго изслѣдователя и радѣтеля крестьянскаго дѣла, чуткаго, отзывчиваго человѣка. *Анна, Левъ Закъ.*

— Всей душой присоединяюсь къ внезапному вашему горю, русскому горю, но память о Василя Ивановичѣ, народномъ историкѣ, другѣ, надолго сохранить народъ. *Анна Филатова.*

— Вмѣстѣ съ вами скорблю объ утратѣ дорогого Василя Ивановича. *Стоюнина.*

— Въ это время не до людей—и я не рѣшаюсь лично выразить вамъ мое глубокое огорченіе кончиной глубокоуважаемаго Василя Ивановича, потеря котораго будетъ незамѣнимой для многихъ общественныхъ организацій и литературы. *А. Кремлевъ.*

Кромѣ того получены письма съ соболѣзнованіемъ отъ: проф. *Фирсова, Тиандера, Клевенскаго, Шабельской, Вержбицкой, Григорьевой, Трусевича, Токмаковой, Бергъ, Петровой, Юринской, Лыкошина, Прангбургъ.*

Труды В. И. Семевского¹⁾.

Отдѣльные изданія.

1. Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II. Т. I, 1881 г. (изд. 2-е, испр. и доп. 1903). (Магистерская диссертация).
2. Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II. Т. II. 1901 г.
3. Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка. Т. I. 1888 г.
4. Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка. Т. II. 1888 г. (Докторская диссертация).
5. Василий Ивановичъ Водовозовъ. Біографическій очеркъ. 1888 г.
6. Рабочіе на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ. Т. I. 1898 г.
7. Рабочіе на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ. Т. II. 1898 г.
8. Крѣпостное право и крестьянская реформа въ произведеніяхъ М. Е. Салтыкова. 1905 г.
9. Изъ исторіи общественныхъ идей въ Россіи въ концѣ 1840-хъ гг. (Петрашевцы). 1905 г.
10. Политическія и общественныя идеи декабристовъ. 1909 г.

¹⁾ Списокъ этотъ не имѣетъ еще исчерпывающей полноты.

Статьи 1).

11. Литература Екатерининскаго юбилея. «Русская Старина», 1874. № 4.
12. Княгиня Екатерина Романовна Дашкова. «Рус. Ст.», 1874. Т. IX.
13. Крѣпостные крестьяне при Екатеринѣ II. «Рус. Ст.», 1876. Т. XVII. №№ 11 и 12.*
14. Горнозаводскіе крестьяне на Уралѣ въ 1760—1764 гг. «Вѣстникъ Европы», 1877. №№ 1 и 2*.
15. Волненія крестьянъ, приписанныхъ къ Олонецкимъ заводамъ въ 1769—1771 гг. «Древняя и Новая Россія», 1877. №№ 6 и 7*.
16. Раздача населенныхъ имѣній при Екатеринѣ II «Отечественныя Записки». 1877 г. № 8.
17. Волненія крѣпостныхъ крестьянъ при Екатеринѣ II. «Рус. Ст.». 1877. Т. XVIII*.
18. Сельскій священникъ во второй половинѣ XVIII в. «Рус. Ст.». 1877. Т. XIX.
19. Крестьяне дворцоваго вѣдомства въ XVIII вѣкѣ. «Вѣстн. Евр.». 1878. №№ 5 и 6*.
20. Поссессионные крестьяне въ XVIII вѣкѣ. Очеркъ изъ исторіи обязательнаго фабричнаго труда. «Вѣстн. Евр.». 1878. №№ 10 и 11*.
21. Александръ Григорьевичъ Ильинскій. Некрологъ. «Рус. Стар.». 1878. Т. XXI.
22. Казенные крестьяне при Екатеринѣ II. «Рус. Стар.». 1879. № 1—6.
23. Крестьянскій вопросъ при Екатеринѣ II. «Отечеств. Зап.». 1879. №№ 10, 11 и 12*.
24. Очерки изъ исторіи крѣпостнаго права въ Великороссіи во второй половинѣ XVIII вѣка. «Русская Мысль». 1880. №№ 5, 6 и 8—10*.
25. Не пора ли написать исторію крестьянъ въ Россіи. «Рус. Мысль». 1881. № 2* (лишь частью).
26. Крестьяне вотчинъ духовенства во второй половинѣ XVIII вѣка. «Рус. Мысль». 1881. №№ 9 и 10*.
27. Домашній бытъ и нравы крестьянъ во второй половинѣ XVIII вѣка «Устои». 1882. №№ 1 и 2*.
28. Пожалованіе населенныхъ имѣній при императорѣ Павлѣ. «Рус. Мысль». 1882. № 12.
29. Рѣчь, произнесенная въ Московскомъ университетѣ предъ диспутъ на степень магистра русской исторіи 17 февраля 1882 г. «Рус. Стар.». 1882 г., т. XXXIV.
30. Крестьянскій вопросъ при Екатеринѣ II, 1765—1775 гг. «Рус. Стар.». 1882 г., т. XXXV*.
31. Крестьянскій вопросъ въ Вольномъ экономическомъ обществѣ въ 1803—22 гг. «Рус. Мысль». 1883 г. № 1*.
32. Крестьянскій вопросъ въ Царствованіе императора Александра I. «Рус. Мысль». 1883 г. №№ 10—12. 1884 г. № 3*.
33. По поводу автобіографіи Николая Ивановича Костомарова. «Рус. Мысль». 1885 г. № 5.
34. Крестьянскій вопросъ въ царствованіе императора Николая I. «Рус. Мысль». 1884 г. №№ 6, 10—12, 1885 г. №№ 2, 3, 5, 6, 7, 9, 11, 1886 г. №№ 3, 4, 6, 10—12.
35. Н. И. Костомаровъ, 1817—85 гг. Историко-біографическій очеркъ. «Рус. Стар.». 1886 г., т. XLIX.
36. Борьба крѣпостныхъ съ помѣщичьею властью въ царствованіе Николая I. «Рус. Мысль». 1887 г.*.
37. Очерки изъ исторіи крестьянскаго вопроса въ концѣ XVII и первой половинѣ XIX вѣка. Крестьянскій вопросъ въ журналистикѣ и литературѣ въ 1785—1853 гг. «Рус. Стар.». 1887 г., т. LVI*.
38. Василій Ивановичъ Водовозовъ. Біографическій очеркъ. «Вѣстн. Европы». 1887 г. №№ 11 и 12*.
39. Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и въ первой половинѣ XIX вѣка. «Рус. Стар.». 1888 г., т. LVIII*.
40. Н. Д. Хвощинская-Заюнчковская (В. Крестовскій—псевдонимъ). «Рус. Мысль». 1890 г., №№ 10—12.

1) Отмѣченныя * внесены въ большія работы В. И. или изданы отдѣльно.

41. Н. Д. Хвощинская-Заіончковская (В. Крестовскій, псевдонимъ). «Рус. Стар.». 1891 г., т. 69.
42. Михаилъ Ивановичъ Семевскій. Некрологъ. «Рус. Стар.». 1892 г. № 4.
43. Очерки изъ исторіи быта рабочихъ на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ. «Русское Богатство». 1892 г. № 12, 1893 г. №№ 1 и 2*.
44. Крѣпостное право и крестьянская реформа въ произведеніяхъ М. Г. Салтыкова. «Сборн. Правовѣднія и общественныхъ знаній». Изд. Моск. Юрид. Общ. 1893 г. т. 1*.
45. Нѣсколько словъ о В. Н. Каразинѣ. «Вѣстн. Евр.». 1893 г. № 2.
46. Проектъ введенія обязательнаго труда на сибирскихъ золотыхъ приискахъ въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ. «Восточное Обзоріе». 1893 г. № 10*.
47. Рабочіе на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ въ пятидесятыхъ годахъ. «Рус. Мысль». 1893 г. №№ 11 и 12*.
48. Крупное пожертвованіе въ пользу рабочихъ. «Русскія Вѣдомости». 1894 г. № 97*.
49. Законодательное регулированіе быта рабочихъ на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ. «Рус. Мысль». 1894 г. № 5*.
50. Рабочіе на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ въ шестидесятыхъ годахъ. «Рус. Мысль». 1894 г. №№ 10—12*.
51. Н. М. Ядринцевъ. «Рус. Мысль». 1895 г.
52. Крестьяне въ Россіи во второй половинѣ XVIII вѣка. «Программы чтенія для самообразованія». С.-Пб. 1895 г. (изд. 1-е).
53. Очерки быта рабочихъ на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ. Промыслы Тобольско-Акмолинскаго и Семипалатинско-Семирѣченскаго округовъ. «Сибирскій Сборникъ». Приложение къ «Восточн. Обозр.». 1895 г. Кн. I*.
54. Рабочіе на золотыхъ промыслахъ Амурской и Приморской областей. «Сибирскій Сборникъ». 1895 г. Кн. III*.¹⁾
55. Историческое обзоріе. Собора П. А. Словцова. Собор. Сб. 1896.
56. Притязанія золотопромышленниковъ. «Русск. Вѣдом.». 1895 г. № 7*.
57. Объ освобожденіи крестьянъ отъ тѣлесныхъ наказаній. «Труды Вольно-Экономическаго Общества». 1896 г. №№ 1—2. (Докладъ этотъ составляетъ выработанное авторомъ ходатайство Вольн. Экон. Общ. объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній).
58. Необходимость отмѣны тѣлесныхъ наказаній. «Рус. Мысль». 1896 г. №№ 2 и 3.
59. На сибирскихъ золотыхъ промыслахъ. «Вѣстн. Евр.». 1896 г. №№ 5 и 6*.
60. Изъ исторіи обязательнаго горнаго труда въ Сибири. Мастеровые и ссыльно-каторжные на Нерчинскихъ золотыхъ промыслахъ. «Рус. Богат.». 1897 г. № 1*.
61. Изъ исторіи обязательнаго горнаго труда въ Сибири. Мастеровые и ссыльно-каторжные на Нерчинскихъ золотыхъ промыслахъ. «Рус. Богат.». 1897 г. № 1*.
62. Изъ исторіи общественныхъ теченій въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка. «Историческое Обзоріе», т. IX, 1897 г.
63. Выдающійся трудъ по всеобщей исторіи (книга И. М. Гревса «Очерки изъ исторіи римскаго землевладѣнія». Сынъ Отечества. 1900 № 132.
64. Очерки изъ исторіи крестьянскаго землевладѣнія на сѣверѣ Россіи въ XVIII в. «Русск. Богатство». 1901 г. № 1.
65. По поводу статьи г. Рожкова «Къ вопросу объ экономическихъ причинахъ паденія крѣпостнаго права въ Россіи» «Русск. Мысль». 1902 г.
66. В. Р. Щиглевъ. «Рус. Вѣдом.». 1903 г. № 297.
67. Е. И. Якушкинъ «Рус. Богат.». 1905 г. № 5.
68. Крестьянскій вопросъ въ Россіи во второй половинѣ XVIII и первой—XIX в. Сборникъ «Крестьянскій строй», изд. Долгорукова и Толстого. 1905.

¹⁾ Въ эту тему В. И. были напечатаны статьи еще въ газетахъ *Степной Край* и *Сибирь*.

69. Баронъ В. И. Штейнгель. «Общественное движеніе въ Россіи въ первую половину XIX в.», изданіе Пирожкова. 1905 г.
70. М. А. Фонъ-Визинъ. Ibid.
71. Вступительная статья о Д. Д. Ахшарумовѣ въ его книгѣ «Изъ моихъ воспоминаній» 1905 г.
72. Память А. Н. Пыпока. «Рус. Мысль». 1905 г.
73. По поводу одного дѣла о нарушеніи цензурнаго устава. 1906 г.
74. Новый трудъ по исторіи крестьянскихъ волненій (по поводу книги Трефилева). «Рус. Мысль». 1906 г.
75. Вопросъ о преобразованіи государственнаго строя въ Россіи въ XVIII и первой четверти XIX в. «Былое». 1906 г. № № 1—3 *.
76. Пожалованіе населенныхъ имѣній въ царствованіе имп. Екатерины II. «Журналъ для всѣхъ». 1906 г. № 1—2.
77. Правительственное покушеніе противъ общиннаго землевладѣнія. Сборникъ XI. «Народно-соціалистическое Обозрѣніе». 1907 г.
78. Первый политическій трактатъ Сперанскаго «Русс. Богат.». 1907 г. № 1.
79. Волненія въ Семеновскомъ полку въ 1820 г. «Былое». 1907 г. №№ 1, 2 и 3. (въ книгу вошла лишь первая статья).
80. Павелъ I. Введеніе къ книгѣ Брикнера «Смерть Павла I». 1907 г.
81. Герценъ. «Общественное Дѣло». 1907 г. (Рѣчь на вечерѣ въ память Герцена). № 6.
82. I. В. Поджіо. «Галлерей шлис. узниковъ». 1907 г.
83. П. И. Гулакъ. Тамъ же.
84. Очерки по исторіи политическихъ и общественныхъ идей декабристовъ. «Рус. Богат.». 1907 г. №№ 5, 7, 10, 11 и 12. 1908 г. №№ 4, 7, 11 и 12*.
85. Декабристы-массоны. «Минувшіе Годы». 1908 г. №№ 2, 3, 5 и 6 * (не вошли въ книгу первая часть).
86. Н. И. Тургеневъ о крестьянскомъ вопросѣ въ царствованіе Александра I. «Вѣстн. Евр.». 1909 г. № 1—2.
87. Новый французскій трудъ по исторіи Россіи XVIII и XIX ст. «Рус. Богат.». 1910 г. № 12.
88. Политическія и общественныя идеи декабристовъ. «Книга для чтенія по исторіи Новаго времени». Т. III. 1910 г.
89. Крестьянскій вопросъ въ Россіи до половины XIX в. «Одесскія Новости». 1911 г. 19 февраля.
90. Крестьянскій вопросъ въ литературѣ Екатерининскаго времени. «Великая Реформа». Изд. Сытина. Т. I. 1911 г.
91. Декабристы и крестьянскій вопросъ. «Велик. Реф.». Т. II.
92. Петрашевцы и крестьянскій вопросъ. «Велик. Реф.». Т. III.
93. Кирилло-Меоодьевское Общество 1846—47 гг. «Рус. Богат.». 1911 г. №№ 5—7.
94. Н. Г. Чернышевскій о крестьянскомъ вопросѣ. «Рус. Вѣд.». 1911 г. № 40.
95. Правительство, общество и народъ въ исторіи крестьянскаго вопроса во второй половинѣ XVIII и первой половинѣ XIX в. Въ изданіи «Великая Реформа». Образованіе 1911 г.
96. Къ исторіи 1812 года. «Рус. Вѣд.». 1912 г. № 34.
97. Волненія крестьянъ въ 1812 г., связанныя съ отечественной войной. «Отечественная Война и русское общество». Т. IV. 1912 г.
98. Сенъ-Симонисты и Фурьеристы въ Россіи въ царствованіе имп. Николая I. Книга для чтенія по исторіи Новаго времени. Т. IV, ч. 2-я.
99. Вячеславъ Евгеньевичъ Якушкинъ (некрологъ). «Голосъ Минувшаго». 1913 г. № 1.
100. М. В. Бутаевичъ-Петрашевскій. «Гол. Мин.». 1913 г. №№ 1—6, 8, 11, 12.
101. Дѣло о декабристѣ кн. Вал. Голицынѣ. «Гол. Мин.». 1913 г. № 2.
102. Матеріалы по исторіи цензуры Россіи. «Гол. Мин.». 1913 г. № 3.
103. Письма М. Н. Муравьева къ А. А. Зеленому. «Гол. Мин.». 1913 г. № 9.
104. Сигизмундъ Сѣраковскій. «Гол. Мин.». 1913 г. № 11.
105. О диспутѣ М. А. Островскаго. «Гол. Мин.». 1914 г. № 4.
106. Адресъ М. Н. Муравьеву 6 ноября 1863 г. «Гол. Мин.». 1914. № 7.

107. Примѣчаніе къ письму Унковскаго. «Гол. Мин.». 1914 г. № 11.
108. О письмахъ М. Н. Муравьева къ Зеленому. «Гол. Мин.». 1914 г. № 11.
109. М. В. Буташевичъ-Петрашевскій въ Сибири. «Гол. Мин.». 1915 г. №№ 1, 3 и 5.
110. Петрашевцы. Кружокъ Кашкина. «Гол. Мин.». 1915 г. №№ 11—12. 1916 г. №№ 2—4.
111. Петрашевцы. Студентъ Толстовъ, Г. П. Данилевскій, мѣщанинъ Шапошниковъ, литераторъ Катеневъ и Б. И. Утинъ. «Гол. Мин.». 1916 г. №№ 11—12.
112. Слѣдствіе и судъ по дѣлу петрашевцевъ. «Рус. Записки». 1916 г. №№ 9—11.
113. Петрашевцы Беклемишевъ и Тимковскій. «Вѣстн. Евр.» 1916 г. № 11.

Рецензія.

114. Рецензія. П. И. Пестель. Русская правда. Подъ ред. Щеголева. «Былое». 1906 г. № 5.
115. А. Ляховъ: «Осн. черты соц. и эконо. отношеній въ Россіи въ эпоху имп. Алекс. І». «Голосъ Минувшаго». 1913 г. № 1.
116. І. Зайцевъ: Очерки истор. самоупр. госуд. крестьян. «Г. М.». 1913 г. № 1.
117. Вел. кн. Ник. Мих. «Петербургскій Некрополь». «Г. М.». 1913 г. № 3.
118. Архивъ Раевскихъ, т. 4. «Г. М.». 1913 г. № 3.
119. Письма и бумаги имп. Петра Вел. Т. 6. «Г. М.». 1913 г. № 3.
121. Валишевскій «Le fils de la grande Catherine Paul I, emp. de Russie». «Г. М.». 1913 г. № 10.
122. П. Е. Щеголевъ «Историческіе этюды». «Г. М.». 1913 г. № 10.
123. Государственный архивъ. Разрядъ II. Дѣла собств., до Имп. Фамиліи относящіяся. «Г. М.». 1914 г. № 1.
124. А. Лабзина. Воспоминанія 1758—1828 гг. «Г. М.». 1914 г. № 2.
125. М. Гершензонъ. Декабристъ Кривцовъ и его братья. «Г. М.». 1914 г. № 6.
120. М. Н. Покровскій. «Рус. исторія съ древнѣйш. врем.». «Г. М.». 1913 г. № 7.
126. С. Д. Толь гр. «Масонское дѣйство». «Г. М.». 1914 г. № 7.
127. В. Боголюбовъ. Экономическій бытъ крестьянъ сѣвер. края по крест. наказамъ въ Екат. законодат. комиссію 1767 г. «Г. М.». 1914 г. № 9.
128. Пушкинъ. Исторія Пугачевского бунта. Подъ ред. Н. Н. Ойрсова. «Г. М.». 1915 г. № 9.
129. Н. Н. Кашкинъ. «Родословныя развѣдки». «Г. М.». 1914 г. № 9.
130. Замѣчательный трудъ англійскаго ученаго по исторіи Россіи. «Г. М.». 1915 г. № 11.
131. Ю. В. Готье. Очеркъ исторіи землевладѣнія въ Россіи. «Г. М.». 1916 г. № 1.
132. А. Н. Пыпинъ. Русское Масонство. «Г. М.». 1916 г. № 10.

Въ словаряхъ.

133. М. М. Сперанскій.	} Брокгаузъ и Эфрона.
134. А. Спѣшневъ.	
135. Ф. Р. Толль.	
136. Н. И. Тургеневъ.	
137. С. П. Трубецкой.	
138. Бар. В. И. Штейнгель.	
139. Фурьеризмъ въ Россіи.	
140. М. В. Буташевичъ-Петрашевскій. «Большая Энциклопедія».	

141. В. А. Головинскій.	}	Т-ва Гранатъ.
142. Н. П. Григорьевъ.		
143. Н. И. Гулакъ.		
144. К. М. и Н. М. Дебу.		
145. С. Е. Десницкій.		
146. М. А. Дмитріевъ-Мамоновъ.		
147. Н. О. Дубровинъ.		
148. С. О. Дуровъ.		
149. В. Н. Каразинъ.		
150. Н. С. Нашкинъ.		
151. Кирилло-Меѳодіевское Общество.		
152. Крестьяне въ XVIII в.		
153. Павелъ I.		
154. Петрашевскій и Петрашевцы.		
155. Записка объ изданіи проектовъ государственныхъ преобразова-		
- ній М. М. Сперанскаго. «Изв. Акад. Наукъ». 1916 г. № 14.

Не напечатанные.

156. В. Г. Бѣлинскій и современныя ему общественныя теченія (очевидно, въ свое время не могло быть напечатано по цензурнымъ условіямъ)
157. М. Е. Салтыковъ—петрашевцы.
158. Пропаганда петрашевцевъ въ учебныхъ заведеніяхъ.
159. Политическія и общественныя идеи масоновъ (статья для сборника «Масонство въ его прошломъ и настоящемъ»).

III т. Крестьяне при Екатеринѣ II (въ необработанномъ видѣ).
2 изд. перваго тома «Крестьянскій вопросъ».

ВЪ КНИЖНОМЪ СКЛАДѢ
Е. Н. ВОДОВОЗОВОЙ

(Петроградъ, Васил. Остроѣъ, 6 линія, 29 кв. 1).

ПРОДАЮТСЯ СОЧИНЕНІЯ
В. И. СЕМЕВСКАГО:

1. ПОЛИТИЧЕСКІЯ И ОБЩЕСТВЕННЫЯ ИДЕИ ДЕКА-
БРИСТОВЪ. 1909 г. (болѣе 700 стр.). Цѣна 3 руб 50 коп.

2. КРЕСТЬЯНСКІЙ ВОПРОСЪ ВЪ РОССИИ ВЪ XVIII И
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНѢ XIX ВѢКА. Т. I и т. II. пригото-
вляется къ печати новое изданіе.

3. КРЕСТЬЯНЕ ВЪ ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТРИЦЫ
ЕКАТЕРИНЫ II. Т. I изд. 2-ое, 1903 г. Стр. XXXVII+643.
Т. II. 1901 г. Стр. XLV+864. Цѣна 5 руб.

4. РАБОЧІЕ НА СИБИРСКИХЪ ЗОЛОТЫХЪ ПРОМЫС-
ЛАХЪ. Историческое изслѣдованіе. Т. I. Цѣна 3 руб.,
т. II. цѣна 3 руб.

5. ВАСИЛІЙ ИВАНОВИЧЪ ВОДОВОЗОВЪ. Біографическій
очеркъ съ портретомъ. Цѣна 50 коп.

6. КРѢПОСТНОЕ ПРАВО И КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕФОРМА
ВЪ ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ М. Е. САЛТЫКОВА. Цѣна 20 коп.

7. ИЗЪ ИСТОРИИ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ ИДЕЙ ВЪ КОНЦѢ
СОРОКОВЫХЪ ГОДОВЪ. (Петрашевцы). Цѣна 15 коп.

Издание «ЗАДРУГИ» и К. Ф. НЕКРАСОВА.

ТРЕХТОМНОЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ.

Рисунокъ обложки и перепл., ум. въ $3\frac{1}{2}$ раза.

И НАСТОЯЩЕМЪ.

ВЪ ЕГО ПРОШЛОМЪ

Рисунокъ обложки и перепл.: ум. въ $3\frac{1}{2}$ раза.

Под. ред. С. П. Мельгунова и Н. П. Сидорова.

ВЫШЛО 2 ТОМА.

Условія подписки: цѣна изд. въ трехъ томахъ (отдѣльно не продаются) по подпискѣ, съ перес. въ предѣлахъ Европ. Россіи, въ переплетѣхъ 27 р.; при подпискѣ вносится 5 р., по полученіи I и II т. по 8 р., III—6 р.; безъ переплета—21 р.; при подп. 4 р., по полученіи I и II т. по 6 р., III—5 р.

Съ выходомъ третьяго тома весной 1917 г., цѣна на изданіе будетъ значительно повышена.

Подписч. «Голоса Минувшаго» имѣютъ право получить изданіе за 24 р. (въ перепл.) и пользоваться разсрочкой по соглашенію съ конторой.

Подписка принимается: Т-во „Задруга“, Москва, М. Никитская, 29. Отд. въ Петроградѣ: К-во „ОГНИ“, Фонтанка 80.

Изъ исторіи германскаго націонализма.

Ф.-Л. Янъ.

I.

Первые шаги германскаго націонализма тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ эффектнымъ концомъ медленнаго и упornaго разложенія Пруссіи на границѣ XVIII и XIX столѣтій. Къ 1806 году,— году іенскаго разгрома,—восходитъ начало того движенія, съ результатами котораго пришлось считаться второму десятилѣтію XX вѣка.

Существенной чертой этого процесса разложенія прусской государственности было то, что Пруссія постепенно теряла роль руководительницы въ области внутренней германской политики, такъ же какъ и значеніе одной изъ наиболѣе вліятельныхъ силъ при рѣшеніи вопросовъ общеевропейскихъ. Уже при Фридрихѣ-Вильгельмѣ II, въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло касается защиты интересовъ всей Германіи, главная роль переходитъ къ Австріи. Такъ, инициатива борьбы противъ Франціи принадлежитъ именно Австріи, Пруссія же спѣшитъ заключить съ Наполеономъ миръ (1795 г., въ Базелѣ), и этотъ миръ означалъ не только потерю зарейнскихъ владѣній, но и отказъ въ борьбѣ за осуществленіе обще-германскихъ стремленій. Изолированію Пруссіи среди нѣмецкихъ государствъ соотвѣтствовало и одиночество ея въ общеевропейской политической жизни: только съ Швеціей и Англіей отношенія у нея не были натянутыми.

Кризисъ наступилъ при Фридрихѣ-Вильгельмѣ III. Еще до Ульма Наполеонъ отмѣтилъ въ одномъ изъ писемъ, что «Пруссія

упала въ ряды второстепенныхъ державъ». Положеніе общегерманскихъ дѣлъ въ это время можно охарактеризовать словами канцлера Дайльберга, который спрашивалъ послѣ Прессбургскаго мира: «не слѣдуетъ ли уничтожить самое имя Германіи, имя нѣмецкой націи, имя племени, нѣкогда одолѣвшаго Римъ?» А послѣ того какъ императоръ Францъ отказался отъ германской короны (въ августѣ 1806 г.) «Майнцкая Газета» писала: «Нѣтъ больше Германіи. То, что могутъ считать за усилія націи, борющейся противъ ея уничтоженія,—только плачь небольшой кучки людей надъ могилой народа, который они пережили».

Война съ Франціей въ 1806 г. не вызвала патріотическаго подъема ни въ прусскомъ обществѣ, ни въ прусской арміи. Изнуренные тяжелой муштрой и полуголодные солдаты не могли обнаружить особыхъ воинскихъ доблестей; дворяне-офицеры отличались бездарностью и необычайно надменнымъ отношеніемъ къ интеллигенціи и зажиточному бюргерству. Безцеремонно-грубое обращеніе арміи съ народомъ, который подчасъ не меньше страдалъ отъ безчинства прусскаго же войска, чѣмъ отъ нашествія непріятеля, мало способствовало ея популярности.

Защищаемое этой арміей военное могущество Пруссіи развалилось отъ перваго же толчка. Позорныя пораженія слѣдовали одно за другимъ съ необычайной быстротой; крѣпости падали, какъ карточные домики. Послѣ колоссальнаго разгрома при Іенѣ, 27 октября Наполеонъ торжественно вступилъ въ Берлинъ, а къ началу 1807 г. вся Пруссія лежала у ногъ императора Франціи. «Пруссія кончилась», писалъ Наполеонъ послѣ Іены. Даже патріотъ Генцъ считалъ болѣе чѣмъ смѣшной самую мысль о возможности новаго воскресенія Пруссіи.

По Тильзитскому миру Пруссія потеряла половину своей территоріи и половину населенія. Она уплатила контрибуцію какъ наличными деньгами, такъ и въ видѣ постояннаго непріятельскихъ войскъ,—контрибуцію, которая, по утвержденію прусскихъ историковъ, превысила милліардъ франковъ. Къ этому нужно прибавить гнетъ континентальной блокады, прервавшей экономическія отношенія съ Англіей.

Эти тяжелыя условія не могли не вызвать глубокаго хозяйственнаго упадка. Цѣлыя мѣстности, прежде зажиточныя и густо населенныя, стали пустѣть, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Восточной Пруссіи крестьянство вымирало отъ голода. Общій упадокъ и обнищаніе привели къ тому, что въ цѣлой странѣ почти исчезли какія бы то ни было торговыя отношенія ¹⁾.

¹⁾ В. Н. Перцевъ. — «Политика Гогенцоллерновъ», «Гол. Мин.» 1914 г., № 12.

Выдающеюся чертой разгрома Пруссіи было то, что онъ совершился при равнодушіемъ молчаніи и апатіи широкихъ круговъ нѣмецкаго общества. Только впоследствии, когда по карману населенія ударили тяжелые налоги, вызванные контрибуціей, когда начала сказываться тяжесть длительнаго постоя непріятельскихъ войскъ, нѣмецкое общество почувствовало всю глубину паденія Пруссіи и заговорило новымъ языкомъ.

Обрушившійся на страну ударъ вмѣстѣ съ прусскимъ военнымъ и политическимъ могуществомъ разбилъ и космополитическія настроенія въ средѣ нѣмецкой интеллигенціи. Передъ ней теперь возникла задача въ полной мѣрѣ сознать то, что произошло, и попытаться найти въ самыхъ глубинахъ нѣмецкой жизни нѣкоторыя вѣчныя основы, которыя можно было бы противопоставить настоящему тяжелому положенію и съ которыми можно было бы связать надежды на болѣе счастливое будущее.

Наиболѣе яркое выраженіе эти исканія культурныхъ слоевъ нѣмецкаго общества нашли въ *«Рѣчахъ къ нѣмецкой націи»* знаменитаго философа Фихте, сначала прочитанныхъ въ видѣ цикла публичныхъ лекцій и вышедшихъ изъ печати въ 1808 году.

— Мы сами виноваты въ своемъ паденіи, заявилъ въ нихъ Фихте, и только собственными усиліями мы сможемъ подняться. Паденіе Германіи вызвано нравственной испорченностью, охватившей весь народъ. Развитіе эгоистическихъ инстинктовъ привело страну на край пропасти. Поэтому единственный путь спасенія—въ нравственномъ возрожденіи народа. Нужно направить всѣ усилія къ тому, чтобы создать народъ заново.

Основу для этихъ усилій должно дать національное начало. Вѣчное раскрывается въ процессѣ развитія по закону, согласному съ природой духа. Общность закона создаетъ изъ толпы единое цѣлое, кладетъ печать народнаго духа и своеобразія на всѣ проявленія жизни народа. Эта общность закона есть то, что можно назвать «національнымъ характеромъ». Въ національномъ характерѣ нѣмцевъ, въ «германствѣ», и заключается сѣмя возрожденія нѣмецкаго народа.

Но можно ли обосновать существованіе «германства» какъ особой творческой силы въ исторіи? Если при всѣхъ перемѣнахъ своего мѣстопробыванія, говоритъ Фихте, при смѣшеніи съ другими народами данный народъ сохраняетъ въ чистотѣ свой первоначальный духовный укладъ,—онъ изначальный народъ. То, что нѣмцы живутъ такой особой, изначальной, не заимствованной, а въ себѣ самой заключенной жизнью, доказывается самобытностью ихъ языка. Языкъ—наиболѣе яркое проявленіе духовной жизни народа. Германскіе народы, унаслѣдовавшіе куль-

туру древности, одолѣли латинскій языкъ или, вѣрнѣе, были имъ покорены. Только нѣмцы составили исключеніе: они сохранили свой изначальный языкъ, живой языкъ природы. А такъ какъ языкъ представляетъ главнѣйшую связь, сцѣпляющую народъ въ одно цѣлое, то нѣмцы представляютъ «народъ по существу», въ отличіе отъ прочихъ, отъ нихъ отколовшихся племенъ. Только въ нѣмецкомъ народѣ жива еще первобытная сила чело-вѣчества, могущая создавать новую жизнь. Если погибнетъ такой народъ, то гибель постигнетъ все чело-вѣчество.

Такъ естественно связывается у Фихте идея возрожденія нѣмецкой націи съ мыслью о провиденціальномъ значеніи германства въ міровой исторіи.

Свою вѣру въ эту особую историческую миссію нѣмецкаго народа Фихте иллюстрируетъ также примѣрами возрожденія и реформациі. Правда, возрожденіе классической древности исходило отъ иностранцевъ, но только нѣмецкій духъ оказался способнымъ воспринять античность не какъ нѣчто чуждое и поверхностное, а какъ составную часть своей собственной жизни, только нѣмцы смогли проникнуть въ духъ классическаго міра и передать его какъ живую культуру другимъ народамъ.

Еще болѣе яркимъ подтвержденіемъ мысли объ особой роли германства служить реформациа. Германскіе народы получили отъ римлянъ христіанство въ искаженномъ суевѣріями видѣ. Римское и языческое часто принималось за христіанское. Возрожденіе, принеся знакомство съ древностью, породило реформацию, но жизни новыхъ латинскихъ народовъ она не коснулась. Только нѣмецкій умъ отнесся къ дѣлу серьезно, лишь здѣсь свѣтъ реформациі упалъ на глубоко-религіозныя души и пробудилъ непреодолимое влеченіе освободить религію отъ всего наноснаго.

Точно такъ же самобытность нѣмецкаго народа и, слѣдовательно, его особое назначеніе въ исторіи подтверждаются всѣми извѣстными чертами нѣмецкаго народнаго духа, который отличается отъ иностраннаго, какъ жизнь отъ смерти. Прежде всего, нѣмецкому духу свойственна серьезность, которая такъ плохо дается пониманію иностранцевъ. Затѣмъ, типичнымъ для нѣмцевъ представляется благочестивый и скромный, всецѣло отдающійся на служеніе общему благу характеръ нѣмецкихъ гражданъ, которые отличаются республиканскими добродѣтелями. Среди новыхъ европейскихъ народовъ одни только нѣмцы доказали опытомъ столѣтій, что ихъ городское сословіе умѣетъ справляться съ республиканскимъ устройствомъ. Развиваться можетъ только самобытная жизнь, а нѣмцы единственный самобытный народъ,—

поэтому нѣмецкій народный духъ по существу тождественъ съ духомъ реформаторскимъ вообще. Иностранцы въ эпоху французской революціи пытались рѣшить задачу созданія разумнаго государства, и эта попытка не удалась, да и не могла дать положительныхъ результатовъ, потому что такое государство нельзя создать изъ какого-угодно матеріала. Для него нуженъ народъ, воспитанный по новой системѣ. Такое условіе не было соблюдено. Выполненіе его представляетъ задачу наступающей эпохи, и именно нѣмецкому народу придется рѣшить эту задачу.

Какія же средства къ возрожденію нѣмецкой націи предлагаетъ Фихте? Прежде всего, необходимъ возвратъ къ національному въ области быта. Римское—благородно, варварское (германское)—неблагородно: такой взглядъ какъ заразительная болѣзнь захватилъ всѣхъ нѣмцевъ, несмотря на то, что онъ глубоко противорѣчитъ самой сущности нѣмецкаго народа. Нѣмцы привыкли думать, что они облагораживаются, когда въ языкѣ, нравахъ, одеждѣ измѣняютъ своему народу. Вотъ отъ этой склонности къ иностранщинѣ въ ущербъ національной культурѣ—нужно освободиться.

Но самый важный путь и возрожденіе заключается въ новой системѣ народнаго воспитанія. Чтобы это воспитаніе могло пересоздать народъ, оно должно распространяться на всего человѣка, путемъ равномѣрнаго и гармоничнаго развитія всѣхъ его способностей. Это воспитаніе должно быть распространено на всѣхъ членовъ народа, безъ какихъ бы то ни было исключеній. Цѣлью этого воспитанія явится нравственная самобытность личности на почвѣ общекультурнаго развитія. Кромѣ того, оно будетъ носить трудовой характеръ. Фихте вмѣстѣ съ Песталлоцци высказывается за широкое развитіе «хозяйственнаго воспитанія», въ смыслѣ близкаго знакомства съ практической стороной жизни и подготовки къ профессиональной и промышленной дѣятельности. До сихъ поръ воспитаніе было дѣломъ частной инициативы или находилось въ рукахъ церкви. Проведеніе же плана единаго общенароднаго воспитанія должно взять на себя государство.

Фихте видитъ въ осуществленіи этого воспитанія главнѣйшій и единственный путь спасенія Германіи. Но онъ все же не ограничивается программой внутренней культурной работы. Онъ думаетъ о созданіи новаго политическаго порядка въ Европѣ. До сего времени отношенія европейскихъ государствъ регулировались или, скорѣе, запутывались такъ называемой системой равновѣсія. Нѣмецкое единство должно создать совсѣмъ иной укладъ въ Европѣ. Согласіе между живущими въ центрѣ ея

германскими народами дало бы этому равновѣсію прочную естественную опору, которая сдѣлала бы совершенно излишней искусственную систему равновѣсія. А эта послѣдняя—главнѣйшій врагъ нѣмецкаго единства и причина всѣхъ несчастій и гибели германской націи. Нужно проникнуться мыслью, говорить Фихте, что общее спасеніе не въ искусственной системѣ равновѣсія, а въ согласіи нѣмцевъ между собой.

Отъ того, пойдетъ или нѣтъ Германія по этимъ путямъ къ возрожденію, зависитъ будущность не только ея самой, но и всей человѣческой культуры. Человѣчеству нужно духовное обновленіе, и оно ждетъ его отъ нѣмцевъ. Только въ нѣмцахъ видны задатки человѣческаго развитія, только имъ врученъ процессъ дальнѣйшаго совершенствованія. Послѣ гибели древнихъ культурныхъ народовъ, германцы сдѣлались тѣмъ народомъ, на которомъ покоится будущее.

II.

Въ «Рѣчахъ къ нѣмецкой націи» нашелъ свое выраженіе молодой націонализмъ либеральной и радикальной нѣмецкой интеллигенціи. Но это была только первая волна новаго движенія.

Черезъ два года послѣ изданія книги Фихте вышла въ свѣтъ, тоже прочитанная сначала какъ циклъ публичныхъ лекцій, работа другого писателя и общественнаго дѣятеля, также посвященная острому и больному вопросу о путяхъ возрожденія Германіи. Теоретическій багажъ этого писателя, какъ будетъ видно ниже, окажется весьма и весьма зависимымъ отъ пламенныхъ «Рѣчей» Фихте; тяжелый, мучительный при чтеніи языкъ говоритъ о полномъ отсутствіи литературнаго таланта; и все же этотъ писатель оказалъ въ своей области на послѣдующія поколѣнія нѣмецкаго общества вліяніе, несравненно болѣе сильное и, главное, широкое, чѣмъ авторъ полныхъ пафоса, литературнаго блеска и тонкихъ философскихъ построеній «Рѣчей къ нѣмецкой націи».

Въ «*Нѣмецкой народности*» Фридриха-Людвига Яна мы также имѣемъ дѣло съ попыткой нѣкоторыхъ слоевъ нѣмецкаго общества, съ одной стороны, противопоставить печальной политической дѣйствительности сознаніе цѣнности и великой будущности «нѣмечества», съ другой—дать отвѣтъ на вопросъ о томъ, что дѣлать, чтобы выйти изъ настоящаго тупика нѣмецкой жизни. Но это уже другіе общественные слои, другая волна національнаго движенія.

«Моимъ стремленіемъ», говоритъ Янъ, «было исторически уста-

новить *нѣмечество* (Deutschheit), нѣмецкую народность, какъ благодѣтельное основаніе чловѣчности среди народовъ». ¹⁾

Но что такое народность? «Народность, это—общее народа, его внутренняя сущность, его движеніе и жизнь, его *сила воспроизведенія*, его способность къ размноженію. Черезъ нее господствуетъ во всѣхъ членахъ народа одна *народная* мысль и чувство, одна и та же любовь и ненависть, радость и печаль, однѣ и тѣ же огорченія и заботы, нужда и удовольствіе, предчувствіе и вѣра». ²⁾

Конечно, говоря о народности вообще, Янъ болѣе всего интересуется одной опредѣленной народностью—прусской, которая позднѣе является передъ нами, какъ общенѣмецкая народность.

Въ своей болѣе ранней работѣ Янъ такими чертами характеризуетъ прусскую народность: «Обитатель прусскихъ государствъ любить свое отечество, почитаетъ своихъ князей и гордится тѣмъ, что принадлежитъ къ прусскому народу» ³⁾. Никакой другой народъ не имѣлъ такого длиннаго ряда добрыхъ князей, заслуженныхъ государственныхъ людей, храбрыхъ полководцевъ, какъ Пруссія ⁴⁾. Сѣдой воинъ, украшенный почетными рубцами, рассказываетъ мальчику, юношѣ, взрослому о славныхъ побѣдахъ пруссаковъ. Люди, видѣвшіе другія страны, по возвращеніи учатъ своихъ соотечественниковъ понимать и цѣнить блага прусскаго государственнаго устройства. Исключая Сѣверной Америки, быть можетъ, нѣтъ на землѣ страны, куда обездоленные и преслѣдуемые скрывались бы охотнѣе, чѣмъ въ Пруссію. Да, уже болѣе столѣтія она является убѣжищемъ для страдающей добродѣтели ⁵⁾.

Таковъ общій духъ прусской народности. Даже въ самыхъ низахъ прусскаго населенія вѣчно живетъ гордость принадлежности къ ней. Національное сознаніе необразованныхъ поселянъ нѣмецкихъ областей Прусскаго государства всегда направляется противъ сосѣдей: «На ярмаркахъ пограничныхъ городовъ обыкновенно возникаетъ драка, если превосходство пруссаковъ не сразу признается сосѣдями. Почти всегда одолѣваютъ пруссаки, и, если даже они въ меньшинствѣ, они не оставляютъ безнаказаннымъ злословіе своихъ противниковъ. Часто я въ такихъ случаяхъ слышалъ: «Одинъ пруссакъ справится съ тремя саксонцами, ганноверцами, мекленбургцами или шведами». ⁶⁾ Даже въ отдаленнѣйшихъ мѣстностяхъ Верхней Германіи эта гордость и мужество

¹⁾ «Deutsches Volkstum», 34.

²⁾ Ib., 30.

³⁾ «Ueber die Forderungen des Patriotismus im preussischen Reiche», 7.

⁴⁾ Ib., 9.

⁵⁾ Ib., 7.

⁶⁾ «Forderungen», 11.

вошли въ народныя пословицы. «Онъ гордъ, какъ пруссакъ; онъ по прусски носить шляпу»—обычныя выраженія. Такъ какъ пруссакъ и внѣ отечества не измѣняетъ своему національному характеру и постоянно заявляетъ: «я—пруссакъ», то громкая слава прусскаго имени приводитъ къ тому, что въ чужихъ государствахъ путешественника, котораго прежде почти не замѣчали, начинаютъ разглядывать какъ диковиннаго звѣря, лишь только становится извѣстнымъ, что «иностранецъ—пруссакъ» ¹⁾.

Кто видѣлъ много германскихъ областей и попалъ во время путешествія на прусскую почву, тотъ прусскія деревни и города тотчасъ узнаетъ по ихъ обитателямъ. Мужественная, воинственная поступь, твердый, смѣлый взглядъ, радостное привѣтствіе отличаютъ пруссаковъ. Точно такъ же славятся пруссаки и въ отношеніи своего ума. Иностранцы смотрятъ на нихъ съ удивленіемъ, какъ на людей высшаго порядка. Даже дѣти проникнуты тѣмъ же отечественнымъ духомъ. Больше чѣмъ гдѣ бы то ни было мальчишки играютъ здѣсь въ войну, а о товарищѣ, который убѣгаетъ или не такъ храбро держится они говорятъ: «это не пруссакъ». Съ поразительной живостью принимаютъ они во всемъ участіе и веселятся еще тогда, когда въ иныхъ мѣстахъ мужчины уже начинаютъ дрожать ²⁾.

Подобнымъ же образомъ, хотя, можетъ быть, съ меньшей наивною, въ «Нѣмецкой народности» Янъ характеризуетъ нѣмцевъ.

Имя «нѣмецъ» до послѣднихъ несчастныхъ случайностей было почетнымъ словомъ. «Нѣмецкій человѣкъ, это было по нѣмецки сказано, нѣмецкое слово, нѣмецкое рукопожатіе, нѣмецкая вѣрность, нѣмецкое прилежаніе»,—всѣ эти выраженія имѣютъ въ виду нашу вполне опредѣленную, если даже и не выступающую въ блестящемъ внѣшнемъ видѣ народность. Цѣлующая сила, честность, прямота, презрѣніе къ уловкамъ и серьезное доброжелательство были въ теченіе двухъ тысячелѣтій драгоценными свойствами нашей народности, и мы, конечно, передадимъ ихъ, несмотря на всѣ міровыя бури, и дальнѣйшимъ поколѣніямъ. ³⁾.

Но не только отдѣльный представитель нѣмецкой народности рѣзко отличается отъ другихъ людей. И весь нѣмецкій народъ въ его цѣломъ, въ его историческомъ существованіи и провиденціальномъ назначеніи, занимаетъ совсѣмъ особое мѣсто среди другихъ народовъ. Прежде всего, нѣмецкая народность—избран-

¹⁾ Ib., 12.

²⁾ Ib., 11.

³⁾ «Deutsches Volkstum», 39.

ное орудіе въ рукахъ Божіихъ. Благочестіе и набожность существенныя черты въ характерѣ нѣмецкаго народа. Какая изъ еще живущихъ народностей, спрашиваетъ Янъ, наиболѣе соответствуетъ чистому христіанству? Нельзя вынести иной приговоръ въ этомъ отношеніи, какъ только въ пользу чистой, неискаженной, человѣчной нѣмецкой народности ¹⁾. Каждый, кто основательно занимался историческимъ изслѣдованіемъ, долженъ неизбѣжно задать себѣ вопросъ: почему именно среди нѣмцевъ появились первые возстановители первобытнаго христіанства? Почему только здѣсь охваченные этимъ духомъ народы взглянули на задачу реформации, какъ на свое народное дѣло, и взялись за ея разрѣшеніе, какъ за народное дѣло ²⁾. Только германскій духъ оказался подходящимъ для возстановленія первоначальнаго христіанства; никакая другая народность не была для этого достаточно человѣчной. ³⁾

Какая европейская народность, спрашиваетъ далѣе Янъ, наиболѣе приблизилась къ эллинству? Какой западный народъ болѣе всего сохранилъ въ себѣ слѣдовъ ранняго восточнаго развитія? Какой народъ сберегъ у себя духъ первобытнаго источника образованія народовъ долѣе всего и въ наиболѣе чистомъ видѣ? Сравнительное изученіе языковъ, способность къ подражанію и заимствованію, родственность поэзіи и т. д. указываютъ, что такимъ народомъ является нѣмецкій.

Какая народность, спрашиваетъ Янъ въ другомъ мѣстѣ, стоитъ выше всѣхъ другихъ, больше всего приблизилась къ человѣчеству? Только та, которая вмѣстила въ себѣ священное понятіе человѣчества, символически въ маломъ представляетъ его съ очевидной всесторонностью—именно, въ національной формѣ, *греки* и, до сихъ поръ еще космополитически, *нѣмцы*, священные народы человѣчества! ⁴⁾

Какъ представлялъ себѣ Янъ особое положеніе нѣмецкаго народа, видно еще изъ характернаго конспекта одной утерянной его рукописи, приведеннаго въ «Нѣмецкой народности». Въ этомъ конспектѣ, между прочимъ, имѣются такія рубрики: *Особенности нѣмецкой исторіи*: а) Она представляетъ исторію древнѣйшаго, величайшаго изъ живущихъ теперь пранарода Европы. Этотъ народъ непобѣдимъ, пока сохраняетъ первобытность своихъ нравовъ и свой живой языкъ, которымъ онъ меньше обязанъ другимъ, чѣмъ эти другіе ему. с) Она входитъ во всѣ остальные

¹⁾ Ib., 106.

²⁾ Ib., 104.

³⁾ Ib., 106.

⁴⁾ Ib., 38.

исторіи европейскихъ государствъ; большая часть ихъ въ своемъ началѣ непонятна безъ нѣмецкой исторіи. f) Въ теченіе двухъ столѣтій она представляетъ собой рѣдкое сочетаніе общеизвѣстныхъ частныхъ исторій, которыя всѣ могутъ существовать отдѣльно отъ нея, но только въ нѣмецкой исторіи находятъ свое единство. g) Нигдѣ возвышенная мысль о справедливости въ отношеніяхъ народовъ, о космополитизмѣ народовъ, не осуществилась въ большей степени, чѣмъ въ Германіи со времени общаго мира. Здѣсь въ маломъ видѣ созданъ міровой государственный союзъ безъ какого бы то ни было подавляющаго единовластія, при чемъ уважается каждая малая народность и каждое особое законодательство и самоуправленіе.

Что дали нѣмцы человѣчеству: а) улучшеніе быта женщины, б) болѣе чистое пониманіе христіанства, с) свободу мысли и терпимость, d) образованіе государствъ съ единымъ государственнымъ правомъ, f) борьбу противъ міровыхъ имперій и возвышавшихся самодержцевъ—слѣдуетъ переченъ, въ которомъ, въ числѣ прочихъ заслугъ нѣмецкой народности, значителенъ одолѣніе Рима, отраженіе гунновъ, борьба съ папствомъ, спасеніе западнаго христіанства отъ турокъ и т. д.

Будущее Германіи представляется Яну въ такихъ чертахъ: «Какъ по своимъ физическимъ предѣламъ, такъ и по колоссальнымъ силамъ и изобилію продуктовъ и богатствъ, Германія самой природой предназначена для созданія большого самостоятельнаго государства ¹⁾. «Послѣ двухъ тысячелѣтій блужданій наступаетъ, наконецъ, великое время, когда мы, наиболѣе многочисленный народъ Европы, согласимся другъ съ другомъ для настоящаго и будущаго поколѣній относительно того, что нужно настоящему народу, чѣмъ были мы раньше, что мы теперь, какъ пришли мы къ настоящему поколѣнію, чѣмъ мы должны быть, какъ можемъ сдѣлаться этимъ, и когда станемъ этимъ—какъ сможемъ остаться такими. Римлянинъ имѣлъ свой *вѣчный Римъ*, какъ символъ своихъ стремленій; точно такъ же нашъ удѣлъ—*нѣмецество*, *человѣческая народность*» ²⁾.

Когда Германія, объединенная какъ нѣмецкое государство, разовьетъ свои огромныя неиспользованныя силы, она сможетъ нѣкогда сдѣлаться основательницей вѣчнаго мира въ Европѣ, ангеломъ-хранителемъ человѣчества. Это основывается на ея положеніи среди другихъ націй и на характерѣ ея народа и остается вѣрнымъ при всякихъ новыхъ условіяхъ ³⁾.

¹⁾ *Ib.*, 88.

²⁾ *Ib.*, 31, 2.

³⁾ *Ib.*, 22.

Однако, такое идиллическое настроеніе относительно будущаго не заслоняетъ все же у Яна скорби о настоящемъ—о томъ, что смиреніе самый крупный наслѣдственный порокъ нѣмцевъ. Въмѣсто *furor tedesco*, о которомъ такъ часто говорится у нашихъ поэтовъ, теперь нашей національной добродѣтелью сдѣлалось терпѣніе и смиреніе, въ противоположность прежнему властительному настроенію, за которое еще во времена императора Карла V одинъ испанецъ, сопровождавшій его въ путешествіи по этой странѣ, называлъ нѣмцевъ: *Los fieros alemanos*».

III.

Несмотря на всѣ униженія, которыя претерпѣла Германія отъ Вестфальскаго до Тильзитскаго мира, заявляетъ Янъ, «все-таки мы еще не погибли, все-таки мы еще спасемся!» ¹⁾

Путь спасенія лежитъ въ объединеніи Германіи, въ гегемоніи Пруссіи надъ прочими государствами Германіи и въ укрѣпленіи народныхъ началъ во всѣхъ сторонахъ нѣмецкой жизни.

Трудно ожидать, чтобы миссію спасенія Германіи могла взять на себя Австрія. Населеніе ея говоритъ на семи языкахъ, и онѣмечить его не представляется никакой возможности. Среди другихъ нѣмецкихъ государствъ нѣтъ ни одного, которому роль объединителя была бы по силамъ. «Другое дѣло Пруссія. Здѣсь нѣмецкій царствующій домъ, и нѣмецкимъ является подавляющее большинство народа. Она господствуетъ надъ рѣками и простирается по ихъ теченію до моря, въ ея распоряженіи самой природой прекрасно защищенныя бухты, а внутри страны прекраснѣйшая водная сѣть. Самая земля, отъ которой она получаетъ имя,—старое нѣмецкое поселеніе, которое дѣлаетъ честь нѣмецкому героическому мужеству и облагораживающему духу» ²⁾. «Я предчувствую, говоритъ Янъ, постепенное возрожденіе въ Пруссіи и черезъ Пруссію стараго достославнаго нѣмецкаго государства и въ этомъ государствѣ великій народъ, который достойнымъ челоуѣчества образомъ пойдетъ по священному пути къ безсмертію во всемірной исторіи» ³⁾.

Задачей же нѣмецкой культуры въ восточной части Европы является созданіе Великой Австріи, которая должна объединить земли, лежащія отъ Адріатики до Бессарабіи, включительно, съ Бѣлградомъ-Землиномъ, какъ столицей. Янъ предвидитъ союзъ Цоллерновъ съ Габсбургами, который сдѣлаетъ

¹⁾ *Ib.*, 34.

²⁾ *Ib.*, 22.

³⁾ *Ib.*,

центральныя европейскія государства рѣшающей силой въ между-народной жизни.

Весьма характернымъ представляется то обстоятельство, что мы вовсе не находимъ у Яна требованія какихъ бы то ни было реформъ въ области отношеній между правящими и управляемыми. Внутреннихъ конституціонныхъ вопросовъ не существуетъ для Яна. Лойальность по отношенію къ власти, благоговѣніе и гордость князьями исчерпываютъ его чисто политическую программу. «Всѣ старые нѣмецкіе княжескіе роды процвѣтаютъ уже около 500 лѣтъ. Они медленно выросли, какъ дубы въ нашихъ лѣсахъ; нѣмецкіе народы развились подъ ихъ защитой. Гдѣ такіе иностранные дома, которые могли бы сравняться съ Габсбургами и Цоллернами?»¹⁾

«Послушаніе—нѣмецкая добродѣтель; съ дѣтской простотой повинуются нѣмецкій подданный пекущемуся о немъ начальству, которое не деспотически приказываетъ и запрещаетъ, но ранѣе основательно изслѣдуетъ и тѣмъ даетъ увѣренность, что считаетъ это дѣйствительно хорошимъ и имѣетъ въ виду благо тѣхъ, кому приказываетъ, а не собственную выгоду или корыстную прибыль»...²⁾. «Спокойно совершаетъ гражданинъ свой путь, и отеческая рука князей защищаетъ его отъ опасностей».³⁾

Такимъ образомъ, дѣло не въ реформахъ политическаго характера. Германія возродится на пути укрѣпленія и развитія *народныхъ началъ* въ нѣмецкой жизни. Мы спасемся «только черезъ насъ самихъ. Мы не нуждаемся для возрожденія ни въ какихъ чужихъ акушерахъ, ни въ чуждыхъ лѣкарствахъ—достаточно нашихъ собственныхъ домашнихъ средствъ. Потому что всегда изъ домашняго быта вытекаетъ всякое истинное, постоянное и настоящее величіе народа, въ семейномъ счастьѣ живетъ любовь къ родинѣ, и высокій алтарь нашей народности стоитъ въ храмѣ семейной жизни».⁴⁾

Отводя такую роль семейному началу, Янъ, подобно Фихте, видитъ въ національномъ возрожденіи Германіи задачу нѣмецкаго народнаго воспитанія.

Первымъ условіемъ успѣшности народнаго воспитанія должно быть возстановленіе правъ нѣмецкаго языка. «Несчастливая Германія! восклицаетъ Янъ,—презрѣніе къ твоему родному языку жестоко за себя отплатило. Уже давно тебя, хотя ты этого и не сознаешь, побѣждаютъ чужими языками; отъ страсти къ чужому

¹⁾ Ib., 169.

²⁾ Ib., 55.

³⁾ «Ueber die Forderungen des Patriotismus», 16.

⁴⁾ «Volkstum», 34.

дѣлаешься ты безсильной, языческимъ служеніемъ иноземщинѣ унижаешь себя». ¹⁾ «Великими становятся только при единомъ языкѣ». ²⁾

И вотъ Янъ требуетъ принятія мѣръ, «чтобы никакой другой народъ не могъ подумать, что онъ первый изъ всѣхъ народовъ, благодаря своему языку, литературѣ и образованію»: ³⁾ нужно запретить употребленіе живыхъ иностранныхъ языковъ въ придворной и государственной жизни; отъ всѣхъ государственныхъ служащихъ и чиновниковъ необходимо требовать, чтобы они говорили на совершенно правильномъ нѣмецкомъ языкѣ. Нѣмецкій языкъ долженъ стать языкомъ ученаго міра. Слова, заимствованныя изъ другихъ языковъ, подлежатъ изгнанію изъ нѣмецкой рѣчи.

При господствѣ одного родного языка народное воспитаніе сможетъ осуществить въ индивидѣ идеаль совершеннаго человѣка, гражданина и члена народа. Народное воспитаніе, это—воспитаніе къ народности, къ постоянной упорной работѣ для государственнаго организма, священнаго хранителя человѣчной первобытности народа. Слово «нѣмецъ» должно быть третьимъ священнымъ словомъ послѣ отца и матери ⁴⁾.

Кромѣ родного языка (обученія правильной рѣчи, правильному чтенію и письму), необходимымъ элементомъ народнаго воспитанія является знакомство съ главнѣйшими чертами государственнаго устройства своего отечества. Но особенно важное значеніе, какъ средству воспитанія, придаетъ Янъ исторіи. Въ своемъ первомъ произведеніи онъ видитъ въ изученіи исторіи главнѣйшее средство къ утвержденію патріотизма въ Прусскомъ государствѣ. Онъ скорбитъ, что прусскій народъ, при всей своей прочей культурности, живетъ въ глубокомъ невѣдѣніи своей исторіи. «Великое вліяніе исторіи на патріотическое чувство доказали государства древности—Греція, Римъ, Кароагенъ.... Когда въ Римѣ умерла отечественная исторія, тогда пришло въ упадокъ могущество римлянъ, тогда ихъ государство сдѣлалось добычей голодныхъ варваровъ» ⁵⁾. «Наши сосѣди написали свою исторію, а они не совершили никакихъ подвиговъ. Всѣ ихъ великія событія, сравнительно съ дѣяніями пруссаковъ—капля росы въ міровомъ океанѣ». Исторія прусскихъ государствъ при князьяхъ изъ дома Цоллерновъ—величавая колонна въ храмѣ

¹⁾ *Ib.*, 127.

²⁾ *Ib.*, 121.

³⁾ *Ib.*, 214.

⁴⁾ «*Volkstum*», 245.

⁵⁾ «*Forderungen*», 15.

исторіи человѣчества ¹⁾. Янъ требуетъ преподаванія нѣмецкой исторіи и археологіи въ каждой школѣ.

Онъ считаетъ также необходимымъ всеобщее обученіе ремеслу и очень большое мѣсто отводитъ гимнастическимъ упражненіямъ.

Образованіе должно быть обязательнымъ. Подъ страхомъ суроваго наказанія должно быть воспрещено брать на службу и въ ученіе молодыхъ людей, не имѣющихъ свидѣтельства объ окончаніи школы. Никто не можетъ считаться взрослымъ человекомъ, получить право на занятіе ремесломъ въ качествѣ мастера, заниматься промысломъ, принимать въ компанію, занимать должность или постъ, не получивъ правъ государственнаго гражданства. А права государственнаго гражданства должны даваться только по выдержаніи государственнаго экзамена въ знаніи правъ и обязанностей гражданина.

Аналогичнымъ образомъ предлагаетъ Янъ организовать и женское образованіе. Только вмѣсто ремесла вводятся женскія работы, и подготовка къ свободно избираемой профессіи замѣняется обученіемъ домашнему хозяйству. При окончаніи школы дѣвушку экзаменуетъ школьный совѣтъ, а когда она выходитъ замужъ, она должна выдержать особый экзаменъ, при чемъ экзаменаторами являются особо избранныя почетныя дамы.

Всѣ учительницы и воспитательницы должны быть подъ надзоромъ матерей и пожилыхъ дамъ. Воспитательницы-иностранки внушаютъ Яну настоящій ужасъ. Очень подозрительно относится онъ и ко всѣмъ вообще частнымъ школамъ и домашнимъ учителямъ, за которыми, по его мнѣнію, необходимъ особенно строгій и бдительный надзоръ.

Рядомъ со школой очень много могутъ сдѣлать въ смыслѣ національнаго воспитанія народные праздники. Они, конечно, должны устраиваться не въ честь свободы, просвѣщенія, разума и т. д., а по поводу крупныхъ событій народно-историческаго характера. Праздновать слѣдуетъ не только событія радостныя, но и печальныя, какъ это имѣло мѣсто у римлянъ. Въ перечень родныхъ праздниковъ такого рода Янъ помѣщаетъ и 14-ое октября (пораженіе при Іенѣ), какъ день покаянія и молитвы. Въ этотъ день не допускаются танцы, игры, какія бы то ни было общественныя увеселенія. Онъ отмѣчается соотвѣтственной церковной службой. Кромѣ того, Янъ рекомендуетъ празднованіе памяти католическихъ святыхъ въ такой протестантской странѣ, какъ Пруссія, замѣнить воспоминаніемъ подвиговъ національныхъ героевъ.

¹⁾ Ib., 15.

Большое воспитательное значеніе могутъ имѣть также народные спектакли, которые въ рукахъ философа-законодателя окажутся могущественнымъ средствомъ развитія національнаго чувства. Разрѣшать къ постановкѣ на народной сценѣ слѣдуетъ исключительно пьесы, заимствующія свое содержаніе изъ событій народной исторіи. Всякое иностранное пѣніе на сценѣ должно быть воспрещено. Нуженъ также законъ, чтобы, по примѣру Рима, къ исполненію ролей въ этихъ спектакляхъ допускались только молодыя женщины, выдающіяся по красотѣ, искусству и добродѣтели ¹⁾. Труппы же бродячихъ актеровъ необходимо держать подъ строгимъ надзоромъ, равно какъ и прочихъ артистовъ. Совершенно не можетъ быть терпимъ театръ маріонетокъ.

Помимо организаціи народныхъ праздниковъ и спектаклей, государству слѣдуетъ озаботиться, чтобы его академіи занялись изобрѣтеніемъ красивыхъ общественныхъ игръ...

Весьма важнымъ считаетъ Янъ еще одно средство развитія національнаго сознанія. Это—народный костюмъ. «Пока маленькій, втиснутый среди другихъ народъ носитъ свое національное одѣяніе,—говоритъ Янъ,—онъ гарантированъ отъ исчезновенія. Какъ только онъ отказывается отъ этого оружія, тотчасъ расплывается и гибнетъ въ массѣ бѣльшаго народа» ²⁾. Безъ общаго народнаго костюма народъ не можетъ высоко подняться и въ области искусства. Поэтому слѣдовало бы, чтобы во всякія офиціальныя собранія, на пирушки и въ церковь каждый являлся въ національномъ костюмѣ. Отъ него отличаются рабочее платье и дѣтскій костюмъ. Нѣкоторые сословія и чиновники различаются по украшеніямъ—золото, серебро, шитье и перья. Женскій полъ долженъ носить ленты различныхъ цвѣтовъ: дѣвочки—зеленыя, дѣвицы—бѣлыя или оранжевыя, молодыя женщины—красныя, женщины средняго возраста—синія, пожилыя—серебряныя и коричневыя. Народный костюмъ не могутъ носить иностранцы, еще не принятые въ нѣмецкое подданство, лица, лишеныя гражданскихъ правъ, и т. д.

Наконецъ, государство должно всячески способствовать путешествіямъ по Германіи, которыя даютъ прекрасное знаніе народной жизни, ослабляютъ свойственный нѣмцамъ партикуляризмъ и развиваютъ сознаніе общности нѣмецкихъ интересовъ. Для того, чтобы усилить дѣйствіе этого средства насажденія патріотизма, Янъ рекомендуетъ принудительныя путешествія для чиновниковъ и ограниченіе путешествій за границу.

Вся эта система народнаго воспитанія—господство нѣмецкаго

¹⁾ «Volkstum», 208.

²⁾ «Volkstum», 194.

языка, національный духъ въ школѣ, народные праздники, спектакли, народный костюмъ и т. д.,—какъ надѣется Янъ, дастъ то, что гражданинъ будетъ чувствовать, думать и дѣйствовать съ государствомъ, черезъ него, для него и въ немъ; онъ будетъ представлять съ государствомъ и народомъ единое цѣлое въ жизни, страданіи и любви.

Но народное воспитаніе можетъ выполнить свои задачи только въ томъ случаѣ, если рядомъ съ нимъ будетъ укрѣплена семья. Такъ какъ семья—основа всего общественнаго уклада нѣмецкой народности, то долгъ каждаго гражданина жить именно семейной жизнью. А тѣхъ, кто остается холостякомъ, несмотря на то, что въ состояніи кормить семью, и будучи здоровымъ и небезсильнымъ, нужно лишать гражданскихъ правъ.

Особенно важную роль получаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ женщина, какъ представительница семейнаго начала. Проникновеніе врага въ святыню семейной жизни угрожаетъ самой нѣмецкой народности. Поэтому Янъ требуетъ лишенія гражданскихъ правъ тѣхъ, кто женится на иностранкѣ, не принявшей нѣмецкаго подданства.

Какъ же понимаетъ Янъ высокое назначеніе женщины въ семейной и общественной жизни? «Женщина должна быть творцомъ семейнаго счастья»,—говоритъ онъ. «Только дѣятельная домашняя хозяйка сдѣлается настоящей супругой, довѣреннѣйшимъ другомъ мужа» ¹⁾.

Янъ рѣзко обрушивается на снисходительное отношеніе къ разводу. При легкомъ разводѣ, говоритъ онъ, «государство перестаетъ быть нѣмецкимъ, христіанскимъ, человѣческимъ государствомъ». Почему смѣщается только разведшееся духовное лицо? Каждый государственный служащій долженъ увольняться при такомъ *проступкѣ*, каждаго гражданина слѣдуетъ въ этомъ случаѣ наказывать лишеніемъ гражданскихъ правъ.

Янъ вообще сторонникъ строгихъ нравовъ. Онъ сомнѣвается, можно ли допускать танцы послѣ полуночи, онъ боится, что бальные туалеты дамъ могутъ слишкомъ тяжело отозваться на слѣдующихъ поколѣніяхъ. Его волнуетъ и вопросъ о наготѣ въ искусствѣ. «Обзываютъ рядового нѣмца варваромъ за то, что онъ стыдится наготы пластическаго искусства. Но нагота противорѣчитъ у насъ вѣрѣ, долгу и народности; даже нищій закрываетъ свою наготу лохмотьями. Не-нѣмецкой является всякая напоказъ выставленная нагота. И несомнѣнно правильное и нѣмецкое чувство выразилось въ томъ, что въ послѣдніе годы то, что наиболѣе рѣжетъ глазъ въ статуяхъ, прикрывается».

¹⁾ «Volkstum», 233.

IV.

Творецъ этого міровоззрѣнія и одинъ изъ наиболѣе крупныхъ вождей національнаго движенія въ Германіи Ф.-Л. Янъ родился въ 1778 г. въ Ланцѣ—маленькой, но зажиточной деревушкѣ Бранденбургской марки. Его отецъ былъ священникомъ.

Первоначальнымъ воспитаніемъ мальчика занимался его отецъ. Біографы, однако, отмѣчаютъ, что большое вліяніе на Яна имѣло еще общеніе съ людьми низшихъ слоевъ—моряками, возчиками, старыми солдатами, которые рассказывали Яну о военныхъ приключеніяхъ «при великомъ Фридрихѣ», а также съ контрабандистами. Близостью къ этимъ кругамъ объясняютъ извѣстную грубоватость, которая всегда была присуща Яну и отъ которой онъ въ послѣдствіи уже сознательно не хотѣлъ отдѣлаться.

Когда Яну было тринадцать лѣтъ, отецъ опредѣлилъ его въ гимназію въ Зальцведелѣ, но черезъ 3 года, изъ-за постоянныхъ конфликтовъ съ гимназическимъ начальствомъ, мальчика пришлось перевести въ Берлинъ, въ гимназію при Грауэнскомъ монастырѣ. Однако, и здѣсь онъ долго не засиживается. Янъ бѣжитъ изъ гимназіи и симулируетъ самоубійство, оставивъ свое платье на берегу рѣки.

Въ 1796 г. онъ поступаетъ въ университетъ въ Галле, собираясь посвятить себя богословію. Но занятія молодого бурша идутъ весьма безпорядочно, такъ же какъ и его жизнь. Въ 1799 г., утомленный этой жизнью, онъ удаляется изъ города и проводитъ лѣто въ пещерѣ на берегу Заалы. Плодомъ этого уединенія явилась его первая работа—«Объ утвержденіи патріотизма въ Прусскомъ государствѣ». Скоро послѣ того Янъ покидаетъ Галле и бродитъ отъ одного университетскаго города къ другому. Всего такъ онъ побывалъ въ 10 университетахъ, при чемъ конфликты и ссоры съ профессорами и особенно студенческими землячествами были едва ли не главнымъ содержаніемъ университетской жизни Яна. Курса онъ такъ нигдѣ и не кончилъ, что не помѣшало, однако, іенскому и кильскому университетамъ присудить ему въ послѣдствіи докторскіе дипломы.

Въ 1803 г., будучи домашнимъ учителемъ въ Новомъ-Мекленбургѣ, Янъ начинаетъ группировать вокругъ себя молодежь. Онъ организуетъ совмѣстныя прогулки, гимнастическія упражненія и игры, при чемъ, отмѣчаетъ его біографъ, «разорванная одежда и окровавленные головы были повседневымъ явленіемъ».

Событія осени 1806 г. рѣзко обрываютъ эту работу. Война съ Франціей заставляетъ Яна смѣнить перо на мечъ. Онъ отправляется на поле сраженія, къ Іенѣ. Къ своему горю онъ достигаетъ

позицій только въ самомъ концѣ битвы. Онъ видитъ полное поражение лѣваго крыла и паническое бѣгство пруссаковъ. Попытки остановить бѣгущихъ и организовать сопротивление остаются безъ успѣха. Страшное впечатлѣніе произвела на Яна эта ночь съ 14 на 15 октября. «Въ эту ночь, говоритъ онъ, несмотря на то, что мнѣ только недавно пошелъ 29-й годъ, мои волосы посѣдѣли».

Слѣдующіе за Іеной годы Янъ проводитъ или въ родительскомъ домѣ, или въ разѣздахъ, по утверженію біографа, какъ «политическій агентъ на службѣ у прусскаго реформаторскаго движенія». Въ 1810 г. выходитъ въ свѣтъ его главная работа, «Нѣмецкая народность», восторженно встрѣченная частью патріотическихъ круговъ. Въ то же время Янъ дѣятельно организуетъ гимнастическія упражненія среди учащейся молодежи.

Въ 1811 г. онъ устраиваетъ первую въ Берлинѣ гимнастическую площадку (Turnplatz), открытіе которой нѣмецкіе патріоты считаютъ началомъ цѣлаго движенія, направленнаго къ тому, чтобы сдѣлать нѣмецкую молодежь физически сильной, способной къ ношенію оружія и патріотически настроенной. Въ число задачъ гимнастическаго движенія входила также и подготовка къ сверженію французскаго ига. Такія же цѣли преслѣдовали и «Нѣмецкій союзъ»—тайное общество, основанное Яномъ въ 1810 г. и пользовавшееся популярностью въ чиновныхъ и офицерскихъ кругахъ, равно какъ и покровительствомъ Гарденберга.

Позже, когда началась война за освобожденіе Пруссіи отъ французовъ, мы видимъ его въ рядахъ Люцовскаго корпуса добровольцевъ, затѣмъ въ «генеральной комиссіи нѣмецкаго ополченія», работавшей подъ предѣлательствомъ Штейна, на Вѣнскомъ конгрессѣ, гдѣ Янъ защищаетъ интересы гимнастической организаціи, въ Парижѣ, куда его командируютъ съ какими-то секретными порученіями.

Гимнастическое движеніе, созданное Яномъ, принимало между тѣмъ все большіе размѣры. Къ 1817 г. въ Пруссіи было свыше 80 публичныхъ спортивныхъ площадокъ, а гимнастическая школа Яна въ Берлинѣ насчитывала болѣе 1000 учениковъ. По мѣрѣ роста гимнастическихъ организацій, въ нихъ, независимо отъ воли основателя, все чаще стали проявляться радикально-демократическія и антиавстрійскія тенденціи. Цѣлый рядъ фактовъ, изъ которыхъ наиболѣе яркимъ было убійство русскаго шпіона Коцебу студентомъ Зандомъ, вызвали противъ гимнастическихъ и студенческихъ организацій гоненіе со стороны всесильныхъ агентовъ меттерниховскаго правительства, въ результатъ чего въ январѣ 1820 г. гимнастическія общества были закрыты.

Еще ранѣе, въ іюлѣ 1819 г. Яна арестовали и посадили въ

крѣпость Шпандау по обвиненію въ организаціи «преступныхъ сообществъ». Слѣдствіемъ дѣло было прекращено, но Яна,— «впервые, по словамъ комиссіи бундестага, провозгласившаго крайне опасное ученіе объ единствѣ Германіи»,—не освободили изъ заключенія, а сослали въ Кольбергскую крѣпость, подъ надзоръ коменданта. Здѣсь Янъ просидѣлъ до 13 января 1824 г., когда, наконецъ, высшій судъ въ Бреслау приговорилъ его за «многократныя непочтительныя и дерзкія выраженія относительно существующаго государственнаго устройства» къ двумъ годамъ крѣпости безъ зачета предварительнаго заключенія. Янъ принесъ жалобу во Франкфуртскій судъ, и тотъ его оправдалъ. Несмотря на это, Янъ оставался подъ надзоромъ полиціи до восшествія на престолъ Фридриха-Вильгельма IV, пожаловавшаго ему Желѣзный крестъ.

Крѣпостное заключеніе было не очень строгимъ для Яна. Къ нему былъ свободный доступъ, у него была своя квартира, и онъ все время получалъ пенсію отъ государства. Возможно, что правительство Фридриха-Вильгельма III смотрѣло на Яна совсѣмъ другими глазами, чѣмъ Меттернихъ и его агенты, но было безсильно оставить его въ покоѣ.

Въ 1848 г. Янъ еще разъ былъ призванъ къ общественной дѣятельности въ качествѣ депутата Франкфуртскаго парламента. Здѣсь онъ примкнулъ къ умѣренно-либеральной партіи и велъ жестокую борьбу съ республиканцами. Умеръ онъ въ 1852 году.

Такова была, въ самыхъ общихъ штрихахъ, бурная и беспокойная жизнь «вѣчнаго бурша», вмѣстѣ съ изящнымъ философомъ Фихте заложившаго основы германскаго націоналистическаго движенія,—жизнь, въ которой еще многое требуетъ освѣщенія.

Какъ въ самой жизни и дѣятельности Яна, такъ и въ его міровоззрѣніи, съ несомнѣнностью обнаруживается нѣкоторое соприкосновеніе съ либеральными общественными теченіями его времени. Идеологическія заимствованія у Фихте, связь съ прусскимъ реформаторскимъ движеніемъ, наконецъ, принадлежность Яна къ умѣренно-либеральной партіи во Франкфуртскомъ парламентѣ устанавливаютъ это съ полной очевидностью.

Но особенно характернымъ для Яна и для настроенія тѣхъ круговъ, которые нашли въ немъ своего вождя и знаменосца, представляется то обстоятельство, что либеральныя вліянія чрезвычайно своеобразно преломляются у Яна и даютъ результаты совсѣмъ неожиданные. Тонкія построенія Фихте послужатъ канвой, на которой будутъ вышиты крикливые узоры шовинистической демагогіи. Признаніе самобытности германскаго народа у Фихте, для котораго народность была все же особымъ

видомъ космополитизма, превратится у Яна въ агрессивный націонализмъ съ замѣтной струей той его разновидности, которую въ послѣдствіи окрестятъ именемъ «зоологическаго націонализма». Если у одного мы имѣемъ дѣло преимущественно съ вдохновеніемъ гуманиста, который зрѣлищу униженія своей родины противопоставляетъ ея культурныя цѣнности, то господствующимъ настроеніемъ другого будетъ французоѣдство, грубая и боязливая ненависть и подозрительность въ отношеніи всего иностраннаго.

Психологія круговъ, выдвинувшихъ Яна, вообще въ высокой степени любопытна. Эти круги крѣпко держатся за патріархальныя отношенія въ семьѣ и государствѣ. Всякое отступленіе отъ присущей имъ строгой морали кажется имъ покушеніемъ на общественный порядокъ и нѣмецкую народность. И у нихъ не чувствуется критерія для опредѣленія того, что дѣйствительно безнравственно и что только непривычно для нихъ. То и другое вызываетъ одинаковую реакцію.

Они надменны, напыщенны и очень высокаго мнѣнія о себѣ. Но возвышенное у нихъ роковымъ образомъ связывается со смѣшнымъ. Янъ постоянно ставитъ своихъ соотечественниковъ рядомъ съ древними греками, римлянами, но тутъ же рядомъ у него проскальзываетъ страхъ передъ бродячимъ актеромъ, боязнь домашняго учителя, злоба противъ театра марионетокъ.

Вотъ еще другое характерное сочетаніе: воспринятое изъ окружающей среды либеральное воззрѣніе проводится въ жизнь путемъ полицейскихъ мѣропріятій. Такъ, мы видѣли всеобщее обученіе, сопровождаемое строгими репрессіями: отечествовѣдѣніе въ связи съ экзаменами на званіе гражданина; чиновниковъ, принуждаемыхъ путешествовать, и т. д.

Во взглядахъ и настроеніяхъ Яна этихъ круговъ трудно найти намекъ на общественныя группы *внутри* Пруссіи, которымъ эти круги себя противопоставляли бы. Яна выдвинули не низы народа, не разоренное и обѣднѣвшее крестьянство и не городской пролетаріатъ. Но онъ не былъ выразителемъ и стремленій интеллигенціи, дворянства или крупной буржуазіи, потому что Янъ и близкіе ему слишкомъ для того грубы, мужиковаты, хвастливы, слишкомъ презираютъ утонченное обращеніе. Да они все же и болѣе демократичны: Янъ, вѣдь, не любитъ словъ «милостивый государь», онъ противъ того, чтобы масса имѣла значеніе только въ свитѣ высокихъ особъ.

Этой группѣ, очевидно, недурно жилось при старыхъ прусскихъ порядкахъ. Но постепенный упадокъ Пруссіи, война съ Франціей и континентальная блокада чувствительно ударили по ея благополучію. Вѣрнѣе всего, что эта группа состояла изъ

закиточныхъ крестьянъ,—въ родѣ тѣхъ, среди которыхъ родился Янъ,—затѣмъ къ ней нужно отнести закиточные городскіе слои, которые вели торговлю съ Англіей или такъ или иначе зависѣли отъ англо-пруссскихъ отношеній. Да и вообще весь мелкій торгово-промышленный людъ, подпавшій подъ дѣйствіе экономическаго кризиса, долженъ былъ представить благодарную аудиторію для проповѣди Яна. На живой откликъ могла эта проповѣдь разсчитывать и въ обширныхъ слояхъ мелкаго прусскаго чиновничества.

Но фактически націоналистическая пропаганда Яна вышла далеко за предѣлы этихъ группъ и пользовалась огромнымъ успѣхомъ на всѣхъ ступеняхъ общественной лѣстницы. Грубый Янъ нашелъ тысячи утонченныхъ поклонниковъ. Вокругъ личности Яна создается своеобразный культъ. Поэты посвящаютъ ему свои пѣсни. Во Фрейбургѣ основывается музей памяти Яна. Въ Берлинѣ и другихъ мѣстахъ ему ставятся памятники, и открытіе ихъ—праздникъ всей страны. А созданная Яномъ и воспринявшая его идеи и чувства гимнастическая организація въ 1912 г. насчитывала болѣе милліона членовъ.

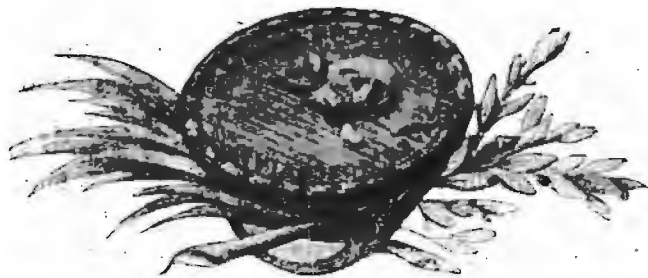
Цѣлыя поколѣнія нѣмецкой молодежи воспитывались на основаніяхъ, заложенныхъ Яномъ. Психологія народа, потерпѣвшаго пораженіе, сдѣлалась психологіей народа растущаго и развивающагося, представляя загадку, между прочимъ, и для нѣмецкихъ историковъ, обычно недооцѣнивающихъ роль Яна въ развитіи германскаго національнаго сознанія. Даже такой патріотично настроенный историкъ, какъ Трейчке, недоумѣвающе останавливается передъ вліаніемъ Яна: «Въ шумливой суетѣ причудливаго великана Яна уже обнаруживаются нѣкоторыя изъ нарождающихся чертъ, искажающихъ новое германство (*Deutschtum*): грубая и надменная ненависть къ иностранцамъ, нескромная хвастливость, презрѣніе ко всякой граціи и утонченнымъ нравамъ—безобразныя свойства, тѣмъ болѣе вредныя для нашей молодежи, что германецъ и безъ того склоненъ смѣшивать грубость и откровенность. Получилось *болѣзненное состояніе* ¹⁾, когда дѣти богатаго духомъ народа почитаютъ своимъ учителемъ шумливаго варвара».

Загадку этого «болѣзненнаго состоянія»,—одну изъ наиболѣе интересныхъ и глубокихъ въ исторіи XIX вѣка,—можно раскрыть, конечно, только при цѣлостномъ изученіи всего нѣмецкаго общественнаго развитія, что является дѣломъ еще не очень близкаго будущаго. Очевидно только, что подъ «болѣзненнымъ состояніемъ» кроется какая-то крѣпкая внутренняя связь, объеди-

¹⁾ Курсивъ мой. Н. П.

няющая одно поколѣніе съ другимъ и берущая подъ общую скобку эпохи, весьма одна отъ другой отличная. Можно усмотрѣть, во всякомъ случаѣ, между Яномъ и послѣдующими теченіями германской общественности, до самыхъ новѣйшихъ, общую линію развитія въ одномъ отношеніи. Культъ личной силы и презрѣніе къ утонченности культуры и правамъ индивидуума стоятъ у Яна въ естественной связи съ культомъ принужденія въ общественности. Мы имѣемъ здѣсь дѣло больше чѣмъ съ простой вѣрой въ магическое воздѣйствіе полицейскихъ мѣръ. Передъ нами ярко выраженное представленіе о государствѣ, какъ единственной и высшей силѣ общественности. Янъ создаетъ утопію, при которой государство распространяетъ свою регламентацію на всѣ стороны человѣческой жизни—вплоть до введенія общаго для всѣхъ гражданъ мундира (народный костюмъ), экзаменовъ на званіе зупруги, вмѣшательства въ семейную жизнь и преслѣдованія разводящихся и холостяковъ. Государственная утопія стараго патріота получить блестящее развитіе и обработку въ «Философіи права» Гегеля и въ разныхъ формахъ будетъ постоянно воскресать даже у такихъ направленій, которымъ, казалось бы, вовсе чужды агрессивный націонализмъ «дѣдушки Яна».

Н. Проферансовъ.

Мемуары Массона¹⁾.

V.

Вступленіе Павла на престолъ.

Величайшимъ преступленіемъ Екатерины послѣ убійства мужа и Ивана (Антоновича) и послѣ узурпаціи трона было ея отношеніе къ сыну. Жена-убійца не могла, конечно, быть хорошей матерью, но ей слѣдовало повнимательнѣй относиться къ молодому великому князю... Дурнымъ обращеніемъ она подавила въ немъ тѣ качества, которыя проявлялись въ дѣтствѣ. Онъ былъ уменъ, дѣятеленъ, тяготѣлъ къ наукамъ, любилъ порядокъ и справедливость, но все это погибло, не получивъ развитія. Она убила его нравственно... Ея ненависть къ нему служить единственнымъ, но зато очень вѣскимъ доказательствомъ того, что онъ сынъ Петра III²⁾. Она не выносила его, держала вдали отъ себя, окружала шпионами, стѣсняла и постоянно унижала. Россіей управляли ея фавориты, болѣе молодые, чѣмъ сынъ; они купались въ богатствѣ, онъ же жилъ въ уединеніи, не играя никакой роли и нуждаясь въ необходимомъ. Она достигла того, что онъ ожесточился, сталъ недовѣрчивъ, нелюдимъ, своенравенъ, подозрителенъ и жестокъ. Несомнѣнно, преступна и презрѣнна та мать, которая возбуждаетъ ненависть въ собственномъ сынѣ. Но могъ ли онъ иначе относиться къ убійцѣ отца, узурпировавшей его права

¹⁾ См. «Гол. Мин.» №№ 4, 5—6, 7—8.

²⁾ При русскомъ дворѣ распространено мнѣніе, что Павелъ—сынъ Салтыкова, одного изъ первыхъ любовниковъ Екатерины. Наружностью онъ ничуть не похожъ на Петра III и еще меньше на мать. Его несчастье въ томъ, что первый не признавалъ его, а вторая—ненавидѣла. Авт.

и жившей на его глазахъ съ цѣлымъ рядомъ фаворитовъ, по очереди притѣснявшихъ его? Она же, не довольствуясь тѣмъ, что лишила его своей ласки и сыновнихъ правъ, пожелала отнять у него и всѣ отцовскія права и радости. Его супруга почти ежегодно прѣзжала въ Царское Село для родовъ и тамъ, оставляла дѣтей своихъ на попеченіи чужихъ людей. Они воспитывались при дворѣ Екатерины, а отецъ и мать были совершенно устранены отъ участія въ ихъ воспитаніи и отъ наблюденія за ихъ поведеніемъ. Въ послѣднее же время они по цѣлымъ мѣсяцамъ даже совсѣмъ не видали ихъ. Такъ старательно отчуждались сердца дѣтей, едва знавшихъ своихъ родителей. Но тутъ всякое сочувствіе къ Павлу исчезаетъ, его смѣняютъ презрѣніе и негодованіе

. Почему онъ испугался и не сказалъ матери прямо: «У васъ моя корона, оставьте ее себѣ, но верните мнѣ дѣтей; дайте мнѣ хоть эту радость, которой вы не лишаете даже послѣдняго раба своего». Но увы! молчитъ почтительный сынъ, вѣрнѣе безчувственный, ... отецъ, у которого не хватаетъ мужества сказать это и въ случаѣ необходимости дѣйствовать. Это рабъ по натурѣ и, сдѣлавшись господиномъ, онъ неизбежно будетъ тираномъ ¹⁾).

Смерть неожиданно застала Екатерину. Тѣмъ, кто хорошо зналъ ея дворъ и взаимную ненависть между нею и сыномъ, имѣвшую столь серьезныя причины, было совершенно ясно, что она хотѣла назначить себѣ другого преемника. Но ужасъ при мысли о своей смерти, еще большій—при мысли о концѣ своего царствованія, наконецъ, смерть Потемкина²⁾—все это помѣшало своевременно осуществить этотъ проектъ или закрѣпить его завѣщаніемъ. Да и молодость вел. кн. Александра, а главное его умственныя и душевныя качества мѣшали исполненію этого плана. Тѣмъ не менѣе она отдавала Александру явное предпочтеніе, но чувство это достойно было болѣе чистаго источника. Все чаще вела она съ нимъ интимныя и таинственныя бесѣды. Весьма вѣроятно, что ей удалось бы задушить въ немъ природныя наклонности, развратить умъ и сердце и незамѣтно принудить его сыграть гнусную роль по отношенію къ отцу. Съ тѣхъ поръ, какъ его покинулъ Лагарпъ, съ тѣхъ поръ, какъ ему дали отдѣль-

¹⁾ Герцогъ Вюртембергскій, братъ теперешней императрицы, не пошелъ на такую подлость. Когда Екатерина пожелала взять его дѣтей, онъ заявилъ, что скорѣе умереть, чѣмъ отдать ихъ: довести его до отчаянія не рѣшились, и онъ уѣхалъ вмѣстѣ съ ними. *Авт.*

²⁾ Многіе думали, что существуетъ проектъ лишить Павла права наслѣдованія, опираясь на Потемкина. Александра провозгласили бы цесаревичемъ, а Потемкина—царемъ Тавриды. *Авт.*

ный дворъ и устранили отъ него нѣсколькихъ достойныхъ людей, онъ очутился въ очень плохомъ обществѣ и сталъ самымъ празднымъ изъ всѣхъ великихъ князей. Цѣлые дни онъ проводилъ наединѣ съ своей молодой супругой, или съ своими лакеями, или же въ обществѣ бабки. Онъ жилъ въ большей бездѣтельности и безвѣстности, чѣмъ наслѣдникъ султана въ гаремахъ сераля; въ концѣ-концовъ такой образъ жизни подавилъ его прекрасныя качества. Если бы онъ захотѣлъ, если бы Екатерина смогла только произнести хоть слово передъ смертью, вѣроятно, Павелъ не царствовалъ бы. Кто вступился бы за него, ненавистнаго, внушавшаго страхъ всѣмъ, знавшимъ его, и на какія права онъ сослался бы (при отсутствіи закона о порядкѣ престолонаслѣдія)?..

Ужасный предсмертный крикъ Екатерины провозгласилъ Павла императоромъ и самодержцемъ всея Руси. Первой къ его ногамъ въ знакъ покорности упала супруга его со всѣми дѣтьми. Онъ поднялъ ее и, обнявъ ее и дѣтей, завѣрилъ ихъ въ своей царской и отеческой милости. Послѣ нихъ колѣнопреклоненно принесли присягу по чинамъ и старшинству дворъ, начальники гражданскихъ учреждений и военные—всѣ, бывшіе въ это время на-лицо. Затѣмъ присягнулъ отрядъ гвардіи, приведенный ко дворцу, и спѣшно прибывшіе изъ Павловска и Гатчины офицеры съ солдатами. Президенты различныхъ коллегій отправились къ мѣсту служенія для принесенія присяги. Императоръ самъ пріѣхалъ въ сенатъ, чтобы принять ее. Эта памятная ночь прошла въ полномъ порядкѣ, безъ всякихъ замѣшательствъ. На другой день Павелъ вездѣ былъ провозглашенъ императоромъ, а сынъ его Александръ наслѣдникомъ—*цесаревичемъ*. Такъ сорокадвухлѣтній сынъ Екатерины сдѣлался, наконецъ, своимъ собственнымъ господиномъ и хозяиномъ всея Руси послѣ тридцати четырехъ лѣтъ стѣсненій, лишеній, обидъ и презрѣнія. Казалось, что первые его поступки совершенно не соотвѣтствовали той жестокости и тому своенравію его характера, которыя были всѣмъ извѣстны и которыхъ особенно боялись. Онъ давно уже страдалъ отъ злоупотребленій и безпорядка при дворѣ. Онъ прошелъ школу несчастья, горнило, въ которомъ большія души очищаются, а мелкія становятся еще болѣе ничтожными. Въ теченіе тридцати лѣтъ досуга, оставаясь стороннимъ наблюдателемъ, не одобряя плановъ и поведенія матери, онъ могъ опредѣлить линію своего поведенія. Поэтому казалось, что у него въ карманѣ куча совершенно готовыхъ указовъ, которые онъ только развертываетъ и съ поразительной быстротой приводитъ въ исполненіе ¹⁾. Не желая подражать

¹⁾ Всѣхъ приближенныхъ къ нему онъ уже давно снабдилъ военнымъ регламентомъ, введеннымъ въ Гатчинѣ и Павловскѣ; теперь онъ мгновенно сдѣлался регламентомъ всей арміи. *Авт.*

матери въ ея отношеніяхъ къ нему, онъ прежде всего приблизилъ къ себѣ сыновей, поручивъ каждому гвардейскій полкъ и давъ старшему отвѣтственный постъ военнаго губернатора Петербурга, постъ, приковавшій молодого великаго князя къ отцу. Его отношеніе къ императрицѣ изумило и плѣнило всѣхъ, сокрушавшихся объ ея участи и положеніи. Онъ рѣзко измѣнилъ свое обхожденіе съ нею, назначилъ ей значительные доходы, пропорціонально увеличивъ доходы дѣтей, и осыпалъ всю свою семью ласками и милостями ¹⁾.

Онъ выказалъ большое великодушіе къ фавориту (П. А. Зубову). Казалось, онъ былъ тронутъ его отчаяніемъ и признателемъ за привязанность, которую тотъ выказывалъ къ его матери; въ лестной формѣ онъ утвердилъ его во всѣхъ должностяхъ и, передавая командирскую трость, которую носятъ дежурные генераль-адъютанты, сказалъ ему: «Продолжайте исполнять эти обязанности у тѣла моей матери. Я надѣюсь, что мнѣ вы будете служить столь же вѣрно, какъ служили ей».

Лица, стоявшія во главѣ администраціи, президенты коллегій были столь же благосклонно утверждены въ должностяхъ, а самыя значительныя еще повышены и осыпаны новыми милостями.

Первый изданный имъ указъ свидѣтельствовалъ о его миролюбіи и долженъ былъ прежде всего привлечь къ нему дворянство: этимъ указомъ откладывался и отмѣнялся недавно назначенный Екатериной рекрутскій наборъ по одному рекруту со ста душъ ²⁾.

Каждый часъ, каждый мигъ приносилъ мудрое измѣненіе, справедливое наказаніе, заслуженную милость: дворъ и городъ были изумлены. Въ теченіе двухъ-трехъ часовъ Павелъ казался способнымъ обуздать злоупотребленія и водворить порядокъ, но первые шаги были ему продиктованы политическими соображеніями, страхомъ и радостью. Возникла мысль, что въ немъ ошиблись, что долгая, скучная опека не совсѣмъ лишила его разсудка. Всѣ радовались, что такъ обманулись въ своихъ ожиданіяхъ; поступки императора заставили въ этотъ моментъ забыть поступки великаго князя, но скоро пришлось о нихъ вспомнить. Остановимся же еще немного на тѣхъ кратковременныхъ, счастливыхъ надеждахъ, которыя онъ возбудилъ въ своемъ государствѣ.

¹⁾ Даже Бобринскій, сынъ Екатерины и Орлова, сосланный въ Ревель за различныя безчинства, былъ призванъ ко двору и произведенъ въ майоры конной гвардіи. Павелъ обходился съ нимъ, какъ съ братомъ; но недавно онъ лишилъ его своихъ милостей. *Авт.*

²⁾ Оказалось, что это простая приманка дворянству, владѣвшему крестьянами, — черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Павелъ вновь издалъ тотъ же указъ. *Авт.*

Оба первых политических шага Павла внушили довѣріе и привлекли дворянство; онъ пріостановилъ войну и государственное банкротство—два ужасныхъ бича, какъ бы завѣщанныхъ Россіи умирающей Екатериной. Она рѣшилась, наконецъ, выступить непосредственно противъ Франціи, помогая императору и нападая на Пруссію ¹⁾; вслѣдствіе этого она дала приказъ о наборѣ ста тысячъ рекрутовъ. Такъ какъ государственная казна была истощена, а ассигнацій выпущено столько, что имъ грозила судьба французскихъ ²⁾, она вдругъ рѣшила удвоить количество денегъ, назначивъ каждой монетѣ вдвое большую цѣнность сравнительно съ ея дѣйствительной стоимостью. Павелъ отмѣнилъ обѣ разорительныя мѣры, уже начинавшія приводиться въ исполненіе ³⁾. Онъ также порвалъ договоръ о субсидіяхъ съ Англіей. За границей говорили, что этимъ онъ хотѣлъ признать ненавистную французскую республику, на самомъ же дѣлѣ его императорская гордость довольно справедливо возмущалась противъ того, чтобы, подобно маленькимъ государствамъ, идти на жалованье къ Пигту и продавать ему русскую кровь. Павелъ, навѣрно, не прочь пролить ее за возстановленіе французской монархіи, но у него хватить великодушія отдать ее даромъ, когда онъ найдетъ это нужнымъ.

Всѣмъ извѣстно, что храбрый Косцюшко, послѣдній полякъ, какъ Олопемень послѣдній грекъ, попалъ въ плѣнъ, защищая свою родину и естественныя права отъ чужеземныхъ притѣсненій. Вопреки всѣмъ законамъ и здравому смыслу его держали, какъ государственнаго преступника, впрочемъ съ нимъ лучше обращались ⁴⁾, чѣмъ съ Игнатіемъ Потоцкимъ и другими товари-

¹⁾ Этотъ проектъ несомнѣнно былъ у Екатерины: пушками хотѣла она загнать прусскаго короля къ берегамъ Рейна. Она возбуждала бунты въ Пруссіи, Данцигѣ и въ Силезіи. *Авт.*

²⁾ Которыя упали въ это время на 60 %. *Авт.*

³⁾ Въ 1796 г. кн. Платономъ Зубовымъ былъ представленъ имп. Екатеринѣ II проектъ перечеканки 16 руб. монетъ въ 32 рублевую для покрытія внутреннихъ долговъ. Въ этомъ проектѣ, утвержденномъ государынею 8 мая 1796 г., доказывалось, что въ Россіи слишкомъ мало мѣдной монеты, отчего упало довѣріе къ ассигнаціямъ, «кои суть изображеніе мѣдныхъ денегъ»; цѣна мѣди въ монетѣ ниже, чѣмъ въ дѣлѣ, почему выгоднѣе продавать монету на вѣсъ. Надѣялись, что съ назначеніемъ цѣны монеты 32 рубля пудъ, прекратится употребленіе мѣдной монеты въ подѣлки. Перечеканка монеты была уже начата. Однако вскорѣ по вступленіи на престолъ Павла I было повелѣно вновь рассмотреть проектъ о передѣлѣ тяжеловѣсной монеты въ легковѣсную, и 10 дек. 1796 г. былъ данъ именной указъ объ обращеніи легковѣсной мѣдной монеты въ прежній видъ и достоинство. *Вел. Кн. Георгій Михайловичъ. «Монеты царствованія имп. Екатерины II», т. I, Спб. 1884 г., стр. VI—VII, 298—307, 326—327. Ред.*

⁴⁾ Онъ содержался во дворцѣ покойнаго графа Ангальта; его стерегъ одинъ майоръ, питавшійся вмѣстѣ съ нимъ. Ему позволялись свиданія. Въ его распоряженіи было нѣсколько комнатъ. Онъ читалъ, рисовалъ, гочилъ. Стрѣлки, найдя и схвативъ ранцаго Косцюшко въ болотѣ привели

щами его славы и несчастья, содержавшимися гораздо строже въ Шлиссельбургской крѣпости. У Павла хватило разсудительности освободить ихъ всѣхъ, и онъ былъ такъ великодушенъ, что самъ освободилъ Косцюшко. Всѣхъ очень заинтересовало то, что больной отъ ранъ и горя герой велѣлъ отнести себя во дворецъ, чтобы представиться императору и императрицѣ для принесенія имъ благодарности. Небольшого роста, худой, блѣдный и изнуренный, съ забинтованной головой и закрытымъ повязкой лбомъ, онъ тѣмъ не менѣе всей своей внѣшностью, особенно глазами напоминалъ то, на что дерзнулъ съ столь слабыми средствами. Онъ отказался отъ крестьянъ, которыхъ Павелъ хотѣлъ подарить ему въ Россіи и принялъ нѣкоторую денежную сумму, чтобы уѣхать и жить независимо въ другомъ мѣстѣ.

Поступокъ Павла произвелъ сильное и благопріятное впечатлѣніе. Безъ сомнѣнія онъ дѣлаетъ ему честь—въ императорѣ приходится восхищаться даже простой справедливостью. Но для вѣрной оцѣнки его поведенія въ данномъ случаѣ надо помнить, что Косцюшко нанесъ оскорбленіе не ему, а императрицѣ Екатеринѣ. Своей свободой Косцюшко обязанъ исключительно ненависти Павла къ матери и его страсти во всемъ поступать ей наперекоръ.

Потокъ новыхъ уставовъ и странныхъ указовъ, издававшихся Павломъ, былъ нѣсколько пріостановленъ погребальными почестями императрицѣ. Но никто не ожидалъ, что Павелъ подниметъ останки своего несчастнаго отца, видя въ этомъ сыновній долгъ. Во главѣ траурнаго, погребальнаго церемоніала появилось вдругъ имя Петра III, которое уже тридцать четыре года никто не смѣлъ произносить. Всѣ дежурства и погребальныя почести Петру и Екатеринѣ были тамъ расписаны. При чтеніи приказа казалось, что супруги умерли вмѣстѣ. Павелъ отправился въ Александро-Невскую лавру, гдѣ былъ похороненъ его отецъ. Онъ велѣлъ старымъ монахамъ показать себѣ его безвѣстную

его къ полковнику, моему другу, очень достойному и гуманному молодому человѣку. Онъ сохранилъ портфель Косцюшки, который мы и просмотрѣли вмѣстѣ. Тамъ было нѣсколько итальянскихъ и французскихъ отрывковъ, сдѣланныхъ во время путешествія въ Италію, философскія замѣтки, выписки изъ сочиненій, цитаты французскихъ стиховъ, черновики различныхъ набросковъ—все это свидѣтельствовало, что владѣлецъ портфеля человѣкъ большихъ достоинствъ, обладающій широкими познаніями, вкусомъ и благородными чувствами. Кромѣ того тамъ были написанныя по-французски и по-польски запечатанныя письма, адресованныя нѣкоторымъ варшавскимъ дамамъ и черновики нѣсколькихъ его манифестовъ, обнародованныхъ тамъ же. Все было писано его рукой. Мой другъ хранилъ портфель, какъ реликвію знаменитаго человѣка, которымъ онъ восхищался, хотя и былъ принужденъ сражаться съ нимъ. Когда его освободили, я посовѣтовалъ моему другу вернуть бумаги по принадлежности: кажется, онъ такъ и сдѣлалъ. *Авт.*

могилу и открыть гробъ въ своемъ присутствіи. Почтительными и трогательными слезами отдалъ онъ дань тѣмъ жалкимъ останкамъ, которые предстали предъ нимъ. Онъ взялъ одну изъ уцѣлѣвшихъ на костяхъ отца перчатокъ и нѣсколько разъ со слезами поцѣловалъ ее. О Павелъ! тебѣ, значитъ, не чужды сыновнія чувства, порой ты даже бывалъ хорошимъ отцомъ; ты нуждался только въ другой матери и въ другомъ воспитаніи. Гробъ поставили на возвышеніе среди церкви, и около него шли тѣ же торжественныя службы, какъ и около тѣла Екатерины, выставленнаго во дворцѣ, на парадной постели.

Павелъ приказалъ разыскать офицеровъ, бывшихъ при его отцѣ въ моментъ печальной катастрофы и давно уже состарившихся въ немилости или забвеніи далеко отъ двора. Баронъ Унгернъ-Штернбергъ, почтенный старецъ, много лѣтъ жившій философомъ въ маленькомъ кружкѣ друзей и совсѣмъ не желавшій возврата на большую арену, внезапно былъ произведенъ въ генераль-аншефы и призванъ къ императору. Павелъ велѣлъ ввести его къ себѣ въ кабинетъ и принялъ чрезвычайно милостиво. «Вы слышали», сказалъ онъ, «что я дѣлаю для отца?»—«Да, государь, я съ удивленіемъ узналъ это», отвѣтилъ старый генералъ.—«Какъ съ удивленіемъ? развѣ это не долгъ мой?» И повернувшись къ портрету Петра III, уже повѣшенному въ кабинетѣ ¹⁾, онъ продолжалъ: «Вотъ, я хочу, чтобы онъ самъ былъ свидѣтелемъ моей благодарности его вѣрнымъ друзьямъ». Онъ обнялъ генерала Унгерна и возложилъ на него Александровскую ленту. Почтенный старецъ, стоявшій выше всякаго тщеславія, былъ глубоко тронутъ этимъ поступкомъ и вышелъ въ слезахъ.

Затѣмъ Павелъ назначилъ его на дежурства у тѣла отца своего, повелѣвъ ему изготovitъ себѣ къ церемоніи такую же форму, какую онъ носилъ, будучи адъютантомъ Петра III. Унгерну повезло найти ее у одного знакомаго. Павелъ пожелалъ видѣть и оставить у себя эту реликвію гардероба. Сохранность этой формы создала все благополучіе ея владѣльца ²⁾. Разыскали

¹⁾ Всѣ изображенія Петра III были изгнаны (при Екатеринѣ II), какъ изъ дворца такъ и изъ частныхъ домовъ: совершенно неизвѣстно, куда Павелъ ухитрился припрятать этотъ портретъ. Теперь счастливыми оказывались тѣ, кто отыскивалъ гдѣ-нибудь на чердакѣ одинъ изъ изгнанныхъ туда раньше портретовъ, который сейчасъ же становился лучшимъ украшеніемъ комнаты. Петербургскіе художники не постѣвали исполнять всѣ заказы на копіи. *Авт.*

²⁾ Генералъ Унгернъ-Штернбергъ—ливонецъ, старый другъ и боевой товарищъ генерала Меллиссино. Авторъ этихъ записокъ былъ входя въ интимный кругъ его друзей, на что и указываетъ здѣсь для придачи большаго вѣса сообщаемому. Унгернъ одинъ изъ нѣмецкихъ офицеровъ, наиболѣе уважаемый Петромъ III; онъ былъ его адъютантомъ. По выбору Петра онъ сопровождалъ его во время тайной поѣздки въ Шлиссельбургъ къ несчастному Ивану, низложенному и заточенному Елизаветой. Ока-

еще нѣсколько уединенно жившихъ офицеровъ, призвали ко двору и осыпали милостями. Среди нихъ оказался и тотъ единственный, который при переворотѣ 1762 г. хотѣлъ оказать сопротивленіе, защищая Петра III.

Эти поступки умиляютъ и дѣлаютъ честь добротѣ Павла, но изъ отвѣта Унгерна видно, что они всѣхъ удивляли. Ихъ въ равной степени приписывали ненависти къ матери и любви къ отцу; нѣкоторые же видѣли въ нихъ политическій расчетъ—желаніе торжественно признать отцомъ того, кто не хотѣлъ признать его сыномъ. Въ особенности осуждали тотъ шумъ и торжественность, съ которыми онъ велѣлъ вырыть бранный прахъ и выставить его на всеобщее поклоненіе. Надъ гробомъ произвели обрядъ коронованія ¹⁾ и съ большой торжественностью перенесли его во дворецъ, чтобы тамъ поставить рядомъ съ тѣломъ Екатерины въ воздвигнутомъ для этого случая храмѣ, а затѣмъ уже вмѣстѣ отвезти въ крѣпость. Только теперь наступилъ миръ между супругами. Съ большимъ почтеніемъ подходили всѣ прикладываться съ колѣнопреклоненіемъ къ гробу одного и къ холодной синева-той рукѣ другой; съ возвышенія спускались, пятась задомъ.

залось, что злосчастный молодой человѣкъ сидитъ въ полутемной камерѣ, окно которой завалено со двора кучей дровъ. Одѣтъ онъ былъ въ очень грязную бѣлую куртку и стоптанные башмаки. Его свѣтлые волосы были подстрижены въ кружокъ, какъ у крѣпостныхъ. Впрочемъ онъ былъ довольно строенъ, а цвѣтъ лица его былъ такъ бѣлъ, что очевидно лучъ солнца никогда не падалъ на него. Ему уже перевалило за двадцать лѣтъ, а заключенъ онъ былъ съ четырнадцати-мѣсячнаго возраста, но у него уцѣлѣли нѣкоторые впечатлѣнія и идеи. Петръ III, тронутый его положеніемъ, задалъ ему нѣсколько вопросовъ и, между прочимъ, слѣдующій:—Кто ты?—Я императоръ.—Кто же посадилъ тебя въ тюрьму?—Злые люди.—Хочешь ты опять стать императоромъ?—О да! какъ не хотѣть. у меня будетъ красивое платье, а служить мнѣ будутъ слуги.—А что бы ты сдѣлалъ, ставъ императоромъ?—Я бы казнилъ всѣхъ, сдѣлавшихъ мнѣ зло.—Петръ III спросилъ его еще, откуда онъ все это знаетъ, на что онъ отвѣтилъ, что рассказываетъ ему все Богородица съ ангелами и по-несъ околесную о своихъ мнимыхъ видѣніяхъ. Онъ ничуть не испугался императора и его офицеровъ, хотя и жилъ съ дѣтства въ одиночномъ заключеніи. Съ большимъ любопытствомъ и удовольствіемъ, какъ неопытный ребенокъ, разсматривалъ онъ ихъ одежду и оружіе. Императоръ спросилъ его еще, чего онъ желаетъ, *больше—воздуха*—отвѣтилъ онъ грубымъ русскимъ языкомъ. Унгерна оставили на нѣкоторое время въ Шлиссельбургѣ, чтобы къ войти ему въ ему довѣріе и выяснить, не симулируетъ ли онъ глупость, онъ быстро убѣдился, что это естественное слѣдствіе его образа жизни. Отъ имени императора онъ подарилъ Ивану шелковый халатъ. Въ порывѣ радости тотъ надѣлъ его и, бѣгая по комнатѣ, восхищался, какъ дикаръ, наряженный впервые. Въ виду того, что всѣ его желанія ограничивались просьбой—*больше воздуха*, Петръ III прислалъ планъ маленькаго круглаго дворца съ садомъ посрединѣ, и приказалъ немедленно выстроить во дворѣ крѣпости такое жилище для Ивана. Ужасно что проявленная Петромъ III гуманность къ невинному послужила предлогомъ къ обвиненію его самого въ томъ, что онъ строитъ тюрьму для жены и сына, и онъ былъ задушенъ. *Авт.*

¹⁾ Петръ III не былъ коронованъ и подъ этимъ предлогомъ онъ не былъ погребенъ въ крѣпости съ другими русскими императорами. *Авт.*

Плохо набальзамированное тѣло императрицы стало скоро портиться: руки, глаза, низъ лица пожелтѣли, почернѣли и посинѣли. Она сдѣлалась неузнаваемой для тѣхъ, кто видалъ ее только съ чопорнымъ лицомъ, и ужасъ, внушаемый ею, еще усугублялся окружающей пышностью и тѣмъ богатымъ убранствомъ, которое покрывало ея трупъ.

Если Павелъ и безчестилъ мать, реабилитируя отца и воскрешая ужасныя сцены, о которыхъ почти забыли за тридцать четыре года молчанія, то въ мести его нѣкоторымъ убійцамъ Петра III было что-то величественное. За останками его долженъ былъ слѣдовать знаменитый Алексѣй Орловъ, Чесменскій побѣдитель, извѣстный гигантскимъ ростомъ и античнымъ нарядомъ, теперь же почтенный своей славой и возрастомъ, если такой человѣкъ, вообще, можетъ внушать почтеніе. Къ нему обращались всѣ взоры. Совѣсть, несомнѣнно усыпленная долгимъ благоденствіемъ, должна была проснуться въ немъ подъ вліяніемъ справедливо возложенной на него жестокой обязанности. Что касается кн. Барятинскаго, второго палача-исполнителя, то онъ не посмѣлъ явиться къ ненавидѣвшему его Павлу и бѣжалъ изъ Петербурга. А Пассекъ, построившій все свое благоденствіе на томъ же преступленіи, былъ, къ своему счастью, въ отъѣздѣ и черезъ нѣсколько дней умеръ. У него и у Барятинскаго были ужасныя лица, напоминавшія объ ихъ преступленіи.

Вотъ то хорошее, что сдѣлалъ Павелъ въ первые дни своего царствованія: я собралъ все, чтобы представить разомъ, иначе эти проблески разума, справедливости и чувства потерялись бы въ ворохѣ насилій, сумасбродствъ и мелочности, которыя постоянно заслоняли ихъ и о которыхъ я тоже расскажу.

Съ перваго же дня быстрыми и рѣшительными мѣрами была совершенно обезврежена гвардія, опасный корпусъ, свергшій отца и давно уже считавшій восшествіе сына концомъ своего военнаго существованія. Съ ней обошлись безпощадно. Въ различные гвардейскіе полки Павелъ включилъ свои батальоны, пришедшіе изъ Гатчины ¹⁾, а офицеровъ распредѣлилъ по всѣмъ ротамъ, повысивъ ихъ на два-три чина. Простые армейскіе поручики и капитаны получили внезапно высокія и почетныя долж-

¹⁾ Павелъ ждалъ прихода этихъ батальоновъ съ замѣтнымъ нетерпѣніемъ и безпокойствомъ: они шли цѣлую ночь и явились къ утру. Незначительному офицеру Ратькову посчастливилось первому сообщить Павлу объ ихъ, столь желанномъ, приходѣ, и Ратьковъ сейчасъ же былъ произведенъ въ кавалеры св. Анны и назначенъ адъютантомъ великаго князя. Павелъ началъ дѣйствовать по-гатчински, только когда эта маленькая армія окружила его. *Авт.*

ности гвардейскихъ капитановъ, дававшія раньше чинъ полковника и даже бригадира. Нѣкоторые старые гвардейскіе капитаны, члены лучшихъ семей имперіи, оказались подъ начальствомъ офицеровъ-высочекъ, которые раньше капралами и сержантами перешли изъ ихъ ротъ въ батальоны великаго князя. Такая быстрая и рѣзкая перемѣна въ другое время могла бы стать роковою для своего автора, а теперь единственнымъ слѣдствіемъ ея былъ выходъ въ отставку нѣсколькихъ сотъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ: вышли почти всѣ, имѣвшіе средства къ существованію, или не стерпѣвшіе обиды по службѣ, или, наконецъ, не выдержавшіе изнурительной педантичной дисциплины, вводившейся высочками ¹⁾. Впрочемъ все безчестіе нѣкоторыхъ молодыхъ офицеровъ заключалось только въ томъ, что блестящую форму имъ пришлось замѣнить странной, смѣшной одеждой по образцамъ батальоновъ, надъ которыми они такъ долго издѣвались.

Встревоженный и взбѣшенный всеобщимъ стремленіемъ оставить службу Павелъ отправился въ казармы, польстилъ солдатамъ и постарался успокоить и удержать офицеровъ, заявивъ, что уходящіе въ отставку лишаются впредь права занимать какія-либо гражданскія и военныя должности. Затѣмъ онъ издалъ странный и жестокий приказъ, предписывавшій всѣмъ офицерамъ и унтеръ-офицерамъ, которые уже подали или подадутъ въ отстав-

¹⁾ Быстрѣ всѣхъ этихъ офицеровъ-высочекъ выдвинулся Аракчеевъ. Семь лѣтъ тому назадъ великій князь, желая завести у себя въ Павловскѣ артиллерійскую роту, обратился къ генералу Мелисину съ просьбой дать ему офицера для ея сформированія. Ему дали Аракчеева, воспитанника кадетскаго корпуса, заслужившаго одобреніе успѣхами, а главное горячностью и страстнымъ усердіемъ во всѣхъ мелочахъ дисциплины. Несмотря на его неутомимость, жестокость и исполнительность, понадобилось много времени, пока онъ пріобрѣлъ расположеніе Павла. Наконецъ, онъ заслужилъ милость великаго князя, устроивъ на праздникахъ въ Павловскѣ нѣсколько красивыхъ фейерверковъ съ помощью бывшаго своего учителя; но главной причиной милости была его страсть къ строевымъ ученіямъ, изъ-за которой онъ днемъ и ночью мучилъ солдатъ. При восшествіи Павла на престолъ, Аракчеевъ былъ произведенъ въ майоры гвардіи съ чиномъ генерала и назначенъ военнымъ губернаторомъ Петербурга. Онъ получилъ орденъ св. Анны, нѣсколько тысячъ крестьянъ (2000 д. м. п. въ Новгородскомъ у.—село Грузино съ деревнями. *Ред.*) и сталъ правой рукой императора. Аракчеевъ въ кадетскомъ корпусѣ... дѣйствительно, заслужилъ одобреніе своими способностями, знаніями и усердіемъ, но онъ былъ возмутительно жестокъ, что проявлялось уже на кадетахъ... Его ярость и палочные удары свели въ могилу многихъ несчастныхъ солдатъ буквально на глазахъ у Павла. Палачъ по натурѣ, онъ возобновилъ забытое варварство въ русской службѣ. Во время военныхъ ученій онъ оскорбляетъ и даже бьетъ офицеровъ. Но все же, будучи въ фаворѣ, онъ изъ благодарности рекомендовалъ своего бывшаго учителя, генерала Мелисина, съ которымъ уже разсорился. Недавно онъ попалъ въ немилость, но потомъ былъ вновь призванъ и пожалованъ достоинствомъ барона. Онъ дѣлалъ смотръ войскамъ, посланнымъ въ Германію... *Авт.*

ку, покинуть столицу въ двадцать четыре часа и ѣхать домой. Ни Павлу, ни составителю указа не пришла въ голову нелѣпость этой фразы: вѣдь многіе офицеры были петербуржцы, ихъ семьи всегда жили тамъ; не покидая столицы, они оказывались дома и, подчинившись второй части приказа, они ослушивались первой. Когда высшій исполнитель указа Архаровъ обратилъ вниманіе императора на это противорѣчіе, то онъ пожелалъ, чтобы во вниманіе принимался только приказъ покинуть Петербургъ. Очень многихъ молодыхъ людей схватили по домамъ, какъ преступниковъ, вывели за городъ и оставили на дорогѣ въ самый лютый морозъ, безъ шубъ, безъ пристанища, запретивъ имъ возвращаться въ городъ. Большинство офицеровъ изъ отдаленныхъ провинцій, не имѣя средствъ на дорогу, тоже бродили въ окрестностяхъ Петербурга. Многіе такъ и погибли тамъ отъ холода и нужды.

Эти варварскія мѣры распространились и на всѣхъ армейскихъ офицеровъ и генераловъ: они должны были или вернуться къ своимъ полкамъ, или подать въ отставку, потому что ихъ должности были уничтожены. Такъ безразсудно началъ Павелъ переустраивать армию и добиваться ея расположенія. И скоро всѣмъ стало ясно, что, сдѣлавшись императоромъ, онъ исключительно занятъ тѣми же военными мелочами, которыми занимался, будучи великимъ княземъ. Съ перваго же утра своего воцаренія онъ всѣ заботы свои сосредоточилъ на ранѣ задуманномъ мелочномъ измѣненіи деталей одежды и строевого ученія солдатъ. Въ одинъ мигъ дворецъ пріобрѣлъ видъ взятаго приступомъ вражескими войсками, настолько новые караульные и тономъ, и костюмомъ отличались отъ вчерашнихъ. Павелъ спустился на дворъ, и въ теченіе трехъ или четырехъ часовъ обучалъ солдатъ вступать по-своему въ караулъ и своему *вахтпараду*, ставшему главнымъ нововведеніемъ и основой его управленія. И какъ бы холодно ни было, онъ съ тѣхъ поръ ежедневно посвящалъ ему столько же времени. Тамъ за военнымъ ученіемъ проводить онъ все утро, въ простой темно-зеленой формѣ, высокихъ сапогахъ и большой шляпѣ; тамъ онъ отдаетъ приказы, принимаетъ рапорты, объявляетъ милости, награды и наказанія, и тамъ же представляются ему всѣ офицеры. Окруженный сыновьями ¹⁾ и адъютантами, переступая отъ холода съ ноги на

¹⁾ У Гогарта былъ бы прекрасный сюжетъ для каррикатуры, если бы онъ увидалъ, какъ самодержецъ и его младшій сынъ возятся около несчастнаго рекрута, вертятъ его направо и налево, заставляютъ ходить взадъ и впередъ, поднимаютъ ему подбородокъ, затягиваютъ поясъ, передеваютъ шляпу, при чемъ все это сопровождается ударами прикладомъ. Одному эмигранту, по имени Лами, пришла забавная мысль посвятить

ногу, съ плѣшивой, непокрытой головой и задранномъ носомъ, заложивъ одну руку за спину, а другою махая въ тактъ палкой, онъ кричитъ: *разъ, два, разъ, два*, и всю честь и славу свою видитъ въ томъ, чтобы безъ мѣховой шубы выдержать пятнадцати или двадцатиградусный морозъ. Скоро никто изъ военныхъ не смѣлъ уже являться въ шубѣ, и старые генералы, страдающіе отъ кашля, подагры и ревматизма, должны были стоять вокругъ Павла, одѣтые такъ же легко, какъ онъ.

Какъ только первое впечатлѣніе страха и радости притушилось въ сердцѣ Павла, наказанія и немилости посыпались съ той же быстротой и щедростью, съ какою расточались благодѣянія. Многіе на протяженіи нѣсколькихъ дней испытали на себѣ и то, и другое. Правда, большинство наказаній показалось сперва справедливымъ, но надо сознаться, что передъ Павломъ и были-то одни виновные, настолько развращено было все, окружающее тронъ.

Однимъ изъ первыхъ приказовъ были опечатаны канцеляріи Зубова и Моркова, а секретари ихъ и офицеры были скандально прогнаны отъ двора, несмотря на всѣ завѣренія, только что данныя Зубову. Генераль-рекетмейстеръ, тайный совѣтникъ, Терскій, продававшій правосудіе открыто съ вопіющей наглостью тому, кто больше давалъ, получилъ сперва орденъ и земли, которыя, по его словамъ, ему обѣщала покойница за нѣсколько дней до смерти ¹⁾, и сейчасъ же вслѣдъ за этимъ (въ 1797 г. *Ред.*) былъ отставленъ отъ должности... А слѣдовало просто отдать подъ судъ грабителя, обиравшаго вдовъ и сиротъ, и удовлетворить всѣхъ преслѣдованіемъ преступленія въ порядкѣ публичнаго обвиненія ²⁾. Генераль-прокуроръ Самойловъ былъ сперва съ почетомъ утвержденъ въ занимаемой имъ должности и получилъ четыре тысячи (д. м. п.) крестьянъ, т.-е. болѣе двадцати тысячъ рублей дохода, а черезъ нѣсколько дней его смѣстили и арестовали ³⁾... Такъ въ концѣ-концовъ смѣнили всѣхъ за исключеніемъ Безбородко, Николая Салтыкова и Архарова.

Колебанія и перемѣнчивость Павла при его первыхъ шагахъ ясно доказываютъ, что всѣ милости его вытекали изъ полити-

Павлу свой плохой переводъ объясненій къ эстампамъ Гогарта. Не знаю, была ли то наивность или хитрость, но имя Павла, какъ нельзя больше, подходитъ къ заголовку его работы, а комическое посвященіе только дополняетъ его. Павелъ не замѣтилъ насмѣшки и послалъ г-ну аббату Лами табакерку. *Авт.*

¹⁾ Не обѣщала, а дѣйствительно пожаловала въ 1795 г.—646 душъ мужск. пола. *Ред.*

²⁾ Въ 1800 г. Павелъ отдалъ Терскаго подъ судъ сената. *Ред.*

³⁾ Послѣднее невѣрно; вмѣсто него генераль-прокуроромъ былъ назначенъ А. В. Куракинъ, но Самойловъ сохранилъ званіе члена Совѣта. *Ред.*

ческих соображений, а смѣнившія ихъ немилости обусловлены снорѣе страстью, чѣмъ справедливостью. Но всѣхъ восхищавшихся имъ больше всего смутило то, что съ перваго же утра по своемъ воцареніи онъ съ прежнимъ изступленіемъ принялся за мелочи военного строя; а между тѣмъ онъ вступалъ въ этотъ моментъ въ лабиринтъ настолько запутанныхъ, важныхъ государственныхъ дѣлъ и злоупотребленій, что они должны были бы занять его хоть на нѣсколько дней. Его поразительная энергія сосредоточилась на такихъ государственныхъ дѣлахъ, какъ форма шляпъ, цвѣтъ султана, высота гренадерской шапки, сапоги, гетры, кокарды ¹⁾, косы и портупей. Онъ окружилъ себя моделями всѣхъ родовъ оружія и формъ. Если Людовику XVI среди государей принадлежитъ пальма первенства по изготовленію замковъ, то Павелъ I превосходитъ всѣхъ государей въ чисткѣ пуговицъ; онъ занимается ею съ такой же старательностью, съ какой Потемкинъ когда-то чистилъ свои брилліанты. Въ эти первые дни наибольшей заслугой и доказательствомъ усердія въ его глазахъ было предстать предъ нимъ во вновь введенной смѣшной формѣ. Офицеръ, который могъ заплатить сто рублей портному за изготовленіе ея въ нѣсколько часовъ и на слѣдующее утро являлся въ ней на *вахтпарадъ*, зналъ почти навѣрно, что получить повышение или крестъ. Многие, не обладая никакими достоинствами, прибѣгали къ этому средству для снисканія милости новаго монарха ²⁾.

Удивило всѣхъ и другое чудачество императора—запрещеніе носить круглыя шляпы, точнѣе неожиданный приказъ стаскивать или разрывать ихъ прямо на головѣ. Въ результатъ много скандальныхъ сценъ происходило на улицахъ и, особенно, около дворца. Казаки и полицейскіе бросались на прохожихъ, срывали съ нихъ шляпы, а не понимавшихъ, въ чемъ дѣло, и защищавшихся, избивали. Остановили одного проѣзжавшаго въ саняхъ англійскаго купца и сорвали съ него шляпу. Думая, что это грабежъ, онъ выскочилъ изъ саней, повалилъ солдата на земь и позвалъ стражу. Въмѣсто нея явился офицеръ и избилъ защищавшагося англичанина; его повалили, связали и потащили въ полицію.

¹⁾ Русская кокарда была бѣлая, Павелъ замѣнилъ ее черной съ желтой каймой; онъ самъ охотно разъяснялъ причину этого, и всѣ ею восхищались. Бѣлое видно издали и можетъ служить врагу точкой прицѣла, черное же сливается съ цвѣтомъ шапки, и врагъ, не зная, куда цѣлиться, будетъ всегда дѣлать промахъ. *Авт.*

²⁾ Ему рекомендовали хорошаго кавалерійскаго офицера, генерала Мейендорфа; онъ послалъ за нимъ курьера, и Мейендорфъ, спѣша исполнить приказаніе, явился на парадъ въ старой формѣ. Възбѣшенный Павелъ кровно оскорбляетъ тѣхъ, кто его рекомендовалъ, обзываетъ его потемкинскимъ солдатомъ и ссылаетъ въ имѣніе. *Авт.*

Къ счастью дорогой они встрѣтили карету англійскаго посла, ѣхавшаго во дворецъ; купецъ обратился къ нему съ просьбой о защитѣ ¹⁾. Витвортъ пожаловался императору, и тотъ, сообразивъ, что круглая шляпа могла быть не только шведской, но и англійской національной шляпой ²⁾, заявилъ, что его приказаніе плохо поняли, и что онъ все разъяснитъ Архарову. На слѣдующій день по улицамъ и домамъ объявили, что запрещеніе не распространяется на иностранцевъ, не состоящихъ на службѣ и не принявшихъ русскаго подданства. Срываніе круглыхъ шляпъ прекратилось, но всѣхъ несчастныхъ, появлявшихся въ нихъ, вели въ полицію для удостовѣренія личности, и, если они оказывались русскими, ихъ отдавали въ солдаты, а если бы какой-нибудь французъ попался въ такомъ видѣ, ему бы не сдобровать, его осудили бы, какъ якобинца. Павлу донесли, что уполномоченный Сардинскаго короля, издѣваясь надъ дикимъ запрещеніемъ круглыхъ шляпъ, сказалъ, что такія мелочи часто бывали причиной бунтовъ въ Италіи. Уполномоченный получилъ черезъ Архарова приказъ покинуть столицу въ двадцать четыре часа. Отдаленность и положеніе лишаютъ Сардинскаго короля возможности требовать удовлетворенія за подобное оскорбленіе, иначе круглыя шляпы могли бы стать поводомъ къ войнѣ между двумя монархами, а въ манифестахъ несомнѣнно говорилось бы о правахъ престола и церкви, о достоинствѣ короны и счастіи народа³⁾.

Столь же непонятно было внезапное запрещеніе запрягать лошадей въ русскую упряжь ⁴⁾. Былъ данъ пятнадцатидневный срокъ на приобрѣтеніе нѣмецкой упряжи, послѣ чего полиція должна была обрѣзать постромки у всѣхъ экипажей, запряженныхъ по старому. Съ момента появленія этого запрещенія многіе,

¹⁾ Другой англичанинъ встрѣтился съ полицейскимъ офицеромъ, который сорвалъ съ него круглую шляпу. Англичанинъ, скрестивъ руки, посмотрѣлъ на него сверху внизъ, и сказалъ съ состраданіемъ. «Другъ мой, какъ мнѣ жаль тебя, что ты русскій!»... *Авт.*

²⁾ Приходилось также признавать русскую національную шляпу, немного отличную по формѣ и предохранявшую отъ оскорбленій. Такъ какъ въ шляпныхъ магазинахъ скоро разошлись всѣ треуголки, то тѣ, кто не успѣлъ или не смогъ раздобыться ими, стали для безопасности булавками подкалывать загнутыя поля своихъ маленькихъ круглыхъ шляпъ. *Авт.*

³⁾ Хорошо, что это случилось не со шведскимъ или прусскимъ посломъ. Впрочемъ послѣдній лишился милостей Павла, кажется, по столь же значительному поводу. Шляпа, коса, ранецъ, гетры и шпага, которую Павелъ заставляетъ носить по формѣ сзади—все это, по его словамъ, взято съ прусскаго образца. Г-нъ Тауентцинъ, какъ бы протестуя противъ неточности копій, появился при дворѣ въ болѣе новой и элегантной формѣ. За это-то проступокъ Павелъ и потребовалъ его отозванія. *Авт.*

⁴⁾ У русскихъ есть своя упряжь и свой способъ упряжки. Форрейторъ всегда сидитъ на правой лошади, а пристяжка, обычно бываетъ слѣва.

Авт....

боясь оскорблений, не рѣшались выѣзжать, а тѣмъ болѣе появляться въ своихъ экипажахъ неподалеку отъ дворца. Шорники воспользовались случаемъ и брали до трехсотъ рублей за простую парную упряжь. Но одѣтъ русскихъ извозчиковъ и кучеровъ по-нѣмецки оказалось неудобно по другой причинѣ. Большинство изъ нихъ отказывалось разстаться съ длинной бородой, съ кафтаномъ и круглою шляпой, а главное привязать фальшивую косу къ своимъ стриженнымъ волосамъ: при этомъ происходили самыя комичныя сцены. Недовольный императоръ принужденъ былъ въ концѣ-концовъ замѣнить строгій приказъ простымъ предложеніемъ желающимъ заслужить его милость одѣться постепенно въ нѣмецкое платье.

Другая реформа коснулась экипажей. Въ одинъ мигъ исчезло большинство блестящихъ экипажей, кишѣвшихъ на огромныхъ улицахъ Петербурга. Офицеры и даже генералы стали являться на парады въ маленькихъ саняхъ или пѣшкомъ, но и тутъ крылась опасность. Одинъ офицеръ, идя по улицѣ въ большой шубѣ, передалъ слугѣ мѣшавшую ему шагать шпагу, намѣреваясь взять ее обратно и снять шубу поближе ко дворцу. На бѣду онъ встрѣтилъ императора. Офицеръ былъ разжалованъ въ солдаты, а слуга изъ солдатъ произведенъ въ офицеры на его мѣсто!

При встрѣчѣ русскаго самодержца, его жены или сына по старинному обычаю полагалось останавливать экипажъ или лошадей, слѣзая и кланяться въ землю несмотря на снѣгъ или грязь¹⁾. Въ просвѣщенное царствованіе Екатерины совершенно исчезло это варварское выраженіе вѣрноподданническихъ чувствъ; оно было слишкомъ затруднительно въ большомъ городѣ съ его многочисленными, быстро несущимися экипажами. Одной изъ первыхъ заботъ Павла было возстановить этотъ обычай во всей строгости²⁾. Одинъ генералъ былъ остановленъ и немедленно отправленъ подъ арестъ только потому, что его кучеръ не узналъ императора, ѣхавшаго верхомъ³⁾.

Такая же непріятность случилась и съ нѣкоторыми другими

¹⁾ Петръ I приказывалъ бить палкой или самъ билъ тѣхъ, кто ему такъ кланялся. *Авт.*

²⁾ Мужчины при Павлѣ, встрѣтивъ на улицѣ императора, должны были сбрасывать на землю верхнее платье, снимать шляпу и, поклонившись, стоять, пока государь не пройдетъ. Дамы, не исключая и государыни, должны были выходить изъ экипажа и, также спуская верхнее платье, присѣдать на подножкахъ. *Ред.*

³⁾ Когда ему возвращали шпагу, онъ отказался взять ее, сказавъ, что эта золотая шпага получена имъ отъ императрицы, и что никто не смѣлъ отбирать ее. Павелъ призвалъ его къ себѣ и самъ передалъ ему шпагу, говоря, что онъ совсѣмъ не сердится, а только хотѣлъ показать всѣмъ примѣръ. И все же онъ приказалъ ему немедленно ѣхать въ армію.

Авт.

лицами. И прохожіе, и проѣзжіе больше всего стали бояться встрѣчи съ Павломъ. Чтобы внушить человѣчеству отвращеніе къ тиранамъ, стоитъ еще отмѣтить случай съ г-жею Лихаревою.

Она жила въ деревнѣ подѣ Петербургомъ. Мужъ ея, бригадиръ Лихаревъ, заболѣлъ, и, никому не довѣряя, она поѣхала сама за докторомъ. Попала она въ моментъ всеобщаго смятенія. Деревенскіе жители не знали ни новаго императора, ни, тѣмъ болѣе, новыхъ распоряженій. Она велѣла гнать лошадей, какъ можно скорѣе, поглощенная мыслью объ опасномъ состояніи мужа. Къ несчастью, карета ея, не останавливаясь, проѣхала мимо прогуливавшагося верхомъ Павла. Разъяренный, онъ послалъ адъютанта тутъ же остановить экипажъ, приказалъ всѣхъ четырехъ слугъ отдать въ солдаты, а дерзкую даму отправить въ тюрьму при полицейскомъ домѣ. Приказаніе было мгновенно выполнено. Несчастную продержали четыре дня взаперти. Ужасное обращеніе и беспокойство за мужа терзаютъ ея сердце и мутятъ ей голову. У нея начинается горячка. Наконецъ, для лѣченія ее перевезли въ гостиницу, но она навсегда лишилась разсудка. Оставшись безъ всякой помощи совершенно одинъ, Лихаревъ умеръ въ отчаяніи, такъ и не дожидавшись жены своей.

Внутри дворца былъ введенъ столь же строгій и страшный этикетъ. Горе тому, кто при цѣлованіи жесткой руки Павла не стучался колѣномъ объ полъ съ такой силой, какъ солдатъ ударяетъ ружейнымъ прикладомъ. Губами при этомъ полагалось чмокать такъ, чтобы звукъ, какъ и колѣнопреклоненіе, подтверждалъ поцѣлуй. За слишкомъ небрежный поклонъ и цѣлованіе камергеръ кн. Георгій Голицынъ былъ немедленно посланъ подѣ арестъ *Самимъ Его Величествомъ*¹⁾.

Однимъ изъ первыхъ указовъ Павла строжайше повелѣвалось купцамъ замѣнить на вывѣскахъ французское слово *магазинъ* русскимъ—*лавка* подѣ тѣмъ предлогомъ, что только у императора могли быть магазины дерева, муки, ржи и т. д., а купецъ, не возвышаясь надъ своимъ положеніемъ, долженъ былъ довольствоваться лавкой.

Не стоитъ вдаваться въ слишкомъ скучныя подробности и перечислять всѣ столь же существенныя и значительныя приказы, слѣдовавшіе другъ за другомъ въ теченіе первыхъ восьми

¹⁾ Склонность къ этикету проявилась у Павла еще въ бытность его великимъ княземъ. Однажды въ Монбельярѣ онъ всѣхъ смутилъ, схвативъ за руку и выставивъ за дверь молодого офицера своей свиты, игравшаго въ карты. Партнерамъ же офицера онъ сказалъ: Господа, этотъ молодой фатъ недостаточно знатнаго происхожденія, чтобы участвовать въ такой партіи. На придворныхъ балахъ танцевавшіе должны были всячески изворачиваться, чтобы, танцуя, быть всегда лицомъ къ Павлу, гдѣ бы онъ ни стоялъ... *Авт.:*

дней царствованія Павла¹⁾. Что сказать, чего ждать отъ чело-
вѣка, который, наслѣдуя Екатеринѣ, считалъ все это самымъ
безотлагательнымъ? Часто эти новыя важныя распоряженія
противорѣчили одно другому или исключали другъ друга, и
на завтра ему приходилось мѣнять или уничтожать объявленное
сегодня. Однимъ словомъ, Павелъ и облачившись въ император-
скую мантию, выставилъ на первый планъ великокняжеское ухо
и рѣшилъ управлять огромнымъ государствомъ, какъ управлялъ
Павловскомъ, столицей,—какъ своимъ домомъ, а тридцатью
милліонами людей всѣхъ націй и положеній,—какъ дюжиной
лакеевъ.

Реорганизация арміи была самой близорукой и значительной
изъ всѣхъ внезапныхъ и неожиданныхъ перемѣнъ, имъ произ-
веденныхъ. Несомнѣнно, военное вѣдомство нуждалось въ боль-
шихъ реформахъ и улучшеніяхъ. Смягченіе участи храбраго
русскаго солдата, выясненіе еще болѣе жалкой судьбы офицера,
постепенное уменьшеніе количества сверхкомплектныхъ, возста-
новленіе порядка и дисциплины, разстроенныхъ правленіемъ
столькихъ женщинъ и фаворитовъ,—все это открывало широкое
поле дѣятельности для военныхъ талантовъ Павла. Но онъ сумѣлъ
только умножить несправедливыя назначенія, увеличить и безъ
того многочисленный штабъ и измѣнить форму, чины, термино-
логію и названія. Русская армія была достойна подражанія по
красотѣ, простотѣ и удобству обмундированія, приспособленнаго
къ климату и духу страны¹⁾. Широкіе шаровары или штаны
изъ краснаго сукна, концы которыхъ уходили въ мягкіе кожаные
сапоги, а верхъ стягивался поясомъ на красной или зеленой
курткѣ, маленькая, удобная каска, сидящая на головѣ по-воен-
ному, волосы, остриженные въ кружокъ, закрывавшіе уши и
легко содержавшіеся въ чистотѣ—такова была форма солдата.
Одѣвался онъ въ одинъ мигъ, потому что вся одежда состояла
изъ двухъ частей. Онѣ были такъ просторны, что онъ свободно могъ
принимать мѣры противъ холода безъ нарушенія формы. Теперь
это легкое, воинское платье мѣняютъ на старое нѣмецкое, къ

¹⁾ Такъ особымъ указомъ онъ запретилъ носить жилеты и панталоны. Академіи Павелъ запретилъ употреблять терминъ «возмущеніе» при сообщеніяхъ о движеніи свѣтилъ; актерамъ предписалъ употреблять слово *позволеніе* вмѣсто *свобода*, которое ставилось въ афишахъ. Фабрикантамъ онъ воспретилъ выдѣлывать какія бы то ни было трехцвѣтныя матеріи и ленты. *Авт.*

²⁾ И русскій солдатъ, не безъ нѣкотораго основанія, ставилъ себя гораздо выше сосѣдей. Павелъ имѣлъ глупость лишить его этой національной гордости, заставивъ рабски подражать нѣмцамъ прошлаго вѣка, которыхъ русскіе считали далеко позади себя. Павелъ поступилъ, какъ педантъ, который въ наказаніе сажаетъ за азбуку самонадѣяннаго ученика, слишкомъ быстро выучившагося читать. *Авт.*

которому русскій питаетъ отвращеніе. Его заставляютъ мазать жиромъ и посыпать мукой русые волосы, которые онъ любитъ мыть ежедневно; цѣлый часъ у него уходитъ на застежку проклятыхъ черныхъ гетръ, жмущихъ икры. Русскій солдатъ громко ропщетъ. Возможно, что подвязанныя силкомъ къ прическѣ фальшивыя косы вызовутъ такое же дезертирство, какъ сень-жерменскія прически. «Пудра не порошокъ; букли не пушки; коса не тесакъ», сказалъ старый чудакъ, фельдмаршалъ Суворовъ, получивъ приказъ о введеніи всѣхъ этихъ новшествъ и палочки для мѣрки и образца косъ и буклей. Эта довольно удачная острота оказалась по-русски рифмованной пословицей и пошла по полкамъ изъ устъ въ уста. Она-то и была истинной причиной, побудившей Павла отозвать Суворова и дать ему отставку. Русскій солдатъ боготворитъ стараго вояку.

Вышесказанное относится и къ переменамъ по гражданской части: цѣль Павла измѣнять, а не улучшать. Все существовавшее при его матери уже въ силу только этого должно было уничтожиться. Всѣ суды были преобразованы, а губерніи подверглись новому распредѣленію: *Екатеринославская*, названная въ честь Екатерины, была уничтожена. Позоръ чувствамъ Павла въ такомъ безчестіи памяти матери ¹⁾. Судите сами о тѣхъ разореніяхъ, о томъ замѣшательствѣ, несправедливостяхъ и несчастьяхъ, которыя повлекли за собой подобныя переменѣнія въ Россіи. Стремясь къ полному возрожденію французская революція не вызвала того, что создало восшествіе Павла: больше двадцати тысячъ дворянъ осталось безъ должностей.

Но новое царствованіе пагубно не только для арміи и бѣднаго дворянства, оно еще гораздо пагубнѣе для несчастныхъ крестьянъ... Павлу слѣдовало бы взять примѣръ съ Пруссіи въ ея обращеніи съ поляками, отданными подъ ея владычество. Можно сказать, что прусское правительство даетъ польскимъ рабамъ большую свободу, чѣмъ могъ бы имъ даровать Косцюшко въ случаѣ побѣды ²⁾. Екатерина и Павелъ раздавали рабовъ вельможамъ и тѣмъ самымъ отдавали ихъ во власть еще болѣе невыносимой частной тираніи. Далекій отъ подражанія имъ, прусскій

¹⁾ Нѣтъ тѣхъ пустяковъ, до которыхъ бы не добрался этотъ мелочной государь, завидовавшій памяти своей матери. Близкія государынѣ лица носили кольца съ эмалированной датой ея смерти, сынъ ея безстыдно выразилъ свое недовольство этимъ и изъявилъ желаніе, чтобы всѣ носили кольца со словами: «Павелъ меня утѣшаетъ»; утѣшеніе было такъ хорошо, что всѣхъ насмѣшило. Въ своемъ сыновнемъ безстыдствѣ онъ зашелъ такъ далеко, что осудилъ богатое русское общество, образовавшееся подъ покровительствомъ русской миссіи въ Гамбургѣ для постановки поэтического памятника Екатеринѣ... *Авт.*

²⁾ О Поданецкомъ универсалѣ Косцюшко относительно крестьянъ см. ст. *Рябинина* въ «Голосѣ Минувш.» 1915 г. № 4, 71—81. *Ред.*

король обратилъ частныя имѣнія въ королевскія помѣстья, и теперь участь рабовъ несравненно легче, чѣмъ раньше ¹⁾.

Большія надежды среди народа въ столицѣ породилъ слухъ, что Павелъ ограничить власть господъ надъ крѣпостными и дать помѣщичьимъ крестьянамъ права государственныхъ. Въ это время одинъ офицеръ поѣхалъ въ свой полкъ, въ Оренбургъ. Дорогой его спрашиваютъ о новомъ императорѣ и о его распоряженіяхъ; онъ рассказываетъ, что видѣлъ и слышалъ, и между прочимъ о милостивомъ для крестьянъ указѣ, который долженъ скоро появиться. При этомъ извѣстіи тверскіе и новгородскіе крестьяне заволновались, что было принято за признакъ мятежа. Помѣщики жестоко расправились съ ними. Докопались и до причины ихъ заблужденія. Павелъ немедленно послалъ стараго фельдмаршала Репнина съ войсками въ тѣ деревни, гдѣ несчастные жители нѣсколько шумно возрадовались, услыхавъ, что новый императоръ захотѣлъ облегчить ихъ оковы. Офицеръ—виновникъ всѣхъ этихъ ложныхъ надеждъ, наивно рассказывавшій о столичныхъ новостяхъ, былъ скоро привезенъ обратно, закованный въ кандалы, какъ поднявшій мятежъ преступникъ и проповѣдникъ свободы. Кто не содрогнется отъ негодованія, узнавъ, что петербургскій сенатъ призналъ его заслуживающимъ смерти и приговорилъ къ разжалованію, наказанію кнутомъ и каторгѣ въ случаѣ, если онъ вынесетъ наказаніе,—и все это за то, что на нѣсколькихъ почтовыхъ станціяхъ по дорогѣ изъ Петербурга въ Оренбургъ, онъ говорилъ, что новый императоръ, преисполненный человеколюбія, ограничить власть господъ надъ крѣпостными! Павелъ подтверждалъ этотъ нелѣпо-жестокій приговоръ. Это и было первое обнародованное уголовное дѣло и, конечно, оно только показываетъ, что извѣстный остатокъ стыдливости заставлялъ до сихъ поръ держать въ тайнѣ подобныя посягательства. У сената хватило безстыдства скрѣпить печатью правосудія и законности кровавый актъ, который, безъ сомнѣнія, совершился бы и при Екатеринѣ, но въ тайнѣ и молчаніи, какъ преступленіе ²⁾. Впрочемъ довольно о жестокости Павла, вернемся къ его чудачествамъ.

¹⁾ Всѣ государи, хотѣвшіе для упроченія авторитета правительства возвышеніемъ народа принизить высшіе классы, всегда стремились присоединять къ своимъ доменамъ земли дворянъ. Русскіе самодержцы идутъ инымъ путемъ. Они отдаютъ дворянству государственныя земли, чтобы сдѣлать его ближайшимъ соучастникомъ чудовищной тираніи, несравнимой даже съ феодальной. Эта ужасная система лишаетъ ихъ возможности дать когда-либо свободу рабамъ. *Авт.*

²⁾ См. ст. *Шубинскаго* въ его «Историческихъ очеркахъ и рассказахъ», изд. 2-е и слѣд.; *Трифилевъ*. «Очерки изъ исторіи крѣпостного права». «Царствованіе Павла I». Харьков. 1901. *Павловъ-Сильванскій*. «Волненіе крестьянъ при Павлѣ I». Журн. Мин. Нар. Просв. 1905 г. №№ 2 и 12. *Ред.*

Первое мѣсто среди нихъ занимаетъ его манія къ солдатскому учению и формѣ, манія, проявлявшаяся съ юности и постепенно развивающаяся. Такая страсть въ государѣ такъ же мало гарантируетъ, что онъ будетъ хорошимъ генераломъ и героемъ, какъ въ дѣвчкѣ любовь къ постоянному одѣванію и раздѣванію куколъ вовсе не показываетъ, что она будетъ хорошею матерью семейства. Извѣстно, что самый ученый полководецъ своего времени, Фридрихъ Великій, съ дѣтства питалъ непреодолимое отвращеніе ко всѣмъ капральскимъ мелочамъ, къ которымъ отецъ хотѣлъ его принудить. Это было даже поводомъ къ непріязни, всегда царившей между отцомъ и сыномъ. Молодой Фридрихъ могъ только тайкомъ заниматься съ своимъ наставникомъ Ганомъ исторіей и литературой. Фридрихъ-Вильгельмъ считалъ безпольными и опасными всѣ книги, кромѣ псалтыря Давида и своихъ военныхъ регламентовъ, а когда онъ увидалъ, что молодой Фридрихъ, не ограничиваясь гвардейскимъ маршемъ, захотѣлъ мѣнять свой маленькій барабанъ на клавины, а военный рожокъ—на нѣжную флейту, онъ запретилъ ему заниматься музыкой. Результаты родительской тираніи оказались совершенно противоположными тому, на что рассчитывалъ Фридрихъ-Вильгельмъ: подавленные желанія Фридриха сказались только съ большею силою. Онъ учился, онъ сталъ героемъ, отецъ же его былъ только капраломъ...

До сихъ поръ, даже въ царствованіе Екатерины, всякій, дерзнувшій подать прошеніе въ руки его императорскаго величества, попадалъ въ тюрьму ¹⁾. Павелъ съ перваго же дня своего воцаренія, казалось, отмѣнилъ эту жестокость и принялъ нѣсколько поданныхъ ему челобитныхъ. Онъ даже велѣлъ поставить на лѣстницѣ дворца ящикъ, куда всякій могъ опускать письма; онъ объявилъ, что самъ будетъ ихъ читать и, послѣ необходимыхъ справокъ, класть свою резолюцію. Вслѣдствіе этого онъ запретилъ впредь беспокоить его подачею просьбъ на вахтпарадѣ и велѣлъ арестовывать смѣльчаковъ, приближавшихся къ нему съ бумагой въ рукахъ. Между тѣмъ ящикъ наполнился, а Павлу, испуганному количествомъ писемъ, быстро прискучило оказывать справедливость, тѣмъ болѣе, что вопреки ожиданіямъ, тамъ оказалось больше просьбъ, чѣмъ доносовъ. Онъ не сообразилъ, что количество ихъ умень-

¹⁾ Подавать прошеніе въ ея собственныя руки императрица разрѣшила только въ одномъ случаѣ: если проситель будетъ недоволенъ рѣшеніемъ сената, или когда, несмотря на то, что его дѣло долго не рѣшалось въ высшихъ судебныхъ учрежденіяхъ, проситель не находилъ никакого удовлетворенія у генералъ рекетмейстера. См. указы 1762 г., въ Полн. Собр. Зак. т. XVI №№ 11, 606 и 11718. *Ред.*

шится, если онъ введетъ большій порядокъ и быстроту въ отвѣтахъ. И все пришло въ прежнее хаотическое состояніе; секретари, которымъ поручено разбирать эти бумаги, являются, какъ и раньше, властителями несчастныхъ, надѣющихся на своего повелителя¹⁾.

Государственные финансы, истощенные расточительностью, вѣрнѣе мотовствомъ Екатерининскаго царствованія, нуждались въ быстромъ исцѣленіи, и Павелъ сначала какъ будто подумалъ объ этомъ. Съ одной стороны надежды, съ другой—страхъ нѣсколько подняли курсъ ассигнацій. Очевидно, думали, что великій князь всея Руси, хоть по принужденію, а выучился экономить, проживъ въ теченіе тридцати лѣтъ съ стотысячнымъ годовымъ доходомъ; но онъ очень скоро началъ умножать свои богатства и расточать милости съ такой же щедростью и съ еще меньшимъ разборомъ, чѣмъ его мать. На останкахъ несчастной Польши продолжали обогащаться и безъ того состоятельные люди²⁾. Надо знать неизсякаемые источники, изъ которыхъ черпаетъ русскій самодержецъ, чтобы не восхищаться его огромными дарами вельможамъ возмущаться тѣмъ малымъ, что онъ удѣляетъ общественному благу, правосудію, справедливымъ на градамъ и истинной благотворительности³⁾.

¹⁾ Иногда Павелъ давалъ приказы въ зависимости отъ полученныхъ писемъ, но на нихъ онъ не отвѣчалъ. Я самъ написалъ нѣсколько короткихъ прошеній, ясныхъ и справедливыхъ, по просьбѣ нѣкоторыхъ угнетенныхъ,—они остались безъ отвѣта. Теперь онъ велитъ печатать въ петербургскихъ газетахъ отказы на получаемыя просьбы. Такимъ образомъ монархъ, который долженъ относиться къ подданнымъ, какъ духовникъ къ исповѣдующимся, обнародовываетъ самъ семейныя тайны и обманываетъ довѣріе своихъ подданныхъ. *Авт.*

²⁾ Я только что узналъ, что по случаю коронаціи Павелъ, кромѣ другихъ наградъ, роздалъ двадцати человѣкамъ (болѣе ста лицамъ. *Ред.*) восемьдесятъ двѣ тысячи душъ (болѣе ста тысячъ душъ. *Ред.*). На человѣческомъ языкѣ это значитъ, что онъ подарилъ пространство земли, заселенное и обрабатываемое восьмидесятью двумя тысячами рабовъ мужского пола, потому что въ Россіи женщина еще не душа. Этимъ даромъ самодержецъ уступаетъ всѣ свои особыя права надъ несчастными людьми и надъ землею, которую ихъ силой принуждаютъ обрабатывать; за собой онъ оставляетъ только верховную власть. А принимая во вниманіе, что *крѣпостная душа*, или крестьянинъ, по умѣренному разсчету приноситъ чистыхъ семь рублей серебромъ сословію или дворянину, владѣющему имъ, можно считать, что императоръ подарилъ пятьсотъ семьдесятъ четыре тысячи рублей (болѣе семисотъ тысячъ рублей. *Ред.*) вѣрнаго и чистаго дохода съ государственныхъ волостей, что, въ виду особыхъ качествъ имущества, составляетъ неисчислимый капиталъ. Екатерина почти истощила свои помѣстья подобными щедротами, но теперь источникомъ для великодушнаго Павла служатъ польскія староства и конфискованныя тамъ земли. Нечего и говорить, что въ Россіи или Польшѣ населеніе въ восемьдесятъ двѣ тысячи мужскихъ душъ занимаетъ огромную площадь. *Авт.* О всѣхъ другихъ пожалованіяхъ населенныхъ имѣній при Павлѣ см. статью *В. И. Семейскаго*. въ «Русской Мысли» 1882 г. № 12. *Ред.*

³⁾ Всѣ распоряженія Павла для возстановленія нѣкотораго равновѣсія между приходомъ и расходомъ свелись въ концѣ-концовъ къ чудовищному налогу, которымъ онъ обложилъ всѣ классы своихъ рабовъ. Подушная подать съ несчастныхъ крѣпостныхъ была удвоена, да и налогъ

Быстрота, съ которою Павелъ захватилъ бразды правленія, ужасъ, который внушала его строгость и энергія, уничтожили сначала темныя интриги мошенниковъ и плутовъ, расхищавшихъ казну. Весьма вѣроятно, что при общемъ обновленіи воры должны будутъ приостановить временно свои операціи; но потомъ, узнавъ направленіе дѣятельности Павла, они принорятся къ нему, откопаютъ новые источники и найдутъ новые выходы; грабежи и преступленія, преобразовавшись, выльются опять въ опредѣленную систему. Воровство—порокъ, присущій русскому правительству, и зависитъ онъ отъ національнаго характера, отъ недостатка нравственности, честности и общечеловѣческой ответственности.

Надо сказать, что въ моральномъ отношеніи Павелъ лучше окруженъ, чѣмъ его мать, и тѣмъ преступнѣе будетъ онъ, если при немъ будутъ царить тѣ же безпорядки. Правда, Екатерина утверждала, что сама ведетъ своихъ глупцовъ, а Павелъ, наоборотъ, предоставляет вести себя лакеямъ, а не государственнымъ людямъ. Причина этого—его грубое самолюбіе; ему кажется унижительнымъ слѣдовать совѣтамъ челоуѣка, который пожелалъ бы выказать себя болѣе образованнымъ, чѣмъ онъ. Ни министры, ни даже любовницы никогда не будутъ имѣть такого огромнаго непосредственнаго вліянія на его поступки, какъ камердинеръ его, турокъ по происхожденію, съ дѣтства отданный въ рабство и воспитанный у него. За этимъ-то туркомъ, прозваннымъ Иванъ Павловичемъ, ухаживаютъ теперь и генералы, и вельможи, какъ за главнымъ источникомъ особыхъ милостей Павла. Любовь самая сильная и простибельная страсть; ея эксцессы и злоупотребленія не кажутся такими гнусными, но никогда правленіе фаворитовъ или любовницъ не будетъ такъ унижительно, какъ правленіе лакеевъ. Кромѣ дурнаго воспитанія, которое отталкиваетъ отъ нихъ, въ довѣріи къ нимъ государя есть всегда что-то низкое и противное, отдающее гардеробомъ ²⁾.

Пер. П. Степановой.

на дворянство опять-таки легъ на тѣхъ же крестьянъ. *Авт.* По указу 27 іюня 1794 г. подушная подать въ разныхъ губерніяхъ равнялась 80 коп.—1 руб. Въ 1797 г. она была повышена на 26 коп. Оброчный сборъ при Екатеринѣ II возросъ до 3 руб. съ ревизской души; указомъ 18 дек. 1797 г. онъ былъ повышенъ до 3 руб. 50 коп.—5 руб. въ разныхъ губерніяхъ. При Павлѣ на дворянство были возложены расходы на содержаніе присутственныхъ мѣстъ (общая сумма ихъ равнялась 1.640.000 р.). При Александрѣ I они были переложены на помѣщичьихъ крестьянъ, а съ 1807 г. и на крестьянъ государственныхъ и удѣльныхъ. *Александръ* «Дѣйствующее Законодательство о прямыхъ налогахъ». Спб. 1879 г., стр. 9, 13—14, 222. *Ред.*

¹⁾ Этотъ Иванъ Павловичъ (Кутайсовъ) теперь статскій совѣтникъ и имѣетъ титулъ сіятельства... *Авт.*

Изъ недавняго прошлаго ¹⁾.

IV.

И. Н. Шатиловъ.—Московское общество сельскаго хозяйства. — Н. В. Верещагинъ.—Нравы свѣтскаго общества въ 70 г.г.—Спиритизмъ.—У Л. Н. Толстого.

Начало 70-хъ годовъ было временемъ пробужденія усиленной дѣятельности во всѣхъ отрасляхъ: у всѣхъ чувствовалась потребность къ переустройству всего на новый ладъ послѣ застоя; царившаго во время крѣпостного права. Не мало содѣйствовало повсемѣстному пробужденію жизни въ глухой провинціи проведеніе желѣзныхъ дорогъ и развитіе всевозможныхъ предпріятій и акціонерныхъ обществъ. Помѣщики старались перейти къ новымъ способамъ хозяйства, послѣднее впрочемъ не всѣмъ и не всегда удавалось. Большинство, проживъ деньги, полученныя за размѣнъ выкупныхъ свидѣтельствъ, которые они вначалѣ мѣняли съ потерей до 18 процентовъ, ускорили еще свое разореніе, благодаря неопытности въ веденіи хозяйства или начиная предпріятія, о которыхъ не имѣли ни малѣйшаго понятія. Эти неудачныя попытки живо описаны у Сергѣя Атавы въ его Оскуднѣніи, но рядомъ съ этими неудачными попытками и нелѣпыми предпріятіями, шла серьезная работа. Сельско-хозяйственныя общества проявляли усиленную дѣятельность, возникали новыя отрасли хозяйства: молочное дѣло, сыровареніе и сахарныя заводы. Въ Петербургѣ былъ устроенъ Черняевымъ сельско-хозяйственный музей, появились склады земледѣльческихъ машинъ и орудій и начали устраивать сельско-хозяйственныя выставки.

¹⁾ См. Гол. Мин. №№ 1, 4, 5—6. 7—8, 9.

Какъ разъ ко времени развитія всеобщаго интереса къ сельскому хозяйству относится и выборъ моего отца въ президенты Московскаго общества сельскаго хозяйства. Постъ этотъ онъ занималъ до своей кончины; онъ умеръ почти наканунѣ празднованія 25-лѣтняго юбилея своей предсѣдательской дѣятельности.

Вице-предсѣдателемъ общества былъ тогда Степанъ Алексѣевичъ Масловъ, а секретаремъ Горбуновъ, оба они служили въ Удѣльномъ вѣдомствѣ, но хотя отецъ мой обладалъ весьма обширными для того времени агрономическими познаніями и заслужилъ всеобщую извѣстность, онъ не избѣжалъ нѣкоторыхъ ошибокъ, неблагопріятно отзывавшихся на нашихъ дѣлахъ; ошибки эти были неизбѣжны и вызваны совокупностью обстоятельствъ и условій того времени.

Первою такой ошибкой былъ вывозъ нѣмцевъ для Крымскаго имѣнія, второю—устройство фермъ на бельгійскій ладъ съ бельгійскими рабочими въ Тульской губерніи. Произошло это слѣдующимъ образомъ.

Приѣхалъ въ Москву бельгіецъ m-г Арондаръ, ученый агрономъ. Не знаю, какимъ образомъ познакомился онъ съ бывшимъ гувернеромъ моего отца Вильдомъ, который въ свою очередь познакомилъ его съ моимъ дѣдомъ Иваномъ Васильевичемъ, находившимся въ то время въ Москвѣ. Арондаръ былъ видный мужчина съ располагающей въ его пользу наружностью и большимъ апломбомъ. Онъ вѣроятно зналъ свое дѣло, какъ оно примѣнялось въ Бельгіи. Дѣдушка, поддавшись его убѣжденіямъ, уѣзжая весной изъ Москвы въ имѣніе, взялъ его съ собой. Въ Моховомъ Арондаръ, обладавшій способностью убѣдительно говорить, сумѣлъ обворожить моего отца, и было рѣшено воспользоваться однимъ оставшимся послѣ надѣла крестьянъ запольнымъ участкомъ земли, въ количествѣ 500 десятинъ, чтобы создать въ немъ образцовую ферму наподобіе бельгійской.

Такъ какъ въ то лѣто мы уѣзжали въ Крымъ, то отецъ мой пригласилъ и Арондара поѣхать вмѣстѣ съ нами, на что послѣдній съ удовольствіемъ согласился. Я помню, что во время этой поѣздки, которую мы совершали еще на лошадяхъ, его удивляла наша запряжка цугомъ съ фореиторомъ, и онъ увѣрялъ, что и бельгійскій король такъ не ѣздитъ.

Хотя за время этого нашего пребыванія въ Тамакѣ выяснилась вся непригодность вывезенныхъ изъ Баваріи рабочихъ, половина которыхъ успѣла уже разойтись, а остальные были уволены при насъ, тѣмъ не менѣе проектъ выписки бельгійцевъ остался въ своей силѣ, и когда мы осенью вернулись обратно въ Моховое, то было приступлено, подъ руководствомъ Арондара, къ постройкѣ

временныхъ бараконъ на избранномъ для фермы участкѣ, носившемъ названіе Каменный бугоръ. Было выбрано и мѣсто, гдѣ должно было быть построено настоящее зданіе фермы, планъ которой Арондаръ долженъ былъ привезти къ веснѣ изъ Бельгіи вмѣстѣ съ нанятымъ тамъ штатомъ служащихъ и рабочихъ.

Уѣхавъ въ Бельгію позднюю осенью, Арондаръ вернулся къ веснѣ, привезя съ собой бухгалтера Грегуара, старосту или, какъ онъ его называлъ, *chef de culture* Видара, пріѣхавшаго вдвоемъ со своимъ братомъ, овцевода Жазона, конюха Генри и еще десятокъ бельгійскихъ рабочихъ, а также цѣлый транспортъ машинъ сельско-хозяйственныхъ орудій и конскихъ и воловыхъ сбруй. Нечего и говорить, что этотъ пріѣздъ чужеземцевъ съ ихъ различными новшествами былъ встрѣченъ очень недружелюбно со стороны мѣстныхъ жителей и старыхъ служащихъ, отнесшихся очень скептически къ этой, какъ они считали, барской затѣѣ, каковою предпріятіе это въ дѣйствительности въ концѣ концовъ и оказалось.

Не прошло и года, и не успѣли еще достроить начатое каменное зданіе фермы по планамъ, составленнымъ Арондаромъ, какъ у него стали возникать разныя столкновенія съ привезенными имъ рабочими, изъ которыхъ многіе оказались горькими пьяницами и буянами; этими свойствами особенно отличался уже пожилой рабочій, типъ бельгійскаго блузника, котораго называли *le père Nanrot*. Этотъ папа Ганротъ, напиваясь пьянымъ, гонялся съ ножомъ за другими и производилъ всякія безчинства, почему и былъ ликвидированъ однимъ изъ первыхъ. Относясь свысока къ крестьянамъ сосѣднихъ деревень и ухаживая за ихъ бабами и дѣвушками, бельгійцы вскорѣ возстановили ихъ противъ себя, стали происходить драки и поступать жалобы; впрочемъ среди бельгійцевъ были и хорошіе люди; къ числу послѣднихъ принадлежалъ Грегуаръ, весьма порядочный и воспитанный молодой человѣкъ, оба брата Видары и овцеводъ Жазонъ, человѣкъ тихій и скромный, занятый исключительно своимъ дѣломъ. Что касается самого Арондара, то и онъ былъ недурной человѣкъ, но обладалъ большимъ самомнѣніемъ и относился очень свысока къ мѣстному населенію, считая его за какую-то низшую расу, распоряжаться которой можно только при посредствѣ кнута, и въ его разговорахъ, а также и на дѣлѣ его бичъ *«le long fouet»*, какъ онъ его называлъ, игралъ немалую роль, не взирая на предостереженія моего отца и матери, которые никогда не были сторонниками такихъ расправъ, даже и во время крѣпостного права. Впрочемъ подвиги длиннаго кнута прекратились довольно скоро послѣ того, какъ Арондара за такую расправу поколотили

сосѣдніе мужики деревни Носоновки. Произошло это слѣдующимъ образомъ: доложили ему, что носоновскіе крестьяне, выѣхавшіе косить на смежный съ нашей землей сѣнокосъ, перепустили за нашу межу своихъ лошадей. Яковъ Варѣоломѣевичъ,—такъ окрестили Арондара на русскій ладъ,—велѣлъ немедленно осѣдлать себѣ лошадь и, вооружившись своимъ длиннымъ кнутомъ и револьверомъ, взявъ съ собою еще кого-то изъ своихъ бельгійцевъ, поскакалъ къ мѣсту сѣнокоса. Мужики, увидя издали скачущихъ французовъ, какъ они ихъ называли, стали конечно сгонять своихъ лошадей съ нашей стороны луга, но Арондаръ тѣмъ не менѣе произвелъ на нихъ кавалерійскую атаку, при которой былъ пущенъ въ ходъ *le long fouet*. Мужики, сознавая, что сила на ихъ сторонѣ, вмѣсто того, чтобы обратиться въ бѣгство, встрѣтили атакующихъ вилами и дали имъ такой энергичный отпоръ, что французы, разбитые на голову, обратились въ бѣгство. Выраженіе «разбитые на-голову» здѣсь вполне уместно, такъ какъ въ этомъ дѣлѣ пострадали не только бока и спина Арондара, но и его большой энергичный орлиный носъ, получившій здоровую ссадину, принудившую его обладателя потомъ долго ходить съ пластыремъ на немъ. Это неудачное дѣло съ носоновскими крестьянами имѣло ту хорошую сторону, что значительно успокоило воинственный пылъ Арондара и заставило его забыть о своемъ *long fouet*, чуть было не доведшимъ его до бѣды, ибо, не ускачи онъ тогда отъ разъяренныхъ мужиковъ, они пожалуй уходили бы его до смерти.

Въ другой разъ вздумалось ему испытать смѣлость и бдительность нанятаго имъ сторожа, изъ отставныхъ солдатъ еще николаевского времени, котораго онъ поставилъ сторожить ночью накопанную съ вечера кормовую свеклу, которую не успѣлъ до ночи перевезти на ферму. Позвавъ съ собой Грегуара, они оба одѣлись привидѣніями: надѣли на себя бѣлыя простыни и поставили на головы пустыя тыквы съ вырѣзанными въ нихъ страшными лицами и вставленными внутрь зажженными огарками, а для того, чтобы еще болѣе усилить страшное впечатлѣніе, которое желали произвести, нацѣпили на себя желѣзныя плужныя цѣпи, бряцавшія при ходьбѣ. Въ такомъ видѣ, никѣмъ не замѣченные, отправились они къ сосѣднему небольшому лѣсу, за которымъ находилось поле, гдѣ сторожъ, сидя у разведеннаго костра, караулилъ накопанную свекловицу. Замѣтивъ появившіяся странныя фигуры, солдатъ еще издали окликнулъ ихъ, а когда онѣ, не взирая на этотъ окликъ, молча стали приближаться къ нему, то онъ, не долго думая, схватилъ бывший при немъ желѣзный ломъ и пошелъ навстрѣчу къ подходившимъ. Увидя, что тутъ шутки

плохія, привидѣнія бросились бѣжать со всѣхъ ногъ къ лѣсу, обронивъ на мѣстѣ происшествія свои тыквенныя головы; при бѣгствѣ, какъ они потомъ говорили, имъ не мало мѣшали навѣшанныя на нихъ цѣпи.

Любя пугать другихъ, самъ Арондаръ при этомъ былъ очень суевѣрнымъ человѣкомъ и боялся привидѣній. Въ это время умеръ старикъ Егоръ Ивановичъ Гибсенъ, завѣдывавшій нашимъ Паньковскимъ коннымъ заводомъ, незадолго передъ тѣмъ ликвидированнымъ моимъ отцомъ, отчасти по совѣту Арондара, убѣждавшаго его завести вмѣсто рысистыхъ лошадей тонкорунное овцеводство. Приписывая смерть Гибсена уничтоженію завода, Арондаръ увѣрялъ, что духъ Гибсена по ночамъ приходитъ на террасу передъ его квартирой и стонетъ и охаетъ; поэтому, боясь оставаться ночью одинъ, онъ клалъ спать на полу въ своей комнатѣ кого-нибудь изъ служащихъ.

Какъ я уже говорилъ выше, въ первый же годъ нѣкоторые изъ привезенныхъ бельгійцевъ были отправлены обратно самимъ же Арондаромъ, а къ концу второго года остались только младшій изъ братьевъ Видаровъ и Жазонъ, которые прослужили у насъ довольно долго, что же касается самого Арондара, то онъ, проживъ у насъ нѣсколько лѣтъ, женился на сестрѣ сосѣдняго помѣщика Федора Ивановича Данилова и, отойдя отъ насъ, снялъ въ аренду землю у княгини Кочубей, гдѣ впослѣдствіи завелъ конскій заводъ чистокровныхъ арденовъ или першероновъ, точно не помню. Заводъ этотъ пользовался извѣстностью и получалъ награды на конскихъ выставкахъ. Что касается Грегуара, то онъ, перенеся сильный тифъ, вскорѣ послѣ этой болѣзни вернулся въ Бельгію и поступилъ на службу въ Брюсселѣ въ какое-то торговое дѣло.

За это же время былъ выстроенъ въ Моховомъ новый двухъ-этажный домъ; постройкой этой завѣдывала главнымъ образомъ моя мать: она составляла для него планы и обдумывала всякую подробность его постройки. Въ этой работѣ ей помогали нашъ доморощенный техникъ, механикъ и строитель, Михаилъ Гордѣевичъ Покатаевъ. Онъ былъ изъ нашихъ крѣпостныхъ людей и отличался своей даровитостью; если бы этому человѣку дано было образованіе, то онъ вѣроятно былъ бы знаменитымъ архитекторомъ или механикомъ. Въ то время у насъ было нѣсколько такихъ талантливыхъ служащихъ по разнымъ отраслямъ: такъ нѣкій Николай Васильевичъ Кузнецовъ было прекраснымъ землемѣромъ и чертежникомъ, рисовавшимъ очень хорошо планы; эти люди были учениками покойнаго Франца Христіановича Мейера, обязанные своими познаніями этому замѣчательному человѣку.

Къ сожалѣнію Михаилъ Гордѣвичъ имѣлъ слабость къ водкѣ, такъ что одно время его пришлось совсѣмъ уволить, тогда онъ поѣхалъ къ князю Голицыну, тому самому, въ имѣніи котораго началъ свою службу Мейеръ. Князь Голицынъ, тогда уже старикъ, лечилъ отъ запоя и дѣйствительно на время вылечилъ и Покатаева, который послѣ его леченія много лѣтъ не пилъ и какъ разъ поступивъ къ намъ въ этотъ періодъ, строилъ Моховскій домъ. Съ окончаніемъ этой постройки и съ уничтоженіемъ стараго дома, столь оригинальнаго и своеобразнаго, измѣнился не только наружный видъ Моховаго, но и весь строй жизни. Началась какъ-бы новая эра, точно вмѣстѣ со старымъ домомъ канули въ вѣчность и старые порядки и старыя традиции. Многіе изъ старыхъ служащихъ тогда уже умерли, другіе состарились и жили на покой, будучи замѣнены новыми, молодыми, съ иными взглядами и понятіями.

20 декабря 1870 г. праздновался 50-тилѣтній юбилей Императорскаго Московскаго общества сельскаго хозяйства.

Личныя дѣла и пребываніе наше въ Крыму не позволяли отцу принимать активнаго участія въ дѣятельности Общества до 1860 года, въ 1860 году онъ выступилъ въ Обществѣ съ докладомъ о вольно-наемномъ трудѣ, являвшимся необходимымъ послѣдствіемъ уничтоженія крѣпостного права и насущной потребностью для наступающей новой эры экономической жизни страны. Предвидя недоразумѣнія, которыя необходимо будутъ происходить при этихъ новыхъ непривычныхъ отношеніяхъ между работодателями и нанимаемыми ими рабочими, онъ тогда еще предлагалъ ходатайствовать передъ правительствомъ объ утвержденіи въ законодательномъ порядкѣ правилъ о взаимныхъ отношеніяхъ, правахъ и обязанностяхъ между рабочими и хозяевами и о введеніи утверждаемыхъ правительствомъ расчетныхъ книжекъ для рабочихъ, могущихъ имъ замѣнять паспорта. Онъ говорилъ и о необходимости открытія правительствомъ кредита для нуждъ сельскаго хозяйства. Всѣ эти вопросы являлись тогда назрѣвшими и злободневными. Экономическое положеніе страны и ея земледѣльческаго населенія могло бы быть совсѣмъ иное, если бы правительство тогда обращало больше вниманія на требованія, выдвигаемыя жизнью.

Уже тогда онъ сталъ проводить мысль о необходимости для страны въ сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ низшихъ, такъ равно и высшихъ.

Наряду съ вопросомъ о сельско-хозяйственныхъ школахъ былъ возбужденъ отцомъ и вопросъ объ устройствѣ въ различ-

ныхъ мѣстностяхъ Россіи опытныхъ сельско-хозяйственныхъ станцій или, какъ онъ ихъ тогда называлъ, учебныхъ фермъ, гдѣ бы наглядно демонстрировались усовершенствованные приемы хозяйства, свойственные данной мѣстности; по этому поводу онъ дѣлалъ докладъ въ Обществѣ въ 1862 году, но тогда его не слушали, и первая такая станція была устроена правительствомъ тридцать съ лишнимъ лѣтъ спустя, когда отца уже не было въ живыхъ, на участкѣ земли, переданномъ казнѣ моимъ братомъ, при его имѣніи Мохомовъ и носящемъ названіе «Шатиловской опытной станціи».

Въ 1865 г. отецъ былъ избранъ президентомъ Московскаго Общества сельскаго хозяйства и съ этого времени всецѣло посвятилъ себя служенію русскому сельскому хозяйству, возбуждая постоянно вопросы въ О-вѣ, имѣющіе для него жизненное значеніе. Такъ онъ указывалъ на безотлагательную потребность скорѣйшаго проведенія сѣти желѣзныхъ дорогъ, не имѣющихъ исключительно лишь стратегическаго значенія, а долженствующихъ удовлетворять сельско-хозяйственные и коммерческія нужды населенія и заявлялъ о необходимости созданія отдѣльнаго Министерства Земледѣлія.

Не мало труда и времени посвятилъ онъ народному образованію; комитету грамотности, состоящему при Обществѣ, обязана Россія возникновенію народныхъ школъ и учительскихъ семинарій, а равно и изданію учебниковъ и правильной постановки дѣла обученія.

Вотъ что говорится въ адресѣ отъ членовъ комитета грамотности, предназначенномъ къ 25-тилѣтнему юбилею президенства моего отца, который долженъ былъ праздноваться 7 января 1890 г., и до котораго ему не суждено было дожить всего только нѣсколько дней.

«Въ 1845 году былъ открытъ при М. О. С. Х. комитетъ грамотности, поставившій для себя цѣлью распространять мысль о необходимости для народа грамотности и соединеннаго съ нею религіозно-нравственнаго просвѣщенія и при томъ не только для мужскаго, но и женскаго населенія; но не скоро эта живая и новая мысль сдѣлалась общимъ достояніемъ. Только съ 60-хъ годовъ, вмѣстѣ съ обновленіемъ народной жизни, дарованіемъ возможной свободы, съ учрежденіемъ земства, движеніе въ пользу всеобщаго народнаго просвѣщенія проявилось во всей силѣ, послышались голоса о заведеніи школъ, объ учителяхъ для нихъ, о лучшихъ методахъ обученія и, такъ какъ ничего этого не было, то и не знали, какъ приняться за дѣло. Въ это время великую службу народному образованію сослужилъ Московскій комитетъ грамотности, руководимый президентомъ М. О. С. Х.,

достоуважаемымъ нашимъ юбиляромъ Іосифомъ Николаевичемъ Шатиловымъ. Нѣсколько лѣтъ неутомимой, неослабной дѣятельности Іосифа Николаевича положили начало тому широкому и плодотворному развитію народнаго образованія, какое мы видимъ теперь въ земскихъ школахъ. Живая, кипучая дѣятельность комитета грамотности въ то время была возбуждаема непосредственнымъ, неутомимымъ личнымъ воздѣйствіемъ нашего достоуважаемаго предсѣдателя. Прежде всего нужно было создать учителей для народныхъ школъ; при участіи и содѣйствіи комитета грамотности составленъ проектъ Московской учительской семинаріи, послужившій примѣромъ и образцомъ для другихъ иногороднихъ семинарій. Но время не терпѣло, нужны были сейчасъ учителя; комитетъ грамотности выработалъ программу по всѣмъ предметамъ народной школы, составилъ руководства, указалъ новѣйшіе облегченные методы для преподаванія, для подготовки учителей по выработаннымъ методамъ и программамъ; комитетъ предложилъ земствамъ открыть педагогическіе курсы, на которые и назначилъ своихъ членовъ для руководства и ознакомленія съ новою постановкою учебнаго дѣла. Всѣ эти мѣропріятія были вполне успѣшны: очень важнымъ факторомъ въ дѣлѣ народнаго образованія было признано комитетомъ наглядное обученіе и туманныя картины. Комитетъ составилъ и напечаталъ картины для объяснительнаго чтенія, для преподаванія Закона Божьяго, русской исторіи и къ картинамъ издалъ руководства съ текстомъ. Для туманныхъ картинъ была выработана программа картинъ изъ священной, церковной и русской гражданской исторіи.

Въ первый разъ туманныя картины съ объяснительнымъ текстомъ были показаны во время политехнической выставки, на которую со всей Россіи съѣхались начальники учебныхъ заведеній, учителя и законоучителя. Въ то же время съѣхавшемуся учебному персоналу членами комитета были объясняемы методы преподаванія и способы пользованія картинами для нагляднаго обученія. Кроме этого, комитетъ озаботился и выборомъ книгъ для внѣкласснаго чтенія и составленъ былъ нормальный каталогъ по всѣмъ предметамъ знаній, доступныхъ простому человѣку.

Такимъ образомъ, Московскій комитетъ грамотности, благодаря неутомимому просвѣщенному руководительству своего предсѣдателя, выполнилъ многотрудную свою задачу и безъ преувеличенія можно сказать, вызвалъ къ жизни тѣ народныя школы, какія мы видимъ теперь широко распространенными по лицу земли русской».

Еще болѣе непосредственное и живое участіе въ развитіи

школьнаго дѣла принималъ отецъ въ Новосильскомъ уѣздѣ Тульской губерніи. Онъ не только на свой счетъ выстроилъ, обставилъ и содержалъ двѣ школы въ обоихъ своихъ имѣніяхъ въ Тульской губерніи и третью въ крымскомъ, но и заботился о постоянномъ увеличеніи числа школъ въ уѣздѣ, лично ежегодно объѣзжалъ ихъ, присутствовалъ на экзаменахъ и заботился о подборѣ хорошихъ учителей и объ улучшеніи ихъ матеріальнаго положенія, которое вначалѣ было очень плохо, такъ какъ земство не имѣло еще достаточныхъ средствъ, а крестьяне относились несочувственно къ обученію ихъ дѣтей, считая ихъ помощь въ хозяйствѣ полезнѣе грамотности, вслѣдствіе чего не только не посылали своихъ дѣтей въ школы, но сплошь и рядомъ не выполняли взятыхъ на себя обязательствъ по уплатѣ жалованья учителямъ, доставкѣ отопленія и ремонту въ школьныхъ помѣщеніяхъ.

Сельскіе учителя этого времени часто являлись положительно мучениками: имъ приходилось существовать впроголодь на гроши, которые еще при этомъ платились крайне неаккуратно, жить въ помѣщеніяхъ, сквозь стѣны и окна которыхъ набивался снѣгъ во время зимнихъ метелей, а лѣтомъ проникалъ дождь, безъ топлива, такъ что во время занятій учителю и ученикамъ приходилось сидѣть въ полушубкахъ.

Я знаю случай, когда инспекторъ народныхъ училищъ, пріѣхавъ зимой въ одну изъ такихъ сельскихъ школъ, засталъ учителя, дающаго урокъ изъ русской печки, куда залѣзъ отъ холода, царящаго въ классѣ. Сопутствуя иногда отца въ его объѣздахъ, я помню то удручающее своею безотрадностью впечатлѣніе, которое производили нѣкоторыя училища въ глухихъ деревняхъ. Они часто помѣщались въ полусгнившихъ церковныхъ сторожкахъ или приспособленныхъ подъ школу старыхъ общественныхъ амбарахъ, съ крошечными тусклыми окнами, сплошь запущенными толстымъ слоемъ инея, который бѣлѣлъ по пазамъ стѣнныхъ бревенъ, черныхъ отъ копоти, съ грязными, кое-какъ сколоченными столами и лавками и съ блѣдной и изможденной фигурой учителя, ежащейся отъ холода въ какомъ-нибудь старомъ пальтишкѣ.

Да, эти первые учителя нашихъ сельскихъ школъ были по истинѣ мучениками, сколько изъ нихъ не выдержало и умерло отъ чахотки и другихъ болѣзней, пріобрѣтенныхъ благодаря невозможнымъ условіямъ жизни, голоду и холоду.

Отецъ всячески старался улучшить ихъ положеніе, настаивалъ на постройкѣ соотвѣтствующихъ своему назначенію школьныхъ помѣщеній, на увеличеніи имъ жалованья и на выдачѣ

имъ наградныхъ. Къ концу своей жизни онъ имѣлъ утѣшеніе видѣть плоды своихъ трудовъ.

Новосильскій уѣздъ былъ однимъ изъ первыхъ не только по количеству имѣющихся въ немъ школъ, но и по тому, какъ въ нихъ велось преподаваніе и какъ въ нихъ были обставлены учителя, жалованье которымъ съ первоначальныхъ 80 и 100 рублей въ годъ возросло до 300 и 400 рублей.

Въ 1866 г. отецъ возбуждаетъ въ М. О. С. Х. вопросъ о сохраненіи лѣсовъ, которые до тѣхъ поръ нещадно уничтожались.

Искусственное лѣсонасажденіе, начатое въ нашихъ имѣніяхъ Францемъ Христіановичемъ Мейеромъ, продолжалось отцомъ моимъ постоянно.

Вотъ какъ отзывался о его дѣятельности предсѣдатель Московскаго лѣснаго общества, профессоръ Петровской академіи Н. К. Турскій въ своей рѣчи на засѣданіи М. О. С. Х. 19 января 1890 г., посвященномъ памяти отца.

«Іосифъ Николаевичъ путемъ печати и своимъ собственнымъ примѣромъ вызвалъ въ сельскомъ хозяйствѣ серьезное отношеніе къ лѣсу: онъ открылъ широко двери своего имѣнія для желающихъ ознакомиться въ немъ съ результатами по лѣсоразведенію. Іосифъ Николаевичъ давалъ возможность учиться у него въ его имѣніи лѣсоводству многимъ питомцамъ Петровской академіи, пріѣзжавшимъ для этого въ Моховое или въ одиночку или группами съ профессорами своими. Всѣ эти лица распространяютъ теперь по Россіи лѣсоводственныя знанія, добытыя у знатока лѣсоводства Іосифа Николаевича въ Моховомъ».

Но какъ и во всемъ, въ чемъ требовалось со стороны правительства его вмѣшательство для проведенія въ законодательномъ порядкѣ мѣропріятій, клонящихся къ улучшенію экономическаго положенія страны, приходилось встрѣчаться съ его индифферентнымъ отношеніемъ къ самымъ насущнымъ потребностямъ сельскаго хозяйства, такъ и въ дѣлѣ охраненія лѣсовъ правительство не спѣшило обратить на нихъ своего вниманія, и лѣсоохранительные законы появились только много лѣтъ спустя послѣ того, какъ лѣса были почти уже совсѣмъ истреблены въ центральныхъ губерніяхъ.

Съ начала 60-хъ г.г. М. О. С. Х. начинаетъ обращать серьезное вниманіе на скотоводство и молочное хозяйство. Николай Васильевичъ Верещагинъ, братъ извѣстнаго художника, при своемъ многотрудномъ начинаніи создать въ Россіи рациональное молочное хозяйство, развить сыроваренное дѣло и организовать торговлю молочными продуктами, встрѣтилъ въ отцѣ живое сочувствіе.

По возвращеніи изъ-за границы, гдѣ Николай Васильевичъ

на практикѣ изучалъ маслодѣліе и сыровареніе, отецъ ссудилъ его деньгами изъ собственныхъ средствъ для начала дѣла и принялъ личное участіе въ обществѣ, имѣвшемъ цѣлью выдавать ссуды на устройство крестьянскихъ молоченъ и сыроваренъ.

Во время своего пребыванія за границей Верещагинъ, изучая сыровареніе и маслодѣліе, въ то же время старался организовать сбытъ нашихъ молочныхъ продуктовъ на иностранные рынки, причемъ оказалось, что для этого надо совершенно измѣнить существовавшіе у насъ способы приготовленія масла, замѣнивъ ихъ голштинскимъ способомъ. Съ цѣлью дать возможность желающимъ изучить европейскіе приемы въ обработкѣ молочныхъ продуктовъ, имъ была открыта первая въ Россіи школа маслодѣлія и сыроваренія въ селѣ Едимоновѣ, Карачевского уѣзда, Тверской губерніи. Кромѣ того онъ предлагалъ М. О. С. Х. открыть при комитетѣ скотоводства ссудную кассу для содѣйствія крестьянамъ въ устройствѣ артельныхъ сыроваренъ, но проектъ этотъ, хотя и былъ сочувственно принятъ Обществомъ, не былъ разрѣшенъ нашимъ правительствомъ, которое во всякомъ благомъ начинаніи, во всякомъ проявленіи самостоятельности усматривало крамолу и вмѣсто того, чтобы идти на встрѣчу требованіямъ времени, всячески задерживало, какъ умственное, такъ и матеріальное развитіе народа.

Дѣло, начатое Н. В. Верещагинымъ, разрослось теперь въ громадное многомилліонное дѣло, дающее благосостояніе цѣлымъ мѣстностямъ Россіи.

Не взирая на то, что правительство не разрѣшило Обществу открытія вышеупомянутой ссудной кассы, артельное сыровареніе стало все-таки развиваться, благодаря примѣру Едимоновской школы, и уже въ 1870 году одинъ изъ первыхъ учениковъ Верещагина, В. И. Бландовъ, дѣлалъ докладъ о возможности широкаго развитія артельнаго молочнаго хозяйства въ губерніяхъ Ярославской, Вологодской и Костромской. Въ этомъ докладѣ онъ указалъ на достоинства мѣстныхъ породъ скота, и съ этихъ поръ началась слава Ярославской молочной породы.

Въ это же время въ Обществѣ много занимались разными вопросами по овцеводству, и по инициативѣ Общества было выписано изъ Ташкента первое небольшое стадо чистокровныхъ каракулевыхъ овецъ, разводимыхъ теперь въ нѣкоторыхъ южнорусскихъ хозяйствахъ, какъ напр. въ Атманаѣ, имѣніи Николая Амедеевича Филибера, находящемся въ Мелитопольскомъ уѣздѣ Таврической губерніи.

До 60-хъ годовъ сельскохозяйственнымъ обществамъ не позволялось касаться многихъ вопросовъ, обсуждать которые считалось

дѣломъ не компетенціи общества, а правительства, и обществамъ ставилось въ вину, если они позволяли себѣ затрагивать такіе вопросы, какъ конокрадство, лѣсныя порубки или говорить о падежахъ скота и мѣрахъ, принимаемыхъ администраціей и полиціей къ ихъ предупрежденію и пресѣченію. Не разрѣшалось и обсужденіе вопросовъ, относящихся къ организаціи специальныхъ кредитныхъ учреждений, долженствующихъ удовлетворять нуждамъ сельскаго хозяйства. Такимъ образомъ, самые существенные вопросы, выдвигаемые жизнью, считались запретными.

Отцу моему пришлось бороться, чтобы хоть отчасти или въ далекомъ будущемъ достигнуть намѣченныхъ результатовъ. За первоначальнымъ очарованіемъ и рядомъ свѣтлыхъ надеждъ, въ лучахъ которыхъ начиналось царствованіе Александра II, довольно скоро наступило время общаго разочарованія на всѣхъ поприщахъ дѣятельности пробудившейся было къ новой жизни Россіи. Очень скоро страна увидѣла себя обманутой въ своихъ надеждахъ, и мало-по-малу терялась вѣра въ это свѣтлое будущее, а съ нею и интересъ къ дѣлу и работѣ, у многихъ опускались руки. Настойчивость и энергія уступили мѣсто индиферентизму. Большая заслуга отца заключается именно въ томъ, что онъ сумѣлъ, не взирая на всѣ встрѣчавшіяся препятствія, поддержать во всѣ 25 лѣтъ своего президенства бодрый духъ въ Обществѣ, его прогрессивныя стремленія и культурную работу для развитія и улучшенія отечественнаго сельскаго хозяйства, а съ нимъ вмѣстѣ и экономическаго благосостоянія страны.

Возвращаюсь вновь къ московской жизни 70-хъ годовъ и скажу, что въ то время въ хорошихъ семьяхъ старались развивать въ дѣтяхъ порядочность, уваженіе къ старшимъ и инныя добродѣтели, совершенно оставляя въ сторонѣ развитіе практическаго духа и самодѣятельности.

Благодаря такому воспитанію подъ родительскими крылышками выходили люди, неподготовленные не только къ жизненной борьбѣ, но и къ борьбѣ съ самими собою и со своими страстями.

Преслѣдованіе въ то время правительствомъ всякихъ болѣе или менѣе возвышенныхъ стремленій молодежи поневолѣ толкало ее къ пустому времяпрепровожденію и заставляло расходовать избытокъ жизненной энергіи на кутежи, женщинъ и свѣтскіе выѣзды, но такъ какъ послѣдніе скоро надоѣдали, то оставались первые, въ особенности женщины, и при томъ въ большинствѣ случаевъ не романическія увлеченія, а исключительно физическое половое удовлетвореніе. Какъ многіе изъ тогдашней молодежи, и я не

избѣгнулъ этихъ соблазновъ и предавался культу богини любви съ тѣмъ увлеченіемъ, которое свойственно извѣстному возрасту. Въ объектахъ для этого и въ удобствахъ недостатка не было. Въ особенности излюбленной нами, я говорю нами, такъ какъ ее посѣщаль извѣстный кружокъ молодежи, къ которому принадлежалъ и я, была одна посредница, нѣкая Прасковья Филипповна, жена купца, покинувшая своего мужа и занявшаяся сводничествомъ. Это была еще молодая и довольно красивая женщина, бывшая на содержаніи тоже у купца и въ то же время занимавшаяся тѣмъ, что знакомила своихъ посѣтителей съ женщинами, искавшими знакомства. Такихъ женщинъ, какъ Прасковья Филипповна, было нѣсколько: между прочимъ, и нѣкая Мавра Петровна, но та была совсѣмъ въ другомъ родѣ. Эта «Мавра», какъ ее называли, была здоровенная русская баба, обращавшаяся со своими посѣтителями запросто. Всего оригинальнѣе было то, что, занимаясь такимъ не душеспасительнымъ дѣломъ, она въ то же время была очень набожна и подъ праздникъ не пускала къ себѣ посѣтителей.

Но изъ всѣхъ этихъ особъ Прасковья Филипповна пользовалась самой большой и лучшей репутаціей. Это была особа съ нѣкоторымъ образованіемъ, она кончила женскую гимназію, была обезпечена въ матеріальномъ отношеніи своимъ содержателемъ, а потому не обижала своихъ кліентовъ и не выманивала подъ всякими предлогами денегъ у посѣтителей. У нея существовала извѣстная такса, выше которой она не брала, и знакомила своихъ посѣтителей только съ женщинами, которыхъ хорошо знала и за здоровье которыхъ ручалась.

Кутежи тогда были излюбленнымъ занятіемъ какъ дворянства, такъ равно и богатаго купечества и фабрикантовъ; изъ послѣднихъ въ то время особенно усердно подвизался на этомъ поприщѣ фабрикантъ Хлудовъ, у котораго имѣлся даже собственный гаремъ. Что касается дворянства, то помѣщики, пріѣзжавшіе въ Москву, въ особенности изъ Приволжскихъ губерній, тоже не упускали случая развернуться и показать свою широкую натуру. Когда они пріѣзжали въ губернскій городъ, насидѣвшись въ своихъ имѣніяхъ и, заставъ трактиры и рестораны уже закрытыми въ виду поздняго ночного времени, они нерѣдко ѣхали прямо къ полицмейстеру, будили его, забирали съ собой, и этотъ представитель власти, не меньше ихъ любившій кутежи, приказывалъ открывать трактиръ или ресторанъ, особенно излюбленный компаніей, распоряжался о доставленіи цыганъ, и начинался кутежъ, длившійся иногда съ небольшими перерывами для необходимаго отдыха нѣсколько дней подрядъ.

Одинъ мой знакомый помѣщикъ изъ Поволжья, прїѣзжая въ Москву, первымъ дѣломъ собиралъ нѣсколько знакомыхъ и затѣмъ предпринималъ объѣздъ ресторановъ. Обыкновенно начиналось съ обѣдовъ и ужиновъ въ Эрмитажѣ, у Тѣстова или въ Московскомъ трактирѣ и затѣмъ нанималась тройка и ѣхали доканчивать ночь за городъ въ Стрѣльну или Яръ, при этомъ онъ всегда на время своего пребыванія въ Москвѣ обзаводился женщиной. Въ одинъ изъ такихъ прїѣздовъ онъ увезъ изъ шведскаго хора, пѣвшаго тогда въ Стрѣльнѣ, очень хорошенькую шведку, не говорящую ни слова по-русски. Изъ-за этого чуть не вышла пренепріятная исторія, такъ какъ антрепренеръ этого хора сталъ разыскивать похищенную у него артистку и, не знаю уже какъ, разыскавъ ее, сталъ требовать ея возвращенія въ хоръ, но оно совершилось только послѣ отъѣзда моего знакомаго изъ Москвы. Такого рода похищенія изъ хора артистокъ или цыганокъ доставляли многимъ особое удовольствіе. Это считалось проявленіемъ особаго молодечества и составляло извѣстнаго рода спортъ.

Распущенности нравовъ отчасти содѣйствовало само общество, въ которомъ не было свободнаго простого общенія между дѣвушками и молодыми людьми. Стоило молодому человѣку нѣсколько разъ побывать въ домѣ, гдѣ были барышни, какъ начинались разговоры о томъ, что онъ должно быть имѣетъ виды на одну изъ нихъ. На него начинали смотрѣть, какъ на жениха, и матери поручали кому-нибудь изъ близкихъ знакомыхъ или родственниковъ узнать у молодого человѣка, каковы его намѣренія, а если никакихъ намѣреній не оказывалось, то считали, что его частыя посѣщенія компрометируютъ дѣвушку. Такое отношеніе и взгляды общества поневолѣ раздѣляли молодежь на два лагеря и заставляли молодыхъ людей искать общества женщинъ полусвѣта, не представлявшихъ для нихъ опасности преждевременнаго наложенія на себя цѣпей Гименея. Но такое времяпрепровожденіе съ женщинами легкаго поведенія дѣйствовало развращающе, роняло въ молодежи уваженіе къ женщинѣ и приучало смотрѣть на нихъ, какъ на предметъ удовольствія. Впослѣдствіе это не могло не отзываться на супружеской вѣрности мужей.

Въ Москвѣ тогда было много домовъ, въ которыхъ давались балы и вечера. Два бала въ зиму давалъ князь Долгоруковъ: одинъ, носившій названіе раута, бывалъ обыкновенно во время Рождественскихъ праздниковъ, а другой, извѣстный подъ названіемъ *folle journée*, происходилъ въ послѣднее воскресенье на Масляницѣ; начинаясь днемъ онъ оканчивался въ 12 часовъ ночи.

Изъ частныхъ лицъ славился своими пріемами баронъ Михайлъ Львовичъ Боде. Наружностью своею баронъ Боде напоминалъ

маркиза временъ Людовика XVI: бритый, съ зачесанными назадъ сѣдыми волосами и любезной привѣтливой наружностью, ему недоставало только расшитаго камзола и кружевного жабо для полнаго сходства съ кавалерами XVIII вѣка, не даромъ его называли московскимъ гауптъ-аристократомъ. На него даже были сочинены стихи, начинавшіеся такъ:

Баронъ Михаилъ Львовичъ Боде,
Московскій гауптъ-аристократъ,
Похожъ на короля въ колодѣ
И всѣхъ важнѣе во сто кратъ...

Большинство молодежи ѣздило на балы не столько, чтобы танцевать, сколько ради хорошихъ ужиновъ и буфета съ шампанскимъ. Посѣщая свѣтскіе вечера изрѣдка, я большую часть времени посвящалъ искусству и, кромѣ школьныхъ занятій, какъ я уже говорилъ раньше, у меня по вечерамъ собирались работать нѣкоторые товарищи. Такіе же рисовальные вечера устраивались и у Николая Алексѣевича Толстого, когда онъ поступилъ въ школу. Мать Толстого, Надежда Александровна, урожденная Козлова, имѣла свой домъ на Тверскомъ бульварѣ; это была очень умная, милая и образованная женщина, незадолго передъ тѣмъ овдовѣвшая. Ея мужъ, занимавшій мѣсто директора Нижегородскаго банка, умеръ, простудившись во время одной изъ своихъ дѣловыхъ поѣздокъ. У Надежды Александровны было трое дѣтей: два сына и одна дочь. Старшій ея сынъ, Николай Алексѣевичъ, былъ моимъ товарищемъ по школѣ живописи. Это былъ очень талантливый молодой человѣкъ и, если бы онъ продолжалъ, какъ слѣдуетъ, заниматься искусствомъ и серьезно бы работалъ, то изъ него могъ бы выйти очень хорошій художникъ, но къ сожалѣнію у него не было усидчивости и терпѣнія, вслѣдствіе чего онъ остался диллетантомъ.

У Толстого мы работали большею частью акварелью съ различныхъ костюмовъ, доставаемыхъ или изъ театровъ, или отъ костюмеровъ. Лучше всѣхъ работалъ акварелью К. В. Лебедевъ, дѣлавшійся потомъ хорошимъ историческимъ художникомъ и бывшій одно время преподавателемъ въ Академіи Художествъ¹⁾.

Былъ у меня еще одинъ товарищъ по школѣ, принадлежащій къ московскому свѣтскому обществу, Иванъ Васильевичъ Коптевъ. Это былъ добрый малый, не лишенный способностей, но страшный лѣнтяй. Будучи единственнымъ сыномъ богатыхъ родителей, онъ занимался искусствомъ больше отъ нечего дѣлать, и, такъ какъ его отецъ, генералъ Коптевъ, служилъ по коннозаводству, то писалъ большею частью портреты разныхъ лошадей.

¹⁾ Умеръ въ сентябрѣ нынѣшняго года.

Эти портреты его отецъ потомъ расхваливалъ въ газетѣ. Старикъ Коптевъ былъ большимъ оригиналомъ и представлялъ собой типъ Грибоѣдовской эпохи. Онъ имѣлъ страсть къ орденамъ и всячески старался ихъ получать, при чемъ даже передѣлывалъ нѣкоторые на свой ладъ. Получивъ французскій орденъ Почетнаго Легіона за доставку императору Наполеону III русскихъ рысаковъ, посланныхъ ему въ подарокъ Александромъ II, онъ сдѣлалъ себѣ второй экземпляръ этого креста, украшенный брилліантами и надѣвалъ его въ деревнѣ, гдѣ конечно никто не могъ проверить подлинность этого фантастическаго ордена. Его страсть ко всякимъ внѣшнимъ отличіямъ была такъ велика, что онъ сумѣлъ получить право на ношеніе стихаря, и у себя въ деревнѣ, во время богослуженія, надѣвалъ парчевые стихари, какъ говорятъ, тоже увѣшанные орденами, и выходилъ въ такомъ видѣ читать Апостоловъ. Сына онъ воспитывалъ дома, и послѣдній чуть ли не до 20 лѣтъ находился подъ наблюденіемъ няньки, что не помѣшало Ивану Васильевичу, выйдя изъ-подъ женскаго надзора, предаться съ увлеченіемъ культу богини любви, приведшаго его къ преждевременной кончинѣ.

Мой дядя, братъ моей матери, Вильгельмъ Вильгельмовичъ Оливъ, служившій адъютантомъ при князѣ Долгоруковомъ, былъ женатъ на Елисаветѣ Николаевнѣ Щербачевой. У нея было четыре брата: старшій изъ нихъ Александръ Николаевичъ и теперь сенаторъ, второй, Михаилъ былъ военнымъ, а оба младшихъ, Сергѣй и Юрій, въ описываемое мною время были на послѣднемъ курсѣ юридическаго факультета Московскаго университета.

Въ числѣ профессоровъ этого факультета былъ въ то время всѣмъ извѣстный своими чудачествами Никита Ивановичъ Крыловъ, читавшій римское право. Это былъ большой оригиналъ. Свои лекціи и экзамены онъ сплошь и рядомъ сопровождалъ разными прибаутками, шутками и выходками. Особенно онъ любилъ высмѣивать студентовъ армянъ и евреевъ, которыхъ не долюблялъ и надъ которыми нерѣдко издѣвался на экзаменахъ. Послушать, какъ Никита Ивановичъ балагурить, ходили иногда и посторонніе лица изъ молодежи; это тѣмъ болѣе было удобно, что тогда у студентовъ не было формы и доступъ въ университетъ былъ свободенъ. Я тоже ходилъ съ Сергѣемъ Щербачевымъ послушать Никиту Крылова, какъ онъ самъ себя называлъ. Войдя въ аудиторію, мы застали Крылова, сидящимъ какъ-то бокомъ за своей кафедрой. Это былъ уже пожилой человекъ съ бритымъ лицомъ, въ старомодномъ сюртукѣ, съ шеей, повязанной широкимъ атласнымъ галстукомъ, изъ-подъ котораго около

подбородка выглядывали бѣлые уголки стоячаго воротника рубашки, такъ называемые *Vatermörder*'ы: такіе рубашки и галстуки были еще остаткомъ моды Николаевского времени.

Не помню теперь всѣхъ прибаутокъ, которыми Никита Ивановичъ разнообразилъ эту лекцію, помню только, что, объясняя какія-то права владѣнія, онъ бралъ стоящую передъ нимъ чернильницу и, сойдя съ нею съ кафедръ, ставилъ ее посреди аудиторіи на полъ и съ забавной жестикуляціей излагалъ эти права: затѣмъ, говоря, что однородныя дѣйствія имѣютъ различныя цѣли, задавалъ вопросъ: одинаковыя ли цѣли преслѣдуются, на примѣръ, генераломъ и мужикомъ, залѣзающими ночью на чужой дворъ въ подворотню. «Дѣйствіе у нихъ одно, но цѣли различныя, говорилъ онъ,—генераль лѣзетъ потому, что у него завелись тамъ любовныя шашни, а мужикъ, чтобы воровать».

Никита Ивановичъ представлялъ собою остатокъ прошлаго и былъ единственнымъ въ своемъ родѣ. Онъ, какъ говорятъ, любилъ и выпить. Своею фигурой и лицомъ Крыловъ напоминалъ скорѣе какого-нибудь чиновника изъ Управы благочинія или двороваго человѣка, чѣмъ представителя науки, пользовавшагося репутаціей знатока римскаго права.

Заговоривъ о Щербачевыхъ, припоминается мнѣ одинъ вечеръ, когда у нихъ собралась компанія молодежи. Университетскіе экзамены только что кончились, и въ числѣ присутствующихъ было много лицъ, покончившихъ навсегда съ лекціями и экзаменами, и потому настроеніе собравшихся было особенно веселое. Среди гостей былъ князь А. А. Цертелевъ, извѣстный въ Москвѣ подъ прозвищемъ *le prince lutin*. Это былъ замѣчательно живой и остроумный молодой человѣкъ, обладавшій къ тому еще очень красивой наружностью. Впослѣдствіи, будучи первымъ секретаремъ при русскомъ посольствѣ въ Константинополѣ, онъ во время Турецкой войны 1877—78 г.г. поступилъ въ армію въ качествѣ рядового и провелъ наши войска черезъ Балканы, такъ какъ хорошо зналъ эти мѣстности, дѣлая раньше частыя экскурсіи въ горы. Получивъ нѣсколько Георгіевскихъ крестовъ за войну, онъ по окончаніи ея вновь поступилъ на дипломатическую службу. Къ сожалѣнію, преждевременная смерть лишила Россію этого храбраго, энергичнаго и талантливаго человѣка, который среди нашихъ дипломатовъ такъ рѣзко выдѣлялся на фонѣ общей ихъ бездарности.

Его младшій братъ, Д. А. Цертелевъ, представлялъ собою совершенную противоположность съ братомъ по складу и свойствамъ своего ума. Большой любитель поэзіи и философіи, это былъ спокойный, малоразговорчивый человѣкъ. Въ описываемое

много время онъ былъ еще студентомъ Московскаго университета, тогда, какъ его братъ поступилъ уже на службу и долженъ былъ ѣхать въ Константинополь.

Въ тотъ вечеръ у Щербачевыхъ былъ еще П. П. Зиловъ, впоследствии профессоръ математики и попечитель одного изъ южныхъ округовъ. Изъ братьевъ Щербачевыхъ двое младшихъ, Юрій и Сергѣй, праздновали окончаніе своего университетскаго курса; изъ нихъ Юрій былъ большимъ пріятелемъ старшаго Цертелёва и по складу своего ума, живого и остроумнаго, очень походилъ на него. Они одновременно начали службу въ Константинополѣ, и впоследствии Юрій былъ посланникомъ въ Греціи.

Послѣ чая и закуски насъ всѣхъ потянуло на свѣжій воздухъ; ночь была свѣтлая и прекрасная, и мы всей компаніей рѣшили пройтись погулять по бульвару. Не помню теперь, кто именно подаль мысль, которою сейчасъ же воспользовались Цертелёвъ и Юрій Щербачевъ, устроить шествіе на бульварахъ, какъ это устраиваютъ нѣмецкіе и французскіе студенты, такъ называемый Gänsemarsch или по-французски Mopome, заключающійся въ томъ, что всѣ присутствующіе молча ходятъ одинъ за другимъ длинной вереницей, то вытягиваясь въ прямую линію, то дѣлая змѣеподобные зигзаги, окружая встрѣчающихся къ ихъ великому недоумѣнію и перепрыгивая одинъ за другимъ черезъ падающія на дорогѣ преграды, какъ-то: извозчичьи пролетки или бульварныя скамейки (въ то время на бульварахъ не было еще желѣзныхъ скамеекъ со спинками). Предложеніе устроить Gänsemarsch было единогласно принято. Князь Цертелёвъ для вящаго эффекта предложилъ еще всѣмъ взять по какому-нибудь пищику или другому инструменту, подражающему голосу разныхъ птицъ и животныхъ, употребляемыхъ при охотѣ для подманиванія дичи. У Щербачевыхъ имѣлось большое разнообразное собраніе такихъ пищиковъ, подражающихъ крику перепеловъ, дикихъ утокъ, зайцевъ и т. д. Самъ же Цертелёвъ вооружился большимъ охотничьимъ рогомъ, сдѣланнымъ изъ огромнаго рога дикаго африканскаго буйвола. Надѣтый имъ себѣ на спину подъ лѣтнее пальто, онъ придавалъ его фигурѣ комическій видъ уродливаго горбуна. Хотя было уже за полночь, но гуляющихъ на улицахъ, а въ особенности на бульварахъ было еще много. Мы начали свое шествіе съ Никитскаго бульвара, въ глубокомъ молчаніи шествуя одинъ за другимъ, то длинной вереницей, то зигзагами, перепрыгивая черезъ скамейки, то вдругъ описывая большой кругъ, захватывая въ его середину группы гуляющихъ, которые при этомъ маневрѣ въ недоумѣніи останавливались, не зная, что имъ дѣлать, сердиться или смѣяться. Цертелёвъ, шедшій впереди,

время отъ времени издавалъ своимъ рогомъ ревущіе звуки, на которые отвѣчали птичьи и заячьи голоса, подъ аккомпанементъ смѣха гуляющей публики.

На бульварахъ мы встрѣтили еще нѣсколько знакомыхъ студентовъ, которые тотчасъ же примкнули къ намъ, такъ что, чѣмъ дальше мы шли, тѣмъ число наше увеличивалось. Проходя черезъ Никитскую площадь, намъ попались на дорогѣ пустые извозчики, мы стали одинъ за другимъ перепрыгивать черезъ ихъ пролетки, вскакивая на подножку и быстро соскакивая съ другой стороны. Изумленные извозчики останавливали лошадь и съ открытыми ртами смотрѣли, что это такое, и скоро ли настанетъ конецъ этой напасти. Городовыхъ тогда было немного, и тѣ два-три фараона, которыхъ мы видѣли одиноко стоящими на своихъ постахъ, не сочли нужнымъ привязываться къ намъ, тѣмъ болѣе, что насъ было много. Самый большой эффектъ произвело наше шествіе и птичьи голоса на Тверскомъ бульварѣ, гдѣ больше всего было гуляющихъ, со стороны которыхъ мы встрѣчали полное сочувствіе, не взирая на то, что порою мы заставляли ихъ останавливаться и уступать намъ дорогу. Такова была тогда патріархальность Москвы, что, несмотря на то, что домъ оберъ-полицмейстера находился на Тверскомъ бульварѣ, никто не помѣшалъ намъ въ нашей прогулкѣ. Попробовала бы молодежь продѣлать такую штуку теперь, живо бы явились вооруженные винтовками конные и пѣшіе городовые, и всѣ участники «монома» очутились бы въ ближайшемъ участкѣ.

Какъ я уже сказалъ, оба брата Цертелевы мало походили другъ на друга. Дмитрій Цертелевъ, съ которымъ я былъ ближе знакомъ и чаще видѣлся, занимался поэзіей и философіей. Онъ былъ знакомъ съ поэтомъ гр. Алексѣемъ Толстымъ, произведенія котораго очень любилъ и благодаря которому одно время увлекался спиритизмомъ. Извѣстный въ то время, какъ очень сильный медіумъ, американецъ Юмъ приходился сродни Толстому по женѣ; если не ошибаюсь, Юмъ былъ женатъ на сестрѣ графини и, пріѣзжая въ Россію, гостилъ въ имѣніи графа. Цертелевъ говорилъ мнѣ, что Толстой рассказывалъ ему удивительныя вещи о медіумической силѣ Юма. У него въ домѣ даже послѣ отъѣзда послѣдняго продолжались нѣкоторое время явленія самопроизвольнаго передвиженія мебели и другихъ предметовъ, и слышались разные стуки. Самому Цертелеву не случалось видѣть Юма и присутствовать при его сеансахъ, зато онъ посѣщалъ въ Москвѣ нѣкоторыхъ лицъ, интересовавшихся спиритизмомъ, между прочимъ одного Аксакова, очень убѣжденнаго и вѣрующаго спирита. Я помню, какую сенсацию произвело тогда извѣстіе, что въ Парижѣ по-

явился фотографъ медиумъ, дѣлавшій снимки съ живыхъ людей съ призраками тѣхъ лицъ, о которыхъ они думали во время сниманія. Аксаковъ, слѣдившій за всѣмъ, что совершалось въ этой области, получилъ въ то время нѣсколько такихъ снимковъ и показывалъ ихъ Цертелеву, чѣмъ еще больше укрѣпилъ его вѣру въ спиритизмъ. Впослѣдствіи обнаружилось, что эти снимки съ матеріализовавшихся призраковъ не что иное, какъ самый грубый обманъ легковѣрной публики. Слушая рассказы Цертелева, я заинтересовался спиритизмомъ, хотя никогда въ него не вѣрилъ.

Собираясь у Цертелева, мы дѣлали опыты, впрочемъ всегда неудачные. Кромѣ меня интересовался этимъ вопросомъ и Владимиръ Соловьевъ. Я встрѣчался съ нимъ нѣсколько разъ у Цертелева; онъ только что тогда кончилъ Московскій университетъ, но уже выделялся среди молодежи, какъ по своей наружности, такъ и по своимъ взглядамъ. Это былъ высокій и очень худощавый молодой человѣкъ, казавшійся еще выше, благодаря своей худобѣ, съ задумчивымъ блѣднымъ лицомъ, съ небольшою бородкой и длинными волосами. Въ его лицѣ больше всего поражали большіе, выразительные, темные глаза, глубоко сидящіе подъ густыми, очень широкими, почти сходящимися надъ переносицей въ одну сплошную черную полосу, бровями. Такихъ бровей я ни у кого послѣ не видалъ; онѣ придавали странный видъ его лицу и какъ бы увеличивали и усиливали выразительность и размѣры его глазъ. Съ него можно было бы писать или библейскаго пророка, или демона; не даромъ, какъ онъ рассказывалъ, во время его поѣздки по Египту, нѣсколько феллаховъ, увидавъ его однажды одиноко расхаживающимъ среди развалинъ какого-то древняго храма, приняли его за чорта и разбѣжались съ крикомъ: «Шайтанъ, шайтанъ!»

Черезъ Цертелева познакомился я въ ту пору и съ графомъ Соллогубомъ, женатымъ на старшей дочери бар. Боде, Наталья Михайловнѣ, очень остроумной и красивой женщинѣ, представлявшей по своему характеру полную противоположность со своей сестрой Марьей Михайловной: насколько послѣдняя была тиха и скромна, настолько Наталья Михайловна была бойка и, еще будучи дѣвушкой, пользовалась репутаціей *enfant terrible*. Мужъ ея, гр. Соллогубъ, обладалъ большою фантазіей и очень талантливо рисовалъ всякую чертовщину: вѣдьмъ, лѣшихъ, домовыхъ, водяныхъ и всевозможныхъ чертей, которыхъ называлъ епишками и увѣрялъ, что часто видитъ ихъ «выдувающимися», какъ онъ выражался, изъ стѣнъ, мебели и др. предметовъ, и дѣйствительно, изображаемые имъ епишки были неподражаемы по своему разнообразію и выразительности.

У Соллогуба встрѣчался я съ молодыми гр. Барановыми, изъ которыхъ старшій былъ замѣчателенъ своей красивой наружностью, огромнымъ ростомъ и большой силой. Онъ напоминалъ портреты Петра Великаго въ юные годы. Бывалъ у Соллогуба и камеръ-юнкеръ Мерлинъ, тоже большой силачъ, занимавшійся окултизмомъ и, какъ онъ увѣрялъ, вѣрившій въ колдовство и въ существованіе различной нечистой силы.

Это былъ очень несимпатичный и злой человѣкъ, получившій, какъ ходилъ слухъ, камеръ-юнкерство за предательство Ишутина, пострадавшаго по дѣлу Каракозова.

Не зная еще тогда этого подвига Мерлина, онъ производилъ на меня всегда какое-то отталкивающее впечатлѣніе.

Къ этому же времени относится и мое знакомство съ семьей князя Львова. Его старшій сынъ, Владимиръ Евгеніевичъ, одно время посѣщалъ Московскую школу живописи, но скоро ее бросилъ, очевидно, не имѣя истиннаго влеченія къ искусству. Второй его братъ, Алексѣй, часто бывалъ у насъ въ домѣ и хотя ничего общаго съ искусствомъ не имѣлъ, но со временемъ занялъ мѣсто директора Московской школы живописи. Я ихъ обоихъ впослѣдствіи какъ-то потерялъ изъ вида и только съ ихъ третьимъ братомъ, Георгіемъ, встрѣтился по прошествіи многихъ лѣтъ въ Тулѣ на поприщѣ общественной дѣятельности, когда былъ избираемъ губернскимъ гласнымъ отъ Новосильскаго уѣзда.

По воскресеньямъ бывалъ у насъ въ Москвѣ и Мих. Ив. Пыляевъ, извѣстный впослѣдствіи своею литературною дѣятельностью. Онъ былъ авторомъ книгъ: «Старая Москва», «Старый Петербургъ», «Забытое прошлое окрестностей Петербурга» и мн. др., содержащихъ въ себѣ очень интересныя историческія и бытовыя свѣдѣнія. Будучи большимъ любителемъ драгоцѣнныхъ камней, онъ составилъ ихъ подробное описаніе, приводя въ немъ и исторію нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ напр. алмаза санси, принадлежащаго еще Карлу Смѣлому, англійскаго коинура и русскаго Орлова. Книга эта называется «Драгоцѣнные камни». Приходя къ намъ Михаилъ Ивановичъ всегда имѣлъ въ карманѣ завернутые въ бумажки «камешки», какъ онъ ихъ называлъ. Онъ любилъ ихъ показывать и рассказывать исторію драгоцѣнныхъ камней, которыя впослѣдствіи и помѣстилъ въ своей книгѣ.

Обладая удивительною памятью и большими познаніями бытовой и анекдотической стороны нашей исторіи, Пыляевъ въ обществѣ былъ чрезвычайно интереснымъ собесѣдникомъ, оживлявшимъ всегда своими рассказами наши воскресные вечера. Бывалъ

онъ у насъ и въ Моховомъ съ помѣщикомъ Орловской губерніи Мацневымъ, прїѣзжавшимъ къ намъ на осеннія охоты со своими гончими и борзыми собаками. Говорили, что Пыляеву одно время былъ воспрещенъ вѣздъ въ столицы, вслѣдствіе чего онъ жилъ долгое время у Мацнева, въ его имѣніи Малоархангельскаго уѣзда, носившее тоже названіе Мохового.

Въ Москвѣ Михаилъ Ивановичъ сталъ у насъ бывать только впослѣдствіи, въ 70-хъ г.г., а въ Петербургѣ я видѣлъ его уже въ 90-хъ г.г., незадолго до его смерти. О себѣ и о своемъ прошломъ онъ никогда не говорилъ, равнымъ образомъ онъ никогда и никому не давалъ своего адреса, такъ что, несмотря на долгое знакомство съ нимъ, его личность и жизнь оставались окруженными какой-то таинственностью.

Въ серединѣ 70-хъ годовъ мнѣ пришлось нѣсколько разъ побывать въ Ясной Полянѣ у графа Льва Николаевича Толстого.

Еще въ 60-хъ г.г. онъ прїѣзжалъ къ намъ въ Моховое вмѣстѣ съ Дмитріемъ Алексѣвичемъ Дьяковымъ. Въ то время онъ начиналъ писать «Войну и Миръ» и собиралъ матеріалы для этого романа.

Полагая, что въ моховской библіотекѣ найдутся еще старыя газеты временъ Освободительной войны, онъ интересовался познакомиться съ ними. Не помню, нашелъ ли онъ то, чего искалъ или нѣтъ.

Въ 70-хъ г.г. съ нимъ познакомился Павелъ Дмитріевичъ Голохвастовъ, съ которымъ я въ первый разъ и былъ въ Ясной Полянѣ. Въ это время Левъ Николаевичъ начиналъ писать «Анну Каренину».

Поѣхали мы въ Ясную Поляну зимой, на второй или третій день Новаго года. Эта поѣздка, какъ и двѣ остальные, оставила во мнѣ самыя свѣтлыя воспоминанія. На полустанкѣ Козловская Засѣка насъ ожидали лошади графа. Сколько мнѣ помнится, мы прїѣхали вечеромъ и были встрѣчены самымъ радушнымъ образомъ, какъ графомъ, такъ и его супругой. Графу тогда было, вѣроятно, лѣтъ 47 или 48, онъ былъ высокаго роста, худощавый, широкоплечій и съ хорошо развитыми мышцами человѣкъ. Что больше всего привлекало въ его наружности, такъ это выразительные, глубоко сидящіе подъ густыми бровями темно-голубые глаза, въ которыхъ отражались всѣ испытываемыя имъ впечатлѣнія; при спокойномъ состояніи выраженіе ихъ было задумчивое и доброе. Хотя тогда графъ и не увлекался еще тѣми идеями, которыя сталъ проповѣдывать впослѣдствіи, но уже и тогда онъ

жилъ очень просто и обыкновенно ходилъ въ сѣрой суконной блузѣ, подпоясанной ремнемъ.

Когда-то въ Ясной Полянѣ былъ большой барскій домъ, стоявшій среди двухъ, расположенныхъ по его бокамъ, флигелей, но затѣмъ во дни юности графа, онъ былъ имъ проданъ на сносъ, а графъ перебрался для жизни въ одинъ изъ флигелей; въ другомъ флигелѣ лѣтомъ жили пріѣзжавшіе гостить въ Ясную Поляну родственники графа и его жены.

По мѣрѣ того, какъ увеличивалась семья Льва Николаевича, дѣлались и пристройки къ занимаемому имъ флигелю, и надо полагать, что въ настоящее время онъ имѣетъ совершенно иную внѣшность, чѣмъ тогда, когда я его видѣлъ.

Въ то время это было двухъэтажное зданіе, лишенное всякой наружной архитектуры: однимъ фасадомъ оно выходило въ садъ, а другимъ на дворъ, съ растущимъ посрединѣ его передъ домомъ большимъ деревомъ, подъ которымъ были поставлены коновязи. Въ нижнемъ этажѣ помѣщался кабинетъ графа, а наверху, во второмъ этажѣ была большая зала, служащая и столовою, и гостиная съ балкономъ, выходящимъ въ садъ. Мебель и обстановка въ домѣ были очень просты, безъ малѣйшей роскоши. Стѣны зала украшало нѣсколько семейныхъ портретовъ.

Мы провели въ нашъ пріѣздъ въ Ясной Полянѣ два или три дня. Меня помѣстили въ кабинетъ графа, я и сейчасъ припоминаю испытанное мною чувство благоговѣнія, когда я впервые вошелъ въ этотъ, такъ просто обставленный, кабинетъ, съ письменнымъ столомъ около окна, на которомъ ничего не было лишняго, съ полками книгъ и висѣщими на стѣнѣ охотничьими принадлежностями. Графъ тогда еще любилъ охоту, какъ съ ружьемъ, такъ и съ борзыми собаками.

На другой день послѣ нашего пріѣзда вечеромъ, когда мы послѣ обѣда сидѣли въ гостиной и разговаривали, слуга доложилъ графу, что пришли ряженые, и графъ сказалъ позвать ихъ въ залъ, куда мы всѣ вышли и куда черезъ мгновеніе ввалилась толпа ряженыхъ дворовыхъ людей и рабочихъ. Графъ и графиня приняли ихъ ласково и просто. Ряженые плясали, выкидывали всякія колѣнца и веселились, какъ у себя дома безо всякаго стѣсненія. Въ пляскѣ особенно отличалась своимъ проворствомъ и ухарствомъ небольшого роста худенькая женщина, лица которой не было видно, изъ-за надѣтой на нее какой-то размалеванной маски. Левъ Николаевичъ сказалъ намъ, что эта неутомимая плясунья, служащая у него скотницей, 60-тилѣтняя старуха. Смотрѣть на ряженыхъ собрались и всѣ дѣти Льва Николаевича, которые тогда были еще очень юны.

Ряженные веселились отъ души, хозяева шутили съ ними и смѣялись ихъ остротамъ и прибауткамъ. Графу очевидно нравилось ихъ веселье, и онъ говорилъ, что на Святкахъ ряженные всегда приходятъ къ нимъ.

При разговорахъ графъ любилъ спрашивать своихъ собесѣдниковъ и узнавать ихъ взгляды на различные вопросы. Въ немъ была замѣтна большая наблюдательность, и онъ интересовался даже разными мелкими деталями. Такъ, я помню, что онъ спрашивалъ меня, изъ какихъ классовъ общества происходятъ нѣкоторые выдающіеся художники. Отвѣчая на его вопросъ, я тогда, между прочимъ, сказалъ ему, что одинъ изъ талантливейшихъ учениковъ Московской школы живописи сынъ швейцара Крѣмлевскаго дворца, и Левъ Николаевичъ, описывая художника въ Аннѣ Карениной, говоритъ, что онъ былъ сыномъ придворнаго лакея.

Мнѣ думается, что въ то время онъ больше заставлялъ говорить своихъ собесѣдниковъ, чѣмъ говорилъ самъ.

Кромѣ этого посѣщенія Ясной Поляны, я былъ у графа еще два раза: одинъ разъ подъ осень и другой разъ весною. Будучи у него въ концѣ августа, я засталъ въ Ясной Полянѣ большое общество. Въ этотъ мой пріѣздъ мы ѣздили съ Львомъ Николаевичемъ и съ мужемъ его племянницы, Нагорнымъ, на охоту на болотную дичь, и я сопровождалъ графу въ его обычныхъ прогулкахъ верхомъ. Ѣздили мы въ казенный лѣсъ, такъ называемую Тульскую заѣмку, начинавшійся недалеко отъ имѣнія графа.

Разговорясь со мной какъ-то объ охотѣ съ борзыми, Левъ Николаевичъ, узнавъ, что я люблю и этотъ родъ охоты, подарилъ мнѣ прекрасную борзую собаку англійской породы, которую звали Змѣйкой. Это была граціозная и красивая сука, черной масти, она долго жила у меня въ Мохомовѣ. Въ ту пору его уже начинали занимать религіозные вопросы, и онъ часто наводилъ на нихъ разговоръ.

Мнѣ особенно памятенъ одинъ изъ нихъ, происшедшій между нами вечеромъ, подъ звѣзднымъ небомъ, на балконѣ передъ гостиной. Выйдя со мной на этотъ балконъ, Левъ Николаевичъ заговорилъ о вѣрѣ въ безсмертіе души, загробную жизнь и о томъ, что говорить объ этомъ церковь, сказавъ, что, здраво размышляя, не можетъ всему этому вѣрить; затѣмъ онъ спросилъ меня, какъ я смотрю на эти вопросы. Мнѣ было тогда 23 или 24 года: воспитанный въ традиціяхъ внѣшней обрядовой религіозности, я въ это время мало вдумывался въ сущность этихъ вопросовъ, и тотъ болѣзненный процессъ нравственной ломки, сопровождающій исканіе божественныхъ истинъ и осмысленной, не основанной на

самообманахъ, вѣры, который повидимому начинался въ душѣ Льва Николаевича, тогда еще не коснулся меня; онъ насталъ для меня много лѣтъ спустя послѣ этого разговора.

На заданный мнѣ вопросъ я тогда отвѣтилъ Льву Николаевичу, что, вѣря въ существованіе божества и не будучи въ состояніи разобратся въ религіозныхъ вопросахъ самостоятельно, я стараюсь принимать ученія церкви, не анализируя ихъ, опасаясь такого анализа, могущаго привести меня къ полному безвѣрію. Мой отвѣтъ заставилъ его задуматься.

Въ появившихся впослѣдствіи главахъ продолженія *Анны Карениной* разговоръ Левина съ крестьяниномъ, въ которомъ послѣдній высказываетъ буруемаому сомнѣніями Левину простоту своихъ религіозныхъ воззрѣній, заставившихъ Левина измѣнить свой прежній образъ мыслей, очень напомнилъ мнѣ нашъ разговоръ съ графомъ, измѣнившимъ вскорѣ послѣ этого и свое отношеніе къ церкви.

Много лѣтъ спустя, когда я былъ по дѣламъ въ Тулѣ, среди прислуги гостиницы, въ которой я остановился, оказался нѣкій Огурцовъ, служившій лакеемъ у графа Толстого въ ту пору, когда я бывалъ въ Ясной Полянѣ. Этотъ Огурцовъ узналъ меня, и я разговорился съ нимъ о графѣ и его семьѣ. Онъ, между прочимъ, сказалъ мнѣ, что вскорѣ послѣ окончанія изданія *Анны Карениной* Левъ Николаевичъ очень измѣнился, сталъ посѣщать церковныя богослуженія, ѣздилъ даже къ заутренѣ въ сосѣднее село, при чемъ, чтобы никого не беспокоить, вставалъ до свѣта, самъ ходилъ въ конюшню, сѣдлалъ свою верховую лошадь, не будя конюховъ, и одинъ уѣзжалъ въ церковь.

Затѣмъ, однажды взявъ съ собою Огурцова, совершилъ даже пѣшкомъ паломничество въ какой-то монастырь, если не ошибаюсь, въ Оптину Пустынь. Отправились они въ это паломничество въ крестьянской одеждѣ, при чемъ въ одномъ селѣ возбудили подозрѣніе старшины, который потребовалъ отъ нихъ ихъ документы и пришелъ въ большое недоумѣніе, когда узналъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло. Но этотъ періодъ исканія разрѣшенія своихъ сомнѣній во внѣшней церковной обрядности и у духовенства длился недолго, и Левъ Николаевичъ, не найдя того, что искалъ, обратилъ свои взгляды въ другую сторону, а, именно, въ глубину своей собственной души и своей совѣсти, удаляясь окончательно отъ нашей казенной церкви, такъ мало дающей тому, кто жаждетъ истины.

Что касается меня, который тогда на балконѣ яснополянскаго дома, не задумываясь и вполнѣ искренно изложилъ Льву Николаевичу свою *profession de foi*, то со мной произошло то же самое.

Чѣмъ больше развивалось во мнѣ сознательное отношеніе къ жизни и ко всему окружающему, тѣмъ сильнѣе возникала и потребность анализа, тѣмъ ярче выступали несоотвѣтствія ученія церкви съ законами природы и жизни, и я пришелъ къ тому же, къ чему пришелъ и Толстой.

Встрѣтивъ въ тульской гостиницѣ Огурцова, я очень заинтересовался вопросомъ, насколько искренни были стремленія Толстого къ опрощенію; многіе считали это съ его стороны извѣстнаго рода рисовкой; полагая, согласно французской пословицѣ: *il n'y a pas de grand homme pour son valet de chambre*, я сталъ разспрашивать по этому поводу Огурцова, но въ данномъ случаѣ поговорка эта оказалась невѣрной: несмотря на то, что Огурцовъ былъ удаленъ изъ Ясной Поляны за свою любовь къ водкѣ, тѣмъ не менѣе для него личность графа являлась выше всякой критики, и изъ его словъ я могъ заключить, что онъ былъ убѣжденъ въ томъ, что графъ измѣнилъ свой образъ жизни и прежнія привычки исключительно изъ желанія «жить по-Божьи». Этимъ онъ объяснялъ хожденіе графа на деревню исполнять различныя работы для бѣдныхъ вдовъ, одинокихъ старухъ. Такъ онъ чинилъ имъ развалившіяся печи и убиралъ ихъ полосы хлѣба, при чемъ старухи нерѣдко даже командовали имъ и бывали въ претензіи, когда онъ опаздывалъ приходомъ на работу. На мое замѣчаніе, что вмѣсто того, чтобы самому работать, Левъ Николаевичъ могъ бы давать имъ на это деньги или нанимать имъ рабочихъ, Огурцовъ возражалъ, что это было бы совсѣмъ другое дѣло, и что графъ, поступая такъ, какъ онъ поступалъ, дѣлалъ не только доброе дѣло, но совершалъ еще подвигъ христіанскаго смиренія.

Въ заключеніе нашей бесѣды Огурцовъ принесъ мнѣ прочитать начатыя имъ записки, въ которыхъ онъ хотѣлъ изложить свои воспоминанія о Львѣ Николаевичѣ за время пребыванія въ Ясной Полянѣ. Читая эту, конечно, очень безграмотно и наивно написанную рукопись, я опять вспомнилъ вышеприведенную французскую поговорку, и насколько она не вѣрна по отношенію къ русскому простому человѣку, всегда отзывчивому ко всему искреннему и хорошему. Я очень сожалѣю, что не переписалъ тогда этой рукописи, имѣвшей бы теперь для меня большую цѣнность, будучи въ нѣкоторомъ родѣ гласомъ народа, а не сдѣлалъ я это потому, что Огурцовъ еще хотѣлъ продолжать свои воспоминанія.

Я поддержалъ его тогда въ этомъ намѣреніи, предложивъ ему, когда онъ окончитъ, пересмотрѣть и исправить его рукопись, но когда черезъ нѣкоторое время мнѣ вновь пришлось быть въ Тулѣ,

то Огурцова въ гостиницѣ уже не оказалось, вѣроятно и тутъ ему отказали изъ-за его слабости къ водкѣ.

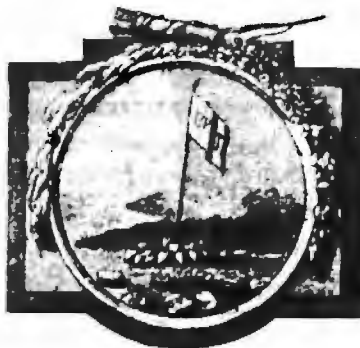
Во время моего вторичнаго посѣщенія Ясной Поляны я видѣлъ у Толстого его сосѣда-помѣщика, жена котораго изъ ревности къ мужу покончила съ собой, бросившись подъ поѣздъ; эта семейная драма и дала графу мысль о такомъ же концѣ для Анны Карениной.

Въ послѣдній разъ мнѣ пришлось быть въ Ясной Полянѣ весною. По пути изъ Москвы въ Моховое я заѣхалъ къ Льву Николаевичу, гдѣ, какъ всегда я встрѣтилъ радушный и ласковый пріемъ. Лѣтомъ обыкновенно онъ отдыхалъ и не занимался литературой; этой работѣ онъ посвящалъ осенніе и зимніе мѣсяцы. Онъ и тогда любилъ принимать лѣтомъ участіе въ сельскихъ работахъ и иногда выходилъ косить траву и выѣзжалъ въ поле съ сохою. Въ Москву онъ ѣздилъ рѣдко и не принималъ участія въ тогдашнихъ литературныхъ кружкахъ и обществахъ, придерживаясь того мнѣнія, что художники кисти или слова должны работая изолироваться, дабы сохранить свою полную оригинальность и не подпадать подъ постороннее вліяніе.

Въ разговорѣ какъ-то съ графомъ объ Айвазовскомъ, на мои слова, что послѣдній большую часть своихъ произведеній пишетъ въ Феодосіи или въ своемъ имѣніи Шахъ-Мамаѣ, что лишаетъ его возможности сравнивать свою работу съ работами другихъ художниковъ, Левъ Николаевичъ сказалъ, что Айвазовскій хорошо дѣлаетъ, и что если бы онъ самъ былъ живописцемъ, то никому бы не показывалъ своихъ работъ до ихъ окончанія.

Говоря о процессѣ своего творчества, онъ сознавался, что не всегда работаетъ съ одинаковой охотой и увлеченіемъ, что бываютъ дни, когда онъ принужденъ заставлять себя работать.

Н. Шатиловъ.

Шпіонъ Робеспьера въ Черноморскомъ флотѣ.

Великая французская революція наводнила всѣ европейскія государства и, въ частности, Россію, невиданнымъ до того обиліемъ дворянъ-эмигрантовъ всякаго званія, пола и возраста. Въ Россіи этимъ выходцамъ оказывался самый радушный пріемъ, и въ рѣдкой богатой помѣщичьей семьѣ не было француза - гувернера. Болѣе крупные изъ эмигрантовъ, принадлежавшіе къ старымъ дворянскимъ фамиліямъ и обладавшіе титулами, старались пристроиться на государственныя должности въ арміи, флотѣ и т. п. Екатерининское правительство относилось къ нимъ довѣрчиво и охотно предоставляло желаемыя мѣста. Громкія имена древнихъ родовъ Франціи, представители которыхъ лишились родины изъ-за преданности къ королевской династіи, высоко ставились въ глазахъ современнаго русскаго общества. Къ сожалѣнію, не всѣ представители французскаго дворянства заслуживали этого уваженія, и среди нихъ было не мало лицъ съ весьма сомнительной репутаціей. Къ числу такихъ отрицательныхъ типовъ слѣдуетъ отнести, вступившаго въ 1793 г. въ русскую службу, графа Огюста Монтаю.

Графъ Монтаю не былъ простымъ эмигрантомъ, искавшимъ убѣжища въ далекой Россіи. Бывшій лейтенантъ королевскаго флота, убѣжденный роялистъ, онъ послѣ паденія династіи дѣлается ярымъ якобинцемъ, входитъ въ довѣріе къ Робеспьеру и становится однимъ изъ дѣятельныхъ агентовъ конвента. Внѣшнее политическое положеніе Франціи было въ то время очень серьезнымъ; мо-

гущественная европейская коалиція объявила войну республикѣ. Великобританія, Испанія, Австрія, Неаполь и войска папы Пія VI грозили нашествіемъ. Нейтралитетъ держали лишь Швеція, Россія, Турція и нѣкоторые мелкія государства. Конвентъ организовалъ обширную сѣть шпіонажа въ этихъ государствахъ, не довѣряя ихъ дружелюбнымъ заявленіямъ. Во главѣ этой организаціи находился проживавшій въ Вѣнѣ аббатъ Сабатье-де-Кастръ¹⁾. Онъ имѣлъ непосредственныя сношенія съ молдавскимъ господаремъ княземъ Мурузи, который совмѣстно съ агентами турецкаго правительства слѣдилъ за дѣйствіями Россіи и о результатахъ своихъ наблюденій сообщалъ конвенту чрезъ аббата Сабатье. Оттоманская Порта старалась раздуть недовѣріе къ Россіи, увѣряя Сабатье, чрезъ кн. Мурузи, во враждебныхъ замыслахъ русскаго правительства противъ Франціи. Сабатье нашелъ необходимымъ имѣть искуснаго шпіона во Россіи, и выборъ его палъ на гр. Монтагю. Родовитый французъ, бывшій лейтенантъ королевскаго флота, какъ нельзя болѣе подходилъ къ этой цѣли. Прошлое графа не только не могло возбудить подозрѣній въ русскомъ правительствѣ, но еще выше поднимало его престижъ.

Сабатье обратился къ нашему чрезвычайному послу въ Вѣнѣ, гр. Андрею Кирилловичу Разумовскому²⁾, съ просьбой принять бывшаго французскаго моряка на русскую службу. Разумовскій охотно согласился на это ходатайство, немедленно сообщилъ императрицѣ, и 8 апрѣля 1793 г. гр. Платонъ Зубовъ письмомъ увѣдомилъ командира Черноморской эскадры о состоявшемся высочайшемъ повелѣніи о зачисленіи гр. Огюста Монтагю капитанъ-лейтенантомъ ввѣреннаго ему флота.

По прибытіи въ Россію, гр. Монтагю поселился въ Шкловѣ и жилъ очень скромно, не принимая у себя никого и посѣщая лишь знаменитаго владѣльца Шклова гр. Зорича, съ которымъ онъ очень близко сошелся. Но скромность эта была только кажущаяся: онъ дѣятельно сносился съ конвентомъ, переписывался съ княземъ Мурузи и слѣдилъ за всѣми дѣйствіями русскаго правительства. Въ Петербургѣ Монтагю имѣлъ помощникомъ нѣкоего Жирара, тоже эмигранта, служившаго у гр. Безбородко. Этотъ Жираръ извѣщалъ Монтагю о всѣхъ петербургскихъ событіяхъ. Кромѣ Жирара (какъ выяснилось позднѣе) было еще нѣсколько шпіоновъ, среди которыхъ находился даже одинъ русскій. Монтагю, въ одномъ изъ своихъ донесеній конвенту, называетъ

¹⁾ Сабатье, де-Кастръ, аббатъ, французъ по происхожденію, род. 13 апр. 1742 г. умеръ въ Парижѣ въ 1817 г. Писатель-памфлетистъ и политическій дѣятель. Извѣстенъ полемикой съ Вольтеромъ.

²⁾ Разумовскій Андрей Кирилл., графъ, посолъ въ Вѣнѣ, род. въ 1752 г., ум. въ 1836 г.

его условнымъ именемъ: Mokotaire; это оставшееся невыясненнымъ лицо играло, повидимому, не послѣднюю роль, такъ какъ конвентъ предлагалъ въ одномъ изъ своихъ отвѣтовъ Монтаю дать «доброму россіянину, Mokotaire» званіе французскаго гражданина, убѣжище во Франціи и должность съ жалованьемъ въ 12.000 ливровъ въ годъ. Повидимому, это былъ тоже офицеръ Черноморской эскадры, такъ какъ онъ находился въ перепискѣ съ константинопольскимъ агентомъ конвента Флоренвилемъ и доносилъ ему регулярно о состояніи нашихъ силъ на Черномъ морѣ. Это же лицо переписывалось съ нѣкимъ Мозолье, который предложилъ Робеспьеру сжечь русскій флотъ по изобрѣтенному имъ способу. По этому поводу Монтаю писалъ въ комитетъ конвента, что «канаты, сѣрою натертыя и насмоленные по способу Мозолье, оказались неудобовыполнимыми. Они дѣйствительно зажигаются—говорилось въ донесеніи—сами, если вынуты изъ воды на воздухъ, но только въ томъ случаѣ, если всѣ ихъ части были покрыты водой, не покрытыя же части не возгораются». Важнымъ же недостаткомъ этого изобрѣтенія является то, что прежде чѣмъ загорѣться, канаты начинаютъ сильно дымиться, что продолжается нѣсколько минутъ и неминуемо обратить на себя вниманіе. Въ виду этого отзыва изобрѣтеніе Мозолье не было одобрено конвентомъ.

Аббатъ Сабатье, получая отъ республики значительныя суммы на шпіонажъ, не имѣлъ особаго желанія тратить ихъ широко. Монтаю позднѣе жаловался, что аббатъ не давалъ ему ни копѣйки денегъ, а направлялъ его къ господарю Мурузи, который тоже только обѣщалъ выплатить обѣщанные ранѣе 1000 дукатовъ. Между тѣмъ, Сабатье удалось помѣстить другого шпіона, эмигранта Жирара, въ качествѣ секретаря къ гр. Безбородко. Жираръ долженъ былъ также поступить въ Черноморскій флотъ и дѣйствовать совмѣстно съ Монтаю, но потомъ планъ этотъ былъ измѣненъ, и Жираръ остался у графа. Повидимому, Жираръ долженъ былъ сообщать Монтаю обо всемъ, что дѣлалось при петербургскомъ дворѣ. Гр. Монтаю вполнѣ довѣрился Жирару и не скрывалъ отъ него своихъ дѣйствій. Но, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, испортили дѣло деньги. Не получая обѣщаннаго ему вознагражденія, Жираръ рѣшилъ раскрыть организацію и выдать Монтаю русскому правительству. Удобный случай къ этому скоро представился. Монтаю предложилъ Жирару отвезти кн. Мурузи въ Яссы письмо, въ которомъ онъ извѣщалъ господаря о намѣреніяхъ русскаго правительства. Въ письмѣ говорилось, что Балтійскій флотъ не рѣшится пройти проливы (очевидно Мурузи боялся нападенія соединенныхъ Черноморскаго и Балтій-

скаго флотовъ), боясь французовъ, хотя слухъ объ этомъ и распространяется упорно въ петербургскомъ обществѣ. Цѣлью этого слуха является желаніе устрашить Швецію, недовольную раздѣломъ Польши и показать могущество Россіи англійскому правительству. Получивъ этотъ важный документъ въ свои руки, Жиранъ немедленно донесъ обо всемъ генераль-прокурору Самойлову, а самое письмо представилъ при обширной запискѣ гр. Безбородко.

Монтагю проживалъ въ это время въ Могилевѣ и не подозрѣвалъ о предательствѣ Жирана. 9 іюня 1794 г., по предписанію Бѣлорусскаго генераль-губернатора Пассека, онъ былъ арестованъ и препровожденъ въ Петербургъ.

Допрошенный въ тайной экспедиціи Сената, Монтагю сознался въ своихъ преступленіяхъ и просилъ о помилованіи, обѣщая загладить свои проступки. По окончаніи предварительнаго слѣдствія генераль-прокуроръ донесъ императрицѣ, что, «французъ Монтагю обличенъ и самъ признался, что бывъ подкупленъ аббатомъ Сабатье де-Кастръ въ Вѣнѣ и господаремъ молдавскимъ Мурузіемъ, пріѣхалъ въ Россію съ намѣреніемъ быть шпіономъ, что и производилъ, да и тогда, когда уже вступилъ въ службу вашего Императорскаго Величества въ Черноморскій флотъ капитанъ-лейтенантомъ, не токмо не отсталъ отъ сего предпріятія, но и далѣе покусился продолжать таковое зло». «Государственные законы,—доносилъ Самойловъ,—опредѣляютъ шпіонамъ смертную казнь, каковой по законамъ и Монтагю подвергаетъ себя; но такъ какъ Ваше Императорское Величество и въ столь важныхъ преступленіяхъ правосудіе соединяете съ милосердіемъ Вашимъ, то бравъ сіе въ основаніе, полагалъ бы я сослать его въ Сибирь въ какой-либо городъ, къ чему кажутся удобными Березовъ или Туруханскъ по положенію ихъ ближе къ сѣверу, гдѣ бы онъ находился подъ стражею, впредь до повелѣнія; но при томъ осмѣливаюсь Вашему Императорскому Величеству донести, что наказаніе сему Монтагю не столько видится нужнымъ въ разсужденіи самого его, сколько для того, дабы другихъ могло отвращать отъ подобныхъ преступленій, и ежели на сей конецъ должно быть наказаніе, въ такомъ случаѣ мнилъ бы я судить поступокъ его формальнымъ судомъ, для чего и надлежало бы отправить въ команду его въ Черноморское Адмиралтейское правленіе, но дабы не встрѣтилось тамъ каковыхъ недоумѣній и оттого не вышло бы переписокъ, и чрезъ то потеряніе времени, то въ минованіе сего можно судъ надъ нимъ имѣть здѣсь Адмиралтейской Коллегіи, которая на свои представленіи скорѣе можетъ имѣть разрѣшеніе и для сего суда отослать изъ показаній его выписку при Высочайшемъ Вашего Императорскаго Величества повелѣніи».

Что касалось до Жирара, то о немъ генераль-прокуроръ писалъ, что «онъ давно вѣдалъ о вредныхъ замыслахъ Монтагу и не извѣщалъ, а еще и самъ намѣревался по выѣздѣ изъ Россіи вступить съ нимъ въ сообщество, а за сіе по законамъ и осуждается, но по чему бы то ни было, отсталъ отъ намѣренія своего и сдѣлалъ доносъ на Монтагу, чрезъ то можетъ быть предупредить зло, могущее случиться отъ шпіонства, а по всему тому и вина его въ меньшей степени; остается однако жъ сомнѣніе въ вѣрности его впредь по службѣ, и для того считаю я выслать его за границу; тамо ежели бы онъ изъ ненависти за такую высылку и покусился по нынѣшнимъ обстоятельствамъ на вредныя противу Россіи покушенія, но сія опасность несравненно меньше кажется противу той, буде бы его оставить здѣсь свободнымъ, такъ какъ человѣка весьма подозрительнаго, удаленіе же его теперь въ дальнія мѣста Россіи не можетъ ли иногда преградою быть открывать вредныя замыслы участвовавшимъ въ нихъ, въ разсужденіи всего того мышло я оставить его на нѣкоторое время въ теперешнемъ его положеніи, а потомъ подъ какимъ-либо предлогомъ удалить за границу, что и возложить на попеченіе его начальника».

Состоявшимся 17 іюля 1794 г. высочайшимъ повелѣніемъ, капитанъ-лейтенантъ гр. Монтагу былъ преданъ суду Адмиралтейской Коллегіи, а о Жирарѣ было предложено гр. Безбородко, чтобы онъ подъ видомъ какой-либо надобности выслалъ его за границу, что вскорѣ и было исполнено.

10 августа Адмиралтействъ-Коллегія подъ председательствомъ адмирала Голенищева-Кутузова, приступила къ разсмотрѣнію дѣла Монтагу. Обвиняемому былъ поставленъ рядъ вопросовъ: въ какое время, чрезъ кого и почему рѣшилъ онъ сдѣлаться шпіономъ? Вначалѣ Монтагу категорически отрицалъ взводимое на него обвиненіе, но потомъ сознался и объяснилъ, что находясь подъ вліяніемъ аббата Сабатье, онъ уговоренъ былъ послѣднимъ къ поѣздкѣ въ Яссы съ цѣлью служить Оттоманской Портѣ, посредствомъ кн. Мурузи, въ Константинополѣ, но принялъ предложеніе поступить въ русскій флотъ лишь вслѣдствіе отказа кн. Мурузи дать ему мѣсто при себѣ. Во время пребыванія въ Молдавіи, онъ встрѣтился въ Яссахъ съ русскимъ адмираломъ принцемъ Нассау-Зигенъ ¹⁾, предложившимъ ему офицерскую должность въ Черноморскомъ флотѣ. Принцъ Нассау далъ ему лестную рекомендацію къ русскому послу въ Вѣнѣ гр. Разумовскому, который уже зналъ объ немъ отъ аббата Сабатье. Обласкавъ Монтагу, Разумовскій обратился съ ходатайствомъ къ императри-

¹⁾ Адмиралъ принцъ Нассау-Зигенъ, съ 1789 г. командиръ гренадерскаго флота. Уволенъ въ отставку 30 октября 1794 года.

цѣ о разрѣшеніи бывшему лейтенанту французскаго королевскаго флота перейти на русскую службу. Всемиловѣйшее соизволеніе не замедлило послѣдовать. «Съ этого момента,—говорилъ Монтаю въ Адмиралтействъ-Коллегіи,—я рѣшилъ больше не заниматься шпіонажемъ, а посвятить себя исключительно интересамъ новой службы, для чего сталъ прилежно изучать соотвѣтствующія науки». На вопросъ: какъ же онъ, вступивъ на русскую службу, не прекратилъ своей преступной переписки, что доказываетъ письмо къ кн. Мурузи, написанное въ бытность его капитанъ-лейтенантомъ,—Монтаю отвѣтилъ, что написалъ и передалъ это письмо Жирару еще до полученія имъ приказа о назначеніи отъ гр. Зубова и что кромѣ этого письма онъ ничего не писалъ и занимался лишь военными науками. Самое же письмо онъ написалъ потому, что хотѣлъ получить денегъ отъ князя и уѣхать изъ Россіи къ аббату Сабатье, такъ какъ вначалѣ ему въ Россіи не нравилось жить, и онъ перемѣнилъ это мнѣніе лишь тогда, когда подружился съ адмираломъ де-Рибасомъ и генераломъ Зоричемъ.

Не отрицая возводимыхъ на него обвиненій, Монтаю нѣсколько наивно объяснялъ, что въ его поступкахъ имъ руководила не столько жадность къ богатству, сколько благодарность къ его новымъ друзьямъ, и что письмо къ Мурузи было послѣднимъ его проступкомъ. Онъ просилъ передать императрицѣ его глубокое раскаяніе и готовность искупить свою вину. Для этой цѣли онъ просилъ дать ему самую опасную должность: «возженіе брандера или, если потребно, противъ дула пушки», чтобы онъ могъ доказать свою вѣрность и загладить прежнее преступленіе. О своихъ сношеніяхъ съ Комитетомъ общественной безопасности въ Парижѣ и Робеспьеромъ Монтаю не сказалъ ничего.

Генеральный военный судъ, принявъ во вниманіе признаніе подсудимаго, примѣнилъ къ нему высшую мѣру наказанія, налагаемаго морскимъ и сухопутнымъ уставами, и приговорилъ къ смертной казни черезъ четвертованіе ¹⁾. По объявленіи приговора Монтаю былъ лишенъ эполетъ и мундира, закованъ въ ножные кандалы и подвергнутъ особо строгому присмотру.

Но къ исполненію судебнаго рѣшенія встрѣтились формальныя препятствія въ виду того, что смертная казнь указомъ императрицы Елисаветы Петровны 30 сентября 1754 г. была въ Россіи отиѣнена и замѣнялась приговоренному къ ней жестокимъ наказаніемъ кнутомъ, вырѣзаніемъ ноздрей и клейменіемъ. Но и это наказаніе не могло быть исполнено надъ Монтаю, такъ какъ онъ

¹⁾ Морской Уст. кн. 5, гл. 12, арт. 79 и 83 и Воинскій сухопутный уставъ, гл. 16, арт. 124, 127.

былъ дворянинъ, а дворяне, на основаніи 15 пункта Высочайшей грамоты вольностей и правъ російскаго дворянства, тѣлесному наказанію не подлежали.

Обсудивъ создавшееся положеніе, генеральный военный судъ нашелъ, что гр. Монтагю по важности своего преступленія заслуживаетъ лишенія дворянскаго достоинства и поэтому, на основаніи 13 пункта названной грамоты дворянству, постановилъ передать дѣло на благоусмотрѣніе Правительствующаго Сената ¹⁾.

Сенатъ разсмотрѣлъ представленіе Адмиралтействъ-Коллегіи, затруднился вынести рѣшеніе и отнесся всеподданѣйшимъ докладомъ къ императрицѣ. На сенатскомъ докладѣ ²⁾ Екатерина II собственноручно положила резолюцію такого содержанія: «Хотя флота капитанъ-лейтенантъ Монтагю, яко шпіонъ и клятвопреступникъ, всемѣрно заслужилъ смертную казнь, законами ему опредѣленную, Мы однакожъ изъ уваженія, что по скорому открытію преступленія его,—не произошло еще отъ онаго государству Нашему вреда, а болѣе изъ свойственнаго Намъ чловѣколюбія и милосердія, повелѣваемъ его, Монтагю, отъ смертной казни избавить; вмѣсто же того, лиша чиновъ и дворянскаго достоинства, ошельмовать его публично, переломя надъ головою его на эшафотѣ чрезъ палача шпагу, съ коею онъ служилъ, и потомъ сослать въ Сибирь въ вѣчную каторжную работу».

18 декабря 1794 г. Правительствующій Сенатъ высочайшимъ указомъ объявилъ во всеобщее свѣдѣніе, что «Черноморскаго флота капитанъ-лейтенантъ Монтагю по воинскому надъ нимъ суду изобличенъ своеручнымъ письмомъ и самъ признался въ шпіонствѣ, за каковое преступленіе по силѣ законовъ подлежалъ къ смертной казни, но что наказаніе это по Высочайшей милости замѣнено лишеніемъ чести и ссылкой въ каторжныя работы въ Сибирь, что публично въ Санктпетербургѣ надъ тѣмъ Монтагю исполнено и о томъ для свѣдѣнія симъ объявляется».

Такъ трагически кончились похождения, нѣкогда блестящаго офицера королевскаго флота, ех-роялиста и шпіона республики, пожелавшаго служить также и интересамъ турецкаго правительства. Сынъ уважаемаго отца, депутата Національнаго собранія, масонъ по убѣжденіямъ ³⁾, гр. Монтагю не поколебался сдѣлаться международнымъ шпіономъ и покрыть безславіемъ свое родо-

¹⁾ Архивъ Морск. Министерства. Журналы Адмиралтействъ-Коллегіи 1794 г. 10 авг.

²⁾ 22 ноября 1794 года.

³⁾ Въ его бумагахъ былъ найденъ патентъ на его имя, выданный изъ Великой Ложы Франціи въ 1789 году.

тое имя. Онъ былъ забытъ всѣми, и ни французское правительство, ни аббатъ Сабатье не сдѣлали никакихъ попытокъ къ облегченію его участи.

Спустя годъ послѣ осужденія Монтаю, выяснились нѣкоторыя подробности отношеній его къ конвенту въ бытность въ Россіи. Нашъ посланникъ въ Венеціи, Мордвиновъ, письмомъ отъ 23 января 1795 г. ¹⁾ извѣстилъ вице-канцлера гр. Остермана, что ему удалось узнать отъ хранителя архива конвента, нѣкоего Бознарда, о сношеніяхъ Комитета общественной безопасности съ находящимся въ русской службѣ гр. Монтаю. Въ дѣлахъ конвента, писалъ Мордвиновъ, хранятся донесенія этого француза и, между прочимъ, письмо его къ Робеспьеру, въ которомъ Монтаю пишетъ о несовершенствѣ изобрѣтенія Мозолье для сожженія Черноморскаго флота и предлагаетъ его усовершенствовать. Изъ его дальнѣйшихъ донесеній видно, что въ Петербургѣ была цѣлая шпіонская организація, членовъ которой Монтаю называетъ вымышленными именами или обозначаетъ шифромъ. «По словамъ г. Бознарда,—говоритъ въ своемъ донесеніи Мордвиновъ,—оказывается, что одинъ иностранный купецъ въ Петербургѣ, по имени Піетро Аладо, ведетъ переписку съ Комитетомъ чрезъ посредство французскихъ представителей въ Копенгагенѣ, въ частности чрезъ секретаря Фромери, который отправляетъ ихъ въ Парижъ. Въ одномъ изъ такихъ писемъ (26 ноября) Аладо извѣщаетъ Комитетъ, что Монтаю осужденъ въ ссылку, и сообщаетъ о придворныхъ новостяхъ, состояніи войска и доходовъ.

Донесеніе Мордвинова не оставляло сомнѣній въ виновности гр. Монтаю. Корыстолюбіе этого авантюриста, вызвавшее доносъ на него Жирана, спасло Россію отъ послѣдствій его преступной дѣятельности. Рекомендованный Разумовскимъ, обласканный гр. Зубовымъ и принцемъ Нассау, окруженный ореоломъ эмигранта-монархиста, пострадавшаго за преданность королю, Монтаю пользовался довѣріемъ въ петербургскихъ высшихъ кругахъ, зналъ многое и во многомъ могъ повредить.

Въ 1796 г. одинъ изъ вліятельныхъ французскихъ эмигрантовъ гр. Эстергази, прибывшій въ Петербургъ отъ гр. д'Артуа²⁾ для переговоровъ о возстановленіи королевской власти, обратился съ просьбой сообщить ему свѣдѣнія о настоящемъ положеніи Монтаю для приведенія въ порядокъ фамиліальныхъ дѣлъ послѣдняго. Гр. Эстергази было объявлено, что Монтаю, лишенный за шпіонство званія и чина, отбываетъ наказаніе въ Сибири.

Въ сибирскихъ каторжныхъ работахъ онъ пробылъ до 1802 г.

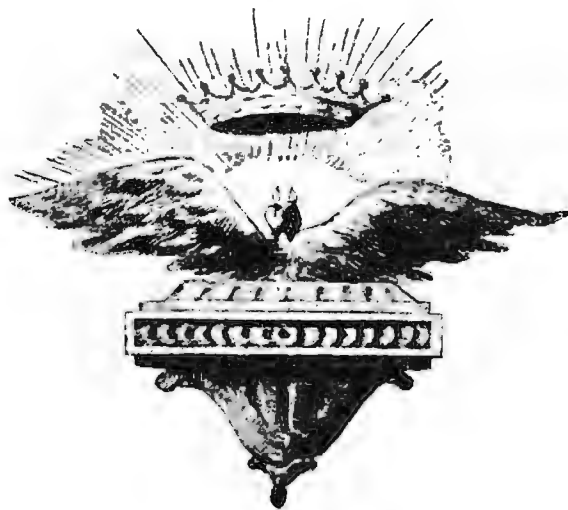
¹⁾ Государств. Архивъ. Разр. VII, № 2817.

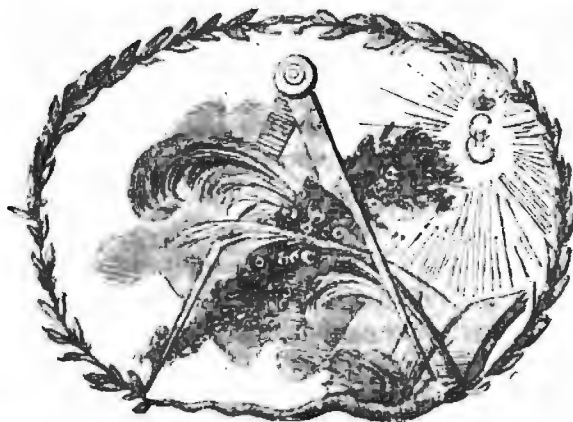
²⁾ Впослѣдствіи король Карлъ X.

Въ этомъ году была учреждена особая комиссія для пересмотра уголовныхъ дѣлъ предшествовавшихъ царствованій. По дѣлу Монтаю, комиссія постановила: «что касается до Монтаю, то его яко шпіона, оставить въ настоящемъ положеніи и внести въ списокъ объ оставляемыхъ». Это постановленіе было измѣнено императоромъ Александромъ I, положившимъ на всеподданѣйшемъ докладѣ такую резолюцію: «избавить отъ каторжной работы, съ оставленіемъ на житье въ Сибири», съ «присмотромъ за его поведеніемъ».

Дальнѣйшая участь его неизвѣстна.

М. Я. Корольковъ.

Н. А. Некрасовъ и люди 40 гг.¹⁾.

IV. Письма В. П. Боткина.

Теперь перейду къ наиболѣе интереснымъ изъ находящихся въ моемъ распоряженіи писемъ Боткина, именно къ тѣмъ, въ которыхъ выражаются его литературные взгляды. Поводомъ для ихъ выраженія послужили, съ одной стороны, вопросъ о Гоголевскомъ направленіи, съ другой, появленіе въ печати повѣсти Писемскаго «Плотничья артель» («От. Зап.», 1855 г. № 9). Перваго изъ вышеуказанныхъ вопросовъ Боткинъ касается и въ своихъ письмахъ къ Дружинину (см. сборникъ «XXV лѣтъ»); въ одномъ изъ нихъ (отъ 27 іюня 1855 г.) онъ излагаетъ точку зрѣнія Тургенева, замѣчая лишь отъ себя, что «оба направленія—необходимы»; въ другомъ, подъ впечатлѣніемъ только что прочтенныхъ 2-ой части «Мертвыхъ Душъ» и «Авторской исповѣди» Гоголя, онъ категорически заявляетъ: «Нѣтъ, мы слишкомъ поторопились рѣшить, что Гоголевское направленіе пора оставить въ сторонѣ,—нѣтъ и 1000 разъ нѣтъ. Еще прежде чтенія Гоголевской «Исповѣди»—я много думалъ объ этомъ предметѣ—и пришелъ къ этому заключенію. По моему мнѣнію, если русскій писатель любить свою родину и дорожить ея достоинствомъ,—онъ не въ состояніи впасть въ идиллію. Намъ милы ясныя и тихія картины нашего быта, но онѣ могутъ быть для насъ только кратковременнымъ отдыхомъ, потому что въ сущности мы окружены не ясными и не тихими картинами. Нѣтъ, не протестуйте, любезный другъ, противъ Гоголевскаго направленія—оно необходимо для общественной пользы, для общественнаго сознанія. Я не хочу этимъ сказать, чтобы задушевный взглядъ Пушкина на русскую жизнь—былъ

¹⁾ См. «Гол. Мин.» №№ 4, 9.

Голосъ Минувшаго. № 10.

ненужнымъ,—о, напротивъ! Но сохрани Богъ исключительно слѣдовать одному изъ нихъ».

Подобное отношеніе Боткина къ Гоголевскому направленію, которое, не обинуясь, можно считать тождественнымъ съ отношеніемъ къ нему Некрасова—здѣсь, надо думать, не безъ вліянія осталось то обстоятельство, что оба писателя провели часть лѣта вмѣстѣ (въ Паркѣ, подь Москвою) и провели ее въ задушевные и тихіе бесѣдахъ, способствовавшихъ установленію между ними единомыслія вообще, а по вопросамъ литературы, къ которой они такъ прилежали сердцемъ, тѣмъ болѣе,—это отношеніе Боткина къ Гоголевскому направленію, говорю я, вызвало горячія возраженія со стороны Дружинина, которыя Боткинъ полностью воспроизвелъ въ своемъ письмѣ Некрасову (безъ даты, № 1), успѣвшему уже уѣхать въ Петербургъ. Вотъ это письмо:

(№ 1).

«Кажется Дружинина нѣсколько тронуло то, что я, если ты помнишь, писалъ ему относительно его оппозиціи противъ Гоголевскаго направленія. Въ словахъ его есть часть правды, но не болѣе. Нарочно выписываю тебѣ изъ его письма:

«Гоголя новыхъ вещей я еще не получалъ, хотя знаю, что мое мнѣніе о Гоголевскомъ направленіи, въ примѣненіи къ настоящей литературѣ, вѣдь нерушимо. Вообще я упряма, какъ дьяволъ, и все, что ни вижу я, убѣждаетъ меня въ томъ, что неодидактическое направленіе словесности, т.-е.: усилія къ исправленію нравовъ и общества можетъ быть полезно для житейскихъ дѣлъ, но не какъ не для искусства. Гомеръ не хотѣлъ править никого, а читая его больше научишься, чѣмъ отъ всѣхъ послѣдователей Гоголя. Гоголь, по моему мнѣнію, есть художникъ чистый, только его послѣдователи изъ него (дѣлаютъ) какого-то страдальца за наши пороки и нашего преобразователя. Чуть Гоголь самъ вдастся въ дидактику—онъ вредитъ себѣ. Изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ я проповѣдывалъ идиллію и былъ золъ на юморъ—кого Богъ одарилъ сатирическимъ даромъ, тотъ смѣйся надъ обществомъ, клади тѣней сколько хочешь,—но горе тому, кто захотѣлъ надѣть ризу Гоголя и идти по его слѣдамъ изъ принципа, а не по своему дарованію! Тургеневъ писалъ какъ-то, что онъ знаетъ самъ, гдѣ жметъ сапогъ Гоголя—(говоря французской поговоркой). Сапогъ Гоголя жметъ намъ ногу, потому, что онъ намъ не по ногѣ;—этого мы знать не хотимъ и потому страдаемъ. Тургеневъ, напримѣръ, Гоголь измучилъ, обезсилѣлъ, сталъ ему поперекъ дороги. До сихъ поръ ни въ одной изъ своихъ вещей Тургеневъ не высказалъ сотой доли своей милой, свѣтлой натуры,

такъ поэтически и такъ великолѣпно образованной. Вы справедливо сказали, что Тургеневъ еще только что начинаетъ свое поприще, и что тому причиной. Наперекоръ своей любящей незлобивой натурѣ, облакающей золотушную Марью Николаевну въ поэтическій ореолъ, а пахнущаго клопами въ кожу Питта, Тургеневъ желаетъ во что бы то ни стало быть обличителемъ общественныхъ ранъ и карателемъ общественныхъ пороковъ. Это ли его родъ? И изъ какихъ причинъ онъ не повинуется своему истинному призванію?

Взгляните теперь на все дѣло съ другой точки зрѣнія. За нами стоитъ молодое литературное поколѣніе, для котораго *пахнуцій клопами* есть крайняя правая сторона, для этихъ заносчивыхъ и неосторожныхъ юношей—Пушкинъ есть фетюкъ, Лермонтовъ глупый офицеръ. Литература наша начинается съ одного Гоголя. Эти юноши жаждутъ попасть въ русскіе Берне и Гервеги, презирая всю осмотрительность. Если мы не станемъ имъ противодействовать,—они надѣлаютъ глупостей, повредятъ литературѣ и желая поучать общество нагонятъ на насъ гоненіе и заставятъ насъ лишиться того уголка на солнцѣ, который мы добыли себѣ потомъ и кровью. Нѣтъ, не вѣрю я, чтобы Вы искренно любили настоящее направленіе нашей словесности и оправдывали дидактику».

Вотъ что пишетъ Дружининъ—и все это, по моему мнѣнію, совершенно справедливо. Кто не согласится съ тѣмъ, что дидактика доказываетъ только совершенное безсиліе творчества. Но въ словахъ Дружинина есть недоговоръ: плоха дидактика,—но еще хуже ея чепушистое направленіе литературы, стремящейся забавлять публику, представляющей ей произведенія, чтеніе которыхъ походитъ на переливаніе изъ пустого въ порожнее. Дидактическими дѣлаетъ произведенія не направленіе, а тупая мысль, или придуманная мысль, резонерскій умъ, холодное чувство, бесполезность. Истинный поэтический талантъ никогда не сдѣлаетъ свое произведеніе дидактическимъ. Это правда, что Тургенева сбиль съ толку Гоголь—но это потому, что въ талантѣ Турген. не достаетъ смѣлости, рѣшительности—этого всегдашняго признака большихъ талантовъ. Всякій родъ хорошъ, который совпадаетъ съ качествомъ таланта писателя. Что спасаетъ стихотвореніе Лермонтова «Къ писателю» отъ дидактическаго тона?—Жаръ, порывистость, глубокое чувство, отсутствіе придуманности. Но гнать Гоголевское направленіе изъ того только, что бездарные писаки могутъ нагородить всякой дряни,—это несправедливо.

Ну—объ этомъ всего не выскажешь. Пока прощай».

Уже въ заключительной части этого письма, въ которой Боткинъ говоритъ отъ себя, чувствуется, насколько повліяли на него доводы Дружинина: вмѣсто прежняго категорическаго заявленія о необходимости Гоголевскаго направленія въ нашей литературѣ, Боткинъ готовъ признать «совершенно справедливыми» всѣ разглагольствованія Дружинина о Гоголевскомъ сапогѣ, который «намъ не по ногѣ» и, поддавшись на дружининскую удочку, бранить дидактику. Но въ письмѣ къ Некрасову, мнѣнія котораго на этотъ счетъ отличались полною опредѣленностью, Боткинъ не рѣшался еще окончательно сдать свои позиціи Дружинину. Зато въ письмахъ его къ этому послѣднему такая сдача обозначилась уже довольно явственно. Такъ въ письмѣ отъ 4 сентября 1885 г. (см. «XXV лѣтъ») онъ уже въ чисто дружининскомъ духѣ трактуетъ о вредѣ дидактики, которая де «доказываетъ въ человѣкѣ одно совершенное безсиліе творчества и фантазій», утверждая вслѣдъ за Дружининымъ, что «Гоголь сбиль съ толку Тургенева» и, какъ оказывается изъ дальнѣйшаго, не одного только Тургенева: произведенія Островскаго также «воняютъ дидактизмомъ»; у Писемскаго «и прежде явно проступало дидактическое направленіе»; Некрасовъ, въ свою очередь, «начинаетъ впадать въ дидактическій тонъ». Если Боткинъ и отказывается все же признать себя врагомъ Гоголевскаго направленія современной литературы, то только потому, что его главной чертою считаетъ отнюдь не дидактизмъ, а стремленіе къ воспроизведенію дѣйствительности во всей ея реальности. Насколько первое пагубно, настолько второе полезно. Въ результатѣ, Боткинъ имѣлъ право сказать Дружинину: «Вы видите, что въ сущности мы сходимся—но Вы, имѣя въ виду пошлыхъ представителей Гоголевскаго направленія, осуждаете и самое направленіе». Дѣйствительно, они сошлись, но какой цѣной? Въ болѣе раннихъ своихъ письмахъ Боткинъ, какъ мы видѣли, говорилъ о любви къ своей сторонѣ, объ уваженіи къ ея достоинству, какъ о необходимыхъ свойствахъ русскаго писателя, которыя не дадутъ ему впасть въ идиллію, теперь же онъ долженъ былъ признать, что «политическія идеи—могила искусства»..

Тремя недѣлями позднѣе Боткинъ доэволюционировался до слѣдующихъ мнѣній (см. письмо его къ Дружинину отъ 24 сент. 1855 г.): «Мы живемъ въ эпоху непомѣрнаго резонерства и необузданнаго стремленія все приводить въ теоріи. Не положительность и матеріальность составляетъ болячку нашего времени,—а резонерство и тупая страсть къ теоріямъ и системамъ. Онѣ однѣ подтачиваютъ современное поэтическое чувство: онѣ убили талантъ Ж. Санда, убили талантъ Гоголя. Духовный горизонтъ человѣка

пересталъ имѣть просторъ, и свободная игра фантазіи стѣснена разными всюду насъ окружающими тенетами теорій, системъ и резонерства. Вотъ почему по мысли я всей душой одобряю Черно-книжника...»

Надо отмѣтить, однако, что Чернокнижниковъ побѣдилъ въ Боткинѣ Бѣлинскаго, завѣтовъ котораго держались и Некрасовъ и Чернышевскій, писавшій въ это какъ разъ время свои восторженные статьи о критикѣ Гоголевскаго періода, не сразу. Въ письмѣ къ Некрасову отъ 19 сентября 1855 г., писанномъ въ отвѣтъ на письмо послѣдняго, къ сожалѣнію, не дошедшее до насъ, въ которомъ Дружининская точка зрѣнія подвергалась рѣзкой критикѣ и выяснялась грубо-эгоистическая, внушенная соображеніями о важности установленія за литературой репутаціи и благонамѣренности, основа его воззрѣній, Боткинъ какъ будто бы опять переходитъ на сторону Некрасова (см. ниже въ текстѣ письма № V), но, увы, не надолго...

Отмѣченная эволюція взглядовъ Боткина на литературу знаменуетъ собой только начало той общей эволюціи его міровоззрѣнія, которая сдѣлала впоследствии изъ него яраго ретрограда.

Во всякомъ случаѣ, расхожденіе съ Боткинымъ, давшее себя почувствовать, конечно, не сразу, не могло не быть для Некрасова фактомъ прискорбнымъ: уже не говоря объ личныхъ отношеніяхъ, Боткинъ представлялъ собою довольно внушительную литературную силу, потеря которой не была безразлична для журнала. Нельзя вѣдь отрицать, что его статьи въ «Современникѣ» свидѣтельствуютъ и о большой начитанности и о выдающейся критической проницательности. О томъ же говорятъ и его письма къ Некрасову по поводу Писемскаго (№№ IV и V). Помѣщая ихъ полностью, хотя начало перваго и конецъ втораго посвящены другимъ вопросамъ.

(№ IV).

Москва 14 сентября 1855.

Сегодня былъ я у Мина, который проситъ передать тебѣ, что онъ никакъ не можетъ приготовить къ 10 № своего перевода изъ Байрона да и вообще не можетъ назначить срокъ, когда онъ его окончитъ. Говорить, что все это время было очень много хлопотъ по больницѣ.

Ну, братъ, что-то скажетъ теперь духовный цензоръ: я думаю онъ выброситъ много, а если и не много,—то все-таки тѣ существенныя мѣста, безъ которыхъ не стоитъ и печатать статью. По поводу Ольги Н., я замѣчу только, о той склонности перевертывать

факты, какую имѣютъ женщины. Все, что мнѣ говорила Грановская объ этомъ дѣлѣ—оказывается чистѣйшимъ вздоромъ. И вотъ отъ подобныхъ путаницъ зависитъ часто репутація челоѣка, и снѣжный шарикъ катится, постепенно увеличиваясь, и обращается въ глыбу, которая рискуетъ задавить. А это еще такъ называемые друзья,—а что же остается врагамъ? Меня впрочемъ такія вещи уже перестали раздражать: сколько обо мнѣ ходило подобныхъ дружескихъ сочиненій!!! Хотя и досадно платить хорошія деньги за дурныя произведенія,—но ты хорошо сдѣлалъ, что покончилъ всѣ эти сплетни по поводу Ольги Н.

Ну-съ,—прочелъ я «Плотничью артель» и къ сожалѣнію не могу раздѣлить того восхищенія, съ какимъ отзывался о ней Тургеневъ. Во-первыхъ форма этой повѣсти неудачна и очевидно отзывается авторской придуманностью. Аксесуаръ, составленный изъ стараго плотника, Сергѣича, бывшаго всеобщимъ дружкой, утомляетъ своею длиннотою и ненужностью къ дѣлу. Самое лицо Сергѣича смутно и блѣдно; вовсе не живое лицо. Авторъ плохо прикрывается маскою стараго плотника и стараніе его придать разными присловьями драматизмъ этому этнографическому описанію народныхъ свадебныхъ обрядовъ,—нисколько не спасаютъ отъ скуки этотъ ненужный рассказъ. Пузичъ, по моему, фальшивое лицо. Такіе нудные болтуны никогда не бываютъ скопидомами и пріобрѣтателями. Эти люди,—все равно въ крестьянскомъ или въ другихъ сословіяхъ,—всегда отличаются скромностью и скупостью на слова,—а главное осторожностью въ поступкахъ. Хвастовство всего менѣе лежитъ въ ихъ характерѣ. Такой челоѣкъ не станетъ пьянствовать и тѣмъ менѣе драться въ кабацѣ. Расчетливость, преобладающая сила этихъ людей,—никогда не покидаетъ ихъ. Послѣдній разговоръ Пузича въ пьяномъ видѣ съ бариномъ—рѣшительно не свойственъ такимъ характерамъ. Пузичъ,—фальшиво задуманный и дурно выполненный характеръ. Собственно въ повѣсти только одно лицо—Петръ; но это лицо также очень случайно и неопредѣленно. Онъ кажется легкій юмористъ и челоѣкъ вообще довольно безстрастный,—по крайней мѣрѣ ни одна черта въ рассказѣ не даетъ намъ права предположить въ Петрѣ какую-либо страстность. Въ немъ кажется авторъ думалъ олицѣтворить фантастическую или точнѣе—демоническую сторону нашего народнаго быта. Но сколько я ни думаю, ни стараюсь вдуматься въ характеръ Петра,—я его не понимаю. Это скорѣе желчный челоѣкъ,—а не какой-либо глубоко задуманный положительный характеръ. Мы не знаемъ, какимъ онъ былъ съ молоду и совершился ли въ его характерѣ какой-либо психологическій процессъ подъ вліяніемъ любовныхъ преслѣдованій

мачихи и фантастическихъ повѣрій. А мнѣ кажется, это должно было бы составлять нравственную задачу разсказа. По мимо этого я напрасно доискиваюсь какой-либо нравственной задачи, какой-либо мысли въ этомъ разсказѣ. Для отысканія какого-либо нравственного смысла въ повѣсти—мы *должны* предположить, что на душу Петра налегла мрачная сила фантастическихъ повѣрій. Въ сферѣ искусства всякое явленіе должно имѣть нравственный смыслъ, иначе впечатлѣніе читателя, не находя себѣ никакой нравственной опоры, остается неопредѣленнымъ. Петръ ни съ того ни съ чего начинаетъ разсказывать о судьбѣ своей, и разсказъ его имѣетъ такой тонъ равнодушія, что трудно предположить, чтобы онъ искренно вѣрилъ въ демоническую сторону своихъ отношеній къ мачихѣ. Такая неопредѣленность основной мысли автора лишаетъ повѣсть всякаго *нравственного* значенія,—исключительной почвы дѣйствительныхъ произведеній искусства.

Но къ чему такія мудрованія, скажешь ты мнѣ,—почему не смотрѣть на повѣсть прямо и просто: авторъ хотѣлъ представить любовь молодой мачихи къ своему пасынку и рядъ горькихъ положеній, въ какія поставила его нераздѣленная любовь. Такъ какъ дѣйствіе происходитъ въ народной сферѣ,—то,—если авторъ вѣрно представилъ эту среду,—значитъ цѣль его достигнута и всякія другія требованія не идутъ къ дѣлу.—Хорошо, но я на это замѣчу только, что если смотрѣть на повѣсть съ этой точки,—то она скорѣе входитъ въ сферу этнографіи нежели въ сферу искусства. Всякое событіе пріобрѣтаетъ значеніе только отъ дѣйствующихъ въ немъ характеровъ. И авторъ обнаружилъ большую слабость творчества представивъ это событіе съ такой пустой, прозаической стороны. Ты возразишь, что и въ этомъ авторъ правъ, потому что русскій человѣкъ вовсе не романтикъ. Но тогда—какую же роль играетъ въ повѣсти колдовство и ворожба? Если въ нихъ вѣрятъ искренно,—тогда онѣ должны имѣть глубокое значеніе въ жизни этихъ людей. Но и кромѣ этой несообразности характеровъ съ событіемъ—бѣлыя нитки и веревки сценической постановки очень замѣтны. Вспомни, какъ завязывается разсказъ. При самомъ его началѣ слышится фальшивая нота: Петру Богъ знаетъ съ чего хочется разсказать свою исторію и онъ недоволенъ уклончивостью Сергѣича, который хотѣлъ замаять ее. Но подобныя вещи разсказываются вообще людьми неохотно, и откровенность на нихъ вызывается только особенными обстоятельствами, поднимающими душу на страстный тонъ. Петра ничто не вызвало на такую откровенность барину, и читатель невольно дивится ея внезапности. Авторъ кажется

самъ это чувствовалъ, и потому разсказъ Петра обращалъ къ Сергѣичу, который однакоже, уже зналъ въ чемъ было дѣло. Очень неудачной чертой также кажутся мнѣ слова Сергѣича, который при самомъ началѣ разсказа Петра опредѣляетъ причину озлобленія его мачихи тѣмъ, что «ей жаль было твоего юнства и свободушки». Такое опредѣленіе предупреждаетъ собственное впечатлѣніе читателя и охлаждаетъ его своей ненужной подготовкой. Несмотря на довольно искусное подраженіе народному языку, для меня лицо Петра и разсказъ его, не сливаются въ одно цѣлое; въ Петрѣ не чувствуется живое дѣйствительное лицо, характеръ; для меня онъ кажется формою, которую придумалъ авторъ. Словомъ—какъ эпизодъ нѣкоторыхъ народныхъ суевѣрій,—повѣсть эта имѣетъ нѣкоторыя достоинства,—но въ авторѣ ея не видать ни художника, ни человѣка съ поэтическимъ чувствомъ или глубокимъ взглядомъ на духовное значеніе этихъ суевѣрій. Онъ очевидно не понимаетъ своего предмета. Колоритъ повѣсти сухъ, очеркъ характеровъ шатокъ и нетвердъ, даже неопредѣлененъ; отъ этого впечатлѣніе повѣсти вяло и пусто—и читается она, кромѣ трехъ страницъ разсказа Петра, съ значительною скукою.

Вотъ, любезный другъ,—отчетъ тебѣ о моемъ впечатлѣніи. Напиши мнѣ въ двухъ словахъ,—согласенъ ли ты съ нимъ или нѣтъ. Сюжетъ былъ славный, но Писемскій не умѣлъ сладить съ нимъ и засушилъ его прозаичностью.—Усталъ писать—прощай

Твой В. Боткинъ.

Напиши же ради всего—твое мнѣніе—только въ двухъ словахъ

(№ V).

19 сентября 1855.

Нѣсколько дней тому назадъ я послалъ тебѣ письмо, въ которомъ старался дать отчетъ о впечатлѣніи, какое произвела на меня «Плотничья артель». Вчера получаю твое письмо отъ 16 сентября—и ты не можешь себѣ представить моей радости, когда я увидѣлъ, что твое мнѣніе объ «Артели» нисколько не разнится съ моимъ. Это меня тѣмъ болѣе обрадовало, что я писалъ тебѣ о моемъ впечатлѣніи съ тайною робостію въ душѣ. Наслышавшись отъ Тургенева необыкновенныхъ похвалъ этой повѣсти,—я боялся довѣриться своему впечатлѣнію... Ну словно мы сговорились! Фактъ этотъ, какъ ни малозначительна причина его, радуетъ меня потому, что показываетъ, что въ нашихъ душахъ лежитъ одинаковое чувство искусства,—помимо всякихъ дружескихъ

отношеній и взаимныхъ вліяній личности. А это случается рѣдко, такъ рѣдко, что у меня эта одинаковость впечатлѣній была только съ однимъ Б.¹⁾ и послѣ него я ни съ кѣмъ не находилъ ее. Ты первый послѣ него, въ которомъ я слышу тотъ же самый звукъ. Но для меня это важнѣе, нежели ты думаешь. Чувство искусства глубоко связано со всѣми нашими самыми существенными чувствами; это эссенція всѣхъ нашихъ задушевныхъ инстинктовъ, вѣрованій и понятій, это цвѣтъ и запахъ всей натуры человѣка. Вотъ почему я такъ радъ одинаковости моего впечатлѣнія съ твоимъ. Я всегда находилъ споры о доказательствахъ какого-либо произведенія бесполезными: убѣдиться въ томъ, что не отозвалось сначала въ чувствѣ—невозможно.

Обращаюсь къ тому, что ты пишешь по поводу мнѣнія Дружинина о Гоголѣ и его послѣдователяхъ. Удивительнѣйшая причина его, по которой онъ считаетъ необходимымъ противодѣйствовать,—та, что эти послѣдователи своими неосторожностями могутъ повредить вообще литературѣ и—какъ онъ выражается, «лишить насъ теплаго мѣстечка на солнцѣ, заработаннаго потомъ и кровью». Это уже значитъ противодѣйствовать съ полицейской точки зрѣнія. Я отвѣчалъ Дружинину большимъ письмомъ,—но это кажется споръ бесполезный. Именно, какъ ты говоришь: надо любить истину безкорыстно и страстно, больше самого себя,—и служить ей,—тогда все будетъ ладно: станешь ли служить искусству—послужишь и обществу—и на оборотъ. Но Писемскій плохъ съ другой стороны: у него нѣтъ придуманныхъ теорій, но зато нѣтъ того высшаго созерцанія вещей, которымъ владѣютъ только поэтическіе умы. Въ его произведеніяхъ дѣйствительность отражается сухо, безъ всякой перспективы, безъ этой прозрачности, которая одна даетъ возможность углубляться въ произведенія искусства. Тургеневъ до сихъ поръ не сладилъ вполнѣ ни съ однимъ изъ своихъ лицъ, но почти во всякомъ изъ нихъ есть воздушная перспектива и въ каждомъ почти чувствуется высшее созерцаніе явленій міра сего.

Смѣшныя ошибки литературнаго чутья Тургенева происходятъ главное отъ неосмотрительности и крайней легкости. Съ нимъ и въ житейской сферѣ безпрестанно случается то же самое. А когда онъ даетъ себѣ трудъ поразмыслить о чемъ-нибудь,—онъ никогда не ошибается. У него внутри есть всему страшно вѣрный оселокъ.

Чертъ ихъ побери эти письма объ Испаніи! Да ужъ повремени, братъ, немножко—я примусь за нихъ; но прибавлять и исправлять

¹⁾ Очевидно, съ Бѣлинскимъ.

ихъ значительно—не достасть у меня терпѣнія. Я очень страдалъ все это время сильнымъ ревматизмомъ въ ногѣ—по ночамъ не давалъ мнѣ спать; комнаты мои были въ передѣлкѣ,—просто не было пріюта. Увижу тебя въ началѣ октября—теперь нельзя по дѣламъ. Тургеневъ писалъ, что будетъ въ Москвѣ 30 сентября. Дождусь его и вмѣстѣ съ нимъ отправимся. Я поставилъ себѣ билиардъ. А тебя нѣтъ!

Жму крѣпко твою руку—весь твой душой *В. Боткинъ*.

Что твое здоровье? Есть-ли какія облегчительныя явленія?»

Изъ письма Некрасова къ Тургеневу отъ 17 сентября 1855 г. (см. у Пыпина № 25), написанномъ какъ разъ въ промежутокъ между двумя послѣдними письмами Боткина къ нему, видно, что Некрасовъ былъ также не въ восторгѣ отъ «Плотничьей артели»: хотя онъ и находилъ, что мужики Писемскаго «очень хороши», но въ общемъ повѣсть показалась ему неудобочитаемой, скучной, а главное, отличающейся безвкусіемъ и претенціозностью. Повидимому, тотъ же взглядъ на нее былъ развитъ въ недошедшемъ до насъ письмѣ Некрасова къ Боткину, которое, какъ мы видѣли, такъ обрадовало этого послѣдняго, показавъ ему, что у него съ Некрасовымъ «одинаковое чувство искусства». Эти слова, равно какъ утвержденіе, что у него только съ *Б.*, т.-е. съ Бѣлинскимъ, была подобная «одинаковость впечатлѣній», какъ бы свидѣтельствуютъ о полномъ и безусловномъ единомысліи. Такое единомысліе, безспорно, и было, пока Боткинъ оставался вѣренъ тѣмъ взглядамъ на искусство, провозвѣстникомъ которыхъ являлся Бѣлинскій въ послѣдній періодъ своей дѣятельности. Нѣтъ надобности распространяться, что, будучи въ это время не менѣе далекъ, чѣмъ когда бы то ни было отъ дидактизма, въ смыслѣ нарочитой, искусственно навязываемой художественному произведенію моральной тенденціи, Бѣлинскій уже очень далеко отошелъ отъ той точки зрѣнія, по которой художественность признавалась единственнымъ мѣриломъ достоинствъ изящной литературы; онъ всецѣло проникся убѣжденіемъ, что писатель долженъ стоять на высотѣ не только эстетическихъ, но и нравственныхъ, философскихъ и общественныхъ идей своего времени. У него даже стала обнаруживаться тенденція къ перегибанію палки въ другую сторону. Такъ въ извѣстномъ своемъ письмѣ къ Боткину въ декабрѣ 1847 г. Бѣлинскій утверждалъ, что ему «поэзіи и художественности нужно не больше, какъ настолько, чтобы повѣсть была истинна, т.-е. не впадала бы въ аллегоріи и не отзывалась диссертаціей». Критерій истинности, противопоставляемый критерію голой художественности, былъ усвоенъ

и Некрасовымъ, какъ это можно видѣть изъ его словъ о томъ (см. № V), что писателю «надо любить истину безкорыстно и страстно, больше самого себя,—и служить ей—тогда все будетъ ладно: станешь ли служить искусству—послужишь и обществу—и наоборотъ». Этотъ взглядъ раздѣлялся одно время и Боткинымъ: въ только что цитированномъ письмѣ своемъ онъ выражаетъ свое полное согласіе съ Некрасовымъ, а въ перепискѣ времени Бѣлинскаго (см. напр. письмо къ Анненкову отъ 20 ноября 1846 г.) прямо заявляетъ, что литературная критика должна «освободиться отъ своего молоха—художественности».

Тотъ переломъ въ міровоззрѣніи Боткина, который заставилъ его такъ легко сдать свои позиціи Дружинину, конечно, назрѣвалъ постепенно и былъ обусловленъ цѣлымъ рядомъ какъ личныхъ, такъ и общественныхъ причинъ. Остановливаться на нихъ я не буду, такъ какъ онѣ достаточно подробно разъяснены въ прекрасной статьѣ Ч. Вѣтринскаго о Боткинѣ (см. его книгу «Въ сороковыхъ годахъ»). Скажу только, что здѣсь рѣшающую роль играли, съ одной стороны, условія жизни Боткина, человѣка болѣе чѣмъ обеспеченнаго матеріально, а съ 1853 г. занявшаго отвѣтственное положеніе главы богатѣйшей фирмы и огромнѣйшей семьи, съ другой стороны, деморализующія впечатлѣнія «мрачнаго семилѣтья»—этихъ, по выраженію Некрасова, «незабываемыхъ годовъ», пригнетавшихъ и коверкавшихъ и болѣе сильныя натуры, чѣмъ натура Василія Петровича. Какъ бы то ни было, отмѣченная нами эволюція литературно общественныхъ взглядовъ его со середины 50-хъ годовъ идетъ впередъ быстрыми шагами. Особенно замѣтно сказалась она въ рѣзкихъ колебаніяхъ его отношенія къ Чернышевскому. Читатель уже замѣтилъ, что яркая личность этого послѣдняго, являвшаяся какъ бы воплощеніемъ тѣхъ «разрушительныхъ идей», которыя представители молодого поколѣнія противопоставили идеологіи «отцовъ» съ ея умѣреннымъ либерализмомъ, переходящимъ въ «постепеновщину», съ ея эстетизмомъ и утонченностью, возбуждала самое пристальное, но увѣ! чрезвычайно недружелюбное вниманіе со стороны писателей 40-хъ годовъ. Не избѣгъ общей участи и Боткинъ, хотя справедливость требуетъ отмѣтить, что къ отрицательной оцѣнкѣ личности и литературной дѣятельности Чернышевскаго онъ пришелъ не сразу. Осенью 1855 г., подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ совмѣстной жизни и постоянного духовнаго общенія съ Некрасовымъ, онъ готовъ былъ отнести въ Чернышевскому съ полнымъ сочувствіемъ: такъ, въ письмѣ отъ 3 сентября 1855 г. онъ хвалитъ его статью о Пушкинѣ; нѣсколько позднѣе, (въ письмѣ отъ 22 сентября, по поводу повѣсти-памфлета Григоровича пишетъ буквально слѣдующее:

(изъ письма № VI).

«Я не читалъ еще въ «Библ. для Чт.» повѣсти Григоровича. Прочту. Но заранѣе считаю его нападки на Черныш. вовсе неосновательными. Я убѣжденъ, что Черныш. честный и хорошій человѣкъ, хотя я незнакомъ съ нимъ. Изъ всего, что онъ пишетъ, видѣнъ честный человѣкъ».

Но вотъ проходитъ какихъ-нибудь полгода,—и Боткинъ принимаетъ участіе въ той кампаніи, которую бывшій кружокъ Бѣлинскаго повелъ противъ Чернышевскаго. Подробности ея неизвѣстны, но въ ней повидимому, кромѣ Боткина, какую-то роль игралъ и Тургеневъ, что можно видѣть изъ нижеслѣдующей записки его къ Некрасову:

«Любезный Некрасовъ.

Прочти и пришли мнѣ обратно прилагаемое письмо Боткина—да не заѣдешь ли ты самъ, чтобы переговорить о Григорьевѣ. Мнѣ нездоровится и я буду сидѣть дома. Если ты поѣдешь къ Дружинину обѣдать, то извини меня передъ нимъ.

Твой *И. Тургеневъ*.

Смыслъ сдѣланнаго здѣсь краткаго упоминанія о какихъ-то переговорахъ о Григорьевѣ оставался бы загадочнымъ, если бы не нижеслѣдующее письмо Боткина, которое я приведу полностью, хотя въ немъ трактуется не только о Григорьевѣ.

(№ XVII).

19 апрѣля 1856 г.

Чертъ знаетъ, какъ давно я къ тебѣ не писалъ, хотя каждый день собираюсь;—и кажется причиною то, что зналъ, что ты, теперь занявъ клубомъ и слѣдовательно тебѣ ни до чего уже нѣтъ дѣла. Исторія о твоихъ стихотвореніяхъ такъ мнѣ опротивѣла, что гадко даже упоминать о ней. По моему мнѣнію этотъ глупый, ничтожный Меценатъ выказалъ въ ней себя съ самой гадкой стороны. Я ни съ кѣмъ изъ этихъ господъ не выдаюсь. Это дѣло окончательно насъ развело—и потому не знаю, что тамъ происходитъ. Чертъ съ ними!

Думалъ я побывать у васъ,—да самъ не знаю, какъ эти дни ушли между пальцевъ,—а сердце живетъ между васъ. Спасибо милому Толстому—только ты ужъ больно расточителенъ на хорошія вещи: надо подумать и объ осеннихъ мѣсяцахъ. Сегодня былъ у меня Ап. Григорьевъ—онъ не прочь отъ участія въ Современной и даже кажется желаетъ этого,—но ему, видите, хочется

имѣть органъ для своихъ мнѣній. Онъ готовъ взять на себя всю критику Современника, но съ тѣмъ, чтобы Чернышевскій уже не участвовалъ въ ней. На это кажется едва ли можно согласиться: положимъ, что Григорьевъ несравненно талантливѣе Черныш.,—но послѣдній несравненно дѣльнѣе. Онъ готовъ даже переѣхать въ С. П. Б. Что ты на это скажешь? При твоёмъ контролѣ Григорьевъ былъ бы кладомъ для журнала: это единственный человѣкъ, у котораго есть то, что нужно для журнала и чего, кромѣ него, нѣтъ ни у кого. При томъ онъ во всемъ несравненно намъ ближе Чернышевскаго. Переговори-ка объ этомъ съ Тургеневымъ,—а право объ этомъ стоитъ подумать.

Злоба, которую возбудилъ здѣсь контрактъ Соврем. неописанна. «Русск. Вѣстникъ» рѣшительно упалъ духомъ, несмотря на свои 3000 подписчиковъ. Признаюсь,—зная съ какою увѣренностью эти господа говорили всѣмъ о непремѣнномъ паденіи Современника и Коршъ даже упрекалъ Тургенева, что онъ поддерживалъ умиравшій Соврем. своимъ Рудинымъ,—не могу я удержаться отъ нѣкотораго чувства удовольствія, слыша объ ихъ ужасѣ и изумленіи. Не рой другому яму—самъ можешь попасть въ нее. И почему эти господа вообразили, что имъ должны принадлежать симпатіи всѣхъ порядочныхъ людей. Повѣсть въ послѣднемъ № «Русск. Вѣстн.» я имѣлъ въ рукахъ: меня Ладыженская просила переслать ее въ Соврем., но прочтя я увидѣлъ, что такую дрянь не возможно печатать, и возвратилъ ей...

Я жду не дождусь видѣть Толстого, къ которому, чувствую, привязанность моя молча и независимо отъ всякаго сознанія,—растетъ въ глубину. Тургенева жажду видѣть.—Дружининъ обязанъ непремѣнно пріѣхать ко мнѣ. А ты! Чудище—не пишешь ни слова о своемъ намѣреніи ѣхать за границу!

Замотался ты совсѣмъ.

Пока прощай.

Твой В. Боткинъ.

Статья Колбасина прелесть—написана прекрасно, тепло, задумчиво, обнимаю его отъ всего сердца. Онъ не можетъ не понравиться всѣмъ; я нѣсколько разъ прослезился, читая ее.

Строки этого письма, говорящія о Григорьевѣ, какъ о возможномъ преемникѣ Чернышевскаго, представляются мнѣ чрезвычайно знаменательными. Вначалѣ Боткинъ какъ будто бы старается быть объективнымъ и соблюсти нѣкоторую осторожность: онъ думаетъ, что на полное устраненіе Чернышевскаго «едва ли можно согласиться» тѣмъ болѣе, что Чернышевскій «несравненно»

уступающій Григорьеву въ талантѣ, «несравненно дѣльнѣе» его. Но боткинской объективности хватаетъ не надолго—сейчасъ же за словами о невозможности полнаго устраненія Чернышевскаго, Боткинъ приводитъ рядъ соображеній въ пользу того, что все же слѣдуетъ остановить выборъ на Григорьевѣ. Изъ этихъ соображеній едва ли не самымъ главнымъ съ точки зрѣнія Боткина, Тургенева и всего ихъ кружка являлось послѣднее: «онъ во всемъ несравненно намъ ближе Чернышевскаго».

Боткинъ въ своемъ письмѣ просилъ Некрасова переговорить о Григорьевѣ съ Тургеневымъ. Для Некрасова, по всей вѣроятности, не могло возникать даже мало-мальски серьезнаго вопроса о желательности замѣны Чернышевскаго Григорьевымъ, а потому онъ и не торопился идти за этимъ дѣломъ къ Тургеневу, который былъ, повидимому, предупрежденъ особымъ письмомъ Боткина. Тогда Тургеневъ проявилъ инициативу, пославъ Некрасову письмо Боткина и прося его пріѣхать специально для бесѣды о Григорьевѣ.

Я рѣшительно не освѣдомленъ, за отсутствіемъ соотвѣтствующихъ данныхъ, какъ протекали эти переговоры, долженъ отмѣтить только одно: письма Боткина къ Некрасову, относящіяся къ веснѣ и лѣту 1856 г. (изъ Москвы и Кунцова, гдѣ Боткинъ жилъ вмѣстѣ съ Дружининымъ) и гораздо короче и много суше тѣхъ писемъ, которыя писались въ 1855 г. Привожу ихъ цѣликомъ:

(№ XVIII).

Москва 15 мая 1856 г.

Сегодня посылается тебѣ съ тяжелой почтой статья Бодиско, мною просмотрѣнная и по возможности выправленная. Въ концѣ ея я сдѣлалъ выписку отъ редакціи. Если не найдешь ее нужною, то выкинь.

Дружининъ сказалъ мнѣ, что ты оставилъ свое намѣреніе провести съ нами въ Кунцовѣ дней 10 до своего отъѣзда за границу. Жаль, а здѣсь такъ хорошо и тебя это мѣсто восхитило бы. Но я все еще надѣюсь, что ты дашь себя увидѣть; къ тому же, такъ какъ остаюсь на зиму здѣсь, то ты можетъ быть вздумаешь что-нибудь поручить мнѣ.

Я прочелъ «Двухъ Гусаръ» съ рѣдкимъ удовольствіемъ. Какая свѣжесть и сочность колорита; но твердостью рисунка отличается только старый гусаръ и вообще первая половина повѣсти. Во второй половинѣ есть страницы удивительныя, напримѣръ проферансъ со старухой и ея замѣшательство,—ночь Лизы передъ прудомъ и луною (сцена, исполненная совер-

шеннѣйшей поэзіи);—но рисунки молодого гусара и особенно Лизы нѣсколько смутны и не имѣютъ определенной и живой индивидуальности; черты ихъ какъ-то общи, особенно черты Лизы. Старый Гусарь—полный типъ,—но молодой и Лиза далеки отъ типовъ.—Прощай.—Напиши что-нибудь о себѣ и своемъ здоровьѣ.

Твой В. Боткинъ.

Мы выписываемъ къ себѣ Григоровича.

(№ XIX).

Кунцово 24 іюля 1856 г.

Посылаю тебѣ выправленный мною экземпляръ «Писемъ объ Испаніи», вмѣстѣ съ предисловіемъ. Все, что въ текстѣ зачеркнуто карандашемъ,—слѣдуетъ исключить. Я думаю каждое письмо нужно отдѣлить и на заголовкѣ его выставить городъ, о которомъ идетъ рѣчь. Испанскихъ словъ я не выправлялъ, потому что они напечатаны почти всѣ съ ошибками, я поправлю ихъ, когда ты вышлешь мнѣ корректуру, которую пожалуйста присылай по мѣрѣ печатанія. Хорошо бы все это поскорѣе кончить. Только пожалуйста не дѣлай слишкомъ малаго формата—и ужъ будь другъ пришли мнѣ образчикъ формата, какой ты придумаешь.

Не знаю, что ты скажешь о предисловіи¹⁾. Если ты что-нибудь сочтешь нужнымъ перемѣнить, то прежде напиши мнѣ.—Да отвѣтъ ты мнѣ хоть одной строкой. Что твое здоровье и рѣшилъ ли ты свой отъѣздъ?

Твой В. Боткинъ.

Предисловіе вложено въ книгу.

(№ XX).

Кунцово 29 іюля 1856 г.

Посылаю тебѣ предисловіе къ «Письмамъ объ Испаніи». Скажи мнѣ о немъ свое мнѣніе, да и вообще увѣдомъ меня какъ и когда ты намѣренъ печатать ихъ и въ какомъ форматѣ.

Слышалъ я, что ты сошелся съ Солдатенковымъ и что будто бы онъ прибавилъ тебѣ 500 р. и вообще между Вами все пришло въ прежнее положеніе. Въ сущности—я этому радъ, потому что терпѣть не могу враждебныхъ съ кѣмъ бы то ни было отношеній. Слышалъ также я, что ты непремѣнно ѣдешь за границу въ половинѣ августа.—Какъ же безъ тебя будутъ печататься мои

¹⁾ Его не нужно называть предисловіемъ,—а просто напечатать въ началѣ.

письма? Я признаюсь, самъ имѣю поползновеніе проситься за границу и ѣхать въ сентябрѣ. Что тогда будетъ корректура? Все это ужасно пугаетъ меня и беспокоитъ. Главное опасаясь я за испанскія фразы и слова, которыхъ некому будетъ держать корректуру. Дай мнѣ совѣтъ, пожалуйста. Да полно молчать—черкни мнѣ хоть двѣ строки.

Твой В. Боткинъ.

2-го августа я ѣду въ Нижній. Но ты адресуй мнѣ въ Москву, попрежнему,—мнѣ перешлютъ.

(№ XXI).

Москва 2 августа 1856 г.

Получилъ твое письмо, милѣйшій мой Некрасовъ, сегодня,—но въ немъ къ удивленію моему ты ничего не упоминаешь о посланной мной книгѣ «Письма объ Испаніи», которую я послалъ черезъ почту, адресовавъ на твое имя въ контору Современника. Развѣ, можетъ быть, ты не получилъ ее на дачѣ. Развѣдай. Хорошо, что ты располагаешь поручить печатаніе Колбасину—онъ кажется аккуратный человѣкъ. Но корректуры все-таки мнѣ нужно высылать для испанскихъ фразъ.—На счетъ формата и я тоже думаю, что въ родѣ «Италіи» Яковлева будетъ хорошо,—только, ради Бога, чтобы была не такая печать, какъ у него. Нельзя ли такой шрифтъ, какимъ печатаются повѣсти въ Современникѣ? Этотъ шрифтъ мнѣ ласкаетъ глаза. Если можно сдѣлай такъ. Да вотъ еще что: мнѣ будутъ необходимы для раздачи никакъ не менѣе 50 экземпляровъ.—Ужъ ты распорядись мнѣ выслать. Когда ты надѣешься выпустить ихъ? Отвѣть. Черезъ часъ уѣзжаю въ Нижній. Прощай. Твой неизмѣнно В. Боткинъ.

Назадъ тому нѣсколько дней я послалъ тебѣ письмо съ предисловіемъ».

Разумѣется, основываясь на этихъ письмахъ, можно говорить лишь о сравнительной холодности ихъ тона. Зато совершенно несомнѣнны и, думается, весьма симптоматичны ихъ краткость и постоянныя, не лишеныя нотокъ затаеннаго раздраженія, жалобы Боткина на молчаніе Некрасова и на его недостаточно внимательное отношеніе къ печатанію «Писемъ объ Испаніи». Еще болѣе симптоматичнымъ представляется то, что въ одной изъ нихъ (№ XIX) содержится просьба не мѣнять ничего въ предисловіи, не снесшись предварительно съ нимъ. Прежде Боткинъ склоненъ былъ предоставлять Некрасову болѣе редакторской свободы. Объ этомъ можно судить изъ нижеслѣдующаго отрывка одного изъ его писемъ (письмо № VI, I часть; второй отрывокъ см. выше):

вилюйскаго узника люди, гордившіеся дружбой Бѣлинскаго, сказалося ихъ злобно ироническое къ нему отношеніе. «Пахнуцій клопами»—вѣдь это, по существу, не что иное, какъ констатированіе того плебейскаго, разночиннаго духа, органически свойственнаго суровому демократу Чернышевскому, который не могъ не оскорблять барскаго обонянія людей, только что прошедшихъ полосу чернокнижія.

Отсюда ясно, что передъ Некрасовымъ рано или поздно долженъ былъ встать вопросъ о томъ, съ кѣмъ ему идти, съ «пахнущимъ ли клопами», который всецѣло принадлежалъ къ новымъ людямъ, превосходно понимавшимъ, что «жить для себя возможно только въ мірѣ, но умереть возможно для другихъ», если не умереть въ буквальномъ значеніи этого слова, то быть заживо погребеннымъ въ мерзлыхъ тундрахъ Сибири, или съ его старыми пріятелями, лучшіе изъ которыхъ шли къ цѣли «колеблющимся шагомъ» и отнюдь «не жертвовали» для нея собой, такъ какъ ихъ психику, властно подчинили привитыя «привычкой» и «средой» и, наконецъ, барскимъ происхожденіемъ эгоистическія влеченія. Выборъ этотъ былъ для Некрасова дѣломъ чрезвычайной трудности, такъ какъ ему предстояло либо пожертвовать человѣкомъ, олицетворявшимъ то направленіе общественной мысли, которому онъ всей душой сочувствовалъ, въ жизненности котораго ни минуты не сомнѣвался, либо разорвать съ людьми, близкими и родными его сердцу по воспоминаніямъ недавняго прошлаго и по тѣмъ дружескимъ, иногда очень интимнымъ общимъ переживаніямъ, которыя связывали его, напр., съ Тургеневымъ и Боткинымъ. До послѣдней возможности Некрасовъ гналъ отъ себя мысль о неизбежности разрыва, но въ то же время подъ вліяніемъ общаго хода политическихъ событій, чуткими выразителями которыхъ являлись сначала Чернышевскій, а потомъ и Добролюбовъ, долженъ былъ переводить свой журналъ въ русло иныхъ, болѣе соотвѣтствующихъ духу времени теченій, къ которымъ, какъ мы видѣли по спору о Гоголевскомъ направленіи въ литературѣ, его старые друзья относились очень критически, а иногда и прямо неодобрительно.

Я не имѣю въ виду останавливаться на тѣхъ литературныхъ фактахъ, которые болѣе и болѣе обостряли отношенія между двумя разнородными половинами редакціи «Современника», напому только, что важнѣйшими изъ нихъ надо считать не рѣзкія нападки Чернышевскаго на Авдѣева («Современникъ» 1854 г. № 2), писателя, не пользовавшагося среди поколѣнія «отцовъ» безусловнымъ авторитетомъ, и не ироническій разборъ имъ книжки «Новыя повѣсти. Разказы для дѣтей» («Совр.», 1855 г.

№ 3), такъ какъ въ немъ лишь по недоразумѣнiю можно видѣть уколы по адресу Григоровича, какъ автора разсказовъ изъ про-стонароднаго быта, а извѣстную статью Чернышевскаго объ «Асѣ» Тургенева «Русскiй человѣкъ на rendez vous» (Атеней, 1858 г., № 18) и еще болѣе извѣстную статью Добролюбова объ Обломовѣ—«Что такое «обломовщина?» («Современникъ», 1859 г. № 5). Я считаю излишнимъ доказывать, что эти двѣ статьи, столь родственныя по духу, являлись отходною для предше-ствующаго поколѣнiя, преобладающимъ типомъ котораго былъ типъ «лишняго человѣка», столь художественно обрисованный Тургеневымъ и Гончаровымъ. Пусть въ своемъ походѣ противъ «отцовъ», независимо отъ того, какое обличье они принимали: Рудина ли, героя ли «Аси», Обломова ли и проч. и проч., Чернышевскiй и Добролюбовъ базировались на художественномъ мате-риалѣ, даваемомъ писанiями самихъ «отцовъ»,—это отнюдь не могло избавить послѣднихъ отъ горькихъ и обидныхъ размышлений о томъ, что на ихъ поколѣнiи ставится крестъ, и кѣмъ же?—«маль-чишками!», тѣмъ болѣе, что Чернышевскiй и Добролюбовъ по своему психологическому складу не были склонны ко всякаго рода недомолвкамъ и, высказывая свои мнѣнiя, сообразовались, прежде всего со своимъ внутреннимъ убѣжденiемъ, а не съ тѣмъ, какъ они будутъ приняты тѣмъ или другимъ влiятельнымъ лите-раторомъ. Это свойство обоихъ «молодыхъ» сотрудниковъ «Совре-менника», неизмѣнно проявляемое ими въ сферѣ литературной, не въ одинаковой степени было присуще имъ въ сферѣ житей-скихъ отношенiй: Чернышевскiй былъ много мягче и уступчивѣе Добролюбова, тогда какъ прямолинейная угловатость этого послѣдняго не хотѣла признавать никакихъ компромиссовъ, мало того, не всегда считалась даже съ такъ называемыми «прили-чiями». Отсюда ясно, что если уже Чернышевскiй страшно раз-дражалъ старыхъ сотрудниковъ «Современника», то Добролюбова они просто не могли выносить и были даже въ этомъ, съ своей точки зрѣнiя, не совсѣмъ не правы. Вотъ что разсказываетъ Чернышевскiй о характерѣ отношенiй Тургенева и Добролюбова, видѣвшихся очень часто, такъ какъ первый каждый день заѣзжалъ къ Некрасову, а послѣднiй жилъ у него: «Я, кончивъ разговоръ съ Некрасовымъ (имѣется въ виду дѣловой разговоръ) спросилъ у него, что такое значить показавшiйся мнѣ раздраженнымъ тонъ разсужденiй Тургенева о Добролюбовѣ. Некрасовъ добродушно разсмѣялся, удивленный моимъ вопросомъ». «Да неужели вы ничего не видѣли до сихъ поръ? Тургеневъ ненавидитъ Добро-любова». Некрасовъ сталъ разсказывать мнѣ о причинахъ этой ненависти—ихъ двѣ,—говорилъ онъ мнѣ. Главная была давнишняя

и имѣла своеобразный характеръ такого рода, что я со смѣхомъ призналъ ожесточеніе Тургенева совершенно справедливымъ. Дѣло въ томъ, что давнымъ-давно когда-то Добролюбовъ сказалъ Тургеневу, который надоѣдалъ ему своими то нѣжными, то умными разговорами: «Иванъ Сергѣевичъ, мнѣ скучно говорить съ вами и перестанемъ говорить», всталъ и перешелъ на другую сторону комнаты. Тургеневъ послѣ этого упорно сталъ заводить разговоры съ Добролюбовымъ каждый разъ, когда встрѣчался съ нимъ у Некрасова—т.-е., каждый день, а иногда и не разъ въ день. Но Добролюбовъ неизмѣнно уходилъ отъ него или на другой конецъ комнаты или въ другую комнату. Послѣ множества такихъ случаевъ Тургеневъ отсталъ, наконецъ, отъ заискиванія душевныхъ бесѣдъ съ Добролюбовымъ, и они обмѣнивались только обыкновенными словами встрѣчъ и прощаній, или если Добролюбовъ разговаривалъ съ другими, и Тургеневъ подсаживался къ этой группѣ, то со стороны Тургенева были попытки сдѣлать своимъ собесѣдникомъ Добролюбова, но Добролюбовъ давалъ на его длинныя рѣчи односложные отвѣты и при первой возможности отходилъ въ сторону» (см. «Современный Міръ», 1911 г., № 11).

Разговоръ Некрасова съ Чернышевскимъ, упоминаемый здѣсь, который заставилъ ненаблюдательнаго Николая Гавриловича впервые задуматься объ отношеніяхъ Тургенева и Добролюбова, происходилъ уже послѣ напечатанія статьи Добролюбова о «Наканунѣ» (Современникъ», 1860 г., № 3), но то, что сообщаетъ Чернышевскій о характерѣ этихъ отношеній касается болѣе ранняго ихъ періода. Тѣмъ не менѣе, этой статьѣ суждено было сыграть роль капли, переполнившей чашу. А. Я. Панаева-Голсвачева въ своей книгѣ «Русскіе писатели и артисты» утверждаетъ, что именно ею былъ вызванъ окончательный разрывъ Тургенева съ редакціей «Современника»: по ея словамъ, Тургеневъ, благодаря нескромности цензора Б. (т.-е. Бекетова), познакомившійся со статьею ранѣе ея появленія въ журналѣ, потребовалъ отъ Некрасова, чтобы было выкинуто все начало статьи, а когда Некрасовъ попытался было возражать, поставилъ ему настоящій ультиматумъ въ особой запискѣ, гласившей: «Выбирай:—я или Добролюбовъ». На воспоминанія Панаевой-Головачевой среди нѣкоторыхъ изслѣдователей нашей литературы установился взглядъ, какъ на источникъ весьма недостоверный. Я менѣе чѣмъ кто либо другой склоненъ отрицать, что они дѣйствительно изобилуютъ и искаженіями, и преувеличеніями и даже фактическими ошибками, но, тѣмъ не менѣе, не могу не согласиться съ мнѣніемъ покойнаго Пыпина, что въ нихъ, «можетъ быть при

нѣкоторыхъ личныхъ пристрастіяхъ, много совсѣмъ справедливаго» (см. его книгу о Некрасовѣ, стр. 68). Такъ и ея разсказъ о событіяхъ, сопровождавшихъ появленіе въ печати статьи Добролюбова о «Наканунѣ», представляется мнѣ въ основѣ своей внушающимъ довѣріе, тѣмъ болѣе что онъ подтверждается и другими источниками. Такъ П. М. Ковалевскій, сотрудничавшій тогда въ «Современникѣ», въ своихъ «Встрѣчахъ на жизненномъ пути» («Русская Старина» 1910 г. № 1), подтверждаетъ фактъ просмотра Тургеневымъ статьи Добролюбова ранѣе ея напечатанія, а М. К. Лемке еще совсѣмъ недавно (см. «Полное собраніе сочиненій» Добролюбова изд. Панафидиной, т. IV, стр. 32) опубликовалъ письмо цензора Бекетова къ Добролюбову, въ которомъ Бекетовъ выражалъ желаніе повидаться съ Добролюбовымъ, чтобы перетолковать объ его статьѣ и нѣкоторыхъ сокращеніяхъ въ ней, яко-бы необходимыхъ въ виду цензурныхъ требованій и во вниманіе къ интересамъ Тургенева. «Напечатать такъ, писалъ здѣсь Бекетовъ, какъ она вылилась изъ-подъ вашего пера; по убѣжденію, значитъ обратить вниманіе на безподобнаго Ивана Сергѣевича, да не поздоровилось бы и другимъ, въ томъ числѣ и слугѣ Вашему покорному»... Мнѣ кажется, что эти слова Бекетова даютъ достаточное основаніе утверждать, что нижеслѣдующая найденная мною записка Тургенева къ Некрасову писана по поводу той же статьи Добролюбова:

«Убѣдительно тебя прошу, милый Н., не печатать этой статьи: она, кромѣ непріятностей, ничего мнѣ надѣлать не можетъ, она несправедлива и рѣзка—я не буду знать, куда бѣжать, если она напечатается.—Пожалуйста уважь мою просьбу. Я зайду къ тебѣ.

Твой И. Т.»

Трудно допустить, чтобы случайное совпаденіе, а не единство объекта, заставило Бекетова настаивать на сокращеніи, а Тургенева на ненапечатаніи вовсе какой-то статьи, прикрываясь однимъ и тѣмъ же мотивомъ—возможностью «непріятностей», очевидно, со стороны властей предрежащихъ для Тургенева. Конечно, «у страха глаза велики», въ особенности, когда мы испытываемъ его за себя, а такимъ именно и былъ въ данномъ случаѣ страхъ Бекетова и Тургенева, но, съ другой стороны, нельзя отрицать, что статья Добролюбова о «Наканунѣ» является одной изъ наиболѣе радикальныхъ, именно по своему политическому смыслу, изъ всего наслѣдія великаго критика. Не забудемъ что въ ней, по справедливому замѣчанію Иванова Разумника («Исторія русской общественной мысли», т. II), явно сказалось сочувствіе къ

тому пункту социализма, который лежалъ въ основаніи всего міровоззрѣнія Чернышевскаго: къ благу реальной личности, какъ главному критерию. Съ другой стороны въ статьѣ о «Наканунѣ» съ полной ясностью проявилась вѣра Добролюбова въ неизбежность революціонной борьбы въ Россіи. Не уставая подчеркивать, что главная цѣль Инсарова заключается въ томъ, что «освободить родину», Добролюбовъ выражалъ страстное убѣжденіе, что наступаетъ время появленія русскихъ Инсаровыхъ, которымъ придется бороться за освобожденіе родины не съ внѣшними, а съ внутренними врагами. Относящіяся сюда строки его статьи въ «Современникѣ» напечатаны не были; они гласили: «Для удовлетворенія чувства, нашей жажды... нуженъ человѣкъ, какъ Инсаровъ,—но русскій Инсаровъ».

«На чтожъ онъ намъ? Мы сами говорили выше, что намъ не нужно героевъ освободителей, что мы народъ владѣтельный, а не поработенный...

«Да, извнѣ мы ограждены, да еслибъ и случилась внѣшняя борьба, то мы можемъ быть спокойны. У насъ для военныхъ подвиговъ всегда было довольно героевъ, и въ восторгахъ, какіе донинѣ испытываютъ барышни отъ офицерской формы и усиковъ, можно видѣть неоспоримое доказательство того, что общество наше умѣетъ цѣнить этихъ героевъ. Но развѣ мало у насъ враговъ внутреннихъ? Развѣ не нужна борьба съ ними, и развѣ не требуется геройство для этой войны? А гдѣ у насъ люди, способные къ дѣлу? Гдѣ люди цѣльные, охваченные съ дѣтства одной идеей, сжившіеся съ ней такъ, что имъ нужно или доставить этой идеѣ торжество, или умереть? Нѣтъ такихъ людей, потому что наша общественная среда до сихъ поръ не благопріятствовала ихъ развитію. И вотъ отъ нея то, отъ этой среды, отъ ея пошлости и мелочности и должны освободить насъ новые люди, которыхъ появленіе такъ нетерпѣливо и страстно ждетъ все лучшее, все свѣжее въ нашемъ обществѣ».

Трудно еще явиться такому герою: условія для его развитія и особенно для перваго проявленія его дѣятельности крайне неблагопріятны, а задача гораздо труднѣе, чѣмъ у Инсарова. Врагъ внѣшній, притѣснитель привилегированный гораздо легче можетъ быть застигнутъ и побѣжденъ, нежели врагъ внутренній, разсѣянный повсюду въ тысячѣ разныхъ видовъ, неуловимый, неуязвимый, а между тѣмъ тревожащій васъ всюду, отравляющій всю жизнь вашу и не дающій вамъ ни отдохнуть, ни осмотрѣться въ борьбѣ. Съ этимъ внутреннимъ врагомъ ничего не сдѣлаешь обыкновеннымъ оружіемъ; отъ него можно избавиться только перемѣнивши сырую и туманную атмосферу нашей жизни, въ

которой онъ зародился, и выросъ, и усилился, и обвѣявши себя такимъ воздухомъ, которымъ онъ дышать не можетъ.

«Возможно ли это? Когда это возможно? Изъ этихъ вопросовъ можно отвѣчать категорически только на первый. Да, это возможно, и вотъ почему. Мы говорили выше о томъ, какъ наша общественная среда подавляетъ развитіе личностей, подобныхъ Инсарову. Но теперь мы можемъ сдѣлать дополненіе къ нашимъ словамъ: среда эта дошла теперь до того, что сама же и поможетъ появленію такого человѣка».

Если принять во вниманіе, что Добролюбовъ, отнюдь не отказывая Тургеневу въ пониманіи того, что его «прежніе герои» (т.-е. лишніе люди В. Е.) уже сдѣлали свое дѣло и не могутъ возбуждать прежней симпатіи въ лучшей части нашего общества», всячески привѣтствовалъ проявленную Тургеневымъ готовность «стать на дорогу, на которой совершается передовое движеніе настоящаго времени», и готовъ былъ считать его художественное творчество своего рода, «сильною пропагандою» (эти слова опять-таки были выпущены въ «Современникѣ»),—то страхи Тургенева и Бекетова сдѣлаются совершенно понятными. Первый, очевидно, испугался того, что его могутъ обвинить въ предвозвѣщеніи скорого наступленія революціоннаго «дня», чуть ли не въ «пропагандѣ»; второй—того, что ему будетъ поставлено въ вину допущеніе публичнаго раскрытія Добролюбовымъ, опять-таки въ цѣляхъ все той же революціонной пропаганды, тайнаго смысла тургеневскаго романа. Нѣтъ надобности распространяться, что Тургеневъ выказалъ себя въ данномъ инцидентѣ отнюдь не съ лучшей стороны: и чтеніе статьи въ корректурѣ, и предъявленіе извѣстныхъ требованій, имѣвшихъ несомнѣнный характеръ авторской цензуры, и самая мотивировка этихъ требованій соображеніями вполне личнаго порядка,—все это, мягко выражаясь, ложные шаги. Сдѣлались же эти ложные шаги возможными на почвѣ рѣзко уже обозначившагося идейнаго расхожденія Тургенева съ новой редакціей «Современника». Внѣшнимъ и чрезвычайно опредѣленнымъ показателемъ того, какъ далеко зашло это расхожденіе, можетъ служить тотъ фактъ, что «Наканунѣ» появилось не въ «Современникѣ», а въ «Русскомъ Вѣстникѣ». При наличности прежнихъ отношеній—это было бы само собою разумѣется, невозможно. Я очень далекъ отъ мысли давать описываемой распрѣ одностороннее толкованіе, т.-е. всю вину возлагать на Тургенева. Моя основная точка зрѣнія сводится къ тому, что виноватыхъ въ ней, собственно говоря, не было, такъ какъ конфликтъ былъ вызванъ не столько личными причинами, которыя могли играть и, дѣйствительно, играли лишь второстепен-

ную роль, сколько различіемъ міровоззрѣній и, пожалуй, еще въ большей степени различіемъ психологій «отцовъ» и «дѣтей». Если же становиться на точку зрѣнія констатированья отдѣльныхъ ложныхъ шаговъ, то, конечно, въ нихъ былъ повиненъ не только Тургеневъ, но и противная сторона. Безспорною и довольно таки грустною ошибкой «Современника» я считаю помѣщеніе въ рецензіи о книгѣ Готорна «Собраніе чудесъ, повѣсти, заимствованныя изъ мифологіи» (1860 г., № 6) нѣсколькихъ насмѣшливыхъ и обидныхъ замѣчаній, касающихся «Рудина». Авторъ рецензіи (Чернышевскій, а не Добролюбовъ, какъ предполагали прежде) упрекалъ Тургенева въ томъ, что онъ, имѣя въ виду изобразить М. А. Бакунина (имя не было названо), «человѣка не безславными чертами вписавшаго свое имя въ исторію», въ угоду своимъ «литературнымъ совѣтникамъ» вздумалъ было сдѣлать изъ «льва» матеріалъ для «карикатуры». Въ результатѣ изъ повѣсти, которая должна была бы имѣть высокій «трагическій характеръ» «вышелъ венигретъ сладкихъ и кислыхъ насмѣшливыхъ и восторженныхъ страницъ, какъ будто сшитыхъ изъ двухъ разныхъ повѣстей». Исторія созданія «Рудина»,—тѣхъ колебаній, которыя испытывалъ во время нея Тургеневъ, тѣхъ передѣлокъ, которымъ онъ подвергалъ своего героя,—общеизвѣстна. Если дополнить ее свѣдѣніями, сообщенными Чернышевскимъ въ его воспоминаніяхъ («Совр. Міръ», 1911 г., № II. стр. 178—178), то можно считать установленнымъ, что только-что приведенный отзывъ Ник. Гавр. о «Рудинѣ» имѣетъ за собой извѣстныя основанія. Однако, печатать его все же не слѣдовало, именно потому, что онъ пріобрѣталъ явно тенденціозный характеръ въ виду измѣнившихся отношеній съ Тургеневымъ, какъ не слѣдовало нѣсколько ранѣе позволять мелкіе выпады по адресу Тургенева. Конечно, существеннаго значенія эти послѣдніе имѣть не могли, такъ какъ въ основѣ разрыва лежали несравненно болѣе глубокія причины, о которыхъ уже было достаточно говорено, но если бы реакція некрасовскаго журнала нашла въ себѣ достаточно объективности, чтобы отъ нихъ воздержаться, то это послужило бы только къ ея чести.

Не останавливаясь на дальнѣйшихъ подробностяхъ разрыва, окончательно фиксированнаго письмомъ Тургенева къ Панаеву съ отказомъ сотрудничать въ «Современникѣ» отъ 1—13 октября 1860 г. (оно, кстати сказать, не было передано Панаеву Анненковымъ) и полемикой между «Русскимъ Вѣстникомъ» (1861 г. № I, ст. «Нѣсколько словъ вмѣсто современной лѣтописи») и «Современникомъ» (1861 г. № 6, стр. 452—456 «Современнаго Обозрѣнія») по поводу предъявлен-

мого первымъ обвиненія, что отзывы второго о современныхъ писателяхъ стоятъ въ зависимости отъ того, сотрудничаютъ ли они въ немъ или нѣтъ: «съ прекращеніемъ расчетовъ на сотрудничество» измѣняется де и «тонъ отзывовъ»; не приводя тѣхъ бурнопламенныхъ выраженій ненависти и презрѣнія, которыми Тургеневъ и его друзья стали осыпать «Современникъ», и, главнымъ образомъ Некрасова,—скажу нѣсколько словъ о томъ, какъ отнеслись къ разсматриваемому конфликту современники, а вслѣдъ за ними и позднѣйшіе изслѣдователи исторіи нашей литературы. Отзывы современниковъ распадаются на двѣ группы. Меньшинство, въ лицѣ, напримѣръ, Анненкова, основываясь на такихъ, по существу своему не рѣшающихъ вопроса фактахъ, какъ упрашиваніе Некрасовымъ Тургенева отдать «Наканунъ» «Современнику», утверждаетъ, что «не разность мнѣній была первой причиной разрыва съ «Современникомъ», а отказъ отдать въ журналъ новую свою повѣсть и прекратить вообще свои вклады въ него» (см. Анненковъ «Литературныя воспоминанія», 1909 г. стр. 515). Справедливость требуетъ замѣтить, что Анненковъ самъ чувствовалъ шаткость своей точки зрѣнія и въ концѣ своей статьи «Шесть лѣтъ переписки съ Тургеневымъ» ввелъ такого рода оговорку, которая подрываетъ самую основу его мнѣнія. «Издатели «Современника», читаемъ мы здѣсь, были отчасти правы, когда говорили, что разность мнѣній и убѣжденій понудила ихъ разстаться съ Тургеневымъ, но, прибавимъ, это не касалось принциповъ, основаній, а относилось только до способа обращаться съ авторитетами» (556 стр.). Заключительное сужденіе нельзя не признать чрезвычайно близорукимъ, такъ какъ для современнаго изслѣдователя ясно, какъ дважды два-четыре, что между Тургеневымъ и его друзьями изъ числа людей 40-хъ годовъ, съ одной стороны, Чернышевскимъ, Добролюбовымъ, другими писателями разночинцами, и наконецъ Некрасовымъ, въ значительной степени воспринявшимъ ихъ идеологию, съ другой стороны, существовало коренное различіе не только въ способѣ обращенія съ авторитетами, а именно въ принципахъ и основаніяхъ. Согласившись въ данномъ случаѣ съ Анненковымъ, мы должны были бы навязать Тургеневу социалистическую и революціонную настроенность кружка новаго «Современника», идущую рука объ руку съ философскимъ матеріализмомъ.

Несмотря на несомнѣнную, такимъ образомъ, недалекость Анненкова, и шаткость его точки зрѣнія вообще, его взглядъ на вопросъ не только воспринялъ, но развилъ и дополнилъ одинъ изъ біографовъ Тургенева г. Гутьяръ. Совершенно игнорируя идейную рознь «отцовъ» и «дѣтей» г. Гутьяръ всѣ усилія употре-

билъ, чтобы представить охлажденіе и затѣмъ разрывъ Тургенева съ «Современникомъ» слѣдствіемъ постепеннаго проясненія въ глазахъ Тургенева нравственныхъ свойствъ «шулера и вора» Некрасова. Когда Тургеневъ прозрѣлъ-де настолько, что пересталъ сотрудничать въ «Современникѣ» и не далъ Некрасову своей повѣсти «Наканунъ», то Некрасовъ изъ мести воздвигъ противъ Тургенева на страницахъ своего журнала цѣлое гоненіе. Итакъ, по Гутьяру, истинная причина расхожденія—безнравственность, даже подлость Некрасова. На подобную же личную точку зрѣнія всталъ и другой біографъ Тургенева проф. Ивановъ; однако, онъ обратилъ свои громы уже не противъ Некрасова, а противъ Чернышевскаго. Чернышевскій изображается имъ какимъ-то надутымъ ничтожествомъ, воплощеннымъ невѣждою, какъ въ вопросахъ эстетическихъ, такъ и философскихъ. «Съ такимъ человѣкомъ предстояло ужиться Тургеневу въ одномъ журналѣ»—ну, и естественно, что онъ не ужился. Если въ теченіе нѣкотораго времени онъ и мирился съ создавшимся положеніемъ, то исключительно благодаря дружескимъ отношеніямъ съ Некрасовымъ. Но эти отношенія, подтачиваясь двумя, одинаково ненавистными проф. Иванову, людьми: на Некрасова старался повліять Чернышевскій—«простая змѣя», оказавшаяся, по мнѣнію проф. Иванова, ядовитѣе «очковой» т.-е. Добролюбова; на Тургенева—Герценъ, ненавидѣвшій Некрасова и готовый даже «неправдой» возстановить противъ него Тургенева. Повліять на Некрасова было, конечно, не такъ-то легко, но онъ «видѣлъ быстрый ходъ журнала и молчалъ не только за Тургенева, но и за себя». Въ результатѣ пути прежнихъ друзей разошлись разъ навсегда, и «Чернышевскій торжествовалъ».

Оба эти объясненія—и г. Гутьяра и проф. Иванова—можно разсматривать какъ классическіе примѣры неприкровенно тендеціознаго разсмотрѣнія историко-литературныхъ фактовъ. Серьезно полемизировать съ этими quasi историками русской литературы нѣтъ никакой надобности уже по одному тому, что ихъ точки зрѣнія не выдерживаютъ даже самой снисходительной критики по сравненію съ единственно правильнымъ освѣщеніемъ даннаго событія, заключающимся въ признаніи, что оно являлось однимъ изъ эпизодовъ розни «отцовъ» и «дѣтей», которая съ такою рѣзкостью обнаружилась съ момента, когда радостный подъемъ первыхъ лѣтъ царствованія Александра II смѣнился болѣе трезвымъ отношеніемъ къ текущимъ задачамъ, требовавшимъ конкретной ихъ постановки и практическаго разрѣшенія. Это единственно объективный, равно для обѣихъ сторонъ пріемлемый, уголъ зрѣнія. Не могу не отмѣтить, что именно такъ взглянули

на вопросъ многіе современники, въ томъ числѣ не только «дѣти», но и болѣе безпристрастные изъ «отцовъ», Вотъ что, на примѣръ, сказалъ однажды Кавелинъ Чернышевскому: «Вы принадлежите къ поколѣнію, которое должно идти дальше нашего, а поколѣніе Добролюбова должно находится въ такомъ же отношеніи къ вашему; между нами и вами есть связь; между вами и ими есть тоже связь, а между нами и ими, видно, ужъ нѣтъ связи. Чтожъ дѣлать. Это грустно для насъ; но такъ нужно для прогресса» («Современникъ» 1862, II, 393).

Ясно, что Кавелинъ понималъ положеніе вещей, хотя и не совсѣмъ точно: Чернышевскій не былъ посрединѣ между старымъ и новымъ добролюбовскимъ поколѣніемъ; это только могло такъ казаться.

Не меньшую сознательность обнаружилъ и Панаевъ, «легкомысленный Панаевъ», какъ его называли въ кружкѣ Тургенева; его перу принадлежитъ нижеслѣдующая замѣчательная исповѣдь: «Извѣстно, что наше поколѣніе по преимуществу обладало восторженностью, лиризмомъ и увлеченіемъ и безпрестанно слова и фразы принимало за дѣло. Если какой-нибудь мало извѣстный намъ господинъ говорилъ, на примѣръ, при насъ, сверкая глазами и ударяя себя въ грудь, что онъ ставитъ выше всего на свѣтѣ человѣческое достоинство и готовъ жизнь пожертвовать за личную независимость, или что-нибудь въ родѣ этого,—мы тотчасъ же бросались къ нему въ объятія, прижимали его, со слезой въ глазъ, къ нашему бьющемуся сердцу и восторженно, немного нараспѣвъ, восклицали: «Вы нашъ! о, вы нашъ!» и закрѣпляли союзъ съ нимъ прекраснымъ обѣдомъ съ шампанскимъ и *брудершафтомъ*... Всякая бездѣлица приводила насъ во восторженное состояніе, погружала въ лирическій экстазъ. Мы все привыкли страшно преувеличивать, на старости лѣтъ пускались даже въ романтизмъ, начали вздыхать и разнѣживаться не хуже нашихъ сентиментальныхъ дѣдовъ временъ «Бѣдной Лизы», и, какъ институтки, стали симпатизировать только тѣмъ, которые, подобно намъ, свой внутренній жаръ или, вѣрнѣе—отсутствіе всякаго внутренняго жара, обнаруживали восторженными внѣшними знаками и фразами».

При такихъ условіяхъ, неудивительно, что между старымъ и молодымъ поколѣніемъ обнаружился рѣзкій антагонизмъ, изображаемый тѣмъ же авторомъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Замѣчая, что новое поколѣніе начинаетъ довольно зло подсмѣиваться надъ нашею изнѣженностью, разслабленностью надъ нашими романтическими выходками и лирическими возгласами; что оно начинаетъ слишкомъ уже выдвигаться впередъ, во вредъ намъ, и прокладываетъ себѣ новый, болѣе строгій и болѣе прочный путь, мы, или по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ насъ, ожесточились противъ новаго поколѣнія вообще и въ осо-

бенности противъ самыхъ яркихъ его представителей. Наше негодованіе должно было прежде всего пасть, конечно, на Добролюбова... Мы рѣшили, что новое поколѣніе, несмотря на свой, дѣйствительно замѣчательный умъ и свѣдѣнія, поколѣніе,—сухое, холодное, черствое, безсердечное, все отрицающее, вдавшееся въ ужасную доктрину,—въ нигилизмъ. Нигилисты! Если мы не рѣшились заклеить этимъ страшнымъ именемъ все поколѣніе, то по крайней мѣрѣ увѣрили себя, что Добролюбовъ принадлежалъ къ нигилистамъ изъ нигилистовъ». («Современникъ», 1861, XI, 75—76).

Еще яснѣе представлялся вопросъ для современниковъ изъ рядовъ молодого поколѣнія, какъ это видно хотя бы изъ вышеупомянутыхъ статей Чернышевскаго и Добролюбова, относящихся къ концу 50-хъ и началу 60-хъ годовъ, и не только ихъ однихъ. Писанія Елисеева и Антоновича, замѣстившихъ въ «Современникѣ» умершаго Добролюбова и сосланнаго Чернышевскаго, а въ особенности ихъ воспоминанія (см. мою статью «Черты редакторской дѣятельности Некрасова», «Голосъ Минувшаго», № 10, гдѣ мною приведены обширныя цитаты изъ неизданныхъ мемуаровъ Елисеева, касающихся даннаго вопроса, и статью Антоновича о Добролюбовѣ, «Журналъ для всѣхъ», 1902 г., № 1, 88 стр.) убѣждаютъ съ полною несомнѣнностью, что рознь между «отцами» и «дѣтьми» не только существовала, но и очень остро сознавалась обѣими сторонами. Доказывать ее было бы совершенно излишней тратой времени и значило бы ломиться въ открытую дверь, тѣмъ болѣе что она совершенно неопровержимо устанавливается серьезными изслѣдованіями историко-литературнаго характера, независимо отъ того, принадлежать ли они авторамъ, лично переживавшимъ описываемый разладъ (см. книгу Пыпина о Некрасовѣ), или же ученымъ послѣдующей эпохи, подходившимъ къ предмету изслѣдованія съ совершенно иными пріемами, но прежде всего стремившимися къ исторической правдѣ (Освьянико-Куликовскій «Исторія русской интеллигенціи»).

Если, такимъ образомъ, можно считать доказаннымъ, что старую и молодую редакцію «Современника» разъединяли глубокія принципиальныя и психологическія причины, то не являются ли дѣтски наивными попытки сводить разрывъ между ними къ какимъ-то личнымъ мотивамъ, создавшимся по винѣ Некрасова ли, Чернышевскаго ли, Герцена ли? Личные мотивы временно, да и то не для болѣе или менѣе объективныхъ наблюдателей, способствовали лишь затемненію вопроса, которому теперь уже не должно быть мѣста.

В. Евгеньевъ.

Театръ и зрители¹⁾.

IV. Наступленіе реализма.

1.

Прошли годы увлеченій романтикой. Много восторговъ пережилъ зритель отъ лицезрѣнія «вулканическихъ» страстей. много удовлетворенія доставили ему крики мелодраматическихъ героевъ, много радостей соединялъ онъ съ «львиными прыжками» Мочалова и судорожнымъ паденіемъ на полъ Каратыгина. Долго тянулся періодъ этихъ восторговъ и прошелъ. На смѣлу ему явился иной, вызванный къ жизни новыми требованіями зрителей, стремившихся воскресить прежнія наслажденія уже не въ романтической, а въ бытовой драмѣ. Зрители свергли почти исключительное господство иноземныхъ герцоговъ и маркизовъ и замѣнили ихъ русскими, знакомыми людьми, — купцами, чиновниками, приказчиками, позднѣе людьми всѣхъ сословій и званій.

Какимъ путемъ совершилась эта перемѣна взглядовъ, я старался показать въ предыдущихъ статьяхъ, посвященныхъ эволюціи русскаго театральнаго зрителя. Изложеніемъ признаковъ новаго сознанія зрителей заканчиваю я первую часть недавно вышедшей книги «Театръ и зрители». Эти признаки: появленіе бытового репертуара, новаго актера, иныхъ требованій критики. Перечисляя признаки новаго сознанія зрителя, я

¹⁾ См. «Гол. Мин.» 1915 г. № 3.

приглашалъ вспомнить, кто былъ тотъ зритель, который посѣщалъ столичныя русскіе театры, кто вліялъ на репертуаръ русскихъ пьесъ, указывалъ направленіе, поддерживалъ мелодраму и романтическія сказанія. Не высокопоставленные чиновники, не богатая знать, не образованная публика Михайловскаго театра, не «знатоки» драматическаго искусства содѣйствовали измѣненію репертуара: онъ опредѣлялся «бородками», т.-е. купцами, безбородыми мелкими и средними чиновниками, пріѣзжими и проѣзжими небогатыми помѣщиками. Русскій театръ посѣщался главнымъ образомъ этой публикой и, безъ преувеличенія можно сказать, былъ созданъ ею. Она, эта публика, звала на сцену герцоговъ и маркизовъ, богатые костюмы и пышныя фразы; проходила путь своего первоначальнаго развитія,—путь увлеченія неизвѣстнымъ и чувствительной реакціи на недостижимое. Попутно воспринимала она чуждыя ей идеи, ассимилировала ихъ и по-своему перерабатывала.

И когда прежній родъ пьесъ оказался недостаточнымъ для доставленія знакомыхъ реакцій, публика «бородокъ» и мелкихъ чиновниковъ стала искать былыхъ театральныхъ наслажденій отъ новаго направленія. Насколько прежде чужда и далека отъ нея была жизнь представляемыхъ на сценѣ лицъ, настолько теперь сцена должна была приблизиться и поражать чувствительность именно родствомъ со столь знакомымъ этой публикѣ существованіемъ. Зритель уже достигъ возможности наслаждаться вымысломъ, сходнымъ съ обычной жизнью театральныхъ посѣтителей, и когда онъ потребовалъ знакомыхъ по ежедневному существованію мотивовъ, жизнь отвѣтила появленіемъ драматурга, рисовавшаго особенности той среды, которая этому зрителю была наиболѣе близка. Не дворянскій кругъ, не жизнь великосвѣтскихъ людей, не среду высокопоставленныхъ чиновниковъ изобразилъ для этой публики Островскій. Онъ ударилъ по душевнымъ струнамъ «бородокъ» и чиновниковъ изображеніемъ Титовъ Титычей, Сахаръ Сахарычей, Гордѣевъ Карпычей, Ризположенскихъ. «Банкротъ» не могъ увидѣть сцены, потому что обидѣвшіеся купцы просили начальство объ избавленіи ихъ отъ подобной «морали». Но «бородки» состояли не изъ однихъ Большовыхъ и Подхалюзиныхъ; безправные Мити, лишенные власти Любимы Торцовы, Андреи Титычи, Купидоши составляли тотъ элементъ, который со страстью воспринималъ все, что несло съ сцены. И эту-то публику такъ же, какъ Юсовыхъ, Бѣлоусовыхъ, среднихъ и мелкихъ чиновниковъ волновалъ новыми чувствами изображаемый на сценѣ міръ купцовъ, приказчиковъ, стряпчихъ, подъячихъ.

Конечно, реализмъ сцены былъ созданъ не тѣмъ, что Островскій изобразилъ данный, а не иной бытъ, но для зрителей, составлявшихъ большинство театральной публики и вліявшихъ на репертуаръ, было чувствительнѣй представленіе именно той среды, которая потомъ получила названіе темнаго царства. И «знатоки» оцѣнили Островскаго. Островскій получилъ одобреніе отъ всѣхъ, но создали его, воспитали для сцены, предчувствовали тѣ зрители, которые составляли большинство въ русскомъ театрѣ, которые давно уже, сидя въ заднихъ рядахъ партера, верхнихъ ярусахъ ложъ и галлерей, восхищались несдержанной страстью списанныхъ съ иностраннаго образцовъ.

Эта публика потребовала приближенія сцены къ дѣйствительности, хотя и встрѣтила препятствія со стороны цензуры, хотя проникновеніе быта на сцену прошло не безъ большихъ разногласій въ самомъ обществѣ.

Если бы цензура была логична и предусмотрительна, и если бы она дѣйствительно могла достигнуть желаемаго запретительными мѣрами, она воспрепятствовала бы появленію на сценѣ не только «Банкрота», тщательно передѣланнаго въ «Свои люди», но и всѣхъ бытовыхъ пьесъ, всего, что представляло передъ зрителями Россію, русскихъ, русскіе нравы, русскую жизнь. Она должна была преслѣдовать не только критическія статьи, въ которыхъ замѣтно отражалось неодобрительное отношеніе къ старинному укладу, но и всѣ восхваленія этого уклада, основанныя на точномъ его изображеніи. Потому что и въ восхваленіи скрыта уже возможность «критическаго отношенія», а точность изображенія, или, какъ тогда выражались, «математическая вѣрность дѣйствительности», побуждаетъ замѣчать въ послѣдней то, къ чему не привлекаетъ вниманія обыденная жизнь.

Цензура пыталась что-то дѣлать, по обыкновенію усердствовала, по обыкновенію превышала полномочія и выходила изъ рамокъ предписываемаго ей поведенія; но увидѣть и предупредить главнаго она не могла. Она задержала «Своихъ людей», не пустивъ ихъ своевременно на сцену, она содѣйствовала отдачѣ автора подъ надзоръ полиціи; она запретила нѣкоторыя статьи критики, восторгавшейся стариной, устоями, «русской душой», питаемой всѣмъ складомъ неизмѣнной старины; она надѣлала много глупостей, но предусмотрительности и логики не обнаружила.

Подозрительно отнеслась она даже къ первой увидѣвшей сцену пьесѣ Островскаго, къ «Не въ свои сани не садись». Казалось бы, что своей дидактической стороною пьеса направлена къ сохраненію существующаго, къ закрѣпленію сословныхъ

рамокъ и успокоенію недовольныхъ своимъ положеніемъ. Казалось бы, что если ужъ допускать быть на сцену, то эту пьесу надо поставить преимущественную передъ другими: никакихъ сомнѣній въ ея благотворномъ вліяніи на умы (если только цензура можетъ признавать благотворное вліяніе слова на умы) быть не могло. И однако, цензура обезпokoилась, что-то увидала, о чемъ-то сочла необходимымъ предупредить и остеречь. Островскій, только что окончившій «Не въ свои сани» и отправившій пьесу въ цензуру, ошеломленный и обезпokoенный, писалъ Погодину: «Я получилъ ужасное извѣстіе. По именному повелѣнію запрещено играть новыя пьесы въ Москвѣ, а только игранныя въ Питерѣ. Графъ Закревскій писалъ о «Лабазникѣ», что онъ по поводу его боится возмущенія въ театрѣ и потому «Лабазникъ», по именному повелѣнію, запрещенъ; потому же послѣдовало и новое предписаніе».

Начались хлопоты, справки, ходатайства. Что-то такое удалось устроить, но возникли новыя препятствія, уже специально касающіяся пьесы Островскаго, и авторъ ея, вновь обезпokoенный, писалъ Погодину: «Дѣло чрезвычайной важности. По докладу Гедеонова, государь отмѣнилъ прежнее приказаніе, т.-е. чтобы пьесы прежде шли въ Петербургъ, а велѣлъ оставить по старому. Мы этому всѣ обрадовались. Но теперь, по донесенію гр. Закревскаго, что моя комедія имѣетъ много общаго съ «Лабазникомъ», она потребована въ Петербургъ къ Гедеонову. Новыя хлопоты увѣнчались успѣхомъ; на письмо Погодина къ сыну Гедеонова послѣдовалъ успокоительный отвѣтъ, но послышались и неопредѣленныя угрозы относительно будущаго. Гедеоновъ-сынъ извѣщалъ, что пьеса Островскаго запрещена не будетъ, но совѣтовалъ не обращаться за новыми льготами: «По поводу «Лабазника»,—писалъ онъ,—готовилась порядочная буря на московскую драматическую литературу, но все осталось по прежнему. Вы согласитесь, что теперь не время испрашивать новыя драматическія льготы: подождемъ до весны»... До какой весны совѣтовалъ ждать Гедеоновъ и когда могла она наступить для театра, осталось неизвѣстнымъ.

Препятствія встрѣтились не для однѣхъ пьесъ. Статья Ап. Григорьева «О комедіяхъ Островскаго и объ ихъ значеніи въ литературѣ и на сценѣ» удостоилась вниманія III-го отдѣленія. Дуббельтъ написалъ на статьѣ карандашомъ: «Сочинитель сказалъ неправду, это—не разборъ комедій Островскаго, а это комедія Григорьева». Разсматривавшій статью чиновникъ особыхъ порученій при министрѣ народнаго просвѣщенія Волковъ въ рапортѣ 30-го іюня 1855 г. далъ заключеніе, неблагопріятное для Ап. Гри-

горьева: «Статья г. Григорьева, хотя и предназначенная для литературнаго журнала, по своему неудобопонятному изложенію, переполненному выписками изъ Посошкова, кромѣ наборщика и корректора, едва ли найдетъ себѣ другихъ читателей». Что, казалось бы, могло быть безвреднѣе подобной статьи? Какъ не разрѣшить писанія, которое «не найдетъ читателей»? Но чиновникъ пришелъ къ обратному заключенію. Въ рапортѣ онъ негодовалъ на то, что Григорьеву «нечего больше дѣлать, какъ писать подобныя умозрительныя статьи», а редакцію журнала «Москвитянинъ» укорялъ за нехорошее веденіе дѣла: ей «необходимо нужно за недостаткомъ дѣльныхъ и умныхъ статей наполнять чѣмъ-нибудь страницы своего журнала». «Литература наша,— писалъ дальше Волковъ,—нисколько не потеряетъ, а также ничего не потеряютъ читатели «Москвитянина», если статья Григорьева вовсе не появится въ печати». Статья признана «неодобриительною по правиламъ цензуры» (Н. Барсуковъ «Жизнь и труды М. П. Погодина» Т. XIV стр. 240).

Цензура была и раньше не очень возвышена умомъ и логична. Но въ настоящемъ дѣлѣ, надо отдать ей справедливость, она превзошла себя. Она запрещала Григорьева и позволяла пьесы, о которыхъ онъ говорилъ: она оберегала небольшую группу читателей и предоставляла вліянію бытового репертуара рядового зрителя. Она не могла постигнуть, что несетъ съ собой новая комедія. Бытовой репертуаръ обозначалъ приближеніе массы къ дѣламъ земли, къ дѣламъ страны, къ анализу общественныхъ явленій, къ критикѣ, къ отрицательному взгляду на устои, къ убѣжденію о необходимости измѣненій, къ желанію реформъ, къ ихъ требованію и т. д., и т. д. Длинная цѣпь посылокъ, умозаключеній, дѣйствій предвидѣлась изъ-за простого изображенія на сценѣ неправильныхъ дѣяній какого-нибудь торговца или самодурныхъ выходокъ купца въ собственной семьѣ. Видѣлся зритель измѣненный и критикующій, не воспринимающій только, а думающій, не пассивный, а дѣйствующій. Должны были предвидѣться недовольства, предчувствоваться «потрясенія». Цензура не постигала, какая тревожная сила прячется за простымъ и несложнымъ изображеніемъ быта.

И понятно, что опасность заключалась не только въ тѣхъ «западникахъ», которые каждое явленіе будутъ объяснять, какъ недостатокъ существующаго, какъ порокъ и негодность. Опасность таилась даже въ приверженцахъ стараго, въ защитникахъ основъ, которые будутъ восхвалять существующее и этими восхваленіями и разборами привлекутъ вниманіе къ нему, заставятъ пристальнѣе разсмотрѣть его, а за пристальнымъ разсматриваніемъ по-

кажется опять длинный рядъ посылокъ и умозаключеній, въ концѣ котораго неизбѣжно станетъ недовольство и «потрясеніе». И правые, и лѣвые, и почвенники, и обновленные западники должны были стать чуть ли не одинаково подозрительными для цензуры.

А правые и лѣвые сейчасъ же появились, какъ только жизнь ворвалась на сцену подъ названіемъ бытового репертуара. Литературные круги распались на двѣ части и, что особенно интересно, ихъ несогласіе обозначилось не въ литературномъ вопросѣ, не въ отношеніи къ пьесамъ Островскаго, какъ къ художественному произведенію, а въ объясненіи, которое по мнѣнію каждой группы слѣдуетъ придавать комедіямъ новаго драматурга. Относительно литературнаго достоинства пьесъ, въ особенности въ началѣ карьеры Островскаго, большого разногласія не было. Ихъ признали сразу; въ ихъ важномъ значеніи убѣдились съ первыхъ шаговъ драматурга. О томъ, какое впечатлѣніе произвелъ «Банкротъ», когда былъ прочитанъ совмѣстно Островскимъ и Садовскимъ въ присутствіи извѣстныхъ литераторовъ и ученыхъ въ Москвѣ, вспоминать нечего: оно слишкомъ хорошо всѣмъ извѣстно и о немъ столько разъ передавалось въ печати. Тогда Растопчина писала Погодину: «Ура! У насъ рождается своя театральная литература». В. Ѳ. Одоевскій восхищался комедіей Островскаго, прибавляя, впрочемъ, «если это не минутная вспышка, не грибокъ, выдавившійся самъ собою изъ земли, просоченной всякой гнилью». «Никакое вдохновеніе невозможно, кромѣ комическаго, а оно дается немногимъ; и теперь, какъ видите изъ «Банкрута», оно не изсякаетъ у насъ,—писалъ Хомяковъ гр. А. Д. Блудовой.—Грустное явленіе эта комедія, но она имѣетъ свою утѣшительную сторону. Сильная сатира, рѣзкая комедія свидѣтельствуютъ еще о внутренней жизни, которая когда-нибудь еще можетъ устроиться и развиваться въ формахъ болѣе изящныхъ и благородныхъ».

Съ пьесой Островскаго произошло нѣчто въ родѣ того, что съ «Горемъ отъ ума»: она стала извѣстной и знаменитой задолго до появленія на сценѣ. И авторъ ея пріобрѣлъ славу и подражателей раньше, чѣмъ его пьесы сдѣлались достояніемъ театра. Другимъ пьесамъ Островскаго довелось попасть на сцену прежде, чѣмъ увидѣла ее знаменитая, возбуждая столько восторговъ и надеждъ комедія «Банкротъ», даже подъ названіемъ «Свои люди—сочтемся». Но и онѣ, эти пьесы, не успѣли опередить своихъ подражателей. Произошло удивительное,—обычное въ физическихъ столкновеніяхъ, но почти не встрѣчающееся въ литературѣ,—явленіе: первыми застрѣльщиками выступили не вожди, даже не развѣдчики, а подражатели: отраженіе показалось

на сценѣ прежде оригинала. «Купецъ-лабазникъ», пьеса Владыкина, попала на сцену и возбудила споры, и заставила настояться цензуру, и чуть не повела къ катастрофѣ московскаго театра раньше, чѣмъ первая представленная на сценѣ пьеса Островскаго «Не въ свои сани не садись» показалась передъ московскими зрителями. Снятая съ репертуара комедія Владыкина была напечатана черезъ нѣсколько лѣтъ подъ названіемъ «Выгодная женитьба»;—разбиравшіе пьесу критики находили, что «всѣ лица комедіи—тѣни ужъ извѣстныхъ лицъ г. Островскаго»... Почва была готова, зритель требовалъ быта, и предложеніе послѣдовало за спросомъ тотчасъ же послѣ того, какъ дорога была указана Островскимъ.

И правые, и лѣвые сошлись въ признаніи огромнаго значенія вновь раскрываемыхъ театральныхъ перспективъ. Съ обычной восторженностью писалъ А. Григорьевъ въ частномъ письмѣ Погодину: «Театръ въ наше время становится самою серьезною стороною литературы». Другіе хотя и не были столь категоричны, видѣли, что все-таки новая комедія открываетъ новые пути для русскаго театра. Но на этомъ согласіе и кончилось. Сейчасъ же за признаніемъ высокаго значенія комедіи Островскаго начался разборъ вопроса, чей Островскій, нашъ или вашъ. И сначала каждая сторона готова была утверждать: нашъ. Появленіе дальнѣйшихъ пьесъ заставило измѣнить вопросъ, потому что сомнѣнія, куда относится, къ какой сторонѣ примыкаетъ Островскій, быть не могло. Онъ самъ, оканчивая въ 1854 г. «Бѣдность не порокъ», писалъ Погодину: «О первой комедіи («Свои люди») я не хотѣлъ бы хлопотать потому: 1) что не хочу нажить себѣ не только враговъ, но даже неудовольствія; 2) что направленіе мое начинается измѣняться; 3) что взгляды на жизнь въ первой моей комедіи кажутся мнѣ молодымъ и слишкомъ жесткимъ; 4) что пусть лучше радуется русскій человѣкъ, видя себя на сценѣ, чѣмъ тоскуетъ. Исправители найдутся и безъ насъ. Чтобы имѣть право исправлять народъ, не обижая его, надо ему показать, что знаешь за нимъ и хорошее, этимъ-то я теперь и занимаюсь, соединяя высокое съ комическимъ: первымъ образцомъ были «Сани», второе оканчиваю». Сомнѣній въ томъ, къ какой сторонѣ склоняется самъ Островскій, быть уже не могло, но какъ надо объяснять и какъ относиться къ изображаемому имъ быту, объ этомъ спорили, и споры начались задолго до того, какъ зритель ознакомился съ типами Островскаго въ театрѣ.

Споры были характерны и интересны. То скрытое тяготѣніе къ протесту, которое жило въ извѣстной части общества и не уменьшалось вслѣдствіе гнета, особенно усилившагося въ по-

8*

слѣдніе годы царствованія Николая, появилось въ готовности видѣть за ограниченнымъ бытомъ, изображеннымъ въ «новой комедіи», нѣчто болѣе широкое и значительное,—весь «родовой бытъ», всю «русскую душу». Это тяготѣніе преобладало надъ противоположными ему стремленіями,—надъ попытками подвести подъ старый укладъ русской жизни идеальный фундаментъ присущихъ русскому народу драгоцѣнныхъ чертъ смиренія, кротости, нетребовательной любви. Сойтись не могли и спорили, и въ спорахъ, которые, по условіямъ времени, не смѣли переходить за опредѣленную черту и раскрывать всѣ мысли говорящихъ, естественно увлекались мелочами, голословными утвержденіями, многократнымъ повтореніемъ уже высказаннаго.

Эрастъ Благонравовъ, подъ именемъ котораго скрывался остроумный сотрудникъ «Москвитянина» Б. А. Алмазовъ, изображалъ эти споры еще въ 1851 году. Онъ видѣлъ сонъ, «Сонъ по случаю одной комедіи», гдѣ выступали на диспутѣ представители различныхъ взглядовъ на русскую жизнь и на новую пьесу. Имя Островскаго не называлось въ «Снѣ», такъ же, какъ не упоминалось названіе «Свои люди—сочтемся»; говорилось лишь о «новой комедіи», и всякій понималъ, о чемъ идетъ дѣло. Съ особенной убѣдительностью спорили «Большой любитель и знатокъ литературы западныхъ народовъ» и «Страстный любитель славянскихъ древностей». Для перваго новая комедія была тѣмъ разрушительнымъ орудіемъ, которое не оставило камня на камнѣ въ основахъ русскаго родового быта: «Родовой бытъ убить... родовому быту нанесенъ послѣдній ударъ новой превосходной комедіей»... Для Страстнаго любителя славянскихъ древностей такое утвержденіе непонятно; онъ видѣлъ въ новой комедіи нѣчто совершенно противоположное: «Да съ чего вы взяли, что новая комедія казнить родовой бытъ?» Любителю и знатоку литературы западныхъ народовъ также непонятны эти вопросы. Съ чего взялъ? «Съ того, что лица, выведенныя въ новой комедіи, живущія по началамъ родового быта, въ ней жестоко, безпощадно,—скажу болѣе,—ужасно высмѣяны».—«Извините,—отвѣчалъ Страстный любитель славянскихъ древностей,—совершенно напротивъ: лица, выведенныя въ новой комедіи, нарисованы имъ съ необыкновенной любовью. Онъ въ нихъ старался показать, какъ размашиста, широка и глубока душа русскаго человѣка»... Споръ разгорался; отъ оцѣнки комедіи переходилъ къ обсужденію свойствъ русской души. «Русская душа только широка, но не глубока»,—доказывалъ Большой любитель и знатокъ литературы западныхъ народовъ. «Нѣтъ, и глубока»,—утверждалъ Страстный любитель славянскихъ древностей. «Нѣтъ не глубока».—

«Нѣтъ, и глубока»... Даже душа добродѣтельнаго русскаго чело-
вѣка казалась любителю Запада «неглубокой», даже преступная ду-
ша русская представлялась любителю славянства возвышенной:
«Что-жъ изъ того что онъ (злостный банкротъ новой комедіи) плу-
тъ и мерзавецъ? Онъ все-таки въ 100 тысячъ разъ лучше самаго чест-
наго нѣмца. Русскій чело-вѣкъ великъ и прекрасенъ даже во
всѣхъ своихъ порокахъ»... Въ диспутъ вмѣшивались новые лица;
спорили о русскихъ поговоркахъ, о случаяхъ, когда передъ
фамиліей автора надо ставить слово «господинъ»; спорили, на-
конецъ, объ имени и отчествѣ автора новой комедіи (Александра
Николаевича Островскаго). Вмѣшавшійся хоръ объяснялъ: «Въ
«Москвитянинѣ» назвали его Николаемъ Николаевичемъ, но это
названіе было отмѣнено по просьбѣ самого автора и замѣнено
другимъ, болѣе правильнымъ, вслѣдствіе чего «Москвитянинъ»
назвалъ его Александромъ Николаевичемъ. Несмотря на послѣд-
нее обстоятельство, «Современникъ», наперекоръ «Москвитянину»,
какъ журналу противныхъ ему убѣжденій, все-таки называлъ
автора Николаемъ Николаевичемъ. Не знаю, чью сторону возъ-
мутъ другіе журналы. Многіе ученые находятъ, что, какъ «Со-
временникъ», такъ и «Москвитянинъ» впадаютъ въ крайности, что
слѣдуетъ избрать середину,—взять нѣчто среднее между Нико-
лаемъ Николаевичемъ и Александромъ Николаевичемъ»...

Въ остроумной характеристикѣ Эраста Благодѣлова споры
крайнихъ смѣшны и нелѣпы,—кажется, будто каждая изъ спо-
рящихъ сторонъ хочетъ дискредитировать свои утвержденія,
доводя ихъ до нелѣпаго заключенія. И, конечно, въ это время,
какъ всегда въ періоды формированія идей, подсказанныхъ
горячимъ чувствомъ, было сказано много нелѣпаго и смѣшнаго;
но за этимъ смѣшнымъ и нелѣпымъ скрывалось естественное
тяготѣніе сѣваннаго чело-вѣка расправить свои члены. Гнетъ
былъ тяжелъ, нелѣпъ и зачастую смѣшонъ,—реакція противъ
него не могла не быть во многихъ своихъ подробностяхъ смѣшна,
но въ основѣ своей цѣлесообразна и логична. Въ 1848 г. по хода-
тайству Геденова было запрещено «Полицейскимъ Вѣдомостямъ»
писать о театрѣ за расточавшіяся «Вѣдомостями» чрезмѣрныя
похвалы актрисѣ Косицкой, которой директоръ театровъ не со-
чувствовалъ. (Бар. Дризенъ «Матеріалы къ исторіи русскаго
театра»). А немного спустя, года черезъ два или два съ половиной,
молодая редакція «Москвитянина», возбужденная приливомъ
ненависти къ Петру и къ его дѣянію, оторвавшему образованные
классы отъ народа, могла слышать, какъ одинъ изъ послѣдова-
телей отрицательнаго взгляда на Петра, Зедеггольдъ (сынъ
протестантскаго пастора, впослѣдствіи о. Климентъ Оптинскій),

«подъ вліяніемъ случайной рюмки вина, котораго онъ вообще никогда не пилъ, такъ увлекся въ одномъ разговорѣ негодованіемъ на Петра, что объявилъ, что убьетъ его и притомъ разорвалъ свою студенческую фуражку». Островскій въ томъ же кружкѣ молодой редакціи «Москвитянина» говорилъ: «Съ Тртіемъ Филипповымъ, да съ Провомъ (Садовскимъ) мы все Петрово дѣло назадъ повернемъ»... Какая изъ этихъ выходокъ, Гедеоновская, Зедергольмовская или выходка Островскаго,—была смѣшнѣе, трудно сказать, но что первая рождала вторыя, въ этомъ сомнѣнія быть не могло. А за смѣшнымъ и нелѣпымъ недовольство диктовало и вполне естественное критическое отношеніе къ настоящему. Комедія Островскаго дала къ тому неизбѣжный поводъ и толчокъ, но сама она явилась слѣдствіемъ той эволюціи, которую пережилъ зритель и которая привела къ торжеству реализма на сценѣ.

Но пока дѣло ограничивалось читателями и кружками; споры велись не между зрителями. Однако уже была готова къ воспріятію «новой комедіи» и вызываемыхъ ею сужденій театральная публика. Въ сѣверной столицѣ къ представленію «Не въ свои сани не садись» зрители готовились задолго. «За нѣсколько дней до представленія,—писалъ тамошній корреспондентъ «Московскихъ Вѣдомостей»,—не было уже ни одного билета, и публика, которая пріѣхала ее (пьесу) посмотреть, была совсѣмъ не та публика, которая обыкновенно посѣщаетъ русскій театръ. Всѣ почти здѣшніе литераторы, журналисты, высшій свѣтъ и ученые, наполнили амфитеатръ... Громъ рукоплесканій, браво и вызовы... Публика плакала, когда плакала г-жа Читау... Въ театрѣ пронесся слухъ, что авторъ пріѣхалъ по желѣзной дорогѣ въ день спектакля и его два раза вызывали единодушно; занавѣсъ взвился и объявлено, что авторъ въ Москвѣ»...

Ну, а какъ же отнеслась публика, «которая обыкновенно посѣщаетъ русскій театръ»? Она явилась смотреть пьесу въ слѣдующія представленія и одобрила ее; и не только одобрила, но и прониклась ею не менѣе, если не болѣе, чѣмъ исключительная публика перваго представленія. Она наполняла театръ и, какъ сообщалъ корреспондентъ той же газеты, «четвертое представленіе этой пьесы шло еще болѣе успѣшно», чѣмъ первое. Въ Москвѣ «Не въ свои сани не садись» заслужило, по выраженію рецензента, «успѣхъ блистательный». «Послѣ бенефиса г-жи Никулиной-Косицкой, въ который впервые дана была эта пьеса, было уже четыре представленія, и каждый разъ театръ наполнялся сверху до низу и каждый разъ публика вызывала автора»...

«Не въ свои сани не садись» для купеческой публики театра было своего рода неожиданностью. Эта публика слышала объ

Островскомъ, какъ объ авторѣ, противъ допущенія котораго на сцену возставало московское купечество; она готовилась къ чему-то позорящему и страшному и внезапно увидѣла нѣчто противоположное своимъ опасеніямъ. Одоевскій писалъ по поводу «Банкрута» пріятелю-помѣщику: «Пора было вывести на свѣжую воду самый развращенный классъ людей». И такъ думалъ не одинъ Одоевскій; такъ говорили многіе; и, направляясь смотрѣть «Не въ свои сани», купецъ ждалъ распятія, публичнаго сѣченія, жестокихъ насмѣшекъ надъ «самымъ развращеннымъ классомъ». Онъ услышалъ защитительную рѣчь, онъ увидалъ себя восстановленнымъ во мнѣніи зрителей и освобожденнымъ отъ тяготѣвшей надъ нимъ «морали». Онъ былъ взволнованъ близостью пьесы къ жизни не меньше, чѣмъ въ былыя времена волновался мелодрамой и громокипящими повѣствованіями о разбойникахъ. Если бы Островскій умеръ въ это время, можетъ быть, благодарный купецъ такъ же полилъ бы его могилу шампанскимъ, какъ поливалъ когда-то свѣженасыпанный холмикъ надъ гробомъ прельщавшаго его трескучими монологами Каратыгина.

А многочисленные приказчики, молодцы, подчиненные родственники,—тѣ, изъ которыхъ въ былыя времена выходили знаменитые трагическіе актеры Яковлевы,—тѣ, которые должны были прятать и художественныя влеченія, и артистическій талантъ отъ самовластія хозяевъ,—какъ отнеслись они къ новымъ пріобрѣтеніямъ сцены? Знакомый міръ отношеній торговой среды уже не казался имъ чѣмъ-то ненужнымъ и скучнымъ на сценѣ. Онъ привлекалъ широтой и новизной поднимавшихся вокругъ него вопросовъ, волненіемъ, связаннымъ съ близостью послѣднихъ къ жизни, противоположностью своей прозы съ тѣми соблазнительно-возвышенными сферами, которыя открывала прежде романтическая драма. Долгій театральнй опытъ сблизилъ съ приподнятыми чувствами красивыхъ герцоговъ, статныхъ маркизовъ, могучихъ королей, съ напряженностью ихъ страстей, съ привлекательной надземностью ихъ помысловъ. И, послѣ этого красиваго міра, свой, представленный на сценѣ, волновалъ уже одними своими дефектами: неизбежностью загнаннаго положенія Мити, который стихотворенія господина Кольцова переписывалъ, печальной участью Авдотьи Максимовны, заносчивостью непринявшаго къ торговому міру ничтожнаго Вихорева, неуступающими каратыгинскимъ монологамъ по напряженности чувства просьбами и слезами Любима Торцова: «Братъ, отдай Любушку за Митю,—онъ мнѣ уголь дастъ... Назябся ужъ я, наголодался... Братъ! и моя слеза до неба дойдетъ!... Что онъ бѣденъ-то?! Эхъ, кабы я бѣденъ былъ, я бы человѣкомъ былъ!»...

Это было столько разъ слышанное со сцены воззваніе добродѣтели, униженной судьбою,—воззваніе, которое когда-то шло изъ устъ иностранныхъ героевъ, назывались ли ихъ авторы Шиллерами, Гюго, Дюканжами, или Полевыми и Кукольниками. То старое, знакомое на сценѣ и чуждое въ жизни, волновало когда-то и уже успѣло надоѣсть; это, сходное съ нимъ, новое для сцены и такое близкое въ жизни, обладало неисчерпаемыми средствами для порожденія сочувственныхъ восторговъ и волнующихъ помысловъ.

Если бы эта многочисленная часть рядовыхъ зрителей всей своей предыдущей жизнью въ театральной залѣ не была еще приготовлена къ реализму и къ бытовому репертуару, то комедіи Островскаго возбудили бы ея любопытство уже однимъ поднявшимся около нихъ шумомъ и тѣмъ боевымъ характеромъ, который онѣ вслѣдствіе этого пріобрѣли; однако тогда этотъ интересъ удержался бы очень непродолжительное время, и зритель вернулся бы къ старымъ симпатіямъ, быстро покончивъ съ внезапнымъ увлеченіемъ. Но и эта часть зрителей, и чиновникъ, и студентъ, и все то, что въ теченіе многихъ лѣтъ николаевскаго царствованія наполняло театральную залу, само требовало дѣйствительности на сценѣ, само породило и «Не въ свои сани не садись», и тургеневскаго «Нахлѣбника», и пьесы Писемскаго. Этому неизбежному ходу развитія театральной публики не могли помѣшать ни колючія проволоки цензуры, ни многодюймовыя орудія Дуббельтовъ и Бенкендорфовъ.

Реализмъ пришелъ въ театръ не съ однимъ «Банкротомъ», но первая проникшая на сцену, пьеса Островскаго была знаменемъ реализма, сигналомъ, увѣдомляющимъ объ его пришествіи, той вѣхой, которую ставятъ на захваченныхъ участкахъ предприимчивые піонеры. И не было преувеличенія въ словахъ Тертія Филиппова, когда день перваго представленія «Не въ свои сани не садись» онъ считалъ несравнимымъ ни съ какимъ другимъ сценическимъ днемъ: «14 января 1853 г. есть день памятный въ лѣтописяхъ московскаго театра,—писалъ онъ,—день, который достойно вознаграждаетъ Островскаго за его трудъ, а московскую труппу покрылъ новой славой, обнаруживъ въ ней огромныя средства, до сихъ поръ неприведенныя въ извѣстность. Это представленіе мы не можемъ сравнить ни съ какимъ другимъ... Артистовъ не вызывали порознь, но постоянно и единодушно кричали: «всѣхъ, всѣхъ». И въ самомъ дѣлѣ, можно ли было въ минуты такого всеобщаго восторга разбирать, насколько одинъ игралъ лучше другого?» Аксаковъ писалъ Тургеневу: «Скажу вамъ, что впечатлѣніе, производимое этою пьесою на сценѣ не

только силою своею побѣждаетъ всѣ предубѣжденія, но едва ли съ какимъ либо прежде испытаннымъ впечатлѣніемъ сравниться можетъ. Вполнѣ понятна эта пьеса только въ театрѣ. Но пьеса— чисто временщица, то есть вполнѣ принадлежитъ времени и глубже не зачерпываетъ... «Если это не сама дѣйствительность,— писалъ рецензентъ «Отечественныхъ Записокъ» (книга 4-я 1853 г.), то многое въ подобномъ вымыслѣ такъ близко къ ней и такъ походить на нее». «Петербургскія Вѣдомости» видѣли въ представленіи «Не въ свои сани» начало новой эры для нашего театра. «Не сѣтовать и не жаловаться будемъ мы сегодня, а радоваться: русская сцена пріобрѣла писателя съ самостоятельнымъ, прекрасно направленнымъ дарованіемъ... Намъ стоило большихъ усилий, чтобы не начать фельетона по гомеровски воззваніемъ къ музѣ»... И когда дѣло дошло до подведенія итоговъ всему театральному году та же газета писала: «Минувшій театральный годъ долженъ занять самое видное мѣсто въ лѣтописяхъ здѣшняго театра. Этому году суждено было видѣть отрадное возрожденіе драматической литературы»...

Знатоки, впрочемъ, скоро измѣнили Островскому; исключеніе составляла лишь небольшая группа, сочувствовавшая «Москвитяину». Уже «Не въ свои сани» при всемъ восторженномъ отношеніи критики къ таланту Островскаго, вызвала укоризненные замѣчанія противъ своей идеи. «Одни дѣйствующія лица,—писали «Отечественныя Записки»,—явно носятъ на себѣ отпечатокъ идеальнаго, другія носятъ въ себѣ самую темную сторону дѣйствительности... Все идеальное, какъ нарочно, досталось на долю необразованнаго класса, а на долю прочихъ лицъ, которыя назначены въ комедіи представлять собою другую часть общества, выражать въ ней понятіе объ образованности, оставлены лишь грубыя, часто даже грязныя краски... Гдѣ же тутъ художническое безпристрастіе?»... «Объ основной мысли, какъ выражающей личный взглядъ, личное мнѣніе автора мы спорить не будемъ, хотя и не совсѣмъ съ нимъ согласны», заявляли послѣ своего восторженнаго отзыва «Петербургскія Вѣдомости».

Но это было лишь начало отрицательнаго взгляда на дѣятельность Островскаго. «Талантъ падаетъ», «талантъ очевидно слабѣетъ», «печать дарованія, покоившаяся на авторѣ «Свои люди—сочтемся» мало по малу стерлась», такъ сопровождали рецензенты свои отзывы о новыхъ пьесахъ Островскаго. Съ высоко-мѣрнымъ недоумѣніемъ спрашивали, въ чемъ заключается «новое слово», которое услышалъ Аполлонъ Григорьевъ отъ Островскаго; дѣлали язвительныя намеки на участіе Горева въ созданіи первой комедіи; чуть ли не этимъ участіемъ объясняли превосходство

«Своихъ людей» надъ другими пьесами. Даже «Вѣдомости Московской Городской Полиціи» приняли участіе въ этой кампаніи и, отвѣчая имъ, принужденъ былъ Островскій въ № 80 «Московскихъ Вѣдомостей» за 1856 г. напечатать объясненіе, указывавшее дѣйствительные размѣры участія Горева въ «Своихъ людяхъ»: оно «ограничилось 4-мя небольшими явленіями перваго дѣйствія, т.-е. Горевъ писалъ, а я большею частью диктовалъ»... Даже на сцену проникло это недоброжелательное отношеніе, и пьеса «Заблужденіе» изображала, какъ нѣкій авторъ завладѣлъ пьесой бѣднаго провинціального актера и, приписавъ ее себѣ, приобрѣлъ извѣстность; дѣяніе открылось и автора выгнали изъ дома невѣсты.

Но всей этой отрицательной кампаніей создавалась для «новой комедіи» особая острота и живой интересъ. Конечно, разсужденія о «паденіи таланта» Островскаго были отчасти слѣдствіемъ дѣйствительнаго разочарованія критиковъ въ художественныхъ достоинствахъ новыхъ пьесъ, но главнымъ образомъ они были подсказаны несогласіемъ съ общественными воззрѣніями автора «Не въ свои сани не садись» и въ особенности «Не такъ живи, какъ хочется». Однако, именно вслѣдствіе этого новая комедія приобрѣла значеніе не только театральнаго, но и общественнаго событія. Споры верховъ литературы дошли до верховъ зрительной залы, до тѣхъ бывшихъ поклонниковъ неистовой страсти, которые сопровождали яростными рукоплесканіями всякій крикъ Мочалова, всякое паденіе на полъ Каратыгина. Бытовая комедія прочно воцарилась на сценѣ; «отечественный репертуаръ», о которомъ столько вздыхали критики и записные театралы прежнихъ эпохъ, получивъ крещеніе, понемногу начинаетъ вытѣснять своихъ иноземныхъ соперниковъ.

2.

Кто былъ зритель въ эту эпоху? Какъ держалъ себя въ театрѣ? Многимъ ли отличался отъ того непосредственнаго посѣтителя театральной залы, котораго въ началѣ столѣтія такъ хорошо и картинно описывалъ Жихаревъ?

Къ сожалѣнію, видѣть зрителя въ театральной залѣ, изъ свидѣтельствъ рецензентовъ, любителей, театраловъ, удастся очень рѣдко. Все болѣе привыкаетъ зритель къ своимъ сосѣдямъ и почти не замѣчаетъ ихъ,—все менѣе возбуждаютъ они въ немъ любопытства. Юный Жихаревъ былъ захваченъ всей атмосферой театра,—жизнью зрительной залы, какъ и представленіемъ на сценѣ; волновала его «звѣздная книга» сценическихъ впечатлѣ-

ній «и съ нимъ говорила морская волна» разнообразныхъ мнѣній, высказывавшихся зрителями. Въ свой дневникъ онъ заносилъ каждую мелочь театральнoй жизни. Рецензенты конца 40-хъ и начала 50-хъ годовъ уже много видѣли, много слышали; уже слишкомъ хорошо знаютъ они всю обстановку зрительной залы и не замѣчаютъ ея. Они пишутъ казенными фразами: «Публика громкими аплодисментами выразила свой восторгъ», «вызовы многочисленной публики были достойной наградой артисту», «зрителямъ пьеса понравилась». Въ другомъ видѣ зритель этого времени фигурируетъ въ отзывахъ рецензентовъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Нуженъ какой-нибудь выдающійся фактъ, нуженъ «скандалъ», чтобы рецензентъ замѣтилъ своихъ сосѣдей и рассказалъ о нихъ. Иногда онъ угрюмо напоминаетъ о нихъ, когда они несогласны съ его мнѣніемъ и выражаютъ восторгъ или неодобреніе въ мѣстахъ заслуживающихъ, по мнѣнію рецензента, обратнаго. Когда исключительный случай выведетъ публику изъ ея обычной сдержанности, когда вдругъ послышатся крики, начнется волненіе, все задвигается,—тогда рецензентъ отмѣчаетъ, негодуетъ или сочувствуетъ, призываетъ вниманіе начальства или наоборотъ успокаиваетъ.

Зритель, къ которому пишушіе о театрѣ еще не приглядѣлись,—зритель высокихъ мѣстъ: райка, галлерей. Этотъ зритель—еще загадка; его описываютъ, но относятся къ нему съ предвзятой насмѣшливостью, какъ къ малолѣтнему, который, конечно, не можетъ оцѣнить всего значенія представляемаго и усилія котораго проникнуть въ истинный смыслъ пьесы или игры смѣшны и наивны. И если обычный посѣтитель первыхъ рядовъ партера отваживается проникнуть въ раекъ, онъ заранѣе настраиваетъ себя на ироническое отношеніе къ жителю верхняго этажа зрительной залы. Себя изображаетъ онъ, какъ «путешественника», изслѣдующаго невиданныя страны; онъ боится, какъ бы не сочли его, предпринявшаго экскурсію въ экзотическія страны, за постоянного жителя этихъ далекихъ и комичныхъ пространствъ. Но обстановку, въ которой проводятъ вечера обитатели верхнихъ этажей, «путешественники» изображаютъ болѣе или менѣе ясно, и по этому описанію нетрудно понять, какую огромную притягательную силу имѣетъ уже для простолюдина сцена, заставляющая игнорировать и тропическую жару, и неудобство мѣстъ, и долгіе часы выстаиванія въ заднихъ рядахъ высшаго яруса.

Житель рая въ эту эпоху болѣе, чѣмъ другіе зрители,—человѣкъ коллектива. Входя навѣрхъ въ ту атмосферу, которая черезъ часъ-два приметъ температуру горячей бани, онъ теряетъ свою изолированность и самостоятельность: онъ становится частичкой

толпы, маленькимъ членикомъ большого цѣлаго, и не только какъ рабъ духовныхъ повелѣній, идущихъ отъ впечатлительныхъ сосѣдей, но и какъ предметъ ихъ физическихъ воздѣйствій: каждое его движеніе чувствуется всѣми, малѣйшій жестъ другихъ передается ему. Надолго застываетъ онъ въ опредѣленной позѣ, и если, утомленный, пытается перемѣнить положеніе, окружающіе его сосѣди выводятся изъ устойчиваго равновѣсія и двигаются, и колышутся, и свои движенія передаютъ слѣдующимъ, и волна колыханій, захватывающая все болѣе обширное пространство, катится къ отдаленнымъ концамъ яруса.

Верхній этажъ русскаго драматическаго театра въ тогдѣшнемъ Петербургѣ дѣлится на двѣ части: переднюю, куда попадаютъ болѣе состоятельные счастливцы, и заднюю, отдѣленную отъ нея довольно высокимъ заборомъ. Въ передней, опершись локтями на барьеръ и склонивъ туда же голову, сидятъ заплатившіе 25 коп. аристократы рая. Ихъ мѣста носятъ названіе галлерей. Рай въ тѣсномъ смыслѣ слова начинается за заборомъ. Тамъ поставлены скамьи, но на нихъ не сидятъ. «Путешественникъ» посѣтившій раекъ въ 1851 г., такъ описываетъ въ «Отеч. Запискахъ» положеніе обитателей этой половины рая. «На заборѣ, осѣняя головою и туловищемъ сидящихъ у барьера, виситъ первый рядъ посѣтителей райка, платя за это наслажденіе 10 коп. сер. Кромѣ этой платы на посѣтителей перваго ряда лежитъ обязанность держать на своихъ раменахъ посѣтителей втораго ряда, которые возвышаются надъ первыми нарочно для того устроенной скамьей. Но такъ какъ эти два ряда мѣстъ, т.-е. на заборѣ и на плечахъ ближняго, бываютъ иногда слишкомъ недостаточны для несущихъ по гривеннику на алтарь Мельпомены, то вслѣдствіе этого за заборомъ образуется и третій слой. Устройство, способъ поддержанія своего существа въ этомъ ряду тѣ же, какъ и во второмъ; разница только въ томъ, что такъ какъ на узкой скамьѣ, которою возвышается второй рядъ, весьма немного мѣста для ногъ третьяго ряда, а между тѣмъ зритель, чтобы увидѣть малую толику, долженъ туловище свое протянуть черезъ два ряда предшественниковъ, то естественно, что тѣло посѣтителей третьяго ряда не можетъ сохранить равновѣсія; вотъ почему, принимая за точку опоры пальцы одной ноги, протягивая туловище впередъ, для баланса приподнимается другая нога на воздухъ... Посѣтитель, нашедшій мѣсто для ногъ ложится всею своею тяжестью на стоящаго передъ нимъ, и для большей увѣренности въ своемъ положеніи берется за плечо и голову своего сосѣда»... Понятно, что спокойствіе не можетъ сохраняться вѣчно въ такомъ неустойчивомъ равновѣсіи. Передніе, «чувствуя

на своей шеѣ какую-нибудь массивную руку мѣдно-краснаго цвѣта, которая приняла ихъ голову за свою; слыша на своемъ лбу и щекахъ щекочущее трясеніе какой-нибудь бороды, наконецъ, ощущая у самаго уха и щекъ дыханіе, сопровождаемое иногда звукомъ, котораго не выразишь никакими буквами, не положишь ни на какія ноты,—невольно приподнимають головы, отрываютъ свое туловище отъ забора, распрямляютъ свои члены. Эти движенія висящихъ на заборѣ имѣютъ сильное вліяніе на тѣхъ, для которыхъ они служатъ опорой и которые теперь потеряли балансъ: они, приподнятые неожиданно, хватаются на пути за другія головы; тѣ, неприготовленные къ такому тяжелому объятію, подаются назадъ, увлекаемая въ свою очередь обнятыхъ ими лицъ, и такимъ образомъ все это заколышется, зашумитъ, заговоритъ и послужитъ предметомъ улыбокъ низшихъ зрителей, не понимающихъ, почему посреди самаго спокойнаго монолога происходитъ такое явленіе у публики высшей... Зритель, отталкиваемый волною подающихся назадъ его опоръ, испутешествуетъ весь раекъ отъ края до края и часто не одинъ разъ въ вечеръ»...

Таковы условія, въ которыхъ небогатый посѣтитель театра воспринимаетъ несущіяся со сцены впечатлѣнія. Онъ сжаты сосѣдями, онъ задыхается отъ жары, отъ собственной одежды, отъ одежды окружающихъ. О достаточной вентиляціи еще нѣтъ и помину. Въ Большомъ театрѣ ее устраиваютъ только въ 1862 г.; температура падаетъ, но и то есть мѣста, гдѣ къ концу спектакля она достигаетъ 26°. Въ дни же «довентиляціонные» она, по сообщенію «Русской Сцены» (№ 5, 1864 г.), доходитъ въ креслахъ до 29°—31°, въ ложахъ 3-го яруса до 33¹/₂°, въ амфитеатрѣ до 43°! Этими 43-мя градусами не измѣряется вполнѣ стойкость зрителя, созерцающаго сцену изъ надземныхъ высей раскаленнаго рая: по увѣренію «путешественника» 1851 г., этотъ зритель бываетъ иногда одѣтъ въ «плохой фракъ лакея», но чаще на немъ «лисыя» или «енотовая шуба», «нагольный полушубокъ» или другіе, хорошо сохраняющіе тепло костюмы.

И все-таки идутъ, и все-таки наполняютъ раекъ, и за мѣсто въ гривенникъ борются и спорятъ. И такъ самоотверженно отдаются они впечатлѣнію сцены, что и въ антрактахъ не покидаютъ своихъ мѣстъ, проливая въ буквальный смыслѣ слова потъ за свое право смотрѣть на сцену подъ тяжестью чужихъ рукъ, чужихъ головъ и чужихъ шубъ. Только стоящіе въ заднихъ рядахъ и не могущіе уже ничего потерять, какъ бы «босяки» рая, переходятъ съ мѣста на мѣсто, стараясь хоть изъ разговора сосѣдей узнать, въ чемъ было дѣло тамъ, куда не достигали ихъ взоры. Имъ рассказываютъ, поясняютъ, перебиваютъ другъ

друга, спорять; разговоръ, не относящихся къ представленію, не ведутъ. Прохлаждаются напитками, за которыми, конечно, нельзя бѣгать въ буфетъ изъ боязни потерять мѣсто: напитки разносятся мальчиками, и наибольшій успѣхъ выпадаетъ на долю «кислыхъ щей», выпиваемыхъ прямо изъ бутылки.

Во время дѣйствія слушаютъ внимательно, иногда обмѣниваясь замѣчаніями, иногда, какъ рассказываетъ «путешественникъ», даже забывая интересы собственныхъ дѣтей, тщетно умоляющихъ родителей посторониться и показать имъ сцену. Путешественникъ отмѣчаетъ неодинаковое отношеніе къ «сценическому» и не сценическому мѣстамъ. «Иногда зрители отдавались назадъ и не смотрѣли на сцену, какъ будто тамъ ничего не было. — «Что вѣрно соскучились, что не смотрите?»—спросилъ я у сосѣда.—«Нечего смотрѣть, разговоръ тамъ»,—отвѣчалъ онъ мнѣ.—«Да, теперь разговоръ»,—сказали двѣ шубы, налегаясь на стѣну и смотря на потолокъ. Я оглянулся въ другую сторону, тамъ также оба послѣдніе ряда не смотрѣли на сцену.—«Игра! игра, Савельичъ!»—сказалъ мальчикъ въ синей сибиркѣ, обращаясь къ моему сосѣду. «Игра! Игра!» повторили нѣсколько голосовъ и всѣ потянулись другъ на друга; на сцену въ это время входилъ десятокъ актеровъ, представлявшій народъ. Этотъ приливъ и отливъ зрителей къ забору повторялся очень часто, и слова «разговоръ», означающій всякія рѣчи безъ дѣйствія и «игра» всякое дѣйствіе, хотя и безъ рѣчей, сдѣлалось техническими»...

Путешественникъ «Отечественныхъ Записокъ» настроенъ иронически; онъ не можетъ представить себѣ посѣтителя райка иначе какъ въ видѣ младенца, почти не разбирающагося въ своихъ впечатлѣніяхъ. Отъ него нельзя узнать, чѣмъ больше восторгались зрители, что отвергали, куда направляли симпатіи. Онъ подслушалъ нѣсколько смѣшныхъ разъясненій, и съ охотой ими дѣлился, но какіе выводы можно дѣлать изъ двухъ-трехъ курьезовъ?

Публика райка въ эту эпоху вовсе уже не такъ элементарна, какъ утверждаетъ заѣзжій «путешественникъ». Туда ходятъ не одни «нагольные полушубки», «енотовыя» или «лисыя шубы»; не однимъ «плохимъ фраккомъ лакея» обозначается близость райскаго жителя къ болѣе образованному слою общества. Уже много иной публики отправляется въ верхній ярусъ, и рисунки «Художественнаго Листка» Тимма служатъ очевиднымъ свидѣтельствомъ разнокалибернаго состава райскихъ зрителей. Есть указанія, что въ оперѣ, напримѣръ, публика верхнихъ ярусовъ и отзывчивѣе и внимательнѣе, чѣмъ нижняя; утверждаютъ даже,

что она болѣе чутка. Корреспондентъ тѣхъ же «Отечественныхъ Записокъ» жалуется на отсутствіе интереса къ оперѣ въ креслахъ, гдѣ сидятъ «длинные ряды меломановъ въ черныхъ фракахъ и бѣлыхъ перчаткахъ». Плохо слушаютъ и нижнія логи. «Душевная теплота къ музыкѣ въ слушатель оперы прямо пропорціональна атмосферической теплотѣ оперной залы, и чѣмъ выше, тѣмъ жарче атмосфера и любовь къ музыкѣ»... «Дамскіе наряды, чѣмъ выше, тѣмъ дѣлаются темнѣе и, наконецъ тамъ, подь экваторомъ, обращаются исключительно въ черный цвѣтъ. Языкъ французскій въ первомъ и второмъ ярусахъ уступаетъ мѣсто русскому въ третьемъ и нѣмецкому въ четвертомъ. Въ пятомъ ярусѣ всѣ эти языки мѣшаются и къ нимъ присоединяется еще итальянскій, польскій и даже иногда шведскій»... Наиболѣе усердныхъ и восторженныхъ почитателей музыки корреспондентъ находитъ въ «парадизѣ».

Нельзя отождествлять оперную публику со зрителями драматическихъ представленій. Само собой понятно, что ни итальянецъ, ни шведъ не пойдутъ смотрѣть ни «Материнскаго благословенія», ни «Не въ свои сани не садись». Само собой разумѣется, что и составъ русской публики иной. Но ясно, что предубѣжденіе противъ райка уже исчезло, что въ верхнемъ ярусѣ можно встрѣтить образованныхъ зрителей и прежде всего студента, какъ показываетъ приведенная въ одной изъ предыдущихъ статей, исторія соперничества въ Москвѣ Андріановой и Санковской. Изъ нѣкоторыхъ театральныхъ инцидентовъ мы увидимъ, что тамъ вверху, въ галлерей и въ райкѣ есть строгіе цѣнители, которые отлично знаютъ, чего хотятъ отъ сцены, съ какими требованіями надо обращаться къ актерамъ въ такихъ прославленныхъ пьесахъ, какъ «Горе отъ ума». Они имѣютъ твердо опредѣлившіяся симпатіи и антипатіи, и за выраженіе послѣднихъ даже платятся отвѣтственностью передъ полиціей.

При несомнѣнномъ стремленіи райскихъ зрителей разрѣшать недоразумѣнія разспросами сосѣдей и повѣрять разговоромъ полученныя впечатлѣнія, вліяніе этой образованной части публики не могло не сказываться. Оно хоть въ незначительной степени концентрировало разбросанную спутанность впечатлѣній, расширило значеніе сцены, дѣлало театръ своеобразной школой.

Да и сѣрая публика верховъ измѣнилась сравнительно съ той, какою мы видѣли ее въ началѣ николаевскаго царствованія. Припомните, какъ изображали веселящееся простонародье такіе несходные между собой наблюдатели, какъ Никитенко и Булгаринъ. Предлагая неодинаковое объясненіе видѣнному, оба описывали одно и то же явленіе: большую сдержанность и апатію

простонародья, чинные ряды шелкающихъ орѣшки простолюдиновъ, разступающихся передъ хорошо одѣтыми господами; боязнь голубого мундира, какъ думалъ Никитенко, уваженіе къ властителямъ, какъ льстиво утверждалъ Булгаринъ. О какой либо критикѣ, объ отрицательномъ или насмѣшливомъ отношеніи къ поведенію господъ не упоминалъ ни тотъ, ни другой. Къ началу 50-хъ годовъ уже многое мѣняется. Московскій корреспондентъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» въ 1851 г. видитъ иную толпу подъ Новинскимъ: «Съ четверга Святой недѣли подъ Новинское стекались тысячи гуляющихъ и пѣшкомъ, и въ экипажахъ... начиная отъ допотопной таратайки и рыдвана, въ которые надо было взбираться по лѣстницѣ, до современныхъ лежащихъ и располагающихъ къ лежанью шарманокъ и каретъ... Купечество въ особенности щеголяетъ тучными откормленными лошадьми.. Экипажи и лошади болѣе занимаютъ на этомъ гуляньѣ большинство зрителей, чѣмъ сами катающіеся. Весь длинный барьеръ Новинскаго проспекта, покрытый безконечнымъ рядомъ зрителей, сидящихъ на его жердочкахъ, спорить и толкуетъ о первыхъ, вслухъ дѣлая свои большей частью юмористическія замѣчанія и почти не обращая вниманія на послѣднихъ. Изрѣдка только какой-нибудь прадѣдовскій рыдванъ, издали возвѣщающій о своемъ прибытіи особымъ трескомъ и звономъ всѣхъ винтовъ, заставитъ наблюдателей заняться его владѣльцами, при чемъ обыкновенно слѣдуютъ и благоразумные совѣты, громко ему высказываемые, объ уваженіи къ старости. Въ свою очередь и эти наблюдатели представляютъ иногда весьма картинныя группы, когда случайно подломившаяся жердочка доставитъ имъ неожиданное удовольствіе очутиться на пескѣ при громкомъ смѣхѣ окружающихъ» («С.-Петербургскія Вѣд.» 1851 г. № 102)...

Проходитъ еще годъ или два и та же газета жалуется на паденіе интереса къ гуляньямъ; устаютъ ихъ посѣщать богатые; менѣе многолюдны на излюбленныхъ гуляньяхъ становятся и бѣдные. «Праздничное гулянье подъ Новинскимъ въ нынѣшнемъ году было несравненно бѣднѣе въ сравненіи съ прошлыми годами... Повидимому оно совершенно оставляется уже лучшимъ обществомъ и становится гуляньемъ простонароднымъ», жалуется газета въ 1853 году (№ 112). Но и простонародье далеко не въ такой степени привязано къ этому роду развлеченій. Театральный рецензентъ «Отечественныхъ Записокъ»,—правда, нѣсколько позднѣе, въ 1857 г.,—констатируетъ привязанность простого народа столицъ къ театру: «Въ большихъ городахъ театры составляютъ въ настоящее время одно изъ удовольствій не только высшаго и средняго, но и низшаго класса. Посѣтивъ

русскій театръ въ Петербургѣ, стоитъ когда-нибудь возвести взоры горѣ, чтобъ, смотря на нагольные тулупы, чуйки и всякаго рода кафтаны, перемѣшанные съ разноцвѣтными бородами и въ общей свалкѣ вѣнчающіе верхнія галлерей, убѣдиться въ сказанномъ. Очень вѣроятно, что эта постепенно возникающая привязанность къ театральнымъ зрѣлищамъ составляетъ одну изъ главныхъ причинъ пустоты масляничныхъ балагановъ въ Петербургѣ и вслѣдствіе того уменьшеніе самаго числа балагановъ. Въ самомъ дѣлѣ годъ отъ году число этихъ называвшихся нѣкогда народными театровъ дѣлается меньше и меньше. Не только на балаганахъ, но и на самой площади нѣтъ прежней жизни, прежняго движенія...

И простолюдинъ, очевидно, уже не тотъ, какимъ былъ, когда на него въ 30-хъ годахъ съ угрюмой грустью смотрѣлъ Никитенко и съ напускной восторженностью взиралъ Булгаринъ. Нѣтъ прежняго безмятежнаго пізета къ господамъ; не одно только тупое пассивное воспріятіе окружающаго отмѣчается въ немъ. Почему и въ театрѣ не обнаружить онъ иного отношенія къ жизни?

Принимая въ 1848 г. католическихъ епископовъ, Николай I сказалъ одному изъ нихъ: «Не правда ли я вамъ говорилъ года полтора тому назадъ, что въ Европѣ будетъ смятеніе?» Епископъ отвѣчалъ: «Только что услышалъ я объ этихъ безпорядкахъ, какъ вспомнилъ эти высокія слова вашего величества и изумился ихъ пророческому значенію».—«Но будетъ еще хуже,—замѣтилъ императоръ,—все это отъ безвѣрія, и потому я желаю, чтобы вы, господа, какъ пастыри, старались всѣми силами объ утвержденіи въ сердцахъ вѣры. Что же меня касается,—прибавилъ онъ, сдѣлавъ широкое движеніе рукой,—то я не позволю безвѣрію распространиться въ Россіи, ибо оно и сюда проникаетъ»...

Какъ легко было сказать «не позволю» и какъ трудно воспрепятствовать даже проникновенію на сцену реализма, съ которымъ шло рядомъ отрицательное отношеніе къ дѣйствительности. Общественное пробужденіе соединяютъ обыкновенно съ Крымской кампаніей и началомъ новаго царствованія. Для театра оно наступило раньше, и «математическая вѣрность дѣйствительности», такъ восхваляемая публикой, была какъ естественнымъ послѣдствіемъ эволюціи зрителя, такъ и толчкомъ къ направленію его по пути отрицанія.

Конечно, не одна «новая комедія» занимала смѣшанную публику русскаго драматическаго театра. Конечно, съ проникновеніемъ реализма на сцену не исчезли ни раздирательныя пьесы, ни мелодрамы, ни водевили. Трагическіе актеры еще продолжали выходить на бѣшеные вызовы публики. Полтавцевъ, дебютиро-

вавший въ Москвѣ въ 1850 г. въ роляхъ Мочалова, былъ вызванъ въ одно изъ представлений 16 разъ. Въ Александринскомъ театрѣ, куда тотъ же Полтавцевъ явился на гастроли, выступивъ въ «Смерть или честь» Полевого; его вызывали послѣ каждого акта и даже среди дѣйствія. Въ «Гамлетѣ», по словамъ «С.-Петербургскихъ Вѣд.» публика «вызывала несчетное число разъ». Любятъ еще старое исполненіе «Гамлета», охотно смотрятъ и мелодраму, смѣются и въ водевиляхъ. Но и въ этомъ наслажденіи уже замѣтна перемѣна, — какой-то ущербъ, какое-то таяніе прежней непоколебимости въ требованіяхъ изступленности и безудержности. Уже становится возможнымъ въ «Гамлетѣ» такой исполнитель, какъ Максимовъ, «не герой, а человѣкъ», по опредѣленію одной театральной рецензій. «Не только наружностью, но и самою игрою артистъ низвелъ его (Гамлета) съ пьедестала героевъ и поставилъ на землю; онъ игралъ свою роль просто, естественно, съ чувствомъ и со смысломъ... Общее исполненіе роли и простота, придавшая лицу Гамлета чрезвычайно естественный колоритъ, выкупаютъ недостатки игры и дѣлаютъ честь г. Максиму» («Отеч. Зап.» 1853, кн. 10)... Отважился ли бы самый смѣлый актеръ такъ представить Гамлета во дни увлеченія Бѣлинскаго Мочаловымъ, въ эпоху наиболѣе изступленныхъ криковъ Каратыгина?

Перемѣна сказывалась во всемъ. Водевилями забавлялись; водевили любили еще, но и къ нимъ стали примѣнять то же требованіе приближенія къ дѣйствительности. Все болѣе и болѣе устраняются изъ нихъ куплеты, создавшіе въ былыя времена особую прелесть этого жанра, но несомнѣнно отнимавшіе у нихъ возможность «математическаго» приближенія къ дѣйствительности. Поклонники прежняго искусства жалуются, протестуютъ противъ расправы надъ стихами водевилиста Ленскаго, противъ «уродованія» остроумныхъ произведеній, но фатальный процессъ обезвреживанія водевилей отъ куплетовъ идетъ своимъ путемъ, неуклонно и неизмѣнно. Куплеты оставляются лишь къ концу водевиля ради просьбъ автора и актеровъ о снисхожденіи публики къ ихъ совмѣстному труду. О попыткахъ водевиля при помощи выбрасыванія куплетовъ перейти въ область комедіи говорятъ «Отеч. Зап.» еще въ 1853 году. Еще раньше, въ 1851 г., происходитъ полемика между двумя газетами по поводу выступленія Ленскаго передъ публикой за нѣсколько дней до бенефиса. Авторъ многочисленныхъ водевилей, актеръ, менѣе цѣнимый публикой, чѣмъ драматургъ, но все же принимавшійся ею съ благосклонностью, ощутилъ паденіе интереса зрителей къ его веселымъ произведеніямъ. Онъ нашелъ сочувствіе среди прежнихъ своихъ

почитателей, и бенефису его предшествовало длинное перечисленіе литературныхъ заслугъ Ленскаго въ московской газетѣ. «Если,—писала газета,—въ послѣднее время дѣятельность его (Ленскаго) не была такъ плодovitа, то этому причиной не упадокъ таланта, а повидимому равнодушіе публики къ его трудамъ». Газета прибавляла, что участіе публики ободрить автора, и онъ подарить ей «новою вереницу своихъ милыхъ водевилей»... «Петербургскія Вѣдомости», цитируя московскую газету, съ злорадствомъ прибавляли: «Отвѣтъ публики былъ очень понятенъ: театръ (въ бенефисъ Ленскаго) былъ очень и очень пустъ»... Очевидно, водевиль клонился къ упадку, и позднѣе, въ 1864 г., «Антрактъ» опять жаловался: «Артисты наши, извративъ совершенно понятіе о водевиляхъ, стали выбрасывать куплеты».

А мелодрама? Если судить по числу представляемыхъ раздражительныхъ и чувствительныхъ пьесъ, то интересъ къ мелодрамѣ все еще поддерживается; но свидѣтельство рецензентовъ указываетъ на измѣненное отношеніе зрителей, на ихъ растущую холодность. Дѣло идетъ быстрыми шагами, и понятно, что въ 1865 г., когда другіе интересы захватываютъ зрителей, рецензентъ «Антракта» говоритъ уже о явной нечувствительности публики къ мелодраматическимъ произведеніямъ. Въ бенефисъ Никулиной-Косицкой дается, на примѣръ, мелодрама «Ворожея». Ужасы, похищенія дѣтей, смерти,—весь антуражъ, необходимый для захватыванія дыханія увлеченныхъ зрителей, «Мы обводимъ глазами залу,—говоритъ рецензентъ,—все спокойно, глаза у всѣхъ, даже у дамъ-зрительницъ, сухи, щеки не обтираются платками, не слышно ни всхлипываній, ни сморканья»... Авторъ радуется паденію мелодрамы.

Зато ко всему современному публика необыкновенно чутка. Идетъ, на примѣръ, пьеса Аксакова «Освобожденная Москва». Напечатана она еще въ 1848 г., но сыграна въ Москвѣ въ первый разъ 14 декабря 1850 г. въ бенефисъ Леонидова. Если судить по отзывамъ рецензентовъ, то пьеса не понравилась и даже возбудила смѣхъ. Московскій корреспондентъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» пишетъ: «Несмотря на то, что авторъ выбралъ для своей драмы одну изъ замѣчательныхъ эпохъ Русской исторіи, онъ не придалъ драмѣ ни особаго колорита, ни жизни, ни занимательности... Первый актъ драмы прошелъ, какъ говорится, довольно эффектно. Со второго интересъ... началъ... охладѣвать и, наконецъ, финальная переключка часовыхъ «Славень городъ Москва! Славень городъ Кіевъ!» и проч., повторенная семью часовыми, возбудила громкій смѣхъ» (№ 119). Дѣло ограничилось единственнымъ представленіемъ,—болѣе пьеса Аксакова на сценѣ не повторялась.

Очень можетъ быть, что дѣло такъ и было, что надъ отдѣльными мѣстами пьесы смѣялись, что и въ общемъ она не понравилась, но все-таки отсутствіе повторенія, когда почти каждый негодный и ошиканный водевиль выдерживалъ второе представленіе, кажется подозрительнымъ. И дѣйствительно отсутствіе повтореній объясняется не сценическими дефектами пьесы, а чрезмѣрной отзывчивостью зрителей на нѣкоторыя ея мѣста,—отзывчивостью, обратившей на себя вниманіе новаго московскаго попечителя, Назимова. «Не могу умолчать предъ вашимъ сіятельствомъ,—писалъ онъ Ширинскому-Шахматову,—что драма Аксакова, хотя и написана въ духѣ Православія, однако содержитъ въ себѣ такія мысли, которыя легко могутъ возбудить въ простомъ народѣ враждебное расположеніе противъ высшихъ сословій и вообще подать поводъ къ превратнымъ толкованіямъ. Сочиненіе сіе, по моему мнѣнію, не должно бы быть допускаемо къ печатанію и тѣмъ менѣе являться на сценѣ». Позднѣе Назимовъ такъ изображалъ вліяніе пьесы Аксакова: «Во время представленія этой драмы на Московской сценѣ, 14 декабря 1850 г., былъ въ театрѣ большой шумъ. На всѣ возгласы актера при порицаніи бояръ раекъ кричалъ: «Правда! правда!» Особенно слова *Гласъ народа—гласъ Божій* вызвали сильныя рукоплесканія и громогласное одобреніе райка». (Барсуковъ, т. IX, стр. 463). «Будетъ или нѣтъ второе представленіе,—сообщалъ братъ автора въ письмѣ къ С. Т. Аксакову,—отложено до полученія отвѣта изъ Петербурга».

Уже ясны влеченія райка къ современности на сценѣ. Онъ не ожидаетъ неудачной войны для того, чтобы формулировать свое отрицательное отношеніе ко многимъ сторонамъ дѣйствительной жизни и встрѣчаетъ попытки ввести эту современность на сцену съ такимъ явнымъ одобреніемъ, что начальство пугается и пророчить революцію. Представленіе «Купца-лабазника», пьесы, не имѣющей большихъ достоинствъ, сопровождается такимъ энтузіазмомъ, который побуждаетъ Закревскаго просить о снятіи пьесы со сцены въ виду возможнаго «возмущенія въ театрѣ». Когда позднѣе, уже послѣ многочисленныхъ пьесъ изъ купеческаго и народнаго быта, «Купецъ-лабазникъ» вновь появится на сценѣ, (въ 1865 г.) его побѣгутъ смотрѣть, надѣясь найти то острое, что заставило снять его, и не найдутъ остроты и для всѣхъ станетъ ясно, что зерно возможнаго «возмущенія» лежало не въ пьесѣ, а въ зрителѣ. Онъ искалъ отвѣта на свои требованія и создавалъ его даже тамъ, гдѣ таились лишь ничтожныя намеки на дѣйствительность.

Все это было до войны, до ея неудачъ, до связаннаго съ ними общественнаго пробужденія.

И. Игнатовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Записка декабриста 1823 года.

I.

Рукопись писана въ листъ, всего $8\frac{1}{2}$ листовъ; $1\frac{1}{2}$ листа писаны одной рукой, остальные 7—другой, повидимому рукой переписчика. Имени автора нѣтъ. На первомъ листѣ надпись карандашемъ рукой отца моего Евг. Ив. Якушкина: «изъ бумагъ Пушина ¹⁾». Самому Ив. Ив. Пушину статью эту по содержанію ея приписать нельзя. Надо думать, что она принадлежит кому-нибудь изъ товарищей Ив. Ивановича по тайному обществу. И. И. Пущинъ пользовался большою любовью и уваженіемъ многихъ изъ членовъ общества и въ тѣхъ бумагахъ его, которыя находятся въ нашемъ архивѣ, сохранилось еще нѣсколько вещей несомнѣнно переданныхъ ему его товарищами. Написана статья около половины 1823 г., такъ какъ про Веронскій Конгрессъ, говорится, что «онъ былъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ». Кромѣ общаго значенія статья эта имѣетъ особый интересъ для настоящаго времени. Въ ней затронуты тѣ же вопросы, что подняты послѣдней войной: вопросъ о мелкихъ національностяхъ, о раздѣлѣ Польши.

Е. Е. Якушкинъ.

¹⁾ Отецъ мой былъ очень друженъ съ И. И. Пушинымъ. Часть бумагъ Ивана Ивановича была передана отцу моему имъ самимъ; послѣ смерти Ивана Ивановича отецъ получилъ кое-что изъ его бумагъ отъ П. Н. Свистунова и М. И. Муравьева-Апостола. Можно надѣяться, что въ семьѣ Пушиныхъ изъ бумагъ и переписки Ивана Ивановича сохранилось гораздо больше, чѣмъ въ нашемъ семейномъ архивѣ.

II.

Я полагаю, что печатаемая статья написана известным декабристом Михаилом Александровичем Фонъ-Визинимъ. Это можно замѣтить изъ сопоставленія взглядовъ, высказанныхъ въ этой статѣ, съ написаннымъ значительно позднѣе трудомъ Фонъ-Визина «Обозрѣніе проявленій политической жизни въ Россіи». Въ этомъ сочиненіи изложенію событій, связанныхъ съ дѣломъ декабристовъ, предшествуетъ обширный историческій очеркъ, и въ немъ авторъ высказываетъ сочувствіе «дарованію» Польшѣ конституціи и не одобряетъ ея нарушеніе Александромъ I, сочувствуетъ требованіямъ конституціоннаго строя въ Германіи, упоминаетъ объ учрежденіи карбонаріевъ вслѣдствіе ненависти къ Австріи, рѣшительно порицаетъ отрицательное отношеніе Александра I къ греческому возстанію ¹⁾. Такіе же взгляды мы находимъ и въ печатаемой запискѣ. Въ сентябрѣ 1822 г. М. А. Фонъ-Визинъ женился на своей двоюродной племянницѣ Нат. Дм. Апухтиной, дѣвушкѣ чрезвычайно религіозной; въ декабрѣ 1822 г. онъ пріѣхалъ въ Москву и подъ впечатлѣніемъ Веронскаго конгресса, засѣдавшаго въ октябрѣ и ноябрѣ 1822 г., въ первой половинѣ слѣдующаго года могъ написать печатаемую статью (онъ жилъ въ это время въ своей подмосковной деревнѣ) ²⁾. Авторъ статьи былъ очевидно хорошо знакомъ со священнымъ писаніемъ и съ трудами многихъ писателей по богословію. Это совершенно соотвѣтствуетъ религіозности М. А. Фонъ-Визина, которая видна изъ его замѣтокъ во время заключенія въ Петропавловской крѣпости въ 1826 г. ³⁾.

При первомъ прочтеніи этой записки у меня явилось было предположеніе, не написана ли она М. Θ. Орловымъ, интересовавшимся вопросами внѣшней политики, такъ какъ имъ, по порученію имп. Александра былъ заключенъ въ 1814 г. договоръ о сдачѣ Парижа, а затѣмъ ему было дано дипломатическое порученіе въ Норвегію, Данію и Швецію. Но такому предположенію противорѣчатъ полонофобскіе взгляды М. Θ. Орлова ⁴⁾.

Принадлежность этой записки перу М. А. Фонъ-Визина отчасти подтверждается и тѣмъ, что она сохранилась въ бумагахъ

¹⁾ См. «Общественныя движенія въ Россіи въ первую половину XIX вѣка» Томъ I. Декабристы. М. А. Фонъ-Визинъ, кн. Е. П. Оболенскій и бар. В. И. Штейнгель. Составили В. И. Семевскій, В. Богучарскій и П. Е. Щеголевъ. СПб. 1905 г., стр. 179—182.

²⁾ См. мою статью о Фонъ-Визинѣ. Ibid стр. 37.

³⁾ См. «Русск. Стар.» 1885 г., № 11, стр. 305—308.

⁴⁾ См. мою книгу «Политическіе и общественные взгляды декабристовъ», СПб. 1909 г., стр. 396—397.

И. И. Пущина, который служилъ въ Москвѣ, затѣмъ былъ друженъ съ М. А. Фонъ-Визинимъ во время ссылки, а по смерти его женился на его вдовѣ.

В. Семеvскій.

О повиновеніи вышней власти, и какой власти должно повиноваться.

Св. апостоль Павелъ говоритъ: *всяка душа властемъ пре-держащимъ да повинуется. Нѣсть бо власть, аще не отъ Бога; сущія же власти отъ Бога учинены суть* (посл. къ Римл. Гл. XIII. ст. 1).

Въ Новомъ завѣтѣ изданномъ 1822-мъ году иждивеніемъ Россійскаго библейскаго общества московскаго отдѣленія на славянскомъ и русскомъ языкѣ, сей текстъ переведенъ слѣдующимъ образомъ: *всякая душа да будетъ покорна высшимъ властямъ; ибо нѣтъ власти не отъ Бога; а существующія власти отъ Бога учреждены*.

Вотъ мечъ обоюдоострый, который попеременно обращаемъ былъ то гражданскимъ, то духовнымъ деспотизмомъ, въ невѣжественныхъ вѣкахъ, къ обоянію суевѣрныхъ народовъ не знающихъ, какой власти имъ должно повиноваться, пока не будетъ о томъ возглашено на кафедрѣ. Нынѣ лезвее сего меча хотя притупилось въ просвѣщенныхъ европейскихъ государствахъ, но привычка къ изрѣченію, освященному религіозными понятіями, неимѣющими никакой ясности, продолжаетъ, ко вреду прочнаго утвержденія благосостоянія народовъ, смѣшивать сіи начала съ ложными, подкрѣпляя произвольно всякія притязанія текстомъ св. писанія: *Повинуйтесь властямъ*.

Правительства, кои наиболѣе опираются на сей текстъ, не воображаютъ, что въ ономъ находится зародышъ собственнаго ихъ разрушенія, ибо повиновеніе предписывается только *существующимъ властямъ*. Слѣдовательно, весьма любопытно бы было узнать точное значеніе сего текста, столь важнаго для политическаго и гражданского бытія всѣхъ Европейскихъ государствъ; я постараюсь это объяснить по моей возможности.

Первый вопросъ представляетъ къ изслѣдованію: какимъ властямъ должно повиноваться, законнымъ ли или всякимъ властямъ *существующимъ*? Допустивъ мнѣніе: что должно повиноваться *всякимъ властямъ существующимъ* выйдетъ ужасный хаосъ безначалія и совершенное истребленіе всякой власти. Честолюбивые искатели всякой власти не упустили бы воспользоваться симъ благопріятнымъ для нихъ толкомъ, чтобы похищенное силою

оружія утвердить за собою силою предразсудка. Сверхъ того, сколько было самозванцевъ, достигнувшихъ до трона подъ тою же личиною всеобщаго заблужденія, гласящаго: *повинуйтесь властямъ*. Гришка Отрепьевъ подъ именемъ Дмитрія воцарился въ Россіи, говорилъ: *повинуйтесь властямъ*. Пугачевъ, шедшій къ Москвѣ, не столько былъ удаченъ въ своемъ предпріятіи; его поймали и казнили. Но если бѣ онъ вошелъ въ Москву, нельзя сомнѣваться, чтобы и ему воспѣли ту же побѣдоносную пѣснь: *Повинуйтесь властямъ*. Такимъ образомъ, стоитъ только уничтожить вчерашнюю власть, чтобы получить сегодня право на повиновеніе народовъ; нужно сдѣлаться *властію существующею*, чтобы религія освятила ее, сказавъ: *повинуйтесь властямъ*. Сіе мнѣніе, не сообразное съ духомъ св. писанія, столь удалено отъ тишины, что одни хищники, а съ ними и суевѣры и фанатики, могутъ только его проповѣдывать для произведенія своихъ тайныхъ видовъ, противныхъ всякому благоустроенному правительству; они хотятъ утвердить всякую *власть существующую* тѣми же способами, которые служатъ къ его разрушенію. Подкладываютъ огонь подъ зданіе, которое сами выстроили. Должно искать другихъ правдоподобнѣйшихъ объясненій тексту, которой при всей простотѣ, свойственной св. писанію представляетъ страстямъ человѣческимъ столь удобной поводъ къ двусмысленнымъ толкованіямъ, ведущимъ къ важному нарушенію гражданскаго порядка, и препятствующимъ возможному благополучію народовъ.

Посмотримъ, не найдется ли въ обыкновенномъ теченіи политическихъ дѣлъ между Европейскими Державами нѣкоторыхъ приложений, могущихъ примѣромъ ясныхъ событій утвердить или опровергнуть мнѣніе о повиновеніи всякой *власти существующей*. Правило, столь усердно защищаемое всѣми правительствами, лучше словесныхъ преній, объяснится исполненіемъ. Прекрасныя мысли и выраженія помѣщаемыя въ манифестахъ, часто остаются по себѣ одинъ пустой звукъ. Дѣло показываетъ мнѣніе. Какъ кто думаетъ, такъ и поступаетъ. Мѣра дѣйствій Правительствъ должна изобразить мѣру нравственнаго ихъ убѣжденія. Для пріисканія сихъ примѣровъ я не буду углубляться въ древность: наши времена плодотворны достопамятными происшествіями. Довольно взглянуть на періодъ протекшій отъ начала Французской революціи до послѣдняго Веронскаго Конгресса, чтобы насытить любопытство политики и философіи въ разныхъ видахъ и въ разныхъ отношеніяхъ. Мы ограничимся упоминаніемъ о тѣхъ только происшествіяхъ, которыя относятся къ нашему предмету.

Послѣдній раздѣлъ Польши.

Въ то время когда на западѣ занимались противудѣйствіемъ Французской революціи, угрожавшей поглотить древнее достояніе и законы Германіи, три сѣверныя державы нашли удобный случай прекратить политическое бытіе Польши, государства знаменитаго въ исторіи народовъ своимъ характеромъ, и составлявшаго важное звѣно въ политическомъ равновѣсіи Европы. Будучи довольны раздѣломъ своей добычи, они сблизились посредствомъ похищенія и соединились потомъ въ тѣсный союзъ, извѣстный нынѣ подъ именемъ *Священнаго союза*. Какое богохульство!—вся Европа ужаснулась; со времени Вестфальскаго мира не было подобнаго примѣра нарушенія, уничтожающаго силою манифеста законный порядокъ и существованіе цѣлаго Государства, которое раздѣлено на три части по произволению, точно какъ дѣлятъ добычу по жребію. Можно сказать, что раздѣлъ Польши съ уничтоженіемъ моральнаго достоинства политическаго права, принятаго всѣми Европейскими Державами, положилъ предѣлъ и народнаго къ нимъ уваженію, за тѣмъ послѣдовало *право силы*, буде можно совокупить понятіе *право съ силою*, ибо сила не требуетъ права; будучи основана на необходимости, сама истребляется послѣднею силою ее превосмогающею. Какъ бы то ни было, для меня очень памяты сіи точныя слова, помѣщенные въ одной прокламаціи Наполеона 1805 года: *не я началъ захваты и раздѣлы, но Фридерикъ и Екатерина; въ семь дѣлежъ чужихъ добычъ, я не могу быть равнодушнымъ свидѣтелемъ* и проч.: какой урокъ противъ похищеній отъ самаго алчнаго похитителя!

Но что же дѣлали бѣдныя раздѣленные народы, которымъ объявлено на трехъ разныхъ языкахъ: *повинуйтесь властямъ*! Они возводили глаза къ небу и спрашивали другъ друга: какой власти намъ повиноваться? вчерашней или сегодняшней, разрушающей всѣ связи съ нашимъ отечествомъ, которое совершенно уничтожится нашимъ повиновеніемъ? Сіе раздумье, какъ паръ земной передъ захожденіемъ (sic) солнца, исчезло при появленіи военныхъ силъ, занявшихъ всѣ польскія области.

Воцареніе Наполеона.

Счастливымъ наслѣдникъ Французской революціи, Наполеонъ, достигая постепенно вышней власти, перемѣнилъ скромное званіе консула въ пышный титулъ императора, и, дѣйствительно, присвоилъ власть императоровъ римскихъ, уничтожая древніе европейскіе троны и возводя на оныя новыя династіи своего племени, въ видѣ вассаловъ, состоящихъ подъ его покровительствомъ.

Съ удивленіемъ увидѣли въ Неаполѣ, въ Гишпаніи, въ Голландіи, въ Швейцаріи новыхъ королей, попеременно восходящихъ и нисходящихъ по мановенію одного человѣка, безспорно распоряжавшагося жребіемъ Европы. Законные государи изгнаны изъ своихъ владѣній, и приверженцы ихъ признаны за *инсургентовъ*, т.-е. за возмутителей противъ законной власти; хотя можно предполагать, что Наполеонъ, нимало не заботившійся о законности, подразумѣвалъ тутъ единственно повиновеніе *существующей власти*, съ чѣмъ и всѣ Европейскія державы, кромѣ Англіи, которая никогда не отступала отъ своихъ правилъ, поспѣшили согласиться. Любопытно было видѣть, какъ всѣ дворы, наперерывъ одинъ передъ другимъ, стараясь подражать тону парижскихъ газетъ, упоминали о инсургентахъ *Неаполитанскихъ*, *Калабрійскихъ* и даже *Гишпанскихъ*, разумѣя цѣлую націю, великодушно поклявшуюся защищать свою свободу отъ насильства, подъ оскорбительнымъ названіемъ инсургентовъ; какая странная логика! Не менѣе того справедливо, что сіе общее согласіе въ поступкахъ Европейскихъ державъ, служило ко введенію новаго политическаго права, гласящаго народамъ: *повинуйтесь властямъ существующимъ, не заботясь о вчерашнихъ законахъ*.

Но мы тотчасъ увидимъ, что сіе признаніе со стороны правительствъ права вреднаго для ихъ прочности было только временное зависимое отъ обстоятельствъ, и что онѣ признаютъ иногда законность власти, не выводя изъ того общаго правила.

Наполеонъ въ Москвѣ.

Усилимый похищенною въ Европѣ властію и воинскими побѣдами всего запада, за исключеніемъ Англіи, Наполеонъ, горящій нетерпѣніемъ увѣнчать свое честолюбіе покореніемъ Россіи, двинулся въ ея предѣлы съ необъятными силами, какъ новый Тамерланъ, и черезъ три мѣсяца возсѣлъ въ Кремлѣ, на древнемъ престолѣ россійскихъ царей. Успѣхи несоотвѣтствовали его ожиданіямъ, и онъ скоро потерпѣлъ пораженіе на возвратномъ пути. Но тутъ дѣло не о событіяхъ, а о законности права соразмѣрно съ прежними поступками всѣхъ Европейскихъ Державъ. Развѣ Наполеонъ не имѣлъ такого же права называть защитниковъ нашего отечества *инсургентами Московскими, Петербургскими, Калужскими и проч.*? и сіи неистовыя провозглашенія повторялись бы во всѣхъ иностранныхъ вѣдомостяхъ и журналахъ, потому что и Россія точно такъ поступала противъ другихъ націй, защищавшихъ свою независимость.

Въ несчастное для Россіи время, когда поляки, двѣсти лѣтъ тому назадъ, воцарились въ Москвѣ, они такимъ же образомъ почитали всѣхъ вѣрныхъ сыновъ отечества, присоединившихся къ знаменамъ Минина и Пожарскаго, за инсургентовъ, за бунтовщиковъ, за измѣнниковъ. Но хорошо ли поступили сіи усердные и великодушные Россіяне, сохранившіе бытіе и славу своего отечества съ пожертвованіемъ своей жизни и имущества? Конечно, хорошо; и благодарное отечество до сихъ поръ прославляетъ ихъ полезные подвиги. Почему жъ непозволено было Неополитанцамъ и Гишпанцамъ воспользоваться тѣмъ же естественнымъ правомъ? Я не говорю уже ничего о сопротивленіи Наполеона, который составлялъ одну изъ воюющихъ сторонъ; оно было основано на необходимости продолжать начатое предпріятіе, но о сопротивленіи всѣхъ Европейскихъ державъ (всегда повторяю, кромѣ Англіи) препятствовавшихъ добровольно освобожденію народовъ отъ чуждаго ига и возвращенію ихъ подъ власть законныхъ государей. Исторія распутаетъ эту загадку и замѣтитъ коварство царей чернымъ пятномъ неизгладимо въ своихъ страницахъ; Наполеонъ правду говорилъ: Европейскія династіи устарѣли, надо ихъ возобновить. Никто лучше его не могъ видѣть, что онѣ собственныхъ пользъ своихъ не разумѣють, и сами не знаютъ, что дѣлають.

Тутъ я вижу нахмуренное чело глубокомысленныхъ политиковъ, которые возражаютъ: это было слѣдствіе необходимости. Политика позволяетъ и предписываетъ даже уклоняться отъ угрожающаго бѣдствія благоразумною уступчивостію для предохраненія народнаго благоденствія, а когда благопріятные случаи откроются, всякая держава имѣетъ право возвратитъ свое достоинство и стать на чреду ей присвоенную.

Я отвѣчаю, что никакая держава не можетъ, равно какъ и честный человѣкъ, вступить въ прежнюю чреду, потерявъ свое нравственное достоинство. Можно быть великимъ завоевателемъ, расширить свои границы разными похищеніями; но довѣріе народовъ, неразлучное съ справедливостію, никогда не возвратится и проклятія потомства ознаменуютъ тирана печатію всеобщаго омерзенія къ его безчеловѣчнымъ подвигамъ. Касательно уклоненія отъ угрожающей напасти, я знаю, что это позволяется, но кому?—Какой нибудь небольшой области, купеческому городу, какому нибудь еврейскому кагалу, а не державамъ первостатейнымъ, заключающимъ въ себѣ отъ 20-ти до 40 милліоновъ жителей. Сіи послѣднія, относительно сохраненія своей независимости и нравственнаго достоинства, имѣють одно правило, законъ необходимости, т.-е. защищать свое право до истощенія силъ. Вещественная побѣда на полѣ сраженія, хотя и приноситъ

нѣкоторую пользу побѣдителю, не лишаетъ достоинства побѣжденныхъ, если они исполняли свою обязанность; но та побѣда, которая пріобрѣтается однимъ страхомъ событій, кои могутъ и не случиться, есть невозвратная потеря въ политическомъ смыслѣ. Для всякой націи, стоящей наряду первенствующихъ державъ, она сама лишаетъ себя своего достоинства даромъ, не испытавъ своихъ силъ. Когда безчисленныя орды монголотатарскія наводнили Россію, то Россійскіе народы, давши имъ сильный отпоръ во многихъ сраженіяхъ и будучи поглощены, такъ сказать, сею грозною тучею варваровъ, должны были, наконецъ, покориться закону необходимости. Но при заключеніи Тильзитскаго мира, когда еще Россійскіе предѣлы оставались неприкосновенными, не было закона необходимости усторонить Россію отъ вліянія въ Европейскія дѣла и согласиться предварительно на всѣ перемѣны и постановленія, какія вздумается Наполеону сдѣлать. — Исторія отъ сотворенія міра не представляетъ намъ подобнаго трактата, который даже и Парижскимъ трактатомъ не можетъ быть заглаженъ. И къ чему послужили всѣ сіи раболѣпныя уступки, ухищренія? Развѣ къ тому, чтобы скорѣе Наполеона привести въ Москву. Сіи политическія разсужденія отвлекли насъ отъ нашего предмета, къ которому должно возвратиться.

Итакъ Россія освободилась отъ порабощенія единодушнымъ движеніемъ русскаго народа, сего народа, рабственнаго внутри, но нетерпящаго наружнаго владычества; онъ сказалъ: *не повинуйтесь власти иноплеменной, станьте за вѣру и за отечество!* Всѣ Европейскіе народы ему рукоплескали и вскорѣ къ нему присоединились противъ общаго врага, который, будучи преслѣдуемъ въ самыхъ нѣдрахъ Франціи, наконецъ, отреченіемъ отъ трона пріобрѣлъ убѣжище на островѣ Эльбѣ. Тогда правительства перемѣнили образъ мыслей и выраженій; они начали называть бѣлымъ, что прежде называли чернымъ. Фердинанду позволено возвратиться въ Гишпанію. Но Іоакимъ Мюрать все еще оставался въ Неаполѣ, потому, говорятъ, что ему дано было слово! Данное слово хищнику столь свято соблюдено; а сколько словъ, гораздо важнѣйшихъ, и прежде и послѣ нарушено! Дѣйствія Вѣнскаго конгресса еще лучше объясняютъ законную кривую политику Европейскихъ кабинетовъ, которые при всякихъ случаяхъ руководствуются болѣе своекорыстными видами, нежели цѣлію общаго блага, въ манифестахъ провозглашаемаго.

Вѣнскій конгрессъ.

Никогда можетъ быть непредстояли столь важныя и разнообразныя предметы къ разсужденію и безпристрастному разби-

рательству, какъ на семь великолѣпномъ сеймѣ, который могъ бы составить не только достопамятную, но и благотворную эпоху для всѣхъ Европейскихъ націй. Всеобщее утомленіе послѣ 25-лѣтнихъ бѣдствій достигло до крайности. Всѣ народы просили, требовали мира. Неменьшая настояла надобность и въ томъ, чтобы всякой получилъ по возможности вознагражденіе, соразмѣрно съ потерпѣнною потерей; а главный предметъ, чтобы учредить равновѣсіе между сильными державами, сколько можно приблизительнѣе къ справедливости и сообразнѣе съ общемою пользою Европы. Не тотъ духъ господствовалъ въ семь собраніи царей и полномочныхъ, кои помышляли единственно о частныхъ своихъ выгодахъ. При семь волненіи страстей нельзя было ожидать правдивыхъ уравниній; какая прибыль въ томъ, что Франція ограничена, когда другія державы получили опасный для спокойствія Европы перевѣсъ! Однимъ словомъ, вмѣсто мудрыхъ соображеній, необходимо нужныхъ для согласованія столь различныхъ и многосложныхъ видовъ, рѣшено кончить миролюбивымъ раздѣломъ между сильными державами назначенныхъ добычъ, а слабымъ и обиженнымъ обѣщанъ миръ въ настоящемъ и благоденствіи въ будущемъ.

Такимъ образомъ, Россія, усиленная уже на счетъ своихъ союзниковъ и сосѣдей, со стороны Пруссіи областію Бѣлостокской и со стороны Швеціи Финляндіею, присовокупила еще Варшавское герцогство подъ названіемъ Царства Польскаго. Австрія сверхъ возвращенія областей своихъ Италіянскихъ получила еще всѣ венеціанскія владѣнія и нѣсколько участковъ отъ Саксоніи. Пруссія захватила почти половину Саксоніи, приростила еще свои владѣнія Шведскою Помераніею и нѣкоторыми участками на Рейнѣ. Англія получила за согласіе на сей дѣлежъ Ионическіе острова. Швеція вознаграждена Норвегіею, отторгнутою отъ Даніи, которая, равно какъ и Саксонія оставлены при одномъ титулѣ Королевства безъ всякаго значенія въ политическомъ равновѣсіи державъ. За что бѣдная Генуэзская республика уничтожена присоединеніемъ къ Сардинскимъ владѣніямъ? Послѣ упадка ея нѣкогда цвѣтущей торговли могла ли она ожидать, что общій миръ довершитъ ея бѣдствія лишеніемъ даже политическаго бытія? Либеральные подвиги конгресса заключаются только въ присовокупленіи Женевы къ Швейцарскому союзу и въ учрежденіи вольнаго города Кракова. Я неупоминаю о данномъ обѣщаніи позволить всѣмъ народамъ избрать для себя приличныя конституціи, потому что сіе обѣщаніе не сдержано и, напротивъ, навлекло сильныя гоненія въ Германіи на всѣхъ громко изъяслявшихъ желаніе имѣть конституціонное правленіе.

Мюратъ исчезъ съ королевскаго своего поприща подъ именемъ бунтовщика, хотя за нѣсколько мѣсяцевъ предъ тѣмъ отъ всѣхъ Дворовъ онъ признаваемъ былъ за короля. Говорятъ: онъ отступился отъ союза и измѣнилъ своему слову; но сколько царей, неисполняющихъ своихъ обѣтовъ, нарушающихъ святость заключенныхъ трактатовъ и обманывающихъ своихъ союзниковъ! Однако ихъ не разстрѣливаютъ, не казнятъ и не вѣшаютъ. Этотъ урокъ можетъ пригодиться на будущее время.

Когда уже возобновленъ по наружности прежній порядокъ, и всѣ древнія царскія династіи возсѣли на свои разломанные престолы, нельзя не спросить: почему счастливый Понте-корво остался на Шведскомъ престолѣ? Онъ былъ вѣрный союзникъ, онъ способствовалъ къ уничтоженію Наполеоновой власти; это правда; но никто не былъ вѣрнѣйшимъ противъ Наполеона союзникомъ, какъ Густавъ, странствующій нынѣ по Европѣ со своимъ семействомъ: онъ наказанъ за свою вѣрность лишеніемъ наслѣдственной короны, а Понте-корво награжденъ царскимъ достоинствомъ: кто можетъ проникнуть въ этотъ хаосъ неправды, измѣнъ и похищеній?!

Къ сей же эпохѣ Вѣнскаго конгресса относится рожденіе Священнаго Союза. Сіе уродливое произведеніе новѣйшей политики сначала многихъ ввело въ заблужденіе. Можно было полагать, что союзъ, основанный на исповѣдываніи строгаго христіанскаго ученія, будетъ въ видѣ новой Крестовой конфедераціи противудѣйствовать всякимъ нарушеніямъ установленнаго порядка, захватамъ, раздѣламъ; въ семъ видѣ должно бы всѣмъ Европейскимъ Державамъ составить союзъ, чтобы общими силами дѣйствовать противъ всякаго нарушителя общественнаго спокойствія. Но эта полезная идея, заимствованная отъ бывшаго нѣкогда Амфиктіоническаго союза, едвали когда созрѣетъ при своекорыстныхъ видахъ нынѣшней политики. Дѣло въ томъ, что священный союзъ при первомъ шагѣ доказалъ, сколь онъ противорѣчитъ своими поступками святости проповѣдуемыхъ правилъ. Мудрено повѣрить, чтобы всѣ раздѣлы, о коихъ было выше упомянуто, были сообразны съ духомъ христіанской религіи. Напротивъ, они скрываютъ въ себѣ сѣмена будущихъ раздоровъ, которые можно бы по христіански предупредить справедливымъ удовлетвореніемъ всѣхъ сторонъ и великодушнымъ отреченіемъ отъ всякаго чуждаго присвоенія, сохраняя собственное свое достояніе. Вотъ истинная политика христіанская, приличная сильнымъ и великимъ державамъ. Просто сказать, священный союзъ, подъ честнымъ именемъ, составленъ единственно въ намѣреніи, чтобы защищать то, что несправедливымъ образомъ было захвачено, и что впредь можетъ быть похищено.

Мимоходомъ я скажу нѣсколько словъ о сей, нынѣ употребляемой къ безславію Европейскаго просвѣщенія, кривой политикѣ, которая хитрость и коварство почитаетъ за искусство, за науку. Славные нынѣшніе дипломаты воображаютъ, можетъ быть, что они уже достигли въ семъ ремеслѣ до нѣкотораго совершенства. Они весьма ошибаются. Пускай доучиваются у Персіанъ, у Азіятцевъ, вообще тамъ, гдѣ за обѣщаніемъ слѣдуетъ нарушение, за увѣреніемъ въ дружбѣ—измѣна, за привѣтливою ласкою—кинжалъ; если же они сіе постыдное сравненіе сочтутъ неумѣстнымъ, то пускай отмѣнятъ двуличные свои поступки и утверждаютъ, наконецъ, правила политики Европейской, какъ символъ вѣры, на прочныхъ и незыблемыхъ основаніяхъ; на что эти двѣ мѣры и двое вѣсовъ, одни для себя, другіе для сосѣда? Политика также ясна и проста, какъ и математика. Она въ существѣ своемъ есть ничто иное, какъ точность, вѣрность, справедливость. Условія, заключенныя съ сосѣдями, подъ названіемъ трактатовъ, союзовъ, уступокъ—должны быть основаны на взаимныхъ выгодахъ; иначе они теряютъ силу, равно какъ односторонній контрактъ въ гражданскомъ отношеніи. Политика состоитъ въ томъ, чтобы въ разумныхъ свободныхъ существахъ произвести внутреннее убѣжденіе не хитросплетенными словами, но вещественными доказательствами, что они за свою потерю или за уступку получили приличное вознагражденіе; если они довольны и дѣйствительно находятъ въ томъ свои выгоды, то условіе съ обѣихъ сторонъ останется ненарушимымъ. Если же все это сдѣлано по принужденію силы, то оно не прочно и при первомъ случаѣ будетъ нарушено, какъ условіе, незаконнымъ образомъ заключенное. Слѣдовательно, главнѣйшая обязанность политики состоитъ въ томъ, чтобы недопускать бѣдствіе силы, пока можно согласить разнообразныя притязанія посредствомъ справедливости. Ибо сила послѣ побѣды не составляетъ права, но только служитъ къ увѣковѣченію народныхъ злосчастій. Какъ больно видѣть, что Европа въ 19 столѣтіи находится еще при азбукѣ сей важной науки, и что послѣ свѣтлыхъ началъ, произведшихъ вестфальскій миръ, она не только не усовершенствовала оную для блага рода человѣческаго, но поступила нѣсколько шаговъ назадъ къ варварскимъ временамъ хищенія и самоуправства. Обратимся къ Вѣнскому конгрессу для окончательнаго сужденія о его поступкахъ.

Вѣнской конгрессъ, стараясь исправить безпорядокъ, возникшій со времени французской революціи, только въ половину достигнулъ до своей цѣли, доставя общій миръ Европѣ; но съ другой стороны, онъ запуталъ понятія политическаго права до

такой степени, что онѣ сдѣлались двусмысленными, невразумительными. Можно ли наказывать царей? можно ли законныхъ царей лишать ихъ наслѣдственнаго престола по какимъ-нибудь временнымъ расчетамъ? Можно ли наказывать царей раздѣленіемъ ихъ владѣній? Можно ли, наконецъ располагать ими раздѣленными по жребію народами, не спрашивая ихъ согласія? Вотъ сколько вопросовъ остаются въ недоумѣніи послѣ Вѣнскаго конгресса. Онъ сказалъ инымъ народамъ: *повинуйтесь законнымъ властямъ*; другимъ: *повинуйтесь новымъ властямъ*, или правильнѣе, *повинуйтесь силѣ*; напоминаніе бесполезное; ибо сила сама себѣ доставляетъ повиновеніе безъ помощи ложныхъ понятій.

Лейбахскій ¹⁾ конгрессъ.

Неаполитанцы, по возстановленіи законной у нихъ власти, восчувствовали сильное желаніе имѣть конституцію на подобіе другихъ Европейскихъ ограниченныхъ монархій, въ чемъ и получили желаемый успѣхъ съ согласія Принца-регента, по отреченіи короля, который, какъ извѣстно, давно уже не управлялъ дѣлами и неспособенъ былъ къ тому по недостатку нравственныхъ способностей; вотъ причина сѣзда царей и полномочныхъ на Лейбахскій конгрессъ, подъ непосредственнымъ вліяніемъ Священнаго Союза; къ тому, конечно, способствовало и пламенное желаніе всѣхъ италіянскихъ народовъ избавиться отъ австрійскаго владычества. А какъ въ то же время появились въ Италіи тайныя общества подъ названіемъ *Карбонаріевъ*, то возникшая въ Неаполѣ новая конституція приписана къ заговору *Карбонаріевъ* и признана незаконною, какъ будто самостоятельная нація не имѣетъ права перемѣнять образъ своего правленія и устанавливать новые законы внутри своихъ предѣловъ, до тѣхъ поръ, пока она не нарушаетъ спокойствія своихъ сосѣдей. Не зная въ точности состава сихъ тайныхъ обществъ, мы не можемъ ни порицать, ни защищать ихъ. Извѣстно, однако, что главная цѣль *Карбонаріевъ* состоитъ единственно въ томъ, чтобы доставить независимость всей Италіи. Прекрасная мысль! И кто не пожелаетъ вмѣстѣ съ ними, чтобы это исполнилось.

Судъ былъ короткій. Сто тысячъ Австрійцевъ вступили въ Неаполитанскія владѣнія, уничтожили все, что имъ было угодно и учредили въ Неаполѣ австрійское военное правленіе. Тутъ прекращаются всякія размышленія, тѣмъ болѣе, что отъ союзниковъ обѣщано прислать еще двѣсти тысячъ войска, буде нужда того востребуетъ. Священный союзъ возгласилъ при семъ случаѣ

¹⁾ Т.-е. Лайпхаймскій.

новое политическое право: *повинуйтесь силѣ*, и хотя оно умолчано въ рѣшеніи конгресса, но дѣла и происшествія весьма краснорѣчиво это объясняютъ.

Должно замѣтить, что въ то же время Греція возстала противъ угнетающаго ее тиранства, и Гишпанской народъ, недовольный монашескимъ правленіемъ, далъ себѣ новую либеральную конституцію. Сии двѣ эпохи, случившіяся совокупно съ Неаполитанскою революціею, поразили священный союзъ глубокимъ недоумѣніемъ. Страхъ увеличилъ воображаемыя будущія опасенія. Ему представилась Медузина голова вмѣсто обыкновенныхъ, естественныхъ послѣдствій. Сколько друзей человѣчества, ожидавшихъ съ нетерпѣніемъ сей Греческой революціи! Екатерина страстно того желала, и нынѣ многіе благомыслящіе Европейцы словомъ и дѣломъ помогаютъ симъ несчастнымъ по своей возможности. Союзъ остался непреклоненъ и предоставилъ ихъ на произволь судьбы. Дума о Гишпанскихъ дѣлахъ отсрочена до другого конгресса, коимъ въ слѣдъ за симъ мы намѣрены заняться.

Веронскій конгрессъ.

Опять собрались цари Священнаго союза въ Верону для рѣшенія Гишпанскихъ дѣлъ. Они имѣли и другіе предметы къ разсужденію, но этотъ, кажется, былъ главнѣйшій. Посмотримъ, было ли тутъ мѣсто къ столь важному размышленію.

Фердинандъ, изгнанный, свергнутый съ престола самовластіемъ Наполеона, возвращенъ въ свое отечество твердымъ постоянствомъ Гишпанскаго народа, который, противъ всѣхъ силъ хищника, подставляя свою великодушную грудь на пораженіе, рѣшился умереть или побѣдить. Единственный примѣръ въ исторіи народовъ! Фердинандъ возвратился и былъ принятъ съ восторгомъ. Во время его отсутствія учредилось законное правленіе подъ названіемъ Кортесовъ. Сии Кортесы, дѣйствуя именемъ Фердинанда, спасли честь, славу и независимость Гишпанскаго народа. Вмѣсто благодарности, которую должно было бы оказать сему знаменитому сословію, король, по возвращеніи своемъ, тотчасъ его уничтожилъ, наполнилъ всѣ мѣста духовными особами, возобновилъ инквизицію, столь ненавистную Гишпаніи, равно какъ и всей Европѣ, и началъ господствовать, какъ деспотъ въ завоеванномъ государствѣ. Это не могло понравиться Гишпанскому народу, вѣрному, гордому и постоянному въ своихъ правилахъ, получившему столь дурное награжденіе за свои великодушныя услуги отъ короля, который сидѣлъ въ заточеніи въ то время, когда все королевство, сражаясь за

его особу, подвержено было безчисленнымъ бѣдствіямъ войны. Неоднократно разгорались искры неудовольствія. Наконецъ, въ 1820 году составлена послѣдняя конституція, которую король, вѣроятно, противъ воли, принужденъ былъ одобрить. Если бы онъ имѣлъ характеръ приличный своему званію, ничто не мѣшало ему не согласиться на конституцію, которая ему не нравится, и тогда онъ бы могъ благороднымъ образомъ отречься отъ престола или исправить недостатки конституціи своими замѣчаніями. Онъ подписалъ отъ страха, и теперь со страхомъ сидитъ на колеблющемся престолѣ. Изъ буйнаго деспота сдѣлался малодушнымъ рабомъ.—Кто виноватъ?

Сіе положеніе Фердинанда, можно сказать, добровольное, обратило на себя вниманіе Священнаго Союза, который, увеличивая бѣдствія Гишпаніи, полагаетъ, что онъ могутъ въ послѣдствіи имѣть вредное вліяніе на сосѣднія области. Увеличивать можно, но дѣйствовать по предвидѣнію на сосѣднія державы, отъ коихъ непослѣдовало никакого вреда, кажется, непозволительно въ здоровой политикѣ, которая весьма разнится отъ нынѣшней. Противъ кого и какое именно сдѣлала нарушеніе Гишпанія? Никакого. Если въ политикѣ допустить предвидѣніе, то это выйдетъ хуже похищеній. Всякій станетъ предвидѣть небылицу по своимъ выгодамъ и затѣямъ и будетъ тревожить своего сосѣда требованіемъ, чтобы онъ удовлетворилъ его предвидѣнію. Это походить на арабскія сказки.

Однакожь изъ того вышла не сказка, а истинное событіе, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ глазахъ всей Европы совершившееся. Веронскій конгрессъ рѣшилъ, что нынѣшніе Кортесы, составленные военной революціею, не имѣютъ надлежащей законности; что состояніе безначалія, существующее въ Гишпаніи, и вредныя правила, нѣкоторыми партіями возглашаемыя, могутъ имѣть пагубныя слѣдствія для сосѣдственныхъ державъ, и потому предоставилъ Франціи управиться съ Гишпаніею съ обѣщаніемъ ей всякой помощи, буде востребуетъ нужда, на такомъ же основаніи, какъ на Лейбахскомъ конгрессѣ предоставлено Австріи управиться съ Неаполитанскою конституціею. Это еще новая система, въ сихъ послѣднихъ годахъ принятая, сводитъ сосѣдей не на миръ, а на брань; вѣроятно, чтобъ сильнѣе доказать чрезъ повторительные опыты несообразность поступковъ Священнаго Союза съ духомъ христіанской религіи. А главнѣйшее зло состоитъ въ допущеніи права мѣшаться въ чужія дѣла, то есть во внутреннія дѣла государства независимаго. Великобританія объявила себя нейтральною. Но это слишкомъ мало для предохраненія Европы отъ дальнѣйшихъ покушеній со стороны Священнаго

Союза на независимость державъ твердой земли. Всякій годъ новый конгрессъ и новые въ Европѣ безпорядки и нарушенія!—Когда же это кончится?—Кажется, что англичане, сколько можно заключить по парламентскимъ преніямъ, сами раскаиваются въ томъ, что дали усилиться сему антиполитическому Союзу, угрожающему теперь цѣлой Европѣ, чему легко можно было воспрепятствовать на Вѣнскомъ конгрессѣ недопущеніемъ до раздѣловъ, нарушившихъ политическое между державами равновѣсіе. Но видно, что Сентъ-Джемскій кабинетъ пристрастился также съ своей стороны къ прелестнымъ видамъ Ионическихъ острововъ и не захотѣлъ съ ними разстаться. А теперь уже трудно поправить сдѣланную ошибку, развѣ при случаѣ войны, которой желать не должно,—буде чрезъ дальнѣйшее продолженіе насильствъ не будутъ вынуждены къ тому обиженные и угнетенные народы.

Могутъ возразить, что дѣйствительно въ Гишпаніи царствуетъ теперь безначаліе; государство раздираемо разными партіями, король не имѣетъ никакой власти, и что сосѣдственныя державы, потерявъ довѣріе къ правительству, не имѣющему точнаго основанія, не могутъ продолжать съ нимъ обыкновенныхъ сношеній. Точно такъ. Но что жъ изъ сего слѣдуетъ? И что хотятъ доказать? Сосѣди, кому угодно, властны прекратить съ Гишпанцами сношенія, давъ имъ время распорядиться, перебѣситься, пока устроится у нихъ прочное правленіе. Но никто не имѣетъ права мѣшаться во внутреннія ихъ дѣла и учрежденія, развѣ тогда, когда Гишпанцы сами станутъ мѣшаться въ чужія дѣла; что они до сихъ поръ не дѣлали. Безпорядки, тамъ существующіе, вредны для самихъ Гишпанцевъ и никакой опасности не составляютъ для сосѣдей; если сіи послѣдніе, оставаясь также въ покоѣ, не будутъ смотрѣть на всѣ предметы въ увеличительное стекло, что имъ нужды до партій и раздоровъ, которые изъ предѣловъ Гишпаніи не выходятъ? Пускай стараются объ учрежденіи у себя лучшаго порядка.

Англійская конституція, конечно, лучшая, не въ теоріи, но потому, что она существуетъ уже нѣсколько сотъ лѣтъ.—Но какъ же достигли до нея великобританцы? Не иначе, какъ проходя цѣлыя столѣтія сквозь раздоры и междоусобныя несогласія. И теперь у нихъ множество партій, одна другой противоборствующихъ и составляющихъ ту благотворную оппозицію, которая, какъ вѣрный стражъ, охраняетъ цѣлость законовъ и независимость Англійскаго народа. Однако, Европейцы уже къ тому привыкли и не почитаютъ сіи временныя распри за упадокъ правленія. Въ Гишпаніи, скажутъ, примѣчаемо

совсѣмъ противное; тамъ нѣтъ постоянного хода въ дѣлахъ, и крамольники руководствуются главнѣйшими пружинами; (?) какъ будто можно въ два года сдѣлать совершенную конституцію? Пускай такъ; но по крайней мѣрѣ всякая самостоятельная нація имѣетъ неоспоримое право избирать приличную форму правленія, перемѣнять законы и составлять новые. Всѣ Европейскія державы въ томъ были согласны до Лейбахскаго конгресса. Швеція неоднократно измѣняла свою конституцію въ прошедшемъ столѣтіи; никто ей въ томъ не препятствовалъ. Въ 1814 году Франція дала себѣ конституцію безъ всякаго сопротивленія со стороны союзныхъ державъ; въ слѣдъ за симъ Баварія, Вюртембергъ, Бадень, Ганноверъ приняли новую форму правленія согласно съ желаніемъ народовъ,—и никто не противорѣчилъ. Почему же столь строгое сопротивленіе оказано Неаполитанской и Гишпанской конституціямъ?

Причины извѣстны. Это—явная война, объявленная со стороны Священнаго Союза всякимъ свободомыслящимъ (либеральнымъ) идеямъ, учрежденіямъ и людямъ.—Напрасный трудъ!—Мысль быстрѣе птицы взлетаетъ на горизонтъ, ей свойственный, и озаряетъ поднебесную свѣтлыми лучами истины, не боясь никакихъ препонъ. Сила можетъ только остановить на время дѣйствія общаго мнѣнія, но уничтожить его никакая человѣческая власть не въ состояніи.

Правительства должны будутъ, наконецъ, сблизиться съ общимъ Европейскимъ просвѣщеніемъ, отъ коего они отстали, руководствуясь видами самовластия,—или они потеряютъ власть вмѣстѣ съ довѣріемъ, упорствуя въ своей системѣ, и останутся, какъ чуждые пришельцы, не знающіе семейственныхъ обрядовъ, безъ приглашенія на общій пиръ свободы.

Бѣдные греки, о коихъ мимоходомъ упомянуто въ рѣшеніи Веронскаго конгресса, какъ о людяхъ, принадлежащихъ къ тому же гнѣзду крамольниковъ неаполитанскихъ и гишпанскихъ, отринуты отъ покровительства Европейскихъ державъ, депутаты ихъ не приняты, и дѣла ихъ оставлены безъ всякаго вниманія. Сія непонятная и оскорбительная логика доказываетъ, кажется, величайшее ослѣпленіе и забывчивость конгресса на счетъ бывшихъ прежде и нынѣ повторенныхъ происшествій, которыя будучи одобрены Европейскими державами, составляютъ политическое право, основанное равномѣрно и на естественномъ законѣ. Россія освободилась отъ порабощенія татарскаго; въ то же время Шведы избавились отъ ига датскаго; гишпанцы освободились отъ мавровъ и въ послѣднее время—отъ французовъ: все это безспорно и съ радостію принято въ Европѣ. А грекамъ непозволено

избавиться отъ ига турецкаго, подъ коимъ они страдаютъ нѣсколько столѣтій. Я говорю—не позволено,—потому что право грековъ къ освобожденію отвергнуто Веронскимъ конгрессомъ, признавшимъ ихъ въ видѣ инсургентовъ, бунтовщиковъ. Если бъ греки предоставлены были своей судьбѣ, они не имѣли бы причины жаловаться. Но съ ними поступлено слишкомъ жестоко, смѣшавъ ихъ съ бунтовщиками за то единственно, что ихъ революція вспыхнула въ одно время съ неаполитанскою. Со всѣмъ тѣмъ, можетъ открыться для нихъ легкій способъ примиренія съ союзными державами. Положимъ на минуту, что возгорѣлась война съ турками; Священный Союзъ немедленно признаетъ законность правъ грековъ, *сражающихся за независимость своего отечества*. О, Провидѣніе! можно ли такъ ругаться надъ челоуѣчествомъ? Державы, совокупившіяся Священнымъ Христіанскимъ Союзомъ, оставляютъ христіанъ, погибающихъ подъ мечемъ варваровъ, не заботясь о несчастномъ ихъ жребіи и располагаясь подать имъ помощь тогда только, когда откроются выгодныя для нихъ политическія обстоятельства. Теперь для нихъ не время, а послѣ для спасенія Грековъ уже будетъ поздно.

Изъ взгляда на дѣйствія сихъ союзовъ и конгрессовъ Европейская нынѣшняя политика представляется въ самомъ печальномъ и пасмурномъ видѣ, не обѣщая ясныхъ дней и въ будущемъ. Право народное потеряло свою силу и достоинство. Нѣтъ постоянной системы, опредѣляющей и обезпечивающей достояніе каждой націи. Никто не знаетъ сегодня, что съ нимъ случится завтра. Прежніе безпорядки замѣнены только новыми. Посредствомъ раздѣловъ расторгнуты древнія узы единоплеменныхъ народовъ, и національность доведена до крайняго уничтоженія. Сильные угнетаютъ слабыхъ и хотятъ даже наложить оковы на мысли и общее мнѣніе. Что жъ можно извлечь изъ сего хаоса неправдъ и темныхъ понятій? одно вѣрное заключеніе: *что требуется повиновеніе силъ, не разбирая права*.

Итакъ, не получивъ нужнаго свѣта изъ поступковъ Европейскихъ державъ для объясненія нашего предмета, мы прибѣгнемъ теперь къ другому способу: къ истолкованію текста св. Павла—самымъ благоразумнѣйшимъ и, слѣдовательно, ближайшимъ къ истинѣ смысломъ, полагая, что лучше ошибиться, не проникнувъ въ точное разумѣніе слова Божія, нежели оставить въ недоумѣніи столь важный текстъ, служащій орудіемъ къ угнетенію народовъ и къ продолженію ихъ заблужденій и невѣжества на счетъ собственнаго ихъ благополучія. Нужно озарить свѣтомъ истины мрачныя вертепы суевѣрія и тиранства.

Объясненіе текста.

Ученые мужи и Богословы, занимавшіеся объясненіемъ трудныхъ мѣстъ библіи, въ томъ числѣ и св. Августинъ, согласно утверждаютъ, что священное писаніе имѣетъ три смысла: *Буквальный, Духовный и Мистическій*. Не говоря о послѣднихъ двухъ смыслахъ, намъ неизвѣстныхъ буде должно вездѣ искать высшаго, мистическаго значенія,—для всякаго ясно и вразумительно, что буквальный смыслъ того текста относится къ тогдашнимъ временамъ возрождающагося христіанства. Св. апостолъ Павелъ говоритъ первымъ христіанамъ, тому малому числу людей странствующихъ, гонимыхъ за ихъ новое ученіе и неимѣющихъ вѣрнаго пристанища: *Повинуйтесь всякой власти безъ разбора для вашего спокойствія, ибо нѣтъ власти не отъ Бога и всѣ учреждены по волѣ Божіей*. Бѣдные странники, повсюду гонимые, не имѣли времени и нужды заниматься политическими дѣлами въ посѣщаемыхъ ими странахъ и судить о законности разныхъ правленій: чтобы получить желаемый покой, должно было другихъ оставить въ покоѣ. Вотъ почему апостолъ такъ усердно имъ проповѣдуетъ повиновеніе *существующимъ властямъ, т.-е. всякимъ властямъ безъ разбора*; точно какъ и нынѣ путешествующіе въ чужихъ странахъ должны по внушенію благоразумія и по закону необходимости повиноваться *всякой существующей власти*, чтобы получить покойный ночлегъ и защиту отъ мѣстнаго правительства, въ случаѣ какой обиды или притѣсненія. Апостолъ объясняетъ намъ сію мысль, говоря: *Итакъ, паче всего прошу совершать молитвы, прошенія, моленія, благодаренія за всѣхъ человековъ, за царей и за всѣхъ начальствующихъ, дабы проводить намъ жизнь тихую и безмятежную*; 1-ое посланіе къ Тимофею, глава 11, стихъ 1-й и 2-й. *Ибо нѣтъ власти не отъ Бога*, въ пространномъ смыслѣ, точно такъ, все творится по волѣ Божіей: Онъ посылаетъ добрыхъ царей и попускаетъ царствовать злымъ; Онъ всемогущъ и можетъ исхитить невинную душу изъ рукъ сильнѣйшаго тирана. Сія отрадная мысль, вѣроятно, укрѣпляла первыхъ христіанъ въ упованіи на Божіе милосердіе и покровительство. Но изъ сего не слѣдуетъ чтобы должно было допускать и терпѣть явное зло, въ видѣ воли Божіей.—Ж. Ж. Руссо давно замѣтилъ, что и болѣзнь посылается отъ Бога, однако не грѣшно призывать лѣкаря. Суевѣріе фанатизма противно христіанской религіи.

Сему равнодушію первыхъ христіанъ къ заботамъ гражданской жизни способствовала также и другая причина: презрѣніе временныхъ благъ для пріобрѣтенія будущаго Блаженства въ ожиданіи скорого пришествія Господня, какъ о томъ было рас-

пространено мнѣніе отъ апостоловъ. Но когда по долготерпѣнію всемогущаго или по другимъ видамъ, для насъ непостижимымъ, сіе пришествіе отсрочено до нашихъ временъ; между тѣмъ христіане составили гражданскія общества и образовали цѣлыя государства, управляемыя законными постановленіями въ видѣ республиканскомъ или монархическомъ; тогда уже правило *повиновенія всякой существующей власти безъ разбора* не могло быть приложено къ симъ политическимъ тѣламъ, учредившимъ у себя нѣкоторый порядокъ для лучшаго управленія народовъ и для доставленія имъ возможнаго Блаженства; иначе оно послужило бы поводомъ къ безпрестаннымъ раздорамъ, къ безначалію и похищенію власти, какъ есть и было въ самомъ дѣлѣ. Неужели Св. Писаніе имѣло въ виду сіи вредныя для человѣчества слѣдствія, предлагая двухсмысленныя слова, какъ будто нарочно для того, чтобъ ввести всѣ христіанскіе народы въ заблужденіе?—Нѣтъ, это невозможно и противно всѣмъ нашимъ понятіямъ о святости и непреложности Св. Писанія: *потому, что Богъ не есть Богъ безпорядковъ, но мира*, 1-ое посл. къ Корин. Гл. XIV, ст. 33. Мы находимъ въ другомъ мѣстѣ, что св. Павелъ совѣтуетъ братьямъ учредить между собою нѣкоторый порядокъ для гражданского судопроизводства, слѣдующими словами: *къ стыду вашему говорю: неужели нѣтъ между вами ни одного умнаго, который бы могъ разсудить между братьями своими? но братъ съ братомъ судится, да и то передъ невѣрными*, 1-ое посл. къ Коринѣ. Гл. VI, ст. 5 и 6 (русскаго перевода). Слѣдовательно, апостолъ желалъ, чтобы и тогда учрежденъ былъ между христіанами какой-нибудь гражданскій порядокъ, независимо отъ внѣшней власти, которой должно было повиноваться по закону необходимости, ибо повиновеніе силъ само по себѣ разумѣется.

Тутъ представляется одно изъ двухъ на разрѣшеніе: или вышеупомянутый текстъ о повиновеніи властямъ къ нашимъ временамъ болѣе не относится,—или мы не такъ понимаемъ, а можетъ быть и то, и другое совокупилось вмѣстѣ для умноженія разногласія и кривыхъ толковъ.

Неудаваясь въ разысканіе всѣхъ текстовъ Ветхаго и Новаго Завѣта, которые, относясь къ пророчествамъ уже исполнившимся или поученіямъ, присвоеннымъ нѣкоторымъ обстоятельствамъ, въ наши времена не имѣютъ уже той силы и значенія, я приведу въ примѣръ два возглашенія употребляемые въ нашей греческой литургіи: одно предъ совершеніемъ таинствъ: *оглашенные изыдите!*—другое предъ выносомъ Даровъ: *со страхомъ Божиимъ и вѣрою приступите!* Сіи обряды потеряли силу своего значенія по причинѣ перемѣнившихся обстоятельствъ, а прежде они были

необходимы. Въ первые вѣка *ново-обращающіеся, ново-начальные катехумены и неофиты*, какъ ихъ тогда называли, т.-е. некрещенные и недопущенные еще къ Святому Причастію, могли быть въ церкви во время литургіи, но передъ совершеніемъ таинствъ обязаны были, по возгласенію діакона, выходить на притворъ. Теперь оглашенныхъ нѣтъ, и сей обрядъ по безполезности своей ничего незначить, и мало кто его и понимаетъ. Касательно второго возгласенія надо припомнить, что въ первые христіанскіе вѣка всякое собраніе вѣрныхъ значило преломленіе хлѣба, и не было литургіи безъ причащающихся. Потому и призывались всегда причастники извѣстнымъ возгласеніемъ: *со страхомъ Божіимъ и вѣрою приступите!* Когда же въ позднѣйшія времена церковь отмѣнила сію учащательную трапезу по разнымъ уваженіямъ, то и приглашеніе къ трапезѣ дѣлалось безполезнымъ, но оставлено въ литургіи по преданію, какъ форма безъ жизни.

Такимъ же образомъ полагать можно съ правдоподобіемъ, что и выше упомянутый текстъ св. Павла потерялъ свою силу и значеніе для нашихъ временъ, по крайней мѣрѣ для тѣхъ христіанскихъ народовъ, которые живутъ въ гражданскихъ обществахъ, управляемыхъ законными постановленіями. Нельзя иначе мыслить не оскорбляя правосудіе Божіе и человѣческое.—Когда Россія находилась подъ татарскимъ порабощеніемъ, неужели хладнокровно должно было говорить: *повинуйтесь властямъ*, т.-е. татарамъ? И теперь можно ли безъ зазрѣнія совѣсти сказать грекамъ: *повинуйтесь властямъ*, т.-е. туркамъ?—Если есть еще случаи, въ коихъ сей текстъ можетъ быть употребленъ съ пользою, на примѣръ: миссіонерами, странствующими въ Африкѣ, въ Индіи, на островахъ Тихаго Океана для проповѣди Слова Божія, то въ Европѣ онъ не имѣетъ уже мѣста при своемъ неопредѣленномъ значеніи. Всякой гражданинъ въ конституціонномъ правленіи есть членъ законодательной власти, слѣдовательно онъ не можетъ и не долженъ согласиться на нарушеніе законнаго порядка отъ страха какого-нибудь похитителя, который бы сказалъ: *повинуйтесь властямъ*, угрожая силою оружія. Когда сила одолѣетъ, это значитъ: *повинуйтесь силѣ* и не относится къ Священному Писанію, на коемъ хотятъ основать сіе мнимое и временное присвоеніе власти.

Повинуйтесь законнымъ властямъ, вотъ мое толкованіе или мнѣніе, все равно: другого нельзя имѣть на счетъ сего текста, произведшаго великія заблужденія между христіанскими народами. Или должно отвергнуть сей текстъ, какъ непринадлежащій къ нашимъ временамъ, или должно согласиться, что онъ значитъ: *повинуйтесь законнымъ властямъ*; въ противномъ случаѣ

суевѣріе и тиранство всегда будутъ имъ пользоваться, какъ благопріятнымъ для нихъ орудіемъ, какъ мечемъ обоюдоострымъ. Кажется, что сіе объясненіе есть ближайшее къ истинѣ, и, слѣдовательно, болѣе приличное смыслу Священнаго Писанія.

Спросятъ, можетъ быть, какія власти должно признавать законными?—Сей вопросъ объясняется очень легко и удовлетворительно. Всякая нація, по крайней мѣрѣ въ Европѣ, за исключеніемъ двухъ деспотическихъ или самовластныхъ державъ, имѣетъ какой-нибудь законный порядокъ, общимъ согласіемъ утвержденный: ему и должно повиноваться. Въ Саксоніи должно повиноваться саксонской, а не прусской власти; въ Неаполѣ—неаполитанской, а не австрійскому военному правленію; въ Гишпаніи—гишпанскимъ кортесамъ, а не рѣшенію Веронскаго конгресса; и такъ далѣе. Всякой простѣйшій человѣкъ понимаетъ, что значитъ повиновеніе законной власти,—только незаконность и похищеніе требуютъ многословныхъ толкованій и утонченныхъ софизмовъ, для введенія въ обманъ невѣжества и простодушія.

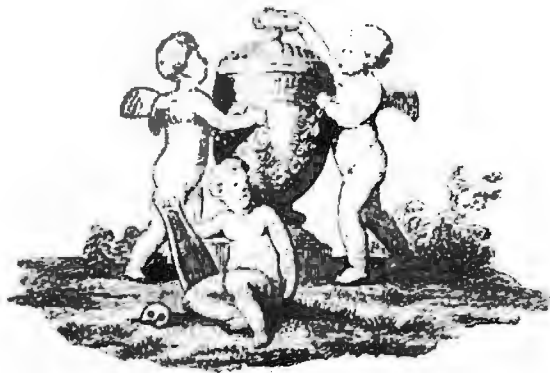
Но самовластныя, деспотическія правленія?—*Самовластіе между правленіями есть то же, что черный цвѣтъ между цвѣтами то-есть—отсутствіе свѣта.* Объ нихъ нечего говорить, пока ихъ не заставятъ принять законныя формы правленія, или должно ихъ предоставить вразумѣнію опытовъ, побѣждающихъ силу оружія и силу предразсудковъ.

Однако, нельзя отвергнуть, чтобы повиновеніе деспотической власти до весьма малой степени не имѣло своей пользы—по двумъ уваженіямъ: *первое*: что лучше имѣть дурное правленіе, нежели никакого и быть подвержену безначалію; *второе*: что народъ, повинующійся самовластію, вѣроятно, не знаетъ лучшаго правленія и терпитъ по невѣжеству зло, котораго не можетъ, не умѣетъ отвратить. Когда просвѣщеніе, подобно солнцу, озаряющему попеременно весь шаръ земной, достигнетъ и до сихъ несчастныхъ народовъ,—самовластіе исчезнетъ, какъ воздушный паръ и страдавшіе отъ долговременнаго своего малолѣтства народы выйдутъ изъ-подъ опеки самовластія, возбужденные новыми силами, новыми мыслями и новыми убѣжденіями. До тѣхъ поръ пускай съ сокрушеннымъ сердцемъ *повинуются властямъ*, т.-е. національной власти, а не чуждой.

Въ заключеніе должно сказать, что напрасно иные порицаютъ христіанскую религію, будто она поддерживаетъ самовластіе и потакаетъ оному; стоитъ развернуть Ветхій Завѣтъ, чтобы удостовѣриться въ противномъ мнѣніи: именно книгу Царствъ. Когда Израильскій народъ, вмѣсто судейскаго своего правленія, захотѣлъ избрать царя, то Богъ чрезъ пророка Самуила неодно-

кратно предостерегалъ ихъ отъ вредныхъ послѣдствій сего избранія. Саулъ своими неистовыми поступками доказалъ сіе предрѣченіе. Слѣдовательно Богъ благопріятствуетъ болѣе народному или республиканскому правленію, нежели самовластительному или деспотическому; въ чемъ можно удостовѣриться и другими текстами Ветхаго и Новаго Завѣта.

Непонятно, почему въ нашемъ славянскомъ переводѣ иногда смыслъ превращенъ совершенно противоположнымъ образомъ: *рабъ ли призванъ былъ еси; да не печалишися; но аще и можещи свободенъ быти, больше поработи себе.* Посл. къ Коринѣ. Гл. VII, ст. 21. Въ русскомъ переводѣ сія ошибка поправлена: *рабомъ ли призванъ, не безпокойся; но ежели можешь сдѣлаться свободнымъ, тѣмъ больше воспользуйся.* Вотъ естественный смыслъ сего текста, который искаженъ дурнымъ славянскимъ переводомъ; и это согласно со всѣми переводами, имѣющимися на европейскихъ языкахъ. Въ Лютеровомъ нѣмецкомъ переводѣ сія мысль явственнѣе и сильнѣе выражена: *но ежели ты можешь быть свободнымъ, то лучше сдѣлаешь.* Въ слѣдъ затѣмъ въ стихѣ 23 апостолъ возглашаетъ: *вы куплены дорогой цѣною; не дѣлайтесь рабами челоувѣковъ.* Это ясно и не требуетъ никакихъ толкованій, говоря собственно о буквальномъ смыслѣ. Однимъ словомъ, религія, основанная на братствѣ, т.-е. на равенствѣ, по существу своему ни рабства, ни тиранства терпѣть не можетъ. Она проповѣдуетъ повиновеніе, терпѣніе, миръ, любовь, потому что это для всѣхъ полезно и наипаче для страждущихъ, находящихъ отраду въ кроткихъ увѣщаніяхъ Священнаго Писанія; но въ тоже время она словомъ истины гремитъ въ слухъ царей и властелиновъ, требуя отъ нихъ *суда и правды* на землѣ, угрожая имъ судомъ праведнаго Судіи, который *всякому воздастъ по дѣламъ его*, и напоминая имъ, что *и надъ ними есть на небесахъ Господь, у котораго нѣтъ лицепріятія.*—Іоаннъ Златоустъ, Амвросій, Фенелонъ, Масильонъ, Мозгеймъ, Геснеръ, Лафатеръ—не были поборники самовластія, и ежели между духовенствомъ встрѣчается болѣе мелкихъ, рабственныхъ душъ, нежели возвышенныхъ въ мѣру ихъ званія, сіе не относится къ религіи, но къ личному униженію сихъ людей, которые для пріобрѣтенія временныхъ благъ посрамяютъ свое достоинство.

Изъ новѣйшей исторіи Финляндіи ¹⁾.

Мемуары Як. Аренберга.

IV. Иванъ Михайловичъ Оболенскій ²⁾.

Перваго іюля 1904 г. я узналъ отъ и. д. генераль-губернатора Турбина, что князь Иванъ Михайловичъ Оболенскій назначенъ генераль-губернаторомъ Финляндіи. На мой вопросъ, что это за человекъ, мнѣ отвѣчали:

— Гм... Богатый, очень богатый человекъ.

— Да... Но я имѣю въ виду другое...

— Т. е., какъ онъ будетъ относиться къ Финляндіи? Слыхали ли вы о еврейскихъ погромахъ въ Херсонѣ? Онъ подавилъ ихъ военной силой и удостоился получить высочайшую благодарность за находчивость и распорядительность, которыя онъ при этомъ обнаружилъ. Въ бытность свою харьковскимъ губернаторомъ, онъ подавилъ аграрныя волненія въ одномъ изъ уѣздовъ. Здѣсь въ него стрѣляли, но онъ не сдался. Такъ что здѣшнимъ политикамъ при немъ придется плохо. Нѣтъ никакихъ основаній ликовать по поводу преступленія Шаумана ³⁾. Князь Оболенскій—человекъ суровый и рѣшительный: онъ не пожалѣетъ ни казаковъ, ни картечи, если начнутся незаконныя демонстраціи.

Вотъ что сообщилъ мнѣ генераль Турбинъ.

14 іюля, рано утромъ ко мнѣ позвонили, и вошелъ блѣднолицый, худощавый господинъ изъ русскихъ нѣмцевъ и подалъ мнѣ карточку, изъ которой я узналъ, что это г. Дидрихсъ, правая

¹⁾ См. Гол. Мин. №№ 5—6, 7—8, 9.

²⁾ Родился въ 1853 г.; состоялъ съ 1897 г. губернаторомъ въ Херсонѣ, съ 1902 г. губернаторомъ въ Харьковѣ, съ 1904—1905 г. генераль-губернаторомъ Финляндіи. Настоящій очеркъ заимствованъ изъ книги Аренберга: «Människov som jag Kämt» V 1910. К. Т.

³⁾ 16 (29) іюня 1904 г. Эйженъ Шауманъ убилъ Н. И. Бобрикова. К. Т.

рука князя Оболенскаго. Когда онъ разстегнулъ свое пальто, я увидѣлъ, что грудь его увѣшана орденами, среди которыхъ, мнѣ кажется, я узналъ крестъ за распространіе православія, которому, казалось бы, не мѣсто на мундирѣ протестанта.

Насколько я могъ заключить, г. Дидрихсъ занималъ довольно курьезное положеніе въ свитѣ кн. Оболенскаго. Онъ былъ чѣмъ-то въ родѣ частнаго агента сыскной полиціи, находился въ сношеніяхъ съ полиціей и жандармами, былъ, кажется, начальникомъ охраны у князя, его посредникомъ по наблюденію за прессой (или, по крайней мѣрѣ, старался имъ быть), наконецъ, онъ былъ начальникомъ русскаго театра въ Гельсингфорсѣ. Про него можно было съ полнымъ правомъ сказать, что это былъ «чиновникъ особыхъ порученій», какъ гласить officialный титулъ.¹⁾

Но мнѣ онъ явился, какъ къ мѣстному архитектору, съ просьбой отправиться съ нимъ на виллу генераль-губернатора «Бьельбу», чтобы размѣстить тамъ его служебный персоналъ, поваровъ и конюховъ. Я сошелъ внизъ и увидѣлъ на улицѣ передъ воротами цѣлый караванъ ломовыхъ и легковыхъ извозчиковъ, нагруженныхъ огромными ящиками, узлами и подушками, подъ наблюденіемъ кланяющихся лакеевъ въ сѣрыхъ ливреяхъ. Караванъ тронулся.

Я съ г. Дидрихсомъ поѣхалъ во главѣ и началъ осторожно спрашивать его объ его начальникѣ. Прежде всего я узналъ, что князь богатъ, даже съ точки зрѣнія стараго русскаго масштаба. Жена его происходила изъ дворянъ Симбирской губерніи. Она была очень болѣзненна и убита горемъ послѣ смерти своего единственнаго сына. Дочери ихъ были очень религіозны. Впослѣдствіи я имѣлъ случай видѣть много трогательныхъ проявленій этой религіозности. Воспитывались онѣ подъ руководствомъ англичанки, были молоды и хороши собой. Самъ князь былъ горячъ и вспыльчивъ, какъ южанинъ, но добрѣ и привѣтливъ со всѣми.

— Но какъ же понять тогда эти избіенія въ Херсонѣ и Харьковѣ?

— Князь тутъ не причемъ. Въ Херсонѣ у него были дурные совѣтники, которые перетолковывали его распоряженія. Если бы вы видѣли горе его семьи по поводу этой исторіи, вы бы повѣрили мнѣ. Въ Харьковѣ все, можно сказать, уже было кончено, когда

¹⁾ Это былъ тотъ самый Дидрихсъ, который во время великой забастовки игралъ, какъ ему казалось, нѣкоторую роль. Она была настолько значительна, что отъ сильнаго напряженія онъ заболѣлъ чахоткой и исходатайствовалъ себѣ пенсію изъ финляндской казны, прослуживъ всего нѣсколько лѣтъ.

князь явился самъ къ мѣсту происшествія. Здѣсь въ него стрѣляли. Преступникъ былъ приговоренъ къ смертной казни, но вся семья князя ходатайствовала за него предъ государемъ, и онъ былъ помилованъ. Я самъ видѣлъ, какъ князь дружески разговаривалъ съ несчастнымъ и подарилъ ему что-то, когда его уводили отъ него.

Такимъ образомъ, получалось двѣ совершенно противоположныхъ версіи—одна исходила изъ верховъ общества, другая изъ его низовъ. Которой изъ нихъ вѣрить?

* * *

Между тѣмъ мы пріѣхали къ дачѣ. Когда камердинеръ князя увидѣлъ ее, онъ страшно взволновался. «Жить здѣсь, въ лѣсу, у совершенно открытаго берега, безъ охраны, безъ полиціи и жандармовъ! Это невозможно. Жить въ деревянномъ домѣ, надъ подваломъ, куда «бомбисты» могутъ подложить свои адскія машины и взорвать все... это невозможно!» Когда мы вошли въ комнаты, онъ объявилъ, что «въ такихъ клѣтушкахъ съ крашеной деревянной мебелью князь никогда не согласится жить».

Его пугала не только уединенность и простота зданія. Какъ оказалось, ему было достовѣрно извѣстно, что шведоманы, эти злобные и скверные люди, рѣшили погубить его добраго барина, которому онъ служилъ всю свою жизнь, какъ это они сдѣлали съ прежнимъ генераль-губернаторомъ...

Мнѣ стоило большого труда успокоить бѣднягу и растолковать ему, что предшественникъ его барина былъ первый и единственный въ его положеніи человекъ въ Финляндіи, навлекшій на себя ненависть всей страны. «Кстати,—прибавилъ я: я самъ одинъ изъ этихъ злобныхъ и скверныхъ шведомановъ, такъ что...»

Малый рано всталъ—и притомъ, навѣрно, съ лѣвой ноги. Такъ какъ онъ былъ натошакъ, я взялъ его съ собою въ городъ, повелъ его въ столовую общества трезвости и велѣлъ хорошенько его накормить. Душевное равновѣсіе вѣдь часто зависитъ отъ желудка.

* * *

Въ тотъ самый день—это было 16 іюня,—когда покойный генераль-губернаторъ Бобриковъ долженъ былъ переѣхать въ виллу Бьельбу, специально купленную и отдѣланную для мѣсто-пребыванія начальника края, его постигла смерть на крыльцѣ зданія Сената. Насколько я знаю, ему такъ и не удалось переступить порога своей дачи. Она была отдѣлана по рецепту: «просто, какъ походный бивуакъ». Никакихъ украшеній, ни

мягкой мебели, лампы, люстры, кухонной посуды, ковровъ и пр. ничего нельзя было взять изъ императорскаго дворца или изъ генераль-губернаторскаго дома. Но, едва сдѣлалось извѣстнымъ назначеніе кн. Оболенскаго, какъ ко мнѣ явился полковникъ Львовскій и на ломаномъ шведскомъ языкѣ, хотя и съ стокгольмскимъ выговоромъ, сказалъ: «Вамъ придется заново передѣлать всю дачу. Теперь она похожа на бивуакъ и годилась для прежняго генераль-губернатора, который былъ... Ее нужно превратить въ chalet¹⁾ для важнаго русскаго барина—вѣдь кн. Оболенскій ведетъ свой родъ отъ Рюрика».

Что было хорошо для выскочки, то не годилось для кн. Оболенскаго. Не желая вновь утруждать сенатъ, я рѣшилъ дожидаться князя, чтобы онъ самъ опредѣлилъ и выхлопоталъ необходимыя суммы. Кн. Оболенскій прибылъ въ назначенный день и часъ, 18 августа, и съ вокзала проѣхалъ прямо въ русскій соборъ, оттуда въ Николаевскую церковь, гдѣ епископъ Робертъ привѣтствовалъ его словами изъ священнаго писанія, которыхъ князь не забылъ.

Изъ церкви онъ отправился во дворецъ, гдѣ принялъ представителей вѣдомствъ и корпорацій. Потомъ помчались на виллу, гдѣ его ждалъ лукулловскій déjeuner-dinatoire²⁾, который шелъ самымъ ускореннымъ темпомъ, такъ какъ черезъ два часа князю предстояло ѣхать въ такъ наз. Обускія казармы для приѣма русскихъ военныхъ властей. Князь, какъ вихрь, влетѣлъ въ виллу, бѣгло осмотрѣлся кругомъ, ласково поздоровался со мною и нѣсколько разъ поблагодарилъ меня за то, что я принялъ участіе въ его камердинерѣ и успокоилъ его. Послѣ этого онъ хлопнулъ въ ладоши и закричалъ: «Къ столу, господа, къ столу!» Онъ взялъ меня подъ руку и посадилъ рядомъ съ собою. Насъ, гостей, было всего человѣкъ шесть-семь, всѣ въ парадной формѣ. Впервые послѣ десятилѣтняго перерыва я вновь сидѣлъ за столомъ у финляндскаго генераль-губернатора. Въ послѣдній разъ это было при гр. Гейденѣ, наканунѣ открытія памятника императору Александру II.

Завтракъ прошелъ безпорядочно и забавно. Ъли по немногу отъ всѣхъ блюдъ и все въ перемежку. Князь приказалъ подать сладкое и сухое шампанское и финскую водку: «она страшно крѣпкая и вкусная». Какъ будто дѣло происходило въ офицерскомъ казино въ Красномъ Селѣ, при командирѣ баронѣ Г. Аминовѣ. Князь чистосердечно признавался намъ, что онъ никакъ не ожидалъ, чтобы въ такомъ небольшомъ городѣ могли нахо-

¹⁾ Пастушью хижину. К. Т.

²⁾ Большой сытный завтракъ. К. Т.

дятся такіе значительные лица, какъ тѣ, которые ему представлялись, такія великолѣпныя церкви и залы. Онъ бывалъ въ Гельсингфорсѣ молодымъ лейтенантомъ, и отъ того времени у него осталось воспоминаніе о городѣ, какъ о «*bicoque*»¹⁾. Обратившись ко мнѣ, онъ сказалъ: «Такихъ прелатовъ, какъ этотъ (Робертъ),—онъ говорилъ и держался, какъ настоящій *abbé*, *finement, d'une manière rusée* ²⁾,—такихъ я давно не видывалъ».

Пришла депеша. Адъютантъ, баронъ ванъ-деръ-Ховенъ, вышелъ, чтобы принять ее. Въ пріемной онъ увидѣлъ главнаго начальника по дѣламъ печати, графа Крунъельма, страдавшаго жестокой сахарной болѣзнію. Видъ у него былъ торжественный. Послѣ безчисленныхъ поклоновъ и упрасиваній, его заставили сѣсть и быть гостемъ.

Мы съ княземъ обмѣнивались любезностями. Онъ сказалъ: «Вы—не финнъ; вы изъ Нормандіи или изъ Артуа, изъ бѣлокураго племени сѣверныхъ французовъ». Когда я протестовалъ, онъ сталъ утверждать, что я—шведъ. Я соглашался, что я, правда, шведоманъ, но финнъ, настоящій финнъ.

Я съ своей стороны утверждалъ, что князь—не русскій. «Ваше превосходительство напоминаетъ мнѣ уроженца южной Италіи или, если позволите, Корсики! Да! Простите, но оттуда же родомъ былъ великій Наполеонъ».

— Вы отчасти правы: по матери я дѣйствительно принадлежу къ латинской расѣ; моя мать румынская княжна Стурдза; она осенью пріѣдетъ сюда.

Завтракъ подходилъ къ концу. Начальникъ канцеляріи уже испросилъ разрѣшеніе удалиться. Князь обратился ко мнѣ съ поднятымъ бокаломъ и сказалъ: «Вы мой первый гость въ Финляндіи—добро пожаловать! Вы приняли участіе въ моихъ служящихъ—благодарю васъ! Вы можете всегда разсчитывать на мою благодарность и признательность». И мы чокнулись. «Теперь или никогда,—подумалъ я: теперь въ присутствіи начальника по дѣламъ печати, лучше всего будетъ сказать это». И я сказалъ нѣсколько словъ, которыя не были экспромптомъ. «Повлю васъ на словъ, ваше сіятельство. Я не только архитекторъ, но и писатель. Мнѣ хотѣлось-бы попросить васъ, ваше превосходительство, поговорить съ моимъ старымъ противникомъ, сидящимъ вонъ тамъ у стола, графомъ Крунъельмомъ. Вся финляндская пресса въ безвыходномъ положеніи. Возьмите ее подъ вашу защиту, и страна будетъ вамъ благодарна. Между прочимъ, одна финская газета, интересующая меня, «*Päivälehti*», запрещена

¹⁾ Жалкая деревушка. К. Т.

²⁾ Аббатъ, тонкій, съ хитрымъ подходомъ. К. Т.

цензурой. Дайте свободу ей и всей печати, и вы увидите, что тревожное настроеніе въ Финляндіи уляжется».

Князь задумался. Онъ долго раскуривалъ сигару и сказалъ: «То же самое говорилъ мнѣ недавно одинъ изъ вашихъ земляковъ; полковникъ Георгъ Фрасеръ. Вы его знаете. Я подумаю объ этомъ дѣлѣ. Приходите ко мнѣ послѣ обѣда, мы поговоримъ объ этомъ, да заодно и еще кое-о-чемъ... у меня въ домѣ нѣтъ ни одной лампы, какъ докладываетъ мнѣ прислуга. Но,—добавилъ онъ, насмѣшливо глядя на меня своими бойкими, живыми, темными глазами: вѣдь вы шведоманъ, какъ вы давеча сказали; какъ же вы хлопчите за финноманскую газету? Мнѣ говорили; что обѣ эти партіи терпѣть не могутъ другъ друга».

«Свобода печати выше всякихъ партій. Я говорилъ въ защиту многихъ финскихъ газетъ, и у меня много друзей въ финской партіи».

Слѣдуетъ замѣтить, что съ гр. Крунъельмомъ мы почти два года не разговаривали и даже не здоровались. Теперь онъ повернулъ ко мнѣ свое некрасивое мертвенное лицо и сказалъ:

«Премного тебѣ благодаренъ за эти слова. Можешь сказать князю, что и цензора будутъ рады, если тебѣ удастся это предпріятіе».

Оно удалось.

Я былъ у князя послѣ обѣда и произнесъ ту же самую небольшую рѣчь, которую нѣсколько лѣтъ тому назадъ говорилъ предъ Бобриковымъ. Но теперь мои слова попали на добрую почву. Такъ какъ рѣчь моя была небольшая, то я приведу ее здѣсь.

«Въ каждомъ обществѣ могутъ существовать только такія газеты, которыхъ сно само хочетъ. Публика не будетъ подписываться на тѣ газеты, которыя ей не нравятся. Если она узнаетъ въ газетѣ свои взгляды, то газета идетъ; въ противномъ случаѣ никакое правительство, никакая власть на землѣ не въ состояніи поддержать ее... короче говоря—«nous faisons nos idoles l'après nous mêmes, et nous nous vénérons nous mêmes dans nos idoles» ¹⁾ То, о чемъ нельзя говорить въ разрѣшенныхъ газетахъ, будетъ печататься въ подпольныхъ изданіяхъ; они будутъ читаться всѣми и возбуждать особенный интересъ, какъ запретный плодъ; имъ будутъ вѣрить, такъ какъ ихъ невозможно опровергать, и они будутъ порождать мысли, которыя могутъ сдѣлаться фанатическими. Колебаться въ выборѣ между этими двумя системами—

¹⁾ Мы создаемъ себѣ своихъ кумировъ по собственному прообразу и почитаемъ себя самихъ въ нашихъ кумирахъ. *К. Т.*

чистѣйшій абсурдъ, какъ показываетъ вся исторія западной Европы».

Долгій жизненный опытъ выработалъ во мнѣ твердое убѣжденіе въ томъ, что, когда вы говорите съ образованнымъ русскимъ человѣкомъ о свободѣ печати и конституціонализмѣ, онъ понимаетъ васъ только до тѣхъ поръ, пока вы съ нимъ говорите; потомъ—пиши пропало. Исключеніе составляютъ только Таганцевъ, Милюковъ, Петрункевичъ и нѣк. др.¹⁾ То же случилось и съ княземъ Оболенскимъ. Онъ слушалъ меня съ любезной, но насмѣшливой миной, потомъ отвѣчалъ серьезнымъ тономъ: «Да, такова ваша мысль, и такъ смотрятъ на дѣло въ западной Европѣ; но здѣсь—и онъ показалъ на востокъ—здѣсь говорятъ совсѣмъ другое, и я поставленъ на этотъ постъ, чтобы говорить такъ, какъ говорятъ здѣсь. Вы должны знать, что моя власть не безгранична. Что касается вашей прессы, то я согласенъ: мой предшественникъ, особенно по отношенію къ шведской печати, зашелъ слишкомъ далеко, и я имѣю право облегчить узы печати».

Въ этихъ словахъ, которыя я въ тотъ же день записалъ, заключалось ядро всей его политической программы. Такъ какъ онъ былъ человѣкъ, хотя и доброжелательный, но слишкомъ мягкій, чувствительный и слабый, то на него можно было дѣйствовать, говоря все открыто, взывая къ его благородству и прежде всего указывая на ту память, какую онъ оставитъ послѣ себя въ исторіи Финляндіи. Я близко наблюдалъ за ходомъ дѣлъ и имѣю право сказать, что на мой взглядъ—именно въ этомъ отношеніи финляндцы не одинъ разъ дѣлали промахъ. Часто казалось, что они какъ будто-бы чувствуютъ паническій страхъ передъ представителемъ русской власти. Правда, на торжественныхъ аудіенціяхъ они говорили «по всей формѣ», т.-е. ссылаясь на свою отвѣтственность, взывая къ законамъ и распоряженіямъ. Между тѣмъ нельзя забывать, что, говоря съ русскими, слѣдуетъ взывать къ гуманности и благородству; у русскаго человѣка большое и горячее сердце, но русская логика хромаетъ...

На другой день послѣ моего разговора съ княземъ къ нему явились Ц. Кастренъ и Х. Ренвалль и начали говорить о томъ же самомъ дѣлѣ, котораго касался и я, т.-е. о гоненіи на повседневную прессу, въ частности, на «Päivälehti». Ренвалль получилъ разрѣшеніе открыть новую младофинскую газету и послѣ двухъ другихъ визитовъ ему былъ данъ «патентъ» на изданіе той газеты, которая теперь называется «Helsingin Sanomat»²⁾.

¹⁾ Это мѣсто доказываетъ, какъ мало даже передовые люди въ Финляндіи знакомы съ прогрессивными настроеніями русскаго общества. *К. Т.*

²⁾ Главный органъ младофинской партіи. Тиражъ около 50,000 экз. *К. Т.*

* * *

Весною 1904 года на дачѣ въ Бьельбу происходили садовые работы. Въ качествѣ интенданта, я поселился дня на два въ нѣкоторыхъ комнатахъ, чтобы наблюдать за работами въ паркѣ и въ саду, такъ какъ я съ самаго дѣтства всегда былъ страстнымъ садоводомъ. Я захватилъ съ собою цѣлую кипу справочныхъ книгъ и въ томъ числѣ «Исторію Финляндіи» Шюбергсона, въ двухъ объемистыхъ томахъ. При возвращеніи въ городъ, я забылъ на дачѣ второй томъ этого сочиненія, и онъ нашелся только послѣ прибытія князя. Онъ самъ передалъ мнѣ книгу и сказалъ при этомъ: «я просматривалъ вашу исторію и нашелъ въ ней имена своихъ предшественниковъ (послѣдній изъ нихъ—Адлербергъ). На мою долю выпала не легкая задача». Князь обладалъ способностью быстрого соображенія и былъ болѣзненный человекъ (никто бы не повѣрилъ этому, видя его здоровый цвѣтъ лица); онъ хорошо зналъ, что ему долго не прожить. Онъ понималъ, что въ исторіи Россіи онъ будетъ забытъ на другой же день послѣ своей смерти. Въ исторіи Финляндіи онъ могъ себя обезсмертить. Въ Россіи генераль-губернаторъ, можно сказать, ничего не значить... Этотъ экземпляръ исторіи Финляндіи заставилъ его задуматься. Онъ удивлялся размѣрамъ книги, спрашивалъ, существуетъ ли ея переводъ на русскій или французскій языкъ. Затѣмъ разговоръ перешелъ къ другой темѣ. Когда я уходилъ, онъ показалъ на книгу, которая была у меня въ рукахъ, и сказалъ приблизительно слѣдующее: «я явился сюда неприготовленнымъ, по требованію обстоятельствъ... Интересно бы знать, что будетъ нѣкогда написано въ этой книгѣ о князѣ Иванѣ Оболенскомъ».

* * *

Мы съ княземъ производили измѣренія въ комнатахъ его дачи, чтобы найти мѣсто для новой мебели, когда доложили о прибытіи депутаціи отъ старо-финновъ. Князь попросилъ меня обождать, пока онъ будетъ принимать депутацію. Она состояла изъ суометаріанъ ¹⁾, избранныхъ отъ четырехъ сословій, заседающихъ въ сеймѣ. Депутація, естественно, желала подчеркнуть, что суометаріане—самая солидная правительственная партія въ Финляндіи, съ которою ему предстоитъ войти въ соглашеніе, и которая въ своей стороны готова идти объ руку съ правящей властью. Изъ комнаты, въ которой я находился, я могъ наблюдать почти всю церемонію; я слышалъ рѣчь, сказанную І. Югансономъ,

¹⁾ Старофинская партія, прозванная такъ по своему органу «Suometar»

и одно мѣсто въ этой рѣчи меня разсердило. Епископъ сказалъ что наше общество охвачено ужасомъ по случаю убійства предшественника кн. Оболенскаго. Это была неправда. Сенаторъ Вуоренхеймо перевелъ рѣчь на русскій языкъ, и князь отвѣчалъ на нее. Онъ говорилъ экспромптомъ, но необыкновенно легко и ясно. Депутація въ свое время возвратилась въ городъ.

Когда мы опять вернулись къ вопросу о мебели, князь обратился ко мнѣ и, устремивъ на меня свой пронизательный взоръ спросилъ: «этотъ «ужасъ» (horeur), о которомъ говорилъ епископъ, дѣйствительно былъ такъ великъ?... Вы знаете что-нибудь объ этомъ?»

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я: скорѣе, это было нѣкоторое изумленіе (stupefaction), которое скоро прошло, такъ какъ покойнаго генераль-губернатора не любили: онъ безъ должнаго вниманія относился къ важнымъ злополучнымъ вопросамъ. Таково было истинное положеніе вещей. Его смерть была освобожденіемъ. Я самъ могу служить примѣромъ. Мой старшій сынъ, служившій въ финляндскихъ войскахъ, лишился мѣста и долженъ былъ взяться за дѣло, которое ему не по душѣ; младшій мой сынъ навсегда уѣхалъ изъ Финляндіи, къ великому прискорбію моему и матери... Можно ли не радоваться освобожденію отъ человѣка, который причинилъ жителямъ Финляндіи неисчислимые несчастья такого рода?

Я былъ очень взволнованъ, употреблялъ сильныя выраженія... и закончилъ словами: «Это была не жизнь, а адъ кромѣшный».

Князь самъ былъ взволнованъ. «Cher monsieur,—сказалъ онъ дружески, подавая мнѣ стаканъ съ зельтерской водой: pas un enfer, seulement un purgatoire, tout sera encore bien» ¹⁾. Пока я приходилъ въ себя, онъ стоялъ у окна, барабани пальцами по стеклу и съ задумчивымъ видомъ разсматривая чудный ландшафтъ, озаренный лучами вечерняго солнца. Потомъ, повернувшись ко мнѣ, онъ сказалъ: «Me voilà dans une terrible position... je m'en vais si on demande trop de l'une ou de l'autre côté» ²⁾. Какъ извѣстно, онъ такъ и сдѣлалъ.

* * *

Спустя два дня послѣ описаннаго эпизода князь предпринялъ объѣздъ Финляндіи. По одному дѣлу мнѣ пришлось пробыть нѣсколько часовъ въ Обу въ то самое время, когда онъ, на об-

¹⁾ Не адъ, а чистилище, все будетъ опять хорошо. К. Т.

²⁾ Въ какомъ ужасномъ положеніи я очутился. Если будутъ ставить слишкомъ большія требованія съ той или другой стороны,—я уйду... К. Т.

ратномъ пути изъ сѣверной Финляндіи, посѣтилъ этотъ городъ. Между прочимъ, онъ былъ въ соборной церкви, и въ прежнемъ зданіи университета. Я встрѣтилъ его въ тотъ моментъ, когда онъ вмѣстѣ съ своей свитой разсматривалъ статую Пера Брахе ¹⁾ и велѣлъ перевести ему великолѣпную надпись, сдѣланную на ней. Переводъ былъ сдѣланъ не вполне точно. Я зналъ, что нашимъ противникамъ эта статуя всегда колола глаза, и надпись на ней, взятую изъ дневника Пера Брахе—«Я былъ доволенъ страной, и страна была довольна мною»—они считали весьма неудачной, отчасти потому, что она могла быть употреблена въ качествѣ реплики, какъ *argumentum ad hominem*, но прежде всего потому, что они находили ее черезъ-чуръ кокетливой по отношенію къ какимъ-то «подданнымъ». Я спросилъ его, какъ ему нравится монументъ. Онъ нашелъ, что статуя превосходна, можетъ быть, нѣсколько «bouffant», но это въ духѣ того времени; теперь такая статуя не годилась бы для генералъ-губернатора.

— Что вы скажите о надписи?

— Но вѣдь она согласна съ исторіей?

— Да, конечно.

— Въ такомъ случаѣ она вполне уместна.

* * *

Возвратившись изъ своей поѣздки, кн. Оболенскій вызвалъ меня къ себѣ. Дѣло касалось все того же мебельнаго вопроса. Онъ ждалъ пріѣзда своей супруги и матери; помѣщеніе было «прелестно, но требовалось прибавить мебели». Мы сидѣли на террасѣ и пили кофе. Онъ, какъ всегда, былъ очень оживленъ и съ жаромъ рассказывалъ о своей поѣздкѣ, о томъ, какъ хорошо его принимали, какую высокую культуру нашелъ онъ даже въ самыхъ глухихъ мѣстностяхъ. Никакой ненависти къ русскимъ онъ нигдѣ не встрѣчалъ; онъ спрашивалъ даже русскихъ купцовъ, гдѣ это было нужно, но и они ничего не знали объ этомъ. Что касается, наконецъ, города Обу, то онъ въ такомъ же восхищеніи отъ него, въ какомъ былъ нѣкогда гр. Гейденъ. По этому поводу онъ даже сказалъ по-русски слѣдующій каламбуръ. «Я бы ничего не имѣлъ противъ того, чтобы вмѣсто «генералъ-губернаторъ Оболенскій» быть «губернаторомъ Обуленскимъ» ²⁾. Все это онъ собирался передать государю.

¹⁾ Брахе былъ генералъ-губернаторомъ Финляндіи въ 1637—41 г. и 1648—54 г. Время его управленія является одной изъ счастливѣйшихъ эпохъ Финляндіи, съ которой между прочимъ связано и открытіе университета въ Обу, переведеннаго потомъ въ Гельсингфорсъ. *Ж. Т.*

²⁾ Ленъ по-шведски значитъ «губернія».

* * *

Наступила осень, князь переѣхалъ въ городъ, и мнѣ уже не приходилось имѣть съ нимъ дѣла по службѣ, почему я довольно рѣдко встрѣчался съ нимъ. Собственно, это случалось только тогда, когда начинала свирѣпствовать цензура. Тогда я отправлялся къ нему, когда одинъ, когда въ качествѣ провожатаго съ редакторами изъ разныхъ мѣстъ Финляндіи, и говорилъ безъ устали все объ одномъ и томъ же, о свободѣ слова, которая стала для меня святыней,—святыней, къ которой—увы, глухо сердце каждаго русскаго чиновника...

Обыкновенно мнѣ удавалось только отчасти улаживать дѣло. Князь утверждалъ, что онъ самъ находится подъ надзоромъ. Окружающіе не раздѣляли его либеральныхъ воззрѣній. Они были убѣжденными сторонниками цензуры, этого бессмысленнѣйшаго изъ всѣхъ человѣческихъ установленій. И въ самомъ дѣлѣ, разумъ можетъ ошибаться, и только глупость непогрѣшима. Разъ, когда цензура стала непозволительно придирчива по отношенію къ нѣкоторымъ финскимъ газетамъ, мы съ редакторомъ А. Френкелемъ отправились къ князю. Френкель очень умно и смѣло, какъ подобаетъ истинному джентльмену, указалъ на чрезвычайныя затрудненія, съ которыми приходится бороться газетной прессѣ. Князь выслушалъ его, потомъ вынулъ изъ ящика пачку русскихъ газетъ и листовъ и бросилъ ее на столъ.

— Вотъ видите, господа, эти русскія газетки; я и не подозревалъ о ихъ существованіи; мнѣ ихъ прислали изъ различныхъ мѣстностей Россіи. Я нахожу въ нихъ злобныя, враждебныя статейки обо мнѣ, которыя всѣ толкуютъ о томъ, что я оставилъ единственно вѣрный путь по отношенію къ Финляндіи... тотъ путь, по которому слѣдовалъ мой предшественникъ... Что вы, господа, считаете слишкомъ строгимъ, несправедливымъ и несноснымъ, у нихъ на это діаметрально противоположный взглядъ. Большая часть этихъ статей очень колки и съ такимъ яркимъ мѣстнымъ впечатломъ, что сразу можно понять, откуда онѣ исходятъ. Я говорю вамъ все это съ тѣмъ, чтобы вы согласились, что я нахожусь въ положеніи чловѣка, сѣвшаго между двухъ стульевъ. Увѣряю васъ господа, что мое положеніе тяжело, чѣмъ вы думаете.

* * *

Однажды князь послалъ за мною. Предстояло утвердить проектъ новаго зданія вокзала. Чертежи лежали раскрыты на его столѣ, онъ съ серьезнымъ видомъ рассматривалъ ихъ и, когда я вошелъ, сказалъ: «Что вы скажете объ этомъ? Находите-ли

вы это красивымъ?»—«Я тутъ не при чемъ; это ужъ вы сами рѣшайте. Скажу, что интересно, оригинально; можетъ быть, выйдетъ красиво».

— Mais ce candelabre ¹⁾—и онъ указалъ на башню—его бы я убралъ.

Какъ я ни ненавижу эти глупыя и дорого стоящія башни, которыя своей нелѣпой и безобразной формой такъ же подходятъ къ Гельсингфорсу, какъ къ коровѣ сѣдло, но тутъ я произнесъ подходящую рѣчь въ защиту башни архитектора Э. Саариненъ.

Князь не хотѣлъ соглашаться, особенно потому, что—какъ онъ узналъ—эта башня обошлась бы въ сто тысячъ марокъ. Онъ желалъ бы видѣть проектъ безъ башни, такъ какъ—говорилъ онъ—«когда что-нибудь дорого стоитъ и не нужно, то не слѣдуетъ и защищать этого. Архитекторы прежде всего должны подчиняться принципу здоровой экономіи». Освободившіяся при этомъ суммы онъ хотѣлъ употребить на расширеніе главнаго подъѣзда императорскаго дворца.

Тогда я попросилъ разрѣшенія письменно изложить мои доводы въ пользу сохраненія башни. Онъ согласился, и въ тотъ же день я отправилъ къ нему свою записку, въ которой говорилъ, что башня, ненужная для зданія, будетъ имѣть значеніе для площади, какъ campanile на площади св. Марка въ Венеціи. Кромѣ того, нужно принять во вниманіе, что проектъ былъ представленъ на общій конкурсъ, одобренъ безпристрастнымъ жюри, исполненъ художникомъ, котораго я ставлю очень высоко. Князь былъ недоволенъ моей запиской и сдѣлалъ замѣчаніе, изумившее меня своей тонкостью. «Парижъ—сказалъ онъ—красивѣйшій городъ въ свѣтѣ, и Площадь Согласія прекраснѣйшее мѣсто въ этомъ городѣ городовъ. Въ Парижѣ едва-ли найдется хотя одна башня, о которой стоило-бы говорить, и съ Площади Согласія не видно ни одной. Много-ли башенъ напр. во Флоренціи, однако этотъ городъ долженъ бы служить образцомъ для архитекторовъ».

Въ подтвержденіе своихъ словъ, онъ открылъ путеводитель по Парижу и показалъ мнѣ нѣсколько видовъ Карусельной площади—и, въ самомъ дѣлѣ, на этихъ снимкахъ не оказалось ни одной башни.

Когда однако, ему было указано, что въ виду господствующихъ вкусовъ и при рѣшеніи вопроса о постройкѣ, требующаго извѣстной поспѣшности, было-бы нежелательно отрицательное отношеніе къ проекту, онъ отказался отъ своего первоначальнаго рѣшенія—потребовать новый проектъ фасада, безъ башни..

¹⁾ Но этотъ подсвѣчникъ.... К. Т.

* * *

Въ февралѣ 1904 г. Японія совершила свое яростное нападеніе на русскій флотъ въ Портъ-Артуръ...

Чтобы имѣть по возможности достовѣрныя извѣстія, я рѣшилъ однажды, будучи въ Стокгольмѣ, по соглашенію съ начальникомъ шведскаго телеграфнаго бюро, докторомъ Г. Лундстремомъ, и однимъ моимъ пріятелемъ завести простую шифровую систему лично для меня, касательно военныхъ телеграммъ. Когда русская телеграмма бывала неясною или неправдоподобною, мнѣ стоило только протелеграфировать одно слово, и, несмотря на всю бдительность цензуры, я получалъ изъ Стокгольма нужный отвѣтъ, вѣрный и непогрѣшимый, такъ какъ мои корреспонденты находились въ наилучшихъ отношеніяхъ съ японскимъ министромъ. Благодаря этой простой системѣ, я во многихъ случаяхъ былъ наилучше освѣдомленнымъ по военнымъ вопросамъ лицомъ въ нашей мѣстности. Это заставило меня однажды провести нѣсколько непріятныхъ минутъ у кн. Оболенскаго.

Я былъ приглашенъ на обѣдъ къ одному важному финляндскому сановнику. Хотя среди гостей было много молодыхъ дамъ, но ни любезничанье, ни флиртъ никому и въ голову не приходили. Афродита и эроты были изгнаны изъ нашего общества, царили Марсъ и Тиртей. Говорили исключительно о войнѣ; война была альфой и омегой. И наяву и во снѣ мы думали о ней. Прошелъ почти годъ съ той бурной февральской ночи, когда совершилось памятное нападеніе на Портъ-Артуръ. Мы пережили бои при Ялу, всѣ эти ужасныя сраженія на сушѣ и на морѣ, но души наши еще не утратили своей эластичности. Съ нами было то же, что съ римлянами, находившими своеобразное наслажденіе въ потрясающихъ цирковыхъ зрѣлищахъ; наши нервы, наша мысль изо дня въ день впитывала въ себя напряженную энергію тревоги. Въ числѣ гостей былъ, если не ошибаюсь, одинъ изъ адъютантовъ Куропаткина; онъ близко наблюдалъ сраженія, зналъ многихъ изъ тѣхъ генераловъ, о которыхъ говорилось въ телеграммахъ, и щеголялъ своей освѣдомленностью. Что японцы въ концѣ-концовъ будутъ разбиты, въ этомъ онъ не сомнѣвался. Только теперь русская армія окончательно сформирована и приведена въ полную готовность; какъ разъ въ эти дни она превратилась въ грозную силу. Настоящая война только что начинается, и разбитые японцы будутъ изгнаны изъ Манчжуріи, и притомъ въ самомъ непродолжительномъ времени.

— Да, съ этимъ нужно поторопиться. Если будетъ взятъ Портъ-Артуръ, то вся японская армія будетъ свободна и готова къ дѣйствію, и тогда...

— Портъ-Артуръ никогда не будетъ взятъ. Слышите-ли? Никогда!

Онъ разгорячился и началъ излагать—и не безъ таланта—свои доводы, почему онъ вѣрилъ въ побѣду русской арміи. Замѣтивъ однако, что большая часть гостей держались другого взгляда, онъ началъ горячиться, такъ что разговоръ принялъ такой тонъ и такую форму, которые были уже неумѣстны.

Въ это время раздался долгій и сильный звонокъ въ телефонъ. Служитель позвалъ меня къ докучливому аппарату, который забыли закрыть. Оказалось, что ко мнѣ на квартиру пришла спѣшная телеграмма, и спрашивали, нужно-ли ее мнѣ переслать. Я попросилъ вскрыть телеграмму и прочиталъ ее мнѣ въ телефонъ. Въ ней оказалось слѣдующее: «Продается мраморъ, известка, кирпичъ. Хоканъ». Это означало, что Портъ-Артуръ палъ, Стесель взятъ въ плѣнъ, и флотъ въ рукахъ японцевъ...

Только тотъ, кто пережилъ это время, можетъ вполне понять, какой неслыханный эффектъ эта новость должна была произвести на всѣхъ. Я помню, что, возвратившись къ своему мѣсту, я думалъ: это слишкомъ трагично, чтобы быть правдоподобнымъ. Жизнь рѣдко подаетъ такіе неожиданныя реплики а-ля В. Сарду; адъютантъ только что утверждалъ, что Портъ-Артуръ никогда не будетъ взятъ. Являясь теперь съ извѣстіемъ, которое японское информационное бюро сообщило въ Стокхольмъ, и которое тотчасъ же было передано моему пріятелю Хокану Лундстрему въ шведское телеграфное бюро, я... Я чувствовалъ, что отъ волненія у меня на щекахъ выступили красныя пятна, когда я возвращался къ своему мѣсту. Наискосокъ отъ меня сидѣлъ директоръ банка***, который слѣдилъ за моимъ споромъ съ адъютантомъ; онъ вопросительно взглянулъ на меня...

— Ну, сказалъ я: Портъ-Артуръ палъ, Стесель въ плѣну, флотъ въ рукахъ непріятеля.

— Это невозможно,—возразилъ капитанъ.

— Неужели это правда?—спросилъ директоръ банка.

— Чистая правда.

За столомъ произошелъ переполохъ. Новость была передана въ сосѣднюю комнату, и я получилъ отъ князя приглашеніе явиться къ нему послѣ обѣда. Такъ какъ обѣдъ былъ парадный, и настроеніе очень оживленное, то я имѣлъ возможность явиться въ генераль-губернаторскій дворецъ не ранѣе девяти часовъ.

Князь подошелъ ко мнѣ быстрымъ эластическимъ шагомъ и подаль мнѣ кипу телеграммъ со словами: «Voilà mes menues¹⁾».

¹⁾ Князь каждый день получалъ телеграммы, напечатанныя плохимъ шрифтомъ и на плохой бумагѣ. Онѣ содержали въ себѣ безпорядочную кучу такъ наз. важныхъ новостей. На верхнемъ краю иногда стояла надпись «секретно». Онъ называлъ ихъ своими меню.

Здѣсь ничего не говорится о томъ, что вы сообщили о Портъ-Артурѣ». Онъ былъ, видимо раздраженъ. «Позвольте спросить, откуда вы получили эти извѣстія?».

Прежде чѣмъ итти къ князю, я забѣжалъ домой, чтобы взять телеграмму. Я вынулъ ее и прочиталъ ему: «Продается мраморъ, известка, кирпичъ. Хоканъ». На условномъ языкѣ, который мы приняли съ моимъ пріятелемъ въ Швеціи, это означаетъ то, что я сказалъ».

— А, ба! Развѣ въ Швеціи знаютъ больше объ этихъ вещахъ, чѣмъ мы?

— Прежній японскій военный атташе въ Петербургѣ теперь находится въ Стокхольмѣ. Онъ извѣстенъ всѣмъ за абсолютно честнаго человѣка. Сдача Портъ-Артура не заключаетъ въ себѣ ничего постыднаго; крѣпость—взята съ боя; стойкость и мужество русскихъ офицеровъ и солдатъ—выше всякихъ похвалъ.

Когда я прибавилъ къ сказанному нѣсколько восторженныхъ словъ о генералѣ Стеселѣ, то, къ величайшему своему изумленію, услышалъ такое выраженіе, которое показалось мнѣ совершенно немыслимымъ по отношенію къ такому прославленному герою. Это выраженіе не можетъ быть напечатано, но оно давало понятъ—на этомъ князь настаивалъ—что Стесель былъ болѣе, чѣмъ... простой трусъ.

* * *

Русская армада вышла изъ Либавы подъ командой адмирала Рождественскаго, чтобы вступить въ бой съ побѣдоносной Японіей. Это было началомъ предпріятія, подобнаго которому, насколько мнѣ извѣстно, еще не бывало въ исторіи. Выступленіе испанской Непобѣдимой Армады противъ Англіи было дѣтской игрой въ сравненіи съ этимъ походомъ. Вся Европа съ напряженіемъ слѣдила за нимъ. Большой по количеству, но набранный изъ никуда негодныхъ судовъ, флотъ отправлялся въ кругосвѣтное плаваніе, чтобы напасть на непріятеля, о которомъ всѣ знали, что его флотъ изъ хорошаго матеріала, и экипажъ его состоитъ изъ прекрасныхъ моряковъ. Недѣля за недѣлей, мѣсяцъ за мѣсяцемъ можно было наблюдать за ходомъ драмы; это увеличивало напряженіе со скоростью, которая подъ конецъ дѣйствовала на нервы, подобно лихорадочнымъ симптомамъ. Прискорбный инцидентъ у Доггербанка, неудачи у восточнаго берега Африки, безнадежная остановка въ индокитайскихъ водахъ и въ бухтѣ Камранъ среди протестовъ Японіи и неловкихъ извиненій Франціи—придавали этой авантурѣ еще болѣе красокъ и жизни. И наконецъ, ужасная катастрофа...

Легко можно понять, съ какими чувствами князь Оболенскій долженъ былъ слѣдить за судьбой русскаго флота... Онъ самъ былъ морскимъ офицеромъ, получилъ воспитаніе въ той же самой школѣ и на тѣхъ же самыхъ судахъ, гдѣ и большая часть тѣхъ лицъ, которые стояли теперь во главѣ этого смѣлаго, даже какъ говорили нѣкоторые, безразсуднаго предпріятія. Было чрезвычайно интересно слушать его рассказы о различныхъ пунктахъ, гдѣ флотъ отдыхалъ, о людяхъ, стоявшихъ во главѣ этихъ «послѣднихъ жалкихъ остатковъ морскихъ силъ» Россіи. Было совершенно ясно, что князь не имѣлъ никакого довѣрія къ младшей командѣ флота. Изъ этихъ бесѣдъ я узналъ большую часть того, что впоследствии стало извѣстно о теплой кампаніи, состоявшей изъ Безобразова, контръ-адмирала Абазы и Вонлярлярскаго. Въ Финляндіи былъ въ это время еще одинъ важный сановникъ, который не щадилъ словъ, когда дѣло касалось этого предмета, но въ его рѣзкихъ рѣчахъ совсѣмъ не слышалось того горя и тревоги, которыми были проникнуты слова кн. Оболенскаго, и которыя возбуждали во мнѣ симпатію и ко всему тому, что онъ сообщалъ, и къ нему самому.

Благодаря своему свѣтлому уму, онъ давно уже отчасти видѣлъ, отчасти инстинктивно предугадывалъ морскую панаму въ Петербургѣ. Поэтому въ вопросѣ о результатахъ войны онъ былъ совершенно свободенъ отъ всякаго шовинизма, и въ то же время онъ былъ увѣренъ въ томъ, что русскія войска изъ средней и сѣверной Россіи исполнять свой долгъ, не останавливаясь ни передъ какими случайностями, даже передъ лицомъ смерти и уничтоженія. Напротивъ, къ людямъ изъ мѣстностей около Одессы и Крыма онъ не питалъ довѣрія, называя ихъ шайкой мерзавцевъ, бродягъ и негодяевъ. Вотъ почему онъ съ мрачнымъ стоицизмомъ ждалъ приближенія развязки. Ясно и точно предсказывалъ онъ будущее мѣсто неизбежной катастрофы на прѣвосходной картѣ, которую я по его указанію купилъ ему...

Однако было почти невозможно имѣть въ это время вѣрныя извѣстія о томъ, что происходило тамъ, въ странахъ востока. Цензура бдительно слѣдила за всѣми нами. Еще 13 (26) мая наши газеты толковали о побѣдѣ у Формозы. Однажды—это было, кажется 17 (30) мая—вслѣдствіе неизвѣстности атмосфера сдѣлалась нестерпимо напряженною, какъ это бываетъ въ жаркій лѣтній день передъ грозой. Нервы у всѣхъ были натянуты, какъ струны скрипки. Мнѣ повезло. Я получилъ приглашеніе явиться въ Бельбу; князь, спасаясь отъ музыки въ Капеллѣ, уѣхалъ на дачу. Я не видалъ его двѣ недѣли. «Теперь-то я разспрошу его обо всемъ»—думалъ я. Я согласенъ, что теперь, пять лѣтъ

спустя, кажется смѣшнымъ, что я собирался разспрашивать его; но тогда мы переживали великую историческую эпоху, событія надвигались огромной волной, гибли тысячи человѣческихъ жизней, на востокъ открывался новый міръ—все это сближало людей между собою, не говоря уже о томъ, что князь самъ былъ сообщителенъ до излишества. Кромѣ того, онъ не разъ велѣлъ спрашивать меня по телефону, не знаю-ли я чего-нибудь новаго...

Былъ прекрасный сіяющій майскій день, первый въ этомъ году. Часовые при дачѣ и чины тайной полиціи стояли у воротъ и нѣжились на солнышкѣ. Они отдали мнѣ честь, и, когда я спросилъ, не случилось-ли чего, то получилъ обычный солдатскій отвѣтъ, что все обстоитъ благополучно, и что ничего не случилось. Я пошелъ черезъ паркъ къ виллѣ—передняя была пуста, вестибюль пустъ, пріемная также, въ залѣ ни души... Я уже думалъ повернуть назадъ, какъ вдругъ вижу: князь кланяется мнѣ съ террасы. Онъ сидѣлъ на плетеномъ стулѣ и грѣлся на весеннемъ солнцѣ. Не здороваясь со мною, онъ сказалъ съ жаромъ, но почти торжественнымъ тономъ: «Случилось то, чего мы всѣ ждали; садитесь и читайте». И, не отрывая глазъ отъ телеграммы, которую читалъ, онъ подалъ мнѣ одну изъ тѣхъ длинныхъ депешъ, которыя онъ получалъ каждый день. Первое, что мнѣ бросилось въ глаза, было слово, которое не умолкнетъ до тѣхъ поръ, пока храбрость и мужество цѣнятся на землѣ, пока жизнь человѣческая, эта величайшая жертва за идею, какую только мы можемъ принести, будетъ имѣть хоть какое-нибудь значеніе. Цусима,—прочиталъ я въ первый разъ... Цусима, священное слово и священное мѣсто! Здѣсь, родилась русская свобода, въ крови и страданіяхъ, какъ рождается все на землѣ¹⁾.

Прошло много времени, пока я читалъ телеграммы. Когда я наконецъ дочиталъ первый номеръ газеты и поднялъ глаза, я увидѣлъ, что князь сидѣлъ, тяжело опираясь на столъ; слезы блеснули въ его глазахъ и текли по щекамъ. Онъ сказалъ глухимъ голосомъ: «Они умерли, какъ герои; они были моими друзьями юности, всѣ тѣ, которыхъ теперь оплакиваетъ Россія». Помолчавъ минуты двѣ, онъ прибавилъ: «Съ каждымъ днемъ все тяжелѣе будетъ становиться отвѣтственность тѣхъ, кто началъ эту безумную войну». «Будьте добры, позовите служителя»,—сказалъ

¹⁾ Что именно понимали дѣло такъ даже въ широкихъ кругахъ русскаго общества, видно, между прочимъ, изъ словъ одной простой русской женщины, конечно, далекой отъ всякой политики. Разсказавъ со слезами на глазахъ, что «нашъ дорогой Константинъ» палъ въ бою при Цусимѣ, она прибавила съ прекраснымъ выраженіемъ, достойнымъ сестры Катона: «Онъ былъ посланъ по другому дѣлу, но я вѣрю, что онъ все-таки положилъ дорогу великой народной свободѣ, какъ и многіе другіе мученики нашего времени».

онъ вдругъ. Служитель вошелъ и получилъ приказаніе принести бутылку шипучаго бургонскаго. Когда вино было подано, князь налилъ два стакана, всталъ и сказалъ по-русски, словно про себя: «Пью за вашу память, храбрые товарищи и друзья». Не чокаясь, онъ осушилъ стаканъ и съ минуту стоялъ молча, глядя въ даль моря, которая разстилалась передъ нимъ, весело сверкая золотомъ и лазурью подъ лучами весенняго солнца. Потомъ онъ перекрестился, шепча слова, которыхъ я не понималъ. Послѣ этого онъ громко произнесъ: «Прощайте! Прощайте!» Затѣмъ мы опять сѣли и принялись за телеграммы...

Для меня, стараго либерала шестидесятихъ годовъ, парламентарный конституціонализмъ былъ религіей. Онъ на всю жизнь вошелъ въ мое существо... Я понималъ, что Цусима одинъ изъ этаповъ на пути къ братству и единенію европейскихъ государствъ, на пути къ великой цѣли—облагороженію человѣчества, побѣдѣ свободы. Теперь можно было вздохнуть свободно, такъ какъ послѣ Цусимы въ Россіи долженъ былъ явиться парламентъ въ той или иной формѣ. Нѣтъ худа безъ добра. «Пѣсня вылилась изъ горя, а изъ пѣсни вышла радость», говорится въ одномъ финскомъ двустишіи и это подходитъ къ настоящему случаю. Эта цитата взята мною изъ письма къ одному изъ моихъ шведскихъ друзей. Насколько право и вѣрно я тогда судилъ, я убѣждаюсь теперь.

* * *

... 10 сентября 1905 г. у меня былъ мой старый товарищъ Г. Бореніусъ, президентъ вазаскаго гофгерихта, явившійся ко мнѣ по важному дѣлу. Наканунѣ онъ пріѣхалъ въ Гельсингфорсъ, чтобы похлопотать передъ нѣкоторыми изъ членовъ сената о своихъ несчастныхъ товарищахъ по службѣ. Какъ извѣстно, по настоянію Бобрикова, члены гофгерихта Туюлинъ, Окесонъ, Карпъ и др., вопреки ясному смыслу закона, были отрѣшены отъ должности. Бореніусъ уже собирался было ѣхать обратно въ Вазу, но кто-то ему сказалъ, что лицо съ такимъ положеніемъ, какъ его, не могло оставить столицу, не сдѣлавъ визита генераль-губернатору. Кромѣ того, такой щекотливый вопросъ, какъ вопросъ о возвращеніи къ должности членовъ гофгерихта, требовалъ, чтобы президентъ лично переговорилъ съ генераль-губернаторомъ.

Итакъ, онъ явился ко мнѣ и просилъ отправиться съ нимъ вмѣстѣ въ Бьельбу, представить его князю и быть переводчикомъ, такъ какъ, кромѣ шведскаго, онъ говорилъ по-нѣмецки, но такъ, что, по крайней мѣрѣ, я ничего не понималъ, и съ грѣхомъ пополамъ объяснялся по-фински....

Дѣло оказывалось особенно щекотливымъ потому, что, какъ я зналъ, князь не любилъ, чтобы его беспокоили въ воскресное утро. Съ другой стороны, было важно уловить моментъ, такъ какъ дѣло было очень спѣшное. Обсудивъ вопросъ со всѣхъ сторонъ, я посовѣтовалъ Бореніусу сказать правду, т.-е. что онъ пріѣхалъ въ Гельсингфорсъ на короткое время и счелъ своей обязанностью передъ отъѣздомъ побывать у генераль-губернатора. Я часто замѣчалъ, что такіе визиты, когда ни та ни другая сторона не могутъ объясниться между собой, обыкновенно продолжаются не болѣе минуты: рукопожатіе, обмѣнъ пріятныхъ улыбокъ, и визитъ конченъ. Затѣмъ я какъ бы мимоходомъ, предложу вопросъ, который бы навелъ разговоръ на уволенныхъ чиновниковъ, послѣ чего Бореніусъ долженъ вести дѣло дальше и сказать все, что надо.

Мы отправились. Была ясная осенняя погода. Дорогой Бореніусъ, волнуясь и заикаясь, изложилъ мнѣ весь вопросъ. Онъ иногда сильно заикался въ началѣ фразы или періода; въ промежуткахъ рѣчь его лилась съ стремительной быстротой, а тамъ опять вдругъ прерывалась. Когда онъ кончилъ, я сдѣлалъ короткое резюме, и перевелъ его для себя на французскій языкъ, чтобы не запнуться при докладѣ. Когда мы подъѣзжали къ воротамъ виллы, урокъ былъ выученъ на зубокъ. Часовой встрѣтилъ насъ обычнымъ порядкомъ, и мы прошли на терассу. Она была пуста, также какъ и вестибюль; ни служителя ни адъютанта не было налицо. Я позвонилъ въ электрическій звонокъ, проведенный на кухню, и мы вошли въ крошечную пріемную. Такъ какъ никто не являлся, а между тѣмъ я слышалъ, что князь былъ дома, я рискнулъ постучаться и послѣ громкаго «entrez» вошелъ къ нему.

Князь раскладывалъ пасьянсъ. Видъ у него былъ недовольный. Я изложилъ ему, съ необходимыми извиненіями, просьбу президента.

— Eh bien s'il est ici, pourquoi pas, quelle langue parle-t-il?

— Aucune.

— Alors, vous restez chez nous ¹⁾.

Президентъ вошелъ, и едва я успѣлъ сказать: «Monsieur le president de Vasa», какъ князь, державшій въ рукахъ колоду картъ, бросилъ ее и, торопливо роясь въ бумагахъ, лежавшихъ на письменномъ столѣ, воскликнулъ: «Ваза, Николайстадъ! Спросите его, что онъ знаетъ по дѣлу Джонъ-Графтонъ»? И онъ подаль мнѣ обширный докладъ—помнится, это была телеграмма—

¹⁾ Хорошо, если онъ здѣсь, почему бы нѣтъ. На какомъ языкѣ онъ изъясняется?—Ни на какомъ.—Тогда вы останетесь вмѣстѣ съ нами. К. Т.

вазаскаго губернатора. Изъ него было видно, что пароходъ «Джонъ-Графтонъ» былъ въ Кеми, выгрузилъ здѣсь большую партію оружія, послѣ чего отплылъ въ Вазу и гдѣ-то въ шхерахъ наткнулся на мель. Владѣлецъ или капитанъ взорвалъ судно и вмѣстѣ съ экипажемъ скрылся неизвѣстно куда. Никакихъ данныхъ о ихъ національности не имѣлось.

Этотъ серьезный инцидентъ Бореніусъ принялъ необыкновенно спокойно и сказалъ съ улыбкой: «Что за глупость? Неужели они думаютъ, что японцы пришли сюда? Скажите, что это па-па-пальдурія¹⁾ или про-про-провокація». Я, какъ и большая часть изъ насъ, а также и пресса,—всѣ мы въ это время и даже долго спустя были того же мнѣнія, какъ Бореніусъ. Кстати, мнѣ не пришлось переводить ни одного слова: если князь не зналъ что обозначало па-па-пальдурія, то онъ сразу понялъ, что значило, слово провокація.

Онъ всталъ, взволнованный, даже раздраженный, короткимъ быстрымъ шагомъ прошелъ въ другую комнату и воротился оттуда съ неуклюжимъ старомоднымъ ружьемъ, которымъ онъ сильно стукнулъ объ полъ, такъ что зазвенѣли дорогія, только что купленныя лампы, и съ пылкостью южнаго славянина заревѣлъ: «Скажите господину президенту, что это ружье и цѣлая куча другихъ, стоящихъ у меня въ передней, взяты съ «Джонъ-Графтона» и присланы мнѣ. Это правда, правда, правда!—онъ все возвышалъ голосъ—а не провокація».

Тогда Бореніусъ, заикаясь, затараторилъ на своемъ непонятномъ нѣмецкомъ языкѣ, хотя я шепталъ ему: «тебя не понимаютъ, говори по-шведски».—Но онъ, съ великимъ трудомъ для себя и къ немалому мученію для насъ сталъ говорить, что наканунѣ онъ пріѣхалъ изъ Вазы (крушеніе «Джонъ-Графтона» произошло, помнится, въ ночь на восьмое), что онъ ничего не слыхалъ объ этомъ дѣлѣ, что, хотя и говорили о доставкѣ оружія въ Улеборгскую губернію, но что онъ не губернаторъ, что онъ ничего не знаетъ и не вѣритъ, что...

Князь былъ разстроенъ и огорченъ, не слушалъ ни меня, ни Бореніуса, и гремѣлъ съ велерѣчіемъ истаго южанина (Боже! какъ онъ могъ болтать); нѣкоторое время мы всѣ трое говорили разомъ. Князь говорилъ, что онъ явился въ Финляндію съ самыми лучшими намѣреніями. Онъ желаетъ ввести жизнь въ прежнюю спокойную колею, но не сразу, а постепенно; но ему мѣшаютъ

¹⁾ Найти соответствующаго слова въ иностранномъ какомъ-нибудь языкѣ мнѣ не удалось, и поэтому думаю, что *palduri* образовано отъ шведскаго *pallra*, *paldra*—болтать и означаетъ «вздоръ, слухъ не имѣющій никакого реальнаго основанія». К. Т.

его собственные чиновники, ему не довѣряютъ въ Петербургѣ, онъ съ трудомъ добился аудіенціи у государя; наконецъ, положеніе его осложняется еще тѣмъ, что страна съ невѣроятнымъ легкомысліемъ относится къ такимъ фактамъ, какъ только что случившійся. Газеты ведутъ себя безтактно,—и теперь еще эта исторія съ «Джонъ-Графтономъ»; это чистое несчастье. Тутъ государственная измѣна—объ этомъ не можетъ быть спора. Этого дѣла нельзя замять, оно, несомнѣнно, повредитъ всей странѣ, и ему самому больше, чѣмъ мы думаемъ. Никто уже не станетъ вѣрить ни его словамъ, ни лояльности финновъ; онъ боленъ, онъ усталъ ото всего этого, онъ передастъ свою власть... Вдругъ онъ повернулся ко мнѣ: «Имѣетъ-ли господинъ президентъ еще что-либо сказать?».

— Да, господинъ президентъ хотѣлъ бы поговорить съ вами о своихъ уволенныхъ чиновникахъ¹⁾, онъ хотѣлъ бы замолвить словечко за нихъ.—И, держа ружье у ноги (князь передалъ ружье мнѣ), я изложилъ ему вкратцѣ то, о чемъ Бореніусъ говорилъ мнѣ во время дороги. Я говорилъ такъ горячо и убѣдительно, какъ только могъ; напомнилъ, что во всемъ мірѣ судьи несмѣняемы, и умолялъ его возстановить силу закона. Нарушеніе закона—говорилъ я—дѣйствуетъ развращающимъ образомъ и приводитъ къ дѣламъ, подобнымъ тому, которое теперь такъ глубоко его возмущаетъ.

У князя былъ недовольный и нерѣшительный видъ. Онъ сдѣлалъ отрицательный жестъ рукой. «Теперь не время для этого; вы не знаете, чѣмъ кончится эта исторія съ «Джонъ-Графтономъ». Теперь у васъ опять все поставлено на карту; вашъ злѣйшій врагъ не сумѣлъ-бы придумать ничего болѣе гибельнаго для всей страны, чѣмъ это дѣло». Но, по свойственной ему добротѣ и нѣкоторой слабости, онъ прибавилъ: «Изложите все это письменно, укажите имена и все, что нужно, и держите наготовѣ до другого, болѣе удобнаго случая». Съ этими словами онъ отпустилъ насъ...

Мы поѣхали ко мнѣ. Бореніусъ написалъ свой докладъ длинно и пространно; я много изъ него вычеркнулъ, такъ что наконецъ осталось лишь самое существенное. Затѣмъ это было переведено на французскій языкъ. Черезъ два дня я сдалъ дѣло на ту бумажную мельницу, которая съ 1899 г. молола бѣду нашей страны и будетъ дѣлать это до скончанія вѣка.

¹⁾ Члены гофгерихта А. Туолинъ, Е. Онессонъ и К. Карпъ были уволены въ 1902 г. Нѣсколько позже въ томъ же году получили отставку Р. Монтинъ, Г. Экхольмъ, А. Седербергъ и высланъ баронъ Э. фонъ-Троиль.

Въ 1904 г. уволенъ Л. Чильманъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, 20 іюля, уволенъ Ф. Линдбергъ, А. Хассельблатъ, А. Фонселіусъ, Б. Хеммеръ и А. Бергеръ.

* * *

Я приступаю теперь къ тому пункту своихъ воспоминаній о кратковременномъ пребываніи кн. Оболенскаго въ Финляндіи, который труднѣе всего поддается изложенію. Это объясняется тѣмъ, что самыя событія, порождаемыя великими чувствами и грозными требованіями правосудія, быстро слѣдовали одно за другимъ; кромѣ того, въ этихъ воспоминаніяхъ встрѣчаются нѣкоторыя замѣчанія, часто направленные противъ опредѣленныхъ лицъ, которыхъ въ данный моментъ еще неудобно касаться.

Осенью 1905 г. мы съ женой находились въ Стокгольмѣ. Мы предполагали пробыть здѣсь до первыхъ чиселъ ноября, но тревожныя извѣстія изъ Гельсингфорса заставили насъ поскорѣе возвратиться на родину. Мы пріѣхали, кажется, съ послѣднимъ пароходомъ, который вошелъ въ гельсингфорскую гавань въ октябрѣ мѣсяцѣ. Уже сходя на берегъ, мы псняли что умы здѣсь находятся въ броженіи; мы слышали, видѣли и чувствовали, что готовится что-то очень серьезное. Это что-то была великая забастовка. Въ тотъ же вечеръ я отправился изучать настроеніе массъ. Вездѣ царили тревога и ожиданіе, въ родѣ того, какъ это было въ великіе дни послѣ 16 іюня 1904 г. Забастовка въ Россіи уже началась и встрѣтила откликъ у насъ, въ Финляндіи. Всѣ были полны энтузіазма и горѣли нетерпѣніемъ, тревожась только за то, чтобы не былъ упущенъ удобный моментъ для выступленія, чтобы оно не было ни преждевременнымъ, ни запоздалымъ.

Наконецъ, 18 (31) октября, гроза разразилась. Великая забастовка началась въ Выборгѣ тѣмъ, что ночной поѣздъ, шедшій изъ Петербурга въ Гельсингфорсъ, достигнувъ Выборга, былъ остановленъ огромной толпой народа, собравшейся на вокзалѣ. Машинистъ, молодой парень, отцѣпилъ паровозъ и при кликахъ ура отвелъ его въ паркъ, который тотчасъ же заперли. Это было сигналомъ. Плотину прорвало. Могучій воздухъ свободы, котораго мы такъ долго были лишены, взволновалъ всѣ умы и зажигалъ нашу кровь.

Прекрасная погода манила на улицу и съ своей стороны дѣйствовала на настроеніе. Забастовка еще не достигла своего полного развитія, а бульвары и площади Гельсингфорса уже были переполнены любопытными, обсуждавшими телеграммы, которыя съ точностью сейсмографа сообщали, что революція началась гдѣ-то на востокѣ. Подъ давленіемъ этихъ тревожныхъ извѣстій, которыя подобно буревѣстникамъ рѣяли надъ нашимъ горизонтомъ, уже 18 (31) октября, въ 8 часовъ утра, былъ образованъ центральный забастовочный комитетъ, который сталъ, насколько это было возможно, во главѣ народнаго движенія и руководилъ имъ съ образцовымъ тактомъ.

* * *

Въ одинъ прекрасный день ко мнѣ явился посланный отъ генераль-губернатора, который желалъ меня видѣть. Оказалось, что въ генераль-губернаторскомъ домѣ лопнула сточная труба, воздухъ въ жилыхъ помѣщеніяхъ былъ отравленъ, и имъ невозможно было дышать. Хотя дѣло собственно не касается меня, я все-таки рѣшилъ отправиться, тѣмъ болѣе, что, какъ я узналъ, посланный передалъ мнѣ поклонъ отъ семьи князя...

Подходя къ генераль-губернаторскому дому, я увидѣлъ огромную толпу народа (нѣкоторые насчитывали въ ней 20—30 тысячъ), собравшуюся на Эспланадной и Фабианской улицахъ и дальше вдоль бульваровъ. Люди наполняли всю улицу, сидѣли на оградѣ, окружающей Капеллу¹⁾, топтали газоны и живыя изгороди; воздухъ оглашался топотомъ ногъ и грознымъ гуломъ голосовъ. Среди этого общаго гула слышались отдѣльныя восклицанія, которыя взлетали, какъ звуковыя ракеты, когда кому нибудь угрожала опасность быть раздавленнымъ или задушеннымъ.

Вестибюль генераль-губернаторскаго дома на двѣнадцать ступеней выше поверхности Эспланадной улицы и на двѣ ступени выше поверхности двора. Лишь только я вошелъ, какъ меня встрѣтилъ отвратительный аммоніачный запахъ. Чѣмъ выше я поднимался, тѣмъ сильнѣе становилось зловоніе—меня начинало тошнить. Я прошелъ черезъ вестибюль и открылъ дверь во дворъ. Здѣсь стояла команда казаковъ, верхомъ на лошадяхъ, въ полной боевой готовности. Они пришли два дня тому назадъ. За эти дни подстилка подъ лошадьми свалаялась, и конскій навозъ лежалъ высокой кучей, такъ что жидкія нечистоты (все стоки были закрыты) текли черезъ порогъ вестибюля.

Дикія и грубыя калмыцкія лица выражали усталость и скуку отъ мучительныхъ карауловъ, безъ всякой защиты отъ солнца и вѣтра. Лошади были безпокойны. При каждомъ стукѣ дверей или воротъ онѣ шарахались, такъ что звенѣла сбруя и аммуниція. Толпа, стоявшая на улицѣ, и не подозрѣвала, что таилось здѣсь за стѣнами двора.

Я вошелъ въ небольшую, когда-то великолѣпную курительную комнату. Тутъ стояли солдаты въ полной аммуниціи, въ папахъ съ ранцами за плечами и заряженными ружьями; въ игровой залѣ и столовой было то же самое. Совершенно новый, дорогой брусельскій коверъ въ игровой, для предохраненія отъ порчи, былъ покрытъ номерами «Новаго времени», которые подъ грубыми солдатскими каблуками изорвались въ клочки и вдавлились въ

¹⁾ Лѣтній ресторанъ посреди бульвара. К. Т.

нѣжный ворсъ ковра. Онъ былъ совершенно испорченъ. Солдаты ѣли и спали на полу этихъ комнатъ. Окна на улицу не открывались, чтобы публика не могла узнать, какія были приняты мѣры предосторожности; поэтому воздухъ въ комнатѣ былъ ужасный. Мы были словно въ осажденномъ домѣ. Иллюзія увеличивалась еще оттого, что по Фабіанской улицѣ отъ времени до времени проходилъ патруль изъ трехъ человѣкъ и разгонялъ мужчинъ и женщинъ рѣшительнаго вида и съ блѣдными лицами, которые часами стояли тутъ, ожидая, что будетъ дальше. Я наблюдалъ ихъ изъ-за полуопущенныхъ гардинъ и жалюзи и, казалось, могъ читать на ихъ лицахъ затаенную мысль. Они стояли сплошной сѣрой массой, нервно двигая челюстями. И мнѣ невольно вспомнилось то, что я читалъ о Людовикѣ XVI и Маріи Антуанеттѣ, когда они сидѣли въ Тюльери, подстерегаемые толпой парижскихъ санкюлотовъ.

Курьеры, лакеи и полицейскіе сновали по вестибюлю. Прислуга была встревожена, особенно старый камердинеръ князя. Онъ утверждалъ, что всю эту «крамолу» затѣяли шведоманы; онъ, повидимому, держался того же взгляда, который составляетъ основную мысль нынѣшней русской политики: «только бы намъ убрать шведомановъ—тогда не трудно будетъ справиться и съ остальными».

Я прошелъ къ дамамъ, которыя относились къ положенію съ достоинствомъ и серьезностью. вмѣстѣ съ другими присутствующими, я указывалъ, что самое лучшее было бы, если бы онѣ уѣхали, и бояться имъ нечего, никто имъ не сдѣлаетъ зла, но воздухъ въ квартирѣ невыносимъ, и обстановка мало подходящая для слабыхъ нервовъ.

Княгиня категорически заявила, что она не вѣритъ ни въ какую опасность и, что хочетъ быть тамъ, гдѣ ея мужъ. Это было сказано съ такимъ достоинствомъ и тактомъ, что мы всѣ были обезоружены. При видѣ этой миниатюрной, мужественной и преданной женщины и ея дочерей, при видѣ того спокойствія и самообладанія, которое онѣ проявляли здѣсь, на чужбинѣ, окруженные людьми, по ихъ мнѣнію, злыми и мстительными, я понялъ французскихъ аристократокъ временъ революціи. Грозному натиску этихъ плебеевъ они противопоставили свою врожденную, аристократическую гордость и благородное мужество.

Въ это время вошелъ князь. Видно было, что онъ хотѣлъ играть роль маркиза de Bonhumeur, но роль эта была для него трудна: онъ былъ очень взволнованъ. Онъ горячо вмѣшался въ разговоръ и согласился съ тѣмъ, что дамамъ слѣдуетъ удалиться.

Онъ говорилъ съ морскими властями въ Скатудденъ¹⁾; тамъ, въ стѣнахъ казармъ морского вѣдомства, онѣ найдутъ себѣ надежное убѣжище на случай какихъ-либо осложнений.

Послѣ долгихъ преній было рѣшено, что женщины отправятся въ русскую церковь въ Скатудденъ. Такъ будетъ сказано публичѣ; что онѣ поѣдутъ дальше, въ флотскія казармы, объ этомъ народъ не долженъ былъ знать. Къ чести неслыханно густой толпы слѣдуетъ сказать, что, при появленіи дамъ, она почтительно разступилась. Нѣкоторые даже вѣжливо раскланивались и кричали вдоль улицы: «Посторонитесь, пропустите дамъ». Княгиня подавила свое волненіе и любезно отвѣчала на привѣтствія, словомъ, сохраняла полное самообладаніе.

Послѣднее, что я слышалъ, были ея слова, сказанныя одному изъ адъютантовъ: «Вѣдь я говорила вамъ, что никакой опасности нѣтъ. Кланяйтесь мужу». Ей не суждено было вернуться въ этотъ домъ. Пока «Слава» не пріѣхала на рейдъ, она оставалась въ Скатудденѣ.

Когда князь говорилъ со своими близкими, то мнѣ очень хотѣлось знать его тайныя мысли. Была ли эта неслыханная съ его точки зрѣнія терпѣливость по отношенію къ осаждающимъ его резиденцію народнымъ массамъ основана на императорскомъ приказѣ²⁾, гласившемъ, что, что бы ни случилось, никакихъ кровавыхъ столкновеній и тѣмъ болѣе никакихъ избіеній не должно быть въ Финляндіи? Общественное мнѣніе Европы съ трудомъ мирилось съ ними въ Одессѣ, Харьковѣ и Кіевѣ; тѣмъ болѣе оно не терпѣло бы ихъ въ конституціонной Финляндіи.

Или онъ хотѣлъ удалить своихъ домашнихъ съ тѣмъ, чтобы потомъ выпустить казаковъ и разсѣять толпу? Я убѣжденъ, что исполненіе такого приказа произвело бы настоящій ураганъ. Ни о какихъ баррикадахъ, ни о какомъ вооруженномъ сопротивленіи не могло быть и рѣчи уже по той простой причинѣ, что, вопреки сплетнямъ «Новаго времени», у насъ не было оружія.

Въ концѣ-концовъ, это чрезвычайно важное для насъ рѣшеніе—не прибѣгать къ насилію и кровопролитію—было продиктовано ему чувствомъ порядочности и природной добротой. Пусть думаютъ, что хотятъ, но я убѣжденъ въ томъ, что здѣсь сказалась его мягкая натура южанина. Онъ былъ человѣкъ чувства, безъ всякой склонности къ властолюбію. При живости и горячности темперамента, онъ быстро переходилъ отъ одного настроенія къ

¹⁾ Часть Гельсингфорса, расположенная на южномъ мысу. К. Т.

²⁾ Таковой дѣйствительно существовалъ и былъ повторенъ послѣ знаменитаго похода губернатора Кайгородова на сенатскую площадь въ мартѣ. Это мнѣ сообщило одно лицо, близко стоявшее къ участникамъ этой чисто русской комедіи.

другому; но, такъ какъ въ то же время онъ былъ пассивенъ по натурѣ, то его настроенія рѣдко переходили въ дѣйствія. Онъ обращалъ больше вниманія на доступныя и практичныя средства, чѣмъ на самую цѣль, несмотря на то, что эта цѣль внезапно измѣнила свое положеніе, окраску и значеніе. Самодержавіе въ Россіи добровольно капитулировало.

Вѣрно одно: отъ одного его слова, мановенія руки зависѣла тогда участь Финляндіи. Мы должны быть ему вѣчно благодарны за то, что онъ избралъ тотъ путь, который потомъ привелъ къ манифесту 4 ноября 1905 г., тѣмъ болѣе что злонамѣренные люди изъ числа его собственниковъ соотечественниковъ и разные науськиватели и храбрецы изъ нашихъ старались представить этотъ вопросъ неизмѣримо болѣе труднымъ, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ.

Слѣдующіе два эпизода заставляютъ меня еще болѣе утвердиться въ этомъ убѣжденіи. Въ комнатахъ молодыхъ княженъ, на окнѣ, выходящемъ на Фабіанскую улицу, были поставлены двѣ свѣчи. Казакамъ и патрулю отданъ былъ приказъ: какъ только есаулъ увидитъ, что онѣ зажжены, моментально скакать къ гвардейскимъ казармамъ, отворить ворота и со всѣми войсками броситься на толпу и разсѣять ее.

Въ то время какъ депутація конституціоналистовъ находилась у генераль-губернатора и, какъ онъ выражался объ одномъ изъ ея членовъ, «*faisait jabot*»¹⁾, обсуждала положеніе или, вѣрнѣе, диктовала свои приказанія, русская свита князя оставалась въ сосѣдней комнатѣ, негодуя на его слабость. Упомянутый выше Дидрихсъ особенно нервничалъ. Два раза во время совѣщанія онъ входилъ и спрашивалъ князя: «Ваше сіятельство, смеркается; не пора ли уже зажечь свѣчи?»—«Нѣтъ, подождите!»—отвѣчали ему всякій разъ.

Что было бы, если бы князь, вмѣсто этого, сказалъ: «Да, зажигайте!...» На этотъ вопросъ могъ бы отвѣтить тотъ, кто «*faisait jabot*».

Другой инцидентъ заключался въ слѣдующемъ. Одинъ изъ нашихъ сановниковъ обратилъ мое вниманіе на то, что князь ни подъ какимъ видомъ не долженъ переѣзжать въ Свеаборгъ, какъ это онъ говорилъ, въ видѣ угрозы, одной изъ многихъ депутацій, принятыхъ имъ: тогда всякіе переговоры сдѣлались бы невозможными, и можно было бы опасаться самого худшаго, даже обстрѣла города²⁾. Нужно было имѣть возможность въ

¹⁾ Важничала. К. Т.

²⁾ Нѣкоторые прямо таки требовали этой чудовищной мѣры, больше изъ мстительности, чѣмъ изъ увѣренности, что русское дѣло что-нибудь выиграетъ отъ этого.

каждый данный моментъ видѣть его и говорить съ нимъ; если же онъ будетъ за стѣнами крѣпости, тогда...

Онъ просилъ меня при случаѣ, если возможно, повліять на князя въ этомъ направленіи и, если понадобится, привести вышеуказанный мотивъ.

Съ каждымъ образованнымъ русскимъ (только не изъ нѣмцевъ) можно говорить о дѣлѣ болѣе свободно, непринужденно и прямо, чѣмъ съ кѣмъ бы то ни было во всемъ свѣтѣ, если только вы говорите вѣжливо и спокойно. Высокомѣрный саркастическій тонъ здѣсь менѣе всего умѣстенъ. Объективностью, юморомъ, а главное, нѣкоторой теплотой можно его обезоружить; но, кромѣ всего этого, нужна, какъ я выше сказалъ, вѣжливость, не только въ словахъ и выраженіяхъ, но и въ манерахъ. Русскіе принадлежатъ къ Востоку и, какъ всѣ восточные народы, предъявляютъ большія требованія по части внѣшнихъ знаковъ почтенія, въ словахъ и манерахъ ¹⁾).

Добраться до генераль-губернатора при тогдашнихъ обстоятельствахъ было нелегко. Однако мнѣ удалось увидѣться съ нимъ, благодаря счастливой случайности. Я не знаю, какъ превозносить его любезность и предупредительность. Онъ зналъ, что ради него я въ извѣстной мѣрѣ превысилъ свои полномочія, какъ архитекторъ; что вопросъ, который для него былъ сущей бездѣлицей, для меня могъ оказаться довольно сложнымъ. Поэтому онъ пригласилъ меня, чтобы ликвидировать дѣло. Для него было ясно, что онъ покидаетъ Финляндію, и онъ хотѣлъ выдать мнѣ необходимые документы.

Я отправился въ резиденцію князя съ твердымъ рѣшеніемъ, въ случаѣ надобности, пройти черезъ брандмауеръ сосѣдняго дома, такъ какъ послѣ забастовки полицейскихъ — и что это была за полиція! — зданіе охраняла національная гвардія, которая требовала пропуска у всѣхъ, проходившихъ черезъ кордонъ. Замѣчательно, что мнѣ удалось пройти, назвавъ просто свою фамилію, тогда какъ другимъ извѣстнымъ лицамъ стоило большихъ хлопотъ пройти черезъ сторожевую цѣпь. Я былъ тотчасъ же принятъ, и въ нѣсколько минутъ все было устроено.

Князь самъ сказалъ, что ему дали отставку здѣсь, въ Финляндіи. Онъ думалъ, что все-таки сдѣлалъ для нея кое-что, но люди никогда не бываютъ благодарны. Онъ не чувствуетъ никакого желанія объясняться съ людьми, которые совершенно не умѣютъ себя держать. Онъ далъ полную волю своему негодова-

¹⁾ Кому приходилось имѣть дѣло съ турками, армянами, сирійцами не говоря уже объ индусахъ и японцахъ, тотъ знаетъ, какъ строго эти народы понимаютъ правила вѣжливости. Два послѣдніе народа считаютъ европейцевъ невѣжами.

нію. Оно вылилось въ самую рѣзкую форму, соотвѣтственно его темпераменту. Передъ нимъ стояли небрежно, держа руки въ карманахъ; говорили грубо и заносчиво о вещахъ, которыхъ генераль-губернатору можно было объяснить въ двухъ словахъ. Ему стоило только нажать кнопку, и всѣ эти люди были бы сметены съ лица зѣмли.

Я поблагодарилъ его за высказанный имъ тактъ и за то, что онъ не вызвалъ войскъ.

— Не меня благодарите.—сказалъ онъ съ живостью: благодарите мою жену. Не разъ, а десять, двадцать разъ она говорила мнѣ: «никакого насилія, никакого кровопролитія».

И съ тѣмъ же волненіемъ онъ добавилъ:

«Пусть другіе попробуютъ взяться за этотъ финляндскій вопросъ. Говорятъ, что гг. В. и М. въ Петербургѣ уже назначили мнѣ преемника. Онъ юристъ и какъ разъ подходитъ для рѣшенія этого вопроса: съ нимъ легче сладить адвокату, чѣмъ военному» ¹⁾).

Тутъ я завелъ было рѣчь о его переѣздѣ въ Свеаборгъ, но получилъ довольно рѣзкій отвѣтъ, содержанія котораго я тогда совсѣмъ не понялъ, хотя онъ длиненъ и многословенъ. Впослѣдствіи я узналъ отъ него самого, что между офицерами, принадлежащими къ двумъ родамъ оружія въ Гельсингфорсѣ, былъ такой же антагонизмъ—хотя и въ меньшей степени,—какой существовалъ въ Портъ-Артурѣ между флотскими и сухопутными офицерами. Флотскіе офицеры стали на сторону кн. Оболенскаго: онъ былъ морскимъ кадетомъ и лейтенантомъ флота ²⁾. Положеніе чрезвычайно обострилось; офицеры арміи отказались даже сдѣлать прощальный визитъ князю.

Онъ съ своей стороны утверждалъ, что даже сомнѣвается въ безусловной вѣрности войскъ ³⁾, что вполне оправдалось годъ спустя во время бунта въ Свеаборгѣ. Возбунтовались сухопутныя войска, между тѣмъ какъ моряки овладѣли крѣпостью (въ Кронштадтѣ было какъ разъ наоборотъ).

Такимъ образомъ князь ни подъ какимъ видомъ не хотѣлъ переѣзжать въ Свеаборгъ. Онъ помѣстился въ флотскихъ казармахъ, откуда перешелъ на «Славу» и наконецъ, когда отставка его была принята, прямо отправился на вокзалъ. Отъѣздъ его былъ настолько поспѣшный, что онъ не успѣлъ проститься.

¹⁾ В. и М., конечно, гр. Витте и Мекелинъ, а избранникъ ихъ Герардъ. К. Т.

²⁾ Изъ лейтенантовъ онъ прямо былъ произведенъ въ генералы и одновременно былъ назначенъ адъютантомъ Его Величества.

³⁾ Уже тогда трое офицеровъ: Ціонъ, Емельяновъ и Каханскій были заподозрѣны въ противуправительственной пропагандѣ; первому изъ нихъ было запрещено жить въ стѣнахъ свеаборгской крѣпости.

На другой день я получилъ отъ него карточку съ увѣдомленіемъ, что онъ (наканунѣ) покидаетъ Гельсингфорсъ. На вокзалъ пришло только нѣсколько сенаторовъ. Русскія военныя власти блистали своимъ отсутствіемъ.

Нѣсколько недѣль спустя я былъ въ Петербургѣ и навѣстилъ князя, «выгнаннаго со службы» и неслыханно оклеветаннаго придворной камарильей и прежде всего его же собственными служащими...

Мое окончательное мнѣніе о князѣ такое. Онъ не былъ государственнымъ человѣкомъ. Онъ не былъ въ состояніи выработать программу своей дѣятельности. Онъ не обладалъ личнымъ авторитетомъ—зависящимъ прежде всего отъ твердости характера,—который бы дозволилъ ему отстоять свои взгляды передъ сильной націоналистической партіей въ столицѣ Имперіи или передъ ея противниками. Но онъ былъ достаточно уменъ, чтобы понимать все это, и поэтому онъ, при своемъ богатствѣ и независимости, повидимому, уже съ самаго начала задумалъ покинуть свой постъ. Для страны было большимъ счастьемъ, что въ критическій моментъ, во время великаго переворота, когда все висѣло на волоскѣ, онъ слѣдовалъ внушеніямъ своего добраго сердца и съ неожиданной для его характера твердостью сумѣлъ отстоять свой взглядъ, несмотря на противоудѣйствіе окружающихъ. Самъ онъ считалъ, что страна должна быть ему благодарна за это, и его глубоко огорчало, что онъ обманулся въ своихъ ожиданіяхъ.

Пер. подъ ред. *К. Ф. Тіандера*.

А. С. Посниковъ и Петровская академія.

Прочитывая статьи объ Александрѣ Сергѣевичѣ Посниковѣ¹⁾, мнѣ ни разу не пришлось встрѣтить объясненія причины и поводовъ, послужившихъ къ тому, что Александръ Сергѣевичъ, несмотря на то, что онъ хорошо выдержалъ въ Петровской Академіи диспутъ и его сочиненіе было одобрено комиссіей, все-таки не былъ приглашенъ читать тамъ лекціи по политической экономіи, каѳедра которой пустовала и на которую Александръ Сергѣевичъ выступалъ кандидатомъ.

Будучи очевидцемъ происходившаго, считаю нужнымъ сообщить, что сохранилось въ памяти о томъ моментѣ.

При своемъ учрежденіи, Петровская Академія первая, кажется, попробовала ввести у себя предметную систему. Курсовъ не было. Всякій слушалъ, что хотѣлъ, держалъ экзамены, когда вздумается. Гимназическихъ аттестатовъ при поступленіи не требовалось, вступительныхъ экзаменовъ тоже. Академія предоставила также самимъ студентамъ вести черезъ выборныхъ старостъ столовую и отвела имъ для этого отдѣльное зданіе, дала дрова, посуду, обзаведеніе.

Для выбора старостъ допускались собранія, сходки. Скоро заведена была студентами своя лавочка, своя библіотека, свой отличный хоръ. Вечерами паркъ и прудъ оглашался часто чуднымъ пѣніемъ. Жизнь была ключомъ, время летѣло быстро, незамѣтно. Одна бѣда—не хватало его на ученіе, а тутъ еще разразилась Ивановская исторія: нечаевцы, заподозрѣвъ Иванова, что онъ собирается ихъ предать, завели его въ одинъ отдаленный гротъ въ Петровскомъ паркѣ и убили (21 ноября 1869 г.). На-

¹⁾ По поводу 70-лѣтія А. С. Посникова, въ декабрѣ 1915 г. (См. статью В. А. Розенберга «Голосъ Минувшаго» 1915 г. № 12).

чалось слѣдствіе. Вся жизнь, всѣ порядки Академіи, ея недочеты вышли на Божій свѣтъ. Рѣшено поэтому было ее реформировать, и поручили это осуществлять новому директору Королеву.

Не зная про реформу и наслушавшись немало про «Петровку» на процессѣ нечаевцевъ, бывшемъ въ 1871 г. въ Петербургѣ, я и нѣсколько товарищей такъ увлеклись порядками Академіи, что двое изъ насъ бросили Технологическій Институтъ, четверо Лѣсной, и тотчасъ же переѣхали всѣ въ «Петровку». Каково же было наше удивленіе и разочарованіе, когда, пріѣхавъ, мы сразу нашли Академію уже преобразованной! Для поступленія требовался гимназическій аттестатъ. Введены были курсы и обязательные переходные экзамены. Отъ поступившихъ раньше потребовали выдержать ихъ на соотвѣтствующій курсъ по числу лѣтъ, проведенныхъ въ Академіи. У кого не было гимназическаго аттестата, долженъ былъ теперь представить его къ окончанію курса, иначе ему не выдавался академическій дипломъ. Столовая была отобрана отъ студентовъ и передана въ распоряженіе распорядительнаго комитета изъ профессоровъ. Сходки, собранія запрещались. Студенческая библіотека, лавочка разобраны были по рукамъ. Многіе, и даже очень многіе, принуждены были оставить Академію, не будучи въ состояніи выполнить новыхъ требованій, тѣмъ болѣе, что новый директоръ строго придерживался буквы правилъ и не шелъ на уступки. Если мы, новички, ничего не испытывшіе и не видѣвшіе прежней жизни, были сильно удивлены и огорчены новыми порядками, то старые и подавно. У нихъ огорченіе переходило уже въ сильное недовольство, которое они всецѣло перенесли на самого директора, какъ на виновника, якобы, новыхъ порядковъ. Онъ зналъ, какъ видно, про это и былъ на сторожѣ. На прогулкѣ его всегда встрѣчали съ толстой палкой въ рукѣ, хотя недовольство студентовъ до сихъ поръ и не выходило еще наружу и впервые явно проявилось лишь на диспутѣ А. С. Посникова и г. Фуксъ, державшихъ его одновременно.

Дѣло было такъ.

Въ Петровской Академіи пустовала кафедра политической экономіи. Кандидатами на нее явилось въ 1871 г. двое: Александръ Сергѣевичъ Посниковъ и г. Фуксъ, какъ говорили, учитель какого-то училища. Такъ какъ оба они предварительно должны были выдержать диспутъ и защитить свои сочиненія, то все это и устроили въ Петровской Академіи, назначивъ ея двухъ профессоровъ оппонентами.

Но прежде чѣмъ наступилъ диспутъ, молва забѣжала впередъ и сообщила, что Александръ Сергѣевичъ, еще молодой человѣкъ, былъ за-границей, слушалъ тамъ выдающихся экономистовъ,

самъ серьезно занимался наукой, а главное держится прогрессивнаго направленія: симпатіи студентовъ, еще не видѣвшихъ, не слыжавшихъ его, сразу перешли на его сторону. Когда же въ день диспута увидали его открытое, молодое, хорошее лицо и услышали увѣренную, веденную съ достоинствомъ защиту, то желаніе имѣть его своимъ профессоромъ еще болѣе окрѣпло...

Не то совсѣмъ было относительно г. Фукса. Та же молва передавъ, что это не ученый, а всего лишь учитель, добавляла и подчеркивала: г. Фуксъ хорошій знакомый нашего директора и директоръ ему протежируетъ. Такъ какъ директора не долюбливали, то, понятно, подобный слухъ не могъ расположить студентовъ въ пользу г. Фукса, и на его кандидатуру смотрѣли они недружелюбно, охотно вѣря слуху, провѣрить который не было у многихъ и возможности.

При такихъ-то условіяхъ и настроеніяхъ состоялся диспутъ. Происходилъ онъ въ главной залѣ Петровско-Разумовскаго дворца, во второмъ этажѣ. Профессора и директоръ расположились у стола и около, занявъ одну сторону залы; студенты и дватри пріѣзжихъ изъ Москвы помѣстились въ центрѣ и въ остальной части. Директоръ предсѣдательствовалъ.

Первымъ выступилъ Александръ Сергѣевичъ. Оппоненты, сдѣлавъ нѣсколько критическихъ замѣчаній и выслушавъ его отвѣтъ, быстро прекратили свои возраженія, замѣтивъ, что, хотя они и не вполне согласны съ его точкой зрѣнія, но его сочиненіе все-таки находятъ достойнымъ одобренія. Мы ликовали! Посниковъ сѣлъ; всталъ г. Фуксъ, но и съ нимъ по началу вышло то же самое, т.-е. официальные оппоненты сдѣлавъ два-три возраженія, сочиненіе г. Фукса признали тоже заслуживающимъ одобренія. Намъ это огорчило, но подѣлать мы ничего не могли и молчали. Вдругъ встаетъ одинъ изъ пріѣхавшихъ изъ Москвы и, обращаясь къ директору, проситъ позволенія сдѣлать нѣсколько возраженій г. Фуку. Мы насторожились, обрадовались! Директора передернуло, ему, видимо, непріятна была просьба пріѣзжаго, но, сдержавъ себя, онъ разрѣшилъ. Москвичъ началъ говорить, но какъ-то издалека, точно о постороннемъ. Я въ то время только что поступилъ въ Академію, лекцій политической экономіи не слушалъ, совершенно не былъ съ нею знакомъ. Судить по существу поэтому не берусь, передаю лишь свое впечатлѣніе. Мнѣ ясно было, что такое же впечатлѣніе производятъ слова пріѣзжаго и на директора. Онъ заволновался и не вытерпѣлъ, наконецъ, замѣтилъ:

— А не можете ли пожалуйста, перейти скорѣй къ дѣлу. Намъ время дорого!...

— А кому предоставляете вы право опредѣлить, что къ дѣлу, что нѣтъ?—огрызнулся москвичъ.

— Вамъ, конечно!—выкрикнулъ нервно директоръ.

— Въ такомъ случаѣ я буду продолжать,—и пріѣзжій снова заговорилъ прежнее.

Директоръ вскочилъ и принялся неистово звонить въ колокольчикъ. Въ тотъ же моментъ раздалось шиканье, свистъ, дви- ганье стульями. Всѣ встали съ мѣсто. Недовольство на директора прорвалось!

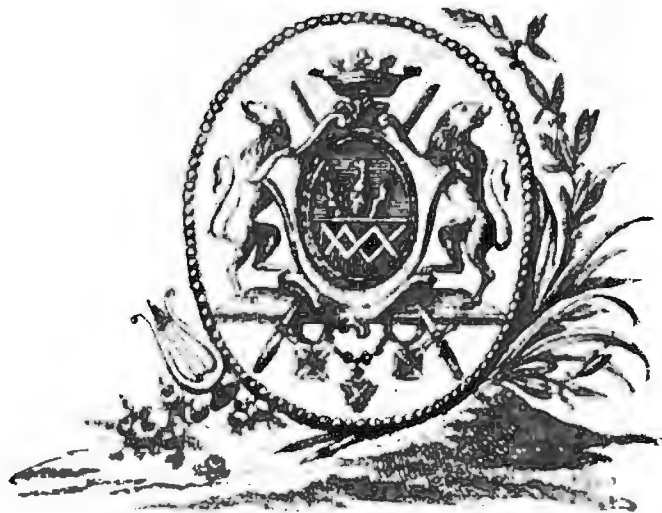
Профессора, директоръ быстро удалились чрезъ боковую дверь въ сосѣднюю комнату, посторонніе и студенты вышли на коридоръ. Полагая, что все кончено, я ушелъ домой, но мое предположеніе оказалось невѣрнымъ.

Отдохнувъ и немного отойдя отъ неожиданности происшедшаго, профессора рѣшили продолжить засѣданіе, чтобъ закончить диспутъ, и снова всѣ собрались въ залъ, предварительно за- перевъ ее.

Студенты, остававшіеся въ коридорѣ, замѣтивъ это, вызвали директора и стали просить, чтобъ и ихъ пустили въ залу. Тотъ отказалъ. Начался съ нимъ споръ, объясненіе. Враждебное чув- ство, сдерживаемое до сихъ поръ, вспыхнуло и было теперь вы- ражено однимъ студентомъ въ такихъ рѣзкихъ словахъ, что ди- ректоръ убѣждалъ, сейчасъ же собралъ совѣтъ изъ профессоровъ и принесъ жалобу на этого студента. Студента на другой день выключили изъ Академіи, и въ тотъ же день стало извѣстно, что ни А. С. Посниковъ, ни г. Фуксъ у насъ читать лекцій не будутъ. Каѳедра политической экономіи снова являлась незанятою, а между тѣмъ для студентовъ двухъ страшныхъ курсовъ, хотя ихъ и было мало, она была необходима. Вотъ они-то и подняли тогда вопросъ о томъ, чтобъ просить Александра Сергѣевича прочесть намъ въ Москвѣ частнымъ образомъ курсъ политической экономіи. Они же и пустили подписной листъ. При томъ хорошемъ отно- шеніи, о какомъ сказано выше, большая часть студентовъ, даже и низшихъ курсовъ, подписывалась весьма охотно, смотря на это, какъ на протестъ, а съ другой стороны, желая хоть этимъ способомъ выразить Александру Сергѣевичу свое глубокое сожалѣніе и уваженіе.¹⁾ Читая лекціи онъ согласился, но онѣ не состоялись потому, что Александра Сергѣевича очень быстро залучилъ въ Ярославль извѣстный учредитель тамошняго лица г. Капустинъ. Такимъ-то образомъ Петровская Академія лиши- лась замѣчательнаго профессора, и каѳедра политической эконо- міи въ ней долго еще потомъ пустовала.

М. Фроленко.

¹⁾ См. ст. В. А. Розенберга. «А. С. Посниковъ—профессоръ». «Голосъ Минувшаго» 1915 г. № 12.

Англія, Франція и Італія.

(Изъ итальянской печати).

Въ области внѣшней политики послѣднія тридцать пять лѣтъ итальянской исторіи характеризуются непрестанной, то ослабѣвающей на короткое время, то до высочайшей степени обостряющейся борьбою двухъ теченій, рѣзко другъ другу противоположныхъ и взаимно другъ друга исключаящихъ. Одно теченіе—монархическое и династическое и потому правительственное—стремится возможно болѣе изолировать страну отъ политически передовыхъ народовъ, въ особенности же, отъ республиканской Франціи, стараясь возможно тѣснѣе связать Италію съ центральными имперіями, представляющими ихъ сторонникамъ способными явиться наиболѣе прочной опорой для существующаго въ Италіи режима и дать наилучшія гарантіи для связанныхъ съ этимъ режимомъ интересовъ. Другое теченіе, народное, традиціонно враждебное нѣмецкимъ державамъ, непрестанно стремится вырвать страну изъ оковъ, наложенныхъ на нее тройственнымъ союзомъ, возобновить и прочно закрѣпить старую сердечную связь съ Англіей и, въ особенности, съ «латинской сестрой»,—съ республиканской Франціей. Оба эти теченія остаются налицо и въ настоящее время, несмотря на разрывъ Италіи съ центральными державами, на вступленіе ея въ составъ четвернаго союза и на войну ея съ Австро-Венгріей. Если что измѣнилось съ ходомъ времени и съ перемѣной исторической ситуации, то не направленіе этихъ теченій и не сила ихъ, а ихъ исходные пункты, ихъ источники,—тѣ отправные пункты, изъ которыхъ исходятъ ихъ сторонники,—тѣ стимулы,

въ силу которыхъ различныя общественныя группы примыкають къ тому или другому теченію; на мѣсто стимуловъ политическихъ, отодвинувшихся на задній планъ, стали стимулы соціально-экономическіе. Но борьба между обоими теченіями, благодаря этому, сдѣлалась только еще болѣе острой, еще болѣе безпощадной. Понятно, каждая изъ борющихся сторонъ старается использовать всѣ имѣющіеся въ ея распоряженіи аргументы, при чемъ обѣ стороны особенно охотно пользуются аргументами историческими: одни, стремясь изобразить Англію и Францію чуть ли не исконными врагами Італіи, всегда стремившимися къ ея эксплуатаціи и порабоженію,—другіе, стараясь изобразить въ лучшемъ свѣтѣ ту благодѣтельную роль, которую обѣ эти страны сыграли въ историческихъ судьбахъ Італіи. Книга проф. Куратуло, о которой я говорилъ недавно, («Гол. Минувш.» № 5—6) лучший образецъ «историческихъ» работъ, направленныхъ противъ Итало-Англо-Французскаго союза. Въ свою очередь сторонники союза отнюдь не чувствуютъ недостатка въ документально установленнымъ историческимъ даннымъ для обоснованія своихъ англо-французскихъ симпатій. Между прочимъ водой на ихъ мельницу являются недавно ставшія извѣстными донесенія ¹⁾ Фортунато, Торджіони, Лудолфа и др. представителей неаполитанскаго короля Франциска II при правительствахъ англійскомъ и французскомъ. Интересныя донесенія эти проливаютъ яркій свѣтъ на картину отношеній Англіи и Франціи къ неаполитанскимъ бурбонамъ въ эпоху сицилійской экспедиціи, положившей конецъ неаполитанскому королевству.

Побѣдоносная для пьемонтскихъ и французскихъ войскъ, въ особенности же, для «альпійскихъ охотниковъ» Гарибальди война 1895 г., явно ведшая къ совершенному освобожденію итальянскихъ земель отъ австрійскаго господства, была неожиданно оборвана прелиминарнымъ мирнымъ договоромъ, заключеннымъ между Наполеономъ III и Францомъ-Іосифомъ при ихъ личномъ свиданіи въ Виллафранкѣ и закрѣпленнымъ затѣмъ цюрихскимъ трактатомъ. Велико было негодованіе итальянской демократіи, среди самыхъ радостныхъ надеждъ и упованій пораженной вѣстью объ «измѣнѣ» Наполеона итальянскому дѣлу. Даже столь много поработавшій на пользу и во славу савойскаго дома Кавуръ былъ въ такой мѣрѣ возмущенъ той готовностью, съ которою Викторъ-Эммануиль принялъ и подписалъ условія виллафранскаго мира, что наговорилъ ему цѣлую кучу грубыхъ рѣзкостей, за что тутъ

¹⁾ Они оглашены проф. Р. Котуньо въ «Rassegna Contemporanea» (an. VII, serie II, № 23) въ статьѣ «Francia ed Inghilterra nei rapporti di Francesco II e Giuseppe Garibaldi» (con-nuovi documenti)

же и получилъ свою отставку. Но если были всѣ основанія возмущаться поведеніемъ пьемонтскаго короля, то объ «измѣнѣ» Наполеона—объ «измѣнѣ» въ точномъ смыслѣ слова, на самомъ дѣлѣ не могло быть рѣчи. Наполеонъ никогда не скрывалъ и неоднократно открыто заявлялъ, что онъ сторонникъ итальянской свободы и независимости, но отнюдь не *единства*, которое въ виду папскаго вопроса ¹⁾ можетъ создать опасныя для французскаго трона осложненія въ самой Франціи. Когда онъ замѣтилъ, что побѣды надъ австрійцами на самомъ дѣлѣ гигантскими шагами ведутъ къ единству, то, естественно, прекратилъ войну и по соглашенію съ Францемъ-Иосифомъ противопоставилъ идеѣ единой Италіи идею конфедераціи итальянскихъ государствъ подъ предсѣдательствомъ папы ²⁾. Образование такой конфедераціи было однимъ изъ основаній виллафранскаго договора, при чемъ для выработки основъ ея организаціи имѣлъ быть созванъ особый конгрессъ. Какъ встрѣчена была вѣсть о конгрессѣ передовой демократіей самихъ заинтересованныхъ итальянскихъ государствъ показываетъ меморандумъ, составленный эмигрантами изъ королевства обѣихъ Сицилій, рѣшительно протестовавшими противъ возможности допущенія бурбонскаго дома въ составъ итальянской конфедераціи. «Неаполитанское правительство,—аргументировали они,—представляетъ собою не что иное, какъ полицію,—полицію въ гражданскомъ управленіи, полицію въ судебной администраціи, полицію въ войскѣ, полицію во всѣхъ отрасляхъ управленія. Неаполитанское правительство—не итальянское и.... не можетъ принять участія въ итальянской конфедераціи, если ранѣе не будетъ вполне и надежнымъ образомъ преобразовано». Однако, конгрессъ не состоялся, и самая мысль о конфедераціи, оказавшаяся трудно осуществимой, была оставлена Наполеономъ, выступившимъ сторонникомъ начала *невмѣшательства* во внутреннія дѣла аппенинскаго полуострова. Но, слѣдуя этому принципу, французское правительство не могло оставаться вполне равнодушнымъ къ итальянскимъ дѣламъ, поскольку они превращали полуостровъ въ очагъ перманентной революціи, прямо или косвенно угрожавшей и самой Франціи. Съ особенной тревогой слѣдило оно за тѣмъ, что творилось въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій, гдѣ смѣна на престолѣ «короля — бомбы» Фердинанда II

¹⁾ Не нужно забывать о томъ давленіи, которое оказывала на Наполеона императрица Евгенія—ярая католичка, которая по поводу гарибальдйскаго лозунга: «Римъ или смерть», зло замѣтила: «Смерть—да, Римъ—никогда», и незадолго до битвы при Вертѣ изрекла: «Лучше пруссаки въ Парижѣ, чѣмъ итальянцы въ Римѣ».

²⁾ Въ эту конфедерацію должны были войти также оставшіяся подъ австрійскимъ владычествомъ области.

«королемъ—бомбочкой» Францискомъ II не принесла съ собою никакихъ улучшеній, и гдѣ поэтому все возрастающее народное недовольство дѣлало неизбѣжной катастрофу. Стараясь, по возможности, предупредить ее,—тѣмъ болѣе, что она привела бы ускореннымъ темпомъ къ единству, котораго такъ не хотѣлось Наполеону,—французское правительство пыталось воздѣйствовать на неаполитанское, стараясь, путемъ дружескихъ совѣтовъ, побудить его къ необходимымъ уступкамъ. Любопытна инструкция, данная на этотъ случай французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ въ апрѣлѣ 1860 г. барону Бренье, французскому послу въ Неаполѣ... «Полицейское управленіе Обѣихъ Сицилій,—писалъ министр,—превысило всякую мѣру..... Долженъ просить васъ, г. баронъ, воспользоваться ближайшимъ случаемъ и объяснить г-ну Карафѣ точку зрѣнія императорскаго правительства на происхожденіе и характеръ тѣхъ событій, ареною которыхъ сдѣлалась Сицилія, равно, какъ указать ему на сдѣлавшуюся на нашъ взглядъ повелительной необходимостью въ возвращеніи къ законному порядку,—въ отказѣ отъ тѣхъ заблужденій, гибельныя послѣдствія которыхъ не представлялось бы болѣе возможнымъ отрицать, и въ обращеніи къ реформамъ, необходимость которыхъ диктуется равнымъ образомъ благоразуміемъ, какъ и справедливостью». Но бурбонское правительство оставалось глухимъ къ совѣтамъ. Естественно, что его упорство вело къ неизбѣжнымъ результатамъ: «Еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ,—доносилъ тотъ же Бренье своему министру, мысли объ объединеніи съ сѣверной Італіей не существовало: вѣрили въ возможность найти какое-нибудь другое лекарство противъ золь, удручающихъ страну; вѣрность большинства династіи не была поколеблена. Но съ тѣхъ поръ необычайно строгія мѣры полиціи и систематическій отказъ правительства въ уступкахъ, которыхъ населеніе ожидало, произвели переворотъ въ общественномъ мнѣніи, и я имѣю всѣ основанія полагать, что *пьемонтизмъ* сталъ лозунгомъ и цѣлью стремленій всѣхъ недовольныхъ»...

Если въ эту первоначальную стадію развитія тѣхъ событій, которыя привели непосредственно къ паденію Бурбоновъ, поведение французскаго правительства было нерѣшительнымъ, уклончивымъ, при чемъ и свои совѣты оно облекало въ до крайней степени *затуманенную и смягченную дипломатическую форму*, то діаметрально противоположнымъ характеромъ отличалось поведение англійскаго правительства—энергичное, рѣзко определенное, прямо ведущее къ цѣли. Англійскій представитель въ Неаполѣ сэръ Элліотъ чуть ли не ежедневно доносилъ своему правительству о безобразіяхъ, творимыхъ Бурбонами, и въ отвѣтъ

получалъ отъ лорда Джона Росселя инструкціи о ясномъ, категорическомъ характерѣ которыхъ, чуждомъ дипломатическихъ туманностей и экивоковъ, можно судить по слѣдующей: «Невозможно и нежелательно, чтобы правительство Обѣихъ Сицилій продолжало представлять собою далѣе такой странный контрастъ по сравненію съ правительствомъ средней и сѣверной Италіи. Вы должны твердо настоять передъ первымъ министромъ короны на необходимости, какъ можно скорѣе, покончить съ деспотизмомъ полиціи. Можно расходиться во взглядахъ по вопросу о достоинствѣ представительнаго образа правленія, объ формѣ, объ удобномъ для его осуществленія моментѣ, но между просвѣщенными людьми не можетъ быть двухъ мнѣній въ отношеніи надлежащаго, быстрого и безпристрастнаго отправленія правосудія. Именно открытое, систематическое, постоянное нарушеніе справедливости побудило правительство королевы прекратить свои дружескія отношенія къ неаполитанскому правительству. Лучшее, быть можетъ, что можно было бы посовѣтовать, это—созвать представительное собраніе и при его содѣйствіи выработать законы, имѣющіе подавить произволъ правительства. Для неаполитанскаго короля единственнымъ средствомъ, способнымъ устранить политическій переворотъ и сохранить короля и его династію на тронѣ, является система либеральной внутренней политики. Единственная возможность спасенія для народа Двухъ Сицилій заключается въ установленіи представительнаго образа правленія. Мы не можемъ добровольно закрывать глаза передъ извѣстными очевидными истинами. Ясно, что неаполитанскій король не соблюдаетъ по отношенію къ своимъ поданнымъ самыхъ элементарныхъ правилъ справедливости, что отчаяніе, порожденное гнетомъ, приводитъ къ комплотамъ, убійствамъ, заговорамъ и мятежамъ. Агенты и консулы ея величества, хотя они религіозно воздерживаются отъ участія въ этихъ комплотахъ, имѣютъ неопровержимыя доказательства ихъ существованія. Если бы такого рода конспираціи поставили въ опасность тронъ неаполитанскаго короля, то англійское правительство могло бы только пожалѣть о слѣпотѣ, которою поражены королевскіе совѣтники, но оно не могло бы принять на себя никакой отвѣтственности, ни сдѣлать попытки къ устраненію послѣдствій дурного управленія, равнаго которому было бы трудно найти въ Европѣ». Со свойственной такого рода правительствамъ логикою неаполитанское правительство въ отвѣтъ на предостереженія англійскаго оправдывало свои дѣйствія тѣмъ, что вынуждено защищаться противъ сторонниковъ присоединенія къ Пьемонту, что въ отношеніи заговоровъ не располагаетъ доказательствами, *достаточными для суда, и потому*

вынуждено прибѣгать къ административной расправѣ, что всякая реформа учреждений привела бы къ революціи и т. п. Ретроградное упорство неаполитанскаго правительства довело англичанъ до высшей степени раздраженія, и они рѣшили предоставить королю его собственной участи. Когда въ мартѣ 1860 г. неаполитанскій посолъ Ториджони пытается увѣрить Пальмерстона, будто бы неаполитанское королевство находится въ превосходныхъ политическихъ условіяхъ, при чемъ бурбонская монархія чувствуетъ себя вполне прочной, и т. п., то въ отвѣтъ получаетъ отъ Пальмерстона нелюбезное заявленіе, что «или онъ, Ториджони, скрываетъ свои мысли, или же плохо освѣдомленъ», такъ какъ на самомъ дѣлѣ «король подвергается величайшей опасности»,— что—«въ тотъ день, въ который получилась бы вѣсть о паденіи династіи, каждый встрѣтилъ бы его рукоплесканіемъ» и что «давать совѣты неаполитанскому правительству, значитъ, напрасно терять время и трудъ»...

Между тѣмъ вспыхиваетъ возстаніе въ Силиціи и неаполитанское правительство, напуганное слухами о вѣроятной гарибальдискій высадкѣ на островъ, начинаетъ усиленно добиваться помощи и содѣйствія Англіи. 11 мая 1860 года гр. Лудолфъ доноситъ своему правительству о происшедшемъ наканунѣ свиданіи его съ лордомъ Джономъ Росселемъ, къ которому онъ обратился съ настойчивой просьбою принять зависящія отъ англійскаго правительства энергичныя и быстрыя мѣры, которыя могли бы воспрепятствовать высадкѣ Гарибальди. «Послѣ короткой паузы, пишетъ графъ Лудолфъ, лордъ Джонъ Россель сказалъ мнѣ, что ему очень жаль, но что въ виду тѣхъ началъ, которыми англійское правительство руководствуется въ своихъ отношеніяхъ къ итальянскимъ дѣламъ, онъ ничего нынѣ не можетъ сдѣлать для насъ», что «итальянцы должны сами между собою устраниваться», что раньше Англія, дѣйствительно, всегда поддерживала правительство Обѣихъ Сицилій, но что теперь она руководствуется другими началами», что «дурные поступки правительства разожгли революціонный пожаръ, и что поэтому ничего не можетъ быть предпринято въ его защиту. Даже напротивъ—напомнилъ онъ мнѣ,—во время греческаго возстанія Англія оказывала деньгами и людьми помощь Греціи въ ея борьбѣ съ Турками». «Но если мы нынѣ Турки,—живо возразилъ я ему,—то Греки, во всякомъ случаѣ, сицилійцы, а не Гарибальди и не тѣ, которые съ нимъ». «Это вѣрно,—отвѣтилъ лордъ Джонъ,—но въ концѣ концовъ они, вѣдь, тоже итальянцы и объявили, что идутъ на помощь другимъ итальянцамъ. И поэтому, къ сожалѣнію, ничего не можемъ сдѣлать для васъ». Сообщая объ этомъ разговорѣ,

графъ Лудолфъ замѣчаетъ далѣе въ своемъ донесеніи, что приведенный разговоръ лишній разъ убѣдилъ его, что въ Англіи «твердо рѣшили взирать съ равнодушіемъ, и даже еще хуже, на все, что можетъ угрожать прочности королевскаго правительства и августѣйшей династіи и, что при существующемъ на данный случай въ Англіи общественномъ настроеніи, нѣтъ никакой надежды на перемѣну къ лучшему, независимо отъ того, кто бы ни были министры». Въ заключеніе гр. Лудолфъ даетъ своему правительству благой совѣтъ: «Если, въ чемъ я не сомнѣваюсь, пираты попадутъ въ руки королевскаго правительства, слѣдуетъ казнить ихъ въ двадцать четыре часа, никого не исключая и безъ колебаній. Всѣ тогда замолятъ о милосердіи. Всякая отсрочка или запозданіе казни были бы гибельными». Совѣтъ этотъ оказался запоздалымъ: какъ разъ въ день, которымъ помѣчено донесеніе Лудолфа, 11 мая 1860 г., состоялась знаменитая высадка Гарибальди въ Марселѣ, удачѣ которой, какъ извѣстно, много содѣйствовало поведеніе командира находящагося въ порту англійскаго военнаго парохода. Неаполитанскій король, конечно, спѣшитъ протестовать противъ этой высадки, которую квалифицируетъ, какъ «фактъ въ высочайшей степени страннаго пиратства, совершеннаго шайкою разбойниковъ», но «лорду Пальмерстону, — доноситъ гр. Лудолфъ отъ 16 мая 1860 г., — идущему нѣсколько далѣе самого лорда Джона, не нравится квалифікація пиратовъ, которую по справедливости даютъ Гарибальди и его компаніи; все, что мною было сказано по этому поводу и въ защиту правительства, осталось тщетнымъ»..

Потерявъ надежду на помощь англійскаго правительства, Францискъ II снова усиленно пытается получить ее отъ французскаго правительства, настойчиво добиваясь его вмѣшательства и посредничества въ видахъ устраненія все болѣе грозно надвигающейся опасности. Но все было тщетно. Графъ Лудолфъ отъ 12 іюня 1860 г. доноситъ своему правительству о тѣхъ впечатлѣніяхъ, которыя онъ вынесъ изъ бесѣды съ французскимъ посломъ въ Лондонѣ: «Я долженъ въ заключеніе обратить вниманіе вашего сіятельства на ту рѣчь, которую не позже, какъ сегодня, держалъ мнѣ французскій посолъ, не знаю, составляющую ли его частное мнѣніе или же внушенную ему изъ Парижа. Согласно высказанному графомъ Персиньи, все то, что говорятъ о посредничествѣ — газетная болтовня. Никогда и ни въ какомъ случаѣ не будетъ оказано посредничества въ виду провозглашеннаго императоромъ принципа невмѣшательства, въ силу котораго не можетъ быть воспрещено сицилійцамъ дѣлать то, что они находятъ нужнымъ, хотя бы и вопреки видамъ Франціи, какъ то сдѣлали тосканцы и другіе въ Италіи. Такъ что мы должны полагаться только на наши силы и исключительно на нихъ опираться. И въ этомъ я съ своей

стороны вполне согласенъ съ г. посломъ». Днемъ позже, 13 іюня, неаполитанскій посолъ въ Парижѣ Антолини шлетъ своему правительству столь же неутѣшительный отчетъ о результатахъ своей аудіенціи у императора. Наполеонъ высказалъ сожалѣніе, что въ свое время не были въ надлежащей мѣрѣ оцѣнены его совѣты, теперь же слишкомъ поздно... «Итальянцы хитры,—добавилъ онъ,—они очень хорошо понимаютъ, что, послѣ того какъ я отдалъ кровь моихъ дѣтей за ихъ національное дѣло, я никогда не направлю противъ нихъ моихъ пушекъ. Именно убѣжденіе ихъ въ этомъ привело къ революціи, къ присоединенію Тосканы вопреки моему желанію, противъ моихъ интересовъ». Во всякомъ случаѣ, скорѣе, чѣмъ къ Франціи, слѣдуетъ обратиться въ Туринъ, къ сардинскому королю, ибо Франція не можетъ отказаться отъ принципа невмѣшательства, а «когда дѣло идетъ объ итальянскомъ вопросѣ, Пьемонтъ не можетъ быть разсматриваемъ, какъ лицо постороннее». Онъ полагаетъ, что дальнѣйшая борьба съ революціей въ Сициліи невозможна, а еслибы она продолжалась, то... «могла бы развѣ Европа оставаться безстрастной зрительницей звѣрствъ, чинимыхъ королевской солдатчиной?».. Антолини пытался расширить вопросъ, пытался соблазнить Наполеона тѣмъ, что Італія, разъединенная и хотя бы даже конфедерированная, вынуждена была бы всегда слушаться совѣтовъ Франціи, тогда, какъ запугивалъ онъ Наполеона,—Італія, объединенная, повернется къ Франціи спиною и не будетъ слушаться никакого голоса, кромѣ голоса собственныхъ интересовъ; но на всѣ доводы въ отвѣтъ Наполеонъ повторялъ только въ видѣ риторнела: «C'est à Tsurin, à Tsurin qu'il faut agir».

Стараясь, по крайней мѣрѣ, выиграть время, Францискъ II шлетъ пословъ въ Туринъ съ предложеніемъ о союзѣ въ видахъ отобранія совмѣстными силами Неаполя и Пьемонта-Венеціи у австрійцевъ, Рима у папы... Бурбонъ въ роли освободителя и объединителя Італіи—такая явная и очевидная нелѣпость, что никто этого предложенія не принимаетъ въ серьезъ. Тѣмъ не менѣе, Викторъ-Эммануиль шлетъ Гарибальди извѣстное грозное письмо, въ которомъ запрещаетъ ему переходить мессинскій проливъ, требуетъ отъ него уважительнаго отношенія къ Неаполю и Риму, убѣждаетъ его не компрометировать итальянскаго дѣла «наглыми» проектами, тѣмъ болѣе, что онъ Викторъ-Эммануиль совсѣмъ не имѣютъ желанія сдѣлаться королемъ Сициліи и Неаполя и даже полагаетъ, что не нужно мѣшать сицилійцамъ, если бы они пожелали себѣ избрать королемъ кого-нибудь изъ членовъ царствующей въ Неаполѣ династіи, хотя бы даже опять самаго Франциска II. Это письмо, какъ извѣстно, всегда служило и для нѣкоторыхъ служить до сихъ поръ однимъ изъ самыхъ

тяжелыхъ обвинительныхъ пунктовъ противъ Виктора-Эммануила, документально свидѣтельствуя о попыткѣ его помѣшать побѣдоносному революціонному маршу Гарибальди и оборвать такимъ образомъ столь стремительно шедшее къ благополучному концу дѣло итальянскаго объединенія. Но въ настоящее время не подлежитъ уже сомнѣнію, что это письмо—простая комедія. Если не ошибаюсь, года четыре тому назадъ англійскимъ историкомъ Масаулау-Trevelyan'омъ вполне установлено, что одновременно съ письмомъ Гарибальди получилъ отъ Виктора-Эммануила секретную записку, предупреждавшую его не принимать письма въ серъезъ. Во всякомъ случаѣ, формально на письмо короля Гарибальди вѣжливо отвѣчаетъ, что не можетъ слѣдовать его совѣту, принимая во вниманіе то революціонное состояніе, въ которомъ находятся Сицилія и весь югъ полуострова; онъ переходитъ мессинскій проливъ и бурей движется къ Неаполю. Смертельно напуганный Францискъ II снова обращается къ Джону Росселю и снова безуспѣшно. «Лордъ Джонъ,—пишетъ Лудольфъ,—не полагаетъ, что Англія должна рисковать снова нарваться на подобный отвѣтъ (какъ отвѣтъ Гарибальди. Г. Ш.). Онъ сказалъ мнѣ, что видѣлъ князя С. Джузеппе Бельмонта—сардинскаго посла—что послѣдній не обнаружилъ особенной благосклонности къ Гарибальди, но полагаетъ, что этотъ вожакъ способенъ въ Сициліи на все, что угодно, и что на островѣ сдѣлаютъ все, что бы ему ни заблагоразсудилось приказать. Я полагаю, что эти завѣренія Бельмонта относительно могущества Гарибальди должны были подѣйствовать на настроеніе лорда Джона Росселя, пробудивъ въ немъ чувства отвращенія и вражды къ королевскому правительству». Въ донесеніи же отъ 8 августа 1860 г. Лудольфъ сообщаетъ: «Подтверждаю фактъ энтузіазма, проявляемаго всей Англіей въ отношеніи итальянскаго единства. Мое защитаніе имѣетъ удачу: всѣ за Гарибальди, популярности котораго растутъ по мѣрѣ того, какъ растутъ его успѣхи. Въ одномъ парламентскомъ собраніи, происшедшемъ вчера въ его офиціальнѣйшей резиденціи, лордъ Пальмерстонъ съ удивленіемъ сообщилъ о высадкѣ Гарибальди въ Калабрию.... Съ своей стороны сардинская легатія выдаетъ за вѣрное ближайшее присоединеніе Обѣихъ Сицилій къ остальной Италіи». И Лудольфъ совѣтуетъ: «Иностраннѣйшій генералъ съ громкимъ именемъ долженъ быть поставленъ во главѣ войска, дабы обезпечить тѣ успѣхи, которые, во что бы то ни стало, должны быть достигнуты»... Эта вѣра въ «иностраннаго генерала», какъ въ наилучшее средство для борьбы съ національнымъ народнымъ движеніемъ—одна изъ самыхъ характерныхъ чертъ бурбонскаго режима, которому суждено было, немного дней спустя, окончательно исчезнуть, не оставивъ послѣ себя въ исторіи ничего, кромѣ скверной памяти.. *Гр. Шрейдеръ.*

Критика и библиографія.

А. Н. Пыпинъ. *Русское масонство. XVIII и первая четверть XIX в. Редакція и примѣчанія Г. В. Вернадскаго. Изд. «Огни»* П. 1916, ц. 4 р.

Нельзя не порадоваться тому, что труды нашего талантливаго историка А. Н. Пыпина, которые при жизни онъ не успѣлъ вслѣдствіе срочной журнальной работы собрать въ отдѣльныя изданія, теперь становятся доступными массамъ читателей, а не только тѣхъ специалистовъ, которые разыскивали ихъ въ старыхъ журналахъ. Масонствомъ Пыпинъ долго и пристально занимался, и работы его въ этой области въ высшей степени цѣнны.

Книга, нынѣ изданная, состоитъ, если не считать одной наиболѣе поздней замѣтки, собственно изъ трехъ отдѣловъ: наибольшее мѣсто въ ней занимаетъ обширная монографія о русскомъ масонствѣ въ XVIII в. (стр. 1—331), впервые появившаяся въ «Вѣстникѣ Европы» 1867—68 г.; затѣмъ слѣдуютъ матеріалы для исторіи масонскихъ ложъ отчасти конца XVIII в., но главнымъ образомъ первой четверти XIX в. (стр. 335—481), первоначально напечатанные въ «Вѣстн. Евр.» 1872 г., и, наконецъ, хронологическій указатель русскихъ ложъ (стр. 498—532), прежде изданный въ 1873 г. отдѣльною брошюрою. Особенное значеніе имѣетъ первый трудъ. Основываясь на предшествовавшихъ работахъ Лонгинова, Ешевскаго и Тихонравова, воспользовавшись матеріалами, напечатанными Пекарскимъ, и А. Н. Поповымъ, А. Н. Пыпинъ, вооруженный большими знаніями и въ западноевропейской литературѣ, далъ превосходную картину русскаго масонства въ XVIII вѣкѣ. При высокихъ достоинствахъ содержанія этой монографіи нельзя не оцѣнить и общедоступность ея изложенія. Пыпинъ былъ, къ счастью, писатель не «для немногихъ», онъ совершенно правильно всегда указывалъ

на необходимость для русскихъ историковъ работать на пользу не однихъ специалистовъ, а и для широкой массы читателей и своими трудами показывалъ этому примѣръ. Въ высшей степени симпатично и направленіе его настоящаго труда: это трезвая оцѣнка нашего масонства и дѣятельности масоновъ XVIII вѣка съ указаніемъ какъ на положительное, такъ и на отрицательное его значеніе, тутъ нѣтъ мѣста ни для защиты мистическаго обскурантизма, ни для наивныхъ восторговъ отъ нерѣдко безсодержательной фразеологіи масонскихъ рѣчей, ни увлеченія разработкою одной внѣшности масонскаго ритуала. Названный трудъ еще долго будетъ лучшимъ руководствомъ какъ для интересующагося масонствомъ читателя-любителя, такъ и для начинающаго специалиста.

Болѣе скромное значеніе имѣютъ матеріалы для исторіи русскихъ масонскихъ ложъ въ концѣ XVIII и первой четверти XIX в. Они драгоцѣнны для историковъ-специалистовъ, но нельзя не пожалѣть, что А. Н. Пыпинъ не успѣлъ разработать ихъ такъ же, какъ это сдѣлалъ для общаго очерка масонства въ XVIII в. Наконецъ, указатель ложъ имѣетъ уже вполне специальное значеніе.

Слѣдуетъ отмѣтить съ большимъ сочувствіемъ то вниманіе, съ которымъ отнесся къ своей задачѣ редакторъ изданія, Г. В. Вернадскій. Стараясь сохранить неприкосновеннымъ текстъ Пыпина, онъ снабдилъ его въ концѣ книги примѣчаніями и дополненіями, преимущественно относительно XVIII вѣка, съ приложеніемъ списка наиболѣе значительной литературы о масонствѣ. Совершенной переработкѣ на основаніи новѣйшихъ данныхъ подвергъ онъ «указатель ложъ», число которыхъ при этомъ пришлось увеличить съ 142 до 187. Нельзя не быть признательнымъ наслѣдникамъ покойнаго ученаго вообще за ту любовную заботливость, которую они проявляютъ относительно необходимыхъ дополненій и къ другимъ его трудамъ при новыхъ изданіяхъ. Желательно было бы, чтобы такой же пріемъ былъ примѣненъ, при новомъ переизданіи, и къ превосходной книгѣ Пыпина «Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I», въ которой нѣкоторые отдѣлы, какъ, напр., о Сперанскомъ, очень устарѣли еще при жизни автора.

В. Семевскій.

А. Н. Пыпинъ. *Религіозныя движенія при Александрѣ I. Предисловіе и примѣчанія Н. К. Пиксанова.* Изд. «Огни» Пет. 1916. Ц. 4 руб.

Появленіе статей А. Н. Пыпина въ отдѣльномъ изданіи хорошій подарокъ для всѣхъ интересующихся эпохой Александра I.

Статьи, напечатанныя еще въ 60-хъ гг., за всѣ «почти пятьдесятъ лѣтъ» служили необходимѣйшимъ пособіемъ при изученіи эпохи и въ частности того пышнаго расцвѣта мистическаго христіанства, которое знаменовала собой вторая половина царствованія Александра I. Ихъ научная цѣнность, несмотря на то, что «научная разработка александровской эпохи», какъ отмѣчаетъ авторъ предисловія, продвинулась далеко впередъ, сохранилась во всей полнотѣ. Богатыя документальныя публикаціи послѣдняго времени могутъ только дополнить, но не измѣнить сущности основныхъ взглядовъ А. Н. Пыпина. Центральная работа, вошедшая въ этотъ томъ статей и посвященная русскому библейскому обществу, такъ и остается до сихъ поръ единственной работой.

Книга Пыпина, проникнутая трезвымъ реализмомъ, книга, девизомъ которой по справедливости можно было поставить слова автора—обскурантизмъ есть неизбѣжный спутникъ необузданнаго мистицизма, помимо своей научной цѣнности, имѣетъ и большое общественное значеніе. И какъ хорошо, что эта полезнѣйшая книга появляется въ наше время, когда въ общественной и государственной жизни проявляются проблески и увлеченія, весьма схожія съ проявленіями реакціоннаго обскурантизма александровскаго времени. Когда возрождаются традиціи, столь желѣанныя сто лѣтъ назадъ, важно просмотрѣть это прошлое подъ руководствомъ трезваго ученаго и наглядно увидать результаты, къ которымъ они приводили. Книга А. Н. Пыпина должна быть настольной книгой.

Текстъ работъ покойнаго академика появляется въ отдѣльномъ изданіи безъ всякихъ измѣненій. И это естественно—текстъ дѣйствительно могъ бы передѣлать только самъ авторъ. Н. К. Пиксановъ ограничился лишь указаніемъ новѣйшей спеціальной литературы. Послѣднее сдѣлано съ большей или меньшей полнотой (хотя далеко не исчерпывающей). Такое отношеніе редакціи все же намъ представляется нѣсколько формальнымъ. Иногда и въ текстѣ безъ большихъ затрудненій можно было бы сдѣлать нѣкоторыя дополненія, поправки или оговорки. Напр., Пыпинъ приводитъ письмо М. И. Невзорова (23 іюля 1825 г.) къ митрополиту Серафиму въ защиту мистической литературы по современной копіи. Въ текстѣ имѣется многоточіе, сопровождаемое замѣчаніемъ автора: Невзоровъ продолжаетъ говорить подобнымъ образомъ о нѣкоторыхъ недостаткахъ въ церковныхъ дѣлахъ. Совершенно ясно, что это мѣсто въ свое время было пропущено только по цензурнымъ условіямъ. Почему же черезъ пятьдесятъ лѣтъ въ отдѣльномъ изданіи это мѣсто не возстановить? тѣмъ болѣе, что оно напечатано уже было въ «Голосѣ Минувшаго» (1913 г. № 12, стр. 277).

Намъ кажется, что и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ редактору слѣдовало бы сдѣлать оговорки. Въ одномъ точка зрѣнія Пыпина совершенно устарѣла—это во взглядахъ на личность и роль самого Александра I—можетъ быть здѣсь должно было предупредить читателя. Равнымъ образомъ, когда Пыпинъ говоритъ, напр., на основаніи записокъ Сушкова о митрополитѣ Филаретѣ, что послѣдній «сохраняя иногда взгляды временъ Библейскаго общества и относился къ расколу съ снисходительностью, которая не была вообще въ привычкахъ нашей іерархіи», надо было бы указать, что послѣ изданія мнѣній митр. Филарета (въ 1885—1887 г., т.-е. черезъ 20 лѣтъ послѣ напечатанія статьи Пыпина) этотъ взглядъ въ корень долженъ быть измѣненъ.

Но все это скорѣе мелочи, неослабляющія значенія крупнаго общественнаго вклада, который дѣлаетъ появленіе книги Пыпина отдѣльнымъ изданіемъ.

С. Мельгуновъ.

Публицистъ-гражданинъ. Литературный сборникъ, посвященный памяти Григорія Константиновича Градовскаго. Съ портретами и снимками. Касса взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ—своему основателю. Петроградъ. 1916 г. (Вырученная отъ продажи сборника сумма поступаетъ полностью въ пенсіонный фондъ имени Г. К. Градовскаго.)

Имя Г. К. Градовскаго, фельетониста «Гаммы», редактора-издателя «Русскаго Обзорѣнія», основателя литературной «кассы», перейдетъ въ исторію русской журналистики. Но изъ его произведеній для потомства не останется ничего, и даже можно сказать—не осталось. Онъ писалъ полвѣка, пользовался извѣстностью, въ началѣ своей литературной дѣятельности нѣкоторое время имѣлъ даже шумный успѣхъ у читателей и снискалъ вмѣстѣ съ тѣмъ репутацію опаснаго публициста въ глазахъ цензуры. Цензурная исторія его «Русскаго Обзорѣнія», просуществовавшего меньше двухъ лѣтъ (1876—78 гг.) и навлекшаго на себя въ этотъ короткій срокъ 11 предостереженій съ тремя пріостановками, въ общей сложности, на 14 мѣсяцевъ, занимаетъ одну изъ яркихъ страницъ въ лѣтописяхъ цензурныхъ мытарствъ русской печати. Если къ этому прибавить, что одинъ изъ фельетоновъ «Гаммы» въ «Голосѣ», о дѣлѣ Вѣры Засуличъ, возбудилъ въ цензурѣ на долгіе годы повышенную мнительность въ каждой строчкѣ, написанной опальнымъ публицистомъ, а въ публикѣ—такой же интересъ, то легко представить, какое вліятельное положеніе въ публицистикѣ своего времени могъ бы занимать Градовскій. Могъ бы, но не занималъ, ибо безспорно не только

то, что для потомства не существует Градовскаго, какъ писателя, котораго читають, но и то, что и на современниковъ его слово не оказывало вліянія, что не существовало даже маленькой группы читателей, которая когда-либо считала Градовскаго своимъ вождемъ. А между тѣмъ у него несомнѣнно былъ недюжинный литературный талантъ, образованіе, пылкій публицистическій темпераментъ, и писалъ онъ много, по преимуществу въ большихъ газетахъ, доступныхъ широкому кругу читателей. Легко объяснить, что произведенія газетнаго работника не пережили своего автора. Но почему умный, талантливый, просвѣщенный, притомъ страстный публицистъ, бывшій всегда на виду у читателей, не имѣлъ сколько-нибудь значительнаго вліянія на свою аудиторію? Почему, за однимъ, двумя исключеніями на протяженіи полувѣка, онъ не жегъ своимъ глаголомъ сердца людей, не заражалъ читателя своей идеей?

Друзья покойнаго, составившіе сборникъ въ его память, винятъ въ неудачѣ его публицистической карьеры цензуру, плохихъ редакторовъ, журнальныхъ противниковъ писателя. Конечно, условія русской печати не благопріятствуютъ расцвѣту талантовъ и росту литературнаго вліянія на общество. Но эти условія—общія для всѣхъ—давили на нѣкоторыхъ изъ сверстниковъ Градовскаго не въ меньшей, если не въ большей, мѣрѣ, чѣмъ на него. Не всѣ они, подобно ему, были вполне вольны и въ выборѣ изданій для публицистической дѣятельности—выборъ-то былъ слишкомъ ограниченъ—и, конечно, не меньше его терпѣли отъ редакторской неумѣлости или издательскаго трепета передъ цензурой. Нечего и говорить, что литературные противники не были къ нимъ снисходительнѣе, нежели къ Градовскому. И все это, однако, не помѣшало имъ занять въ журналистикѣ своего времени подобающее вліятельное положеніе.

Мнѣ кажется, что причина неуспѣха Градовскаго лежитъ не во внѣшнихъ условіяхъ его публицистической дѣятельности, а въ немъ самомъ: при всѣхъ его блестящихъ дарованіяхъ и достоинствахъ, у него не было одного—и этотъ единственный недостатокъ стоилъ всѣхъ достоинствъ въ публицистѣ, претендующемъ на руководящую роль,—у него не было *своей* идеи, той идеи, которая, владѣя писателемъ, служить для него звѣздой-путеводительницей, а черезъ него—и для читателей. Спѣшу оговориться, что я считаю Градовскаго на всемъ протяженіи его полувѣковой дѣятельности публицистомъ прогрессивнаго направленія. Тотъ фактъ, что онъ началъ въ «Кіевлянинѣ» и «Московскихъ Вѣдомостяхъ» и кончилъ въ «Новостяхъ» и «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», для меня не служить доказательствомъ

неустойчивости его политическихъ взглядовъ. Мнѣ кажется, въ объясненіяхъ этого перехода друзья Градовскаго, ссылающіеся на примѣръ Бѣлинскаго, дальше отъ истины, нежели онъ самъ, просто указывающій, что «Кіевлянинъ» и «Московскія Вѣдомости» конца шестидесятыхъ годовъ и въ самомъ началѣ семидесятыхъ стояли на сторонѣ реформъ царствованія Александра II и въ этомъ смыслѣ были, пожалуй, либеральны. Даже покидая коршевскія либеральныя «С.-Петербургскія Вѣдомости» для только-что возникавшаго «Гражданина» кн. Мещерскаго и черезъ годъ производя, на первый взглядъ, обратную смѣну «Гражданина» на «Голосъ» и на мелькнувшее яркимъ метеоромъ «Русское Обозрѣніе», Градовскій, обнаруживъ большую доску литературной неразборчивости, кризиса въ своихъ политическихъ воззрѣніяхъ не переживалъ. Когда я узналъ изъ разсматриваемаго сборника, что нѣкоторыя статьи Градовскаго печатались въ безспорно консервативномъ «Кіевлянинѣ» начала 900-хъ годовъ и въ «Новомъ Времени» 1904 г., я и этому не удивился. Здѣсь, быть можетъ, въ еще большей степени, сказалось лишь то же отсутствіе въ немъ обязательной для публициста выдержки. Какъ видно изъ собственной статьи Градовскаго, перепечатанной въ сборникѣ, нѣсколько позже, въ 1909 г., онъ, со столбцовъ «Биржевыхъ Вѣдомостей», рѣзко нападалъ на Меншикова и на «Новое Время» и бичевалъ октябристовъ за недостаточную энергію въ отстаиваніи нашихъ «свободъ». Но самъ шелъ къ тѣмъ же Меншиковымъ, хотя, конечно, въ «Кіевлянинѣ» и въ «Новомъ Времени» онъ писалъ, не противъ «свободы», а за осуществленіе и расширеніе ихъ.

Градовскій могъ выступать въ изданіяхъ разныхъ, непримиримыхъ между собою, лагерей—и выступалъ бы въ органахъ, подобныхъ «Новому Времени», вѣроятно, чаще, еслибы этому не мѣшала политическая борьба между разными журнальными группами и собственная его несдержанность въ полемикѣ. Объясняется это именно тѣмъ, что у публициста Градовскаго, которому друзья даютъ названіе публициста-гражданина, были опредѣленные, довольно постоянные взгляды, но не было пламенной политической вѣры, не было глубокаго политическаго убѣжденія. Вступивъ юношей на арену общественной дѣятельности, онъ воспринялъ взгляды окружавшей его чиновничьей среды, которая тогда, въ первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ, была сплошь либеральна. Какъ чиновникъ, онъ по условіямъ мѣста и времени долженъ былъ дѣйствовать въ «духѣ» реформъ. Въ томъ же «духѣ» онъ сталъ и писать, и, конечно, какъ умный и образованный человѣкъ, сдѣлалъ всѣ необходимыя логическія выводы изъ этой предпосылки.

Въ «духѣ» реформъ, воспринятомъ въ указанной обстановкѣ, которая налагала свою печать на характеръ и объемъ его истолкованія, молодой писатель нашелъ руководящее начало для своей публицистики и, повинувся влеченіямъ своей дѣятельной натуры, подсказывавшей ему, по выраженію одного изъ его друзей, «стародавнее» правило: *primo vivere, deinde philosophari*, вошелъ въ жизнь. При другихъ условіяхъ тотъ же «духъ» могъ зажечь въ сердцѣ писателя пламенную вѣру, стать источникомъ его общественной философіи,—при данныхъ обстоятельствахъ онъ установилъ лишь внѣшнія рамки, направляющія по опредѣленному руслу. Эти рамки сдѣлались для Градовскаго необходимыми, привычными, обязательными, какъ привычны, необходимы, обязательны для воспитаннаго человѣка извѣстныя правила поведенія въ обществѣ. Но самыя прекрасныя правила поведенія не заставляютъ ваше сердце усиленно биться и не передадутъ его волненія другимъ сердцамъ. И вотъ пылкій, увлекающійся, рѣзкій въ личной полемикѣ, Градовскій становится чрезвычайно терпимымъ и мягкимъ, когда дѣло идетъ о направленіяхъ, партіяхъ. Въ началѣ своей писательской карьеры онъ, по собственному признанію, «былъ совершенно чуждъ всякихъ литературныхъ партій, направленій и оттѣнковъ, раздѣлявшихъ столичную печать». Позднѣе такое полное безразличіе къ политическимъ дѣленіямъ для публициста стало невозможно. Онъ уходитъ изъ «Гражданина», но пишетъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», пока тамъ можно писать въ «духѣ» реформъ. Въ «Русскомъ Обозрѣніи», гдѣ онъ былъ полновластенъ, онъ писалъ горячо и ярко и всю газету велъ въ опредѣленномъ направленіи, но въ то же время онъ не порывалъ и съ «Голосомъ», несмотря на постоянные уклоны послѣдняго отъ прямого пути. Не лишенъ характерности тотъ фактъ, что даже фельетону Градовскаго о Вѣрѣ Засуличъ въ этой газетѣ предшествовалъ другой фельетонъ, содержаніе котораго, судя по изложенію одного изъ участниковъ сборника, вполне подходило бы для нынѣшняго «Русскаго Знамени».

Понятно, что либеральный публицистъ, мирившійся съ подобнымъ сосѣдствомъ въ пору расцвѣта своей популярности, появляется на склонѣ лѣтъ въ «Новомъ Времени». Понятно также и то, что этотъ публицистъ можетъ интересоваться читателя, можетъ сдѣлаться извѣстностью, но онъ не можетъ вліять на читателя, не можетъ вести за собой.

Публицистическія заслуги Градовскаго тѣмъ не менѣе довольно значительны. Издавъ сборникъ, посвященный его памяти и составленный, по преимуществу, изъ статей его лите-

ратурныхъ и личныхъ друзей, касса взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ отдала справедливую дань благодарности своему основателю. Сборнику можно пожелать успѣха не только въ виду полезной цѣли, на которую назначается весь доходъ отъ него, но и потому, что большинство статей, вошедшихъ въ сборникъ, написаны тепло, живо и интересно. Нѣкоторыя изъ нихъ выиграли бы, если бы были свободны отъ ненужной и запсздалой полемики. Существеннымъ пробѣломъ въ сборникъ является отсутствіе статей, въ которыхъ, подобно обстоятельной статьѣ Вл. А. Апушкина о военныхъ корреспонденціяхъ Градовскаго, былъ бы данъ обзоръ важнѣйшихъ работъ покойнаго публициста по внутренней политикѣ и прослѣжена цензурная исторія его «Русскаго обозрѣнія».

Владиміръ Розенбергъ.

Сербскій эпосъ. Переводъ Н. М. Гальковскаго. Памятники міровой литературы. Москва. Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ. 1916. 377+XXV. Ц. 2 р. 75 к.

Въ процессѣ пробужденія и развитія на Западѣ интереса къ народной поэзіи славянскихъ народовъ сербскому эпосу принадлежитъ почетное мѣсто. Красота и обаяніе сербской эпики заключается какъ въ богатствѣ и разнообразіи ея изобразительныхъ средствъ, такъ и въ проникающемъ ее глубокомъ лиризмѣ.

Изданный въ 1871 г. Н. В. Гербелемъ сборникъ «Поэзія Славянъ», заключившій въ себѣ значительное число образцовъ сербскаго народнаго эпоса, давно сталъ рѣдкостью, и широкіе круги русской читающей публики давно лишены возможности ознакомленія съ поэзіей, которая еще въ теченіе первой половины XIX в. плѣнила не только западныхъ поэтовъ и ученыхъ, но и все образованное общество Европы.

Поэтому нельзя не привѣтствовать вполне своевременное появленіе въ свѣтъ первой въ серіи «Твореній Славянъ» книги—значительнаго количества сербскихъ эпическихъ пѣсенъ въ переводѣ Н. М. Гальковскаго, изданномъ М. и С. Сабашниковыми въ ряду «Памятниковъ міровой литературы». Переводъ этотъ не новъ: г. Гальковскій издалъ его въ г. Сумахъ (Харьк. губ.) еще въ 1897 г., а въ 1901 г. удостоился за него отъ Академіи Наукъ почетнаго отзыва имени Пушкина. Разсматривалъ переводъ по порученію Академіи покойный П. А. Ровинскій, рецензія котораго была напечатана въ 1903 г. въ отчетѣ о XIV присужденіи Пушкинскихъ премій.

Переводить стихи, да еще съ соблюденіемъ размѣра подлинника,—работа тяжелая и неблагодарная, въ данномъ случаѣ еще

121

болѣе усложняющаяся какъ несовпаденіемъ изобразительныхъ средствъ русской и сербской эпическихъ поэзій, такъ и трудностью, которая всегда сопровождаетъ переводъ съ близкаго языка. Поэтому приходится мириться съ тѣмъ, что переводчикъ иногда изъ необходимости соблюсти размѣръ дѣлаетъ незначительныя опущенія или добавленія. Ихъ не избѣжать. Досаднѣе, что иногда эти опущенія дѣлаются уже не по требованіямъ стиха ¹⁾, и что переводчикъ допускаетъ — правда очень рѣдко — и произвольныя измѣненія смысла отдѣльных словъ и текста. Укажу, напримѣръ, на эпизодъ въ пѣснѣ «Кумъ Гречичъ Манойло». Мать ударяетъ ребенка о каменную скалу—въ сербскомъ текстѣ, а у переводчика она «бросила... на дорогу пыльную ребенка» (стр. 26). Вѣдь это не одно и то же! Къ досадному противорѣчію приводитъ также произвольное измѣненіе значенія прилагательнаго *убојити*—по-русски *боевой*: переводчикъ называетъ *боевое копье—стальнымъ*, а послѣ говоритъ, что оно разбито въ щепки.

Однако, въ концѣ концовъ, не въ этомъ бѣда. Какъ поэтъ, онъ съ переводомъ справился вполне удовлетворительно. Но вѣдь работѣ переводчика-поэта предшествуетъ работа переводчика-филолога, съ которой г. Гальковский справился менѣе удачно, въ результатѣ чего получился рядъ недочетовъ и недостатковъ: невѣрная транскрипція и вообще ошибки въ передачѣ именъ (особенно географическихъ) и неточная передача значенія нѣкоторыхъ чисто сербскихъ культурно-бытовыхъ терминовъ, которой нужно было предпочесть ихъ удержаніе съ поясненіемъ значенія (что авторъ иногда и дѣлаетъ тамъ, гдѣ это значеніе знаетъ) и, наконецъ, что гораздо хуже, невѣрный переводъ многихъ отдѣльных словъ, а иногда и цѣлыхъ выраженій, а, слѣдовательно, и невѣрная передача цѣлыхъ образовъ. Отъ подобныхъ ошибокъ не былъ свободенъ никто изъ предшественниковъ Гальковского, даже Бергъ, котораго онъ самъ выше другихъ цѣнитъ, но мы рѣшительно отказываемся понять, почему переводчикъ пренебрегъ указаніями и разъясненіемъ этихъ ошибокъ, сдѣланными ему (за 12 лѣтъ до настоящаго изданія) такимъ знатокомъ сербства, какъ П. А. Ровинскій въ названной выше рецензій.

Просмотръ новаго изданія убѣдилъ насъ въ томъ, что г. Гальковский остался при всѣхъ своихъ первоначальныхъ заблужде-

¹⁾ Напр. въ пѣснѣ «Марко Кралевиѣ и Мина изъ Костура» мать убѣждаетъ Марка итти въ войско султана, хотя ему «законъ» велитъ быть на крестинахъ и свадьбѣ:

Богъ проститъ намъ, сынокъ;

А турки не поймутъ насъ (дословно съ сербск.).

А у Гальк.: И тебя Создатель не осудитъ,

а вторая строка безъ всякой причины опущена.

ніяхъ, не исправивъ даже самыхъ грубыхъ и совершенно доказанныхъ ошибокъ и преподнося такимъ образомъ читателю уже рядъ завѣдомо невѣрно переведенныхъ мѣстъ.

Въ самомъ дѣлѣ, для чего же переводить сербское *веньер*—словомъ *можевельникъ*, когда оно значить *фонарь*; сербское *книга*—словомъ *книга* тамъ, гдѣ оно значить *письмо*; сербск. *гдра*—словомъ *гора*, когда оно значить *лѣсъ*; сербск. прилаг. *крсни*=русск. *крестный* (данный при крещеніи)—словомъ *красный* и т. п.?

Въ результатѣ герои вмѣсто писемъ получаютъ цѣлыя книги, или, напр., тамъ, гдѣ рисуются двѣ тонкихъ ели, превывшихъ своими вершинами весь *лѣсъ* и украсившими его своей зеленью, у переводчика: «Всей горы онѣ вершину кроютъ» (стр. 320). Это двѣ-то *тонкихъ ели*!

Еще примѣръ. Одаряемый султаномъ Марко Королевичъ съ удовольствіемъ представляетъ себѣ, какъ будутъ говорить о его новомъ богатствѣ враги: «Тѣ дома его сгорѣли, а у него теперь еще *лучше*; то богатство у него унесли, а теперь посмотри, какое большое!» Такъ въ сербск. текстѣ, а у г. Гальковского рѣчи враговъ переданы такъ:

У него одни дворы сгорѣли,
Пусть же эти остаются *пусты*.
У него разграблено богатство,—
Пусть же это *въ прокъ ему не будетъ*.

Такое извращеніе текста получилось отъ незнанія, что сербск. слово *пусти* значить не только *пустой*, но и бѣльшій, лучшій (ср. русское *пуще*).

Высказывая рѣшительное осужденіе по адресу г. Гальковского за то, что онъ оставилъ всѣ эти ошибки въ новомъ изданіи своего перевода, мы считаемъ нужнымъ отмѣтить, что, по сравненію съ большимъ объемомъ книги и количествомъ переведенныхъ стиховъ, число этихъ ошибокъ не велико, и книгу его можно рекомендовать для ознакомленія съ сербскимъ эпосомъ, о которомъ *общее* впечатлѣніе по ней вполне можно составить. Нѣкоторыя пьесы переводчику очень удались, какъ напр. пѣсня «Марко узнать отцовскую саблю».

Не приходится жалѣть, что г. Гальковскій не рѣшился послѣ Пушкина предлагать свой переводъ пѣсни «Сестра и братья» (Бог никому дужан не остае), но самый фактъ отсутствія въ разсмотрѣнномъ сборникѣ нѣкоторыхъ изъ перловъ сербск. эпического творчества (напр. «Построеніе Скадра») заставляетъ насъ высказаться критически по поводу примѣненнаго къ данному сборнику

издателями приѣма. Не лучше ли было бы предоставить спеціальному редактору выбрать лучшіе въ смыслѣ соотвѣтствія «эпическому букету» подлинника переводы умершихъ уже авторовъ, а здравствующимъ поставить условіемъ исправленіе сдѣланныхъ ими ошибокъ и устраненіе произвольныхъ измѣненій текста? Въ результатѣ такого приѣма мы бы, несомнѣнно, получили болѣе цѣнный и по полнотѣ, и по художественности, и въ текстуальномъ отношеніи сборникъ.

Павель Зайцевъ.

А. Л. Погодинъ. «Краткій очеркъ исторіи славянъ». М. 1915 г. Ц. 60 к. «Славянскій міръ». М. 1915 г. Ц. 1 р. 75 к.

Проф. Погодинъ принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ русскихъ славистовъ, которые стремились познакомить широкіе слои общества съ историческими судьбами славянства. Проф. Погодину нельзя отказать и въ научной освѣдомленности и въ знакомствѣ съ новѣйшей исторической литературой, но большая часть историческихъ работъ проф. Погодина, въ особенности его книги и статьи по исторіи южнаго славянства, отличается однимъ существеннымъ недостаткомъ: онѣ чрезмѣрно детализируютъ внѣшнюю исторію, благодаря чему вниманіе читателя разбрасывается, и онъ не всегда въ состояніи уловить сущность исторической эволюціи, понять характеръ и темпъ историческаго процесса. Въ его работахъ нѣтъ историческаго метода, замѣтно полное отсутствіе исторической перспективы. Все сказанное вполнѣ примѣнимо къ первой изъ названныхъ книгъ. Какъ историческій и фактический справочникъ, она безусловно полезна, когда нужно возобновить въ памяти основные факты внѣшней исторіи славянства, но она совершенно не удовлетворитъ того, кто бы желалъ составить себѣ научное представленіе объ исторіи славянства. Авторъ перегрузилъ свою книгу фактами, не отдѣлилъ существеннаго отъ второстепеннаго, наполнилъ свою работу обиліемъ именъ и названій, но прошелъ въ исторіи славянства мимо ея внутренней эволюціи. Съ этой стороны, работа проф. Погодина разочаруетъ тѣхъ, кто сталъ бы искать въ ней не только одной хронологической лѣтописи событій. Вообще пора начать по иному писать исторію славянства. Переполненіе работъ внѣшними фактами отнюдь не будетъ содѣйствовать развитію интереса къ славянству.

Вторая работа носитъ характеръ справочника по славянству и ставитъ своей задачей знакомство читателя съ экономическимъ и политическимъ бытомъ современнаго славянства. Такая постановка вопроса вполнѣ отвѣчаетъ современному истори-

ческому моменту и требованіямъ науки. Является вопросъ, выполнимо ли это въ данный моментъ.

Самъ авторъ даетъ на это отрицательный отвѣтъ, но все-таки онъ рѣшился предложить свою работу «русскому обществу,» сознавая ея неполноту и несовершенство». Проф. Погодинъ отмѣчаетъ трудности, которыя ему приходилось преодолевать. Онѣ весьма существенны, и притомъ настолько, что такая работа становится не подъ силу одному работнику. Дѣйствительно работа проф. Погодина вызываетъ много возраженій, и прежде всего съ методологической стороны. Авторъ хотѣлъ дать русскому обществу политическій и экономическій справочникъ по современному славянству. Между тѣмъ о современном славянствѣ онъ говоритъ сравнительно мало, и сообщаемыя имъ свѣдѣнія, за исключеніемъ Чехіи и Польши, отличаются большою краткостью. Если проф. Погодинъ хотѣлъ представить статистическое состояніе современнаго славянства, то все это надо было бы сдѣлать значительно подробнѣе. Между тѣмъ авторъ половину своей работы посвятилъ изложенію историческихъ судебъ славянства, что, конечно, проще и легче. Однако, эти историческіе экскурсы вызываютъ много возраженій. Насколько они умѣстны въ работѣ, преслѣдующей иныя задачи и цѣли, и что они даютъ читателю? Намъ кажется, что въ книгѣ они являются балластомъ къ невыгодѣ самой книги, ибо отвлекли автора отъ прямой его задачи. Помимо этого, они ничего не даютъ читателю: подготовленный читатель пройдетъ мимо этихъ очерковъ, неподготовленный испугается массы фактовъ, запутается въ нихъ и едва ли одолѣетъ ихъ. Во всякомъ случаѣ работа проф. Погодина, благодаря двойственности заданія автора, не даетъ исчерпывающаго отвѣта по той простой причинѣ, что едва ли это посильно одному изслѣдователю, на что указываетъ и самъ авторъ. При составленіи своей книги, проф. Погодинъ имѣлъ въ виду не только «образованное общество», желающее познакомиться съ историческими судьбами славянства, но и высшую школу, гдѣ преподается такъ называемое «введеніе въ славяновѣдѣніе». Авторъ — профессоръ славянскихъ нарѣчій, ему приходится читать вышеназванный курсъ, и все-таки онъ рѣшается высказать сомнѣніе въ пригодности этой работы въ качествѣ пособія по курсу «введенія въ славяновѣдѣніе».

Вл. Пичета.

Книги, поступившія въ редакцію для отзыва.

- 1) Аксёновъ, И. Елисаветинцы. Вып. I. М. Кн-во «Центрофуга». Ц. 4 р. 2) Алеевская, Х. Грезы. Ц. 60 к. 3) Временникъ. Изд. Сѣв. кружка люб. изящ. искусств. I. 4) Высоцкій, Н. Сомнительное «ученое» изданіе. М. 5) Гессенъ, Ю. Исторія еврейскаго народа въ Россіи. Т. I. П. Ц. 4 р. 6) Игнатовъ, И. Театръ и зрители. I. М. «Задруга». Ц. 3 р. 7) Извѣстія отд. русск. яз. и словесн. Имп. Академіи Наукъ. 1916 г. Т. XXI, кн. 1-я. Ц. 1 р. 50 к. 8) Куланжъ де-Фюстель. Ист. общественного строя древней Франціи. Пер. О. Захарьиной, подъ ред. проф. И. Гревса. Т. 6. Научно-истор. библи. 9) Каутскій, К. Средняя Европа. Перев. Цедербаумъ и Волосовъ. Пред. А. Потресова. М. Из-во «Дѣло». Ц. 60 к. 10) Лебедевъ, В. Изъ рядовъ французской арміи. М. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. Ц. 2 р. 25 к. 11) Мельгуновъ, С. О современныхъ литературныхъ нравахъ. М. Складъ изд. «Задруга». Ц. 60 к. 12) Новикова, А. «Рѣчь надъ полемъ побѣда». П. Ц. 25 к. 13) Ропшинъ, В. Во Франціи во время войны. М. Скл. изд. «Задруга». Ц. 1 р. 75 к. 14) Его же. То чего не было. М. «Задруга» Ц. 2 р. 50 к. 15) Со-вичъ, А. Бояновы пѣсни славянамъ. М. изд. «Денница». Ц. 60 к. 16) Штрайхъ, С. Литературное воспитаніе Н. И. Пирогова. П.

Письма въ редакцію.

I.

Позвольте черезъ посредство Вашего журнала принести мою глубочайшую признательность всѣмъ лицамъ и учрежденіямъ, отозвавшимся въ тяжелую для меня минуту и раздѣлившимъ со мною мое горе, вызванное тяжелой утратой моего мужа Василия Ивановича Семевского.

Елизавета Семевская.

II.

Желая собрать возможно полно матеріалы для біографіи В. И. Семевского, редакція «Голоса Минувшаго» обращается ко всѣмъ, располагающимъ письмами Василия Ивановича, съ просьбой передать ихъ въ распоряженіе редакціи или прислать для снятія копій.

С. Мельгуновъ.

III.

М. Г., не откажите въ любезности дать мѣсто этому письму. Въ № 5—6 Вашего журнала въ рецензіи г. Н. Писканова на книгу «Архивъ села Карабики», изданную съ моими примѣчаніями, сказано, что я одно изъ писемъ со стихотвореніемъ А. Михайлова неправильно приписалъ А. Н. Майкову. Подобное же утверждаетъ въ своей рецензіи и г. Ч. Вѣтринскій (Вѣсти. Евр. № 3).

Смѣю увѣрить почтенныхъ историковъ литературы, что стихъ, приведенное въ письмѣ, дѣйствительно написано А. Н. Майковымъ и напечатано въ его полномъ собр. соч. (СПБ. 1901 г., т. I, стр. 241); слѣдуетъ добавить, что стихъ, приведенное въ письмѣ отличается противъ помѣщенного въ сбор. соч. нѣкоторыми вариантами.

Имя же А. Михайлова, помѣщенное въ списокъ писемъ, есть досадная опечатка, къ сожалѣнію не исправленная. Такимъ образомъ, принадлежность и письма и стихотворенія Майкову для меня является неопровержимой.

Н. Ашукинъ.

IV.

По поводу отдѣльнаго изданія „Записокъ декабриста“ И. И. Горбачевского.

Въ рецензіяхъ на вышедшее подъ моей редакціей отдѣльное изданіе «Записокъ декабриста» И. И. Горбачевского (Изд. т-ва «Задруга») мнѣ дѣлается упрекъ, что, напечатавъ текстъ ихъ якобы завѣдомо болѣе полный, чѣмъ опубликованный въ 1882 г. въ «Русскомъ Архивѣ», я въ предисловіи по странной небрежности утверждаю, будто даю «Записки» безъ дополненій противъ старой, всѣмъ извѣстной редакціи, и такимъ образомъ самъ умаляю достоинства своего изданія. Позвольте на страницахъ «Голоса Минувшаго» разъяснить очевидное недоразумѣніе, которое лежитъ въ основаніи этихъ замѣчаній моихъ рецензентовъ¹⁾. Вопреки ихъ единодушнымъ утвержденіямъ, я долженъ снова сказать, что выпущенное подъ моей редакціей изданіе Записокъ Горбачевского все же даетъ лишь старый, 34 года тому назадъ опубликованный П. И. Бартеневымъ, текстъ. Но дѣло въ томъ, что № 2 «Русскаго Архива» за 1882 годъ существуетъ не въ одной, а въ двухъ редакціяхъ—съ болѣе полнымъ и болѣе краткимъ текстомъ «Записокъ неизвѣстнаго», т.-е. Горбачевского. П. И. Бартеневъ выпустилъ первоначально книжку «Русскаго Архива» съ болѣе полнымъ текстомъ «Записокъ». Но затѣмъ по требованію цензуры ему пришлось урѣзать «Записки» и переверстывать во многихъ мѣстахъ выпущенный номеръ. Въ такомъ урѣзанномъ и испорченномъ видѣ и получили книжку подписчики. Однако нѣсколько экземпляровъ какимъ-то образомъ избѣгли цензурныхъ перекроекъ и проскользнули въ публику съ болѣе полнымъ текстомъ «Записокъ».

¹⁾ П. Е. Щеголева въ газетѣ «День» отъ 2 іюня 1916 г., Н. О. Державина въ газетѣ «День» отъ 6 іюня 1916 г., автора рецензіи въ № 6 «Русскихъ Записокъ», Ч. В-аго въ № 6 «Вѣстника Европы».

Такъ въ литературномъ обиходѣ оказались два текста второго номера «Русскаго Архива» за 1882 г. и двѣ редакціи «Записокъ неизвѣстнаго». Тотъ дополненный вставками текстъ «Записокъ», который находится въ бумагахъ Н. К. Шильдера въ Публичной Библіотекѣ и которымъ пользовался П. Е. Щеголевъ при первоначальной подготовкѣ къ печати нашего изданія «Записокъ», даетъ не болѣе, какъ полную изъ двухъ редакцій, напечатанныхъ въ 1882 г. въ «Русскомъ Архивѣ». Я при окончательномъ редактированіи этого изданія пользовался экземпляромъ «Русскаго Архива» за 1882 г. съ полной редакціей текста «Записокъ» изъ Библіотеки Московскаго Университета.

Послѣ замѣчаній моихъ рецензентовъ я вижу, что существованіе двухъ редакцій «Записокъ» въ «Русскомъ Архивѣ» далеко не столь извѣстно даже въ кругу специалистовъ, и что въ виду этого мнѣ слѣдовало бы оговорить въ предисловіи, что редактируемое мною изданіе воспроизводитъ болѣе полный изъ двухъ давно извѣстныхъ текстовъ. *Этотъ* редакторскій промахъ я признаю за собой съ готовностью.

Привожу перечень мѣстъ, которыя были выкинуты цензурой изъ первоначальнаго текста «Записокъ», опубликованнаго въ «Русскомъ Архивѣ», такъ какъ въ рецензіяхъ гг. Щеголева и Лернера эти мѣста перечислены не полностью. По нумераціи редактированнаго мною изданія это будутъ страницы 49—50, 142—143, 146, 154, 156, 165, 187, 197, 211—213.

Б. Сырогачковскій.

ОТЪ КОНТОРЫ „ГОЛОСА МИНУВШАГО“.

1. Поступило въ пользу русскихъ волонтеровъ во Франціи и ихъ семей въ память инженера Н. Е. ГРИГОРЬЕВА—10 р.
(переданы въ редакцію «Русскихъ Записокъ»).
2. На стипендію имени ВАСИЛІЯ ИВАНОВИЧА СЕМЕВСКАГО отъ учредительницы гимназіи въ Иркутскѣ А. М. ГРИГОРЬЕВОЙ—25 руб.

Редакторъ-издатель С. П. МЕЛЬГУНОВЪ.

Вышли новыя книги:

ИГНАТОВЪ, И. Н. Театръ и зрители. Историк.-литературные очерки. Ц. 3 руб.

РОПШИНЪ, В. То, чего не было. Романъ въ 3-хъ частяхъ. Изд. 2-е. Ц. 2 р. 50 коп.

Его же. Во Франціи во время войны. Ц. 1 р. 75 коп.

ФРИЧЕ, В. М. Итальянская литература XIX вѣка. Ч. I. Ц. 2 р.

ФРИЧЕ, В. М. Германскій имперіализмъ въ литературѣ. Ц. 1 р. 25 к.

ДЖ. ДЕЛЬ-ВЕККИО. Моральныя причины нашей войны. Перев. съ итальянскаго. Ц. 45 коп.

МЕЛЬГУНОВЪ, С. П. О современныхъ литературныхъ нравахъ. Ц. 60 коп.

ПЕРЦЕВЪ, В. Н. Учебникъ древней исторіи, ч. II. Исторія Рима. Ц. 2 руб.

То же. Ч. I. Исторія Греціи. Ц. 1 руб.

РЫБНИКОВЪ, Н. А. Деревенскій школьникъ и его идеалы. Ц. 1 руб.

КОРНИЛОВЪ, К. Н., РЫБНИКОВЪ, Н. А. и СМЕРНОВЪ, В. Е. Простѣйшіе школьные психологическіе опыты. Ц. 90 коп. Изд. 2-е.

ЕФИМОВЪ, Е. Н. Элементарныя понятія о правѣ и государствѣ. Курсъ законовѣдѣнія для школы и самообразованія. Ц. 1 р. 25 коп.

НАГИБИНА, М. П. Въ природу. Хрестоматія по природовѣдѣнію, съ рис. Ц. 2 р. 10 к.

ЕЛЬЧАНИНОВЪ, Н. В. Сборникъ простѣйшихъ опытовъ по природовѣдѣнію Изд. 3-е, пополнено и пересмотрѣно Ц. 1 р. 50. к.

Книгоиздательство „ЗАДРУГА“, Москва, М. Никитская, 29.

Отд. въ Петроградѣ: Книгоиздательство „Огни“, Фонтанка, 80.

Выписывающіе изъ склада на сумму не менѣе 3 рублей за пересылку не платятъ.

ПОЛНЫЙ КАТАЛОГЪ ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕЗПЛАТНО.

Открыта подписка на новое издание Т-ва «МІРЪ»:

Исторія РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ до XIX в.

подъ редакціей А. Е. Грузинскаго.

Вышелъ первый томъ. Содержаніе 1-го тома: Введение. Особенности древне-русской литературы, вліяющія на способы ея изученія. Проф. М. Н. Сперанскаго. Территорія и племя. Доисторическій бытъ и вѣрованія. Первые формы государственнаго общежитія. Проф. М. Н. Любавскаго. Русский языкъ, его особенности. Акад. А. А. Шахматова. Начало письменности. Характеристика начального періода литературной жизни. Проф. М. Н. Сперанскаго. Древнѣйшій періодъ (XI—XII в. в.) Историческій очеркъ Киевской Руси Проф. М. Н. Любавскаго. Общій обзоръ литературы кievскаго періода. Проф. А. С. Архангельскаго. Апокрифъ и легенда. Проф. М. Н. Сперанскаго. Древне-русское лѣтописаніе. Прив.-доц. А. Е. Прѣснякова. Слово о полку Игоревѣ. Прив.-доц. С. Н. Шамбинаго. Средній періодъ (XIII—XVI в. в.). Историческая жизнь Руси въ XIII—XVI в. в. Проф. М. Н. Любавскаго. Общая характеристика областной литературы. Проф. М. Н. Сперанскаго. Лѣтописное дѣло въ XIV—XVI вв. Прив.-доц. А. Е. Прѣснякова. Литература Московскаго государства въ XVI в. Прив.-доц. А. С. Орлова. Переводныя повѣсти древней Руси. Прив.-доц. А. С. Орлова.—376 стр., 18 иллюстрацій на отдѣльныхъ листахъ, изъ нихъ 6 цвѣтныхъ таблицъ

Изданіе составитъ 4 тома (3 тома—„Исторія русск. литературы до XIX в.“ и 1 томъ — „Устное творчество“) по 22—23 листа каждый; многочисленныя иллюстраціи. Цѣна 4 томовъ въ переплетъ безъ пересылки — 32 руб.; при подпискѣ уплачивается 3 руб. и при полученіи каждого тома по 8 руб. (кромѣ перес.); задатокъ засчитывается при высылкѣ послѣдняго тома.

Продолжается подписка на другія изданія т-ва „Міръ“:

Исторія западной литературы (1800—1910).

подъ редакціей О. Д. Батюшкова. При ближ. уч. проф. О. А. Брауна, акад. Н. А. Мотляревскаго, проф. Д. Н. Петрова, пр.-доц. Е. В. Анчикова и пр.-доц. Н. О. Тиандера. Около 6 т. въ перепл. Цѣна по подпискѣ—9 р. за томъ въ переплетъ (безъ пересылки). Вышли I, II и III томы.

Итоги науки въ теоріи и практикѣ. ЭНЦИКЛОПЕДІЯ СОВРЕМЕННАГО. ЗНАНІЯ. Подъ редакц. проф. М. М. Ковалевскаго (†), проф. Н. Н. Ланге, Николая Морозова и проф. В. М. Шимкевича. Изданіе распадается на четыре большихъ отдѣла: I. Мертвая природа. II. Жизнь. III. Психическій міръ. IV. Общественная жизнь. 12 томовъ. Цѣна въ переплетъ (безъ перес.) 110 руб. Вышло 9 томовъ (I, II, III, V, VI, VII, IX, X и XI).

Г. В. Плехановъ. Исторія русск. обществ. мысли. Около 6 томовъ. Условія подписки: при подп. упл. 2 р. 50 к. и при получ. кажд. тома въ переплетъ—3 р. 60 к. (включая перес.) и за перев. плат.—10 к. Вышли I и II томы.

Русская литература XX вѣка (1890—1910). Подъ ред. С. А. Венгерова. Около 16 книгъ, въ 7—8 листовъ каждая.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: при подпискѣ уплачивается 2 р. 60 к. и при полученіи кажд. книги—2 р. 20 к., (включая пересылку) и, сверхъ того, по 10 к. за перев. платежа. Вышли I—VI книги.

Исторія русской литературы XIX в. Подъ ред. акад. Д. Н. Овсянко-Куликовскаго, при ближайшемъ участіи А. Е. Грузинскаго и проф. П. Н. Сакулина. 5 т. въ переплетъ, безъ пересылки 43 р. Изданіе закончено.

М. Н. Покровский.—Русская исторія съ древнѣйшихъ временъ.

При уч. Н. М. Никольскаго и В. Н. Сторожева. 5 т. въ перепл. (безъ пересылки)—35 р. Изданіе закончено.

Исторія еврейскаго народа. Изданіе составитъ 15 томовъ по 30—35 листовъ въ каждомъ, ок. 1,500 рисунковъ, 18 географ. картъ и плановъ. Цѣна 15 томовъ въ переплетъ (безъ пересылки)—143 р., на веленовой бумагѣ—175 р. Вышелъ I томъ („Древнѣйшая эпоха еврейской исторіи“) и XI томъ (I томъ „Исторія евреевъ въ Россіи“).

Карусъ Штерне.—Эволюція міра. НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ ИСТОРИЯ МИРОЗНАНІЯ. Переводъ съ изданія, переработан-

В. Бельше, подъ редакціей В. К. Агафонова. Съ дополнительными статьями профессора Н. А. Умова и Н. А. Морозова. 2-е улучшенное изданіе. 3 тома. 1,424 страницы, 742 рисунка. Цѣна изданія безъ пересылки, въ изданіи переплетъ—27 р. ИЗДАНІЕ ЗАКОНЧЕНО.

Допускается разсрочка платежа. Проспекты безплатно.

Главная контора т-ва „Міръ“. Москва, Знаменка, 9. — Телефонъ 1-37-31.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО и КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ

Т - ва „ОГНИ“.

Петроградъ, Фонтанка, 80.

Московское отд.: Книгоизд. «ЗАДРУГА»; М. Никитская 29.

НОВЫЯ КНИГИ:

Г. Гриммъ. Микель-Анджело Буонарроти. Выпускъ 5. Роскошно иллюстриров. изданіе, выходящее по предварит. подпискѣ. Ранѣе вышли вып. 1—4. Цѣна каждого выпуска 2 р. 25 к. Продолжается подписка на условіяхъ: задатокъ 2 р. и при полученіи первыхъ 17 вып. по 2 р. 25 к., 18-й вып., какъ оплаченный задаткомъ, выдается бесплатно.

А. Н. Пыпинъ. Русское масонство XVIII и первая четверть XIX в. Редакція и примѣчанія Г. В. Вернадскаго. 1916 г. Ц. 4 р. 75 к.

А. Н. Пыпинъ. Религіозныя движенія при Александрѣ I. Предисловіе и примѣчанія Н. К. Пиксанова. 1916 г. Ц. 4 р.

Къ 10-лѣтію 1-й Государственной Думы. Сборникъ статей перводумцевъ: Н. А. Бородинъ, Л. М. Брамсона, А. Н. Букейханова, А. В. Васильева, М. М. Винавера, Н. А. Гредескула, В. М. Долженкова, И. Н. Ефремова, Я. К. Имшенецкаго, Н. И. Карѣва, крестьянина И. Л., О. Д. Крюкова, В. Д. Кузьмина-Караваева, М. М. Ковалевскаго, В. П. Обнинскаго, кн. В. А. Оболенскаго, Н. А. Огородникова, Д. Д. Протопопова, И. И. Рамишвили, О. И. Родичева, кн. Д. И. Шаховскаго и бар. О. Р. Штейнгеля. 1916 г. 2 р. 25 к.

В. М. Хининковъ. Воспоминанія земскаго дѣятеля. Предисловіе В. Я. Богучарскаго. 1916 г. Ц. 2 р. 25 к.

О. В. Озаровская. Бабушкины старинны. Сказительница былинъ М. Д. Кривопольнова. Съ портретами сказительницы и нотными прилож. 1916 г. Ц. 1 р. 20 к.

Л. Н. Модзалевскій. Для дѣтей. Стишки. Съ иллюстраціями Г. И. Нарбута. 1916 г. Ц. 80 коп.

А. Вѣтровъ. Во что вѣрить сегодня Германія? 1916 г. Ц. 65 к. (Изд-во «Корабль»).

Д. Мережковскій. Зачѣмъ воскресъ? Религіозная личность и общественность. 1916 г. Ц. 40 к. (Изд-во «Корабль»).

Г. Чулковъ. Судьба Россіи. Бесѣда о современныхъ событіяхъ. 1916 г. 65 к. (Изд-во «Корабль»).

З. Гиппиусъ. Зеленое кольцо. Пьеса въ 4-хъ дѣйствіяхъ съ послѣсловіемъ «Зеленое-Бѣлое-Алое». 1916 г. Ц. 1 р. 25 к.

Е. Гинзбургъ-Гальперина. Міровая война и судьбы международного права. 1916 г. Ц. 60 коп.

Р. Эшеръ. Пангерманизмъ. Сокращен. переводъ съ англійскаго В. Я. Фанъ-дёръ-Флита. 1916 г. Ц. 75 к.

Н. А. Бородинъ. Сѣверо-Американскіе Соед. Штаты и Россія. 1916 г. Ц. 2 р. 50 к.

П. Виллари. Никколо Макиавелли и его время. Томъ I. Перев. съ итальянскаго И. М. Кригеля со вступит. статьей М. М. Ковалевскаго. Ц. 3 р. 50 к.

М. Вундтъ. Греческое міровоззрѣніе. Перев. Ф. Д. Капелюша. 1915 г. Ц. 1 р. 25 к.

О. Генри. Сердце запада. Разказы. Перев. съ англійскаго. 1916 г. Ц. 1 р. 50 к.

А. А. Корниловъ. Русская политика въ Польшѣ со времени раздѣловъ до пачала XX вѣка. 1916 г. Ц. 80 к.

З. Леви. Греческая скульптура. Перев. съ итальянскаго В. Конради. 1916 г. Ц. 3 руб. 50 коп.

Сказки. Утѣхи досужія. Тексты избралъ Е. А. Ляпкій при участіи М. Н. Чернышевскаго. 1916 г. Ц. 2 р.

Литературно-художественные сборники «ОГНИ».

Книга первая. **С. Нондуррушкинъ.** Въ солнечную ночь. Ц. 1 р. 25 к.

Книга вторая. **Г. Гребенщиновъ.** Змѣй горыпычъ. Ц. 1 р. 25 к.

Книга третья. **Латышскій сборникъ** современной художеств. литературы подъ ред. А. Деглава. Ц. 1 р. 75 к.

Складъ высылаетъ всѣ книги, имѣющіяся въ продажѣ; каталоги—бесплатно.

Книжный магазинъ И. М. ФАДЪЕВА. Моховая, д. 26.

	цѣна р. к.		цѣна р. к.
Орловъ, А. Лекціи по русской древней литературѣ. . .	3.—	Винклеръ. Гербы городовъ. . .	10.—
Лихачевъ. Матеріалы для исторіи русскаго иконописанія. 2 тома въ листъ.	275.—	Книга Калила и Димана. Сборникъ арабскихъ басенъ.	3.—
Щедровскій. Альбомъ типовъ Москвы 50-хъ гг. XIX в. . .	75.—	Дмитріевъ. Взглядъ на мою жизнь.	2.—
Луи Бланъ. Исторія французской революціи. 12 т. . .	30.—	Дмитріевъ. Мелочи изъ запаса моей памяти. . .	1.50
Соловьевъ. Исторія Россіи. 7 т. . .	20.—	Рѣшетилло. Лѣченіе лучами Рентгена.	3.—
Батюшковъ, К. Сочиненія 3 т. Лучшее издан. съ рис. . .	40.—	Болотовъ. А. Памятники протекшихъ временъ (изъ временъ Павла I.) . .	1.50
Веберъ. Всеобщая исторія т. 5, 6, 7, 8, 9.	15.—	Пастуховъ. Разбойникъ Чуркинъ. 4 части.	4.—
Лилеевъ. Исторія раскола на Вѣткѣ въ Стародубьи.	4.—	Фойгтъ. Возрожденіе классической древности или вѣтъ итальянскаго гуманизма. 2 т.	6.50
— Новые матеріалы по расколу.	2.—	Магаффи. Греческая литература (пер. классич.) 2 т. .	6.—
Вегеле. Данте.	3.—	Саади. Гюлистанъ.	1.—
Гюбаръ. Современная испанская литература.	1.—	Селивановъ. Видѣнное и слышанное.	1.50
Тьюкъ. Духъ и тѣло.	2.50	Обольяниновъ. Н. Каталогъ русскихъ иллюстр. изданій 1725—1860 г. 2 т. .	15.—
Давидъ Саважо. Реализмъ и натурализмъ.	2.—	Ровинскій, Д. Русскія народныя картинки 2 т. съ указ.	8.—
Пелисье. Французская литература XIX в.	2.—	Собко, Н. Словарь русскихъ художниковъ т. I в. 1. А. (500 именъ) т. II в. 1. II (400 именъ) т. III в. 1. П. (700 именъ). . .	5.—
Дмитріевъ-Мамоновъ. Пугачевцы.	2.50	Праховъ, А. Альбомъ исторической выставки предметовъ искусства. . . .	20.—
— Декабристы въ Сибири. . .	2.50	Дройзенъ. Эллинизмъ. 3 т. . .	11.—
Болотовъ. Исторія церкви т. I. Ц. 2 р. 25 к.—т. II Ц. 3 р.—т. III.	2.—	Тикноръ. Испанская литература 3 т.	9.50
— Сиро-персидская церковь.	3.50	Крижаничъ. Сочиненія въ изданіи Безсонова. . .	5.—
— Церковная исторія Египта. День и годъ мученической кончины св. евангелиста Марка. . .	1.25	Элихенъ. Греческій и римскій театръ.	1.—
Веберъ. Исторія всемірной торговли 3 т.	7.50	Забѣлинъ. Опыты изученія русской жизни 2 т. . .	5.—
Куглеръ. Исторія живописи. . .	7.—	Максимъ Грекъ. Сочиненія. 3 т.	6.—
Любке. Исторія пластики. . .	5.—	Чернышевскій. Матеріалы для біографіи Добролюбова.	2.—
Каррьеръ. Исторія искусства. т. 2, 3, 4. Перев. Корша . .	12.—	Мережковский. Трилогія 3 т. 5 р. 75 к., лучшее изд. .	50.—
Семевскій. Слово и дѣло. . .	2.—		
— Царица Екатерина Алексѣевна и Анна Монсъ. . .	2.50		
Дневникъ Храповицкаго. . .	3.—		
Стасовъ. Сочиненія 3 т. съ атласомъ.	10.—		
Лабуле. Балканскій полуостровъ.	2.—		

Покупка книгъ цѣлыми домашними бібліотеками и отдѣльными сочиненіями, также книгъ церковной старой славянской печати и древнихъ рукописей по хорошей цѣнѣ.

Книгоиздательство „ЖИЗНЬ и ЗНАНИЕ“.

Петроградъ. Фонтанка, домъ 38, кв. 19. Телефонъ 227—42.

Сочин. М. Горькаго.

- Т. X. Жизнь ненужного человека. Ц. 1 р. Въ переп.—1 р. 60 к.
Т. XI. Городок Огуровъ. Ц. 1 р. Въ переп.—1 р. 60 к.
Т. XII. Матвѣй Кожемякинъ. Ч. I. Ц. 1 р. 75 к.
Т. XIII. Матвѣй Кожемякинъ. Ч. II. Ц. 1 р. 85 к.
Т. XIV. Лѣто. Ц. 1 р. 50 к.
Т. XV. Мать. Ц. 3 р.
Т. XVI. Пожаръ. Ц. 1 р. 50 к.
Т. XVII. Сказки. Ц. 1 р. 50 к.
Т. XVIII. Хозяинъ. Ц. 1 р. 50 к. Въ переп.—2 р. 10 к.
Т. XIX. По Руси. Ц. 1 р. 50 к.
Т. XX. Дѣтство. Ц. 1 р. 50 к.
Описательскъ-самоучахъ. Ц. 25 к.

С. Гусевъ-Оренбургскій. ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ.

- Т. I. Разсказы. Ц. 1 р.
Т. II. Хозяинъ. Ц. 1 р. 25 к.
Т. III. Страна отцовъ. Ц. 1 р. 25 к.
Т. IV. Въ приходъ. Ц. 1 р. 25 к. Въ переп.—1 р. 85 к.
Т. V. Золотой сонъ. Ц. 1 р.
Т. VI. Надъ поймой. Ц. 1 р. 25 к. Въ переп.—1 р. 85 к.
Т. VII. Дьяволъ и смерть. Ц. 1 р. 25 к.
Т. VIII. Недоумѣніе. Ц. 1 р.
Т. IX. Мгла. Ц. 1 р.
Т. X. Курчянскіе приножане. Ц. 1 р. Въ переп.—1 р. 60 к.
Т. XI. Враги. Ц. 1 р.
Т. XII. Въ глухомъ уѣздѣ. Ц. 1 р. Въ переп.—1 р. 60 к.
Т. XIII. Люди. Ц. 1 р.
Т. XIV. Призракъ. Ц. 1 р. 15 к. Въ переп. 1 р. 85 к.

Семенъ Юшвицъ. ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ.

- Т. I. Распадъ. Ц. 1 р.
Т. II. Ита Гайне. Ц. 1 р. 25 к. Въ переп.—1 р. 85 к.
Т. III. Евреи. Ц. 1 р. 25 к.
Т. IV. Наши сестры. Ц. 1 р. 25 к. Въ переп.—1 р. 85 к.
Т. V. Прологъ. Ц. 1 р. 25 к.
Т. VI. Невинные. Ц. 1 р. 25 к. Въ переп.—1 р. 85 к.
Т. VII. Въ городѣ. Ц. 1 р. 25 к. Въ переп.—1 р. 85 к.
Т. VIII. Очерки дѣтства. Ц. 1 р. Въ переп. 1 р. 85 к.
Т. IX. Комедія брака. Ц. 1 р. 25 к. Въ переп.—1 р. 85 к.
Т. X. Драма въ домѣ. Ц. 1 р. 25 к. Въ переп. 1 р. 85 к.

- Т. XI. Вышла изъ круга. Ц. 1 р. 25 к.
Т. XII. Голуби. Ц. 1 р. 25 к. Въ переп.—1 р. 85 к.
Т. XIII. Леонъ Дрей. Ч. I. Ц. 1 р.
Т. XIV. Леонъ Дрей Ч. II. Ц. 1 р.
Человѣкъ воздуха. Ц. 1 р.

Синталевъ. ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ.

- Т. I. Сквозъ строй. Ц. 1 р. 25 к.
Т. II. За тюремной стѣной. Ц. 1 р. 25 к.
Т. III. Полевой судъ. Ц. 1 р. 25 к.
Т. IV. Огарки. Ц. 1 р. 25 к.
Т. V. Этапы. Ц. 1 р. 25 к.
Т. VI. Метеоръ. Ц. 1 р. 25 к.
Т. VII. Местъ. Ц. 1 р. 25 к.
Т. VIII. Пѣсни. Ц. 1 р. 25 к.
Д. Айманъ. Дѣти. Ц. 1 р. 25 к.
Д. Айманъ. Вѣрность. Ц. 1 р. 25 к.
Д. Айманъ. Бѣлая пустошь. Ц. 1 р. 25 к.

Байронъ. Манфредъ.—Небо и земля.—Кантъ. Въ пер. И. Бунина. Ц. 1 р.

Д. Мицкевичъ. Конрадъ Валенродъ. Ц. 60 к.

В. В. Брусянинъ. Темный ликъ. Ц. 2 р.

Его же. Въ рабочихъ кварталахъ. Ц. 1 р.

Его же. Часъ смертный. Ц. 1 р. 25 коп.

Его же. Въ странѣ озеръ. Ц. 1 р. 25 коп.

Вл. Бончъ-Бруевичъ. Знаменіе времени. (О дѣлѣ Бейлиса). Ц. 1 р.

Вл. Мранихфельдъ. Т. Г. Шевченко, пѣвецъ Украины. Ц. 60 к.

И. В. Абрамовъ. Въ культурномъ скиту. 60 к.

Вл. Бончъ-Бруевичъ. Избранныя произведенія русск. поэзии.—Сбор. стих. отъ Пушкина до нашихъ дней. Ц. 2 р., въ пер. 3 р.

Демьянъ Бѣдный. Басни. Ц. 60 к.

Сазеранъ-де-Форжъ. Человѣкъ сталъ летать. Ц. 65 к. Въ переп. 1 р. 15 к.

В. М. Величкина. Швейцарія. Ц. 80 к.

А. М. Хирьяновъ. Въ смертельной опасности. Ц. 65 к. Въ папк.—85 к.

Генторъ-Мало. Приключенія Романа Кальбри. Ц. 1 р. Въ папк.—1 р. 20 к.

И. С. Абрамовъ. Что говорятъ вабытыя могилы. Ц. 65 к. Въ папкѣ.—1 р. 20 к.

Его же. Подъ роднымъ солнцемъ. Ц. 1 р.

П. Н. Сурожскій. Зеленый шумъ. Ц. 85 к.

Ал. Алтаевъ. Поэты юности. Ц. 1 р. 85 к.

Его же. Внизъ по Волгѣ рѣкѣ. Историч. повѣсть. Ц. 65 к. Въ папкѣ.—85 к.

Его же. Пѣвецъ страданія и свободы. Ц. 1 р.

Его же. Юноша-поэтъ. (С. Я. Надсонъ). Ц. 50 к.

Н. А. Вигдорчикъ. Жертвы мирнаго труда. (о несчастныхъ случаяхъ при фабричной работѣ). Ц. 25 к.

А. М. Молонтей. Общество и материнство. Государственное страхование материнства. Ц. 3 р. 50 к.

С. Т. Семеновъ. 25 лѣтъ въ деревнѣ. Ц. 2 р.

П. П. Масловъ. Капитализмъ. Наемный трудъ и заработная плата. Ц. 2 р.

П. П. Масловъ. Исторія народнаго хозяйства. Ц. 2 р.

Дешевая библиотека. (большинство книгъ съ рис.).

Всеволодъ Гаршинъ. Сигналъ. Ц. 6 к.

Его же. Сказка о гордомъ Агтеѣ. Ц. 6 к.

Его же. То, чего не было. Ц. 5 к.

Его же. Легушка путешественница. Ц. 5 к.

С. И. Гусевъ-Оренбургскій. Пастыръ добрый. Ц. 10 к.

Его же. Кахетника. Ц. 7 к.

Его же. Конокрадъ. Ц. 4 к.

Его же. По теченію. Ц. 8 к.

Его же. Интрига. Ц. 7 к.

Его же. Рабочій. Ц. 7 к.

Его же. Сквозъ преграды. Ц. 7 к.

Его же. На родину. Ц. 8 к.

Его же. Заступникъ. Ц. 8 к.

Его же. Отецъ Памфиля. Ц. 7 к.

М. Ю. Лермонтовъ. Пѣсня про царя Ивана Васильевича. Ц. 3 к.

Его же. Узнаніе и др. стих. Ц. 4 к.

Его же. Мшери. Ц. 4 к.

Его же. Ашикъ-Керибъ. Ц. 4 к.

Его же. Вѣтка Палестины и др. стих. Ц. 6 к.

Его же. Изманлъ-Бей. Ц. 12 к.

Его же. Бѣла. Ц. 7 к.

Его же. Максимъ Максимовичъ. Ц. 5 к.

Его же. Демонъ. 8 к.

С. Т. Семеновъ. Своя судьба. въ народн. театрахъ. Ц. 12 к.

Демьянъ Бѣдный. Диво-дивное и др. сказки. Ц. 10 к.

Его же. Пирогъ да блины. Сказки. Ц. 10 к.

Книжный складъ и магаз. «ЖИЗНЬ и ЗНАНИЕ». Петроградъ, Фонтанка 38, кв. 9. Тел. 227—42.

Книжный магазинъ и складъ «ЖИЗНЬ и ЗНАНИЕ» принимаютъ на себя выполненіе всѣхъ книжныхъ заказовъ какъ для частныхъ лицъ, такъ и для городскихъ, земскихъ, общественныхъ и правительственныхъ учреждений.—Выполняютъ заказы по пополненію и устройству новыхъ книжныхъ складовъ и магазиновъ.—Высылаютъ регулярно всѣ новинки книжнаго рынка.—Составляютъ новыя и пополняютъ уже существующія библиотечки и читальни. Подробныя каталоги высылаются бесплатно.

Выпасающіе въ провинцію изданія книгоиздательства «Жизнь и Знание» не менѣе чѣмъ на два рубля, непосредственно изъ нашего магазина, за пересылку не платятъ. Заказы исполняются скоро и аккуратно.

Всѣ заказы, письма, рукописи и пр. по дѣламъ склада и издательства «Жизнь и Знание» просятъ адресовать такъ: Книжный складъ и магазинъ (или книгоиздательство) «Жизнь и Знание», Владиміру Дмитріевичу Бончъ-Бруевичу. Петроградъ, Фонтанка, д. 38, кв. 19.

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ

Т-ва «Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°».

Седьмое совершенно переработанное и значительно расширенное изданіе
подъ редакціей профессоръ

Ю. С. Гамбарова, В. Я. Желѣзнова, М. М. Ковалевскаго, С. А. Муромцева (†) и
К. А. Тимирязева.

Изъ отзывовъ печати: «Характеръ основныхъ статей Словаря отличается во вновь вышедшихъ томахъ такими же высокими достоинствами, какъ и въ предыдущихъ... Превосходныя статьи К. А. Тимирязева, М. А. Мензбира, М. М. Ковалевскаго и многихъ другихъ авторовъ по своей содержательности далеко превосходятъ статьи на аналогичныя темы даже въ лучшихъ западно-европейскихъ энциклопедіяхъ. Превосходной остается и внѣшность изданія» («Русскія Вѣдомости» 1913 г., № 66). «... Такія статьи, какъ М. М. Ковалевскаго о Великобританіи, П. Н. Милюкова—о гр. С. Ю. Витте, В. А. Мякотина—о Государственной Думѣ и о дворянствѣ въ Россіи, К. А. Тимирязева—о біологіи, Эмиля Ванделверде—о Бельгіи, П. Г. Виноградова и А. К. Дживелегова—о Германіи, И. И. Мечникова—о долголѣтности, М. И. Туганъ-Барановскаго—о земельномъ вопросѣ, В. И. Семевскаго—о крестьянахъ, Е. В. Тарле—о папствѣ и мн. др., читаются съ захватывающимъ интересомъ. Въ отличіе отъ нѣмецкихъ энциклопедій, редакція седьмого изданія гранатовскаго словаря заботится о томъ, чтобы сдѣлать словарь живой книгой, книгой для чтенія, а не для однихъ лишь утилитарныхъ справокъ. Не забыта, конечно, и чисто справочная часть. Много справочныхъ свѣдѣній выдѣлено въ особыя приложенія, набранныя мелкимъ шрифтомъ и составляющія иногда цѣлые обзоры («Рѣчь» 1915 г., № 183). «... Все названное и многое другое въ Словарѣ является оригинальными работами, написанными для Словаря лучшими знатоками вопроса, сказавшими въ данной области свое слово и внесшими это свое и въ работу для Энциклопедіи... Вотъ почему на этотъ Энциклопедическій Словарь нельзя смотрѣть только какъ на справочное изданіе: ему принадлежитъ и широкая образовательная роль» («Русская Школа», май—іюнь 1915 г.). «Иллюстраціонная часть далеко оставляетъ за собой все, что до сихъ поръ давалось подобными изданіями не только въ Россіи, но и за границей» («Утро Россіи» 1910 г., № 317).

Изъ содержанія 32-го и 33-го тт.: Персія—исторія (36 стб.)—проф. А. Е. Крымскаго. **Петрашевы**—В. И. Семевскаго. **Петроградъ, Петроградская губернія, петроградскій университетъ** (38 стб.)—Л. Д. Синицкаго, Б. Ф. Добрынина и Б. И. Сыромятникова. **Петръ I** (15 стб.)—проф. Н. Н. Фирсова. **Пироговъ**—проф. Ф. А. Рейна и И. М. Соловьева. **Писаревъ**—И. Н. Игнатовъ. **Питейная торговля**—доц. А. Р. Смиршевскаго. **Писчебумажное производ.**—проф. А. П. Лидова. **Пищевареніе** (11 стб.)—проф. В. В. Завьялова. **Планеты** (11 стб.)—прив.-доц. С. Н. Блажко. **Платонъ** (10 стб.)—прив.-доц. И. М. Малинина. **Погода** (12 стб.)—проф. А. И. Воейкова и прив.-доц. В. В. Шипчинскаго. **Подходный налогъ** (12 стб.)—доц. А. Р. Смиршевскаго и прив.-доц. А. А. Соколова. **Позвоночныя** (10 стб.)—проф. М. А. Мензбира. **Полинезійцы**—А. Н. Максимова. **Польша—исторія до Вѣнскаго конгресса, этнографія, литература, искусство** (113 стб.)—проф. А. Л. Погодина, Л. Крживицкаго, Л. С. Козловскаго и С. А. Боровскаго. **Поляризація свѣта** (11 стб.)—прив.-доц. А. К. Тимирязева. **Полярныя экспедиціи и страны** (прилож.) (20 стб.)—прив.-доц. С. Г. Григорьева. **Португалія** (20 стб.)—А. Деренталя. **Потребленіе** (прилож.) (20 стб.)—прив.-доц. С. А. Первушина. **Право** (30 стб.)—проф. Ю. С. Гамбарова. **Право авторское** (11 стб.)—С. А. Бѣлякина. **Право водное** (прилож.) (12 стб.)—проф. Ю. С. Гамбарова. **Право государственное** (16 стб.)—проф. М. А. Рейснера. **Право международное** (съ прилож.) (23 стб.)—проф. В. А. Уляницкаго. **Представительное государство** (17 стб.)—проф. М. А. Рейснера. **Преступленіе и преступность** (23 стб.)—проф. П. И. Люблинскаго. **Прибыль на капиталъ** (14 стб.)—проф. М. В. Бернацкаго. **Призрѣніе общественное**—прив.-доц. А. А. Бороваго. **Приливы и отливы**—докт. геогр. Л. С. Берга. **Продовольственный вопросъ** (прилож.) (11 стб.)—прив.-доц. М. Д. Загряцкова. **Промыслы отхожіе**—П. П. Маслова. **Психологія и психологія экспериментальная** (16 стб.)—проф. Н. Н. Ланге. **Птицы**—(17 стб.)—проф. М. А. Мензбира.

Въ вышедшихъ томахъ помѣшено: 169 текстовъ, прилож. (2,349 стб.) и 575 иллюстриров., въ т. ч. разборныя модели по анатоміи и техникѣ, 42 репродукціи въ краскахъ и 80 англійскихъ геліографуръ.

Цѣна тома (при подпискѣ на все изданіе)—3 р. 30 к. За переплетъ (по рис. ак. жив. Л. О. Пастернака)—80 к. За пересылку по стоимости. По соглашенію допускается разсрочка. Иллюстрированные проспекты высылаются по требованію.

Т-во «Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°», Москва, Тверской бульваръ, 15.

ИЗДАНИЕ Л. Э. БУХГЕЙМА.

Отрывки изъ воспоминаній М. К. Рейхель и письма къ ней А. И. Герцена. Съ 4 портр. М. 1909. Цѣна 1 руб.

А. Н. Пыпинъ. Мои замѣтки. Съ приложеніемъ статей: «Два мѣсяца въ Прагѣ» и «Вячеславъ Ганка». Подъ редакціей В. А. Ляцкой. Съ портретомъ и факсимиле А. Н. Пыпина. М. 1910. Цѣна 2 руб.

К. С. Аксаковъ. Воспоминаніе студентства (1832—1835 гг.). Съ приложеніемъ портрета К. С. Аксакова, неизданнаго стихотворенія и отклика А. И. Герцена на его кончину. Спб. 1911. Цѣна 60 коп.

А. С. Грибоѣдовъ. Горе отъ ума. Комедія. Текстъ Жандровской рукописи, хранящейся въ Историческомъ Музеѣ въ Москвѣ. Съ 2 портретами и 5 снимками съ рукописи. Редакція, введеніе и примѣчанія Н. К. Пиксанова. М. 1912. Цѣна 3 руб.

У. Г. Иваскъ. Григорій Николаевичъ Геннади. Обзоръ жизни и трудовъ. Съ 2 фототипич. портретами. М. 1913. Цѣна 2 р. 75 коп. (Распродано).

У. Г. Иваскъ. Жизнь и труды Василія Ивановича Соболевскаго, старшаго библіотекаря и архитектора Императорской Публичной Библіотеки. Съ гравир. портретомъ. М. 1914. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Н. Синявскій и М. Цявловскій. Пушкинъ въ печати 1814—1837. Хронологическій указатель произведеній Пушкина, напечатанныхъ при его жизни. М. 1914. Цѣна 3 руб.

М. Цявловскій. Два автографа Пушкина. Съ двумя снимками М. 1914. Цѣна 1 руб.

Три письма В. Г. Бѣлинскаго къ Н. М. Щепкину. Съ неизданнымъ портретомъ Бѣлинскаго. М. 1914. Цѣна 50 коп.

Письма И. С. Аксакова, Н. П. Барсукова, П. С. Билярскаго, О. М. Бодянскаго, кн. П. А. Вяземскаго, В. П. Гаевского, Г. Н. Геннади, Н. В. Гербеля, Г. З. Елисеева, П. А. Ефремова, Н. И. Костомарова, М. А. Максимовича, В. И. Межова, М. П. Погодина, А. Н. Пыпина, М. М. Стасюлевича, М. И. Сухомлинова, Н. С. Тихонравова и А. А. Хованскаго къ библіографу С. И. Пономареву. Съ 1 гравюрой и 14 иллюстраціями. М. 1915. Цѣна 5 руб.

(Осталось небольшое количество экземпляровъ).

Сочиненія Михаила Николаевича Лонгинова. Томъ первый. (1850—1859). Съ портретомъ М. 1915. Цѣна 4 руб. 50 коп.

В. П. Семенниковъ. Когда Радищевъ задумалъ «Путешествіе». М. 1916. Цѣна 1 руб.

СКЛАДЪ ИЗДАНИЙ:

Москва, Покровка, Введенскій пер. 28. Л. Э. Бухгеймъ. Тел. 5-13-63.

Книгоиздательство „ЗАДРУГА“

(Москва, М. Никитская, 29, кв. 6, тел. 4-50-61).

Московское отдѣленіе изданій «РУССКОЕ БОГАТСТВО».

В. Я. КОКОСОВЪ. Разказы о Карійской каторгѣ. (Изъ воспоминаній врача). Ц. 1 р.

ВЛАДИМИРЪ КОРОЛЕНКО. Отошедшіе. Объ Успенскомъ. О Чернышевскомъ. О Чеховѣ. 2-е изд. Ц. 40 к.

ЕГО ЖЕ. Исторія моего современника. I. Раннее дѣтство и годы ученья. 2-е изд. Ц. 1 р. 50 к.

Н. Е. КУДРИНЪ. Галлерей современныхъ французскихъ знаменитостей. Съ приложеніемъ 12 портретовъ. (Луи Пастеръ. Альфонсъ Додэ. Эмиль Золя. Клемансо. Вальдекъ Руссо. Комбъ. Анри Рошфоръ. Жанъ Жоресъ. Жюль Гэдъ. Анатоль Франсъ. Поль Бунже). Ц. 1 р. 50 к.

П. Л. ЛАВРОВЪ. Историческія письма. 4-е изд. безъ перем. Ц. 1 р.
ЕГО ЖЕ. Формула прогресса Н. К. Михайловскаго. Противники исторіи. Научныя основы исторіи цивилизаціи. 2-е изд. Ц. 40 к.

ЕГО ЖЕ. Задачи позитивизма и ихъ рѣшеніе. Теоретики сороковыхъ годовъ въ наукѣ о вѣрованіяхъ. Ц. 40 к.

Л. МЕЛЬШИНЪ. (П. Ф. Якубовичъ). Очерки русской поэзіи. (Пушкинъ, Некрасовъ, Фетъ, Тютчевъ, Надсонъ. Современныя миниатюры. О старомъ и новомъ настроеніи). 2-е изд. Ц. 1 р. 50 к.

В. А. МЯКОТИНЪ. Изъ исторіи русскаго общества. (Протопопъ Аввакумъ. Дворянскій публицистъ Екатерининской эпохи. На зарѣ русской общественности. Изъ Пушкинской эпохи. Профессоры сороковыхъ годовъ. К. Д. Кавелинъ, какъ историкъ и публицистъ. Памяти Г. И. Успенскаго. Памяти Н. К. Михайловскаго). 2-е изд. Ц. 1 р. 25 к.

А. Б. ПЕТРИЩЕВЪ. Триста лѣтъ. (1606—1906 гг.) 2-е изд. Ц. 25 к.

Л. Н. ТОЛСТОЙ. Посмертныя записки старца Ѳеодора Кузьмича. Съ вступительной статьей В. Г. КОРОЛЕНКО и примѣчаніями В. Г. ЧЕРТКОВА. Ц. 20 к.

КАРЛЪ ШУРЦЪ. Изъ воспоминаній нѣмецкаго революціонера. Перев. А. Н. Анненской. Ц. 30 к.

П. Я. Русская муза. Художеств.-историческая хрестоматія. 3-е изд. Ц. 1 р. 75 к., въ изящн. коленкор. переплетѣ 2 р. 40 к.

Галлерей Шлиссельбургскихъ узниковъ. Подъ редакціей Н. Ѳ. АННЕНСКАГО, В. Я. БОГУЧАРСКАГО, В. И. СЕМЕВСКАГО и П. Ф. ЯКУБОВИЧА. Съ 29 портретами. Ц. 3 р.

В. И. СЕМЕВСКІЙ. Политическія и общественныя идеи декабристовъ. Ц. 3 р. 50 к.

ДАНИЕЛЬ СТЕРНЪ. Исторія революціи 1848 г. Перев. съ франц. подъ редакц. Н. Е. КУДРИНА. Т.т. I и II. Ц. по 75 коп.

М. ФРОЛЕНКО. Милость. (Изъ воспоминаній объ Алексѣевскомъ равелинѣ). Ц. 10 к.

Э. ШАМПЬОНЪ. Франція наканунѣ революціи по наказамъ 1780 г. Ц. 50 к.

Издательство К. Ф. НЕКРАСОВА.

Москва, Цветной бульв., 12.

НОВЫЯ КНИГИ.

Каролина Павлова. Собрание сочинений в двух томахъ. Редакция и материалы для биографии Валерія Брюсова. Цѣна за 2 тома 5 руб.

Для читателя нашихъ дней сочиненія К. Павловой (1807—1893) представлятъ преимущественно историческій интересъ. Въ самомъ дѣлѣ, у насъ теперь есть стихи и болѣе нѣжные, и болѣе чеканные; но у Павловой былъ большой талантъ, и талантъ своеобразный, воспитанный на Гофманѣ, Новалисѣ и Баратынскомъ. Сочиненія Павловой восполняютъ недостающее звено: они откроютъ русскому читателю историческую преемственность, существующую между русскимъ символизмомъ и искусствомъ XIX вѣка. Не случайно называли новую поэзію «неоромантизмомъ»; д-р. романтическая невѣста Мицкевича предуказала путь русской поэзіи. Мы этимъ нисколько не хотимъ умалить значеніе символизма; завоеванія его огромны. Но многое изъ того, что впоследствии пышно расцвѣло, уже заключалось въ поэзіи К. Павловой.

Павлова была близка намъ по своей неудовлетворенности, по трагическому въ ея міровоззрѣніи; она знаетъ, что «всѣ мы, съ жаромъ Иксіона обнимемъ облако и дымъ», а «родное», навѣрное, умчится въ «неизмѣримостъ неизвѣстную, въ непроницаемую даль»; она видитъ, что «къ Сфинксу вновь, съ таинственной любовью уже идутъ другія племена». Любопытно, что Павлова не дала намъ «женской» лирики, которую мы были бы въ правѣ отъ нея ожидать; у нея—почти мужская сила; и если Павлова говорить о вѣчно женскомъ, то это у нея характерно и не убѣдительно. Она надѣялась войти въ общеніе съ «жизнью той» путемъ «несбыточной мечты». Во II томѣ помѣщенъ романъ «Двойная жизнь», написанный прозою и стихами; въ послѣднихъ раскрывается таинственная «вторая» жизнь героини (сравните романъ Новалиса «Генрихъ фонъ Офтердингенъ»).

Стихи К. Павловой облечены въ достойную форму; ея техника весьма высока; оригинальны рѣзмы (вызвавшія въ свое время нареканія И. Панаева), разнообразныя размѣры, богатый ритмъ.

«Нов. Журн. для всѣхъ» № 10—1915.

Аполлонъ Григорьевъ. Стихотворенія. Вступительная статья и прим. Ал. Блока. Ц. 3 р. 50 к.

Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ умеръ Аполлонъ Александровичъ Григорьевъ, замѣчательный русскій поэтъ и мыслитель сороковыхъ годовъ. Изъ сочиненій его издана весьма малая часть: томикъ стиховъ и первый томъ «Сочиненій»; то и другое теперь—библіографическая рѣдкость, особенно стихи, которые, такимъ образомъ, почти неизвѣстны, и имя А. Григорьева, какъ поэта, несправедливо забыто. О. Ап. Григорьевъ не написано ни одной обстоятельной книги; не только біографическая канва, но и ученой біографіи Ап. Григорьева не существуетъ. Гдѣ большая часть рукописей Ап. Григорьева—неизвѣстно.

Въ 1846 году вышла въ свѣтъ въ количествѣ пятидесяти экземпляровъ маленькая книжка «Стихотворенія Аполлона Григорьева». Книжечка эта теперь составляетъ библіографическую рѣдкость. Издательство К. Ф. Некрасова рѣшило пополнить этотъ пробѣлъ и предприняло изданіе стих. Ап. Григорьева.

Въ книгу стих. Ап. Григорьева вошли не только стихи изъ рѣдкостной книжечки 46 года, но включены почти всѣ его поэтическія произведенія, затерянные въ старыхъ журналахъ. Кромѣ того, въ книгѣ помѣщена драма въ стихахъ «Два эгоизма», которую самъ Ап. Григорьевъ, собиравшій включить въ «Стихотворенія».

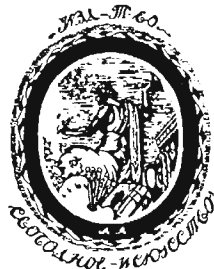
Книга снабжена біо-библіографическими примѣчаніями, а въ приложеніяхъ данъ пересказъ рецензій на стих. Ап. Григорьева.

Архивъ села Карабихи. (Письма Н. А. Некрасова и къ Некрасову). Примѣчанія. Н. Ашукина. Цѣна 2 р. 50 к.

Въ книгу вошло около 200 доселѣ неопубликованныхъ писемъ, въ томъ числѣ 50 писемъ Н. А. Некрасова къ родственникамъ; 17 писемъ гр. Л. Н. Толстого, относящихся къ первымъ шагамъ его литературной дѣятельности письма Н. Успенскаго, А. Пыпина, Помяловскаго, Салтыкова, Дружинина, Каткова, Слѣпцова, В. Одоевскаго, Кавелина, А. Головачевой, Писемскаго, Островскаго, Фета и др.

Д. ДАРСКІЙ. Радость земли. Изслѣдованіе лирики Фета. Ц. 2 руб.

Полный каталогъ издательства по требованію высылается бесплатно.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
**СВОБОДНОЕ
ИСКУССТВО**

ПЕТРОГРАДЪ, Б. КАЗАЧІЙ ПЕР., № 9. ТЕЛЕФОНЪ 684-36.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЗАКАНЧИВАЮЩЕЕСЯ ПЕЧАТАНИЕМЪ

НОВОЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

**СОВРЕМЕННАЯ
РУССКАЯ ГРАФИКА**

подъ редакціей СЕРГѢЯ МАКОВСКАГО

при участіи:

А. АРНШТАМА, АЛЕКСАНДРА Н. БЕНУА, И. БИЛИБИНА, М. ДОБУЖИН-
СКАГО, Е. ЛАНСЕРЕ, В. ЛЕВИТСКАГО, Д. МИТРОХИНА, Е. НАРБУТА,
Н. РЕРИХА, К. СОМОВА, С. СУДЕЙКИНА, С. ЧЕХОНИНА и др. Текстъ
Н. РАДЛОВА.

Изданіе выходитъ въ свѣтъ въ 500 нумерованныхъ экземплярахъ на лучшей
бумагѣ въ переплетѣ съ большимъ количествомъ красочныхъ воспроизведеній и
репродукціями, исполненными всевозможными способами графическаго иску-
ства. Вся книга исполнена въ Художественно-Графическомъ Заведеніи «УНІОНЪ»
въ Петроградѣ.

Для любителей отпечатаны 50 именныхъ экземпляровъ изданія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ИЗДАНІЯ:

НУМЕРОВАННЫЙ ЭКЗЕМПЛЯРЪ 25 руб.
ЛЮБИТЕЛЬСКІЙ ИМЕННОЙ ЭКЗЕМПЛЯРЪ 35 »

По выходѣ въ свѣтъ стоимостъ изданія будетъ повышена.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ ВЪ КОНТОРѢ ИЗДАТЕЛЬСТВА—Б. КАЗАЧІЙ
ПЕР., 9. ТЕЛ. 684-36 И ВЪ ЛУЧШИХЪ ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ И КНИЖ-
НЫХЪ МАГАЗИНАХЪ.

Тамъ же продается дѣтская художественная книжка

„НАШЪ ЖУРНАЛЪ“

исполненная дѣтьми. Цѣна 3 руб. 25 коп.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ ПРОСПЕКТЫ ВЫСЫЛАЮТСЯ БЕЗПЛАТНО.

2-го октября поступила въ продажу и разослана подписчикамъ октябрь-
ская книга историческаго журнала

„НАША СТАРИНА“.

СОДЕРЖАНИЕ: «Царство власти» (эпоха Павла I), историч. романъ В. Тимофеева.—Графъ П. А. Толстой. Очерки Е. Семеновичъ.—Воспоминанія педагога (70-ые годы въ С. З. краѣ) Н. Куликова.—«Домъ Щепкина», воспоминанія стараго театрала.—Къ Гончаровскимъ поминкамъ, А. Кауфмана.—И. А. Гончаровъ и «остзейскіе культурегеры» (изъ неизданныхъ писемъ Гончарова).—Изъ старыхъ поэтовъ.—Почти фантастическая быль 1847 г. А. Наллмова.—Изъ исторіи азарта на Западѣ и у насъ. Н. Денисюка.—Былое, обзоръ період. печати.—Библиографія. Истор. мелочи и анекдоты. Иллюстраціи.

Цѣна отдѣльной книги 1 р. 25 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на «Нашу Старину» на 1917 г. (четвертый годъ изданія): подписная цѣна на годъ 10 р., полгода 5 р. (малоимущіе могутъ уплачивать по четвертямъ года). Проспекты высылаются безплатно. Адресъ для денежныхъ переводовъ и для всей корреспонденціи: Петроградъ, Каменноостровский пр. 26. «Наша Старина». Городская подписка въ Петроградѣ (не по почтѣ) принимается въ главной конторѣ: улица Жуковского, 24.

Редакторъ-издатель Н. Н. Сергіевскій.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1916 ГОДЪ
на литературный, научный и политическій журналъ

„РУССКІЯ ЗАПИСКИ“ ВЫШЕЛЪ № 9 (СЕНТЯБРЬ).

СОДЕРЖАНИЕ: Амазонка. Романъ Е. В. Бровцыной. (Окончаніе).—Слѣдствіе и судъ по дѣлу петрашевцевъ. (По неизданнымъ матеріаламъ). В. И. Семевского.—Апрѣльская почта. Стихотвореніе Зинаиды Тулубъ.—Косы. (Разсказъ). А. Дермана.—Отрывокъ изъ воспоминаній. (Въ Красноярскѣ въ 1909 году). А. П. Прибылевой.—Сонетъ. Стихотвореніе. Зинаиды Тулубъ.—Жена сэра Айзекса Хармана. Романъ Г. Уэллса. Переводъ А. Даманской.—Звонъ. Стихотвореніе. Зинаиды Тулубъ.—Съ того свѣта. (Дѣло Осборна). Е. Лазарева.—Общій «религіозный фондъ» и индивидуализація религіи. Н. Карѣева.—Иностранная лѣтопись. 1. Война и дороговизна въ Англіи. 2. Парижская конференція и британская свободная торговля. 3. Положеніе дѣла въ концѣ 26-го мѣсяца войны. Н. С. Русанова.—Въ углу. Лѣтнія впечатлѣнія. О. Крюкова.—На очередныя темы. Новый походъ противъ дороговизны. А. Пѣшехонова.—Случайныя замѣтки. «Вѣра отцовъ». Вл. Королеико.—Памяти В. И. Семевского. I. В. Мякотина. II. Н. С. Русанова. III. А. Кауфмана.—Библиографія. Отчетъ конторы журнала. Объявленія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ доставкой и пересылкою: на годъ—12 р., на 6 мѣс.—6 р., на 3 мѣс.—3 р., на 1 мѣс.—1 р.; безъ доставки: на годъ—11 р., на 6 мѣс.—5 р. 50 к., на 3 мѣс.—2 р. 75 к., на 1 мѣс.—1 р.; за границу 12 р., на 6 мѣс.—8 р. Отд. книжка 1 р. 50 к.

Подписчиковъ просятъ адресовать деньги и корреспонденцію исключительно по адресу редакціи «Русскихъ Записокъ»—Петроградъ, Баскова, 9. Тел. 20—83.

Редакторъ В. Н. Цѣховская (Ольнешъ).

Издатель Н. С. Русановъ.

Изданія М. и С. САБАШНИКОВЫХЪ.

ПАМЯТНИКИ МІРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Аврелій Маркъ. Наединѣ съ собой. Размышленія. Переводъ и примѣчанія С. Роговина, вступительная статья проф. С. Котляревскаго. 2 руб.

Алкѣй и Сафо. Собраніе пѣсенъ и лирическихъ отрывковъ въ переводѣ разнѣрами подлинниковъ Вячеслава Иванова, со вступительнымъ очеркомъ его же. 1 р. 25 к.

Асвагоша. Жизнь Будды. Древне-индусская поэма. Переводъ стихами К. Бальмонта, вступительная статья Сильвана Леви. 2 р. 25 к.

Былины. Подъ ред. и со вступит. статей М. Н. Сперанскаго. 4 р. 50 к.

Еврипидъ. Драмы. Т. I Алкеста.—Андромаха.—Вакханки.—Гекуба. Переводъ стихами И. Анненскаго, подъ редакц. О. Зѣлинскаго. 3 р. 50 к.

Налевала. Финскій народный эпосъ. Переводъ Л. Бѣльскаго. 3 руб.

Налидаса. Драмы. Агнимитра. Сакунтала. Мужествомъ добытая Урваси. Прелюдии. К. Бальмонта. 2 р. 75 к.

Лукіанъ. Т. I. Біографія. Религія. Переводъ подъ редакціей О. Зѣлинскаго и Б. Богаевского. 2 р. 25 к.

Лукіанъ. Т. II. Философія. Бытъ. Переводъ подъ ред. О. Зѣлинскаго и Б. Богаевского. (Печатается).

Лукрецій. О природѣ вещей. Переводъ стихами И. Рачинскаго. 2 р. 25 к.

Овидій. Баллады-посланія. Перев. стихами, со вступительными статьями и комментаріемъ О. Зѣлинскаго. 2 р. 25 к.

Персидскіе лирики. Пер. О. Корша подъ редакціей и вступит. статей. А. Крымскаго. 1 р. 25 к.

Петрарка. Автобіографія. Исповѣдь. Советы. Переводъ М. Гершензона и Вяч. Иванова. 2 р. 25 к.

Сербскій эпосъ. Переводъ стихами, со вступит. статей Н. Гальковскаго. 2 р. 75 к.

Софоклъ. Драмы. Переводъ стихами, со введеніемъ и вступительными очерками О. Зѣлинскаго. Т. I. Аянтъ-биченосецъ.—Филоктетъ.—Электра. 3 р. Т. II. Царь Эдипъ. Эдипъ въ Колодѣ.—Антигона. 3 руб. Томъ. III. Трахинянки.—Слѣдопыты.—Отрывки. 3 руб.

Вукидидъ. Исторія. Переводъ О. Мищенка въ переработкѣ, съ примѣчаніями и вступительнымъ очеркомъ С. Жебелева. За 2 тома 6 руб.

Аристотель. Политика. Пер. С. Жебелева. 3 руб.

Нальдеронъ. Т. I. Трагедія. Чистилище св. Патрика. 90 коп. Т. II. Философскія и героическія драмы. Жизнь есть сонъ. Поклоненіе Кресту. Стойкій принцъ. Любовь послѣ смерти. 2 р. 75 к. Т. III. Драма ревности. Врачъ своей чести. 1 р. Перев. К. Бальмонта.

Огаревъ, Н. Стихотворенія. Подъ редакц. М. Гершензона. 2 тома 3 р. 50 к.

Словацкій, Ю. Три драмы. Пер. К. Бальмонта. 1 р. 60 к.

Шелли. Ченчи. Трагедія. Пер. К. Бальмонта. 75 к.

СКЛАДЪ У ИЗДАТЕЛЕЙ:

Москва, Тверской бульваръ, 6.

НОВАЯ КНИГА

В. Н. ПЕРЦЕВЪ.

Учебникъ древней исторіи. Ч. II. Исторія Рима. Для
VIII класса мужскихъ и женскихъ гимназій. Ц. 2 р.

То же. Ч. I. Исторія Греціи. Ц. 1 р.

Книгоиздательство „ЗАДРУГА“,

МОСКВА, М. Никитская, 29.

Тел. 4-50-61.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1917-ый годъ

НА НОВЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

научно-популярнаго характера

ПСИХОЛОГІЯ и ДѢТИ,

посвященный вопросамъ воспитанія, основаннаго на изуче-
ніи природы ребенка.

Ближайшими задачами журнала являются:

1. Научное изученіе жизни дѣтей. 2. Примѣненіе выводовъ психологій къ практикѣ воспитанія. 3. Выясненіе общихъ основъ воспитанія и обученія. 4. Ознакомленіе съ современнымъ движеніемъ педологической мысли въ Россіи и на Западѣ. 5. Критика и библиографія въ формѣ систематическихъ обзоровъ по вопросамъ, относящимся къ прикладной психологій.

Журналъ выходитъ 8 разъ въ годъ, книжками 5—6 листовъ. Подписная плата съ до-
ставкой и пересылкой 6 руб. въ годъ, на полгода 3 р. 50 к., отдѣльная книжка 1 р.

Книгопродавцамъ обычная скидка.

Первый номеръ выйдетъ въ декабрѣ 1916 г.

Контора и редакція журнала помѣщаются—Москва, Малая Никитская, 29, Книго-
издательство «ЗАДРУГА». Редакторъ И. М. Селеньевъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1917 г.

(ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1916 г.)

— НА ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ —

ИСТОРИИ И ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ

„ГОЛОСЪ МИНУВШАГО“

(5-й годъ изданія).

Журналъ посвящается разработкѣ вопросовъ исторіи и исторіи литературы русской и всеобщей.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

I. Статьи по вопросамъ русской и всеобщей исторіи, исторіи литератур, философіи, искусства и археологій.	V. Біографіи русскихъ и иностранныхъ дѣятелей.
II. Мемуары, записки, дневники и письма современниковъ.	VI. Критика и библіографія.
III. Матеріалы по исторіи, исторіи литературы и т. д.	VII. Новости русской и иностранной науки.
IV. Историческая беллетристика.	VIII. Обзоръ журналовъ русскихъ и иностранныхъ.
	IX. Хроника.

Журналъ ИЛЛЮСТРИРУЕТСЯ картинами изъ прошлаго и портретами дѣятелей русскихъ и иностранныхъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ съ доставкой и пересылкой въ Россію: на годъ 17 руб., на $\frac{1}{2}$ года 9 руб., на 3 мѣсяца 4 руб. 50 к., за границу 20 руб.,

— Почтовая адреса 40 коп. —

Въ **ОТДѢЛЬНОЙ ПРОДАЖѢ** книга журнала 2 руб.

Комплекты за прежніе годы по 8 руб.: 1913 г. (безъ № 1), 1914 г., 1915 г. (безъ №№ 4, 5). На пересылку накладывается платежъ.

ПОДПИСЧИКИ на 1917 г. имѣютъ право приобрести на льготныхъ условіяхъ историческія изданія „ЗАДРУГИ“.

Подписка принимается:

Въ **Москвѣ:** въ конторѣ журнала (складъ книгоиздательства «Задруга», Малая Никитская, д. № 29; тел. 4-50-61).

Въ **отдѣленіи конторы:** Петроградъ, Фонтанка, 80. Книгоиздательство «ОГНИ».

Адресъ редакціи: Москва, Гранатный, 2, кв. 31.

ПРІЕМЪ ПО ДѢЛАМЪ: вторникъ, отъ 3 до 5 час.

Редакторъ-издатель **С. П. МЕЛЬГУНОВЪ.**

Цѣна № 10 въ отдѣльной продажѣ 2 руб.

	<i>Стр.</i>
5. В. ЕВГЕНЬЕВЪ. Н. А. Некрасовъ и люди 40 гг. IV. Письма В. П. Боткина.	81
6. И. Н. ИГНАТОВЪ. Театръ и зритель. IV. Наступленіе реализма.	109
7. Е. Е. ЯКУШКИНЪ. Записки декабриста 1823 г. «О повиновеніи высшей власти и какой власти должно повиноваться». Съ предисловіемъ В. И. Семевского.	133
8. ЯК. АРЕНБЕРГЪ. Изъ новѣшей исторіи Финляндіи. IV И. М. Оболенскій. Пер. подъ ред. К. Ф. Тандера.	155
9. М. О. ФРОЛЕНКО. А. С. Посниковъ и Петровская академія.	184
10. Г. И. ШРЕЙДЕРЪ. Англія, Франція и Италія (изъ итальянской печати).	188
11. Критика и библиографія. В. И. Семевскій. А. Н. Пыпинъ. Русское масонство XVIII в. С. П. Мельгуновъ. А. Н. Пыпинъ. Религіозныя движенія при Александрѣ I. В. А. Розенбергъ. Публицистъ-гражданинъ. Сборникъ памяти Г. К. Градовскаго. П. И. Зайцевъ. Сербскій эпосъ. В. И. Пичета. А. Л. Погодинъ. Краткій курсъ исторіи славянъ. Его же. «Славянскій Міръ» новая книга. Письма въ редакцію Е. Н. Семевской, С. П. Мельгунова, Н. Ашукина, Б. Е. Сыроѣчкова. Отъ конторы.	197
12. Объявленія. Отъ издательствъ «Задруга», «Міръ», «Огни», Фадѣева, «Жизнь и Знаніе», Гранатъ, Бухгейма, Некрасова, «Свободное искусство», «Наша Старина», Сабашниковыхъ и «Психологія и дѣти».	

При этомъ номерѣ всѣмъ городскимъ и иногороднимъ подписчикамъ посылается проспектъ о подпискѣ на 1917 г. на историческій журналъ „НАША СТАРИНА“. Не получившіе проспекта благоволятъ выписывать его по адресу: Петроградъ, Каменноостровскій пр., 26, „Наша Старина“.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ КНИГА

С. П. МЕЛЬГУНОВА:

**О СОВРЕМЕННЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ
НРАВАХЪ.**

Цѣна 60 коп.

Складъ: Москва. М. Никитская 29,
Книгоиздательство „ЗАДРУГА“.